

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2022. № 484. Ноябрь

• ФИЛОЛОГИЯ

• ИСТОРИЯ

• ПЕДАГОГИКА

• ФИЛОСОФИЯ

• СОЦИОЛОГИЯ

И ПОЛИТОЛОГИЯ

• ПРАВО

• PHILOLOGY

• HISTORY

• PEDAGOGICS

• PHILOSOPHY

• SOCIOLOGY

AND POLITICAL SCIENCE

• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2022. № 484. November

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глущенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берсун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р физ.-мат. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол.
наук, проф.; Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р
ист. наук, проф.; А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор
Издательства Томского государственного университета;
Л.М. Прокументов, д-р юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд.
экон. наук, доц.; Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.;
С.П. Сущенко, д-р техн. наук, проф.; П.Ф. Тарасенко,
канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татьяна, канд. геол.-
минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук, проф.;
О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; Э.И. Черняк, д-р
ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р пед. наук, проф.;
Э.Р. Шрагер, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko,** PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun,** PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov,** Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov,** Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov,**
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev,** Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural,** Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina,**
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov,** Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev,** PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova,** Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev,** Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov,** Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov,**
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko,** Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko,** PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin,** PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin,** Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya,**
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak,** Dr. of History,
Professor; **V. Shilko,** Dr. of Education, Professor; **E. Shrager,** Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Богинская О.А. Нарратив как способ организации коммуникативного взаимодействия в зале суда	5
Волошина С.В., Толстова М.А. Языковая репрезентация концепта «Зима» (на материале устной речи жителей сибирских сёл)	13
Грязнова В.М. Лексикографическая фиксация семантических процессов в русской разговорной речи (на материале многозначных существительных)	27
Куракина Н.А. Репрезентация современного англоязычного комплимента: прагматическая модель	35
Мазуров А.Е. «Захолустно-провинциальные очерки» Ranunculus (Ф.В. Волховского) в «Сибирской газете» (1882–1884 гг.)	42
Чжао Сюе, Говорухина Ю.А., Суханов В.А. Русская литература в Китае: конфликт интерпретаций, его причины и пути преодоления (на материале рецепции русской литературы китайским читателем)	52
Статья II	

ИСТОРИЯ

Пушкарев А.А. Российские монеты в погребениях индигенного населения Западной Сибири как исторический источник	60
Шевелев Д.Н. Мобилизация карпаторуссов в Сибири летом-осенью 1919 г.: идеологический контекст, военная необходимость и политические комбинации	69
Галкина Т.В. О производстве пищевых концентратов на томской кондитерской фабрике «Красная звезда» в годы Великой Отечественной войны	81
Голосеева А.А. «Мы друг другу варвары»: Первый съезд заграничных организаций партии социалистов-революционеров в Праге (1923 г.) и попытка организационного сплочения	88
Коробицына Л.В. Механизмы сохранения памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве (Россия и Беларусь) в современной англоязычной историографии	101
Павленок Г.Д., Когай С.А., Хужаназаров М., Мухтаров Г., Павленок К.К. Между Оби-Рахматом и Кульбулаком: перспективы изучения среднего палеолита Чирчик-Ахангаранского оазиса	107
Покидько П.С. Развитие производства товаров широкого потребления в позднесоветском обществе (1950–1980-е гг.)	115
Скиперских А.В. Масса и власть в тоталитарной культуре: советский Молотов в восприятии рабочего	124
Филонов И.Д., Зиновьев В.П. «Сибирский вестник» и сибирское областничество: эволюция отношений в 1885–1905 гг.	131

ПЕДАГОГИКА

Краснорядцева О.М., Щеглова Э.А. Модальности манипулятивного поведения в образовательной среде как предмет психолого-педагогической рефлексии	136
--	-----

CONTENTS

PHILOLOGY

Boginskaya O.A. Narrative as a communicative mode in the courtroom	5
Voloshina S.V., Tolstova M.A. On linguistic representation of the concept “winter” (based on the spoken language of inhabitants of Siberian villages)	13
Gryaznova V.M. Lexicographic fixation of semantic processes in Russian colloquial speech (based on the material of polysemous nouns)	27
Kurakina N.A. Manifestation of modern English compliment utterance: A pragmalinguistic model	35
Mazurov A.E. “Provincial essays” by Ranunculus (Feliks Volkovsky) in <i>Sibirskaya gazeta</i> (1882–1884)	42
Zhao Xue, Govorukhina Yu.A., Sukhanov V.A. Russian literature in China: A conflict of interpretations, its causes and ways of overcoming (based on the material of the reception of Russian literature by a Chinese reader). Article II	52

HISTORY

Pushkarev A.A. Russian coins in the burials of the indigenous people of Western Siberia as a historical source	60
Shevelev D.N. Mobilization of the Carpatho-Russians in Siberia, summer and fall of 1919: Ideological context, military demand, and political combinations	69
Galkina T.V. On the production of food concentrates at Krasnaya Zvezda, a confectionery factory in Tomsk, during the Great Patriotic War	81
Goloseyeva A.A. “We are barbarians to each other”: The First Congress of the Foreign Organizations of the Socialist-Revolutionary Party in Prague (1923) and an attempt of organizational cohesion	88
Korobitsyna L.V. The mechanisms of preserving the memory of the Great Patriotic War in the post-Soviet states (the Russian Federation and the Republic of Belarus) in the contemporary English-language historiography	101
Pavlenok G.D., Kogai S.A., Khuzhanazarov M., Muhtarov G., Pavlenok K.K. Between Obi-Rakhmat and Kulbulak: Prospects of researching the Middle Paleolithic in the Chirchik-Akhangaran oasis	107
Pokidko P.S. Development of consumer goods production in late Soviet society in the 1950s–1980s	115
Skiperskikh A.V. Mass and power in totalitarian culture: The Soviet Molotov in the perception of a worker	124
Filonov I.D., Zinoviev V.P. <i>Sibirskiy vestnik</i> and Siberian regionalism: The evolution of relations in 1885–1905	131

PEDAGOGICS

Krasnoryadtseva O.M., Shcheglova E.A. Modalities of manipulative behavior in the educational environment as a focus of psychological and pedagogical reflection	136
--	-----

Авалуева Н.Б., Алексеева А.С., Майоров А.Н., Алиева Э. Профессиональная компетентность руководителей образовательных организаций системы общего и среднего профессионального образования	145
Куклина С.С., Владимиров Е.Н. Аудиотекст как содержательная основа обучения школьников иноязычному аудированию	157
Gorbaneva V.V., Kolyadko S.V., Martynenko L.G., Trubitsina O.I. Digital storytelling implementation for enhancing English students' communication skills	168

ФИЛОСОФИЯ

Черникова Д.В., Черникова И.В. Новая идентичность университета: оптика этики ответственности	176
---	-----

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Апенько С.Н., Латышев А.С., Ефимова Г.З. Оценка согласованности стратегических целей трансформации университетов в проектных командах вузов	184
Барышева Г.А., Недоспасова О.П., Павлова И.А., Рождественская Е.М., Барышев А.А. Капитал здоровья старшего поколения: социологические данные для оценки процессов накопления и сохранения (на примере Томской области)	194
Беспалов А.М., Макарова О.Н., Власов М.С. Этническая идентичность кумандинских подростков: её проявления и связь с семейной идентичностью	207
Старшинова А.В., Чикова Е.В. Возможности НКО в помощи детям с расстройствами аутистического спектра	218

ПРАВО

Груздев В.В. Перевод долга в российском гражданском праве	228
Кравец И.А., Крылатова И.Ю., Болков М.А. Актуальные проблемы реализации современных принципов биоэтики и доказательной медицины: правовые, этические и медицинские аспекты	235

Avalueva N.B., Alekseeva A.S., Mayorov A.N., Alieva E.F. Professional competence of heads of educational organizations of general and secondary vocational education	145
Kuklina S.S., Vladimirova E.N. Audio text as a content basis for teaching foreign language listening comprehension to school students	157
Gorbaneva V.V., Kolyadko S.V., Martynenko L.G., Trubitsina O.I. Digital storytelling implementation for enhancing English students' communication skills	168

PHILOSOPHY

Chernikova D.V., Chernikova I.V. The university's new identity: The optics of the responsibility ethic	176
---	-----

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Apenko S.N., Latyshev A.S., Efimova G.Z. Assessment of the consistency of strategic goals of university transformation in university project teams	184
Barysheva G.A., Nedospasova O.P., Pavlova I.A., Rozhdestvenskaya E.M., Baryshev A.A. The health capital of the older generation: Sociological data for assessing the processes of accumulation and preservation (on the example of Tomsk Oblast)	194
Bespalov A.M., Makarova O.N., Vlasov M.S. Ethnic identity of Kumandin teenagers: Its manifestations and connection with family identity	207
Starshinova A.V., Chikova E.V. NGOs's opportunities in helping children with autism spectrum disorders	218

LAW

Gruzdev V.V. Debt transfer in Russian civil law	228
Kravets I.A., Krylatova I.Yu., Bolkov M.A. Topical problems of implementing the modern principles of bioethics and evidence-based medicine: Legal, ethical and medical aspects	235

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 81'1
doi: 10.17223/15617793/484/1

Нарратив как способ организации коммуникативного взаимодействия в зале суда

Ольга Александровна Богинская¹

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия
olgaa_boginskaya@mail.ru

Аннотация. Анализируется судебный нарратив с точки зрения его структуры и разновидностей. Приводятся дефиниции нарратива в целом и судебного нарратива в частности. Рассматривается взаимодействие нарратива с жанрами судебного дискурса, соотношение нарратива и аргументации в судебной речи. Доказывается, что судебный нарратив направлен не только на описание последовательности элементов события преступления, но и на оказание речевого воздействия. Предлагается классифицировать судебный нарратив в соответствии с пятью критериями: 1) полнота нарративной структуры; 2) способ описания события преступления и его участников; 3) характер детерминированности нарративных элементов; 4) способ взаимодействия с реальностью; 5) стадия судебного процесса.

Ключевые слова: судебный дискурс, нарратив, уровень судебного нарратива, полный нарратива, усеченный нарратив

Для цитирования: Богинская О.А. Нарратив как способ организации коммуникативного взаимодействия в зале суда // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 5–12. doi: 10.17223/15617793/484/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/1

Narrative as a communicative mode in the courtroom

Olga A. Boginskaya¹

¹ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, olgaa_boginskaya@mail.ru

Abstract. The article examines narrative structures in courtroom discursive practices. The definitions of the narrative in general and the courtroom narrative in particular are provided. The courtroom narrative is defined as one of the ways of organizing courtroom discursive interactions intended to construe a criminal event. The materials for the study were texts of defense and prosecution statements, courtroom interrogations, sentences containing narrative structures. The total volume of the material examined is 490 printed pages. The article analyzes features of the narrative constructed in the courtroom, examines its interaction with the courtroom genres and stages of the judicial procedure, the relationship between narration and argumentation. The analysis showed that all courtroom genres (opening statements of the prosecutor and the defense attorney, closing arguments, testimony of witnesses, verdicts) contain narrative elements, and the trial is a competition of prosecution and defense narratives that allow for creating factual chains, connecting disparate elements of the narrative into a sequence that meets the narrator's goals. The narrative structure of courtroom discourse is studied following the classification of narrative elements proposed by William Labov, who distinguished between the elements such as *thesis*, *orientation*, *complication*, *assessment*, *result*, and *code*. The article argues that the courtroom narrative is aimed at both describing the sequence of elements of a crime event and persuading the addressee. The courtroom narrative is classified according to five criteria: (1) the completeness of the narrative structure – complete narrative and truncated narrative; (2) the way of describing the crime event – neutral narrative and evaluative narrative; (3) the type of determinant – internal narrative and external narrative; (4) the way of interacting with reality – purely constructive narrative and normative constructive narrative; (5) the correlation with the trial stage – opening narrative, interrogation, closing narrative, and adjudication narrative. The article concludes that the study of courtroom narrative is promising, since a considerable number of issues remain unresolved: the use of interpretive schemes; juxtaposition of the courtroom narrative and the narrative constructed in other social fields; peculiarities of narrative structures in different legal cultures; recontextualization as an alternative to the courtroom narrative, etc. The results obtained in the study can serve as a basis for further studies of narrative structures in the judicial setting.

Keywords: courtroom discourse, narrative, level of courtroom narrative, full narrative, truncated narrative

For citation: Boginskaya, O.A. (2022) Narrative as a communicative mode in the courtroom. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 5–12. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/1

Нарратив исследуется как в контексте юридического дискурса [1–6], так и в более широком плане – в рамках практически всех областей социо-гуманитарного знания (философии, психологии, социологии, лингвистики), представители которых работали разнообразными дефинициями данного понятия:

- особый модус мышления [7];
- способ интерпретации события [8];
- повествовательную дискурсию [9];
- способ организации дискурса [10];
- передачу временной последовательности событий [11];
- способ реконструирования и репрезентации прошлого опыта [12];
- дискурсивное воссоздание события в сознании адресата [5];
- тип текста [13].
- «логически связанное и упорядоченное повествование, являющееся следствием коммуникативного события, созданное для последующего диалога с аудиторией» [14. С. 122].

Приведенные дефиниции демонстрируют, насколько широким является понятие нарратива в социально-гуманитарных исследованиях и насколько расходятся векторы его интерпретации различными исследователями.

В данной работе под судебным нарративом будет пониматься один из способов организации коммуникативного взаимодействия в зале суда. Пропозициональным содержанием судебного нарратива является «история с включенными в нее участниками, местом

действия и элементами события преступления в их хронологической последовательности» [15. С. 267]. Под юридическим событием будем понимать изменение состояния реальности, вызванное действием или бездействием некоторого субъекта и влекущее правовые последствия, т.е. пропозициональным содержанием судебного нарратива является история о преступных действиях, совершенных подсудимым и являющихся предметом рассмотрения в зале суда.

Материалом для исследования послужили тексты судебных речей, стенограммы допросов, тексты приговоров, содержащие нормативные структуры. Общий объем исследованного материала – 490 страниц.

Все жанры судебного дискурса (вступительные речи обвинителя и защитника, речи в прениях, показания свидетелей, приговор) содержат нарративные элементы, а судебное разбирательство представляет собой состязание обвинительного и защитительного нарративов, которые позволяют выстраивать фактологические цепочки, соединяя разрозненные элементы нарратива в последовательности, которые отвечают целям говорящего. Таким образом, конкурирующие истории, положенные в основу судебного нарратива, составляют суть судебных дискурсивных практик.

Следует отметить, что в дискурсивном пространстве зала суда нарративными являются как судебные жанры, так и само судебное разбирательство, стадии которого коррелируют с нарративными элементами (рис. 1).

Рис. 1. Взаимосвязь судебных жанров и структурных элементов нарратива

Рассмотрим данные элементы более подробно. Вступительные речи обвинителя и защитника есть краткое изложение истории, «закручивающейся» вокруг определенного события (преступления). Данный жанр имеет цель ориентировать адресата относительно места, времени и участников события, что соответствует таким нарративным элементам, как *тезис* и *ориентация* в классификации У. Лабова [11]. Во время допроса, который следует за вступительными речами, событие преступления воссоздается путём собирания разрозненных элементов и установления связей между ними, что соответствует нарративному элементу *осложнение*. В прениях стороны оценивают значимость действий участников судебного процесса, выражают свое отношение к преступлению и роли в нем подсудимого и потерпевшего, что соответствует нарративному элементу *оценка*. *Разрешение* ситуации

происходит на этапе совещания присяжных заседателей, а *коде* соответствует стадия оглашения приговора.

Если рассмотреть мезоуровень, становится очевидной противостояние нарративов обвинителя и защитника, которые формируют их главную линию и на микроуровне сопровождаются нарративами подсудимого, потерпевшего и свидетелей преступления. Обвинительный и защитительный нарративы реализуют разные цели в дискурсивном пространстве судебного разбирательства: если первый имеет цель представить хронологию событий, кульминацией которых является преступление, инкриминируемое подсудимому, то второй, включая иную хронологию событий, направлен на опровержение факта совершения преступления подсудимым. Микронарративы подсудимого, потерпевшего и свидетелей заполняют лакуны в нарративах обвинителя и защитника. Присяжные заседатели и

судья создают свои нарративы, целью которых является разрешение конфликта обвинительного и защи-

тительного нарративов. В совокупности данные нарративы составляют судебный макронарратив (рис. 2).

Рис. 2. Уровни организации судебного нарратива

Детализация, присущая судебному нарративу, выполняет функцию убеждения адресата в том, что событие произошло таким образом, каким его репрезентирует нарратор.

Отсюда можно предположить, что судебный нарратив направлен как на изложение последовательности элементов события преступления, так и на реализацию воздействующего потенциала. Данная точка зрения согласуется с позицией других исследователей, которые также выделяют функцию речевого воздействия у судебного нарратива. Например, Т.В. Артемова полагает, что нарратив обеспечивает рефлексию нарратора на событие и направлен на осуществление воздействия [16. С. 55]. И.В. Палашевская утверждает, что «нарративная деятельность сторон в судебном дискурсе сопровождается оценкой фактического материала и его аргументацией. <...> Нарратив и аргументация, являясь разнонаправленными взаимообусловленными актами, составляют специфику судебного нарратива как рассказывания-доказывания, придают ему признак состязательно организованного убеждения» [6. С. 157]. С. Олмог считает, что нарратив формирует сознание, способы восприятия и оценки реальности [3. С. 488] и содержит манипулятивный элемент, в котором отражена его персуазивная функция. В качестве примера реализации нарративом воздействующей функции приведем отрывок из речи обвинителя (орфография и пунктуация сохранены. – О.Б.).

(1) В ночь с 12 октября 2011 года Петров незаконно проник в жилое помещение гражданина Сидорова, после этого он совершил кражу имущества, а именно – две золотые наградные медали за заслуги перед отечеством и 5 000 рублей. Общая сумма имущества составила – 30 000 руб. После этого подозре-

ваемый скрылся. Следствием было установлено, что подсудимый Петров находился в дружеских отношениях с гражданином Сидоровым. Более того – он знал, где находится имущество. Что непосредственно указывает на вину подсудимого. Также подсудимый Петров временно не работающий гражданин, поэтому у него были все мотивы для совершения данного преступления (1).

Обвинитель описывает разворачивание события во временных и пространственных границах с помощью таких элементов, как участники (Петров, Сидоров), действия (проник, совершил кражу, скрылся), способ (незаконно), мотив (отсутствие работы). Событие преступления представлено как «динамичная система, состоящая из элементов, закономерным образом взаимосвязанных и взаимодействующих между собой и с объектами окружающей среды» [17. С. 82]. Текст речи прокурора имеет цель оказать речевое воздействие на судью и убедить его в виновности подсудимого. Тезис (подсудимый совершил кражу) защищается с помощью двух аргументов (А1 – наличие сведений о нахождении украденного имущества; А2 – отсутствие работы), в совокупности использующихся с целью обоснования тезиса. Оба аргумента включаются в тезис, уплотняя его содержание, а речь прокурора строится по классической аргументативной схеме тезис – аргумент.

Пример подтверждает наш вывод о том, что конструирование события преступления с помощью нарративных структур имеет воздействующий потенциал, направленный на придание нарративу свойства правдоподобности. Воздействие осуществляется как с помощью аргументов, так и с использованием манипулятивных стратегий.

Таблица 2

Усечённый судебный нарратив

(3) Защитник: Известно ли Вам, нарушал ли подсудимый законы страны, получив статус беженца?	Ориентация
Свидетель: Не знаю	
Защитник: Сколько у них было офисов?	
Свидетель: – 4.	
Защитник: Сколько в офисах работает человек?	Осложнение
Свидетель: 15–20.	
Защитник: Никто из них не проверил информацию по подсудимому?	
Свидетель: Ваша честь, что мог, я ответил (3)	Кода

В настоящей работе нарративная организация судебного дискурса рассматривается с опорой на классификацию элементов нарратива, предложенную В. Лабовом. Исследователь выделил следующие элементы нарратива:

- тезис (о чем?),
- ориентация (кто, когда, что и где совершил?),
- осложнение (что произошло после?),
- оценка (что из этого следует?)
- результат (что случилось в итоге?),
- кода (какая связь с настоящим?) [11].

Данные элементы организуют как отдельные судебные жанры, так и стадии судебного разбирательства, о чем было сказано выше, позволяя типологизировать нарративные структуры в судебном дискурсе.

Специфика судебного нарратива и его структуры определяет существование нескольких его разновидностей. Предлагаем использовать следующие критерии классификации:

- 1) полнота нарративной структуры;
- 2) способ описания события преступления и его участников;
- 3) характер детерминированности нарративных элементов;
- 4) способ взаимодействия с реальностью;
- 5) стадия судебного процесса.

Полнота нарративной структуры. Как показал анализ, в судебном дискурсе наиболее полно нарративные элементы представлены в обвинительной и защитительной речах и приговоре суда. Нарратив, в котором все выделенные выше элементы присутствуют в эксплицитном или имплицитном виде, будем называть *полным*. Приведём пример (табл. 1).

Таблица 1

Полный судебный нарратив

(2) Подсудимая вернулась домой днем, в 3 часа, и застала дома мужа	Ориентация
Она была удивлена этому факту	Оценка
Он был в постели с любовницей. Она больше не могла выносить его измен	Осложнение
Было установлено, что подсудимая взяла в руки пистолет, вернулась в спальню и произвела 5 выстрелов (2)	Результат

Тезис о виновности имплицирован, так как был сформулирован во вступительной речи обвинителя. Оценка следует за ориентацией относительно места, времени и участников события преступления. Осложнение представляет собой описание главного события, которое послужило причиной совершения преступления подсудимой. Результат описывает преступные действия подсудимой, которые являются основанием для вынесения обвинительного приговора. Кода имплицирована в последнем предложении, которое сигнализирует об окончании повествования.

Нарратив на стадии судебного допроса был определен как *усечённый*, поскольку он контролируется вопросами допрашивающего лица. Приведем пример (табл. 2).

Показания свидетеля структурированы в форме нарратива, каркасом которого служат вопросы защитника. Во время допроса частотными являются такие вопросы, как *Что произошло затем? Что Вы видели? Что Вы видели? Что с ним произошло?* Согласно У.М. О'Барру, существуют два стиля свидетельских показаний. «Нарративный стиль предполагает развернутый ответ на вопрос допрашивающего, а фрагментарный – краткие ответы, требующие от допрашивающего постановки дополнительных вопросов» [18. Р. 76]. К. Хеффер, в свою очередь, выделяет пять типов ответов свидетелей во время судебного допроса: 1) краткое утверждение; 2) развернутое утверждение; 3) краткое уточнение; 4) развернутое уточнение; 5) нарратив [19. Р. 116]. Исследователь полагает, что данная классификация позволяет соотнести разновидности ответов, категории свидетелей и стадии судебного допроса. Как показал анализ, проведенный К. Хеффером, нарративные ответы чаще дают потерпевшие и редко свидетели-эксперты. Во время прямого допроса свидетели дают уточняющие и нарративные ответы, а при перекрестном – подтверждают информацию, содержащуюся в пропозиции допрашиваемого лица [19. Р. 117]. Очевидно, что во время прямого допроса вопросы допрашивающего имеют цель получить нарративные ответы, а перекрестный допрос направлен на минимизацию нарративной деятельности свидетелей с использованием наводящих вопросов и развитие собственной версии события преступления допрашивающим.

Согласно уголовно-процессуальному закону, при даче показаний свидетель обязан воздерживаться от оценочных высказываний, что также усекает структуру нарратива допроса. Как показал анализ фактического материала, нарративная структура зависит и от речевого поведения допрашивающего, который может ограничивать производство высказываний, которые противоречат его версии события преступления. Приведён пример.

(4) **Защитник:** Когда вы встретились с подсудимым?

Свидетель: Это была не встреча. Если внимательно почитать мои показания в ходе следствия...

Защитник: Дату назовите (3).

Защитник мешает развитию нарратива свидетеля, прерывая рассказ свидетеля о встрече с подсудимым.

Итак, нарративные элементы представлены в жанрах судебного дискурса неравномерно. Оценка, недопустимая в нарративе свидетеля, всегда присутствует в судебных речах обвинителя и защитника. Тезис,

являющийся ключевым элементом вступительных заявлений обвинителя и защитника, как правило, отсутствует в жанре допроса. В судебных жанрах может отсутствовать и кода, а наррация нередко завершается резолюцией.

Способ описания события преступления и его участников. На основании данного критерия выделим нейтральный и оценочный нарративы. Нейтральный нарратив представляет собой описание фактов, установленных в ходе следствия:

(5) 20 мая 2007 г. в 19.30 мин. Дерябкин А.В. совместно с несовершеннолетним Горкиным Александром Александровичем, 2 сентября 1990 года рождения, находились в салоне машины марки «ГАЗ-31029» номерной знак С 859 ОО 64 РУС вместе с Пулковым А.В. и Горкиным В.А. в нетрезвом состоянии во дворе дома 10/20 по улице Астраханской города Саратова (4).

Перед нами вступительное заявление обвинителя. Описание события, предлагаемое говорящим, сжатое, лишено оценок, излагаются только фактические обстоятельства, установленные в ходе предварительного следствия. Воссоздавая событие преступления, обвинитель помещает в фокус высказываний мотивы, которыми руководствовался подсудимый и их последствия. Коммуникативная цель данного жанра – нейтральное представление элементов события преступления. Юридические конвенции заставляют нарратора оперировать только фактами, установленными в ходе предварительного следствия, и нормами закона. Как было отмечено выше, нейтральным является и нарратив свидетелей, которые должны воздержаться от любых оценок излагаемых фактов. Приведем пример:

(6) **Свидетель:** Один раз я была в офисе «Мемориала» в Москве, там был курс о ратификации конвенции о неприменении пыток. И так, в Чечне иногда мы встречались на мероприятиях, у них в офисе «Мемориала» (3).

При допросе свидетелей должны быть исключены оценочные вопросы со стороны допрашивающих, которые требуют ответов, основанных на догадках и предположениях: *Как Вы полагаете...? По Вашему мнению...?*

(7) **Судья:** Государственный обвинитель, составьте вопросы так, чтобы свидетель не делал своих выводов, а просто показывал, что он может рассказать как свидетель по данному делу (3).

В данном примере судья делает замечание обвинителю, который задал вопрос в форме, требующей оценочного ответа, что является недопустимым согласно юридическим конвенциям.

Оценочный нарратив, в отличие от нейтрального, включает точку зрения говорящего, оценку действий участников судебного разбирательства:

(8) **Понятно по-человечески**, что у моего подзащитного возникло желание защитить свою честь и достоинства, ранее грубо поправленные В.Н. и его друзьями, избившими его в присутствии жены и друзей, **понятно и то, что разумнее было** оставить любые действия на более позднее время — однако поведение

моего подзащитного было обусловлено фактически сильнейшим эмоциональным возбуждением, что также объяснимо (5).

Оценка в судебной речи может быть вербализована с помощью коннотированных лексических единиц.

(9) После изучения дела я не могла понять, как подсудимая, пожелавшая, чтобы дело рассматривалось судом присяжных, будет смотреть вам в глаза? Неужели она рассчитывала на то, что, если вы — непрофессиональные юристы, вас можно легко обмануть, ввести в заблуждение, что вы не поймете, не разберетесь? Я думаю, что на этом и строилась её расчёт — обмануть вас и попытаться избежать расплаты за совершённое (6).

Характер детерминированности нарративных элементов. По характеру детерминированности нарративных элементов выделим внутренний и внешний судебный нарратив. Внутренний нарратив детерминирован личным опытом нарратора, его принадлежностью к определенной социокультурному сообществу (например, нарратив свидетеля (10)), в то время как внешний нарратив находит отражение в дискурсивном поведении участников, будучи детерминированным правовыми презумпциями (например, нарратив приговора), другими словами, профессиональным опытом.

(10) В районе четырех часов утра 7 сентября я двигался на своем автомобиле в сторону фабрики. Когда ехал, обогнал машину «Камри» слева, перестроился вправо, он тоже перестроился вправо. Надо было завершить. Я нажал на газ. Как бы обогнал его. Где-то напротив фабрики стояла припаркованная машина неправильно. Мне показалось, что она то ли выезжает, то ли что. Ну и я выехал на встречную полосу (7).

(11) Реализуя задуманное, ДД.ММ.ГГГГ примерно в 10 часов 00 минут, Глухов А.Н., находясь в квартире по вышеуказанному адресу, действуя с прямым умыслом, осознавая общественную опасность своих действий, воспользовавшись тем, что за его действиями никто не наблюдает, в заальной комнате со стола тайно похитил ноутбук «DELL inspiron 15» в комплекте с зарядным устройством, стоимостью 12 000 рублей, компьютерную мышь «Oklick», стоимостью 100 рублей, принадлежащие Потерпевший № 1, а всего имущества на общую сумму 12 100 рублей (8).

Способ взаимодействия с реальностью. Данный критерий позволяет выделить конструирующий и нормативный нарративы. Если конструирующий нарратив предполагает конструирование реальности в дискурсе, в результате чего она может иметь несколько версий (нарратив свидетельских показаний, нарратив обвинительной и защитительной речей), то нормативный нарратив *объявляет* о реальности некоторого события (нарратив приговора). Другими словами, если обвинитель или защитник конструируют реальность как правдоподобную, то судьи ее описывают как истинную, отражают, в терминах социального конструкционизма, «чтобы никто не смог отрицать или игнорировать ту точку зрения, то видение, которые они выражают» [20]. Приведем примеры:

(12) *Казамбий Алиев около 20 часов 1 октября 1955 г. из хулиганских побуждений возле дома № 6 по ул. Горького нанес два ножевых ранения гр-ну Сударикову, причинив последнему тяжкие телесные повреждения, т. е. в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 142 УК РСФСР (9).*

Данный фрагмент вступительного заявления прокурора представляет собой конструирующий нарратив обвинителя, поскольку является одной из версий события, происшедшего в указанном месте и времени. Ему противостоит версия защитника, в которой событие репрезентируется в ином ключе.

Ниже приведен фрагмент нарратива описательной части приговора, который, следуя правовым презумпциям, репрезентирует реальность как истинную:

(13) *Воробьев А. В. 31.10.2014 в период времени с 07 часов до 08 часов, находясь в состоянии алкогольного опьянения, возле дома в п. Целина Целинского района Ростовской области, предполагая, что К.А. сотрудничает с правоохранительными органами, испытывая в связи с этим личную неприязнь к нему, для того, чтобы лишить его жизни, зашел в квартиру указанного дома. Для лишения К.А. жизни Воробьев А. В. в ходе беседы с ним, используя незначительный повод, напал на К.А., нанеся ему множественные удары руками и ногами по голове и туловищу (10).*

Стадия судебного процесса. В зависимости от стадии судебного процесса можно выделить нарратив вступительного заявления и нарратив допроса на стадии судебного следствия; нарратив судебной речи на стадии судебных прений; нарратив приговора на стадии вынесения

решения по делу. Примеры данных разновидностей судебного нарратива были приведены выше.

Выводы. Нарратив является одним из ключевых способов организации судебного дискурсивного пространства. Судебный нарратив был определен как способ организации судебного дискурса, содержанием которого является история с включенными в нее элементами события преступления в их хронологической последовательности.

Нарративные структуры были выделены не только на уровне судебных жанров, но и на уровне стадий судебного процесса.

Специфика повествования в судебном дискурсе заключается в том, что оно не только направлено на описание последовательности элементов события преступления, но и всегда сопряжено с оказанием речевого воздействия на адресата.

Анализ эмпирического материала показал, что в некоторых судебных жанрах присутствуют не все элементы нарративной структуры, что приводит к ее усечению.

Были выделены несколько разновидностей судебного нарратива с использованием пяти критериев: 1) по полноте нарративной структуры – полный и усеченный; 2) по способу описания события – нейтральный и оценочный; 3) по способу взаимодействия с реальностью – конструирующий и нормативный; 4) по характеру детерминированности нарративных элементов – внутренний и внешний; 5) по стадии судебного процесса – нарратив судебного следствия, нарратив судебных прений и нарратив приговора (рис. 3).

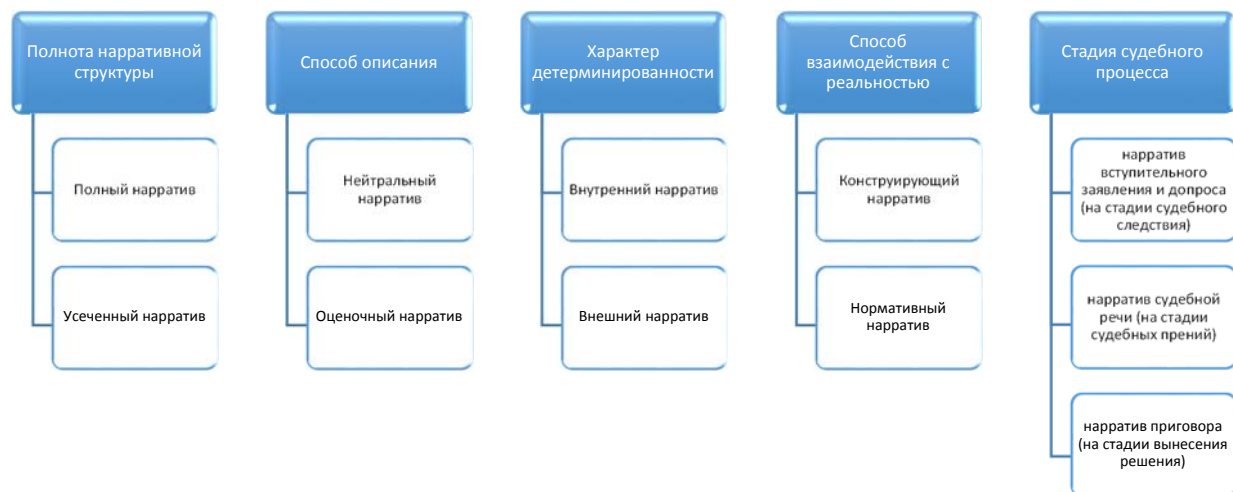

Рис. 3. Классификация судебных нарративов

Думается, что изучение судебного нарратива является перспективным полем для исследования, так как нерешенным остается немало вопросов: использование интерпретативных схем; сопоставление

судебных нарративов и нарративов, порождаемых в других социальных полях; особенности организации нарративов в разных правовых культурах; реконтекстуализация как альтернатива судебному нарративу и т. д.

Источники примеров

- (1) Обвинительная речь. URL: <https://student.zoomru.ru/ugolpravo/obvinitelnaya-i-zashhitelnaya-rech/62345.501648.s1.html>.
- (2) Обвинительная речь. URL: https://www.youtube.com/watch?v=BuNbWcDanRM&list=PL_M0Du0KsCKbf4dDgJJ0Y.
- (3) Стенограмма судебного заседания. URL: <http://old.memo.ru/uploads/files/651.pdf>.
- (4) Обвинительная речь. URL: <https://poisk-ru.ru/s26004t10.html>.
- (5) Защитительная речь. URL: <https://pravo163.ru/obrazec-zashhitelnoj-rechi-advokata-po-st-139-uk-rf/>.

- (6) Обвинительная речь. URL: https://law.vl.ru/analit/show_m.php?id=866&pub_name=%D0%E5%F7%FC+%E3%E%F1%F3%E4%E0%F0%F1%F2%E2%E5%ED%ED%EE%E3%EE+%EE%E1%E2%E8%ED%E8%F2%E5.
- (7) Допрос свидетеля. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ydtHAB9g6uw>
- (8) Приговор суда. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4BBznQ9pXOx4/>
- (9) Защитительная речь. URL: <https://studfile.net/preview/6320156/page:21/>.
- (10) Приговор суда. URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/543305992>

Список источников

- Delgado R. Storytelling for Oppositionists and Others: A Plea for Narrative // *Michigan Law Review*. 1989. Vol. 87. P. 11–41.
- Berns S. To speak as a Judge: Difference, Voice and Power. Routledge, 1999. 241 p.
- Almog S. As I read I weep: In praise of judicial narrative // *Oklahoma City University Law Review*. 2001. Vol. 26 (2). P. 471–501.
- Cotterill J. Language and power in court: A linguistic analysis of the O.J. Simpson trial. New York: Palgrave MacMillan, 2003. 245 p.
- Артемова Т.В. Нарратив как компонент риторической стратегии обвинительных речей А.Ф. Кони : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Кемерово, 2008. 232 с.
- Палашевская И.В. Нарративная организация судебного дискурса // *Человек. Общество. Культура*. 2012. № 3. С. 155–158.
- Bruner J. The narrative construction of reality // *Inquiry*. 1991. Vol. 18. P. 1–21.
- Катышев П.А., Князькова Т.В. Эволюция нарративной структуры в речах А.Ф. Кони // *Юрислингвистика*. 2006. № 7. С. 109–123.
- Тюпа В.И. Теория как дискурсивная практика // *Гуманитарная наука сегодня : материалы конференции / под ред. Ю.С. Степанова. М. : Калуга, 2006. С. 29–43.*
- Алифанова О.Г. Когнитивный и дискурсивный потенциал нарратива: на примере нарратива Священного Писания : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Иркутск, 2010. 167 с.
- Labov W. Narrative analysis: Oral versions of personal experience // *Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society*. Seattle : University of Washington Press, 1996. P. 12–44.
- Schiffrin D. In other words: variation in reference and narrative. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 373 p.
- Шилихина К.М. Иронический нарратив: особенности структуры текста // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия лингвистика*. 2013. № 1. С. 59–63.
- Иовва Н.И. Авторские ресурсы публицистического высказывания // *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*. 2017. № 3. С. 121–125.
- Богинская О.А. Теория дискурсивного взаимодействия в условиях асимметрии знания и власти : дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2020. 383 с.
- Артемова Т.В. Нарратив как механизм реализации замысла оратора (на примере судебных речей А.Ф. Кони) // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 6. С. 767.
- Пристансков В.Д. Событие преступления как объект криминалистического познания // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Право*. 2018. № 9 (1). С. 78–90.
- O'Barr W.M., Linguistic evidence: Language, power, and strategy in the courtroom. New York : Academic Press, 1982. 192 p.
- Heffer C. The language of jury trial. Houndmills, UK: Palgrave, 2005. 272 p.
- Бурдье П. Власть права: основы социологии юридического поля. URL: <http://gtmarket.ru/labor-atory/expertize/3040> (дата обращения: 10.05.2020).

References

- Delgado, R. (1989) Storytelling for Oppositionists and Others: A Plea for Narrative. *Michigan Law Review*. 87. pp. 11–41.
- Berns, S. (1999) *To Speak as a Judge: Difference, Voice and Power*. Brookfield, VT: Ashgate Publishing.
- Almog, S. (2001) As I read I weep: In praise of judicial narrative. *Oklahoma City University Law Review*. 26 (2). pp. 471–501.
- Cotterill, J. (2003) *Language and Power in Court: A linguistic analysis of the O.J. Simpson trial*. New York: Palgrave MacMillan.
- Artemova, T.V. (2008) *Narrativ kak komponent ritoricheskoy strategii obvinitel'nykh rechey A.F. Koni* [Narrative as a component of the rhetorical strategy of A.F. Koni]. Philology Cand. Diss. Kemerovo.
- Palashevskaya, I.V. (2012) *Narrativnaya organizatsiya sudebnogo diskursa* [Narrative organization of judicial discourse]. *Chelovek. Obshchestvo. Kul'tura*. 3. pp. 155–158.
- Bruner, J. (1991) The narrative construction of reality. *Inquiry*. 18. pp. 1–21.
- Katyshev, P.A. & Knyaz'kova, T.V. (2006) Evolyutsiya narrativnoy struktury v rechakh A.F. Koni [The evolution of the narrative structure in the speeches of A.F. Koni]. *Yurislingvistika*. 7. pp. 109–123.
- Tyupa, V.I. (2006) [Theory as a discursive practice]. *Gumanitarnaya nauka segodnya* [Humanitarian Science Today]. Proceedings of the Conference. Moscow. 30–31 October 2006. Moscow: Kaluga. pp. 29–43. (In Russian).
- Alifanova, O.G. (2010) *Kognitivnyy i diskursivnyy potentsial narrativna: na primere narrativna Syvashchennogo Pisaniya* [Cognitive and discursive potential of the narrative: on the example of the narrative of the Holy Scriptures]. Philology Cand. Diss. Irkutsk.
- Labov, W. (1996) Narrative analysis: Oral versions of personal experience. In: Helm, J. (ed.) *Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society*. Seattle: University of Washington Press. pp. 12–44.
- Schiffrin, D. (2006) *In Other Words: Variation in reference and narrative*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Shilikhina K.M. Ironicheskiy narrativ: osobennosti struktury teksta [Ironical narrative: features of the structure of the text]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya lingvistika*. 1. pp. 59–63.
- Iovva, N.I. (2017) *Avtorskie resursy publitsicheskogo vyskazyvaniya* [Author's resources of journalistic statements]. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 3. pp. 121–125.
- Boginskaya, O.A. (2020) *Teoriya diskursivnogo vzaimodeystviya v usloviyakh asimmetrii znaniya i vlasti* [Theory of discursive interaction in conditions of asymmetry of knowledge and power]. Philology Cand. Diss. Irkutsk.
- Artemova, T.V. (2013) *Narrativ kak mekhanizm realizatsii zamysla oratora (na primere sudebnykh rechey A. F. Koni)* [Narrative as a Mechanism for Realizing the Orator's Intention (on the Example of A.F. Koni's Judicial Speeches)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 6. pp. 767.
- Pristanskov, V.D. (2018) *Sobytiye prestupleniya kak ob'ekt kriminalisticheskogo poznaniya* [The event of a crime as an object of forensic knowledge]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. 9 (1). pp. 78–90.
- O'Barr, W.M. (1982) *Linguistic evidence: Language, power, and strategy in the courtroom*. New York: Academic Press.
- Heffer, C. (2005) *The Language of Jury Trial*. Houndmills: Palgrave.
- Bourdieu, P. (1986) *Vlast' prava: osnovy sotsiologii yuridicheskogo polya* [The Force of Law: Toward a Sociology of the Juridical Field]. Translated from French. [Online] Available from: <http://gtmarket.ru/labor-atory/expertize/3040> (Accessed: 10.05.2020).

Информация об авторе:

Богинская О.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков № 2 Института лингвистики и межкультурной коммуникации Иркутского национального исследовательского технического университета. E-mail: olgaa_boginskaya@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.A. Boginskaya, Dr. Sci. (Philology), professor, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: olgaa_boginskaya@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.01.2021;
одобрена после рецензирования 18.08.2022; принята к публикации 28.11.2022.*

*The article was submitted 31.01.2021;
approved after reviewing 18.08.2022; accepted for publication 28.11.2022.*

Научная статья
УДК 81'42
doi: 10.17223/15617793/484/2

Языковая репрезентация концепта «Зима» (на материале устной речи жителей сибирских сёл)

Светлана Владимировна Волошина¹, Мария Анатольевна Толстова²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ vsv1304@yandex.ru

² tolstova_11@mail.ru

Аннотация. Описывается «Зима» как один из уникальных концептов, отражающих особенности сибирской лингвокультуры и обуславливающих ее. Материалом выступают устные рассказы сельских жителей, записанные в результате диалектологических экспедиций с 1940-х по 2022 г. Выявляются лексико-фразеологические и грамматические средства, вербализующие концепт, реконструируются его когнитивные признаки. Выявлены 8 когнитивных признаков концепта, в основе которых лежит представление о зиме как времени года, о природе и жизни человека в это время.

Ключевые слова: концепт, зима, сибирская лингвокультура, говоры Среднего Приобья, Сибирь, когнитивная диалектология

Источник финансирования: Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Волошина С.В., Толстова М.А. Языковая репрезентация концепта «Зима» (на материале устной речи жителей сибирских сёл) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 13–26. doi: 10.17223/15617793/484/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/2

On linguistic representation of the concept “winter” (based on the spoken language of inhabitants of Siberian villages)

Svetlana V. Voloshina¹, Maria A. Tolstova²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ vsv1304@yandex.ru

² tolstova_11@mail.ru

Abstract. The article aims at describing the concept “winter” in the spoken language of inhabitants of Siberian villages. The research material is verbal stories of residents of Middle Ob villages. The authors use the modeling method implemented through the description of the nominative field of the concept “winter”, i.e., direct nominations of the concept and nominations of cognitive features. The method of analysis also highlights the conceptual, figurative and axiological layers in the structure of the concept. The key representative of the concept, which gives it a name, is the lexeme *zima* [winter] and its derivatives. The article reveals the cognitive features that characterize winter as a season of the year and also affect different aspects of a person’s life: relationship with nature, economic activity, work, life of a peasant family, etc. The following cognitive features receive linguistic objectification; winter is presented as: (1) a length of time; (2) a season characterized by special weather conditions; (3) a period that causes changes in the wild life; (4) a period that affects a human’s life and health; (5) a period of special organization of life and economy; (6) a period of holidays, rest, and school time; (7) a period of traffic engineering and use of roads (including temporary roads); (8) a period of yamshchina and trade. The analysis of the conceptual component of the concept showed that winter as a period is a significant part in the world view of inhabitants of Siberian villages. “Winter” closely relates to such concepts as “Siberia”, “snow” and “frost”, “summer”, “work”, “road” and “exile”. The figurative layer of the concept, found in metaphorical lexical and phraseological means, reflects the figurative perception of winter or other areas for which winter becomes a source of metaphorical meanings. Thus, metaphorical models are realized that reflect winter as a target sphere: *zima zlaya, surovaya, neputyovaya*; *zima padayet, zima lozhitsya* (about the settling of winter); *zima idyot* [winter is coming], etc.; and as a source sphere: *Zima i leto — tsvetok takoy melkiy*. [Winter and summer are such a small flower]. The axiological layer of the concept marks its value component. Winter is endowed with valuable characteristics as a period for preserving food, catching certain types of fish, animals, logging, arranging winter roads that shorten pathways between settlements. The signs of the

beauty of winter nature represent the aesthetic aspects of the concept. As a result, the spoken language of rural residents has a wider system of representatives of the concept “winter” than in the literary language. These representatives reflect the concept’s regional specifics and show the particular importance of natural phenomena and weather for Siberians. The speech practice of Siberians shows the influence of winter and winter natural phenomena on peasants’ life and economy.

Keywords: concept, winter, Siberian linguaculture, dialects of Middle Ob region, Siberia, cognitive dialectology

Financial support: The results were obtained as part of the implementation of the state assignment of the RF Ministry of Science and Higher Education, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Voloshina, S.V. & Tolstova, M.A. (2022) On linguistic representation of the concept “winter” (based on the spoken language of inhabitants of Siberian villages). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp.13–26. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/2

Уникальность той или иной культуры определяется рядом ключевых концептов, конструирующих в сознании ее носителей и носителей других культур смыслы, связанные именно с ней. Таким концептом для русской и сибирской лингвокультуры в частности является концепт «Зима», который включается в более крупное ментальное образование – концепт «Время». Оба эти концепта обладают региональной спецификой и ею же обусловлены. У сельских жителей, особенно у жителей сибирских деревень и сёл, распорядок жизни во многом подчинен цикличности времени и в большей степени зависим от природных процессов. Это доказывают и исследования природных концептов, выполненные на материале речи жителей сибирских сёл [1–4].

Концепт «Зима» на данном материале еще не стал объектом исследований, но изучалось его функционирование в разных языках и вариантах русского языка: литературном и диалектном, в текстах разных жанров и типов дискурса. Он рассматривался как базовый концепт русской национальной картины мира [5] и языковой картины мира эвенов [6], как фрагмент русской языковой картины мира (на фоне китайского языка) [7], как составляющая гиперконцепта «Времена года» в русской национальной культуре [8], как один из основных элементов концептосферы карачаево-балкарской [9] и чувашской [10] языковой картины мира, в сопоставительном аспекте изучался в национальном сознании носителей русского и английского [11], русского и китайского языков [12]. Концепт «Зима» становился объектом исследований, выполненных на материале художественных произведений и фольклора: русских народных сказок [13], русских и немецких пословиц [14], русских загадок [15], произведений И.А. Бунина [16] и др. Как отмечают исследователи, «зимнее время года особенно воспето в поэзии, которая сформировала в сознании носителей русского языка яркий образ русской зимы» [17. С. 3], соответственно, существует ряд работ, в которых исследуется концепт «Зима» на материале поэтических текстов Д. Самойлова [18], Г.В. Голохвастова [19], С.А. Есенина [20], в русских и немецких народно-песенных текстах [21], в якутской и русскоязычной поэзии [22] и др. Изучалось номинативное поле концепта «Зима» как фрагмент русской языковой картины мира и основа для создания методики обучения культурномаркированным лексическим средствам финских студентов [17].

Можно выделить большое количество работ, выполненных на диалектном материале. В них рассматриваются лексические единицы, которые, на наш взгляд, выступают репрезентантами концепта «Зима». Так, при изучении метеорологической лексики в донском говоре станицы Островской Даниловского района Волгоградской области [23], в русских говорах Республики Мордовия [24], в русских и селькупских диалектах [25] исследователи обращают внимание на разные тематические группы, среди которых и группа «Зима», включающая номинации снега, льда, зимних погодных явлений. На материале речи диалектной языковой личности В.П. Вершининой рассматривалось лексико-семантическое поле времени, в рамках которого выделено микрополе «Времена года», включающее зиму [26]. На материале русских народных говоров рассмотрена деривационная активность слова *зима* [27]; на материале русского литературного языка (XI–XX вв.) и вершининского говора (одного из русских старожильческих говоров Сибири) Я.В. Свечкаревой изучался деривационный потенциал наименований времен года и выявлено, что реализация словопорождающих возможностей у слова *зима* превышает показатели слов с другими корнями в литературном языке и говоре [28].

Целью данной статьи является описание концепта «Зима», функционирующего в устной речи жителей сибирских сёл.

Актуальность настоящей работы определяется необходимостью исследования ключевых концептов культуры, определяющих ее специфику и специфику ее региональных вариантов. В последнее время большое внимание в исследовательских практиках уделяется изучению региональной культуры и культуры сибирского региона в частности. Отметим, что настоящая статья также является частью междисциплинарного проекта, выполняемого коллективом историков, археологов, литературоведов и лингвистов Томского государственного университета, по изучению Сибири как трансграничного региона, территории уникальной в географическом, климатическом, этническом, историческом, языковом отношении. «Вербальные формы презентации Сибири как уникального в плане идентичности и внешней открытости региона представляют собой научную проблему, которая вызывает интерес, проявляющийся не только со стороны ученых, но и со стороны широких внешних кругов отечественного и мирового сообщества» [29. С. 6].

Материал исследования – устные рассказы (автобиографии, воспоминания, истории деревень и т.п.) жителей сёл Среднего Приобья. Основным источником материала являются аудиозаписи речи сельских жителей Томской, Кемеровской, Новосибирской областей, сделанные сотрудниками и студентами филологического факультета Томского государственного университета в диалектологических экспедициях с 1940-х гг. по 2021 г. на территории распространения старожилческих говоров Среднего Приобья, расшифрованные и затем размещенные в Томском диалектном корпусе [30]. В исследовании также используются данные диалектных словарей [31–37] и материалы аудиозаписей речи сельских жителей, осуществленные авторами исследования в 2008–2022 гг. в сёлах Томской области: с. Первомайское Первомайского района в 2008 г., с. Мельниково Шегарского района Томской области, 2018–2022 гг., с. Березовка Первомайского района, 2021 г., с. Больше-Жирово, Асиновского района, 2021 г., с. Кожевниково Кожевниковского района, 2022 г. В качестве материала также привлекаются устные рассказы очевидцев и свидетелей раскулачивания и ссылки в Нарымский край, опубликованные в книге «Как мы жили: воспоминания и устные свидетельства томских крестьян» [38]. Это издание включает уникальные документальные данные о жизни сёл и деревень Томской области в 1920–1960-х гг. [38].

Репрезентативность материала обеспечивается его количеством (Томский диалектный корпус включает на данный момент (июль 2022 г.) 4 215 текстов, слово *зима* в которых встречается 3 601 раз; авторский архив составляет более 50 часов звучащей речи), хронологическими рамками – записи речи осуществлялись на территории Среднего Приобья более 75 лет, жанровым разнообразием (воспоминания, автобиографические рассказы, рассказы о случае и т.д.). Тема «природный мир» занимает одно из лидирующих мест в имеющихся материалах, о чем свидетельствует тематическая разметка Томского диалектного корпуса [39, С. 201]. Все указанные факторы позволяют, на наш взгляд, на данном материале ставить вопросы изучения особенностей региональной культуры, языкового ландшафта территории, языковой картины мира сибиряков, выявлять константы и трансформации как в культуре в целом, так и в структуре ключевых концептов.

Под концептом понимается единица сознания, которая репрезентируется средствами языка. Ю.С. Степанов отмечает, что концепты существуют в сознании (в ментальном мире) человека, и тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций и переживаний, которые сопровождают слово, и есть концепт [40, С. 43].

Принципиальной позицией авторов данного исследования является совмещение нескольких методик анализа изучаемого концепта в силу сложности, разработанности этого фрагмента региональной концептосферы, его коммуникативной выделенности и лексико-фразеологической детализации. В работе используется метод моделирования, реализуемый через

описание номинативного поля концепта «Зима», включающего в себя прямые номинации концепта (ядро номинативного поля) и номинации когнитивных признаков, раскрывающих его семантику и отношение к нему в разных коммуникативных ситуациях (периферия номинативного поля) [41]. Методика анализа концепта «Зима» также дополнена выделением в его структуре понятийного, образного и аксиологического слоёв [42]. При описании образного слоя используется методология теории концептуальной метафоры и термины в соответствии со сложившейся в этой теории традицией, см., например, [43–45] и др. В материале выбирались контексты с лексемой *зима* и ее дериватами (словами разных частей речи), а также лексическими единицами, являющимися компонентами представлений о зиме; затем анализировались их сочетаемость, системные связи (полисемия, синонимия, антонимия), рассматривалась семантика этих единиц и высказываний, на основании этого при помощи приема интерпретации и контекстуального анализа определялись когнитивные признаки, реализуемые в разных дискурсивных практиках. Когнитивный признак – это минимальный структурный компонент концепта, отражающий отдельную черту или признак концепта [46, С. 52].

Понятийный слой концепта отражает его наименование, варианты обозначения, описания, признаки, связь с другими концептами, сопоставительные характеристики по отношению к другим концептам [42].

Ключевым репрезентантом концепта, дающим ему имя, выступает лексема *зима* и ее дериваты: *зимушка*, *зимонька*, *зимочка*, *ползимы*, *зимой*, *зимами* (каждую зиму), *зи'мусь* (прошедшей зимой): *Зимонька-зима*, *зима холодная*, *Боюсь я тебя, да зазнобишь меня*, *Зазнобишь меня, доброго молодца*; *Была зима зимска, всю зимочку из гумна не выходишь*; *Вот всю зимушку и'зо дня в день молотили на молотилке*; *Ой, ползимы' проучилась, за учебой не гнались*; *зимамито я не живу здесь*; *Зи'мусь, ле'тось говорят*.

В словарях русского литературного языка [47] и сибирских диалектных словарях [31–33] слово *зима* определяется как: 1. Самое холодное время года, наступающее за осенью и сменяющееся весной.

В диалектных словарях также представлены такие значения, как: 2. Учебный год; 3. Время зимнего лова рыбы [31–33].

План выражения концепта представлен многими производными от слова *зима* лексическими единицами:

1. Общерусскими:

– *зимний*: *Вот эта зимняя у него кожанка, её уже и не узнаешь*;

– *зимовать, перезимовать*: *Понаехали со всех сторон, они шли на Амур, села деревня ехала, человек двадцать пять в одном балагане зимовали*; *Снегом намело, и корова перезимовала так*;

– *о'зимь* (озимая зерновая культура озимая рожь, пшеница): *Значит, на тёплую землю снег лёг – озимь уже не заколе'т, а урожай будет*.

2. Диалектными:

– *отзи'мье* (первый снег, предвестник зимы): *Снежок упал, это у нас называли отзимье, значит*

это от зимы, у нас считали, что через месяц у нас пойдёт зима. И вот это называли *отзимье*.

– *за'зимок* (первый снег): *А за'зимок* – это первый снег, а через месяц и совсем ляжет снег;

– *зимоле'тка* (бегония): *Зимолетка*, та зимой и летом цветёт, это её Ваня Мокрый зовут;

– *зимоллю'бка* (зимоллюбка зонтичная, многолетник с зимующими листьями *Chimaphila umbellata* Nutt.): *Зимоллюбка* – это в окна кладут; *Зимоллюбка* – это медвежье ушко;

– *подзи'мье* (посев озимых): *Яровое поле* – *ярови'шишэ*, или *подзи'мье*. Рожь под зиму сеют – *подзи'мая*;

– *зимо'вка*, *ози'мка* (озимая зерновая культура озимая рожь, пшеница): *Рожь называется зимовка* – сеют в августе, а весновку сеют весной – в апреле ли в мае; Не сеяли рожь. Только ярица, а *озимки* не знали;

– *зи'мник* (животное, родившееся зимой): *Эта Кукла [о собаке] – зимник*. Он зимой нонче родился;

– *зи'мник*, *зимня'к* (дорога, по которой ездят зимой): *Ты в Шегарку кругом ходишь или зимником?*;

– *зимни'на* (овечья шерсть зимней стрижки): *Поярок – первой стрижки, летни'на – летняя шерсть, зимни'на* – зимняя, *весни'на* – весенняя;

– *зимовьё* (небольшая отапливаемая избушка на территории крестьянской усадьбы, используемая в зимнее время для различных целей): *Зимовьё* – *теплушка*, даже с русской печкой и оконки. Там сбруя, живут дворник иль сапожник в этом зимовье'; *Зимовьё* – там и поили и воду грели;

– *зи'мный* (1. Связанный с зимой, происходящий зимой; 2. Предназначенный для зимы, употребляемый зимой): *Годов ей семь-шесть, вот зимны ночи встанет и говорит: Я спать не хочу*;

– *зимово'й* (озимый): *А раньше сеяли. Зимова' пшеница, я помню. А чё она, как разница-то в ей?*;

– *зима'ть* (зимовать), *прозимова'ть*, *прозимо'вывать*: *Они там прозимовали, опоросились; Пе'рву вот зиму зима'ть будут; Берлог найдёшь, так и зимой убивашь. Прозимо'ывают без всякого корму; Они у меня выросли, я их в коробку скла'ла и в подпо'лья поставила. Они у меня прозимовали [о картошке]*.

Анализ сочетаемости лексемы *зима* показал, что это слово и образованные от него слова используются в различных словосочетаниях и устойчивых выражениях:

– *зиму и лето, зиму-лето* (круглый год): *А лапти сибиряки не носили, зиму и лето в сапоги*;

– *зима зи'мская* (морозная зима), *снежная, неспокойная, прошлогодняя, тихая, хорошая, холодная, студёная, суровая, морозная (моро'зливая), теплая, вёдрая* (тёплая) *зима*: *Была зима зи'мская, всю зимочку из дома не выходил; зима тёплая, от этого и дождей-то нету; Моро'злива зима*, так у Медведицы хвост южнее' заходит; *Неспокойна зима часто. Прошлогодня зима тиха было, хороша*;

– *зимний чеснок, бальзаминка/близими'нка зимняя*: *И чеснок зимний садим, и такой садим ещё, свой. А нынче чё-то плохой; Есь близими'нка зи'мна, мята*;

– *по всей зиме* (всю зиму), *по всем зимам* (всю зиму ежегодно): *А у нас там [показывает] гумно было, по всем зимам ездили; А они по всей зиме сидели крутили*;

– *давать отзи'мье* (быть предвестником зимы): *Лето идёт, снегу нет, первый снежок – отзимье даёт: через месяц будет зима*;

– *на зиму старуху б убил, а на лето купил* (о большом количестве работы летом и необходимости помощи в присмотре за детьми): *Пословица есть: «На' зиму старуху б убил, а на лето купил». Тогда' без старухи нельзя было. Жили сами по себе, а работать надо было*;

– *зима не без морозу* (зима не бывает без мороза): *Мороз-то мале'нько надо. Зима, гыт, не без морозу*;

– *сколько лет, сколько зим*: *Сколько лет, сколько зим я тебя не видала*.

Как видно, в репрезентации концепта «Зима», функционирующего в устной речи жителей сибирских сёл, участвует гораздо больше лексико-фразеологических средств, чем в литературном языке: здесь представлены как общерусские, так и диалектные лексические единицы, детализирующие различные представления о зиме. Как отмечают исследователи, «поскольку сельское существование тесным образом связано с природой и зависит от нее, лексика, описывающая природный мир, образует семантическую зону, в меньшей мере подверженную внешнему влиянию» [2. С. 86], и «народная таксономия объектов природы отличается от таксономии, отражающей знания носителей литературного языка. В отдельных семантических сферах она по своей подробности, детальности может быть ближе к научным классификациям, естественно, отличаясь от них по существу» [48. С. 36].

Антонимичными к вариантам обозначения концепта выступают следующие единицы: *лето, летний, летнина, летом* и другие, которые могут актуализироваться в одном контексте со словом *зима* и отражать особенности организации быта, хозяйственной деятельности, климатических условий в эти времена года и т.п.: *Я поросенка весной покупаю. В лето может центнер вырасти, а в зиму не доржым: плохо растут, уходу больше надо; Зимняя шерсть «зимней» называется, летняя – «летней»; Летнина-то лучше, она скатывает; Сильны холода зимой были. Летом гнус, паут*.

Многие из указанных средств репрезентации концепта находят отражение в ассоциативных словарях и представляют реакции на слово-стимул *зима*. Так, авторами «Русского ассоциативного словаря» к слову *зима* было получено от студентов первых-третьих курсов различных вузов (в возрасте 17–25 лет), для которых русский язык является родным, 103 реакции, 48 из которых различны. Приведем их в порядке убывания количества реакций: *холодная, холод, снег, лето, снежная, холодно, суровая, в Простоквашино, грязь, лютая, наступила, пришла, белая, белое, белоснежная, в сердце, весна, голодная, долгая, жуткая, зима, идет, иней, коньки, кошка свернулась клубком, крестьянин торжествуя, кусает, лед, летом, лыжня*,

морозная, на пороге, не лето, одиночество, окончилась, опять, приходит, прошла, Пушкин, ранняя, русская, санки, скучная, снежная баба, студёная, успокоение, хозяин торжествует, хромая [49. С. 65]. Интересно, что в представленных реакциях не зафиксированы ассоциации с сибирским регионом, в то время как в «Русском региональном ассоциативном словаре (Сибирь и Дальний Восток)» (в качестве испытуемых привлекались студенты сибирских и дальневосточных вузов) находит отражение регионально специфичная информация, получено 114 разных ответов и включены такие реакции на слово-стимул *зима*, как *Сибирь, снегирь, снеговик, лес в снегу, валенки* и др., а также большей детализацией характеризуется сфера зимних природных, атмосферных явлений: *мороз, иней, деревья голые, сугробы, стужа, –48° С, минус 40 градусов, снегопад, снежинка* и др. [50. С. 155].

Подобные ассоциации также встречаются в исследуемом материале, анализ которого позволил в речевой практике жителей сибирских сёл выявить когнитивные признаки концепта «Зима». В основном все они характеризуют зиму как время, сезон, но затрагивают разные аспекты жизни человека: его отношения с природой, хозяйственную деятельность, труд, жизнь и быт крестьянской семьи и т.п.

Так, языковую объективацию получают следующие когнитивные признаки:

I Зима как отрезок времени

1. Продолжительность зимы, зимних дней и ночей. Сибирь – регион с суровыми климатическими условиями, в котором зима длится более полугода [51], соответственно, этот признак получает свою объективацию в языке, зима характеризуется как *большая, долгая*: [Что с ягодой делали?] *Ну как, что ли зима большая; У нас два подпола картошки было, ничё не продавали, а всё скормили, зима долгая; Зимой-то дни короткие. А март, апрель уже ткут; Зимние дни, зимние длинные ночи, зимой часто.*

2. Зима как способ исчисления времени. Для обозначения времени в устной речи сельских жителей используются не только даты и единицы, обозначающие временные характеристики, но и различные обороты. Одним из способов такого исчисления времени становится указание на количество зим: *И на лесу работала десять зим. Ещё шесть зим в девчонках ездила; Он десять зим болел.*

В рамках этого когнитивного признака выделим среди репрезентантов концепта «Зима» названия зимних месяцев: *декабрь, январь, февраль*, к числу которых также, согласно исследуемым текстам, жители Сибири могут отнести *октябрь, ноябрь, март, апрель*: *Белку добывают зимой, начиная с ноября месяца; Они не растерялись, приехали зимой, в марте было, а у нас ещё снег; Зимой её стригут, в апреле, а осенью в октябре. Два раза в год; С Покрова (14 октября) зима падает.*

II Зима как сезон, характеризующийся особыми погодными условиями. «На территории Томской области преобладает переходный климат – от умеренного Восточно-Европейской равнины к резко континентальному Восточной Сибири. Ярко выражены се-

зоны года: суровая продолжительная зима, теплое лето, короткие и холодные весна и осень» [52. С. 295]; «Сибирь ассоциируется с суровым климатом. Средняя температура в Западной Сибири в зимний период колеблется в диапазоне от –15 °С до –30 °С. Из-за сильных ветров, мороз в этих местах ощущается чуть крепче. Снежный покров устанавливается, как правило, в конце ноября и достигает толщины в 15–20 см» [53]. Этот фрагмент картины мира сибиряков характеризуется высокой степенью смысловой разработанности и лексической детализацией.

Здесь выделены такие признаки, как:

1. Природные явления, свойственные зимнему времени:

– **ветры:** *метель, пурга, вьюга, буря, буран, бура'нина, ветер, па'дера, пурга, пуржи'на, хи'вуз, хивузи'на* (резкий зимний северный ветер): *Зимой-то бывают метели али нет? – Ну как же, бывают, а почто нет. Как пуржина заметёт. А па'дера – это коды свету белого не видать, вот тебе и падера; Буран, вьюга дуёт, бура'нисты дни зимой часто бывают, вью'жистый – тоже это с ветром, с вьюгой; Хивузина – когда плоха' погода, мороз, снег валит, ветер сильный;*

– **туман:** *пыль* (сильный туман зимой): *В по'льтиках зимой идёт: пыль, ничё не видать; Пыль была', нельзя выглянуть на улицу, са'мо в Хрешиенье зимой;*

– **осадки и связанные с ними явления:** *снег, снежок, сугроб, набо'й, сумёт, перека'т* (гряды снега, нанесенная ветром): *Перека'ты – зимой ветром снег нагоняет, остаётся в этих местах вроде вала;*

– **количество осадков:** *зимы суровые были, и снегу было много; Зимой снега больше, а летом дожжи; Зима снежная, очень много снегу, нонче тоже; А к лесине подойти невозможно, так, чуть не ползком. Снег чуть не в рост;*

– **температура:** *мороз, стужа, заморозок, морозище, морозина, холод, холодно, холодина, холодица, –40–50 градусов:* *Раньше мороз бывал, трескотня' такая, пыль такая. Старики рассказывают – сбруя ломалась. Морозы страшные были раньше; Бывало, морозище; Морозы были раньше сорок-пятьдесят градусов, климат меняется; И морозы были сильнее. В двадцать девятом году градусов до семьдесят доходило; А представьте наши какие морозы сибирские, а представьте, какая была в том время одежда, вот дети – вот так вот учились, но тяга к знаниям была очень большая.*

Для характеристики зимы и зимних природных явлений используются разные определения, выраженные прилагательными, а также глаголы, в том числе безличные глаголы, называющие явления, состояния природы, погодные условия: *Зимы-то уж шибко холо'дны* были ране-то. Сороки-то, видно, не летали; *Я как сейчас помню, тогда зимы были лютые, может и сейчас там в Каргаске, Парабели мороз градусов два; На жеребце нельзя шибко ездить зимой, мороз прихва'тывает; Заморозило. День студёный; Забура'нило; Метёт, метёт всю зиму, дак чё только и нет.* Как правило, зимы характеризуются прилагательными и глаголами с семой интенсивности, по-

казывающей крайние проявления признаков, отражающих особенности сибирской зимы и климата: **Кля'щий, сильный, сибирский, хороший, трескучий мороз, морозища, морозина, морозяка, морозюга, холодина** (сильный мороз): **Кля'щий мороз** такой сильный, что на улицу ходить не охота; Сорок градусов, **трескучий мороз**; Малины в лесах очень много, смора'дину **сибирские морозы** убивают; Раньше были **сильные морозы, хорошие**. Иной раз зарядит дня три-четыре стоит такой, дак держись; **А морозюга** – дышать нечем. Отметим, что выделенный когнитивный признак отражает региональную специфику, которая также получает языковую репрезентацию. К примеру, по мнению исследователей, зима – типично русское время года, и в русской картине мира существует определенный образ зимы, имеющий яркую специфику именно как **русская зима**, что отражается в одноименном устойчивом словосочетании [17, 54]. В исследуемом же материале не встречаются словосочетания *русская зима, сибирская зима*, но употребляется словосочетание *сибирский мороз*.

Все рассмотренные смыслы представлены и в воспоминаниях о ссылке и переселении, рассказах, в которых актуализируется административно-политическая история Сибири: Там же, в лесу, были построены бараки-временки, в которых **зимой** было очень холодно, а летом заедал гнус [38. С. 58]; Ехали мы долго, **зимой** было очень холодно, маленькие дети умирали. В Первомайский район приехали уже весной, в 1941 году... Летом жили в шалашах, а на зиму выкопали землянки [38. С. 155–156].

2. Наблюдения человека за природными явлениями, приметы. В речи сельских жителей фиксируются многолетние наблюдения за погодными условиями в зимнее время, попытки предсказывать погоду, будущий урожай, показывающие, что это важная часть жизни сибиряков. Так, выделяются приметы, отражающие наблюдения за погодой и животными зимой, предсказывающие, какой будет зима или лето в зависимости от погоды зимой, включающие признаки начала или конца зимы: *Зимой часто, как провода загудят на разные голоса, значит, снег будет; Месяц на ущербе – когда народится, а на исход сходит. Если месяц на рогу – тогда ведро будет. На спинке – к ненастью, зимой к снегу, летом к дождю; А если земля закорела, потрескалась, и тогда на неё снег напал, значит, зима будет холодная; Если снег напал на талую землю, значит, зима будет тёплая.* Зима вёдрая – лето хорошее; А-то нонче, наверно, **зима холодна будет**, так как холодно было в родительскую субботу. А она седьмого апреля; Если осенью листья с берёз, вообще с деревьев, не все облетели, бывает, стоят с сухими, это плохо, **зима будет суровая, с морозами**; Хиуз по осени дует. К заморозкам он. **Зимы ждать надо**; Гуси тоже улетали. Детей выво'дут. В тёплый край. Журавли полетели, **скоро зима будет**.

III Зима как время, вызывающее изменения в живой природе. В исследуемых текстах фиксируются наблюдения человека за природным миром зимой. Так, в рассказах отражаются наблюдения:

– за птицами: *Здесь остаётся зимовать ворон, ворона, сорока, галка, филин, сова... вот эти зимуют; Здесь остаётся зимовать синичка, жуланчик...; Рябчик сильно нарядный в зимний период. Зимой белый, а летом серый. Снегиря в летнюю пору не увидишь, он только зимой, он беленький. А снегуркой назвать нельзя; ...снегири, они перед морозом белые, как куропатки, а зимой у них брюшко красное бывает;*

– за дикими животными и их поведением: *Зимний покров у них. Ласка летом тёмная, бурая. А зимой беленькая. Это приспособлено природой. Снег высыпал, а её не видно; Зимой шкура меняется. Зимой шкура бусенькая. Сейчас заяц бусый, а зимой белый; Хрестовка – лиса бурая, бусая в зимний период; Чалая зимой белка бывает; Зимой заяц гастролит по одной дорожке; Когда зимой мороза', они [лоси] уходят в хвойный лес, когда тепло, они выходят на выруб'; Найдёшь свежий след – у соболя есь свой обход. <...> Буват он в полдень обязательно отдышат, спит – в снег залегают; Берло'г медведь выгребет – и живёт там всю зиму;*

– за рыбами: *Зимой блеснят токо. Окунь забиратся в затон;*

– за растениями: *Лиственница сибирская. Потому что зимой стоит голая; Лиственница – тоже она хвою теряют; Озимый чеснок бывает. Он рано вылазит. Ему ничё не делается, никаких морозов не боится.*

IV Зима как время, влияющее на жизнь человека и его здоровье:

1. Действия, ощущения, состояния человека в условиях сибирской зимы: замерзать, обморозить, намёрзнуться, перемёрзнуть, поморозить, перекалеть (намёрзнуться, перемёрзнуть): *Зимой сильно перекалет человек; С 5-го по 7-й класс я училась в соседней деревне – в Леботере, семь километров от нашей деревни. Приходилось ходить зимой по морозу. Я замерзала, так как одежда и обувь были старые, с питанием тоже было плохо; Зимой руки поморозил и обморозил шибко.*

«Климат требовал от человека сверхнапряженного труда, выносливости, наличия закалки и крепкого «сибирского» здоровья» [56. С. 15]. Сибирская зима оказывает влияние на здоровье человека, что вызывает различные заболевания: *Как зимой на холод вышел – задыхаюсь сразу... Лекарство есь сильно... Я его ночью принимал, как зима; Мама была да больная, ноги болели, простудила, на речку ездили холщовые рубахи полоскать зимой, полоскали, полоскали, а ноги к сапогам и примёрзли.*

2. Образ жизни зимой: К детям на зиму ско'ко уеду, а потом по весне назад: картошки, морковь, свеклу' сажу; Зимой работала в городе, а потом приезжала и работала в деревне; Да зимой то же самое, свободны. Летом хоть на улицу выйдешь, а зимой-то не выйдешь, в окошко только посмотри-ваешь, как скворец;

3. В рамках этого когнитивного признака выделяются и психологические аспекты восприятия зимы как времени одиночества и грусти: *Всю зиму одна. Никуда-никуда даже; зиму-то почти одна живу.*

У Зима как время особой организации жизни, быта и хозяйства. Продолжительная сибирская зима с преобладанием низких температур требует подготовки к ней, прежде всего связанной с жизнеобеспечением семьи. В рамках этого когнитивного признака выделяются следующие смысловые области концепта «Зима»:

1. Зима как время, к которому необходимо готовиться. Суровые сибирские зимы требовали особой подготовки к ним, чтобы обеспечить жизнедеятельность семьи. В то же время зима открывала новый цикл сельскохозяйственных работ, что подразумевало и особые приготовления зимой к весне. Подготовка осуществлялась в разных направлениях и подразумевала такие виды работ, как:

– **подготовка дома, бани:** *А ты окошки-то замаслила [на зиму]? Не затыкала?; Веники берёзовы для бани и в избе мести. Наломашь ветки, этим же прутиком завяжешь и всю зиму метёшь;*

– **заготовка продуктов:** *Раньше зимой наколят скотину – на год хватит, сушек запасают, сахару привозят. Говорят – хватит теперь на год и запас;*

– **заготовка дров и необходимых в быту предметов, средств, одежды:** *Тут на зиму надо дрова припассти, надо же на коровах всё, у нас же был телёнок у нас этот. Я запрягла телёнка в салазки и поехала в лес за дровами зимой; А зверя убьём – мы мыло варили. Сначала золу заваривашь, де'лается ишшо'лок. Мясо, кишки потом кидают и мешают, варят, пока не сде'лается мыло. Мы с ним в баню ходили. Колобки из мыла ката'м, наката'м на всю зиму и всё лето; Носки себе на' зиму вяжу;*

– **подготовка пчел к зиме:** *В специальное темное помещение, теплое, и ставим [пчёл на зиму], прямо в домиках, корму ей даёшь, сколько надо, и стоят они, она всю зиму ест.*

2. Питание зимой: в исследуемом материале прослеживается отличие в питании людей в летнее и зимнее время: *В огороде выращивали картошку, овощи. За зиму все съедали, а летом в основном питались съедобными травами: пучка, крапива, саранки, пока не выросло что-то в огороде* [38. С. 162].

Одним из факторов достатка семьи в XX в. считалось наличие еды [55], которое во многом было обусловлено трудовой деятельностью членов семьи в предшествующее зиме время, что отражено в народной поговорке *как потопашь, так и полопашь*. По данным рассказов сельских жителей, можно выделить разные виды блюд и продуктов, которые использовались в пищу: *Ура'шницу* зимой варили; *Мы пирожки с грибами* готовим, сушим – зимой *суп* варим; *Чушь* – это сырая рыба солёная, а *строганина* зимой бывает, она мороженная. *Строганина* из щуки в основном; *Сибирские пельмени* – это блюдо зимнее; *Слопцы'* поставишь, лето ешь и на зиму *насолишь глухарей; Варенье* варили, на зиму *заготавливали литров сто варенья; Брюкву* варили зимой, потом в неё сметану накладывали и ешь; Сушила [ягоду]. А зимой *распариват, это, распарит её, чуточку водички, распарит, сахару наладёт туды', и пироги стряпала, варенье* варила с сухой;

3. Зимняя одежда и обувь. Климат во многом определил особенности одежды и обуви жителей Сибири, которую они также часто сравнивают с летней. В исследуемых текстах встречаются наименования зимних видов одежды и обуви: *Шапки-татарки* мужчины носили, из овчин делались (татарка – мужская зимняя шапка) [31]; *Теперь только рукавички* свяжешь для зимы; *Лохма'шки* – мужики носили, зимой носили, ездили на поле в их; *Шебуры'* были, *зи'мни. Одна нитка шерстяна', друга платяна'; Ченба'ры* – *штаны холиш'вы, на валенки зимой надевали. А ченба'ры* потому, *заченбарят, на валенки одедали; Кирня'шки* носили – из оленей шили, а на мне – *пинжак. Соши'та кирня'жка, как пинжак, из оленьей шкурки, с рукавами. А мохна'шки* – из собачины *рукавицы. Шестьдесят* градусов было, а мы едем в лес; *Валенки* зимой; Зимой *пимы'*, дипломат, бешикет, саади с перетяжкой.

4. Зимнее жильё, помещения: *зимовьё* (небольшая отапливаемая избушка на территории крестьянской усадьбы, используемая зимой для различных целей (зимовки скота, хранения хозяйственного инвентаря, как жильё для работников и т.д.), *зимняя кухня, кышла'к, зимник: Зимовьё* – *теплушка, даже с русской печкой и оконки. Там сбруя, живут дворник иль сапожник в этом зимовье'; Раньше здесь была одна избушка, в ней ходики ночевали, называлась она зимовье; Кышла'к* – *зимник, зимовали, потому называется зимником; Зи'мня кухня* – *зимовьё. Три года строил её дед один, вот такая зимовьё и ишшо так; Эта зи'мня каю'тка, тот зи'мник свободный, холодно зимой бывает; Для скотины дворы'* строили *зимние* больше;

5. Сезонные работы и хозяйственная деятельность зимой. Для сельского жителя каждый промежуток времени, каждая единица времени связаны с какой-либо хозяйственной деятельностью, с бытовым поведением, повседневной жизнью [57]. Зимнее время не являлось исключением. Несмотря на то, что заканчивался цикл полевых работ, зимой крестьяне продолжали трудиться, в том числе появлялись новые виды сезонной работы (промыслы, лесозаготовка, обработка льна и др.).

Хозяйственные работы были связаны и с домашними делами, подготовкой дома к зиме и уходом за ним, и с завершением работ на полях, в огородах, и уходом за скотом и т.д. В исследуемых рассказах находят отражение следующие виды деятельности зимой:

– **молотьба.** С приходом зимы крестьяне начинали молотить зерно, лен, горох, для этого подготавливали специальное место – гумно. С началом морозов вывозили снопы из хлебных кладей (кладь – продолговатый скирд хлеба, сена): *На зиму* гумно *устраивали, запеледу'ют, пеледа'* [стенка гумна] *из лесу, чтобы снег тудя не попадал. В зимнее время хлеб складывали в кладя', называлась кладь – хлеб. Хлеб помолачивали, не успевали помолачивать, в кладях ставили. Кладь – хлеб, стог – сено; Я помню в 55-м отец заболел, а молотили зимой лен, льноволокно... Зима, мороз. Надо трактор завести, а пускатча не было: его надо греть. Женщины на санях ждут, когда трактор за-*

ведешь. **Начинают молотить.** Ну, какая это работа? **Зимой, вручную;**

– **уход за скотом (кормление, чистка, защита от морозов):** А колхозники рядовую работу несли, **зимний пери'вод – животноводство**, летний пери'вод – на полеводстве; **А зимой тоже и сено же везёшь**, сено же это, тракторов-то не было. **Возили на лошадах коровам сено всю зиму**, и солому везёшь, и сено везёшь, и назём обратно; **А зимой, зимой**, я говорю, **мужики сёны вóзют, солому вóзют;**

– **заготовка мяса.** С началом установившихся морозов начинали резать, колоть скот: *Хотела, думаю, однако я куплю овечку ма'леньку да буду растить да и заколю зимой;* Раньше почему-то седьмое ноября были сильные морозы, **кололи свиней, всю свинью разделывала я сама;**

– **зимняя рыбалка:** На нельму **сети зи'мни** были. Я привезу. Рыба шла всё моро'жена. Четыре осетра добывал; **Запо'ры** [рыбозаградительное сооружение] **зи'мни и ле'тни;** Ну зимой ещо какими орудиями лова здесь можно ловить, **фитилями на озере, карась хорошо ловится, сетями можно ловить рыбу, в затонах;** **Зимний лов. Рыбачить зимой поехал подо льдом**, рыбачит мулём через прóлубь, **кода протягиваешь;**

– **зимняя охота:** [На медведей ходили?] Как, одиннадцать штук убивал. Ну как рассказать? Ничё там, нет интересного, собака находит. Зимой и летом пригождалась. Летом, конечно, поопасней. **А зимой-то он в ямке сидит. Собака найдёт эту ямку и лаёт. А потом такие жерди, так закроешь и пруток воткнёшь. Так стреляешь по прутку, и убиваешь.** И всё; Зайцев очень много. На зайцев ставили заячьи петли. Кружок такой делали из мягкой проволоки. Как бежит заяц, так обязательно в эту петлю попадает. **Зимой заяц гастролирует по одной дорожке. Так их больше десятка в зиму не поймает, а ловить их надо силком, так заяц скачет-скачет и клю'кнется [попадётся]. Но они только зимою ловятся, потому что зимой по следам их найти можно;** Колонок, горносталь, белка. **Их вылавливают только зимой**, а летом у них шкура негожа уже. Это шерсть меняет, мезра чёрная, не белая; **На медведей больше охотятся зимой;**

– **стирка:** **А зимой прорубали прорубь. Прорубишь и положишь [бельё];** Стирали всё руками. Мама кадочку нагрет, печь затопит русску. **Шшо'локом стирали. Полоскать на речку ходили. Переполо'ишем корзины две-три. Вот как стирали. Они оттают дома. На речке-то обмёрзнут;**

– **отапливание помещений:** **Ежли зимой, кода холодно, на лежанке хорошо было спать, тепло, грубка-то натоплена; И особенно зимой печку затопят и сидим.**

VI Зима как время праздников и отдыха, обучения детей в школе. Зимой после интенсивного летнего и осеннего труда, когда заканчивалась основная работа в полях, наступало время подготовки к праздникам, им придавалось особое значение. Отмечались праздники, которые считались началом зимы и ее окончанием. Так, церковный праздник Покров, отмечаемый 14 октября,

считался днем начала зимы: *Со Сдвиженья зима в ранние года, с Покрова зима падает.* Окончание зимы праздновали на Масленицу, организуя в селе Проводы зимы: *Масленица – это зимний праздник; На Масленку катаются три деуки и ребята усе. Сечас Масленка – это проводы зимы. Тройки понаряжаются цыгунами, цветы. Столб поставют, петуха, бутылку вина на вершину, воском смажут. Не все долезут.*

Зимой праздновали как религиозные, отмечаемые православной церковью, так и светские праздники, праздники по народному календарю. Исследователи отмечают, что «одной из важнейших особенностей восприятия времени, зафиксированных в лексике народных говоров, является большая значимость маркированных дней народного календаря, или праздников» [58. С. 97].

Вместе с тем наблюдения исследователей над функционированием концепта «Зима» показывают, что «в русской картине мира ярче, чем в китайской, выражена (хотя и формально) религиозная идея», связь распорядка жизни с зимними религиозными праздниками [54. С. 21], что также находит отражение и в исследуемом материале.

Из церковных праздников зимой отмечали *Богородицу, Казанскую* (День Казанской иконы Божией матери); *Михайлов день* (День Архангела Михаила), *Введение/Введение* (Введение во храм Пресвятой Богородицы), *Николин день, Миколу зимнего, Миколин день* (День Святого Николая), *Рождество/Рождество, Зимний мясоед* (время между Рождественским и Великим постом), *Крещение/Хреещение, Аксинью-полузимницу, Сретенье/Устретенье* (Сретение Господне): *Праздники летом не праздновали – покос, четвёртого ноября было заведено деда'ми – Каза'нска называлась. Уже снег напал. По три дня гуляли; Осенью первый праздник зимний Михаила Архангела; Введение'ев день был зимой; Петров день, а зимой Введение – Введение'ев день этого декабря четвертого; Престольный праздник вешний и зимний Микола. Вешний девятого мая, зимний – шестого декабря; Аксинья-Полузимница, Полукуормица зимой бывает.*

Из светских праздников отмечали Новый год, Святки, Старый Новый год: *Раньше справляли Покров, Новый год. Щас есь деньги – праздник есь, нет денег – праздника нет.*

Кроме праздников зимой по-особому был организован досуг, в это же время крестьянские дети учились в школе: *Учился, ходил две зимы, ничаво' не было, книжки каки', али чё. Хотел, да не время было, учились не так.*

Зима – время молодежных вечеров, посиденок (посиделок), сезонных игр и развлечений детей и взрослых, физической активности, занятий зимними видами спорта, номинации которых также выступают средствами репрезентации концепта «Зима»: *Посиденки были зимой. В один домишко соберутся, а там ребята молодые; В хоккей играли; Ну а на лыжах я и сейчас хожу; Сани с фермы привозили мальчишки – сани большие, огромные, в которых лошадей запрягали, и вот мы на этих санях с горы катались. Ну, и бежали, как все дети, в зимнее время* [38. С. 101].

VII Зима как сезон обустройства и использования дорог (в том числе временных дорог). Сложные природно-климатические условия Сибири в зимнее время отражаются в номинациях дорог, которые наряду с другими являются лексическими средствами репрезентации исследуемого концепта. Дорога, по которой ездят зимой, называется *зимником*, *зимня-ко'м*, ледяная дорога, специально устраиваемая для облегчения перевозок по ней в зимнее время – *лёд-дорога*, *ледя'нка*, занесённая снегом дорога – *убро'д*; *Зимником до Томска близко*; *Убро'д – переметённая дорога*; *Дровни накатывают на лёд-дороге, возют, а ночью поливают*; *Ледянка – дороги ледяные. Трахт поливают, чтоб легко везти было*.

Кроме того, данный когнитивный признак вербализируют глаголы, номинирующие погодные условия, состояния, а также обозначающие прокладывание и обслуживание дорог в зимнее время: *Зимой дорогу торят, чтоб лошади не тонули. Её зимником называют; ...ну дорогу чистить поехали, пробивать дорогу, хлеб то всё, продукты, вина, фрукты надо было тогда'...; Это через дорогу передёрнет бурян снегом и опять сровняет*; *Ехали с сеном, и поднялась буря, и бураном нам дорогу перемело, и ехать нам трудно; И все это собирали, засаливали, а когда сезон заканчивался, зима наступала, тогда запрягали 36 лошадей – топтать дорогу до Апсачева со Зварыгина. С пилами, с топорами [шли], прочищали и протапывали дорогу, чтобы она промерзла*.

Отметим также использование разных видов транспорта, используемого зимой: *сани, санки, кошёвка*: *Зимой на санка'х орех привезу полмешка; Летом на обласке ездили, зимой на лошадке*.

VIII Зима как время ямщины и торговли. «В это же время “общества” начинали отряжать крестьян с лошадьми на “гоньбу” – отработку ямщицкой повинности на тракт. Крестьянин основательно собирался на 3–4 недели: брал с собой собачью “доху”, медвежью или волчью “полость” в кошеву, смену теплой одежды, маленькую дорожную икону святого Николая, теплую попону-накидку для лошади и мешок овса, и, конечно, мешок замороженных пельменей» [56. С. 155–156]: *Ямщины были, кото'ра, как зима настает, товар возят. Так зиму и работали; Ямщина ходила всю зиму, ведь стоять не будешь. Аж пыль стоит, мороз такой*.

Выделенные когнитивные признаки показывают, что жизнь в сибирском селе, деревне в зимнее время организована по-особому: климатические условия влияют на все аспекты жизнедеятельности человека и на первый план выдвигаются смыслы, связанные с особенностями организации быта и хозяйственной деятельности. Эту же мысль подтверждают и другие исследователи. Е.А. Дегальцева, исследуя дискурсы и репрезентации фантазий о Сибири, отмечает, что «холод выстраивал ментальность, формировал восприятие человеком и себя, и окружающего мира. Повседневные практики сибиряков стали фактором адаптации во всех смыслах: экономическом, культурном, политическом, социальном, ментальном» [59. С. 93].

Вместе с этим когнитивные признаки, отражающие константы сибирской лингвокультуры и прояв-

ляющиеся в большинстве исследуемых текстов, показывают и то, что они подвергается трансформации. Так, записанные тексты отражают наблюдения сельских жителей за зимами и ведением хозяйственных работ на протяжении XX и XXI вв. и произошедшие изменения:

– климатических условий: *А вот раньше зимы были морозливые. А вот у нас градусников не было, а говорили: "Ну, сёдня мороз градусов 70 будет". Воробышки летят, воробышечки летят и прямо на ходу замерзали. А летом жа'ру много было, лета жа'ркие были; Холодно сильно было. Такая холодища была. Сейчас мя'гше стал. И ничё мы не мерзли;*

– в хозяйственной деятельности и жизненном укладе: *На зиму заготавливали, помните, в бочках, вот щас вот в баночках, всё расфасованное, а раньше же этого ничего не было... Тогда морознее было. Ходили, не дошли. То ли привыкли к этому ко всему*.

Из рассмотренных в рамках понятийного слоя примеров, видно, что концепт «Зима» тесно связан с такими концептами, как: «**Сибирь**», потому что именно Сибирь отличается суровым климатом, чрезвычайно низкой температурой воздуха зимой; «**Снег**» и «**Мороз**» как неотъемлемыми компонентами представлений о зиме; «**Лето**», поскольку часто сопоставляется распорядок жизни в зимнее и летнее время; «**Труд**», так как он составляет большую часть жизни крестьян [60] и зимнее время во многом связано с особой организацией хозяйственных работ; «**Дорога**» и «**Ссылка**»: многие рассказы ссыльных содержат информацию именно о суровых климатических условиях, эмоциональное восприятие дороги в зимнее время [61] и др. Вместе с тем репрезентанты исследуемого концепта, как представляется, могут одновременно относиться к разным когнитивным признакам: например, лексема *Покров* может обозначать начало зимы – одного из времен года и называть зимний праздник.

Таким образом, анализ понятийной составляющей концепта показал, что зима как отрезок времени – значимый фрагмент картины мира жителей сибирских сел, это подтверждается наличием ряда когнитивных признаков и смыслов, репрезентированных большим количеством лексико-фразеологических единиц, которые детализируют разные аспекты жизни человека и состояния природного и окружающего мира. Детализации подвержены и периоды зимы: человек пытается предсказать, какой будет зима по приметам, разным признакам, выявить ее предвестники, обозначает начало зимы, ее середину и окончание через номинации природных явлений, праздников и видов деятельности и т.п.

Образный слой концепта обнаруживается в метафорических лексико-фразеологических средствах и отражает образное восприятие зимы или других сфер, для которых зима становится источником порождения метафорических смыслов. Так, реализуются метафорические модели, в которых зима репрезентируется как сфера-мишень: в исследуемых рассказах функционируют метафоры, которые представляют зиму как время года, обладающее качествами человека: зло-

стью, суровостью, непутевостью, способностью осуществлять движения: *Зимы же суровые здесь; Зимы же здесь злые были, а вот что щас зима, так это не зима была; Кака зима была непутёва, тако и лето; Те года, те года, при моёй памяти, с Покрова зима ложилась; Через месяц у нас пойдёт зима; Тоже хоть бы проскрипеть или умереть бы летом. Снег напал, зима пришла.*

В исследованиях, посвященных изучению концепта «Зима», также отмечается, что в отличие от других времен года зима более очеловечивается в русской культуре, и подчеркивается особое отношение русскоязычных людей к зиме, которое не наблюдается в западной культуре [11]; обозначается, что в художественной литературе зима часто олицетворяется как родной, близкий человек, обычно женщина (*матушка, мать, сестра, старуха, молодка, зазнобушка, любовница, проказница, чародейка* и др.) [54. С. 17], что не представлено в изучаемом материале.

В образном слое концепта, как и в понятийном, отражается цикличность жизни крестьян. В пословице *лето – припасуха, зима – подберуха (лето – запасиха, зима – прибериха), зима придёт – всё приберёт* зима рассматривается как пора расходования всех запасов, заготовленных летом: *Смородиново варенье хорошее. Стакан на стакан, хоть чё сварить. Лето припасу'ха, зима подберу'ха; Лето – запасиха, зима – прибериха. Зима идёт, рот во-о-от какой разинет!* Тот же смысл расходования запасов, сделанных летом и осенью, актуализируется в устойчивом метафорическом выражении *уходить в зиму* (быть израсходованным зимой, закончиться зимой): *Клади клали как сараи оби'рные, длиной дескать, как сказать. Это в зиму уходило.*

Зимние природные явления могут репрезентироваться в языке с помощью метафор родства: *«Внук за дедушкой пришёл* (о новом снеге, выпавшем в конце зимы)» – *это весной. Растает уж, а тут маленько старого [снега]. Новый называют: «По дедушку пришёл». Ну он скорей растает, с этим-то, с новым; Это «мнук, гыт, за дедом пришёл», – говорили раньше.*

Хозяйственные работы по чистке снега также маркируются с помощью метафорической конструкции *е'здить на лопа'те* (очищать снег лопатой): *Так всю зиму на лопате и ежжу, отгребаю всё время.*

В исследуемом материале также представлены метафоры, репрезентирующие зиму как сферу-источник. Так как сочетание *зимой и летом* означает «постоянно, всегда», этот признак лёг в основу номинации постоянно цветущего растения: *Зима и лето – цветок такой мелкий. Зимой и летом цветёт и цветёт.*

Таким образом, отметим, что образный слой концепта «Зима» включает наглядно-чувственные представления человека: образные признаки формируются через осмысление человеком зимы через хорошо знакомые сферы – родственных связей, физических свойств, психологических качеств человека.

Аксиологический слой концепта. Аксиологический слой концепта маркирует его ценностную составляющую. Анализ материала позволяет сделать

вывод, что у сельских жителей складывается прагматическое отношение к использованию зимнего мороза, холода.

Ценностными характеристиками наделяется зима как время сохранения продуктов: *А клюкве зимой ничё не делается, у меня в кадке была; ловли определенных видов рыб, животных: Пушкину только зимой добывали; Сетями летом ловили, зимой белую рыбу ловим – щука это; заготовки леса: Зимней валки лес крепче считается; обустройства зимних дорог, сокращающих путь из одного населенного пункта в другой: Туда зимняком сокращенный путь, ближе зимой.*

Актуализируются эстетические аспекты концепта через признаки красоты природы в зимнее время. В большинстве рассказов сельских жителей зима оценивается как тяжелое время, характеризуется отрицательными оценочными высказываниями: *Ехали мы долго, зимой было очень холодно, маленькие дети умирали; А как август пойдёт – и дождж пойдёт, и нет тепла. Наши мно'ги зырянски в Средню Азию приехали <...> Но лучше, легче там прожить и тепло. А так тут холод <...>. Даже Зимой эти птички летят и замерзают – на лету падают. Кто укрепит-ся, тот может там жить, хоть тяжело; Летом-то я живу хорошо, молодцы мои, а зимой мне трудно. <...> Плиту'шку зимой тепло, а всё холодно. Три машины сёдня выписал. Двадцать пять ведер картошки отдал, чтобы мне привезли; Раньше большие морозы были, ужа'сны. Таки' морозы, теперь дак не вы'дюжишь. Птица на лету' замерзала. Однако для многих жителей сибирских сёл зима является любимым, интересным временем года, сезоном, позволяющим закалять организм: *А зимой можно снегом обтираться. Вискочишь на мороз, аж дух захватывает и обтираешься, зато потом очень хорошо; Просто сказка. Видать, он [одноклассник] тоже зиму любит, потому что у него лета меньше, а в основном зимние фотографии; Ну например, если вот уже ловить рыбу зимой, то это самое интересное, самая интересная, интересная ловля; Сегодня 16 ноября, у нас 23 градуса мороза. Мы зашли в сосновый лес. Вы посмотрите на эту красоту, просто не вышепчешь. Всё кругом как в сказке. <...> Вокруг нас чудо, красота.* Как видно из примеров, зима не всегда оценивается сибиряками негативно, это в целом, по данным исследований, характерно для носителей русского языка [11].*

Отметим также, что в исследуемом материале практически отсутствуют контексты, связанные с искусством и поэзией, и представлены преимущественно контексты, отражающие жизнь, быт и хозяйство крестьян в зимнее время, их прагматическое отношение к зиме, в то время как, например, «в китайской картине мира зиме более свойственен философский смысл, это тесно связывается с многотысячелетним философским размышлением о жизни в народе [54. С. 19]. Как отмечает О.Л. Чоудхури, «показательно, что в “Русском ассоциативном словаре” под ред. Ю.Н. Караулова на стимул *зима* зафиксированы реакции *Пушкин, крестьянин торжествуя*; на стимул *мороз* –

Некрасов, Красный нос, день чудесный; на все другие стимулы, связанные с зимой, зафиксировано большое количество прецедентных поэтических строк» [17. С. 3]. В анализируемых же устных рассказах есть только один контекст, в котором упоминаются стихотворные строки: *Все, а вот эти младшие, «зима...», там «крестьянин торжествует», и...ну просто вот эти все лёгонькие стихотворения, до четырёх классов на пятёрки училась, все знаю до одного.*

Таким образом, концепт «Зима» – один из ключевых концептов сибирской лингвокультуры. Это обусловлено географическим положением Сибири, ее климатическими условиями. В устной речи сельских жителей существует более широкая, чем в литературном языке, система репрезентантов концепта «Зима», отражающих его региональную специфику и показывающих особую важ-

ность для сибиряков природных явлений и погоды. Лексема «зима» и производные от нее лексические единицы зачастую связаны с обозначением природных явлений. В речи жителей сибирских сёл актуализируются восемь когнитивных признаков концепта, в основе каждого из которых лежит понятие времени и отдельные аспекты, которые связаны прежде всего с цикличностью крестьянской жизни и с обеспечением жизнедеятельности семьи в зимнее время. В речевой практике сибиряков фиксируется влияние зимы и зимних природных явлений на быт, хозяйство, жизненный уклад крестьян. В образной составляющей концепта фиксируется осмысление зимы через качества, свойства человека и метафоры родства. Аксиологический слой демонстрирует прагматическое отношение сельских жителей к использованию зимнего холода и мороза.

Список источников

1. Гынгазова Л.Г. Ценностная картина мира диалектоносителя: к проблеме лакуарности // Лакуарность в языке, картине мира, словаре и тексте. Новосибирск, 2009. С. 115–122
2. Демешкина Т.А. Мир природы в зеркале диалекта (на материале среднеобских говоров) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 62. С. 85–103
3. Демешкина Т.А., Толстова М.А. Репрезентация концепта «Лес» (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 60–76.
4. Волошина С.В. Репрезентация концепта «Медведь» в диалектном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 30–46.
5. Евсеева О.А. Зима как базовый концепт национальной картины мира // Актуальные проблемы современной науки в 21 веке : сб. материалов науч.-практ. конф. Махачкала, 2016. С. 46–47
6. Кузьмина Р.П. Концепт «зима» в языковой картине мира эвенов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10-2 (88). С. 305–308.
7. У В. Зима и лето как фрагменты русской языковой картины мира (на фоне китайского языка) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 160. С. 107–112.
8. Сальникова Л.Ю. Образ-концепт «Зима» как составляющая гиперконцепта «Времена года» в русской национальной культуре // Наука и образование в жизни современного общества : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. : в 12 ч. 2012. С. 100–103.
9. Ахматова М.А., Додуева А.Т., Кетенчиев М.Б. Вербализация концепта «кыш» (зима) в карачаево-балкарской языковой картине мира // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2021. Т. 18, № 2. С. 153–164.
10. Борисова Л.В. Концепты «осень» и «зима» в чувашской языковой картине мира (лингвокультурологический аспект) // Вестник Чувашского университета. 2013. № 2. С. 154–161.
11. Салашник Т.В. Концепты 'зима' и 'весна' в национальном сознании носителей русского и английского языков // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 2 (11). С. 35–40.
12. Ван С. Сопоставление концепта «Зимы» в русской и китайской лингвокультурах // Litera. 2022. № 4. С. 9–18.
13. Кун В.Х. Концепт Зима в русских народных сказках // Концепции фундаментальных и прикладных научных исследований : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2018. С. 203–210.
14. Шестеркина Н.В. Концепт «ЗИМА/WINTER» : на материале русских и немецких пословиц // Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования : сб. науч. ст. Серия: Концептуальные исследования. Кемерово, 2012. С. 353–359.
15. Хамитова Э.Р. Реализация национальных представлений о зиме через посредство концептуальной метафоры «природа – человек» в русских загадках // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16, № 3. С. 796–799.
16. Руднева О.В. Лингвистическая репрезентация художественного концепта «Зима» в произведениях И.А. Бунина // Культура, наука, образование : проблемы и перспективы : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Нижневартовск, 2016. С. 288–292.
17. Чоудхури О.Л. Номинативное поле концепта «зима» как предмет обучения русскому языку финских студентов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2011. 24 с.
18. Евсеева О.А. Концепт «Зима» в стихотворении Давида Самойлова «Зима настала» // Актуальные вопросы науки. 2016. № 27. С. 16–18.
19. Фокина А.Д. Концепт «Зима» как обоснование цивилизационной идентичности в сонетах русского «американца» Г.В. Голохвастова // Аллея науки. 2017. Т. 2, № 9. С. 186–188.
20. Сизых О.В., Павлова Ю.А. Смысловой комплекс «Зима» в ранних стихотворениях С.А. Есенина // Актуальные направления научных исследований : от теории к практике. 2016. № 2-2 (8). С. 123–125.
21. Чернова Н.Р. Концепт «зима» как элемент концептосферы «время» в русских и немецких народно-песенных текстах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 110–114.
22. Бурцева Ж.В. Некоторые аспекты воплощения образа-концепта «Зима» в якутской и русскоязычной поэзии // Фольклор и литература народов Сибири: традиции и новации : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Г.У. Эргиса и Г.М. Васильева. Якутск : Ин-т гум. исслед. и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. 2010. С. 160–163.
23. Кудряшова Р.И., Брыкина Е.В., Тарабанова Е. Метеорологическая лексика в одном донском говоре Волгоградской области // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1999. СПб. : ИЛИ РАН, 2002. 247 с.
24. Мочалова Т.И. Метеорологическая лексика как фрагмент диалектной картины мира (на материале русских говоров Республики Мордовия) // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 2009. СПб. : Наука, 2009. С. 163–169.
25. Полякова Н.В. Метеорологическая лексика сельского и русского языков в сопоставительном аспекте // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. 10 (175). С. 94–97.
26. Иванова Л.А. Семантическое поле времени в идиолекте языковой личности сибирского старожила: границы и структура // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 24–29.
27. Араева Л.А. Деривационная активность мотивирующего зима (на материале русских народных говоров) // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сб. науч. ст. Красноярск, 2013. Т. 4, № 4. С. 227–234.

28. Свечкарева Я.В. Деривационный потенциал номинаций времен года в динамическом аспекте (на материале русского языка XI–XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. 22 с.
29. Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX – начало XX в.) / ред. И.А. Айзикова. Томск : Изд. Дом ТГУ, 2019. Введение. С. 6–10
30. Томский диалектный корпус // Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ. Томск, [б. г.]. URL: <http://losl.tsu.ru/corpus> (дата обращения: 05.08.2022).
31. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби. 1964–1983. URL: <http://losl.tsu.ru/dialectdictionary> (дата обращения: 01.07.2022).
32. Вершининский словарь / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. Т. 1–7.
33. Полный словарь диалектной языковой личности / авт.-сост. О.И. Гордеева, Л.Г. Гынгазова, Е.В. Иванцова и др.; под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. Т. 1. А–З. 358 с.
34. Словарь синонимов сибирского говора / авт.-сост. О.И. Блинова, М.Э. Гавар, М.А. Толстова; под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 456 с.
35. Блинова О.И. Словарь антонимов сибирского говора. Томск, 2003. 242 с.
36. Словарь образных единиц сибирского говора / авт.-сост. О.И. Блинова, М.А. Толстова, Е.А. Юрина; под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 220 с.
37. Иванцова Е.В. Идиолектный словарь прецедентных текстов сибирского старожила. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 132 с.
38. Как мы жили: воспоминания и устные свидетельства томских крестьян / публ. Н.М. Дмитриенко, Г.В. Шипиловой; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 199 с.
39. Земичева С.С., Иванцова Е.В. Проект создания Томского диалектного корпуса в свете тенденций развития корпусной лингвистики // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 192–205.
40. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М. : Академический проект, 2004. 992 с.
41. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика : учеб. издание. М. : АСТ: «Восток–Запад», 2007. 226 с.
42. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
43. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.
44. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.
45. Резанова З.И. Обратимые метафорические модели: семантико-функциональная асимметрия (статья 1) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 2 (18). С. 29–43.
46. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. Воронеж : Истоки, 2004. 80 с.
47. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1985–1988. Т. 1. А–Й. 1985. 696 с.
48. Нефедова Е.А. Русские диалекты в современной языковой ситуации // Региональные варианты национального языка: материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / науч. ред. А.П. Майоров. Улан-Удэ, 2013. С. 35–37.
49. Русский ассоциативный словарь. Кн. 3: Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. II / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М. : ИРЯ РАН, 1996. 212 с.
50. Шапошникова И.В., Романенко А.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток) : в 2 т. Т. I. От стимула к реакции / отв. ред. Уфимцева Н.В. М. : Моск. ин-т лингвистики, 2014. 537 с.
51. Волошина С.В. Репрезентация концепта «Сибирь» в автобиографических рассказах томских крестьян // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 28–38.
52. Окишева Л.Н. Климат // Энциклопедия Томской области. Т. 1: А–М. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 295–296.
53. Особенности погоды в Сибири // Сибирь-инфо.рф. URL: <http://сибирь-инфо.рф/content/18>
54. Цзу С. Национально-культурные концепты времён года в русской языковой картине мира (на фоне китайской) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2009. 26 с.
55. Волошина С.В., Толстова М.А. Репрезентация концепта «Богатство» в диалектном дискурсе: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 17–28.
56. Андросов Б.Е. Сибирское краеведение. Хозяйство, быт, традиции, культура старожилов Енисейской губернии XIX – начала XX в. : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Красноярск : РИО КГПУ, 2003. 336 с.
57. Кондратенко М.М. Сравнения и метафоры в славянской диалектной метеорологической лексике // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования). 1993. СПб. : Изд. ИЛИ РАН, 1994. С. 100–102.
58. Кондратенко М.М. Семантическая структура обозначений времени в ярославских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 2000. СПб., 2003. С. 91–100.
59. Дегальцева Е.А. Холод как метафора Сибири (на примере репрезентаций XIX века) // Российский гуманитарный журнал. 2012. Т. 1, № 1. С. 84–94.
60. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 192 с.
61. Волошина С.В., Толстова М.А. Репрезентация концепта «Дорога» в устных рассказах сибиряков // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 460. С. 16–28.

References

1. Gyngazova, L.G. (2009) Tsennostnaya kartina mira dialektonositel'ya: k probleme lakunarnosti [Value picture of the world of a dialect carrier: to the problem of lacunarity]. In: Steksova, T.I. (ed.) *Lakunarnost' v yazyke, kartine mira, slovare i tekste* [Lacunarity in Language, Worldview, Dictionary and Text]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 115–122.
2. Demeshkina, T.A. (2019) The world of nature in the mirror of the dialect (a case study of the concept “swamp”). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 62. pp. 85–103. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/62/6
3. Demeshkina, T.A., Tolstova, M.A. (2020) Representation of the concept “forest” (on the material of dialect speech). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 65. pp. 60–76. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/65/4
4. Voloshina, S.V. (2020) Representation of the concept “bear” in dialect discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 65. pp. 30–46. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/65/2
5. Evseeva, O.A. (2016) [Winter as a basic concept of the national picture of the world]. *Aktual'nye problemy sovremennoy nauki v 21 veke* [Actual Problems of Modern Science in the 21st century]. Proceedings of the 10th International Conference. Makhachkala. 30 April 2016. Makhachkala: Aprobatsiya. pp. 46–47. (In Russian).
6. Kuz'mina, R.P. (2018) Kontsept “zima” v yazykovoy kartine mira evenov [The concept of “winter” in the language picture of the world of the Evens]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 10-2 (88). pp. 305–308.
7. Wu, W. (2013) Zima i leto kak fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (na fone kitayskogo yazyka) [Winter and summer as fragments of the Russian language picture of the world (against the background of the Chinese language)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo*

- pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 160. pp. 107–112.
8. Sal'nikova, L.Yu. (2012) [Image-concept "Winter" as a component of the hyper-concept "Seasons" in Russian national culture]. *Nauka i obrazovanie v zhizni sovremennogo obshchestva* [Science and Education in the Life of Modern Society]. Proceedings of the International Conference. Vol. 12. Tambov. 29 October 2012. Tambov: Consulting company Ucom. pp. 100–103. (In Russian).
9. Akhmatova, M.A., Dodueva, A.T. & Ketenchiev, M.B. (2021) Verbalizatsiya kontsepta "k'ysh" (zima) v karachaevo-balkarskoy yazykovoy kartine mira [Verbalization of the concept "k'ysh" (winter) in the Karachay-Balkarian linguistic picture of the world]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*. 2 (18). pp. 153–164.
10. Borisova, L.V. (2013) Kontsepty "osen'" i "zima" v chuvashskoy yazykovoy kartine mira (lingvokul'turologicheskiy aspekt) [The concepts of "autumn" and "winter" in the Chuvash language picture of the world (linguocultural aspect)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2. pp. 154–161.
11. Salashnik, T.V. (2007) Kontsepty "zima" i "vesna" v natsional'nom soznanii nositeley russkogo i angliyskogo yazykov [Concepts "winter" and "spring" in the national consciousness of Russian and English speakers]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2 (11). pp. 35–40.
12. Wang, S. (2022) Sopostavlenie kontsepta "Zimy" v russkoy i kitayskoy lingvokul'turakh [Comparison of the concept of "winter" in Russian and Chinese linguistic cultures]. *Litera*. 4. pp. 9–18.
13. Kun, V.Kh. (2018) [The concept of Winter in Russian folk tales]. *Kontseptsii fundamental'nykh i prikladnykh nauchnykh issledovaniy* [Concepts of fundamental and applied scientific research]. Proceedings of the International Conference. Orenburg. 20 May 2018. Orenburg: Aeterna. pp. 203–210. (In Russian).
14. Shesterkina, N.V. (2012) Kontsept "ZIMA/WINTER": na materiale russkikh i nemetskikh poslovits [The concept "ZIMA/WINTER": based on Russian and German proverbs]. In: Pimenova, M.V. (ed.) *Kognitivnaya lingvistika i kontseptual'nye issledovaniya* [Cognitive Linguistics and Conceptual Studies]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 353–359.
15. Khamitova, E.R. (2011) Realizatsiya natsional'nykh predstavleniy o zime cherez posredstvo kontseptual'noy metafory "priroda – chelovek" v russkikh zagadkakh [Realization of national ideas about winter through the conceptual metaphor "nature – man" in Russian riddles]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 3 (16). pp. 796–799.
16. Rudneva, O.V. (2016) [Linguistic and stylistic representation of the artistic concept "Winter" in the works of I.A. Bunin]. *Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy* [Culture, Science, Education: Problems and Prospects]. Proceedings of the 5th International Conference. Nizhnevartovsk. 9–10 February 2016. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University. pp. 288–292.
17. Choudkhuri, O.L. (2011) *Nominativnoe pole kontsepta "zima" kak predmet obucheniya russkomu yazyku finskikh studentov* [The nominative field of the concept "winter" as a subject of teaching the Russian language to Finnish students]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.
18. Evseeva, O.A. (2016) Kontsept "Zima" v stikhotvorenii Davida Samoylova "Zima nastala" [The concept "Winter" in David Samoilov's poem "Winter has come"]. *Aktual'nye voprosy nauki*. 27. pp. 16–18.
19. Fokina, A.D. (2017) Kontsept "Zima" kak obosnovanie tsivilizatsionnoy identichnosti v sonetakh russkogo "amerikantsa" G.V. Golokhvastova [The concept of "Winter" as a rationale for civilizational identity in the sonnets of the Russian "American" G.V. Golokhvastov]. *Alleya nauki*. 9 (2). pp. 186–188.
20. Sizykh, O.V. & Pavlova, Yu.A. (2016) Smyslovoy kompleks "Zima" v rannikh stikhotvoreniiakh S.A. Esenina [The semantic complex "Winter" in the early poems by Sergei Esenin]. *Aktual'nye napravleniya nauchnykh issledovaniy: ot teorii k praktike*. 2-2 (8). pp. 123–125.
21. Chernova, N.R. (2009) Kontsept "zima" kak element kontseptosfery "vremya" v russkikh i nemetskikh narodno-pesennykh tekstakh [The concept "winter" as an element of the concept sphere "time" in Russian and German folk song texts]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2. pp. 110–114.
22. Burtseva, Zh.V. (2010) [Some aspects of the embodiment of the image-concept "Winter" in the Yakut and Russian-language poetry]. *Fol'klor i literatura narodov Sibiri: traditsii i novatsii* [Folklore and Literature of the Peoples of Siberia]. Proceedings of the All-Russian Conference. Yakutsk. 24–25 November 2010. Yakutsk: Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of SB RAS. pp. 160–163. (In Russian).
23. Kudryashova, R.I., Brysina, E.V. & Tarabanova, E. (2002) Meteorologicheskaya leksika v odnom donscom govore Volgogradskoy oblasti [Meteorological vocabulary in one Don dialect of the Volgograd region]. In: Vendina, T.I. (ed.) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 1999* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research) 1999]. Saint Petersburg: Institute of Linguistic Research of RAS.
24. Mochalova, T.I. (2009) Meteorologicheskaya leksika kak fragment dialektnoy kartiny mira (na materiale russkikh govorov Respubliki Mordoviya) [Meteorological vocabulary as a fragment of the dialect picture of the world (based on Russian dialects of the Republic of Mordovia)]. In: Vendina, T.I. (ed.) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2009* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research) 2009]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 163–169.
25. Polyakova, N.V. (2016) Meteorologicheskaya leksika sel'kupskogo i russkogo yazykov v sopostavitel'nom aspekte [Meteorological vocabulary of the Selkup and Russian languages in a comparative aspect]. *Vestnik TGPU*. 10 (175). pp. 94–97.
26. Ivanova, L.A. (2017) The semantic field of time in the idiolect of the language personality of the old resident of Siberia: boundaries and the structure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 418. pp. 24–29. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/418/3
27. Araeva, L.A. (2013) Derivatsionnaya aktivnost' motiviruyushchego zima (na materiale russkikh narodnykh govorov) [Derivational activity of the motivating winter (based on Russian folk dialects)]. *Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve: sbornik nauchnykh statey*. 4 (4). pp. 227–234.
28. Svechkareva, Ya.V. (2007) *Derivatsionnyy potentsial nominatsiy vremen goda v dinamicheskom aspekte (na materiale russkogo yazyka XI–XX vv.)* [Derivational potential of the nominations of the seasons in a dynamic aspect (based on the Russian language of the 11th–20th centuries)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
29. Ayzikova, I.A. (ed.) (2019) *Slovesnaya kul'tura Sibiri v obshcherossiyskom i evropeyskom kontekstakh (XIX–Nachalo XX v.)* [Verbal Culture of Siberia in the All-Russian and European Contexts (19th – Early 20th Centuries)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 6–10.
30. *Tomskiy dialektnyy korpus* [Tomsk Dialect Corpus]. (n.d.) [Online] Available from: <http://losl.tsu.ru/corpus> (Accessed: 05.08.2022).
31. Palagina, V.V. (ed.) (1964–1983) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna reki Obi* [Dictionary of Russian Old-Timer Dialects in the Middle Part of the Ob River Basin]. Tomsk: Tomsk State University. [Online] Available from: <http://losl.tsu.ru/dialectdictionary> (Accessed: 01.07.2022).
32. Blinova, O.I. (ed.) (1998–2002) *Vershininskiy slovar'* [Vershinino Dictionary]. Vols 1–7. Tomsk: Tomsk State University.
33. Gordeeva, O.I. et al. (eds) (2006) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Complete Dictionary of Dialect Linguistic Personality]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
34. Blinova, O.I., Gavar, M.E. & Tolstova, M.A. (eds) (2016) *Slovar' sinonimov sibirskogo govora* [Dictionary of Synonyms of the Siberian Dialect]. Tomsk: Tomsk State University.
35. Blinova, O.I. (2003) *Slovar' antonimov sibirskogo govora* [Dictionary of Antonyms of the Siberian Dialect]. Tomsk: Tomsk State University.
36. Blinova, O.I., Tolstova, M.A. & Yurina, E.A. (eds) (2014) *Slovar' obraznykh edinit sibirskogo govora* [Dictionary of Figurative Units of the Siberian Dialect]. Tomsk: Tomsk State University.
37. Ivantsova, E.V. (2016) *Idiolektnyy slovar' pretsedentnykh tekstov sibirskogo starozhila* [Idiolect Dictionary of Precedent Texts of a Siberian Old-Timer]. Tomsk: Tomsk State University.
38. Dmitrienko, N.M. & Shipilina, G.V. (2014) *Kak my zhili: vospominaniya i ustnye svidetel'stva tomskikh krest'yan* [How We Lived: Memories and

- oral testimonies of the Tomsk peasants]. Tomsk: Tomsk State University.
39. Zemicheva, S.S. & Ivantsova, E.V. (2018) Proekt sozdaniya Tomskogo dialektного korpusa v svete tendentsiy razvitiya korpusnoy lingvistiki [The project of creating the Tomsk dialect corpus in the light of corpus linguistics development trends]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 3. pp. 192–205.
 40. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 3rd ed. Moscow: Akademicheskii proekt.
 41. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow: AST: "Vostok-Zapad".
 42. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
 43. Lakoff, G. & Johnson, M. (1990) *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Translated from English. Moscow: URSS. pp. 387–415.
 44. Chudinov, A.P. (2001) *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafori (1991–2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: A cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
 45. Rezanova, Z.I. (2012) Reversible metaphorical models: semantic and functional asymmetry. Article 1. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (18). pp. 29–43. (In Russian).
 46. Rudakova, A.V. (2004) *Kognitologiya i kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Science and Cognitive Linguistics]. Voronezh: Istoki.
 47. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. 3rd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
 48. Nefedova, E.A. (2013) [Russian dialects in the modern language situation]. *Regional'nye varianty natsional'nogo yazyka* [Regional Variants of the National Language]. Proceedings of the All-Russian Conference. Ulan-Ude. 17–19 October 2013. Ulan-Ude: Buryat State University. pp. 35–37. (In Russian).
 49. Karaulov, Yu.N. et al. (1996) *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian Associative Dictionary]. Vol. 3. Part 2. Moscow: Institute of Russian Language of RAS.
 50. Shaposhnikova, I.V. & Romanenko, A.A. (2014) *Russkiy regional'nyy assotsiativnyy slovar' (Sibir' i Dal'niy Vostok)* [Russian Regional Associative Dictionary (Siberia and the Far East)]. Vol. 1. Moscow: Moscow Institute of Linguistics.
 51. Voloshina, S.V. (2017) Representation of the concept "Siberia" in autobiographical stories of Tomsk peasants. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 47. pp. 28–38. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/47/2
 52. Okisheva, L.N. (2008) Klimat [Climate]. In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti* [Encyclopedia of the Tomsk Region]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 295–296.
 53. Sibir'-info.rf. (n.d.) Osobennosti pogody v Sibiri [Features of Weather in Siberia]. *Sibir'-info.rf.* [Online] Available from: <http://sibir'-info.rf/content/18>.
 54. Tszu, S. (2009) *Natsional'no-kul'turnye kontsepty vremen goda v russkoy yazykovoy kartine mira (na fone kitayskoy)* [National-cultural concepts of the seasons in the Russian language picture of the world (against the background of the Chinese one)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Vladivostok.
 55. Voloshina, S.V. & Tolstova, M.A. (2018) Representation of the concept "wealth" in the dialect discourse: constants and transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 55. pp. 17–28. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/55/2
 56. Anduysev, B.E. (2003) *Sibirskoe kraevedenie. Khozyaystvo, byt, traditsii, kul'tura starozhilov Eniseyskoy gubernii XIX – nachala XX vv.* [Siberian Local History. Economy, way of life, traditions, culture of the old-timers of the Yenisei province of the 19th – early 20th centuries]. 2nd ed. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
 57. Kondratenko, M.M. (1993) Sravneniya i metafori v slavyanskoy dialektnoy meteorologicheskoy leksike [Comparisons and metaphors in Slavic dialect meteorological vocabulary]. In: Gerd, A.S. & Popov, I.A. (eds) *"Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)"* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research)]. Saint Petersburg: Institute of Linguistic Research of RAS. pp. 100–102.
 58. Kondratenko, M.M. (2003) Semanticheskaya struktura oboznacheniy vremeni v yaroslavskikh govorakh [Semantic structure of time designations in Yaroslavl dialects]. In: Glebova, O.A., Kuznetsova, E.Zh. & Myznikov, S.A. (eds) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research)]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 91–100.
 59. Degal'tseva, E.A. (2012) Kholod kak metafora Sibiri (na primere reprezentatsiy XIX veka) [Cold as a metaphor for Siberia (on the example of representations of the 19th century)]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. 1 (1). pp. 84–94.
 60. Voloshina, S.V. (2008) *Rechevoy zhanr avtobiograficheskogo rasskaza v dialektnoy kommunikatsii* [Speech genre of an autobiographical story in dialect communication]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
 61. Voloshina, S.V. & Tolstova, M.A. (2020) The representation of the concept "road" in oral stories of Siberians. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 460. pp. 16–28. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/460/2

Информация об авторах:

Волошина С.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: vsv1304@yandex.ru

Толстова М.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: tolstova_11@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.V. Voloshina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vsv1304@yandex.ru

M.A. Tolstova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tolstova_11@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.09.2022;
одобрена после рецензирования 15.11.2022; принята к публикации 28.11.2022.

The article was submitted 07.09.2022;
approved after reviewing 15.11.2022; accepted for publication 28.11.2022.

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/15617793/484/3

Лексикографическая фиксация семантических процессов в русской разговорной речи (на материале многозначных существительных)

Виолетта Михайловна Грязнова¹

¹ Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия, violetta-sgy@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются дефиниции многозначных оценочно-характеризующих существительных, взятые из толковых словарей XX–XXI вв., а также тексты их функционирования в русской разговорной речи. Обосновано положение о том, что представленные толкования могут служить источником информации о развитии средств выражения эмоциональной оценки в результате угасания денотативно-сигнификативного компонента и гипертрофирования оценочного, а также выявляет этапы этого процесса.

Ключевые слова: толковый словарь, дефиниция, существительное, многозначность, десемантизация, континуальность и диффузность семантики

Для цитирования: Грязнова В.М. Лексикографическая фиксация семантических процессов в русской разговорной речи (на материале многозначных существительных) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 27–34. doi: 10.17223/15617793/484/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/3

Lexicographic fixation of semantic processes in Russian colloquial speech (based on the material of polysemous nouns)

Violetta M. Gryaznova¹

¹ North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation, violetta-sgy@mail.ru

Abstract. The article analyzes the dynamics of the semantic structure of polysemous evaluative-characterizing nouns in the modern Russian language. Russian dictionary definitions of these nouns in explanatory dictionaries of the 20th and 21st centuries, such as BAS, MAS, Ushakov's Dictionary, as well as texts of the nouns' functioning in Russian colloquial speech taken from the Russian National Corpus, served as the material of the work. The material was selected based on the presence in a polysemous evaluative name in colloquial speech of figurative meanings whose content includes an emotional evaluation only, or an emotional evaluation and a blurred designation of a fragment of reality. The analysis of these definitions shows that they belong to several groups according to the correlation of the interpretation of the studied noun and its content in an illustrative example. There are dictionary entries in which the information about the content of the studied words is, in the author's opinion, correct, and dictionary entries of an ambiguous, mixed nature. The most common type of correct dictionary interpretation is as follows: the meaning is characterized by the dictionary compilers as diffuse, its significative component coexists on a par with the emotional-evaluative one. The author believes that partially emptied figurative meanings demonstrate the continuity of the semantic structure of a polysemous word and identifies lexico-syntagmatic markers that allow distinguishing the named meaning. The second type of correct interpretation is less common: the meaning is described as an evaluative one, devoid of a denotative-significative component, an illustrative example also refers to a completely desemantized evaluative meaning. At the same time, the use of a completely emptied figurative meaning is common in colloquial speech. The third type of correct interpretation is rare: the emptied figurative meaning is described by lexicographers as an interjection, sometimes even labelled "interjection", an illustrative example corresponds to this interpretation. In this case, the lexeme has a pragmatic broad meaning, it expresses a particular emotion and does not mean an emotional evaluation, like in an independent evaluative meaning. The author also notes and classifies the interpretations of desemantized figurative meanings, in which the correspondence between the description of the meaning and its illustration is violated to one degree or another. Based on the above, the author concludes that in the explanatory dictionaries of the 20th and 21st centuries, the description of the semantics and pragmatics of the figurative meanings of the studied nouns is variable and ambiguous due to their vagueness, significant conditionality by a narrow and wide context, hypertrophied share of emotional content compared to the denotative-significative one.

Keywords: explanatory dictionary, definition, noun, polysemy, desemantization, continuity and diffuseness of semantics

For citation: Gryaznova, V.M. (2022) Lexicographic fixation of semantic processes in Russian colloquial speech (based on the material of polysemous nouns). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 27–34. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/3

Повседневная речь (в ее естественном виде и отраженная в художественной литературе) стала привлекать внимание ученых, начиная со второй половины XX столетия. Одной из ее характерных лингвистических особенностей является редуцирование предметного и гипертрофирование эмоционально-оценочного содержания языковых единиц. Вот как описывает устное общение в быту В.И. Карасик: «Важнейшими характеристиками устного обиходного общения являются сокращение вокабуляра, размытая семантика базовых единиц, их контекстуальная обусловленность (прагматическая широкозначность), резко увеличенная доля эмоционального содержания по сравнению с рациональным, сокращенный и упрощенный синтаксис, снижение стилового регистра» [1. С. 92].

Объектом работы являются оценочно-характеризующие многозначные имена существительные, имеющие в разговорной речи такие переносные значения, содержание которых включает только эмоциональную оценку или эмоциональную оценку и размытое обозначение фрагмента действительности.

В лингвистике второй половины XX и начала XXI в. активно разрабатывается проблематика, связанная с развитием семантической структуры слова. Так, Д.Н. Шмелёв описал ряд примеров, в которых сложно разграничить многозначность и омонимию [2. С. 79–81]. Ю.Д. Апресян на конкретном материале выявил явление лексической неоднозначности [3. С. 44–46]. Н.Д. Арутюнова в книге «Язык и мир человека» исследует соотношение дескриптивного и оценочного значений в составе предикатов, выраженных прилагательными [4. С. 34–40]. Е.В. Урысон на конкретных примерах выделила промежуточное значение многозначного слова как варьирование его вершинного компонента [5–7]. В статье Е.В. Падучевой рассматривается семантическая деривация как фактор, обуславливающий регулярную многозначность [8]. В монографии А.А. Зализняк рассмотрено совмещение значений в структуре многозначной лексики на материале наречий и глаголов [9. С. 74–200]. Е.В. Рахилина, изучая прилагательные цвета, размера и др., описывает влияние на развитие значения слова лексической сочетаемости [10. С. 116–140, 175–191]. Е.Б. Никифорова, Е.С. Мордвинкина в семантической структуре названий сладостей выявляют вторичные оценочные значения, в которых актуализируется или нейтрализуется денотативный компонент [11]. В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, В.Д. Драгой и другие ученые представили комплексный анализ полисемии, интегрирующий лексикографические, количественные, психолингвистические и нейролингвистические методы [12]. При этом динамика семантической структуры многозначных оценочно-характеризующих существительных, диффузность семантики их производных переносных значений, обусловленная ослаблением номинативной функции, не становились предметом специального лингвистического изучения.

Предметом работы является специфика переносных значений оценочно-характеризующих многозначных имен существительных (континуальность, диффузность, узуальная и языковая многозначность, возникновение междометных употреблений узуального или нормативного характера), а также особенности фиксации таких номинаций в толковых словарях русского языка. Материалом работы послужили дефиниции названных лексем в толковых словарях русского языка и выборка из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) – основного, газетного, устного, поэтического подкорпусов.

В нашей картотеке около 200 подобных многозначных слов. Список их является открытым и постоянно пополняющимся. В своем прямом значении названные имена могут быть конкретными (*нож, пустышка*), вещественными (*муть, клубничка, нафталин*), собирательными (*барахло, старьё*), абстрактными (*загляденье, жуть, писк, позор, тоска*) и относиться к разнообразным лексико-тематическим группам.

Общим лексическим признаком изучаемых номинаций является то, что в их прямом значении, наряду с преобладающим денотативно-сигнификативным компонентом, присутствует (как дополнительная) положительная или отрицательная сема оценки, имплицитная (*нафталин, нож, писк*) или выраженная языковыми средствами: суффиксами (*игрушка, конфетка*), корнем (*мечта, смерть, срам*). Исключения очень редки, например, слово *вещь* в прямом значении не имеет оценочной семы, но употребляется в разговорной речи в интересующем нас переносном значении (Поэзия – это *вещь*!). В возникшем переносном значении сема оценки разрастается и полностью или частично вытесняет денотативно-сигнификативный компонент.

Явление редуцирования предметного содержания в семантической структуре названной группы существительных нередко фиксируется авторами толковых словарей (в описании переносного значения и (или) в иллюстративных примерах). В то же время у ряда имен частотные в речи переносные значения не отмечаются лексикографами, например, у лексем *барахло, жуть, катастрофа, муть* в БАС, *катастрофа, семечко* в МАС, *блаженство, катастрофа, конфетка, нож, писк* – в Сл. Ушакова и т.п. В целом описание в словарях переносных десемантизированных значений является неоднородным и в ряде случаев недостаточно ясным, одна и та же лексема может толковаться в разных словарях неодинаково. По соотносительности толкования номинации и ее содержания в иллюстративном примере мы выделили несколько разновидностей фиксации переносных десемантизированных значений изучаемых существительных. Вначале опишем словарные статьи, в которых информация о содержании исследуемых слов является, по нашему мнению, корректной.

Корректные толкования существуют в трех разновидностях.

1. **Первый тип.** Значение характеризуется составителями словаря как диффузное (неполностью опустошенное, начальный этап десемантизации), в нем сигнификативный компонент (чаще прямого, реже переносного значения слова) не вытеснен, а сосуществует в содержании лексемы наравне с эмоционально-оценочным. Описание такого диффузного значения сопровождается иллюстративным примером, в котором существительное также обладает неполностью опустошенной семантикой, что в целом является корректным. Это наиболее распространенный тип словарного толкования. Приведем некоторые примеры:

Бальзам. 4. перен. То, что успокаивает, облегчает страдания. Музыка – *бальзам для души*. Дружба – *целительный бальзам*. (РСС. Т. 3. С. 570). **Мрак.** 2. перен. О чем-нибудь тоскливом, мрачном. *Мрак на душе*. (СУ. Т. 2. С. 271). **Муть.** // перен. Что-л. смутное, нечистое, грязное. О чувствах, переживаниях и т.п. Он знал, что если пошевелится – вся *муть сегодняшней ночи* ударит в голову, нарушив спокойное созерцание всех вещей... А.Н. Толстой, Хромой барин. (БАС. Т. 6. С. 1391; аналогично СУ. Т. 2. С. 284). **Надежда.** 2. То, на что можно надеяться как на будущую помощь, поддержку. Сын – *надежда семьи*. Спасатели пострадавших – *единственная надежда*. (РСС. Т. 3. С. 571; аналогично БАС. Т. 11. С. 1734). **Отрада.** 2. обычно в знач. сказ. О том, кто (или что) доставляет кому-либо удовольствие, утехы. (г-жа Простакова:) Одна моя забота, *одна моя отрада* – Митрофанушка. Его готовлю в люди. Д. Фонвизин, Недоросль. (БАС. Т. 8. С. 1559; аналогично РСС. Т. 3. С. 571). **Очарование.** 4. Разг. О ком-, чем-либо пленительном, очаровательном. Сестре я прислала материйку: это *такое очарование*, которого просто нельзя выразить словами. Н. Гоголь, Мертвые души. (БАС. Т. 8. С. 1787). **Писк.** 2. Перен. Разг. О возгласах, выражающих неудовольствие, о шуме, брани. Случилось также мне попасть в начальники цензуры. Конечно, не за тем, чтоб красть. Что взять с литературы? А так, порядок водворить... Довольно было *писку*. Н. Некрасов, Из автобиограф. ген-лейт. Рудометова. (БАС. Т. 9. С. 1234). **Подарок.** // перен. О предмете, случае, доставившем неожиданное удовольствие. Ваш приход – *большой подарок для меня*. (СУ. Т. 3. С. 868). **Пустышка.** 3. Пустой, легкомысленный человек. Ох, как бы, в самом деле, не наболтала чего-нибудь Сергею эта *завитая пустышка!* – подумал он. Карав., Разбег, П, 13. (БАС. Т. 11. С. 1734). **Улада.** 1. // О том, что (или кто) доставляет наслаждение, удовольствие, радость. Улада чья или чего / то, что доставляет наслаждение, радость. И он, царевич ненаглядный, *Улада сердца и очей*, Теперь безжизненный и хладный. Вяземский, Вечером на берегу моря. *Их главной уладой* было сознание воли. Злобин, Степан Разин, I, 2. (БАС. Т. 16. С. 893).

В приведенных словарных дефинициях и описание значения, и примеры соответствуют диффузному характеру переносного значения, что демонстрирует непрерывность семантической структуры многознач-

ного слова. Полисемия базируется на идее дискретности содержания слова, предполагается, что конкретные употребления слова в речи распределяются по отдельным значениям. Однако семантика естественного языка обладает таким свойством, как континуальность. Языковые единицы, эксплицирующие языковую семантику, являясь отдельными (дискретными) элементами, в то же время отражают бесчисленные оттенки и плавные переходы смыслов, обусловленные континуальностью языка. По мнению А.Д. Лыкова, «человек живет (еще точнее: вынужден жить) в мире континуумов и континуальностей. А для оценки и принятия жизненно важного решения он вынужден дискретизировать объект-континуум, сделать его принципиально пригодным для измерений и оценок...» [13. С. 49]. Д.Н. Шмелёв выдвинул тезис о диффузности значений многозначного слова как о решающем факторе, определяющем его содержание [2. С. 86]. В.И. Шаховский в книге «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка» называет связь между коннотацией и денотацией в коммуникативном акте «относительной диархией <...> с превалированием той или иной стороны в зависимости от намерений говорящего» [14. С. 35].

Маркером представленного выше диффузного переносного значения, зафиксированного в словарях, является специфика его лексической синтагматики в иллюстративных примерах. В ней присутствуют вербализованные семантические актанты (субъект, объект, содержание и т.п.), в значении которых находится часть информации, выражаемой искомым словом. В этих случаях в содержании изучаемого существительного, помимо выражения оценки, сохраняется описание компонентов его сигнификата. Указанные маркеры показывают, что выражаемое лексемой значение является диффузным, в нем денотативно-сигнификативный компонент полностью не вытеснен, а только редуцирован и сосуществует в содержании лексемы наравне с эмоционально-оценочным, но его свойства неопределенны и размыты. В названных дефинициях это такие фрагменты иллюстративных примеров: *улада сердца и очей, их главной уладой, отрада для глаз, надежда семьи, муть сегодняшней ночи, мрак на душе, бальзам для души* и т.п. Морфологическое выражение подобных сигнификативных компонентов разнообразно: зависимые слова, прилагательные предложения (это такое *очарование, которого...*). Степень десемантизации выделенных слов является незначительной.

В разговорной речи диффузные переносные значения или употребления встречаются часто, что обусловлено континуальностью языка и речи (здесь и далее примеры приводятся из НКРЯ):

«... перед тобой лежит путь без конца, над головой простирается вечное небо <...>. И это – бальзам для *больной души*». (В.М. Шулятиков, О новейшем реализме // Курьер, 1901). «Окончив чтение, Мостовской несколько минут сидел, полускрыв глаза. Да, это написано потрясенным человеком. *Катастрофа убогого духа!*». (Василий Гроссман, Жизнь и судьба, часть 2, 1960). «На эти речи я отвечал с усмешкой.

Это – *муть*, это пена, что поднялась со дна и непременно туда оседает». (М.О. Меньшиков, Жива Россия, 1909). «Школа – это прообраз будущего. Это – оазис общественности». (Р. Лемберг, Школа рабочего подраста (1923). «Не менее захватывает парк Тиволи – великолепный оазис развлечений в самом центре Копенгагена». (Королевство сказок (2000). // «Туризм и образование», 2000.06.15). «Если «Ангелы» – чтение бесполезное, но довольно тоскливое, то «Страх и ненависть» – это *живительный* родник и орифламма сияющая». (Роман Волобуев, Полпинты сырого эфира. Экстремальные заветы Хантера С. Томпсона – не верь, не бойся и пиши (2002) // «Известия», 2002.03.03). «Путешествие» Радищева – чистый родник вдохновения для Пушкина как родоначальника новой русской литературы». (А.М. Еголин, Великий поэт русского народа. К 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина // «Наука и жизнь», 1949). «Как уверяла продавщица, платье – *писк вечерней моды*». (Татьяна Тронина, Русалка для интимных встреч, 2004). «Наружное телевидение» – *последний писк в проведении спортивных массовых мероприятий*». (Анна Филимонова, Лужков перенес чемпионат мира по футболу в центр Москвы // «Известия», 2002.05.29).

2. Второй тип корректного толкования встречается реже. Значение описывается лексикографами как собственно оценочное, опустошенное. Иллюстративный пример также относится к полностью десемантизированному оценочному значению:

Барахло. 3. презр. и бран. О ком-, чем-л. плохом, дрянном. Станет меня совесть точить *из-за такого барахла*, как этот дед. М. Шолохов, Тихий Дон. (МАС. Т. 1. С. 61; аналогично РСС. Т. 3. С. 572). **Глупость.** 5. Глупости! Оценка чего-н. как неразумного, неверного (разг.). Оденься, ты простудишься. – *Глупости*. (РСС. Т. 3. С. 572; аналогично МАС. Т. 1. С. 317). **Жуть.** 2. в знач. сказуемого (со словами прямо, одна или без них). О чем-н. страшном, приводящем в ужас (простор.). Вспомнить о вчерашнем приключении – *жуть (одна)*. (СУ. Т. 1. С. 881; аналогично РСС. Т. 3. С. 573). **Катастрофа.** 4. перен. О чем-н. ужасном, пугающем. Потерял ключи – *катастрофа!* (РСС. Т. 3. С. 573). **Красота.** 6. в знач. сказ. прост. Солнце, речка, кувшинки вон плавают... *Красота*, да и только. М. Шолохов, Они сражались за Родину. (МАС. Т. 2. С. 123). **Романтика.** 2. Выражение высокой оценки чего-нибудь приятного, вдохновляющего. Отдохнули, покатались на лодке, искупались – *романтика!* (РСС. Т. 3. С. 571). **Семечко.** 4. Семечки! Оценка чего-н. как несущественного, легкого для исполнения. Такую задачку решить – *семечки!* (РСС. Т. 3. С. 575). **Сказка.** 1. // О чем-л. необыкновенном, поразительном, чудесном. – Голубушка, как хороша! Ну что за шейка, что за глазки! Рассказывать – так, право, *сказки!* И. Крылов, Ворона и Лисица. (МАС. Т. 4. С. 102; аналогично РСС. Т. 3. С. 571). **Смерть.** 2. О чем-л. очень неприятном, нехорошем, тяжком для кого-л. Иной раз разнеможешься – *просто смерть!* Спину словно перешибет, в голове звенит. Салт., Невин. рассказ. 10. (БАС. Т. 13. С. 1357; аналогично МАС. Т. 4. С. 152). **Прелесть.** 5. О том, кто (или что) вызывает восхище-

ние красотой, изяществом и т. [Алена:] Квартира *пре-лесть*... солнечно, просторно. Погодин, Цветы живые. (МАС. Т. 3. С. 378).

Во второй группе корректных дефиниций характеристика содержания лексемы и приведенные иллюстративные примеры полностью или частично соответствуют друг другу и передают опустошенный характер подобного переносного значения. Необходимо отметить, что словарные дефиниции вида «оценка чего-н. как несущественного, легкого для исполнения» (*семечко*) или «выражение высокой оценки чего-нибудь приятного, вдохновляющего» (*романтика*) точнее передают характер нового значения/употребления, функция которого изменилась (не назвать, а охарактеризовать, выразить отношение), чем дефиниции вида «о ком-чем-н. плохом, негодном» (*смерть*) или «о ком-чем-н. положительном, вызывающем восхищение» (*прелесть*), в которых, кроме оценки, называется обобщенная сигнификативно-денотативная сема 'предмет'. В разговорной речи опустошенные переносные значения или употребления встречаются часто, что обусловлено увеличением в ней доли эмоционального содержания по сравнению с рациональным:

«... для меня горный воздух – *бальзам*; хандра к черту, сердце бьется, грудь высоко дышит...» (И.С. Зильберштейн, Лучшая зарубежная коллекция реликвий русской культуры // «Огонек». № 5–6, 1970). «Это была не каша, а *истинный бальзам!*» (С.Л. Рябцева, Дети восьмидесятых, 1989). «Товар – *откровенное барахло*». (Никита МИРОНОВ, Москва фильтрует базар // Комсомольская правда, 2008.07.16). «На этой ноте мне объясняли, что рассказ – *полное барахло*, но “есть, определенно в этом что-то есть!”». (РАСТИ, КОРЯВАЯ СОСЕНКА! // Труд–7, 2007.09.04). «Люди, дающие наслаждение, – вот благодать!». (Алексей Щеглов, Фаина Раневская: вся жизнь, 2003). «Кто сказал, что автомобиль – средство передвижения? Это – *игрушка!*». (Максим Сачков, За рулем первого в мире (2004) // «За рулем», 2004.03.15). «Посмотри, какой чудный щенок, *прямо игрушка!*». (Нина Катерли, Дневник сломанной куклы // «Звезда», 2001). «Не мужик – *конфетка*». (Ю.И. Андреева, Многоточие сборки, 2009). «Орсовская столовая – *прелесть, конфетка*, заповедник комфорта». (Виль Липатов, И это все о нем, 1984). «Да, моментов мы снова создали много, но реализация – *просто мрак*». (А. Лисин, Раздавила. Форвард сборной Испании Давид Вилья расправился с Гондурасом // Советский спорт, 2010.06.23). «Перезахоронка, считай, *самая муть*. Вонь забирается – хоть мылом нос полощи, не отобьешься!» (Сергей Каледин, Записки гробокопателя, 1987–1999). «Слова героев стали афоризмами и даже эпизодические роли – *находка*». (Коллективный. Форум: рецензии на фильм «Служебный роман», 2006–2010). «Богатство – *это нож*... Им можно много хорошего сделать, а делают больше зла... да». (Д.Н. Мамин-Сибиряк, Хлеб, 1895). «Любое историческое кино – *чистая сказка!* Любое». (Коллективный. Форум: Адмирал, 2011). «А Кара-чаево-Черкесия – Домбай, Теберда, Архыз – *это про-*

сто сказка». (Коллективный. Форум: Где можно было бы отдохнуть, 2013). «Бархат сейчас – *самый писк*, его нигде не достать». (Ирина Полянская, Твой Чижик, 1996). «Звезда в шоу-бизнесе – *это пустышка*, в которую вложен мешок денег». (Андрей Пермяков, Разговоры с Андреем Пермяковым // «Волга», 2009). «Выяснилось, что всякий человек, пытающийся привлечь к себе внимание, есть человек самовлюбленный и нехороший... в то время как на самом деле он *просто-напросто пустышка* в павлиньих перьях». (Мариам Петросян, Дом, в котором... 2009).

Анализ примеров второй группы корректных дефиниций показывает, что семантико-синтаксическим маркером опустошенных оценочных переносных значений является их употребление только в функции квалификации, характеристики фрагмента действительности. Данная функция чаще всего выражается предикатом (в двусоставном предложении) без сопровождения его зависимыми лексемами, (актантами по отношению к содержанию слова, выражающими ту или иную семантическую роль). Лексическая сочетаемость такого предиката очень узка: частицы – *это мечта, это муть, просто смерть, просто муть, прямо игрушка, это просто сказка*; десемантизированные прилагательные и местоимения – *настоящая игрушка, полное барахло, полный мрак, откровенное барахло, истинный бальзам, чистая сказка, отдельный писк, самый писк, самая муть, последний писк*.

Семантико-синтаксическая функция квалификации в примерах второй группы корректных дефиниций может также репрезентироваться в лично-субъектных номинативных предложениях, которые «сообщают об оценке, квалификации того положения, в котором находится субъект той ситуации, в которой он оказывается» [15. С. 363]. По мнению Н.Ю. Шведовой, семантическая структура названных предложений-высказываний является следующей: «...субъект – его оцениваемое ситуативное состояние» [15. С. 363], в которой искомое слово выполняет роль семантического предиката:

«На завтра мне надо делать старославянский – *жуть*, так не хочется». (Письмо студентки, 2000). «Самостоятельная стала – *жуть*». (Екатерина Завершнева. Высотка, 2012). «Нугзар шел следом, пытаюсь вспомнить, где сидит та маленькая китайка, <...> – *настоящая* игрушка, носи с собой в кармане». (Михаил Гиголашвили, Чертовое колесо, 2007). «Если в последнее время в детском паллиативе проклевываются позитивные перемены, то у взрослых – *полный мрак*». (Наталья Гранина, «Человек думает о смерти из-за страха» // lenta.ru, 2019.02.11). «Хотя, честно говоря, я не курсе “новостей с проекта”. Бузова там или не Бузова... *Мрак*, конечно». (Захарова оценила идею Чубайса поработать в «Доме-2» // lenta.ru, 2019.01.24). «Хотя – впечатление немного, *просто муть* какая-то, вздор». (М.А. Осоргин, Сивцев Вражек, 1928). «А как она кричала! – *это отдельный писк*». (Е.В. Новицкий, Мефистофель Forever // «Волга», 2008). «– И некурящий, – добавил Иван. Профессор посмотрел на него. – Золотой мужик. – Подарок, – ещё сказала Нюра». (Василий Шукшин, Печки-лавочки, 1970–1972). «Знал,

что тут у них – *пустышка*». (Борис Васильев, Картежник и бретер, игрок и дуэлянт, 1998). «Как пойдет он эти разговоры свои без конца вести, – говаривал мой отец, – так *просто смерть*, право». (В.В. Виноградов, Этюды о стиле Гоголя, 1923–1926). «У меня нет способности ясно формулировать свои критические мысли. Иногда несу такую чепуху, что *просто смерть*». (А.П. Чехов, Письма Л.А. Авилловой, 1892).

Довольно редко семантико-синтаксическая функции квалификации изучаемых лексем реализуется в такой единице устной разговорной речи, как именительный темы, в котором изучаемые слова составляют грамматически самостоятельно оформленную вторую часть, выполняющую функцию предсказания сообщения относительно денотата, названного в первой части:

«Знаменитость. Фотохудожник. *Последний писк*. Известен в Европе, Америке, даже в Японии». (Виктор Ломов, Музей // «Октябрь», 2002).

Переносные опустошенные оценочные значения исследуемых лексем в корректных дефинициях второго типа имеют гипертрофированное контекстуально обусловленное эмоционально-оценочное содержание и сведенное к нулю предметно-понятийное. Форма слова фразеологически закреплена (только словоформа именительного падежа, как правило, единственного числа, редко – множественного), синтаксическая функция – предикат, возможная лексическая сочетаемость узка и специфична, а также лично-субъектное номинативное предложение с данным существительным, которое сообщает об оценке. В целом приведенные примеры опустошенных переносных оценочных значений демонстрируют явление узальной или языковой (в случае фиксации словарями) многозначности.

3. **Третий тип** корректного толкования оценочного значения изучаемых многозначных существительных встречается редко. Опустошенное переносное значение характеризуется лексикографами как междоменное употребление, иногда даже с пометой «междометие». Иллюстративный пример соответствует такому толкованию:

Глупость. 3. только мн. в знач. междометия. Употребляется в реплике для выражения несогласия с чем-н., возражения против чего-н. (разг. фам.). *Глупости!* Никогда этому не быть. (СУ. Т. 1. С. 573). **Красота.** 6. простореч. Как междометие, выражающее восхищение, удовольствие. — Ну и гребет... *Красота!* — наблюдая за Черкизовым и любуясь им, сказал Павлин. Н. Никитин, Северная Аврора. — Давно? — картавя, тараторила Иринка. — Только что? *Вот красота!*.. А мы тебя через неделю ждали! Мальцев, От всего сердца. (БАС. Т. 5. С. 1600; аналогично СУ. Т. 1. С. 1502). **Прелесть.** 3. // в качестве восклицания при выражении восхищения или для усиления приятного впечатления в разговоре. Звонарев молча протянул девушке подарок капитана. — *Какая прелесть!* Степанов, Порт-Артур. (БАС. Т. 11. С. 227). **Смерть.** Смерть моя! (разг.). Восклицание, выражающее неприязненное отношение к чему-н. На басни бы налег. Ох, басни — *смерть моя!* А. Грибоедов. (СУ. Т. 3. С. 298). **Чудо.** 4. в знач. сказ. Удивительно,

поразительно. (Юлинька:) А мы вчера в парке были. Как весело было – *чудо!* А. Островский, Доходное место. (МАС. Т. 4. С. 691; аналогично СУ. Т. 4. С. 1302; БАС. Т. 17. С. 1170).

Полагаем, что возникновение междометных употреблений происходит на базе гипертрофированного оценочного десемантизированного переносного значения. В этом случае лексема *выражает* ту или иную эмоцию, а не обозначает эмоциональную оценку, как в самостоятельном оценочном значении. Междометные употребления характеризуются широкой контекстуальной обусловленностью и встречаются в самостоятельном нечленном высказывании, чаще всего восклицательном. В общем значение омонимичного междометия можно охарактеризовать так: ‘восклицание, выражающее положительную / отрицательную эмоцию (радость, восторг, восхищение/разочарование, неудовольствие)’. Использование в речи существительных в качестве междометий зафиксировано в разделе «Междометия» Русской грамматики–80: «Главными источниками пополнения непервообразных междометий являются оценочно-характеризующие существительные типа *горе, беда, смерть, страх, ужас, крышка, табак, труба, каюк, дудки, пропасть, дьявольщина...*» [15. С. 733].

В разговорной речи подобные высказывания частотны: «Я сел за рояль и стал наигрывать мелодии. Одну сыграл. Говорит: “*Баракло*” Князев Андрей, ВЛАДИМИР ШАЙНСКИЙ: ВМЕСТЕ ВЕСЕЛО ШАГАТЬ // Труд–7, 2005.12.01). «Как просторно здесь, тихо, спокойно! *Благодать!*» (В.Д. Алейников, Тадзимас, 2002). «Колышек на месте – погода сухая. *Благодать!* А много ли пастуху надо ли?» (Андрей Попов, Тайны ночного леса, 2003 // «Спецназ России», 2003.08.15). «– Ах, у нас была квартирка! Конфетка, а не квартирка!». (М.И. Цветаева, Вольный проезд, 1918). «Я когда смотрю на наших рокеров в косухах, с длинными крашеными волосами... *Мрак!*». (Алексей Певчев, Евгений Маргулис: «Видеть себя, поющего молодежные песни, противно» // Известия, 2013.01.30). «Ривз, стиль, атмосфера, жутко харизматичные персонажи, не менее классно отыгранные... Просто сказка...». (Коллективный. Форум: Константин, Constantine, 2005–2007).

Некорректные толкования. В то же время нами отмечены иные дефиниции десемантизированных переносных значений многозначных существительных, в которых с той или иной степенью нарушается соответствие между описанием значения и его иллюстрацией, на основании чего они отнесены к некорректным. Такие толкования представлены четырьмя разновидностями.

1. Первая разновидность. Толкование является денотативно-сигнификативным, относится к прямому значению имени, а иллюстративный пример – к его полностью (*блаженство*) или частично опустошенному переносному значению (*отрада, услада*). Во втором случае изучаемая номинация имеет вербализованные семантические актанты:

Блаженство. 2. наслаждение. О, какое это было удовольствие, даже *блаженство* – хорошенько намылиться душистым мылом, посидеть в горячей воде, вычистить зубы, а потом лечь в удобную постель. Катаев, Поездка на Юг. (МАС. Т. 1. С. 96; аналогично РСС. Т. 3. С. 570). **Отрада.** 1. удовольствие, радость, удовлетворение. *Воителю* слава – *отрада*. А. Пушкин. (СУ. Т. 2. С. 974). **Услада.** 1. устар. радость, отрада. Встреча с другом – *услада для души*. Соловьиные песни – *услада для слуха*. (РСС. Т. 3. С. 572).

2. Вторая разновидность. Значение лексемы толкуется как переносное денотативно-сигнификативное (диффузное), а в иллюстративном примере данное слово употреблено в полностью десемантизированном значении, что проявляется в лексической сочетаемости исследуемого имени с опустошенными прилагательными или указательными частицами, в его предикативной синтаксической функции и в гипертрофированном оценочном значении (денотативно-сигнификативное сведено к нулю).

Баракло. 2. Негодная вещь, хлам, дрянь (разг. вульг.). Пальто мне попало – *настоящее баракло*. (СУ. Т. 1. С. 90). **Благодать.** О состоянии довольства, удовлетворении, радости. – Люблю спать на чердаках, – сказал он. – Иззябнешься, умаешься, а там сухо, от солнышка под крышей все нагрето. – *Благодать!* Паустовский, Бабушкин сад. (МАС. Т. 1. С. 93). **Благодать.** 1. О чём-нибудь хорошем, имеющемся в изобилии (разг.) В семье много детей – *это благодать!* Всякая погода – *благодать!* (РСС. Т. 3. С. 570). **Блеск.** 5. блеск! *в сказ.* О чем-нибудь очень хорошим, впечатляющем *Фильм – блеск!* (РСС. Т. 3 С. 570). **Игрушка.** 3. В значении сказ. и в сравн. О ком-чем-н. излишнем, нарядном (разг. фам.). Паровоз выпустили – *прямо игрушка*. (СУ. Т. 1. С. 1132). **Игрушка.** 4. перен. О чем-н. очень приятном, красивом (разг.). Дача у него – *игрушка*. (РСС. Т. 3. С. 570). **Конфетка.** 2. перен. О чем-н. очень хорошем, привлекательном (разг.). Домик – *конфетка*. (РСС. Т. 3. С. 570). **Мечта.** 3. // перен. разг.: о чем-либо необыкновенно красивом, привлекательном. [Лидия] Ай! Я упаду в обморок. Это не коляска, *это мечта*. Можно задохнуться от счастья сидеть в такой коляске. А. Островский, Бешеные деньги. (БАС. Т. 6. С. 945). **Подарок.** 2. перен. Что-нибудь хорошее, приятное (обычно как знак уважения, признательности). Его приезд – *настоящий подарок*. (РСС. Т. 1. С. 571). **Сказка.** 1. // перен. Нечто фантастическое, заманчивое. Не жизнь, а *сказка*. (СУ. Т. 1. С. 199).

Полагаем, что корректное толкование названных слов могло бы быть следующим: ‘положительная либо отрицательная оценка общего характера кого-, чего-л./высшая положительная либо отрицательная оценка кого-, чего-л.’

3. Третья разновидность. Значение существительного толкуется одновременно как переносное диффузное (в нашем примере это первая часть приведенной дефиниции) и как собственно оценочное (вторая часть приведенной дефиниции). Иллюстративный пример относится к полностью десемантизированному оценочному значению:

Мечта. 4. разг. О чем-либо являющемся пределом желаний (употребляется как высшая оценка чего-либо). Очень часто из старого перекрашенного платья – выходили просто чудеса, нечто обворожительное, не платье, а мечта. А. Чехов, Попрыгунья. (МАС. Т. 2. С. 263).

Анализ приведенных корректных и некорректных дефиниций исследуемых имен демонстрирует, что процесс устранения, затухания дескриптивного семантического компонента в содержании ряда оценочно-характеризующих существительных в результате их употребления в определенной синтаксической позиции и новой лексической сочетаемости является актуальным способом развития и обогащения средств выражения эмоциональной оценки в русской разговорной речи. Этот процесс происходит в несколько этапов. Размытость семантики переносных значений изучаемых единиц, их

значительная обусловленность узким и широким контекстом, гипертрофированность доли эмоционального содержания по сравнению с денотативно-сигнификативным приводят к вариативному и неоднозначному описанию их семантики и прагматики в толковых словарях.

Совершенствование описания в лексикографической практике семантической структуры многозначных оценочно-характеризующих существительных, подвергшихся в разговорной речи процессу редуцирования предметного содержания и гипертрофирования эмоционально-оценочного, видится в более широком привлечении материалов устного бытового общения и повышении их значимости для семантических исследований.

Использованные словари, источники эмпирического материала

1. БАС: Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. : Л. : Наука. 1950–1965.
2. МАС: Словарь русского языка : в 4 т. М. : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999.
3. НКРЯ: Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.04.2021).
4. РСС: Русский семантический словарь : в 6 т. / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 2003. Т. 3. 720 с.
5. СУ: Толковый словарь русского языка в 4 т. под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Русские словари, 1995.

Список источников

1. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М. : Гнозис, 2010. 351 с.
2. Шмелёв Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М. : Просвещение, 1977. 335 с.
3. Апресян Ю.Д. Словарная статья ВООБРАЖЕНИЕ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 44–46.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
5. Урысон Е.В. Словарная статья ПРЕДЧУВСТВИЕ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1 / под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 272–276.
6. Урысон Е.В. Словарная статья ГОЛОД // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1 / под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 50–53.
7. Урысон Е.В. Сдвиг семантического акцента в значении лексемы (*предчувствие, голод, appetitum*) // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. ст. / отв. ред. Л.П. Крысин. М. : Азбуковник, 2000. С. 456–463.
8. Падучева Е.В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня : сб. статей. Вып. 1. / отв. ред. Л.П. Крысин. М. : Азбуковник, 2000. С. 395–417.
9. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М. : Языки славянских культур, 2006. 672 с.
10. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М. : Русские словари, 2008. 416 с.
11. Никифорова Е.Б., Мордвикина Е.С. Эволюция семантики лексем лексико-семантической группы «сладости» в русском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 6 (129). С. 94–99.
12. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Драгой О.В. и др. О методе комплексного семантического, статистического и психолингвистического анализа многозначности // Русская речь. 2019. № 1. С. 8–17.
13. Лыков А.Г. Опыт модели языка. Краснодар : Кубанский гос. университет, 1999. 197 с.
14. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 208 с.
15. Русская грамматика : в 2 т. / ред. Н.Ю. Шведова, Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко и др. М. : Наука, 1980. Т. 2. 709 с.

Sources

1. Chernyshev, V.I. (ed.) (1950–1965) *BAS: Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [BAS: Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Moscow; Leningrad: Nauka.
2. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *MAS: Slovar' russkogo yazyka* [MAS: Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk; Poligrafresursy.
3. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru> (Accessed: 15.04.2021).
4. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2003) *RSS: Russkiy semanticheskii slovar'* [RSS: Russian semantic dictionary]. Vol. 3. Moscow: Azbukovnik.
5. Ushakov, D.N. (ed.) (1995) *SU: Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [SU: Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkie slovari.

References

1. Karasik, V.I. (2010) *Yazykovaya kristallizatsiya smysla* [Linguistic Crystallization of Meaning]. Moscow: Gnozis.
2. Shmelev, D.N. (1977) *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika* [Modern Russian Language. Vocabulary]. Moscow: Prosveshchenie.
3. Apresyan, Yu.D. (1997) *Voobrazhenie* [Imagination]. In: Apresyan, Yu.D. (ed.) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms]. Vol. 1. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury". pp. 44–46.
4. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
5. Uryson, E.V. (1997) *Predchuvstvie* [Foreboding]. In: Apresyan, Yu.D. (ed.) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury". pp. 272–276.
6. Uryson, E.V. (1997) *Golod* [Hunger]. In: Apresyan, Yu.D. (ed.) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury". pp. 50–53.

7. Uryson, E.V. (2000) Sdvig semanticheskogo aktsenta v znachenii leksemy (predchuvstvie, golod, appetit) [Shift of the semantic accent in the meaning of the lexeme (foreboding, hunger, appetite)]. In: Krysin, L.P. (ed.) *Russkiy yazyk segodnya*. [Russian Language Today]. Vol. 1. Moscow: Azbukovnik. pp. 456–463.
8. Paducheva, E.V. (2000) O semanticheskoy derivatsii: slovo kak paradigma leksem [On semantic derivation: the word as a paradigm of lexemes]. In: Krysin, L.P. (ed.) *Russkiy yazyk segodnya*. [Russian Language Today]. Vol. 1. Moscow: Azbukovnik. pp. 395–417.
9. Zaliznyak, A.A. (2006) *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Polysemy in Language and Ways of Its Representation]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
10. Rakhilina, E.V. (2008) *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'* [Cognitive Analysis of Subject Names: Semantics and compatibility]. Moscow: Russkie slovari.
11. Nikiforova, E.B. & Mordvinkina, E.S. (2018) Evolyutsiya semantiki leksem leksiko-semanticheskoy gruppy "sladosti" v russkom yazyke [The evolution of the semantics of lexemes of the lexical-semantic group "sweets" in the Russian language]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6 (129). pp. 94–99.
12. Apresyan, V.Yu. et al. (2019) O metode kompleksnogo semanticheskogo, statisticheskogo i psikholingvisticheskogo analiza mnogoznachnosti [On the method of complex semantic, statistical and psycholinguistic analysis of polysemy]. *Russkaya rech'*. 1. pp. 8–17.
13. Lykov, A.G. (1999) *Opyt modeli yazyka* [Language Model Experience]. Krasnodar: Kuban State University.
14. Shakhovskiy, V.I. (2008) *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of Emotions in the Lexico-Semantic System of Language]. Moscow: Izd-vo LKI.
15. Shvedova, N.Yu. et al. (eds) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 2. Moscow: Nauka.

Информация об авторе:

Грязнова В.М. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия). E-mail: violetta-sgy@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.M. Gryaznova, Dr. Sci. (Philology), professor, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: violetta-sgy@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.02.2022;
одобрена после рецензирования 17.04.2022; принята к публикации 28.11.2022.

The article was submitted 03.02.2022;
approved after reviewing 17.04.2022; accepted for publication 28.11.2022.

Научная статья
УДК 8; 811.11
doi: 10.17223/15617793/484/4

Репрезентация современного англоязычного комплимента: прагматическая модель

Наталья Александровна Куракина¹

¹ Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Россия, petrusevich1@mail.ru

Аннотация. Осуществлен комплексный анализ прагматических особенностей комплиментарных высказываний в британской лингвокультуре. Проводится сравнительный анализ 700 современных комплиментарных высказываний, взятых из художественных произведений Дж. Барнса, Дж. Мойеса и других авторов и Британского национального корпуса. Для лингвистического анализа выбраны методы семантической и прагматической интерпретации, количественные подсчеты. Представлена прагматическая модель комплиментарного высказывания, включающая социальный, коммуникативно-речевой, психологический, этнокультурный и эстетический компоненты.

Ключевые слова: комплиментарное высказывание, прагмалингвистика, ситуация общения, Британский национальный корпус, британская лингвокультура

Для цитирования: Куракина Н.А. Репрезентация современного англоязычного комплимента: прагматическая модель // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 35–41. doi: 10.17223/15617793/484/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/4

Manifestation of modern English compliment utterance: A pragmalinguistic model

Natalia A. Kurakina¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation, petrusevich1@mail.ru

Abstract. The aim of the research is to conduct a complex analysis of the modern compliment utterance of British linguaculture. The comparative analysis of modern compliment utterances, collected from contemporary fiction and British National Corpus, has been conducted. It is essential to study characteristic features of compliment utterances in this respect due to the fact that compliments are aimed at pragmatically productive communication that allows building a pragmalinguistic model of the compliment utterance, taking into account all the structural variables. The methods of semantic and pragmatic interpretation, and quantitative estimation are used in the study. The author states that, depending on the situation of communication, compliment utterances possess certain specific features that are manifested on social, communicative, ethnocultural, psychological, and aesthetic levels. These levels are defined as constituents of the pragmalinguistic model of the compliment. The results of the study can be used in such academic courses as Sociolinguistics, Stylistics, and Pragmalinguistics, and they present the practical value of the research. The analysis of a speech utterance should be carried out taking into account its pragmatic characteristics. The analysis of complimentary utterances made it possible to form a pragmalinguistic model of a compliment, presented in the form of a multi-component model, consisting of the following components: (1) social, including gender, status-marked, age-related components, where gender features of compliments are expressed by a characteristic pattern of gender targeting; status characteristics manifest the social position of an individual in the hierarchical social system, and age-related characteristics reflect the age group of the interlocutors; (2) communicative, which reveals complimentary utterances on a functional level and on a situational level; (3) ethno-cultural, reflecting the influence of the cultural environment as a fundamental factor of the emergence and the functioning of the ethno-psychological characteristics of peoples; (4) psychological, describing the formation and the change of attitudes and behaviour of an individual as the communicative aim, where intentions are determined by attitudes and subjective norms; (5) aesthetic, implying the manifestation of preferences and benevolence towards the interlocutor through the correctly chosen linguistic presentation of the utterance.

Keywords: compliment utterance, pragmalinguistics, situation of communication, model, fiction, British National Corpus, British linguaculture

For citation: Kurakina, N.A. (2022) Manifestation of modern English compliment utterance: A pragmalinguistic model. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 35–41. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/4

Введение

Анализ речевого высказывания следует проводить с учетом его прагматических характеристик. В данной статье описывается комплексная модель комплиментарного высказывания, что позволит выявить показатели иллокутивной функции и перлокуции комплимента, структуру и стилистические особенности комплимента; рассмотреть комплимент в коммуникативно-речевом (функциональном), этнокультурном, психологическом, эстетическом аспектах; изучить отражение социальных (гендерных, статусных и возрастных) характеристик в комплименте.

В.В. Леонтьев связывает комплиментарный речевой акт с актом выражения положительной оценки и эмоции. Автор подчеркивает иллокутивную полифункциональность комплиментов [1. С. 38].

Принято выделять следующие основные иллокуции комплимента: похвала, вежливость, лесть, благодарность, уважение, приветствие, поздравление [2. С. 24].

А.В. Бобенко понимает под комплиментом социокультурное явление. Исследователь классифицирует «иллокутивные функции комплимента и выделяет контактоустанавливающую, манипулятивную и эмфатическую функции» [3. С. 177].

Таким образом, комплимент представляет собой полифункциональный экспрессивный речевой акт, который выражает отношение адресанта к адресату и имеет преимущественно положительную коннотацию.

Методология исследования

В современном мире невозможно отрицать социальную обусловленность языка. Язык представляет собой социальное явление. Он нацелен на обеспечение общения людьми, язык также осуществляет функционирование коллективной памяти. Особенности языкового поведения человека «обусловлены социальными факторами» [4. С. 4].

Социальная сущность языка состоит в том, что он «функционирует в языковом сознании как множество образов сознания, формируемых с помощью слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [5. С. 25]. Социальная структура языка, а также «разновидности коммуникативных ситуаций в обществе обусловлены социальной структурой общества» [6. С. 1]. Взаимодействие речевых характеристик со структурами, сформированными на основе гендерных, возрастных и других характеристик, обеспечивают эффективность коммуникации [7. С. 5].

Социальный аспект поликомпонентен и представлен следующими основными параметрами: гендерным, статусным и возрастным [2. С. 41–42].

Комплимент интересен как речевой акт, обладающий определенными функциями. Функциональный анализ комплиментарных высказываний проводился на основе модели коммуникации Р.О. Якобсона, который представил речевую коммуникацию в виде ше-

сти факторов (адресант, адресат, сообщение, контекст, контакт и код), каждому из которых соответствует особая функция языка (эмотивная, конативная, поэтическая, референтивная, фатическая и метаязыковая). При помощи комплимента адресант может продемонстрировать свое отношение к собеседнику, что осуществляет эмотивная функция коммуникации, или осуществить определенное намерение, что выражается в конативной функции коммуникации. Посредством комплимента возможно сослаться на какое-либо сообщение или на объект, что реализуется в референтивной и поэтической функциях. Нужно учитывать, что в метаязыковых вводных клише адресант способен произвести оценку речевому высказыванию или охарактеризовать его уместность в речи, мотивируя свой выбор решения и выделяя индивидуальные оттенки смысла [8. С. 1].

Изучая комплимент в этнокультурном плане, необходимо отметить влияние культурной среды на языковые явления. В ходе общения «на поведение людей накладываются определенные ограничения, так как целостность культурной среды подразумевает выработку единых правил поведения» [9. С. 511].

Интенциональные особенности комплиментарных высказываний рассматриваются в психологическом аспекте, так как «в соответствии с теорией разумного поведения А. Айзена и М. Фишбайна, интенции личности обусловлены аттитюдами и субъективными нормами» [10. С. 1].

Учитывая то, что «эстетический статус все чувства приобретают тогда, когда обозначаемое ими содержание оказывается соответственно оформленным» [11], представляется необходимым рассмотреть лингвистическое оформление комплимента.

Обратимся к подробному изучению реализации всех вышеизложенных параметров (социального, коммуникативно-речевого, этнокультурного, психологического и эстетического) в современном британском комплименте.

Результаты и обсуждения

Представляется, что рассмотрение комплимента нужно проводить комплексно с учетом социального, коммуникативно-речевого, этнокультурного, психологического и эстетического аспектов.

Социальный аспект

Социальный аспект изучения комплиментов позволил установить следующие гендерные, статусные и возрастные особенности. Для британской лингвокультуры весьма типична ситуация, в которой с гендерной точки зрения мужчина чаще комплиментирует женщину (что встречается в 49% случаев проанализированных примеров), женщина менее склонна к выражению комплиментов в адрес мужчины (что встречается в 23% случаев проанализированных примеров). Комплиментарные акты, в которых адресантом и адресатом выступают мужчины или женщины, менее характерны.

В результате рассмотрения статусного параметра изучения комплиментарных высказываний в ситуативном аспекте было установлено, что на стратификационном уровне комплимент чаще вербализуется в симметричной ситуации общения, где говорящий и слушающий равны по статусному показателю, исполняя горизонтальные социальные роли (табл. 1).

Таблица 1

Статусный параметр изучения комплиментарных высказываний в ситуативном аспекте

Статусный параметр			
Симметричный		Асимметричный	
Ситуации общения		Ситуации общения	
Официальная	Неофициальная	Официальная	Неофициальная
7%	51%	28%	14%

Реакция в виде принятия комплимента равносильно типична для коммуникантов равных и неравных по социальному статусу. Данные по количественному соотношению реакций адресата на комплиментарные высказывания отражены в табл. 2.

Таблица 2

Типология реакций адресата на комплиментарные высказывания

Типы реакций			
Равные статусные идентичности			
Вербальная реакция			
Принятие	Непринятие	Уклонение	Ответный комплимент
19%	5%	14%	2%
Невербальная реакция			
Принятие	Непринятие	Уклонение	
18%	1%	9%	
Неравные статусные идентичности			
Вербальная реакция			
Принятие	Непринятие	Уклонение	Ответный комплимент
10%	3%	4%	1%
Невербальная реакция			
Принятие	Непринятие	Уклонение	
10,5%	0,5%	3%	

Изучение комплиментов, выраженных представителями разной возрастной идентичности, показало, что комплименты представителей молодежной возрастной идентичности встречаются чаще комплиментов, произнесенных представителями зрелой возрастной идентичности (табл. 3). Преобладание британских молодежных комплиментов очевидно (зафиксировано в 93% случаев).

Анализ перлокутивных особенностей позволил установить, что представители зрелой возрастной идентичности вербально и невербально принимают комплименты или вербально уклоняются от них. Представители молодежной возрастной идентичности вербально и невербально принимают комплименты.

Таблица 3

Типология реакций адресатов разных возрастных идентичностей на комплиментарные высказывания

Типы реакций			
Зрелая возрастная идентичность			
Вербальная реакция			
Принятие	Непринятие	Уклонение	Ответный комплимент
2%		2%	
Невербальная реакция			
Принятие	Непринятие	Уклонение	
2%		1%	
Молодежная возрастная идентичность			
Вербальная реакция			
Принятие	Непринятие	Уклонение	Ответный комплимент
27%	8%	16%	3%
Невербальная реакция			
Принятие	Непринятие	Уклонение	
26,5%	1,5%	11%	

Частотность употребления комплиментов в зависимости от официальности/неофициальности ситуации общения (в ситуативном плане) с учетом адресной направленности отражена в табл. 4.

Таблица 4

Типология адресной направленности комплиментарных высказываний

Официальная ситуация общения	Частотность, %	Неофициальная ситуация общения	Частотность, %
Комплимент внешним характеристикам адресата, предметам, принадлежащим ему	2% Мужчина–женщина: 1% Женщина–мужчина: 1%	Комплимент внешним характеристикам адресата, предметам, принадлежащим ему	16% Мужчина–женщина: 9% Женщина–мужчина: 7%

Комплимент душевным качествам адресата, комплимент, иллюстрирующий воспитанность	8% Мужчина–женщина: 4% Женщина–мужчина: 4%	Комплимент душевным качествам адресата, комплимент, иллюстрирующий воспитанность	40% Мужчина–женщина: 11% Женщина–мужчина: 16% Мужчина–мужчина: 5% Женщина–женщина: 8%
Комплимент интеллектуальным качествам адресата, его профессионализму	15% Мужчина–женщина: 1% Мужчина–мужчина: 9% Женщина–мужчина: 5%	Комплимент интеллектуальным качествам адресата, его профессионализму	19% Мужчина–женщина: 6% Мужчина–мужчина: 9% Женщина–мужчина: 4%
Итого	25%	Итого	75%

Исходя из проведенного исследования следует, что число неофициальных комплиментов преобладает в сравнении с комплиментами, выраженными в официальной ситуации общения. Для официальных комплиментов характерно внимание интеллектуальным и профессиональным качествам адресата (не характерно внимание внешним данным), в то время как для неформальных – душевным характеристикам (не типично комплиментирование внешних данных). Имеют интенцию похвалы 63% современных англоязычных комплиментов; 20% – лестный характер.

Коммуникативно-речевой аспект

Коммуникативно-речевой аспект изучения комплимента направлен на его рассмотрение в ситуативном плане и в функциональном плане.

Рассмотрим коммуникативно-речевые особенности комплимента на примере.

1. “– **He is our great champion, here and on the farther side.**”

“– **I recognized once more that fine, clear voice of his, which could not be mistaken. He bore himself as a gentleman, as he always did**” [12. P. 120].

Комплимент “He is our great champion” выражен в симметричной ситуации общения. Комплимент имеет интенцию похвалы профессиональным качествам друга и его воспитанности: “He bore himself as a gentleman, as he always did”. Прослеживается реализация основной контактоустанавливающей функции, конативной функции в виде обращения, эмотивной функции в виде использования гиперболы.

Изучение коммуникативно-речевых особенностей комплимента с обращением к традиционной модели коммуникации с функциями, выделяемыми Р.О. Якобсоном, позволило сделать вывод о том, что комплимент всегда реализует фатическую (кон-

тактоустанавливающую) функцию, направленную на создание благоприятного фона и установление контакта между собеседниками. Однако, каждый комплиментарный речевой акт реализует несколько функций. Так, комплиментарное высказывание всегда осуществляет прагматическое воздействия на слушающего, побуждая его к определенной модели поведения. Комплимент также выполняет эмотивную и конативную функции.

Этнокультурный аспект

Этнокультурный параметр отражает влияние культурной среды как основополагающего фактора на языковое поведение.

Рассмотрим способы вербализации этнокультурного параметра в английском комплименте.

2. “– **You look very smart, darling.**” She knelt down, adjusting the hem of Will’s trousers. “**Really, very smart.**”

“– So do you.” Mr Traynor eyed me approvingly as I stepped out of the driver’s seat.

“– Very eye-catching. Give us a twirl, then, Louisa.” Will turned his chair away. “She doesn’t have time, Dad. Let’s get on the road, Clark. I’m guessing it’s bad form to wheel yourself in behind the bride.” [13. P. 587].

Приведенный акт обмена комплиментами является лишь формальным выражением вежливости в официальной коммуникации на светском мероприятии, что обусловлено правилами речевого общения в формальной ситуации. Комплимент представлен частотной клишированной структурой “pronoun + verb + noun phrase” – “You look very smart, darling” с включенным обращением “darling”. Для придания убедительности комплименту адресант употребляет интенсификатор “really” в эллиптической конструкции “Really, very smart”. Адресат отвечает комплиментом на комплимент (“So do you.”).

3. “– **My husband’s like you. Cool as a cucumber.** He could stand there all day. My nerves were shot coming up in that darned lift.” She looks at a bearded man, who is taking pictures intently with an expensive camera, shivers and makes her way towards the lift, holding on to the rail.” [14. P. 5].

Приведенный комплимент выражен национально-специфичной идиомой “(as) cool as a cucumber” – “very calm and in control of your emotions”.

В результате анализа этнокультурных особенностей комплимента было установлено, что этнокультурный аспект проявляется, главным образом, через употребление в речи коммуникантов идиом, национально-специфичной лексики, отражающей национальное сознание, характерной для английского общения лексемы “please”; в английском комплименте используются обращения “darling”, частотны вокативы “honey”, “baby”, “sweetie”, “doll”, “cutie”. Специфической чертой английского комплимента является наличие в нем «контркомплимента». Характеристикой современного комплимента также является приверженность коммуникантов к использованию обценной лексики.

Британцы структурно выстраивают комплименты согласно следующим моделям:

- a) pronoun + verb + noun phrase;
- b) pronoun + verb + adverb + adjective;
- c) pronoun + noun + verb + adjective;
- d) pronoun + verb + adjective;
- e) noun/pronoun + verb + noun/pronoun;
- f) pronoun + verb + adverb;
- g) pronoun + verb + comparative construction with a noun;
- h) exclamatory constructions “what a + noun!” / “how + adjective!”;
- i) pronoun + verb + such a + noun phrase;
- j) pronoun + verb + comparative construction with a nucleus adjective.

Согласно проанализированным данным, самыми частотными моделями являются следующие: “pronoun + verb + noun phrase” (25%) и “pronoun + verb + adverb + adjective” (17%), например:

4. “**You’re simply wonderful in it,**” the young man said” [15, P. 1]. (Модели “pronoun + verb + adverb + adjective”.)

В силу повышенной эмоциональности а, следовательно, витиеватости устной речи, англоязычные комплименты, зафиксированные в Британском национальном корпусе, весьма сложно классифицировать согласно определенным структурным моделям, хотя была выявлена тенденция к построению комплиментов по модели “pronoun / noun + verb + pronoun / noun phrase” (12%), например:

5. “**You’re a real professional, Mam’selle.**

It was a back-handed compliment, and one she’d have rejected angrily before she’d joined C’s Circus” [16].

По модели “pronoun + verb + adverb” построены 6% комплиментов, зафиксированных в Британском национальном корпусе, например:

6. “**Are you fishing for a compliment?**

No! I -- Good! You look lovely tonight...” [16].

Примечателен тот факт, что 7% комплиментарных высказываний конструируются согласно модели *compliment somebody on something* и имеют интенцию поздравления:

7. “**I could eat the whole of that cake implication: I compliment you on the cake B: Oh thanks...**” [16].

В представленном примере лексема-глагол *to compliment on* имеет значение *to praise or express admiration for someone: to express your approval, admiration, or respect to someone for that person's character, skill, etc.* [17].

Частотная модель “pronoun + verb + adverb + adjective” имеет тенденцию к усечению до “adverb + adjective” в устной неофициальной ситуации общения, например:

8. “**Mmmm, real nice.**” Thank you. Stephen accepted the compliment and led them out onto the terrace, asking as he did so...” [16].

Употребление междометий, сокращенных форм прилагательных-сленгизмов (*brill, fabbo*), коллокации *to fish for compliment* в значении *to try to get people to say good things about you* [18], гаплогонии, также ха-

рактерно для устных неформальных комплиментарных высказываний.

Интересно, что в перлокутивном отношении реакция на комплимент порой выражает определенную степень недоверия адресанту, которая лингвистически оформлена фразой *backhanded compliment* в вопросительной конструкции в 3% случаев со значением “*not clear and meaning the opposite of what it seems to mean*” [19], например:

9. “**Back-handed compliment?**” [16].

В целом британские комплименты строятся по клишированной форме. Также характерно употребление вокативного комплимента, построенного по модели “what a + noun!”. Остальные комплименты, в частности комплименты, произнесенные в устной неофициальной ситуации общения, зафиксированные в Британской национальной корпусе, имеют усеченные модели.

Психологический аспект

Психологический аспект исследования комплиментов показал, что основными интенциями коммуникантов при выражении комплиментов являются похвала, вежливость, лесть, благодарность. Комплименты с интенцией вежливости очень значимы для англичан, так как вежливость свойственна представителям английской лингвокультуры. Типология интенций отражена в табл. 5.

Таблица 5

Типология интенций комплиментарных высказываний

Идентичности	Типы интенций						
	Похвала	Вежливость	Лесть	Благодарность	Приветствие	Поздравление	Уважение
Английская	63%	12%	8%	8%	3,5%	3%	2,5%

Эстетический аспект

Анализируя комплимент в эстетическом аспекте, в первую очередь внимание уделяется не столько содержанию, сколько форме, в связи с чем представляется необходимым исследовать эффективные способы языкового оформления комплимента.

Применение стилистических средств художественной выразительности в комплиментарных высказываниях для реализации эстетического аспекта наглядно представлено в табл. 6.

Таблица 6

Частотность употребления стилистических средств художественной выразительности в комплиментарных высказываниях в эстетическом аспекте, %

Стилистические средства	Английская лингвокультура
Эпитет	45
Восклицание	17

Лексический повтор	19
Гипербола	14
Сравнение	10
Метафора	5
Инверсия	6
Аллюзия	3
Риторический вопрос	2
Параллельные конструкции	1
Оксюморон	1

В ходе исследования примеров комплиментов нами были зафиксированы портретные, психологические и поведенческие эпитеты, выраженные прилагательными: “great”, “nice”, “beautiful”, “handsome”, “wonderful”, “sweet”, “lovely”, “charming”, “enchanted”, “delightful”, “genious”, “pretty”, “cute”, “brilliant”, “smart”, “intelligent”, “talented”, “remarkable”, “stunning”, “ravishing”, “fascinating”, “magnificent”, “marvelous”, “excellent”, “crazy”, “glamorous”, “graceful”, “sensational”, “tremendous”, “capable”, “original”, “concise”, “thoughtful”, “perceptive”, “incisive”, “illuminating”, “cogent”, “lucid”, “compelling”, “splendid”, “perfect”, “unusual”, “impossible”, “pure”, “strapping”, “sexy”, “erotic”, “gorgeous”, “corn-coloured”, “flower-like”. Эпитет употребляется в 45% английских комплиментов.

Таким образом, был проведен комплексный анализ комплиментарных высказываний с последующим построением прагматической модели комплимента.

Заключение

Анализ комплиментарных высказываний позволил сформировать прагматическую модель комплимента, изложенную ниже в виде схемы с взаимовлияющими связующими звеньями, в центре которой находится прагматический аспект как основополагающий, представленный в виде многокомпонентной модели, состоящей из следующих компонентов:

1) социального, эксплицирующего совокупность качеств, определяющих уникальность личности, и в то же время социальные роли, которые индивид исполняет согласно предписанному обществом мировоз-

зренческим канонам, манифестирующимся на стратификационном и ситуативном уровнях, включающего гендерный, статусный, возрастной компоненты, где гендерные особенности комплиментов выражаются характерной моделью половой адресной направленности; статусные характеристики манифестируют социальное положение личности в иерархической общественной системе; возрастные особенности отражают принадлежность коммуникантов к определенной возрастной группе;

2) коммуникативно-речевого, раскрывающего комплиментарные высказывания на функциональном уровне (с учетом выполнения высказыванием основных функций коммуникации) и на ситуационном уровне в зависимости от официально-сти/неофициальности ситуации общения;

3) этнокультурного, отражающего влияние культурной среды как основополагающего фактора появления и функционирования этнопсихологических характеристик народов, специфику национальной памяти, вербально реализующегося в процессе порождения и восприятия комплиментарных высказываний;

4) психологического, описывающего формирование и изменение аттитудов и поведения личности в качестве цели коммуникации, где интенции определяются аттитудами и субъективными нормами;

5) эстетического, предполагающего проявление симпатии и доброжелательности к собеседнику за счет правильно выбранного языкового оформления высказывания.

Описанная модель прагматического аспекта схематично представлена ниже в виде таблицы:

Таблица 7

Прагматическая модель комплиментарного высказывания

Прагматическая модель комплиментарного высказывания				
Социальный аспект	Коммуникативно-речевой аспект	Этнокультурный аспект	Психологический аспект	Эстетический аспект

Список источников

1. Леонтьев В.В. «Похвала», «лесть» и «комплимент» в структуре английского языковой личности : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Волгоград, 1999. 206 с.
2. Куракина Н. А. Прагматический аспект комплиментарных высказываний (на материале англо-американской художественной литературы) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Калининград, 2016. 171 с.
3. Бобенко А.В. Функционирование комплимента в американском варианте английского языка : дис. ... канд. филол. наук: 10.02. Благовещенск, 2001. 197 с.
4. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. Винница : Новая Книга, 2009. 272 с.
5. Абрамова Т.В. Теоретический аппарат изучения и описания речевого этикета. URL: http://tp11999.narod.ru/teoreticheskaya_i_prikladnaya_lingvistika/vipusk_3_2000/tvabr_ amova_teoriticheskii_apparat_izucheniya_i_opisaniya_rechevogo_etiketa/ (дата обращения: 5.08.2015).
6. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М. : Аспект Пресс, 1997. 206 с. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/mechkovskaya-00.htm> (дата обращения: 5.08.2015).
7. Конечкая В.П. Социология коммуникации. Глава V. Лингвистический (языковой) и металингвистический (метаязыковой) уровни. URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/koneckaja_sociologija/02.aspx (дата обращения: 5.08.2015).
8. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. Модель Якобсона Р. URL: <http://www.niv.ru/doc/communications/pocheptsov/014.htm> (дата обращения: 5.08.2015).
9. Поликарпов А.М. Ломоносов и истоки интегративного переводоведения // М.В. Ломоносов и полиязыковое информационно-образовательное пространство : материалы Междунар. науч. конф. В двух частях. Часть 1. Архангельск : ИПЦ САФУ, 2012. С. 5–11.
10. Гулевич О.А. Психология коммуникации. М. : Московский психолого-социальный институт, 2007. 384 с.
11. Электронная библиотека Sci.House. URL: <https://sci.house> (дата обращения: 19.06.2020).
12. Barnes J. Arthur and George // Большая онлайн-библиотека. URL: http://www.e-reading.biz/bookreader.php/84985/Barnes_-_Arthur_%26_George.html (дата обращения: 20.08.2020).

13. Moyes J. *Me before you*. URL: sachinbhattarai.files.wordpress.com (дата обращения: 20.08.2020).
14. Moyes J. *Honeymoon in Paris*. URL: https://vk.com/original_books/short_stories (дата обращения: 20.08.2020).
15. Maugham S. *Theatre*. URL: <http://www.e-reading-lib.org/book.php?book=127593> (дата обращения: 20.08.2020).
16. British National Corpus. URL: Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 26.08.2020).
17. Cambridge dictionary // Словарь. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/compliment> (дата обращения: 03.09.2020).
18. Cambridge dictionary // Словарь. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/fish-for-compliments> (дата обращения: 03.09.2020).
19. Cambridge dictionary. // Словарь. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/backhanded> (дата обращения: 03.09.2020).

References

1. Leont'ev, V.V. (1999) *"Pokhvala", "lest'" i "kompliment" v strukture angliyskogo yazykovoi lichnosti* ["Praise", "flattery" and "compliment" in the structure of the English language personality]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
2. Kurakina, N.A. (2016) *Pragmaticheskiy aspekt komplimentarnykh vyskazyvaniy (na materiale anglo-amerikanskoy khudozhestvennoy literatury)* [The pragmatic aspect of complimentary statements (on the material of Anglo-American fiction)]. Philology Cand. Diss. Kaliningrad.
3. Bobenko, A.V. (2001) *Funktsionirovaniye komplimenta v amerikanskom variante angliyskogo yazyka* [Compliment functioning in American English]. Philology Cand. Diss. Blagoveshchensk.
4. Susov, I.P. (2009) *Lingvisticheskaya pragmatika* [Linguistic Pragmatics]. Vinnitsa: Novaya Knyga.
5. Abramova, T.V. (2000) *Teoreticheskiy apparat izucheniya i opisaniya rechevogo etiketa* [Theoretical apparatus for the study and description of speech etiquette]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*. 3. [Online] Available from: http://tpl1999.narod.ru/teoreticheskaya_i_prikladnaya_lingvistika/vipusk_3_2000/tvabramova_teoriticheskii_apparat_izucheniya_i_opisaniya_rechevogo_etiketa/ (Accessed: 5.08.2015).
6. Mechkovskaya, N.B. (1997) *Sotsial'naya lingvistika* [Social Linguistics]. Moscow: Aspekt Press. [Online] Available from: <http://www.philology.ru/linguistics1/mechkovskaya-00.htm> (Accessed: 05.08.2015).
7. Konetskaya, V.P. (1997) *Sotsiologiya kommunikatsii*. [Sociology of Communication]. [Online] Available from: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/koneckaja_sociologija/02.aspx (Accessed: 05.08.2015).
8. Pocheptsov, G.G. (2001) *Teoriya kommunikatsii* [Theory of Communication]. [Online] Available from: <http://www.niv.ru/doc/communications/pocheptsov/014.htm> (Accessed: 5.08.2015).
9. Polikarpov, A.M. (2012) [Lomonosov and the origins of integrative translation studies]. *M.V. Lomonosov i poliyazykovo informatsionno-obrazovatel'noye prostranstvo* [M.V. Lomonosov and the multilingual information and educational space]. Proceedings of the International Conference. Vol. 1. Arkhangelsk. 15–16 November 2011. Arkhangelsk: Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov. pp. 6–12. (In Russian).
10. Gulevich, O.A. (2007) *Psikhologiya kommunikatsii* [Psychology of Communication]. Moscow: Moscow Psychological Social Institute.
11. *Sci.House*. (n.d.) [Online] Available from: <https://sci.house> (Accessed: 19.06.2020).
12. Barnes, J. (2005) *Arthur and George*. In: *Bol'shaya onlayn-biblioteka* [Large Online Library]. [Online] Available from: http://www.e-reading.biz/bookreader.php/84985/Barnes_-_Arthur_%26_George.html (Accessed: 20.08.2020).
13. Moyes, J. (2012) *Me Before You*. [Online] Available from: sachinbhattarai.files.wordpress.com (Accessed: 20.08.2020).
14. Moyes, J. (2012) *Honeymoon in Paris*. [Online] Available from: https://vk.com/original_books/short_stories (Accessed: 20.08.2020).
15. Maugham, S. (1937) *Theatre*. [Online] Available from: <http://www.e-reading-lib.org/book.php?book=127593> (Accessed: 20.08.2020).
16. *British National Corpus*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (Accessed: 26.08.2020).
17. Cambridge Dictionary. (n.d.) *Compliment*. [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/ru/slovar'/angliyskiy/compliment> (Accessed: 03.09.2020).
18. Cambridge Dictionary. (n.d.) *Fish for compliments*. [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/ru/slovar'/angliyskiy/fish-for-compliments> (Accessed: 03.09.2020).
19. Cambridge Dictionary. (n.d.) *Backhanded*. [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/ru/slovar'/angliyskiy/backhanded> (Accessed: 03.09.2020).

Информация об авторе:

Куракина Н.А. – канд. филол. наук, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта (Калининград, Россия). E-mail: petrusevich1@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.A. Kurakina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: NaPetrusevich1@kantiana.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.10.2021;
одобрена после рецензирования 17.08.2022; принята к публикации 28.11.2022.

The article was submitted 06.10.2021;
approved after reviewing 17.08.2022; accepted for publication 28.11.2022.

Научная статья
УДК 070:93/94 (571.1)
doi: 10.17223/15617793/484/5

«Захолустно-провинциальные очерки» Ranunculus (Ф.В. Волховского) в «Сибирской газете» (1882–1884 гг.)

Александр Евгеньевич Мазуров¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
rumatamonteg@gmail.com

Аннотация. Выявляются содержательные и стилистические особенности очерков Ф.В. Волховского, опубликованных в «Сибирской газете» под псевдонимом Ranunculus. Анализируется тематическое разнообразие материалов, рассматриваются ключевые для очерков образы «Захолустья» и «маленького человека». Делаются выводы о том, что содержание очерков, как и образ Сибири, разделяется на сатирическое описание жизни местных «мастодонтов» и полное сочувствия повествование о жизни «маленького человека».

Ключевые слова: Ф.В. Волховский, Ranunculus, «Сибирская газета», очерк, рассказ

Источник финансирования: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

Для цитирования: Мазуров А.Е. «Захолустно-провинциальные очерки» Ranunculus (Ф.В. Волховского) в «Сибирской газете» (1882–1884 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 42–51. doi: 10.17223/15617793/484/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/5

“Provincial essays” by Ranunculus (Feliks Volkhovsky) in *Sibirskaya gazeta* (1882–1884)

Alexandr E. Mazurov¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
rumatamonteg@gmail.ru

Abstract. The article reveals the features of content and style of essays by Feliks Volkhovsky, who published them in *Sibirskaya gazeta* under the pseudonym Ranunculus. The thematic variety of the materials is analyzed; the images of “outback” and “little man”, key to the essays, are considered. The first private *Sibirskaya gazeta*, published in Tomsk in 1881–1888, was the leading regional publication. It had a socio-political program, but at the same time was characterized by researchers as a “literature-centric” periodical. Over the eight years of existence, 355 literary and literary-journalistic materials were published in *Sibirskaya gazeta*. More than 100 of them were written by Volkhovsky, a Narodnik [populist] poet exiled to Siberia and the “secret editor” of the newspaper. During the period of cooperation with *Sibirskaya gazeta*, Volkhovsky most often wrote feuilletons – 76 pieces were published. His fictionalized materials were essays thematically and stylistically close to feuilletons – six texts. The aim of the study is to identify the features of content and style of the essays Volkhovsky published under the pseudonym Ranunculus. The “provincial essays” were published in 1882–1884 and are the only fully literary prosaic works by Volkhovsky in the newspaper. Essays published under the pseudonym Ranunculus in *Sibirskaya gazeta* are represented by two key thematic layers: the image of a “little man” and the description of human indifference, and the satirical image of the “outback” as a collective image of Siberia, a demonstration of the customs of the local people. In the framework of the holistic perception of Volkhovsky’s essays, these layers are conflicting: a contrast is created between the tragedies of local “predators” and “little men”, small squabbles and series of events leading characters to death. In Ranunculus’ essays, the key image is that of the Siberian “outback”, consisting of grotesque and realistic plans. Initially, Volkhovsky constructs the image of an “outback” as a village and province with fairy-tale motifs and characters, referring the reader to the city Glupov and the “urban” stories by Gogol. The second key motif for publicist is the existence of a “little man” in the “outback”. Volkhovsky contrasts images of “mastodons” that personify their inner emptiness with images of people that have not completely lost their humanity, whose life circumstances, in the end, lead to death.

Keywords: Feliks Volkhovsky, Ranunculus, *Sibirskaya gazeta*, essay, story

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

For citation: Mazurov, A.E. (2022) "Provincial essays" by Ranunculus (Feliks Volkhovsky) in *Sibirskaya gazeta* (1882–1884). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 42–51. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/5

Введение

Важное место в дореволюционной системе отечественной периодической печати занимали художественные и художественно-публицистические жанры, литературная критика. Публицисты и редакции общественно-политических изданий часто были нацелены не только на освещение фактов и их анализ, но и на культурное воспитание своих читателей, что подтверждается структурой газетных номеров второй половины XIX в. В большинстве периодических изданий постоянными были разделы литературной критики, театральных обзоров, очерков, рассказов и фельетонов. Часто эти жанры становились «визитной карточкой» изданий как с точки зрения выражения идиом, так и с точки зрения их художественной ценности [1].

На беллетризацию газетных номеров второй половины XIX в. также оказывал влияние и ужесточившаяся после убийства народовольцами российского императора Александра II цензурная политика [2]. Постоянное давление на редакции со стороны цензурного ведомства в конце XIX в. больше всего сказывалось на развитии провинциальной прессы, в частности периодической печати Сибири. Обращение к художественным и художественно-публицистическим жанрам – рассказам, стихотворениям, очеркам и фельетонам – позволяло публицистам указывать на существующие проблемы, критиковать явления социальной жизни [3].

Первая частная «Сибирская газета», издававшаяся в Томске в 1881–1888 гг., была ведущим региональным изданием. Издавалась газета по программе общественно-политической, но при этом характеризовалась исследователями как «литературоцентричное» издание [4]. Художественно-публицистические материалы встречались почти в каждом номере газеты: в ней публиковались стихотворения, рассказы, очерки, даже романы. Художественные элементы – диалоги, метафоры, детали – встречались даже в новостных заметках «Сибирской газеты» [5].

В газете публиковались как местные авторы – П.М. Головачев, Ф.Ф. Филимонов, так и множество других на условиях анонимности, а также сосланные в Сибирь писатели и поэты: К.М. Станюкович, Ф.В. Волховский, С.С. Синегуб и др. В газете публиковались и известнейшие в России литераторы: В.Г. Короленко, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Н.И. Наумов [4].

За восемь лет существования в «Сибирской газете» было опубликовано 355 художественных и художественно-публицистических материалов. Больше 100 из них принадлежали сосланному в Сибирь поэту-народнику и «негласному редактору» издания Ф.В. Волховскому [6]. В период сотрудничества с «Сибирской газетой» публицист чаще всего обращался к фельетонам – всего было опубликовано 76 материалов, которые можно отнести к данной жанровой

форме. В числе беллетризованных материалов публициста, опубликованных в издании, были тематически и стилистически близкие к фельетонному творчеству очерки, семь материалов публициста.

Цель исследования – выявление содержательных и тематических особенностей очерков, опубликованных Ф.В. Волховским под псевдонимом Ranunculus в «Сибирской газете». «Захолустно-провинциальные» очерки публиковались в 1882–1884 гг. и являются единственными полностью художественными прозаическими произведениями публициста в издании. Основными методами исследования являются мотивный анализ, контент-анализ, сравнительный анализ. Материалом для исследования выступают рассказы и очерки Ф.В. Волховского, опубликованные в «Сибирской газете» под псевдонимом Ranunculus.

Творчество Ф.В. Волховского довольно часто оказывалось предметом научной рефлексии исследователей, при этом большая часть научных трудов была издана в советские годы [см.: 6–13]. Исследователи советского периода чаще всего фокусировались на обзоре творчества Ф.В. Волховского периода сибирской ссылки, не обращаясь к анализу конкретных произведений публициста. Современные исследования также посвящены преимущественно рассмотрению творчества автора в контексте сотрудничества с «Сибирской газетой» [4, 14] либо фокусируются на фельетонах публициста [15–17]. Очерки и рассказы Ф.В. Волховского под псевдонимом Ranunculus рассматриваются в двух научных трудах, посвященных литературному регионализму [4] и рецепции классики в «Сибирской газете» [18].

Тематика и проблематика очерков

Под псевдонимом Ranunculus в «Сибирской газете» в 1882–1884 гг. опубликовано 7 очерков Ф.В. Волховского: «Петух» (СГ. 1882. № 40), «Женях» (СГ. 1882. № 48), «Забытый человек» (СГ. 1883. № 13–14), «Корреспондент» (СГ. 1883. № 18), «Человек бо есмь» (СГ. 1884. № 21), «Ссора» (СГ. 1883. № 31), «Отщепенцы от мира» (СГ. 1884. № 30). Очерки были посвящены различным темам и событиям, которые в большинстве своем служили обозначением пороков без конкретных обличаемых лиц или же представляли собой зарисовки, связанные с жизнью вымышленного сибирского города. Художественный вымысел служил ключевым отличием от фельетонов публициста, основной чертой которых была документальность [19].

Большинство очерков Ф.В. Волховского под псевдонимом Ranunculus обозначены в «Сибирской газете» как «захолустно-провинциальные». Два материала характеризовались автором как просто «очерки» – «Забытый человек» (СГ. 1883. № 13–14) и «Человек бо есмь» (СГ. 1884. № 21). Один очерк – «Отщепенцы

от мира» (СГ. 1884. № 30) – не определялся автором в заголовочном комплексе с точки зрения жанровой принадлежности, обозначаясь как «посвященный всем сытым».

Такое обозначение не было случайным. Тематические очерки можно разбить на три блока:

- сатирические зарисовки из жизни провинциального общества (4);
- «маленький человек» (2);
- описание негативных социальных явления без сатирической подоплеки (1).

Таким образом, к первой тематической категории относятся рассказы, характеризуемые автором как «захолустно-провинциальные очерки», в которых описываются комические явления из жизни мещан и высшего сословия. В «захолустно-провинциальных очерках» в основу ложится абсурдный сюжет, завязанный на перипетиях: в очерке «Петух» гнавшийся за петухом Протас Терентьевич случайно ударяет вместо птицы ее хозяйку, после чего в «маленьком городке Сибири» его принимают за сумасшедшего (СГ. 1882. № 40); в «Женихе» описывается неудавшаяся женитьба коллежского секретаря Елизар Елизаровича, над которым властвует экономка (СГ. 1882. № 48); «Ссора» описывает, как из-за карточной игры поругался весь город (СГ. 1883. № 31); а «Корреспондент» – как ни в чем неповинного человека обвинили в «предерзостном поступке писания в газету» (СГ. 1883. № 18). Наделенные комическим звучанием очерки данного тематического блока больше всего сопоставимы с фельетонным наследием публициста.

Несмотря на отнесение очерков «Жених» и «Петух» к данному тематическому блоку, первые материалы существенно отличаются от последующих «Корреспондента» и «Ссоры». В данных очерках уже начинает появляться образ «маленького человека», который при этом не отличается от окружающей среды и является ее частью. Например, в «Женихе» Ф.В. Волховский характеризует главного героя, описывая его физические недостатки и традиционную для «Захолустья» любовь к картам:

«Вы говорите, что у него под носом бородавка? Ну, что же, что под носом бородавка! За то он бравый на вид. Несмотря на то, что он коллежский секретарь, он положительно выглядывает надворным советником. Правда, когда он играет в карты, у него нижняя губа висит, как сольтисон в коптильне; но это не мешает ему совершенно отчетливо произносить: “пас”, или “семь без козырей”. Лысина! Пш-ш-ш! А позвольте узнать, кто из порядочных людей не имеет теперь лысины? Сам вице-губернатор с лысиной» (СГ. 1882. № 48).

Второй тематический блок, описывающий злоключения «маленького человека», вбирает в себя материалы, публикуемые Ф.В. Волховским как «очерки». К тематическому блоку относятся рассказы «Забитый человек», в котором описывается жизнь коллежского секретаря Кузмы Протасевича, «в изношенной шинели, смиренно лавирующего среди толпы» (СГ. 1883. № 13–14); и «Человек бо есмь», где описывается день из жизни ретушера Ильи Семеновича,

оставленного в незнакомом и «враждебном» городе (СГ. 1884. № 21). Обращение к образу «маленького человека» как незащищенного от общества и жизненных обстоятельств связано, в первую очередь, с желанием публициста раскрыть существующие в «Захолустье» порядки и царящее безразличие.

Тема «маленького человека» в той или иной степени поднимается и в рассказе «Отщепенцы от мира», который обозначается как «посвященный всем сытым» и описывает один день из жизни и смерти сирот Ваньки с Акулькой (СГ. 1884. № 30). Тем не менее к данному блоку очерк не позволяет отнести акцент автора, в первую очередь, на проблеме беспризорности и отношении к сиротам в сибирских городах, а также натуралистические описательные фрагменты, не характерные для других материалов публициста.

Образ «Захолустья»

«Захолустно-провинциальные очерки» охарактеризованы так автором и из-за локации, где происходят события. «Захолустье» как место действие упоминается в трех материалах данного тематического блока. Впервые топоним появляется в очерке «Жених», при этом в самом конце материала: «Фаня вышла замуж за семинариста, ныне священника в селе Спасском, а Елизар Елизарович и теперь проживает в заштатном городе Захолустье. Федосья неограниченно и безапелляционно властвует над Елизаром Елизаровичем и всем его достоинством» (СГ. 1882. № 48).

Часто не обозначая место действия или не вводя его напрямую, Волховский как бы намекал, что черты «Захолустья» характерны для любого населенного пункта Сибири. В отличие от фельетонов Ф.В. Волховского, где чаще всего города «шифровались» по созвучию, например Томск – Содомск или путем сокращения – Б–ск вместо Бийска, М–нск вместо Мариинска – под псевдонимом *Ranunculus* публицист намерено избегал конкретики, демонстрируя образ сибирского быта и духовной жизни в целом:

«Кавалеры Захолустья военные и штатские, в тулупах, фраках и мундирах, в очках и без очков, завитые и вкоченные, безусые и солидные ведут своих дам на места. Многие не находят темы для разговора и только приятно улыбаются; некоторые усиленно любезничают, причем дамы немилосердно делают глазки, выставляют ноги, показывают слегка юбки, делают изящно-фамильярные жесты и кокетничают сколько возможно. Находятся и такие, которые ведут свою даму в сосредоточенной серьезности и во все продолжении кадрили находят возможным сказать только два, три слова о производстве в гарнизоне или об “отношениях” и “предписаниях” ближайшего начальства» (СГ. 1883. № 18).

В дальнейшем публицист описывал развлечения посетителей имений: бильярд, карты, мелкие склоки и драки, а также центральное событие очерка – весть о появлении в городе корреспондента, «прогремевшую» во время застолья. В дальнейшем за корреспондента отдыхающие приняли принесшего известие об обли-

чительной заметке и «ни в чем неповинного» Семена Семеновича.

Многие последующие очерки Ф.В. Волховского не содержат привязки даже к абстрактному месту действия. Разгадать описываемый в фельетонах Волховского город можно обращаясь к биографии публициста – как политический ссыльный он находился под полицейским надзором, поэтому каждый раз, когда покидал Томск, писал прошения на имя губернатора. Точно известно, что Ф.В. Волховский в 1883 г. по прошению об «отпуске семейства» уезжал на дачу в деревню Киргизка; о других путешествиях публициста в период ссылки ничего неизвестно [20]. При этом не стоит исключать возможность воспроизведения ситуаций из корреспонденций, на которые «Сибирская газета» часто ссылалась в новостных, художественных и аналитических материалах.

Образ абстрактного сибирского города «Захолустья» складывается в очерках *Ranunculus* из нескольких коннотаций и проблемных сторон жизни: немногочисленные описания допотопных уклада и быта, демонстрация нравов местных «мастодонтов» и человеческого безразличия. Формируемый образ Сибири как «Захолустья», таким образом, проецировался автором не столько на жизненный уклад, сколько на населяющих город людей, которые в рамках очерков превращались в живых кукол.

Первый пласт «Захолустья» проявляется в описании внешних признаков провинциальной жизни города. В очерке «Петух» улица города представлена следующим образом:

«Что за прелесть – маленький городок Сибири! Домишки старые, улицы кривые, заборы сгнившие. Все разбросалось так поэтически небрежно; один дом навалился на правый угол, другой рядом с ним – совсем вперед, так что окна ушли в землю. Если вы любитель навозного запаха, то непременно поселяйтесь в таком городке: вы тут встретите компанию таких же любителей. По улицам бродят куры, индюки, утки, коровы, свиньи; всюду раздаются звонкие крики мальчишек, играющих в бабки. Солнце приветливо греет почерневшие крыши богоспасаемого городка. Все окна в домах растворены, в некоторых видны цветы» (СГ. 1882. № 40).

В описательном фрагменте «Захолустье» создает впечатление повсеместной разрухи и деревенского уклада, не обделенного своей романтикой с криками и играми мальчишек, мелькающими в окнах цветами и звуками расстроенного фортепиано. Такое описание «Захолустья» характерно для очерков, относящихся к тематическому блоку «сатирические зарисовки из жизни провинциального общества» и построенных вокруг иронического описания ситуаций.

В поздних очерках, сосредоточенных на человеческом безразличии, обращаясь к архетипу «маленького человека», Волховский почти лишает материалы «пейзажных» фрагментов, сосредотачиваясь на героях и их жизни. Например, кабак, куда периодически заходит налить водки коллежский секретарь в отставке Кузьма Протасьевич, вводится автором в форме диалога с сидельцем: «– Давненько, давненько не видать

вас. Вон и бутылочка-то как будто запылчилась» (СГ. 1883. № 14). Образ города также прослеживается в очерке «Человек бо есмь» через вводимые автором перипетии: главного героя грабят в кабаке, отказываются вылечить и принять в городской больнице, выгоняют из арендованной работодателем квартиры (СГ. 1883. № 21).

«Захолустье» в тематических блоках «маленький человек» и «описании негативных социальных явления без сатирической подоплеки» превращается из провинциального маленького города в место, которое способно поглотить, растоптать слабого человека. Особенно это перевоплощение города отражается в очерке «Отщепенцы от мира». «Захолустье» в нем рисуется уже как оживленное место со снующими кругом «цилиндрами» и повсеместной суетой, отражающей безразличие по отношению к просящим милостыню сиротам:

«Главная улица и мост, ведущий на базар, были самыми оживленными частями города в утреннее время. Мои герои остановились у моста. Перед их глазами был целый калейдоскоп. Они видели, как шел священник, опираясь на свой длинный посох и поглаживая по временам свою клинообразную бороду: за ним шли две какие-то старушки с корзинками; рядом какой-то господин в цилиндре, потом чиновник с портфелем, потом какая-то барыня, потом еще несколько лиц и еще, до самого конца большой улицы. Шли вперед, шли назад» (СГ. 1884. № 30).

Описание проживающих в «Захолустье» также разделяется на два плана по тематическим блокам. В «захолустно-провинциальных очерках», вслед за абсурдностью фабулы, обрастают гротескными чертами и населяющие город персонажи. В очерке «Петух» дается характеристика жителям города, которые высунулись поглядеть на чужака из окон:

«И что за милые отношения между жителями городка. В вас принимают горячее участие, вами интересуются, об вас знают все, что бы с вами не случилось. Даже вещи самые сокровенные как-то становятся известными.

– Ах, Глаша, представь себе: Петр Иванович сегодня спал без одеяла! Только ты не говори, что я тебе сообщила.

– Да откуда ты знаешь?

– Да знаю. Уж верно знаю; мне рассказывала Авдотья Федоровна» (СГ. 1882. № 40).

Часто сюжет ранних очерков выстраивался непосредственно вокруг «захолустных» сплетен: в «Петухе» героя признали сумасшедшим; в «Корреспонденте» видели «доносителя» в принесшем номер газеты; в «Соре» из-за карточный игры переругался весь город; и все гипертрофированные последствия были вызваны молвой и догадками. Такая фабула во многом отсылает к циклу повестей «Миргород» и «петербургским повестям» Н.В. Гоголя, где мотив молвы – «летучих вестей» и «сенсаций» – также провоцирует появление в городе «суматошных ситуаций» [21].

Примером может выступить очерк «Жених» (СГ. 1882. № 48), являющий отсылкой к гоголевской «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Ива-

ном Никифоровичем». В повести Н.В. Гоголя Агафья Федосеевна своими слухами мешала примирению двух друзей, в очерке Ф.В. Волховского «Жених» сватовству Елизар Елизаровича мешала экономка Федосья Ивановна. В отличие от Миргорода, слух в «Захолустье» Волховского не обладает объединяющим началом, как было в «Сорочинской ярмарке», где в результате «молва» помогла женитьбе, а выступает лишь негативным фактором, в частности, разрушая надежды на женитьбу главного героя или приводя к ссоре всего города.

Помимо склонности к сплетням, публицист приводил и другие характерные для местных жителей черты. Все персонажи в очерках, вбирая в себя жадность, скупость и другие пороки, становились сказочными куклами, растворяясь в провинциальном интерьере. Так, на именинах «мастодонты» поедали рюмки вместе с содержимым, а затем сплевывали стекло, отойдя в угол (СГ. 1883. № 18).

В очерках, обозначающих проблему «маленького человека», персонажи уже не были столь выпуклыми, превращаясь в привычных для проживающего в сибирском «Захолустья» людей: воров, спешащих по делам жителей, не желающих просыпаться врачей, ростовщиков, ухмыляющихся сидельцев и т.д. Ключевым для поздних очерков *Ranunculus* были не конкретные пороки, а человеческое безразличие. В материале «Человек бо есмь», следуя логике окружающих главного героя людей, Волховский обращался к читателю: «Если увидишь, читатель, подобную фигуру на улице, непременно посмейся над ней среди компании или общества, всегда жаждущего чего-нибудь новенького или смешного» (СГ. 1883. № 21).

Позитивная сторона города также раскрывается в героях очерков – добрые черты прослеживаются в каждом неспособном выжить в «Захолустье» «маленьком человеке». Так, последние деньги потратил на подарок своей подруге Наталье Сидоровне «измученный бедностью и лишениями» Кузьма Протасьевич. Кроме того, именно он бесплатно играл и обучал на улице детей, за что их родители приносили ему продукты (СГ. 1883. № 13–14). Также позитивная сторона «Захолустья» проявлялась и в отношении к главным героям других простых людей. Например, среди всех «цилиндров» на улице останавливаются и дают милостыню Акульке и Ваньке пожилая женщина, просящая за нее помолиться, и простые рабочие, возвращающиеся с заработков:

«Вслед за ней вскоре прошли двое каких-то рабочих в старых полушубках и дырявых шапках.

– Ишь ты: ребята-то совсем заколели, заметил один из них.

– Это, брат, у нас в деревне как ни есть прокормили бы миром, а тут – вишь ты вот! отвечал другой.

– Подайте, дяденька, Христа ради... говорила Акулька, едва произнося слова, так как лихорадка не давала ей раскрыть рта.

– Дам, милая; как не дать: вишь ты как замерзла... На вот и тебе, молодец, на калачик» (СГ. 1884. № 30).

Таким образом, «Захолустье» в очерках публициста складывалось из сперва гротескного и сказочного, а затем реалистичного планов. Это связано с развитием творческой манеры публициста: аналогичную ситуацию можно было наблюдать и в фельетонном творчестве автора, стремящегося к большей публицистичности и отходу от буффонных и гротескных беллетризованных текстов [17]. Рисуя образ сибирского города как глухой провинции, которую населяют люди с дикими нравами, в дальнейшем Волховский выводит на первый план безразличие людей друг к другу и невозможность проявления в таком обществе слабости. Единственную надежду Волховский в рамках народнической идеологии видел в простых людях, которым также нелегко живется в «Захолустье».

«Маленький человек»

Ключевым для поздних материалов Ф.В. Волховского под псевдонимом *Ranunculus* является образ «маленького человека». Впервые к образу публицист обращается в очерке «Забытый человек» (СГ. 1883. № 13–14). Автором описывается жизнь коллежского секретаря в отставке Кузьмы Протасьевича, который, «бедный, как церковная крыса, жил в комнате вдовы отставного коллежского регистратора Натальи Сидоровны Шелуховой». Уже в первом очерке, в котором публицист обращается к образу, присутствует отсылка к произведениям столичных литераторов. Описывая главного героя, Ф.В. Волховский несколько раз акцентирует внимание на шинели:

«Потертая и измятая шапка с неуклюже-длинным козырьком, надетая до самых ушей, казалось каким-то коллаком, безобразно торчащим на его остриженной голове, а стоптанные сапоги, старая шинель и короткие брюки с заплатой на одной штанине очень красноречиво говорили о его финансовом положении. Одним словом, встретивши его на улице, вы сразу прочитали бы всю его немногосложную и невеселую жизнь» (СГ. 1883. № 13).

В отличие от гоголевской «Шинели», Ф.В. Волховский раскрывает главного героя не в сугубо материальном и прагматическом плане. Кузьма Протасьевич собирает и откладывает деньги не для себя, не для обновки дырявой шинели, а для подарка своему другу – Наталье Сидоровне – позволяя в связи с «недугом» всех коллежских секретарей себе только покупку водки в трактире:

«Дружба между Кузьмой Протасьевичем и Натальей Сидоровной была по истине изумительна... В неделю перед праздником, когда снуют взад и вперед лица разных сословий и званий от одной лавки к другой с узлами, коробками, свертками и проч... – в это время вы можете встретить дырявую шинель и засаленную шапку с большим козырьком Кузьмы Протасьевича, смиренно пробирающимися по сторонам улицы с каким-нибудь свертком в руке. Очевидно, мысли его прикованы к чему-то хорошему, так как небритая физиономия светится затаенной радостью» (СГ. 1883. № 14).

Позже публицист описывал, чего стоило Кузьме Протасьевичу приобретение – столкновения с «хо-

лодным взглядом» занимающего ему деньги продавца Савелия Фомины. Ф.В. Волховский противопоставлял Кузьму Протасьевича гоголевскому Акакию Акакиевичу – причиной смерти главного героя очерка служит не материальное благо и связанная с ним надежда на признание в обществе, а потеря любимого им человека и друга. Как и гоголевский герой, Кузьма Протасьевич умирает, замерзнув на пороге дверей акушерки, после того, как врач отказался в позднее время помочь смертельно заболевшей Наталье Сидоровне.

Во многом очерк «Забытый человек» опирается в описании взаимоотношений Кузьмы Протасьевича и Натальи Сидоровны на повесть Н.В. Гоголя «Старосветские помещики». Ключевым отличием выступает то, что героиня гоголевского произведения – Пульхерия Ивановна – скоропостижно умирает при мистических обстоятельствах, увидев смерть в вернувшейся кошке, а героиня очерка Ф.В. Волховского умирает от болезни, оставшись без помощи доктора. Таким образом, публицист помещал историю из помещичьей жизни в социальный и злободневный план.

Большая часть «Забытого человека» представляет собой описание жизни главного героя. Непосредственно действие начинается только в конце опубликованной в следующем номере части очерка. Описание позволяло публицисту ввести в очерк натуралистические подробности и раскрыть героя сразу в нескольких планах: как сломанного и пьющего водку старика, так и обучающего на улице детей и сохранившего доброту человека. Тем самым публицист отсылал к прошлому главного героя, который не всегда был чиновником:

«Кузьма Протасьевич принадлежал именно к той породе людей, для которых каким-то злым роком предначертывается почему-то попадать из куля в рождо и обратно, совершая такое путешествие в продолжении всего своего жизненного пути. Еще в года полной силы, когда канцелярщина и архивная пыль не сломили здоровье Кузьмы Протасьевича и не отупили его нравственно, он бросил службу, чтоб идти учителем в сельскую школу. Бог знает, что заставило его сделать такой решительный шаг, единственный в его жизни. Побудило ли его сознательное влечение к полезному труду или заговорило в нем чувство человеческого достоинства, попираемое насилием и произволом, но он ушел» (СГ. 1883. № 13).

Так автор описывал, как Кузьма Протасьевич «начал пить горькую»: в итоге «стер празднующегося чиновника» смотритель училищ, после чего тот стал заниматься клеей бонбоньерок и картонажей. Таким образом, Ф.В. Волховский постоянно демонстрировал читателю, что жизнь героя сложилась так не по его вине, а в связи с обстоятельствами, которыми она была насыщена.

Описывая «жизнь бедняка», особенно в контрасте с местными «мастодонтами» из предшествующих очерков, Волховский показывал другого, живого, но бедного человека. Периодические публицист иронично извинялся перед читателями за «скудность» повествования, посвященного не гротескным сюжетам и жизни «простого смертного». В целом посвященные

«маленькому человеку» материалы были выстроены без характерного для Волховского комизма: наоборот, натуралистические описания жизни бедняков были призваны вызвать в читателях жалость и пробудить иное отношение к бедности, насыщали фабулу трагической интонацией.

Ключевой в рамках фабулы проблемой для публициста становилось человеческое безразличие, способное навредить слабому:

«— Это один старичок... Вас спрашивает: умирает кто-то.

— Умирает! Болван! Ты не мог остановить его на крыльце? Умирает, так я ничего уже не подделаю; надо было раньше. Пусть зовет попа...» (СГ. 1883. № 14).

К «Шинели» отсылал и очерк «Человек бо есмь», начинающийся с эпиграфа из гоголевского произведения: «Оставьте меня; зачем вы меня обижаете...» (СГ. 1884. № 21). Данный очерк, представленный в одном номере издания, был сосредоточен не на главном герое, а на случившихся с ним перипетиях, представляя собой скорее иллюстрацию человеческого безразличия. Начинается очерк с описания ретушера Ильи Семеновича, брошенного работодателем фотографом в незнакомом городе без возможности оплатить аренду квартиры:

«Холщовый, расстегнутый пиджак Ильи Семеновича свешивался по обе стороны убогого, прорванного стула, обнаруживая такую же жилетку, запачканную в краске. Гладко стриженная голова с маленькими, пристально смотрящими на недоумевающего мещанина, глазами, и с усами, торчащими вперед, то нагибалась к карточке, лежавшей на столе, то отделялась от нее, поворачиваясь с боку на бок. Глядя на эту фигуру с подогнутыми под стол ногами в старых брюках и сморщенных сапогах, видно было, что она совершенно ушла в свою работу и, казалось, забыла о существовании окружающих предметов и всего мира» (СГ. 1884. № 21).

Обращаясь к образу «маленького человека», Волховский отсылает к гоголевскому Акакию Акакиевичу, который также любил аккуратно выводить буквы, не отягощаясь духовной жизнью. Действие начинается с выдворения главного героя из арендованной фотографом квартиры. В дальнейшем злоключения набирают обороты: главный герой попадает в кабак и напивается; затем в квартире у знакомых над ним издеваются и выталкивают на улицу, где его грабят; в конце концов, Илья Семёнович просыпается с лихорадкой и не находит никакой помощи, обратившись в больницу.

Стоит отметить, что описание злоключений главного героя во многом взято из жизни сибирских городов – проблемы кабаков как рассадника преступлений, а также низкого уровня местной медицины, маленькие сборы средств на помощь бездомным находили отражение в новостных материалах почти каждого номера «Сибирской газеты».

Публицист показывал, что оказавшись в такой ситуации и столкнувшись с местными проблемами, Илья Семенович не знает, что ему делать – главный герой не готов к миру за пределами ретуши:

«Фигура эта была, видимо, чем-то занята, потому что была рассеяна и задумчива; она то и дело попадала под храпевшую морду какой-то лошади, причем кучер кричал: “ей, ей, ты!” и сворачивал лошадь в сторону, едва не задевая по плечу изумленно оглядывающегося Илью Семеновича. То фигура Ильи Семеновича, углубленного в самого себя, наступала на шлейф дамы, совершенно не замечая своей ошибки даже после того, как дама останавливалась и возмущенно говорила: «послушайте! Вы можете идти сбоку или подальше. Вы оборвали мне все платье!» (СГ. 1884. № 21).

Заканчивается очерк, как и предыдущий, смертью главного героя в небольшом городском саду. Ключевым фрагментом финала очерка выступает обращение главного героя при смерти к людям: «Он глубоко вздохнул и произнес: «вы не знаете портного, а?... А все мы люди, все братия... Мир...». Данный очерк представлял собой описание случайно оборванной жизни, не нашедшей в сибирском «Захолустьи» никакой поддержки. В очерках «Ranunculus» «маленькие люди» всегда оказывались в трагических ситуациях, не находя поддержки, в конце концов, погибали. Обращаясь к такой фабуле, Ф.В. Волховский ориентируется на читателей «Сибирской газеты», стремясь показать им происходящие рядом невзгоды.

В драматических финалах в очерках о «маленьком человеке» Ф.В. Волховский ориентировался на творчество Н.В. Гоголя только в выстраивании фабулы. В отличие от писателя, Ф.В. Волховский демонстрировал читателю финалы реалистичные, без фантастических интонаций, изменения статуса слова и использования ситуаций окаменения [22]. Реалистические и бессмысленные смерти главных героев без рефлексии и катарсиса отсылали к публицистическому наследию «Сибирской газеты» и были принципиальными – для Ф.В. Волховского важным было обозначить проблемы сибирского «Захолустья».

Наиболее выделяющимся среди других материалов *Ranunculus* очерком является «Отщепенцы от мира». Помимо измененного образа города, превращающегося в индустриальную мельницу, меняется и сама повествовательная манера – появляется голос рассказчика, дающий оценку происходящему:

«Новость об них не многосложна. Его звали Ванькой, а ее – Акулькой. Их жилище находилось вдали от городского шума, в квартале «старых бутырок» одного из видных Сибирских городов. Жилище это – было грязный угол в избе. Они не знали ни матери, ни отца, ни родины, ни Бога, ни отчества; они знали только грязную комнату, засиневшую от холода, где был у них свой угол с охалкой старой соломы, да сердитую “тетеньку”, пившую водку и колотившую их ежеминутно» (СГ. 1884. № 30).

Публицист в материале постоянно нагнетал атмосферу, описывая злоключения детей. Повествование начинается с «тетеньки», выгоняющей сирот просить милостыню, затем описывается сбор милостыни на улице в холод, отказ покормить их кучером, приста-

вания к Акульке, покупка водки, чтобы согреться, и вечный сон на морозе.

Таким образом, образ маленького человека представлялся перед читателем после очерков из жизни городских «мастодонтов», вступая с ними в контраст. Пустые внутри и живущие на широкую ногу местные «помпадур» противопоставлялись Ф.В. Волховским образу «маленького человека», которого жизненные обстоятельства, в конце концов, приводили к трагичной смерти. Аналогичным приемом публицист в рамках народнической идеологии пользовался и в фельетонном творчестве, противопоставляя самодуров, «котов» и «Кондратов» образам страдающего от них большинства, простых жителей Сибири – крестьян и рабочих, мелких мещан.

Особенности повествовательной манеры

Очерки Ф.В. Волховского во многом схожи с фельетонным творчеством публициста в «Сибирской газете». Для автора ключевой категорией является диалог: в очерках постоянно сталкиваются друг с другом различные персонажи, часто конфликтуя, а автор периодически обращается напрямую к читателям. Примером обращения автора к читателю может выступать очерк «Ссора»: «Но его пьяный язык мог только произнести: “Нне по закону!.. Прроттестую!..”, на что, как я уже сказал, к величайшему сожалению автора и читателей, никто не обратил должного внимания» (СГ. 1883. № 31).

В отличие от фельетонов, в очерках публицист использовал короткие высказывания, призванные акцентировать внимание читателей на авторском настроении. При этом, несмотря на использование обращений к читателям и обозначения собственного присутствия, в очерках не используется важнейший для творчества Ф.В. Волховского прием введения «литературных масок». *Ranunculus* является псевдонимом – образ рассказчика лишен конкретных характеристик, в материале отсутствуют прямые оценки и биографические вставки.

Очерки Ф.В. Волховского как сугубо художественные материалы, не опирающиеся на конкретные факты, но при этом освещающие в документальном ключе образы городской жизни, обладают большим количеством стилистических черт и литературных приемов, не лишенных конкретики. Так, характерные для публицистических фельетонов публициста аллюзии уступают место эпитетам и метафорам, диалогам и описаниям. Следующим образом выглядит описание улицы в очерке «Отщепенцы от мира»:

«Чем дальше стояли мои герои, тем шумнее и многолюднее становилось по улице и мосту. А они, оборванные и голодные, протягивали за милостыней дрожащие от холода руки и жадно глядели на теплые шубы прохожих, на корзины и кульки с провизией, на спокойные и раскрасневшиеся от холода лица и на весь этот житейский калейдоскоп, живущий мной жизнью и не знающий ни соломенной подстилки, ни костлявых рук сердитой тетеньки» (СГ. 1884. № 30).

Здесь же проявляется ключевой для автора в рамках народнической идеологии прием антитезы – противопоставление сытых и безразличных к бедам окружающих сибирских «хищников» и никому не нужных, лишенных тепла и уюта «маленьких людей». Автор описывал «маленьких людей» с теплотой, обращая внимание на различные детали – бедные одежды и шинели главных героев – но при этом выставлял в гротескном ключе внешний вид и повадки «цилиндров»:

«Это был тот самый Федул Прохорович, которого какой-то ученый немец-путешественник принял издали за сохранившийся еще в Сибири вид мастодонта, до этого считавшегося навеки исчезнувшим с лица земли... Теперь стоило бы только посмотреть на щеки Федула Прохоровича, набитые паштетом, как зоба птиц, на его бесстрастный взгляд, устремленный на кусок хлеба, случайно лежавший против него, как ясно можно было понять о совершенном спокойствии захолустья и отсутствия в нем всяких житейских тревог» (СГ. 1883. № 18).

Портрет занимает центральное место в очерках Ф.В. Волховского, отражающих жизнь как маленьких людей, так и местных «мастодонтов». Портреты в очерках, вслед за сатирической традицией Н.В. Гоголя и М.Е. Салтыкова-Щедрина, всегда наделялись гипертрофированными чертами [23, 24]. Образ мастодонтов – чертами негативными, образы «маленьких людей» – чертами, характеризующими их выпадение из социума и невозможность вернуться назад. Интересным представляются параллели и взятые из гоголевских произведений детали: например, бородавки и лысина лице Елизар Елизаровича «срисованы» с образа Агафьи Федосеевны из «Старосветских помещиков».

Повествовательная манера разделялась в очерках Ф.В. Волховским на два пласта – описательный и событийный. Публицист вводил в материал многочисленные описательные фрагменты, позволяющие погрузить героя в сатирическую фабулу, представленную хаотичными событиями и реакциями, которая занимала большую часть текста.

Показательным примером здесь может выступить очерк «Человек бо есмь», где в первом номере автором (СГ. 1883. № 13) описывается жизнь главного героя; описательная часть занимает и большую часть материала в следующем номере газеты (СГ. 1883. № 14). Все действие, таким образом, стремительно разворачивается в последних абзацах, заканчиваясь смертью. Стоит отметить, что в этом плане очерки кардинально отличаются от фельетонов публициста – где события и реальные факты из уголков Сибири становились ключевым содержанием текстов.

Заключение

Таким образом, очерки Ф.В. Волховского под псевдонимом *Ranunculus* в «Сибирской газете» представлены двумя ключевыми тематическими пластами: образ «маленького человека» и описание людского

безразличия; а также сатирическое изображение «Захолустья» как собирательного образа Сибири, демонстрация нравов местных «помпадуров». В рамках целостного восприятия очерков Ф.В. Волховского эти направления вступали в конфликт: публицист создавал контраст между трагедиями местных «хищников» и «маленьких людей», мелкими склоками и чередой событий, приводящих героев к смерти.

В очерках *Ranunculus* ключевым является образ сибирского «Захолустья», складывающегося из гротескного и реалистического планов. Изначально публицист конструирует образ «Захолустья» как деревни и провинции со сказочными мотивами и персонажами, отсылающий к щедринскому городу Глупову и «городским» рассказам Н.В. Гоголя.

Рисуя образ сибирского города как глухой провинции, которую населяют люди с дикими нравами, в дальнейшем Волховский обозначает как ключевую проблему «Захолустья»: безразличие людей друг к другу и невозможность проявления в таком обществе слабости. Единственную надежду на изменения Волховский видит в простых людях, не потерявших человеческие черты.

Вторым ключевым для публициста мотивом является существование в «Захолустье» «маленького человека». Олицетворяющие внутреннюю пустоту образы «мастодонтов» противопоставляются Ф.В. Волховским образам не до конца потерявших духовные качества людям, которых жизненные обстоятельства, в конце концов, приводят к смертельному исходу. Волховский, рассказывая про сибирского «маленького человека», во многом ориентируется на гоголевские произведения, при этом демонстрируя существенное отличие между персонажами классика и своими героями, «шинелью» для которых является дружба.

В отличие от фельетонного творчества Ф.В. Волховского, очерки насыщаются публицистом описательными фрагментами. Ключевой отличительной чертой очерков, таким образом, становится искусственное «замедление» повествования, в том числе за счет отсутствия характерного для фельетонов обозначения мелких документальных фактов губернской жизни. Материалы под псевдонимом *Ranunculus* в большей степени похожи на фельетоны публициста под псевдонимом «В тиши расцветшего василька», который «умер от холода», уступив место публицистическим литературным маскам. Также отсылает к такой преемственности перевод псевдонима (*Ranunculus* с латинского переводится как «лютик»).

Опираясь на произведения Н.В. Гоголя, Волховский смог создать собственный образ Сибири, который при этом не терял публицистичности, а наоборот возводил обозначаемые проблемы до литературного, художественного обобщения. Реальность в материалах Ф.В. Волховского превращалась в мифологизированную, раскалывающуюся под воздействием сказочных образов, гротеска, вкрапления в сибирский материал абсурдной канвы повествования.

Список источников

1. Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 2: вторая половина XIX века. Л.: ЛГУ, 1965. 516 с.
2. Старых А.В. Становление фельетона в русской провинциальной частной газете: газета «Оренбургский Листок» 1876–1879 гг.: дис. ... канд. филол. наук. 2010. 168 с.
3. Жиликова Н.В. Специфика цензурного надзора за частной периодической печатью Томска конца XIX века // Вестник НГУ. История, филология. 2020. № 6. С. 21–32.
4. Жиликова Н.В. «Сибирская газета», г. Томск, 1881–1888 гг., как явление литературного регионализма: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. С. 18–65.
5. Мазуров А.Е. Зарождение информационных жанров в частной сибирской периодике конца XIX века // Медиаисследования 2020. Барнаул: Изд.-во АлтГУ, 2020. С. 171–179.
6. Доманский В.А. Ф.В. Волховский – негласный редактор «Сибирской газеты» // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 147–167.
7. Андреев Б.М. О журналистской деятельности предшественников социал-демократии (ссылных народников в Сибири в 70–80 гг. XIX века) // Журналистика в Сибири. Иркутск: Изд.-во Иркут. ун-та, 1972. С. 75–85.
8. Круссер Р.Г. Негласный редактор «Сибирской газеты» // Огни Кузбасса. 1978. № 3. С. 72–79.
9. Круссер Р.Г. Общественно-политическая и научно-просветительская роль народнической ссылки в Сибири (70-е – начало 90-х годов XIX века): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1971. 359 с.
10. Рощевская Л.П. Поэт вольной печати в сибирской ссылке (к 120-летию со дня рождения Ф.В. Волховского) // Вопросы изучения и преподавания литературы. Тюмень: Изд.-во Тюмен. гос. пед. ин-та, 1966. С. 51–69.
11. Рощевская Л.П. Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л.: Изд. ЛГУ, 1983. 177 с.
12. Рощевская Л.П. Ф.В. Волховский – сотрудник «Сибирской газеты». // Вопросы истории и теории литературы. Научные труды Тюменского государственного университета. № 14. Тюмень, 1975. С. 84–95.
13. Ямпольский И.Г. К библиографии Ф.В. Волховского // Ученые записки Ленинградского университета, № 349. Серия филологических наук, вып. 74. Русская литература и народничество. Л., 1971. С. 184–190.
14. Жиликова Н.В. «Обличать, колоть и жалить»: Сатирическая журналистика Томска конца XIX – начала XX века. Томск, 2020. 386 с.
15. Жиликова Н.В. Между литературой и журналистикой: фельетоны Ф.В. Волховского в «Сибирской газете» // Американские исследования в Сибири: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Американские идеи и концепции в гуманитарных исследованиях ученых Сибири и преподавании в средней и высшей школе». Томск, 2008. С. 333–345.
16. Мазуров А.Е. Фельетоны Ф. В. Волховского (Ивана Брута) в «Сибирской газете» // Сюжетология и сюжетография. № 2. Новосибирск, 2020. С. 78–89.
17. Мазуров А.Е. «Цикл фельетонов «Сибирский музей» «Консерватора» (Ф.В. Волховского) в «Сибирской газете» (1884–1885 гг.)» // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 82–95.
18. Жиликова Н.В. Русская классика в рецепции «Сибирской газеты» (г. Томск, 1881–1888) // Медиаскоп: электронный журнал. М., 2012. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000442819>
19. Мазуров А.Е. Документальная основа и работа с фактами в фельетонах Ф.В. Волховского (на примере публикаций 1882–1884 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 469. С. 22–25.
20. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 820. «Дело о польском политическом ссыльном Ф.В. Волховском».
21. Ефремычева Е.А. Мотивы молвы в «Миргороде» Гоголя: между привычным и необычным // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2014. № 4. С. 37–83.
22. Бочаров С.Г. Два ухода: Гоголь, Толстой // Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 9–35.
23. Гурович Н.М. Портрет персонажа в структуре эпического произведения: «гротескный» и «классический» типы: на материале романов Н.В. Гоголя «Мертвые души» и М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 190 с.
24. Денисов В.Д. Граду и миру: о сборнике Н.В. Гоголя «Миргород» (1835) // Культура и текст. № 4. СПб., 2016. С. 14–33.

References

1. Yevgen'yev-Maksimov, V.Ye. et al. (eds) (1965) *Ocherki po istorii russkoy zhurnalistiki i kritiki* [Essays on the History of Russian Journalism and Criticism]. Vol. 2. Leningrad: Leningrad State University.
2. Starykh, A.V. (2010) *Stanovlenie fel'etona v russkoy provintsial'noy chastnoy gazete: gazeta "Orenburgskiy Listok" 1876–1879 gg.* [The formation of the feuilleton in the Russian provincial private newspaper: the Orenburgskiy Listok newspaper of 1876–1879]. Philology Cand. Diss. Orenburg.
3. Zhilyakova, N.V. (2020) *Spetsifika tsenzurnogo nadzora za chastnoy periodicheskoy pechat'yu Tomskaya kontsa XIX veka* [The specifics of censorship oversight of the private periodicals of Tomsk at the end of the 19th century]. *Vestnik NGU. Istoriya, filologiya*. 6. pp. 21–32.
4. Zhilyakova, N.V. (2002) *"Sibirskaya gazeta", g. Tomsk, 1881–1888 gg., kak yavlenie literaturnogo regionalizma* [Sibirskaya Gazeta, Tomsk, 1881–1888, as a phenomenon of literary regionalism]. Philology Cand. Diss. Tomsk. pp. 18–65.
5. Mazurov, A.E. (2020) *Zarozhdenie informatsionnykh zhanrov v chastnoy sibirskoy periodike kontsa XIX veka* [The emergence of information genres in private Siberian periodicals of the late 19th century]. In: Semilet, T.A. & Fotiyeva, I.V. (eds) *Mediassledovaniya 2020* [Media Research 2020]. Barnaul: Altai State University. pp. 171–179.
6. Domanskiy, V.A. (1996) F.V. Volkhovskiy – neglasnyy redaktor "Sibirskoy gazety" [F.V. Volkhovskiy, the unspoken editor of the Sibirskaya Gazeta]. In: Kol'chuzhkin, E. (ed.) *Russkie pisateli v Tomске* [Russian Writers in Tomsk]. Tomsk: Vodolei. pp. 147–167.
7. Andreev, B.M. (1972) O zhurnalistskoy deyatel'nosti predshestvennikov sotsial-demokratii (ssyl'nykh narodnikov v Sibiri v 70–80 gg. XIX veka) [On the journalistic activities of the predecessors of social democracy (exiled populists in Siberia in the 1870s–1880s)]. In: Zabelin, P.V. (ed.) *Zhurnalistika v Sibiri* [Journalism in Siberia]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 75–85.
8. Krusser, R.G. (1978) Neglasnyy redaktor "Sibirskoy gazety" [The unspoken editor of the Sibirskaya Gazeta]. *Ogni Kuzbassa*. 3. pp. 72–79.
9. Krusser, R.G. (1971) *Obshchestvenno-politicheskaya i nauchno-prosvetitel'skaya rol' narodnicheskoy ssylki v Sibiri (70-e – nachalo 90-kh godov XIX veka)* [Socio-political and scientific and educational role of populist exile in Siberia (1870s – early 1890s)]. History Cand. Diss. Tomsk.
10. Roshchevskaya, L.P. (1966) Poet vol'noy pechati v sibirskoy ssylke (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya F.V. Volkhovskogo) [A poet of the free press in Siberian exile (to the 120th anniversary of the birth of F.V. Volkhovskiy)]. In: Polonskiy, L.V. (ed.) *Voprosy izucheniya i prepodavaniya literatury* [Issues of Studying and Teaching Literature]. Tyumen: Tyumen State Pedagogical University. pp. 51–69.
11. Roshchevskaya, L.P. (1983) *Revolutsionery-raznochintsy v zapadnosibirskom izgnanii* [Revolutionary Raznochintsy in West Siberian Exile]. Leningrad: Leningrad State University.
12. Roshchevskaya, L.P. (1975) F.V. Volkhovskiy – sotrudnik "Sibirskoy gazety" [F.V. Volkhovskiy, an employee of Sibirskaya Gazeta]. *Voprosy istorii i teorii literatury. Nauchnye trudy Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 14. pp. 84–95.
13. Yampol'skiy, I.G. (1971) *K bibliografii F.V. Volkhovskogo* [To the bibliography of F.V. Volkhovskiy]. *Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta*. 349–74. pp. 184–190.

14. Zhilyakova, N.V. (2020) "Oblichat', kolot' i zhalit'": Satiricheskaya zhurnalistika Tomskaya kontsa XIX – nachala XX veka ["Reveal, Stab and Sting": Satirical journalism of Tomsk in the late 19th – early 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Zhilyakova, N.V. (2008) [Between literature and journalism: feuilletons by F.V. Volkhovsky in the Sibirskaya Gazeta]. *Amerikanskii idey i kontseptsii v gumanitarnykh issledovaniyakh uchenykh Sibiri i prepodavanii v sredney i vysshey shkole* [American Ideas and Concepts in Humanitarian Research by Siberian Scientists and Teaching in Secondary and Higher Schools]. Proceedings of the All-Russian Conference. Tomsk. 18–19 October 2007. Tomsk: Tomsk State University. pp. 333–345. (In Russian).
16. Mazurov, A.E. (2020) Fel'tony F.V. Volkhovskogo (Ivana Bruta) v "Sibirskoy gazete" [Feuilletons by F.V. Volkhovsky (Ivan Brut) in the Sibirskaya Gazeta]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2. pp. 78–89.
17. Mazurov, A.E. (2021) Tsikl fel'tonov "Sibirskiy muzey" "Konservatora" (F.V. Volkhovskogo) v "Sibirskoy gazete" (1884–1885 gg.) [The cycle of feuilletons "The Siberian Museum" by the "Conservator" (F.V. Volkhovsky) in the Sibirskaya Gazeta (1884–1885)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 2. pp. 82–95.
18. Zhilyakova, N.V. (2012) Russkaya klassika v retseptsii "Sibirskoy gazety" (g. Tomsk, 1881–1888) [Russian classics in the reception of the Siberian Newspaper (Tomsk, 1881–1888)]. *Mediascope: elektronnyy zhurnal*. [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000442819>.
19. Mazurov, A.E. (2021) Dokumental'naya osnova i rabota s faktami v fel'tonakh F.V. Volkhovskogo (na primere publikatsiy 1882–1884 gg.) [Documentary basis and work with facts in feuilletons by F.V. Volkhovsky (on the example of publications of 1882–1884)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University of Philology*. 469. pp. 22–25.
20. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 4. File 820. *Delo o pol'skom politicheskom ssyl'nom F.V. Volkhovskom* [The case of the Polish political exile F.V. Volkhovsky].
21. Efremycheva, E.A. (2014) Motivy molvy v "Mirgorode" Gogolya: mezhdru privychnym i chrezvychaynym [Motifs of rumor in Gogol's Mirgorod: between the habitual and the extraordinary]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*. 4. pp. 37–83.
22. Bocharov, S.G. (2011) Dva ukhoda: Gogol', Tolstoy [Two Departures: Gogol, Tolstoy]. *Voprosy literatury*. 1. pp. 9–35.
23. Gurovich, N.M. (2009) *Portret personazha v strukture epicheskogo proizvedeniya: "grotesknyy" i "klassicheskiy" tipy: na materiale romanov N.V. Gogolya "Mertvye dushi" i M.Yu. Lermontova "Geroy nashego vremeni"* [Portrait of a character in the structure of an epic work: "grotesque" and "classical" types: based on the novels by N.V. Gogol "Dead Souls" and M.Yu. Lermontov "Hero of our time"]. Philology Cand. Diss. Moscow.
24. Denisov, V.D. (2016) Gradu i miru: o sbornike N.V. Gogolya "Mirgorod" (1835) [To the city and the world: about the Mirgorod (1835) collection by N.V. Gogol]. *Kul'tura i tekst*. 4. pp. 14–33.

Информация об авторе:

Мазуров А.Е. – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rumatamonteg@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.E. Mazurov, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rumatamonteg@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.08.2022;
одобрена после рецензирования 04.10.2022; принята к публикации 28.11.2022.

The article was submitted 09.08.2022;
approved after reviewing 04.10.2022; accepted for publication 28.11.2022.

Научная статья
УДК 801.731
doi: 10.17223/15617793/484/6

Русская литература в Китае: конфликт интерпретаций, его причины и пути преодоления (на материале рецепции русской литературы китайским читателем). Статья II

Чжао Сюе¹, Юлия Анатольевна Говорухина², Вячеслав Алексеевич Суханов³

¹ Сычуаньский университет, Чэнду, Китай, zhaoxue2018@163.com

² Балтийский военно-морской институт, Калининград, Россия, yuliya_govoruhina@list.ru

³ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия suhss@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается проблема медиации, необходимость которой объясняется конфликтом интерпретаций, возникающим в ситуации восприятия инокультурного текста. Изучаются причины непонимания китайским читателем нереалистических произведений русских писателей, моделируется вариант комментария-медиатора, который позволит не только снять лексические трудности, но и ориентировать читателя в его интерпретационных действиях в направлении авторских смыслов, а также сформировать «сценарий» рецепции, приложимый к другим эстетически близким произведениям.

Ключевые слова: комментирование, конфликт интерпретаций, лингвострановедческий комментарий, медиативный текст, медиация, рецепция текста

Для цитирования: Чжао Сюе, Говорухина Ю.А., Суханов В.А. Русская литература в Китае: конфликт интерпретаций, его причины и пути преодоления (на материале рецепции русской литературы китайским читателем). Статья II // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 52–59. doi: 10.17223/15617793/484/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/6

Russian literature in China: A conflict of interpretations, its causes and ways of overcoming (based on the material of the reception of Russian literature by a Chinese reader). Article II

Zhao Xue¹, Yuliya A. Govorukhina², Vyacheslav A. Sukhanov³

¹ Sichuan University, Chengdu, China, zhaoxue2018@163.com

² Baltic Naval Institute, Kaliningrad, Russian Federation, yuliya_govoruhina@list.ru

³ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, suhss@rambler.ru

Abstract. The article considers the phenomenon of the conflict of interpretations in the perception of the text by a foreign recipient. The study explores reasons for the difficulty of understanding non-realistic works in the Chinese readership. The research is based on the methodological provisions of the discourse theory, the theory of intercultural communication, hermeneutics, and receptive aesthetics. As a result of the analysis of the judgments of Chinese students and specialists in Russian, we identified their main receptive difficulties: obscure tropes, omitted allusions, poor mastery of the language of a particular literary phenomenon. The reason for the latter is the absence of interpretive reading models, which have not been formed due to the long-term ignorance in China of Russian modernist literature. The article proposes a hermeneutic understanding of the problem of the conflict of interpretations, an understanding of the Russian author and the Chinese reader as Others, whose common knowledge and common life world are insufficient for a successful dialogue. We believe that mediation can be the solution to the possible conflict of interpretations. It is possible to create a mediative text that can be an intermediary between the author/text and the foreign reader. We discuss educational media texts (textbooks, anthologies) that are used in the educational process in China, reveal their unproductiveness as an intermediary for readers, and also explore the Chinese tradition of teaching Russian literature. We propose a model of a mediative text, whose tasks are to found on general presuppositions, introduce new meanings into the field of the addressee's meanings, rearrange the fields of meanings, change the semantic field, offer interpretative models that can be used in the process of reading other texts of the same aesthetic tradition or by the same author. Such a text should be oriented towards readers as natives of the Chinese national culture with their stereotypes, expectations, habitual ideas about modeling the literary world.

Keywords: commenting, conflict of interpretations, linguistic country study commentary, mediative text, mediation, text reception

For citation: Zhao Xue, Govorukhina, Yu.A. & Sukhanov, V.A. (2022) Russian literature in China: A conflict of interpretations, its causes and ways of overcoming (based on the material of the reception of Russian literature by a Chinese reader). Article II. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 52–59. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/6

Герменевтическое осмысление проблемы конфликта интерпретаций

Осмысление проблемы рецепции русской литературы китайским читателем и поиски возможного ее решения лежат в области герменевтики, позволяющей задействовать опыт изучения феномена конфликта интерпретаций и проблемы Другого.

Обстоятельства межкультурной коммуникации обостряют проблему Другого, инаковость которого исследуется феноменологически (Г. Гегель, М. Хайдеггер, Э. Гуссерль, Ж.-П. Сартр), психологически (З. Фрейд, Ж. Лакан, М. Мерло-Понти), герменевтически (Л. Витгенштейн, В. Дильтей, П. Рикёр, М. Хайдеггер), этнографически (К. Леви-Стросс) и в других аспектах. Русский автор и китайский читатель – это такие Другие, чьи общие знания и общий жизненный мир, мыслимые как условие понимания (В. Дильтей, А. Шюц), недостаточны для успешного диалога. Инаковость автора и читателя оказывается существенным барьером в понимании произведения. У инокультурного читателя не сформированы или недостаточно сформированы языковые и межкультурные компетенции, отвечающие за восприятие иностранного художественного текста в контексте картины мира чужой культуры. Несовпадение контекстов, физических и ментальных (исторические события, социальное устройство, мифологические и религиозные представления, ценности, стереотипы, повседневные практики, моральные и этические установки, знания и опыт и т.д.), приводит к конфликтам интерпретаций. Описывая процесс рецепции, П. Рикер говорит о том, что текст погружается в память читателя (т.е. в жизненный опыт, данный в воспоминаниях/образах, стимулирование которого определяет процесс смыслообразования и зовет к воображению). Избыточный к своей структуре, текст с его «глубинной семантикой» способен порождать множество интерпретаций. Однако эта же память с ее специфическими культурными кодами оказывается нередко ложным помощником в осмыслении русской литературы [1].

Иностранец-читатель как Другой – это носитель иного культурного кода, который в момент понимающей реконструкции текста существенно пересоздает его. Герменевтическая идея самопонимания в процессе столкновения с Другим может иметь здесь два пути реализации: понимание себя посредством осознания разности культур и набрасывание своего опыта на чужой. В последнем случае происходит описанный М. Хайдеггером [2] и Х.-Г. Гадамером [3. С. 359–360] эффект недоразумения понимания, когда забота о смысле текста как образа собственного предпонимания заслоняет текст, затемняет его. Контролировать «бытие-в-себе» (пред-понимание), чтобы понять смысл Другого, допускать чужие (и чуждые) смыс-

лы – сложнейшая задача, выполнение которой формирует важную гносеологическую компетенцию. Текст-посредник способен помочь в этом.

Момент конфликта интерпретаций позволяет использовать понятие медиации, чаще всего употребляемое в юридической сфере. Медиация – это один из альтернативных способов разрешения конфликта, предполагающий привлечение незаинтересованного третьего лица, функция которого – организовать коммуникацию между конфликтующими сторонами [4]. Необходимость разрешения существующих и возможных конфликтов обуславливает актуальность теоретической разработки, моделирования и создания текстов, которые бы выполняли медиативную функцию, с одной стороны, дополняя тезаурус читателя сведениями о бытовых реалиях, исторических персонажах, источниках цитат и т.п., а с другой – сводя к минимуму момент конфликтности, предвосхищая возможную интерпретацию с позиций исключительно своей культуры.

Комплексное исследование может дать ответы на следующие вопросы: каковы границы, продуктивный объем и структура медиативного комментария, каким образом должны учитываться структура ценностей, «горизонт ожидания» читателя иной культуры, те национальные культурные установки, которые определяют направление интерпретации и оценки русского текста.

Явление медиации имеет свою историю научного междисциплинарного осмысления. Культурологи, коммуниктивисты, лингвисты, психологи исследуют способы разрешения конфликтных ситуаций, изучают медиативный дискурс, понимая под медиацией коммуникативное взаимодействие, обусловленное конфликтным потенциалом (Rifkin, Millen, Cobb [5] Н.С. Барбина [6], А.Г.Чернышенко [7], О.В. Аллахвердова [8], Л.В. Куликова [9], А.Г. Моногарова [10], Т.А. Нигматуллина, Л.О. Терновая [11] и др.) В качестве материала исследований традиционно используются политические высказывания либо записи судебных заседаний, т.е. тексты, в которых непосредственно и опосредованно запечатлена конфликтная ситуация, требующая посреднического вмешательства.

Осмысливая медиацию литературоведчески, привлекая в качестве материала зафиксированные опыты читательской рефлексии иноязычного текста, мы обнаруживаем новый ракурс в осмыслении данного явления. Вместо активных персонализированных участников коммуникации в нашем случае действуют читатель и текст; вместо явного конфликта сторон имеет место процесс чтения как опосредованного и сдвинутого во времени диалога, осложненного непониманием текста/автора; вместо цели «разрешить спор» предполагается помощь в понимании текста, снятие конфликта интерпретаций. Если в существующих исследованиях медиация как примирительная проце-

дура осуществляется посредством беспристрастного третьего лица, то в нашей работе таким посредником является текст-медиатор (или медиативный текст). В отличие от человека, он не может гибко реагировать на помехи коммуникации, оценивать рецептивную ситуацию здесь и сейчас. Это не универсальный способ трансформации смыслового конфликта в более продуктивную форму понимания, что в то же время не отменяет его значимости.

Литературоведческий аспект исследования медиации неизбежно актуализирует герменевтическую проблему так называемой правильности интерпретации и успешности/неуспешности коммуникации в целом. Ряд критериев, условно говоря, истинной интерпретации выделяет Х.-Г. Гадамер [3].

Главным критерием для него является способность к суждению, к порождению непротиворечивой интерпретации. Анализ рецепции современной русской литературы в китайской русистике показал, однако, что возможна непротиворечивая интерпретация текста, созданная на основе инокультурных ценностных ориентиров, резко отличающихся от авторских [12].

Вторым критерием для Х.-Г. Гадамера является здравый смысл, т.е. соответствие закрепленных в культуре мировоззренческих представлений интерпретатора объективным представлениям об устройстве мира (отрефлексированные установки, априорные формы сознания). Данный критерий особенно важен в исследовании нашей темы. Можно предположить, что если интерпретация исходит из иных базовых пресуппозиций, то она будет признана неверной. А если она ориентируется на те установки, которые разделяет автор и его целевая аудитория, выше шанс, что она не будет противоречить заложенному смыслу. Идеал правильного беспристрастного понимания невозможен, так же как невозможно «отключить» культурный контекст. В то же время возможно занять герменевтическую позицию рационального осмысления предрассудков. Говоря об этой позиции, Х.-Г. Гадамер продолжает мысль М. Хайдеггера о том, что условием правильного понимания текста должна быть настроенность на инаковость текста, на возможный конфликт между представлениями о тексте и его фактическим значением. Эту позицию, мы предполагаем, может задать текст-медиатор.

Следующий критерий – предметность – важен, когда интерпретатор достраивает смыслы, привносит отсутствующие в тексте факты, вычитывает неактуальное содержание. Как нам представляется, самая продуктивная герменевтическая позиция – среднее между романтической установкой на возможность и важность выхода к авторскому замыслу (познание текста) и осознаваемой возможностью производства смысла (понимания и самопонимания) в ситуации, когда смысл текста может прирастать с течением времени и под влиянием инокультурных ценностных ориентиров. Непротиворечивость на этом этапе может служить критерием условно правильной интерпретации.

Еще один критерий, который важен для исследования китайской читательской аудитории, – критерий авторитетности (идеологической легитимности). Дол-

гое время правильной интерпретацией в Китае считалась легитимная интерпретация, признанная властным дискурсом. Исследования и оценки в исследованиях 1990–2020-х гг. отличаются позитивом: все эстетические явления осмысливаются китайскими учеными как по-своему ценные, интересные, в отличие от 1950–1980-х гг., когда звучала резкая критика идеологически и эстетически чуждых литературных явлений.

У. Эко предлагает в качестве основания истинной интерпретации интенцию текста, моделирующую читателя, его компетенцию и направление интерпретации [13]. В случае с межкультурной коммуникацией эта интенция может быть не «считана» в силу разности используемых автором и читателем кодов.

Конфликт интерпретаций в процессе рецепции текста – не отклонение от нормы. Он может быть продуктивным, порождать множественность смыслов. Однако в случае непонимания либо противоречивого понимания текста иностранным читателем ситуации продуктивного приращения смыслов может не происходить. Нередко теряются или не опознаются важнейшие смысловые элементы.

В статье I (Вестник ТГУ. 2021. № 473) мы выявили ряд **особенностей китайского мировосприятия, которые затрудняют коммуникацию и восприятие русского текста**: конфуцианские и марксистские идеи коллективизма, неоспоримая ценность традиции, не предполагающая ее игровое, пародийное осмысление, «реалистические» рецептивные сценарии, мало приложимые к модернистским и постмодернистским текстам с их «излишней» (по мнению китайцев) нигилистичностью и сложностью, восприятие литературы как зеркала реальности и средства социального прогресса. Результатом коммуникативного диссонанса может стать нежелание продолжить чтение книги, потеря интереса к русской литературе, отторжение от русской культуры. Задача медиативного текста – снять возникающее напряжение, послужить посредником между автором и его текстом и иноязычным читателем.

Медиативный комментарий как текст-посредник

В Китае активно развивается русистика, сотни тысяч бакалавров, магистрантов, аспирантов изучают русскую литературу. Роль посредника в этом процессе играют учебники и учебные пособия как китайских авторов, так и русских (переведенных на китайский язык), а также переводы, снабженные разными типами комментариев. Среди наиболее авторитетных учебных изданий назовем следующие: учебники китайских авторов «История русской литературы» (俄罗斯学史) Жэнь Гуансюань, Чжан Цзяньхуа, Юй Ичжун (Пекин, 2003 [14]), «История русской литературы» (俄国文学史) Чжэн Тиу (Шанхай, 2008 [15]), «История русской литературы XX века» (二十世纪俄罗斯文学史) Ли Юйчжэнь (Пекин, 2000 [16]), «История русской литературы XX века» (二十世纪俄罗斯文学史) Ли Хуайфань, Чжан Цзе (Чиндан, 2004 [17]),

«Русская литература XX в.: идейные течения и направления» (二十世纪俄罗斯文学:思潮与流派) Чжан Цзяньхуа, Ван Цзунху, У. Цзэлинь (Пекин, 2012 [18]), «Литературный магический квадрат: русская литература XX века» (文学魔方—二十世纪的俄罗斯文学) Лю Вэньфэй (Пекин, 2004 [19]); учебники русских авторов «История русской литературы XX века (20–90-е годы): основные имена» (二十世纪俄罗斯文学史) под ред. С.И. Кормилова (переводчики: Чжао Дань, Дуань Лицзюнь, Ху Сюесин, Нанкин, 2017 [20]); «История русской литературы» (俄国文学史) Мирский Д.С. (переводчик Лю Вэньфэй, Пекин, 2020 [21]); «Русская литература XX века» (20世纪俄罗斯文学) В.В. Агеносов (переводчик Лин Цзяньхоу, Пекин, 2001 [22]).

В большинстве учебников китайских авторов используется хронологический принцип представления материала, персоналии практически не меняются. Период модернизма занимает минимум объема, современная русская литература представлена именами В. Распутина и В. Астафьева, в большинстве учебников нет раздела, посвященного постмодернизму. Сравнительный анализ учебников русских и китайских авторов показывает, что в китайских больше внимание уделяется биографии писателя. В отличие от русских, здесь дается пересказ главного содержания произведений, анализ текстов минимален. Структурный принцип китайского учебника, представляющего творчество какого-либо русского писателя, таков: кратко описываются этапы творчества с акцентом на тематике, эстетических пристрастиях, далее анализируется одно, самое показательное произведение (темы, главная идея, система персонажей). Другие произведения лишь упоминаются с кратким замечанием о том, как в них меняется главная тема писателя. Преподаватели китайских вузов предпочитают работать с учебниками китайских авторов, объясняя это тем, что они написаны более понятным языком, в отличие от русских книг, более сложных терминологически и охватывающих больше материала, а также тем, что китайские учебники отвечают учебной цели – запомнить и понять самое главное произведение писателя, получить представление о содержании и художественных особенностях.

«Золотой серединой» стал новейший учебник «Русская литература 1990–2000-х гг.: история и современность» [23], переведенный на китайский язык и созданный коллективом русских ученых (М.М. Голубков, В.А. Суханов, Г.Ц. Бадиева, П.П. Каминский, О.А. Колмакова, С.С. Имхелова, Т.Г. Шеметова, И.И. Плеханова, О.В. Виноградова, Н.Н. Подрезова, С.М. Козлова, В.В. Башкеева, Г.Л. Нефагина) специально для иностранных студентов. Написанный простым языком, ориентированный на интерпретацию, он емко представляет творчество значимых представителей последнего литературного десятилетия XX в. и задает правильный ракурс восприятия текстов.

Другим типом текста-посредника является хрестоматия по русской литературе. Первый тип хрестоматии – оригинальные произведения русских авторов,

снабженные небольшим биографическим фрагментом, комментарием (объяснением сложных слов, терминов или фразеологизмов), вопросами на понимание смысла заглавия, образов-символов, на определение темы и идеи произведения. Второй тип – переводы русских произведений на китайский язык, дополненные анализом важных фрагментов, образов, художественных особенностей, вопросами. Вопросы задают ракурс интерпретации текста, тем самым направляя читателя в его восприятии инокультурного текста. Так, автор хрестоматии «Интерпретация и художественный анализ шедевров русской литературы» включает следующие вопросы к рассказу «Устроить жизнь» Л. Петрушевской:

– В чем заключается необходимость для героини «устроить жизнь»? Каково значение образа бабушки?

– Есть ли в этом рассказе портретные зарисовки? Какова их функция в тексте произведения?

– Какими приемами передает автор душевное состояние своих героев? В чем специфика психологизма писателя? [24. С. 369]. Заметим, что произведения Серебряного века, как правило, не снабжаются вопросами, таким образом, читатель оказывается лишен посреднической помощи в восприятии непривычной ему художественной системы.

Комментарии как вспомогательный элемент переводов русских произведений проясняют мифологические образы (например, Чжэн Тиу в хрестоматии «Избранные русские модернистские стихи» к переводу стихотворения А. Блока «Гамаюн, птица вещая» дает пояснение слова «Гамаюн»: «райская птица в древнерусской мифологии. Эта птица вещая, с человеческим лицом [25. С. 248]), религиозные образы и сюжеты (в книге «Избранные очерки М. Цветаевой» переводчика Су Хан мы находим информацию об Иоанне, имя которого упоминается в эссе «Мать и музыка»: «Святой Иоанн – один из учеников Христа. По христианскому календарю его годовщина 26 сентября, что совпадает с днем рождения М. Цветаевой» [26. С. 31]).

В книге «Избранные русские модернистские стихи» Чжэн Тиу поясняет для китайского читателя появление не одного, а трех крестов в стихотворении «Крест зла» В. Иванова: «Согласно библейской легенде, одновременно с Христом были распяты два разбойника» [25. С. 197]); поясняют антропонимы и топонимы (так, «Избранные очерки М. Цветаевой» снабжены информацией о Кузьме Минине, Наталье Сергеевне Гончаровой, Павле Гавриловиче Виноградове и т.д. [26]. Отдельно выделим комментарии, облегчающие восприятие интертекстуальной и словесной игры и включаемые чаще всего к переводам постмодернистских произведений. Так, Чэнь Сюньмин, переводчик романа Т. Толстой «Кысь», посчитал необходимым включить сноску к фрагменту «Он ведь сам-то про себя что говорит: “Гордись, – говорит, – таков и ты, поэт, и для тебя закона нет”», отправляющую читателя к стихотворению А.С. Пушкина «Езерский» и объясняющую пародийность цитирования [27. С. 20].

Комментарий – вид затекста/метатекста, самостоятельный литературный жанр, который выполняет посредническую функцию, проясняя историю создания произведения, историко-культурные реалии, изобра-

женные в нем, те или иные словоупотребления. Комментирование в жанрово-функциональном аспекте изучалось Ю. Лотманом, Б. Томашевским, Н. Сикорским, Д. Лихачевым, С. Рейсером; коммуникативный аспект изучался А. Садохиним, В. Зинченко; социально-семиотический, представляющий воспринимаемый текст как систему потенций смыслов, – В. Гудикунстом, Й. Кимом.

Лингвострановедческий комментарий – дидактический инструмент, используемый в преподавании иностранного языка с целью снять сложности первичного восприятия текста. Введенный Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым [28], он функционально отличается от литературного и лингвострановедческого и имеет, как правило, следующую структуру:

- краткая информация о писателе, времени написания произведения;
- пояснение коннотативной лексики (слова, обладающие дополнительными значениями, вызывающие в сознании носителя языка те или иные культурно-исторические ассоциации);
- пояснение национально-культурного компонента лексики текста (фоновой и безэквивалентной лексики);
- пояснение национальных реалий (аллюзий на исторические события, факты, бытовые детали быта).

Комментарий действительно выполняет важную роль посредника: вводит лексику к тексту, проясняет устойчивые выражения, знакомит с социокультурным контекстом, актуальным для произведения. Однако комментарий, как правило, составляется к небольшому тексту, он является универсальным, предлагается иностранному студенту вне различия на страны, не учитывает параметры, определяющие направление интерпретации (социокультурную ситуацию, систему межкультурных стереотипов, семиотических поведенческих кодов и др.). Создать такой комментарий может преподаватель иностранного языка, не обязательно лингвист.

Китайская традиция преподавания русской литературы предполагает использование лингвострановедческого комментария только в бакалавриате. Китайский вариант комментария отличается от русской версии. Он включает краткую биографию писателя, информацию об историко-литературном контексте, самую общую интерпретацию произведения, пояснение нескольких слов. Составляется комментарий на китайском языке (в отличие от русской версии). Отметим, что обучение в бакалавриате не предполагает знакомства с русскими текстами на языке оригинала. Исключение – небольшие по объему, чаще реалистические поэтические тексты (например, лирика А.С. Пушкина считается наиболее простой для понимания китайскими студентами бакалавриата). В этой ситуации собственно лингвистическая составляющая комментария минимальна. Освоив предложенную информацию, предварительно прочитав русское произведение, на занятиях студенты отвечают на вопросы, ориентированные исключительно на содержательную сторону текста: о чем этот текст? что хотел сказать автор? какие чувства он выразил/вызвал?

Такая ситуация, на наш взгляд, не вполне продуктивного освоения русской литературы может быть исправлена введением нового типа комментария. Медиативный текст должен учитывать многоконтекстность коммуникации, разность социально-культурных доминант в межкультурно осложненном общении, опираться на общие пресуппозиции, вводить в поле значений адресата новые значения, перестраивать поля значений, менять смысловое поле, задавать интерпретационные модели, приложимые к другим текстам той же эстетической традиции или того же автора. Он должен быть ориентирован на читателя – носителя китайской национальной культуры с его стереотипами, ожиданиями, привычными представлениями о моделировании художественного мира. Наконец, он должен способствовать сокращению времени освоения русского оригинального текста. Создание медиативного комментария – комплексная работа русского и китайского исследователя, лингвиста, методиста и литературоведа, которые имеют представление о трудностях понимания русского текста китайским читателем.

Понимание причин возникающего конфликта интерпретаций в китайской читательской аудитории позволило сконструировать комментарий, способный выполнить функцию медиатора.

В интерпретации текста изначально участвуют три субъекта/объекта: автор, текст, читатель. Элемент «автор» выстраиваемой модели коммуникации включает такие текстопорождающие элементы, как ценностные и эстетические установки, мировоззрение, социокультурный контекст, актуальную языковую практику и т.д. Эти составляющие, явно или опосредованно проявляясь в художественном тексте, оказываются содержательно важными. Фраза «не понимаю текст» часто подразумевает «не знаю принципиальных для автора ценностных ориентиров», «не владею контекстом», «не знаю особенностей языка того или иного времени».

Элемент «читатель» также сложноструктурирован и должен рассматриваться в комплексе составляющих «горизонта ожидания», установок пред-понимания (культурных стереотипов, ценностных установок), опыта и моделей (сценариев) рецепции литературного произведения. «Текст» в данной модели – отнюдь не статичный элемент коммуникации. Он множится в зависимости от субъекта, который «встречается» с ним. Это созданный автором текст с точки зрения реализованной идеи, текст в его первичной индивидуальной читательской рецепции, текст в читательской рецепции, трансформированной в результате воздействия текста-посредника (критики, историко-литературного исследования).

В момент чтения, уникального процесса (само) понимания и смыслопорождения, текст становится произведением. Именно здесь рождается конфликт интерпретаций, или значимое несовпадение или противоречие между закладываемым смыслом и извлекаемым или порождаемым. Медиативный текст может, во-первых, занять особое место в коммуникативной цепочке, а во-вторых, способствовать появлению еще одного произведения, свободного от стереотипных, ошибочных представлений о нем.

Медиативный текст не должен быть объемным и включать анализ воспринимаемого инокультурного текста, он не дублирует учебную или научную литературу. На наш взгляд, модель текста-медиатора должна иметь следующую структуру:

1. Краткая информация о культурно-историческом контексте (событиях, явлениях), который отражается в произведении (на уровне фабулы, в мировоззренческих ориентирах, оценках героев). Здесь же проявляются аллюзии, если они имеют место. Подробное описание контекста избыточно, необходимо указывать только актуальные для данного текста события.

2. Краткая информация об актуальном литературном контексте. Упоминание течения/направления, к которому принадлежит автор, позволит активировать рецептивный опыт. Здесь же проявляются литературные параллели, факт литературной полемики, если они имеют место.

3. Семантика слов/словосочетаний/целых фраз, не только представляющих сложность для иноязычного читателя (в силу малой употребимости, окказиональности или неочевидной метафоризации), но и важных для осмысления текста.

4. Блок предварительной коррекции возможной стереотипности рецепции, задача которого проговорить ложные пути интерпретации и оценки, исходя из известных культурных стереотипов. Во многом поможет в создании этого фрагмента комментария анализ и систематизация ошибок, которые делают китайские читатели. Вот почему работа над медиативным текстом предполагает участие международного исследовательского коллектива. Функция текста-посредника не должна ограничиваться информационной поддержкой. Медиативный текст в идеале должен заинтересовать иным как некой ценностью, возможно, чуждой, но любопытной и познавательной. На наш взгляд, продуктивным здесь может стать сопоставление или даже противопоставление русского и китайского литературного и шире культурного феноменов.

5. Пошаговый алгоритм рецепции текста в виде системы вопросов. Важно, что текст-медиатор не предлагает готовую интерпретацию, но задает ее модель, которая может быть приложена к другому эстетически близкому тексту. Здесь срабатывает важный принцип медиации как недирективного механизма, в котором третье лицо, привлеченное для разрешения конфликтной ситуации, не предлагает возможных вариантов разрешения спора.

6. Список учебных и научных статей, позволяющих углубить представление о прочитанном произведении.

Данная модель – итог теоретического осмысления ситуации непонимания китайским читателем русской нереалистической литературы, ситуации конфликта интерпретаций, обусловленного социальными, ментальными факторами. Перспективы исследования – создание комментария-медиатора в соответствии с предложенной моделью, его апробация в учебном процессе Сычуаньского университета, анализ эффективности.

Итак, трудности рецепции русских нереалистических произведений в китайской читательской аудитории обусловлены не только языковым барьером, разностью социокультурных контекстов и национальных ценностных установок, но и отсутствием таких читательских «сценариев», которые позволяли бы понимать специфический эстетический язык. Лакуна в читательском опыте объясняется продолжительным периодом игнорирования модернизма в Китае и целенаправленным формированием «реалистического» взгляда на искусство. Однако и сегодня необходимые «сценарии» не формируются по причине недостаточно эффективной, консервативной методики преподавания русской литературы. Новый тип комментария способен выполнять медиативную функцию: должен вводить в поле значений адресата новые значения, менять смысловое поле, задавать интерпретационные модели, должен быть ориентирован на читателя-носителя китайской национальной культуры с его стереотипами и ожиданиями.

Список источников

1. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерк и о герменевтике. М. : Медиум, 1995. 415 с.
2. Хайдеггер М. Понимание и толкование // Бытие и время / пер. В.В. Библихина. М. : Академ. проект, 2013. С. 173–179.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
4. Новиков А.В., Славская Д.Н. Процедура медиации. Функции, типы и стадии медиации // Вопросы российского и международного права. 2021. № 1. С. 48–54.
5. Rifkin J., Millen J., Cobb S. Toward a new discourse for mediation // Mediation Quarterly. 1991. № 9. P. 151–164.
6. Барбина Н.С. Когнитивный механизм контраргументации в дискурсе медиации: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск : Байкальский государственный университет экономики и права, 2012. 189 с.
7. Чернышенко А.Г. Специфика лингвистических параметров дискурса медиации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (30), ч. 1. С. 209–213.
8. Аллахвердова О. В. Медиация – новая коммуникативная практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. № 9 (4). С. 31–49.
9. Куликова Л.В. Дискурс межкультурной медиации: концептуальная модель исследования // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2019. Т. 16. Вып. 2. С. 245–258.
10. Моногарова А.Г. Современный англоязычный дискурс медиации: терминологическая составляющая и система прагматических стратегий : дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск : Пятигорский государственный университет, 2017. 213 с.
11. Нигматуллина Т.А., Терновая Л.О. Политическая медиация. М. : Юрайт, 2018. 327 с.
12. Сюе Ч. Рецепция современной русской литературы в китайском литературоведении : дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2017. 192 с.
13. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб. : Symposium; М. : Изд-во РГГУ, 2007. 501 с.
14. Жэнь Г., Чжан Ц., Юй И. История русской литературы (俄罗斯文学史). Пекин : Издательство Пекинского университета, 2003. 401 с.
15. Чжэн Т. История русской литературы: в 2 т. (俄国文学史). Шанхай : Шанхайское издательство обучения иностранным языкам, 2008. 686 с.

16. Ли Ю. История русской литературы XX века (二十世紀俄罗斯文学史). Пекин : Изд-во Пекинского университета, 2000. 431 с.
17. Ли Х., Чжан Ц. История русской литературы XX века (二十世紀俄罗斯文学史). / отв. ред. У Ю. Чиндао : Чинданское изд-во, 2004. 507 с.
18. Чжан Ц., Ван Ц., У Ц. Русская литература XX века: идейные течения и направления (二十世紀俄罗斯文学 : 思潮与流派). Пекин : Изд-во обучения и исследования иностранных языков, 2012. 320 с.
19. Лю В. Литературный магический квадрат: русская литература XX века (文学魔方—二十世纪的俄罗斯文学). Пекин : Изд-во китайских общественных наук, 2004. 272 с.
20. История русской литературы XX века (20 – 90-е годы): основные имена (二十世紀俄罗斯文学史) / отв. ред. С.И. Кормилов / пер. Чжао Д., Дуань Л., Ху С. Нанкин : Изд-во Нанкинского университета, 2017. 630 с.
21. Мирский Д.С. История русской литературы (俄国文学史) / пер. Лю В. Пекин : Коммерческое изд-во, 2020. 719 с.
22. Агеносов В.В. Русская литература XX века (20世纪俄罗斯文学) / пер. Лин Ц. Пекин: Изд-во китайского народного ун-та, 2001. 672 с.
23. Современная русская литература: история и современность (1990–2000) / под ред. Я. Ван, Г.Ц. Бадуге, С. Ду. Тяньцзинь : Изд-во Нанькайского ун-та, 2021. 342 с.
24. Ван Л. Интерпретация и художественный анализ шедевров русской литературы (俄罗斯文学名著赏析). Пекин : Изд-во обучения и исследования иностранных языков, 2015. 388 с.
25. Чжен Т. Избранные русские модернистские стихи. Шанхай : Ивэнь, 1996. 528 с.
26. Су Х. Избранные очерки М. Цветаевой. Гуилинь : Изд-во Гуансиского педагогического ун-та, 2012. 237 с.
27. Чень С. Кысь. Шанхай : Ивэнь, 2005. 326 с.
28. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М. : Русский язык, 1990. 248 с.

References

1. Ricoeur, P. (1995) *Konflikt interpretatsiy. Ocherk i o germeneytike* [Conflict of Interpretations. Essay on hermeneutics]. Translated from French. Moscow: Medium.
2. Heidegger, M. (2013) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Akadem. proekt. pp. 173–179.
3. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod: osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Moscow: Progress.
4. Novikov, A.V. & Slavskaya, D.N. (2021) *Protsedura mediatsii. Funktsii, tipy i stadii mediatsii* [Mediation procedure. Functions, types and stages of mediation]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*. 1. pp. 48–54.
5. Rifkin, J., Millen, J. & Cobb, S. (1991) Toward a new discourse for mediation. *Mediation Quarterly*. 9. pp. 151–164.
6. Barebina, N.S. (2012) *Kognitivnyy mekhanizm kontrargumentatsii v diskurse mediatsii* [Cognitive mechanism of counterargumentation in the discourse of mediation]. Philology Cand. Diss. Irkutsk.
7. Chernyshenko, A.G. (2013) *Spetsifika lingvisticheskikh parametrov diskursa mediatsii* [The specificity of the linguistic parameters of the discourse of mediation]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 12 (30). Pt. 1. pp. 209–213.
8. Allakhverdova, O.V. (2006) *Mediatsiya – novaya kommunikativnaya praktika* [Mediation, a new communicative practice]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 9 (4). pp. 31–49.
9. Kulikova, L.V. (2019) *Diskurs mezhkul'turnoy mediatsii: kontseptual'naya model' issledovaniya* [Discourse of intercultural mediation: a conceptual model of research]. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura*. 2 (16). pp. 245–258.
10. Monogarova, A.G. (2017) *Sovremennyy angloyazychnyy diskurs mediatsii: terminologicheskaya sostavlyayushchaya i sistema pragmaticheskikh strategiy* [Modern English discourse of mediation: terminological component and system of pragmatic strategies]. Philology Cand. Diss. Pyatigorsk.
11. Nigmatullina, T.A. & Ternovaya, L.O. (2018) *Politicheskaya mediatsiya* [Political Mediation]. Moscow: Izd-vo Yurayt.
12. Xue, Ch. (2017) *Retseptsiya sovremennoy russkoy literatury v kitayskom literaturovedenii* [Reception of modern Russian literature in Chinese literary criticism]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.
13. Eko, U. (2007) *Rol' chitatel'ya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The Role of the Reader. Studies in semiotics of the text]. Translated from Italian. Saint Petersburg: Symposium; Moscow: Russian State University for the Humanities.
14. Ren, G., Zhang, Q. & Yu, Yi. (2003) *History of Russian Literature*. Beijing: Peking University Press. (In Chinese).
15. Zheng, T. (2008) *History of Russian Literature*. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press. (In Chinese).
16. Li, Yu. (2000) *History of Russian Literature of the Twentieth Century*. Beijing: Peking University Press. (In Chinese).
17. Li, H. & Zhang, Q. (2004) *History of Russian Literature of the Twentieth Century*. Qingdao: Qingdao Press. (In Chinese).
18. Zhang, Q., Wang, Q. & Wu, Q. (2012) *Russian Literature of the 20th Century: Ideological Currents and Directions*. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press. (In Chinese).
19. Liu, W. (2004) *Literary Magic Square: Russian literature of the twentieth century*. Beijing: China Social Sciences Press. (In Chinese).
20. Kormilov, S.I. (ed.) (2017) *History of Russian Literature of the Twentieth Century (1920 – 1990s): main names*. Translated from Russian by Zhao, D., Duan, L. & Hu, S. Nanjing: Nanjing University Press. (In Chinese).
21. Mirskiy, D.S. (2020) *History of Russian Literature*. Translated from Russian by Liu, W. Beijing: Commercial Press. (In Chinese).
22. Agenosov, V.V. (2001) *Russian Literature of the Twentieth Century*. Translated from Russian by Lin, Q. Beijing: People's University of China Press. (In Chinese).
23. Y., Wang, G.Ts., Badueva & S., Du. (eds) (2021) *Sovremennaya russkaya literatura: istoriya i sovremennost' (1990–2000)* [Modern Russian Literature: History and modernity (1990–2000)]. Tianjin: Nankai University Press.
24. Van, L. (2015) *Interpretation and Artistic Analysis of Masterpieces of Russian Literature*. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press. (In Chinese).
25. Zheng, T. (1996) *Izbrannyye russkie modernistskie stikhi* [Selected Russian Modernist Poems]. Shanghai: Yiwen.
26. Su, H. (2012) *Izbrannyye ocherki M. Tsvetaevoy* [Selected Essays by M. Tsvetaeva]. Guilin: Guangxi Normal University Press.
27. Chen, S. (2005) *Kys'*. Shanghai: Yiwen. (In Chinese).
28. Vereshchagin, E.M. & Kostomarov, V.G. (1990) *Yazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and Culture. Linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language]. Moscow: Russkiy yazyk.

Информация об авторах:

Чжао Сюе – канд. филол. наук, преподаватель факультета русского языка института иностранных языков Сычуаньского университета (г. Чэнду, Китай). E-mail: zhaoxue2018@163.com

Говорухина Ю.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Балтийского военно-морского института (г. Калининград). E-mail: yuliya_govoruhina@list.ru

Суханов В.А. – д-р филол. наук, зав. кафедрой истории русской литературы XX–XXI веков и литературного творчества века Томского государственного университета. E-mail: suhss@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Zhao Xue, Cand. Sci. (Philology), lecturer, Sichuan University (Chengdu, China). E-mail: zhaoxue2018@163.com

Yu.A. Govorukhina, Dr. Sci. (Philology), professor, Baltic Naval Institute (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: yuliya_govoruhina@list.ru

V.A. Sukhanov, Dr. Sci. (Philology), professor, Department of the History of 20th and 21st Century Russian Literature, and Creative Writing, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: suhss@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.05.2022;
одобрена после рецензирования 02.08.2022; принята к публикации 28.11.2022.*

*The article was submitted 21.05.2022;
approved after reviewing 02.08.2022; accepted for publication 28.11.2022.*

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 903.5:737(571.16)
doi: 10.17223/15617793/484/7

Российские монеты в погребениях индигенного населения Западной Сибири как исторический источник

Андрей Александрович Пушкарев¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, supdron@gmail.com

Аннотация. Впервые представлен корпус российских монет из погребений индигенного населения Западной Сибири в качестве целостного исторического источника. Произведен поиск данных о монетах из погребений в публикациях и архивных источниках; осуществлена систематизация и обобщение информации в единой базе данных; проведен территориальный и хронологический анализ нумизматических находок. Источниковая база исследования состоит из 1 729 монет, обнаруженных в 27 могильниках в 214 погребениях на территории Западной Сибири.

Ключевые слова: нумизматика, монеты, погребения с монетами, индигенное население, Западная Сибирь, Новое время

Источник финансирования: результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Пушкарев А.А. Российские монеты в погребениях индигенного населения Западной Сибири как исторический источник // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 60–68. doi: 10.17223/15617793/484/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/7

Russian coins in the burials of the indigenous peoples of Western Siberia as a historical source

Andrey A. Pushkarev¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk Russian Federation, supdron@gmail.com

Abstract. Since the end of the 16th century, Russian coins have been discovered at archaeological sites of the indigenous population, along with other numerous items of import that came to Western Siberia through Russian merchants. Most of the numismatic finds were found at burial sites located in various parts of the region. Their uniqueness lies in the variety of information that they can provide: (1) the dating of burials and burial sites; (2) information about trade relations between the indigenous and Russian peoples of Western Siberia; (3) the variety of functions of coins in the indigenous cultures. The aim of this study is to present the corpus of Russian coins from the burials of the indigenous peoples of Western Siberia as a complex historical source. The research objectives are: (1) to search for data on coins from burials in publications and archival sources; (2) to systematize information in a summary database; and (3) to conduct a territorial and chronological analysis of the numismatic finds. I collected information about 1729 coins from 27 burial sites (214 burials). The information came from a wide range of published and archival sources; archaeological collections; field reports; publications in journals, compendiums and monographs. Based on this information, an electronic database of coins from the burials of the indigenous peoples of Western Siberia was created. It was published on Mendeley Data, a platform for sharing citable research datasets online. A cartographic analysis helped to determine three groups of burial sites in Western Siberia: the first with a center in the Surgut-Ob river region; the second in the Tomsk-Naryn Ob river region; the third in the Middle Irtysh river region. Most of the burials with coins are located in the Tomsk-Naryn Ob region (113 burials in 11 burial sites; 662 coins). The Surgut-Ob region has 73 burials in 9 burial sites with 1030 coins. The Middle Irtysh region has 27 burials in 6 burial sites with 35 coins. A chronological analysis of the source base made it possible to single out two groups of burials: the first with coins up to 1718; the second with coins after 1734. These groups have a clear division: the first group is represented by silver kopecks and denga; the second group is represented by round copper coins of various denominations. The monetary reform of Peter I is the boundary between these groups. This article for the first time describes the corpus of coins found in the burials of the indigenous peoples of Western Siberia as a complex historical source. A further study of the topic can be carried out in several directions: an exploration of the functions of coins in the cultures of the indigenous population of the region, and an analysis of trade relations and monetary circulation in the territory of Western Siberia.

Keywords: numismatics, coins, burials with coins, indigenous peoples, Western Siberia, modern era

Financial support: The results were obtained as part of the implementation of the state assignment of the RF Ministry of Science and Higher Education, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Pushkarev, A.A. (2022) Russian coins in the burials of the indigenous peoples of Western Siberia as a historical source. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 60–68. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/7

Введение

Русская колонизация Западной Сибири с конца XVI в. внесла кардинальные изменения в культуру индигенного населения региона. Главная задача, которую преследовало русское правительство в процессе присоединения земель Сибири, состояла в том, чтобы найти новые источники доходов для казны. Заготовка и транспортировка различных видов сырья, в первую очередь драгоценной пушнины, была невозможна без участия индигенного населения, которое значительно лучше русских ориентировалось в местных условиях, способах охоты и т.п. Коренное население Западной Сибири достаточно энергично втягивается в процесс торговли с русскими промышленниками и купцами, которые приносят с собой новый культурный элемент – деньги.

С конца XVI в. монеты появляются на археологических памятниках индигенного населения наряду с другими многочисленными предметами импорта, которые поступали в Западную Сибирь через русских купцов и промышленников. Наиболее массово нумизматические находки фиксируются на могильниках, расположенных в различных частях региона. Уникальность монет заключается в многообразии информации, которую они могут предоставить – это датировка погребений и могильников, сведения о торговых отношениях между коренным и русским населением Западной Сибири, а также данные о многообразии функций монет в индигенных культурах описываемого региона.

Цель настоящего исследования заключается представлении корпуса российских монет из погребений индигенного населения Западной Сибири как целостного исторического источника. Задачи исследования состоят в (1) поиске данных о монетах из погребений в публикациях и архивных источниках, (2) систематизации и обобщении информации в единой базе данных и (3) проведении территориального и хронологического анализа нумизматических находок.

Материалы и методы

Источниковая база исследования состоит из 1729 монет, обнаруженных в 27 могильниках в 214 погребениях (табл. 1). Распределение монет в погребениях неравномерно, например, 824 монеты (47,7% от общего числа) обнаружены в двух погребениях могильника Частухинский Урий. На остальных памятниках численность монет в одном погребении варьирует от 1 до 35 экз.

Одной из ключевых частей настоящего исследования является создание электронной базы данных монет из погребений индигенного населения Западной Сибири. Она представляет собой таблицу, созданную в Microsoft Word, которая состоит из следующих столбцов описаний: №; Памятник; Погребение; Кол-во; Описание в источнике; Датировка; Контекст обнаружения; Отверстие; Ссылка, Примечания. База данных опубликована на платформе обмена цитируемыми исследовательскими наборами данных Mendeley Data [1] и доступна для скачивания.

Таблица 1

Характеристика источниковой базы исследования

№	Памятник	Кол-во монет	Датировка монет (крайние границы)	Кол-во погр.: с монетами/всего иссл. погр. на пам.
1	о. Хей, кладб. [2]	2	1800–1801	1/43
2	Моховая XLVI, мог. [3]	7	1534–1645	3/15
3	Южная Сайма, мог. [4]	4	1871–1899	1/3
4	Старое Каркатеевское-I, кладб. [4]	6	1872–1908	3/3
5	Усть-Балыкское, кладб. [4]	48	1829–1952	14/29
6	Байбалаковский, мог. [5]	5	1613–1718	>=1/?
7	Чага, кладб. [6]	12	1732–1801	7/60
8	Кинтусовское I, кладб. [4]	36	1810–1932	10/32
9	Соровское, кладб. [4]	88	1738–1931	32/87
10	Частухинский Урий, мог. [7]	824	1535–1584	2/3
11	Путяка, грунт. мог. [8]	3	1737	1/1
12	Карбинский II, мог. [9]	3	1613–1645	1/12
13	Ёлтыревский II, кург. мог. [9]	9	1605–1676	3/>=5
14	Мигалка, мог. [10-12]	12	1629–1718	7/74

15	Тискинский, кург.мог. [13]	511	1737–1854	61/73
16	Барклай, кург.мог. [14–16]	24	1759–1842	6/ок. 57
17	Остяцкая Гора-2, кург. мог. [17–19]	22	1605–1696	9/57
18	Балагачевский, кург.мог. [20]	5	1613–1645	1/23
19	Чердатский, кург. мог. [21]	?	1600–1700	1/?
20	Козюлинский, кург. мог. [22]	70	1613–1676	22/94
21	Томское Старое Мусульманское Кладбище, мог. [23]	1	1737	1/55
22	Сеитово IV, грунт. мог. [24]	2	1538–1561	1/10
23	Чеплярово-27, кург.-грунт. мог. [25]	2	1645–1676	2/121
24	Окунево-7, кург.-грунт. мог. [26, 27]	5	1645–1676	5/52
25	Черталинский, мог. [28]	1	1613–1645	1/80
26	Кыштовка-2, кург. мог. [29]	22	1613–1696	15/141
27	Абрамово-10, грунт. мог. [30]	3	1600–1718	3/118

Примечание: Для многослойных могильников в колонке «всего иссл. погр. на пам.» (всего исследованных погребений на памятнике) указано число погребений периода конца XVI – начала XX в. Сокращения: мог. – могильник; кладб. – кладбище; грунт. – грунтовый; кург. – курганный

Обсуждение

Информация о погребениях с монетами с территории Западной Сибири взята из различных видов источников: археологических коллекций, полевых отчетов, публикаций в журналах, сборниках и монографиях (см. табл. 1). Качество публикации нумизматических материалов очень сильно варьирует, в некоторых случаях описания настолько скудны, что можно лишь констатировать факт наличия монет в том или ином могильнике. К сожалению, это характерно и для совсем свежих публикаций, что уже отмечалось ранее [31]. Ограниченное описание монет не только сужает достоверность и точность их датировки, но и уменьшает их информативность как самостоятельных источников о погребальном обряде. Например, в некоторых публикациях упускаются такие важные параметры, как местоположение в погребении, наличие или отсутствие отверстий и др.

В последние десятилетия отмечается рост интереса к изучению монет из могильников Западной Сибири, что привело к появлению публикаций с качественным описанием нумизматических источников [7, 9, 22, 24]. Расширяется спектр тем изучения монет не только как датирующего материала, но и как самостоятельного источника. Исследуются функции монет в погребальном обряде и повседневной жизни населения отдельных регионов Западной Сибири с привлечением археологических, этнографических и исторических источников [4, 9, 32].

Очень важными для нашей темы также являются научные работы об особенностях денежного обращения в Западной Сибири [33], изучении состава и датировки кладов [34], а также коллекций монет из поселенческих памятников как индигенного, так и русского населения Западной Сибири [10, 35–40].

Результаты

Картографический анализ (рис. 1) позволил определить, что могильники с монетами формируются в

три группы: первая – с центром в Сургутском Приобье (№ 2–10); вторая – в Томско-Нарымском Приобье (№ 11–21); третья – в Среднем Прииртышье (№ 22–27). Особняком стоит одно погребение на кладбище о. Хей, находящимся в устье р. Обь. Между указанными группами отмечается неравномерность распределения источников (см. табл. 1). Большинство исследованных погребений с монетами (113 погребений в 11 могильниках; 662 монеты) находится в Томско-Нарымском Приобье. В Сургутском Приобье – 73 погребения в 9 могильниках (1 030 монет), в Среднем Прииртышье – 27 погребений в 6 могильниках (35 монет).

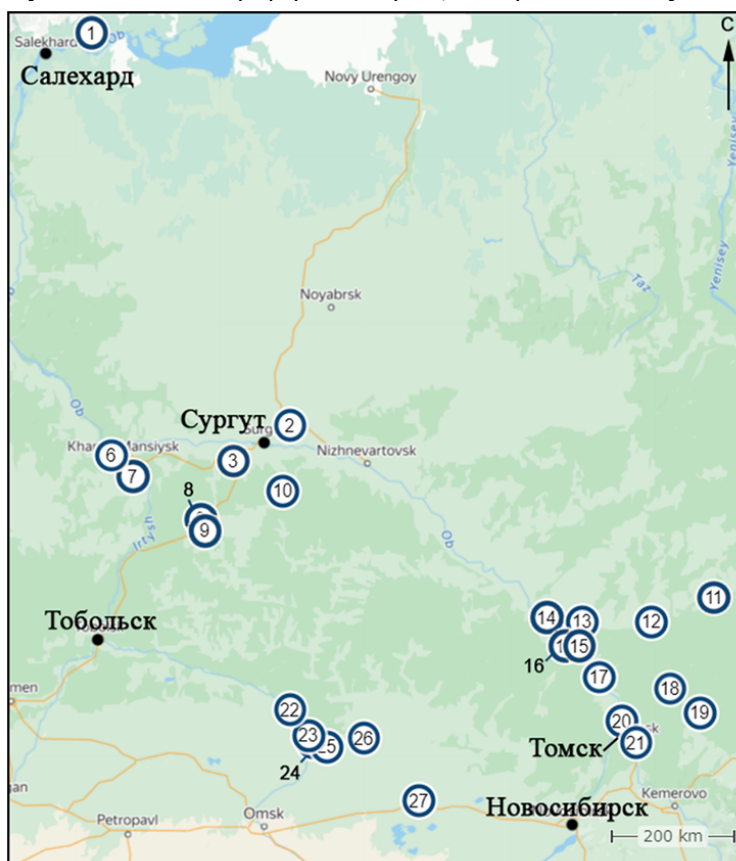
Неоднородность распределения количества находок монет внутри могильников зависит как от количества погребений на памятниках, так и от степени их изученности. Так, некоторые из них раскопаны полностью или почти полностью (например, Кыштовка-2, Тискинский, Мигалка), другие же практически не исследованы (например, Пуляка).

Территориальные особенности распределения погребений с монетами также могут происходить в целом от степени изученности того или иного региона. Например, в Горной Шории до настоящего времени не выявлено ни одного могильника кузнецких татар XVII–XVIII вв. В литературе имеются только упоминания об отдельных могилах, предположительно этого или немного более позднего периода, случайно разрушенных в ходе строительных работ, которые также не обследовались археологами [41. С. 9].

Датировка монет из погребений варьирует в широком диапазоне с 1465 г. (Частухинский Урий) по 1954 г. (Усть-Балыкское). На диаграмме (рис. 2) четко выделяются две группы памятников: первая – с монетами до 1718 г.; вторая – с монетами после 1734 г. Интересно, что нет ни одного могильника, где бы пересекались монеты выделенных групп, даже в разных погребениях. С нумизматической точки зрения эти группы имеют четкое разделение: первая группа представлена серебряными проволочными копейками и денгами, вторая – круглыми медными монетами

различного номинала. Фактически, рубежом между ними служила денежная реформа Петра I, которая

существенно модернизировала российскую монетную систему.

- 1) о. Хейя
- 2) Моховая XLVI
- 3) Южная Сайма
- 4) Ст. Каркатеевское-I
- 5) Усть-Балыкское
- 6) Байбалаковский
- 7) Чага
- 8) Кинтусовское I
- 9) Соровское
- 10) Частухинский Урий
- 11) Пуляка
- 12) Карбинский II
- 13) Елтыревский II
- 14) Мигалка
- 15) Тискинский
- 16) Барклай
- 17) Остяцкая Гора-2
- 18) Балагачевский
- 19) Черлатский
- 20) Козюлинский
- 21) Томское Старое Мусульманское Кладбище
- 22) Сентово IV
- 23) Чеплярово-27
- 24) Окунево-7
- 25) Черталинский
- 26) Кыштовка-2
- 27) Абрамово-10

Рис. 1. Карта расположения могильников с монетами на территории Западной Сибири. Создана на основе интернет-портала Яндекс Карты (<https://yandex.ru/maps/>)

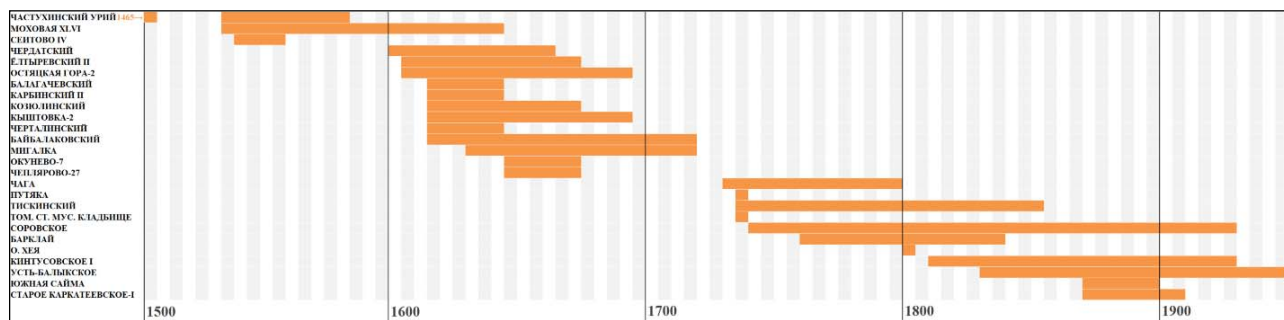

Рис. 2. Диаграмма датировок монет из погребений Западной Сибири

Выявленное естественное деление монетного материала вошло в структуру основной части настоящей статьи, где отдельно изложены характеристики каждой хронологической группы.

Монеты XV в. – 1718 г. В этот хронологический период входят серебряные проволочные монеты от Ивана III (1462–1505 гг.) до Петра I (до 1718 г.). Особенностью денежного обращения рассматриваемого периода являлось то, что монеты, отчеканенные при том или ином правителе, продолжали ходить и при его преемниках. Смена основной части монетной массы в стране проходила в результате денежных реформ, когда из обращения целенаправленно изымались «старые» монеты и выпускались «новые». В рассматриваемый нами период таких реформ было четыре: (1) денежная реформа Елены Глинской (1535–1538 гг.); (2) восстановление денежной системы при Михаиле Федоровиче (1613–1620-е гг.); (3) денежная реформа Алексея Михайловича (1654–1663 гг.); (4) денежная реформа Петра I – прекращение чеканки проволочных монет (1718 г.) [42. С. 56, 75, 87, 108]. В свою очередь, указанные реформы не были равнозначны по объему обмена «старых» монет на «новые». Так, во время реформ Елены Глинской и Михаила Федоровича была заменена значительная часть денежной массы. При Алексее Михайловиче казна активно скупала «старую» серебряную монету, однако из-за провала реформы этот процесс, судя по всему, не был до конца завершен.

В свою очередь, указанные реформы не были равнозначны по объему обмена «старых» монет на «новые». Так, во время реформ Елены Глинской и Михаила Федоровича была заменена значительная часть денежной массы. При Алексее Михайловиче казна активно скупала «старую» серебряную монету, однако из-за провала реформы этот процесс, судя по всему, не был до конца завершен.

Петр I хотя и прекратил в 1718 г. чеканку проволочных монет, но их хождение не запрещал. Вывод из денежного обращения мелких серебряных монет продолжался вплоть до конца 1750-х гг. [42. С. 120].

Самая ранняя монета из погребения на территории Западной Сибири – денга Ивана III (1462–1505) происходит из могильника Частухинский Урий. Она обнаружена в комплексе с монетами Ивана IV (1533–1584), которые датируются в пределах 1535–1584 гг. В общей сложности в двух погребениях могильника было выявлено 824 монеты. Они, по мнению С.Н. Травкина, вкупе с экземплярами из культурного слоя одноименного городища (другое название – городок Монкысь урий) представляют собой купеческую казну, которая сформировалась в период между 1594 и началом XVII в. По мнению исследователя, она, вероятно, являлась «частью добычи во время очередного грабительского набега местного князя» [38. С. 59].

Сам же могильник Частухинский Урий был сооружен на городище вскоре после его взятия и сожжения зимой 1619/1620 гг., что подтверждено целым комплексом археологических, письменных и фольклорных источников [43]. Описанный монетный комплекс уникален тем, что позволяет хронологически достоверно проследить путь от чеканки монет до попадания в погребение.

Помимо могильника Частухинский Урий монеты Ивана IV обнаружены еще в двух некрополях: Моховая XLVI (2 экз. в одном погребении) и Сеитово IV (2 экз. в одном погребении). В обоих случаях номинал монет – денга. Монеты Федора Ивановича (1584–1598) представлены 2 экз., датируются 1595–1598 гг. и происходят из могильника Байбалаковский.

Находки монет смутного времени единичны. По одной копейке Лжедмитрия I обнаружено в могильниках Остяцкая Гора-2 и Ёлтыревский II. В обоих случаях они найдены в погребениях вместе с более поздними монетами: Остяцкая Гора-2 с копейкой Михаила Федоровича, Ёлтыревский II с копейкой Алексея Михайловича.

Монеты Михаила Федоровича представлены 64 экз., происходящими из 10 могильников (не менее 30 погр.). По степени распространенности они значительно выделяются по сравнению с монетами других правителей. В данном случае нами учитывается не только количество экземпляров, но и встречаемость на могильниках на разных территориях: в Томско-Нарымском Приобье: 55 экз. в 6 могильниках (24 погр.); в Сургутском Приобье 6 экз. в 2 могильниках (3 погр.); в Среднем Прииртышье 2 экз. в 2 могильниках (3 погр.).

Монеты Алексея Михайловича представлены 50 экз., происходящими из 6 могильников (21 погр.). Необходимо отметить более равномерное территориальное распределение находок между Томско-Нарымским Приобьем: 39 экз. в 3 могильниках (11 погр.); и Средним Прииртышьем: 11 экз. в 3 могильниках (10 погр.). При этом в Сургутском Приобье не найдено ни одного экземпляра.

Особенно отметим медные проволочные монеты, выпущенные при Алексее Михайловиче во время де-

нежной реформы 1654–1663 гг. Судьба этих монет в Сибири неоднократно обсуждалась в нумизматической литературе [33. С. 47–50; 44. С. 203]. В письменных источниках содержатся сведения о том, что медными деньгами торговали с 1659 по 1663 г. [45. С. 123], однако единственные на сегодняшний день этому подтверждения – находки в Козюлинском (33 экз. в 5 погр.) и Кыштовском (4 экз. в 3 погр.) могильниках.

Проволочные серебряные монеты Петра I представлены 21 экз., происходящим из 4 могильников (14 погр.). Территориальное распределение показывает преобладание находок монет в Среднем Прииртышье: в 1 могильнике 14 экз. (9 погр.). В Томско-Нарымском Приобье: в 2 могильниках 6 экз. (4 погр.); в Сургутском Приобье 1 экз. (1 погр.).

Примечательной особенностью является полное отсутствие в погребениях Западной Сибири новых монет Петра I, выпущенных в результате денежной реформы, а также монет, чеканившихся при его преемниках: Екатерине I (1721–1727) и Петре II (1727–1730). В нумизматических коллекциях из раскопок русских городов монеты этих периодов присутствуют в небольшом количестве: 1 экз. в Тарской крепости (из 143 монет досоветского периода, раскопки 2015–2018 гг.) [40. С. 157], не более 14 экз. в Тобольске (из 619 монет досоветского периода, раскопки 2010–2011 гг. на Базарной площади) [37. С. 79].

Монеты 1733 – 1917 гг. Самая ранняя монета, выпущенная после реформы Петра I, обнаруженная в погребениях Западной Сибири, – серебряный рубль 1733 г. на кладбище Чага (м. 45). В том же погребении присутствовал еще один рубль 1743 г. и медные монеты 1752–1758 гг. Необходимо отметить, что серебряные монеты таких крупных номиналов, как рубль, являются для Сибири скорее исключением, так как основная их масса обращалась в европейской части России и использовалась преимущественно имущими слоями общества – дворянами и купечеством. [42. С. 121–122].

Первые медные монеты рассматриваемого периода датируются 1737 г. и, что примечательно, обнаружены сразу на нескольких могильниках: Тискинский (денга в к. 7 п. 12 и к. 11 п. 6), Путика (полушка 2 экз. в м.1), Томское Старое Мусульманское Кладбище (денга в раскопе 1 п. 3). Эти монеты, вероятнее всего, изготовлены на Екатеринбургском монетном дворе, который с 1736 года начал чеканить медные монеты.

Ключевым событием в истории денежного обращения Сибири и Дальнего Востока стало открытие Сузунского монетного двора в 1766 г. С этого же года на дворе началась чеканка «сибирской монеты», которая предназначалась для хождения за Уралом. С 1781 года производство сибирской монеты было прекращено и на Сузунском дворе стали чеканить монеты общероссийского образца вплоть до его закрытия в 1847 г. [33. С. 108–113, 42. С. 139, 142].

Практически все монеты Тискинского могильника, составляющие основу источниковой базы исследуемого периода (1733–1917 гг.) были выпущен-

ны на Сузунском дворе [9. С. 60]. Определение монетного двора для экземпляров из других могильников не проводилась, однако монеты, датированные временем работы Сузунского монетного двора (1766–1847 гг.) составляют 48,6% всех монет (85 из 175 экз.), выпущенных после 1732 г., включая советский период. Если мы включим в статистику Тискинский могильник, то общее количество монет 1766–1847 гг. составит 79,4% (429 из 540 экз.). Количественное преобладание монет периода 1766–1847 гг. также отмечается в нумизматических коллекциях из Тарской крепости [40. С. 157–161] и Тобольска [37. С. 79].

Монеты 1733 – 1917 гг. из погребений Западной Сибири представлены практически всеми видами номиналов регулярных выпусков из меди досоветского периода: полушка (14 экз.); денга (37 экз.); 1/2 копейки (4 экз.), 1 копейка (99 экз.), 2 копейки (253 экз.), 3 копейки (9 экз.), 5 копеек (26 экз.), 10 копеек (2 экз.). Сибирские монеты: полушка (2 экз.), денга (8 экз.), 1 копейка (13 экз.), 2 копейки (13 экз.), 10 копеек (2). Копейки серебром: 1/4 копейки (12 экз.), 1/2 копейки (24 экз.), 1 копейка (17 экз.), 2 копейки (2 экз.), 5 копеек (1 экз.).

Заключение

Настоящая статья представляет собой лишь первый подход к обобщенному изучению монет, обнаруженных в погребениях индигенного населения на территории Западной Сибири. В дальнейшем, источниковая база, накопленная в рамках данной работы может стать отправной точкой для нескольких направлений исследований.

Во-первых – это изучение функций монет в индигенных культурах региона. Особенно интересно исследование отношения к монетам как к украшениям костюма (в широком смысле, включая их магические свойства, функции оберегов), а также денежным средствам. В этом отношении, погребальные памятники с монетами позволяют заглянуть в самое сердце культуры, во многом недоступное стороннему наблюдателю, и соответственно могут значительно дополнить сведения, отраженные в других источниках.

Во-вторых, значительный объем, территориальный и хронологический охват корпуса монет из погребений Западной Сибири делает его одним из важнейших источников по изучению торговых отношений и денежного обращения на территории региона.

Список источников

1. Pushkarev A.A. "Russian coins from the burials of the indigenous people of Western Siberia", Mendeley Data, V1, doi: 10.17632/jzh7dzz57f.1. URL: <https://data.mendeley.com/datasets/jzh7dzz57f>
2. Мурашко О.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке (по археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ). М.: Наука, 2001. 155 с.
3. Стефанов В.И. Моховая XLVI – позднесредневековый могильник Сургутского Приобья //Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Вып. 1. С. 164–210.
4. Рындина О.М., Боброва А.И., Ожередов Ю.И. Ханты Салымского края: культура в археолого-этнографической ретроспективе. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2008. 412 с.
5. Приступа О.И. Мартиролог предметов археологии из Ханты-Мансийского района ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. Вып. 10. С. 68–99.
6. Багашёв А.Н. Полевой дневник Иртышской антропологической экспедиции лаборатории истории, археологии и этнографии. Антропологическая экспедиция Томского государственного университета летом 1987 года. Тюмень, Иртыш // Архив кабинета антропологии ТГУ. Без №.
7. Семенова В.И. Поселение и могильник Частухинский Урий Новосибирск: Наука, 2005. 164 с.
8. Гребнева Г.И. Отчет об археологических исследованиях кетского отряда летом 1976 года // Архив МАЭС ТГУ. № 688.
9. Боброва А.И., Фадеев В.А. Монеты XVII века из Прикетья в археологическом собрании ТОКМ // Труды ТОКМ. Томск: Изд-во «ДТрипнт», 2013. Т. 18. С. 231–241.
10. Чиндина Л.А. Позднесредневековые могильники Среднего Приобья в XVII в. Хронологический дискурс // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Материалы всерос. науч. конф., Омск, 01–04 ноября 2004 года. Омск: Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, 2004. С. 284–290.
11. Чиндина Л.А. Отчет о полевых исследованиях Нарымской археологической экспедиции летом 1990 года // Архив ИА РАН. Р-1 № 14901.
12. Чиндина Л.А. Отчет о полевых исследованиях Нарымского археологического отряда летом 1991 года // Архив ИА РАН Р-1. № 17698.
13. Боброва А.И. Селькупы XVIII–XIX вв. (по материалам Тискинского могильника). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 176 с.
14. Ожередов Ю.И. Отчёт о полевых исследованиях Южнотаёжного отряда археологической экспедиции Томского госуниверситета в Чаинском районе Томской области в 1985 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 11452.
15. Ожередов Ю.И. Отчёт о полевых исследованиях Южнотаёжного отряда археологической экспедиции Томского госуниверситета в Чаинском районе Томской области в 1987 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 13125.
16. Ожередов Ю.И. Отчёт о полевых исследованиях Южнотаёжного отряда археологической экспедиции Томского госуниверситета в Чаинском районе Томской области в 1989 году // Архив ИА РАН.
17. Дульзон А.П. Остатки могильники XVI и XVII веков у села Молчанова на Оби // Учёные записки Томского государственного педагогического института. Томск: Изд-во ТГПИ, 1955. Т. 13. С. 97–154.
18. Дульзон А.П. Остатки курганный могильник XVII в. у с. Молчанова на Оби // Учёные записки Томского государственного педагогического института. Томск: Изд-во ТГПИ, 1957. Т. 16. С. 443–488.
19. Боброва А.И. Отчет о полевых исследованиях Среднеобского отряда археологической экспедиции Томского госуниверситета в 1982 г. // Архив МАЭС ТГУ. № 915.
20. Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Учёные записки Томского государственного педагогического института. Томск: Изд-во ТГПИ, 1953. Т. 10. С. 127–335.
21. Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. М.: Гл. ред. вост. лит., 1989. 740 с.
22. Плетнева Л.М., Пушкарев А.А. Монеты и жетоны из погребений Козюлинского курганного могильника как исторический источник // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, № 4. С. 57–80.

23. Водясов Е.В., Зайцева О.В. Мусульманские некрополи XVII–XIX вв. в окрестностях г. Томска // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 1(33). С. 125–131.
24. Тихомиров, К. Н. Новые данные о погребальных традициях предков тарских татар (по материалам раскопок могильника Сеитово IV 2019 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 626–630.
25. Полеводов А.В., Корусенко М.А. «Обол Харона» на Юге Западной Сибири // Сибирский сборник – 1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Книга I. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 193–201
26. Конилов Б.А. Позднесредневековые памятники лесного Прииртышья // Средневековые древности Западной Сибири. Омск, 1995. С. 50–65.
27. Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском Увале у деревни Окунево. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.
28. Богомолов В.Б., Мельников Б.В. Накосное украшение XVII в. из Черталинского могильника // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 1996. С. 49–50.
29. Молодин В.И. Кыштовский могильник. Новосибирск: Наука, 1979. 184 с.
30. Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.
31. Кузнецов Н.А. Нумизматические материалы в археологических памятниках Западной Сибири // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сборник научных трудов, Барнаул, 02–07 октября 2017 года. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2017. С. 571.
32. Бауло А. В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских утров. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 158 с.
33. Коньков Н.Л. Имеет хождение в Сибири. Денежное обращение в Сибири XVII–XVIII вв.. Тобольск: Изд-во Общественного фонда «Возрождение Тобольска», 2001. 144 с.
34. Бородавский А.П., Горохов С.В. Умревинский клад серебряных проволочных копеек времени правления Петра I // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44, № 2. С. 102–108.
35. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург–Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2008. 296 с.
36. Горохов С.В. Информационный потенциал нумизматических коллекций Умревинского острога и Мангазеи // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, № 3. С. 219–228.
37. Аношко О.М., Игнатов С.В. Нумизматические и сфрагистические материалы Базарного раскопа в Тобольске // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 4 (27). С. 77–86.
38. Травкин С.Н. Нумизматическая коллекция из раскопок городка Монкысь урий (городища Частухинский урий). 2011–2013 годы // Кардаш О.В., Визгалов Г.П. Городок Монкысь урий: к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического исследования): в 2 т. Екатеринбург: Издательская группа Караван, 2015. Т. II. Источники и специальные исследования. С. 56–93.
39. Водясов Е.В., Пушкарев А.А. Время «Тоянова городка»: новые нумизматические находки и радиоуглеродные данные // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 142–151.
40. Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Милищенко О.А. Нумизматические находки из раскопок в Тарской крепости в 2015–2018 гг. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2020. № 23. С. 155–164.
41. Ширин Ю.В. Результаты археологических разведок в бассейне р. Кондомы // Из кузнецкой старины. Новокузнецк: Полиграфист, 2010. Вып. 1. С. 4–42.
42. Мельникова А.С., Узденников В.В., Шиканова И.С. Деньги в России. История русского денежного хозяйства с древнейших времён до 1917 г. М.: Стрелец, 2000. 224 с.
43. Кардаш О.В., Визгалов Г.П. Городок Монкысь урий: к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического исследования): в 2-х т. Екатеринбург: Издательская группа Караван, 2015. Т. I. Археологические исследования. 448 с. Т. II. Источники и специальные исследования. 208 с.
44. Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М.: Финансы и статистика, 1989. 318 с.
45. Сибирский летописец // Северный архив. 1826. Ч. 19, № 2.

References

1. Pushkarev, A.A. (2022) Russian coins from the burials of the indigenous people of Western Siberia. *Mendeley Data*. [Online] Available from: <https://data.mendeley.com/datasets/jzh7dzz57f>. DOI: 10.17632/jzh7dzz57f.1
2. Murashko, O.A. (2001) *Kul'tura aborigenov Obdorskogo Severa v XIX veke (po arkhologo-etnograficheskim kollektiyam Muzeya antropologii MGU)* [The Culture of the Natives of the Obdorsk North in the 19th Century (According to the archaeological and ethnographic collections of the Museum of Anthropology of Moscow State University)]. Moscow: Nauka.
3. Stefanov, V.I. (2002) Mokhovaya XLVI – pozdnesrednevekovyy mogil'nik Surgut'skogo Priob'ya [Mokhovaya XLVI, late medieval burial ground of the Surgut Ob region]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the mirror of the past]. Vol. 1. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University. pp. 164–210.
4. Ryndina, O.M., Bobrova, A.I. & Ozheredov, Yu.I. (2008) *Khanty Salym'skogo kraya: kul'tura v arkhologo-etnograficheskoy retrospektive* [Khanty of the Salym Region: Culture in the archaeological and ethnographic retrospective]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Pristupa, O.I. (2012) Martirolog predmetov arkhologii iz Khanty-Mansiyskogo rayona KhMAO – Yugry [Martyrology of archeological objects from the Khanty-Mansiysk region of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the Mirror of the Past]. Vol. 10. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University. pp. 68–99.
6. Archive of TSU Cabinet of Anthropology. Bagashev, A.N. (1987) *Polevoy dnevniki Irtyshskoy antropologicheskoy ekspeditsii laboratorii istorii, arkhologii i etnografii. Antropologicheskaya ekspeditsiya Tomskogo gosudarstvennogo universiteta letom 1987 goda. Tyumen, Irtysh* [Field Diary of the Irtysh Anthropological Expedition of the Laboratory of History, Archaeology and Ethnography. Anthropological expedition of Tomsk State University in the summer of 1987. Tyumen, Irtysh].
7. Semenova, V.I. (2005) *Poselenie i mogil'nik Chastukhinskiy Uriy* [Settlement and Burial Ground Chastukhinsky Uriy]. Novosibirsk: Nauka.
8. Archive of Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia TSU. No. 688. Grebneva, G.I. (1976) *Otchet ob arkhologicheskikh issledovaniyakh ketskogo otryada letom 1976 goda* [Report on Archaeological Research of the Ket Detachment in the Summer of 1976].
9. Bobrova, A.I. & Fadeev, V.A. (2013) Monety XVII veka iz Priket'ya v arkhologicheskoy sobranii TOKM [Coins of the 17th century from Priket'ye in the archaeological collection of Tomsk Regional Museum of Local Lore]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. 18. pp. 231–241.
10. Chindina, L.A. (2004) [Late medieval burial grounds of the Middle Ob region in the 17th century. Chronological discourse]. *VI istoricheskie chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova* [6th Historical Readings in Memory of Mikhail Petrovich Gryaznov]. Proceedings of the All-Russian Conference. Omsk. 1–4 November 2004. Omsk: Omsk State University. pp. 284–290. (In Russian).
11. Archive of Institute of Archaeology of RAS. R-1 No. 14901. Chindina, L.A. (1990) *Otchet o polevykh issledovaniyakh Narymskoy*

- arkheologicheskoy ekspeditsii letom 1990 goda* [Report on Field Research of the Narym Archaeological Expedition in the Summer of 1990].
12. Archive of Institute of Archaeology of RAS. R-1. No. 17698. Chindina, L.A. (1991) *Otchet o polevykh issledovaniyakh Narymskogo arkheologicheskogo otryada letom 1991 goda* [Report on Field Research of the Narym Archaeological Team in the Summer of 1991].
13. Bobrova, A.I. (2007) *Sel'kupy XVIII–XIX vv. (po materialam Tiskinskogo mogil'nika)* [Selkups of the 18th–19th Centuries (Based on the materials of the Tiskinsky burial ground)]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Archive of Institute of Archaeology of RAS. R-1. No. 11452. Ozheredov, Yu.I. (1985) *Otchet o polevykh issledovaniyakh Yuzhnotaevskogo otryada arkheologicheskoy ekspeditsii Tomskogo gosuniversiteta v Chainskom rayone Tomskoy oblasti v 1985 godu* [Report on Field Research of the South Taiga Team of the Archaeological Expedition of Tomsk State University in Chainsky District of Tomsk Oblast in 1985].
15. Archive of Institute of Archaeology of RAS. R-1. No. 13125. Ozheredov, Yu.I. (1987) *Otchet o polevykh issledovaniyakh Yuzhnotaevskogo otryada arkheologicheskoy ekspeditsii Tomskogo gosuniversiteta v Chainskom rayone Tomskoy oblasti v 1987 godu* [Report on Field Research of the South Taiga Team of the Archaeological Expedition of Tomsk State University in Chainsky District of Tomsk Oblast in 1987].
16. Archive of Institute of Archaeology of RAS. Ozheredov, Yu.I. (1989) *Otchet o polevykh issledovaniyakh Yuzhnotaevskogo otryada arkheologicheskoy ekspeditsii Tomskogo gosuniversiteta v Chainskom rayone Tomskoy oblasti v 1989 godu* [Report on Field Research of the South Taiga Team of the Archaeological Expedition of Tomsk State University in Chainsky District of Tomsk Oblast in 1989].
17. Dul'zon, A.P. (1955) Ostyatskie mogil'niki XVI i XVII vekov u sela Molchanova na Obi [Ostyak burial grounds of the 16th and 17th centuries near the village Molchanovo on the Ob]. *Uchenye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 13. pp. 97–154.
18. Dul'zon, A.P. (1957) Ostyatskiy kurgannyi mogil'nik XVII v. u. s. Molchanovo na Obi [Ostyatsky burial mound of the 17th century. at the village Molchanovo on the Ob]. *Uchenye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 1957. 16. pp. 443–488.
19. Archive of Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia TSU. No. 915. Bobrova, A.I. (1982) *Otchet o polevykh issledovaniyakh Sredneobskogo otryada arkheologicheskoy ekspeditsii Tomskogo gosuniversiteta v 1982 g.* [Report on Field Research of the Sredneobsk Detachment of the Archaeological Expedition of Tomsk State University in 1982].
20. Dul'zon, A.P. (1953) Pozdnie arkheologicheskie pamyatniki Chulyma i problema proiskhozhdeniya chulymskikh tatar [Late archaeological sites of Chulym and the problem of the origin of the Chulym Tatars]. *Uchenye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 10. pp. 127–335.
21. Radlov, V.V. (1989) *Iz Sibiri: stranitsy dnevnika* [From Siberia: Diary pages]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury.
22. Pletneva, L.M. & Pushkarev, A.A. (2021) Monety i zhetony iz pogrebeniy Kozyulinskogo kurgannogo mogil'nika kak istoricheskiy istochnik [Coins and tokens from the burials of the Kozyulinsky burial mound as a historical source]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 4 (33). pp. 57–80.
23. Vodyasov, E.V. & Zaytseva, O.V. (2015) Muslim necropolis of XVII–XIX centuries near Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(33). pp. 125–131. (In Russian).
24. Tikhomirov, K.N. (2019) Novye dannye o pogrebal'nykh traditsiyakh predkov tarskikh tatar (po materialam raskopok mogil'nika Seitovo IV 2019 goda) [New data on the burial traditions of the ancestors of the Tara Tatars (based on the excavations of the Seitovo IV burial ground in 2019)]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 25. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS. pp. 626–630.
25. Polevodov, A.V. & Korusenko, M.A. (2009) “Obol Kharona” na Yuge Zapadnoy Sibiri [“Charon's Obol” in the South of Western Siberia]. In: Pavlinskaya, L.P. (ed.) *Sibirskiy sbornik – 1: Pogrebal'nyy obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Siberian Collection – 1: Funeral rite of the peoples of Siberia and adjacent territories]. Vol. I. Saint Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography. pp. 193–201.
26. Konikov, B.A. (1995) Pozdnesrednevekovye pamyatniki lesnogo Priirtysh'ya [Late medieval monuments of the forest Irtysh region]. In: Matyushchenko, V.I. (ed.) *Srednevekovye drevnosti Zapadnoy Sibiri* [Medieval Antiquities of Western Siberia]. Omsk: Omsk State University. pp. 50–65.
27. Matyushchenko, V.I. & Polevodov, A.V. (1994) *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov na Tatarskom Uvale u derevni Okunevo* [The Complex of Archaeological Monuments on the Tatar Uval Near the Village of Okunevo]. Novosibirsk: Nauka.
28. Bogomolov, V.B. & Mel'nikov, B.V. (1996) Nakosnoe ukrashenie XVII v. iz Chertalinskogo mogil'nika [Braid decoration of the 17th century from the Chertalinsky burial ground]. In: Arutyunov, S.A. & Tomilov, N.A. (eds) *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы. Problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographo-Archaeological Complexes. Problems of culture and society]. Vol. 2. Novosibirsk: Nauka. pp. 49–58.
29. Molodin, V.I. (1979) *Kyshtovskiy mogil'nik* [Kyshtovsky Burial Ground]. Novosibirsk: Nauka.
30. Molodin, V.I., Sobolev, V.I. & Solov'ev, A.I. (1990) *Baraba v epokhu pozdnego srednevekov'ya* [Baraba in the Late Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka.
31. Kuznetsov, N.A. (2017) [Numismatic materials in the archaeological sites of Western Siberia]. *Proceedings of the 5th (21st) All-Russian Archeological Congress*. Barnaul. 2–7 October 2017. Barnaul: Altai State University. p. 571. (In Russian).
32. Baulo, A.V. (2004) *Atributika i mif: metall v obryadakh obskikh ugrov* [Attributes and Myth: Metal in the rites of the Ob Ugrians]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS.
33. Kon'kov, N.L. (2001) *Imet khozhdenie v Sibiri. Denezhnoe obrashchenie v Sibiri XVII–XVIII vv.* [Has Circulation in Siberia. Monetary circulation in Siberia in the 17th–18th centuries]. Tobolsk: Izd-vo Obshchestvennogo fonda “Vozrozhdenie Tobol'ska”.
34. Borodovskiy, A.P. & Gorokhov, S.V. (2016) Umrevinskiy klad serebryanykh provolochnykh kopeek vremeni pravleniya Petra I [Umrevinsky hoard of silver wire kopecks from the reign of Peter I]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2 (44). pp. 102–108.
35. Vizgalov, G.P. & Parkhimovich, S.G. (2008) *Mangazeya: novye arkheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.)* [Mangazeya: New archaeological research (materials of 2001–2004)]. Yekaterinburg; Nefteyugansk: Izd-vo “Magellan”.
36. Gorokhov, S.V. (2011) *Informatsionnyy potentsial numizmaticheskikh kollektsey Umrevinskogo ostroga i Mangazei* [Information potential of the numismatic collections of the Umrevinsky prison and Mangazeya]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 3 (10). pp. 219–228.
37. Anoshko, O.M. & Ignatov, S.V. (2014) Numizmaticheskie i sfragisticheskie materialy Bazarnogo raskopa v Tobol'ske [Numismatic and sphragistic materials of the Bazaar excavation in Tobolsk]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 4 (27). pp. 77–86.
38. Travkin, S.N. (2015) Numizmaticheskaya kolleksiya iz raskopok gorodka Monkys' uriy (gorodishcha Chastukhinskiy uriy). 2011–2013 gody [Numismatic collection from the excavations of the town of Monkys uriy (fortified settlement Chastukhinsk uriy). 2011–2013]. In: Kardash, O.V. & Vizgalov, G.P. *Gorodok Monkys' uriy: k istorii naseleniya Bol'shogo Yugana v XVI–XVII vekakh (po rezul'tatam kompleksnogo arkheologicheskogo issledovaniya)* [The Town of Monkys uriy: to the history of the population of Bolshoy Yugan River in the 16th–17th centuries]. Vol. 2. Yekaterinburg: Karavan. pp. 56–93.
39. Vodyasov, E.V. & Pushkarev, A.A. (2019) Time of the hillfort “Toyanov Gorodok”: new numismatic finds and radiocarbon data. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 61. pp. 142–151. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/61/19
40. Tataurov, S.F., Tikhonov, S.S. & Milishchenko, O.A. (2020) Numizmaticheskie nakhodki iz raskopok v Tarskoy kreposti v 2015–2018 gg. [Numismatic finds from excavations in the Tara fortress in 2015–2018]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 23. pp. 155–164.

41. Shirin, Yu.V. (2010) Rezul'taty arkheologicheskikh razvedok v bassejne r. Kondomy [The results of archaeological exploration in the basin of the Condoma river]. In: Shirin, Yu.V. (ed.) *Iz kuznetskoy stariny* [From the Kuznetsk Antiquity]. Vol. 1. Novokuznetsk: Poligrafist. pp. 4–42.
42. Mel'nikova, A.S., Uzdennikov, V.V. & Shikanova, I.S. (2000) *Den'gi v Rossii. Istoriya russkogo denezhnogo khozyaystva s drevneyshikh vremen do 1917 g.* [Money in Russia. History of the Russian money economy from ancient times to 1917]. Moscow: Strelets.
43. Kardash, O.V. & Vizgalov, G.P. (2015) *Gorodok Monkys' uriy: k istorii naseleniya Bol'shogo Yugana v XVI–XVII vekakh (po rezul'tatam kompleksnogo arkheologicheskogo issledovaniya)* [The town of Monkys' uri: to the history of the population of Bolshoy Yugan River in the 16th–17th Centuries]. Yekaterinburg: Karavan.
44. Mel'nikova, A.S. (1989) *Russkie monety ot Ivana Groznogo do Petra Pervogo (istoriya russkoy denezhnoy sistemy s 1533 po 1682 god)* [Russian Coins from Ivan the Terrible to Peter the Great (History of the Russian monetary system from 1533 to 1682)]. Moscow: Finansy i statistika.
45. Severnyy arkhiv. (1826) *Sibirskiy letopisets* [Siberian chronicle]. *Severnyy arkhiv*. 2. Pt. 19.

Информация об авторе:

Пушкарев А.А. – канд. ист. наук, зав. лабораторией междисциплинарных археологических исследований “Артефакт” Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: supdron@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Pushkarev, Cand. Sci. (History), head of the Artifact Laboratory for Interdisciplinary Archaeological Research, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: supdron@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.11.2022;
одобрена после рецензирования 21.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.*

*The article was submitted 03.11.2022;
approved after reviewing 21.11.2022; accepted for publication 30.11.2022.*

Научная статья
УДК 94(571.1/.5)«1918-1919»
doi: 10.17223/15617793/484/8

Мобилизация карпаторуссов в Сибири летом–осенью 1919 г.: идеологический контекст, военная необходимость и политические комбинации

Дмитрий Николаевич Шевелев¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, shev-dn@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены и проанализированы особенности взаимоотношений российского антибольшевистского движения и его государственных образований с общественными организациями, представлявшими интересы русинских диаспор в России. В центре внимания – вопрос об организации и проведении мобилизации карпаторусских беженцев и военнопленных в Сибири летом–осенью 1919 г. как пересечении интересов Российского правительства адмирала А.В. Колчака и намерений Центрального Карпаторусского совета.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Прикарпатская Русь, русины, Сибирь, Российское правительство адмирала А.В. Колчака, Центральный Карпаторусский совет

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042

Для цитирования: Шевелев Д.Н. Мобилизация карпаторуссов в Сибири летом–осенью 1919 г.: идеологический контекст, военная необходимость и политические комбинации // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 69–80. doi: 10.17223/15617793/484/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/8

Mobilization of the Carpatho-Russians in Siberia, summer and fall of 1919: Ideological context, military demand, and political combinations

Dmitry N. Shevelev¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, shev-dn@yandex.ru

Abstract. The article considers and analyzes the peculiarities of the relations between the Russian Government of Admiral Kolchak and its departments with the Central Carpatho-Russian Council. The organization and conduct of the mobilization of Carpatho-Russian refugees and prisoners of war in the summer and fall of 1919 was chosen as a case for examination. Thus, the author set two main objectives: (1) to determine the attitude of Rusyn diasporas' civic organizations towards the formation of the Carpatho-Russian army units in Russia and the features of the interaction of the White East with other (besides Siberia) centers of the Carpatho-Russian national movement; (2) to identify the participation of the Omsk Government Departments in the decision-making to call Rusyns for military service in the Russian Army of Admiral Kolchak and the conduct of the mobilization. By the end of 1917 – the beginning of 1918, in the southern and southwestern regions of Russia, several hundred thousand Carpatho-Russians (Rusyns) – natives of Galicia, Bukovina and Subcarpathia (Ugric Rus), were in the position of refugees and prisoners of war. Since 1915–1916, along with the processes of political self-organization within the Carpatho-Russian social movement, the idea of creating national army units had been constantly circulating. During the Civil War, unlike in the south of Russia, the Central Carpatho-Russian Council operating in the east was able to initiate mobilization and the creation of army units on its basis. However, the Council's plan (the creation of a political center and armed forces outside its country that could play a significant part in the self-determination of the Carpathian lands) did not work out. The author states that several circumstances factored. First of all, that was Rusyns' disunity, dispersion across different countries and even continents, their lack of a single political center and a strong, authoritative leader both at home and in foreign diasporas. The uncertainty and doublespeak of the position of the anti-Bolshevik governments both in the south and in the east of Russia also had a strong influence. Besides, the Carpatho-Russian national movement did not have the support of the Entente governments. As a result, their influence on the decision-making at the Paris Peace Conference turned out to be minimal.

Keywords: Russian Civil War, Carpathian Rus, Rusyns, Russian Siberia, Government of Admiral Alexander Kolchak, Central Carpatho-Russian Council

Financial support: The results were obtained as part of the implementation of the state assignment of the RF Ministry of Science and Higher Education, Project No. 0721-2020-0042

For citation: Shevelev, D.N. (2022) Mobilization of the Carpatho-Russians in Siberia, summer and fall of 1919: Ideological context, military demand, and political combinations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 69–80. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/8

4 июля 1919 г. в мобилизационный отдел штаба Верховного главнокомандующего Русской армии обратился исполняющий обязанности министра-резидента по особым делам королевства Дании в Омске Андрей Андреевич (Карл Андреас) Кофод, осуществлявший «руководство попечением о австро-венгерских военнопленных в Сибири и восточной России» и служивший, как он сам позднее вспоминал, «промежуточным звеном между сконцентрированными в Омске верховными сибирскими властями и делегатами миссии, находящимися во всей Сибири и, насколько далеко простиралась бирская власть» [1. С. 289]. Королевский министр-резидент по особым делам просил разъяснить: «имеет ли Карпаторусская организация право требовать отбывания воинской повинности со стороны австро-венгерских подданных, не военнопленных, и на основании какого постановления Русского правительства?» [2. Л. 9]. Поводом для обращения А.А. Кофода в военное ведомство послужила повестка, выданная Феофану Ивановичу Карбовскому двумя днями ранее (беженцу, успевшему окончить омскую гимназию). «Центральный Карпаторусский совет, – говорилось в предписании, – призывает Вас с получением сего немедленно явиться в Карпаторусский стрелковый полк (Омск, Лагерный городок, возле вокзала) и исполнить свой долг перед родиной» [3. Л. 10].

Этот, казалось бы, тривиальный бюрократический казус повлек за собой длительные межведомственные разбирательства и служебную переписку, закончившиеся двумя правительственными постановлениями.

Цель исследования заключается в выявлении, в том числе на основании вышеприведенного инцидента и сопутствующих ему событий, особенностей взаимоотношений Российского правительства адмирала А.В. Колчака и его ведомств с Центральным Карпаторусским советом (ЦКС), в которых тесным образом сплелись идеология и прагматика, политические мотивы, юридические нюансы и военная необходимость. Речь идет в первую очередь об определении и фиксации скрытых механик обсуждения и принятия решения о проведении военной мобилизации русинов на востоке России летом–осенью 1919 г., выстраивания единой объяснительной модели и общего дискурсивного пространства ее публичной репрезентации.

Различные аспекты истории национального движения русинов на завершающем этапе Первой мировой и во время Гражданской войны в России, в том числе роль в этом процессе съездов в Челябинске и Омске, налаживание взаимодействия ЦКС с правительством Колчака, формирование карпаторусских воинских частей, вовлечение военнопленных и беженцев из Прикарпатья в идеолого-пропагандистские кампании антибольшевистских сил, рассматривались в работах С.Г. Суляка [4], И.И. Барина, И.П. Стрелкова [5],

И.В. Нам, Н.И. Наумовой, В.И. Зиновьевой [6–9], В.Г. Хандорина [10], К.А. Конева [11], И.В. Срибняка и В.А. Шатило [12] и других исследователей.

Отметим, что некоторые сюжеты при этом оказались за кадром. Выделим, наш взгляд, два ключевых из них:

- отношение общественных организаций русинских диаспор к созданию карпаторусских воинских формирований в России, особенности взаимодействия белого Востока с другими (помимо ЦКС) центрами карпаторусского национального движения;

- участие ведомств Омского правительства в принятии решения о призыве на военную службу в Русскую армию адмирала А.В. Колчака «уроженцев Прикарпатской Руси (украино-русин Галиции, Буковины и Угорской Руси)» и начале проведения мобилизации.

Напомним, что к концу 1917 – началу 1918 г. в южных и юго-западных районах России на положении беженцев и военнопленных находилось несколько сотен тысяч карпаторуссов (русинов) – уроженцев Галиции, Буковины и Подкарпатья (Угорской Руси). Точное количество этих вынужденных мигрантов неизвестно, современные исследователи приводят лишь разрозненные данные по отдельным регионам и примерные общие цифры. Так, по данным, которые приводит С.Г. Суляк, только беженцев из Галичины во время Первой мировой войны в России оказалось около 200 тыс. [4. С. 53].

Еще в сентябре 1914 г. во Львове был образован Русский народный совет – руководящий орган Русской народной организации (партии) во главе с юристом В.Ф. Дудыкевичем. С отступлением русской армии из Львова совет эвакуировался из города вместе с русской армией. Летом 1915 г. он разместился в Киеве (там он стал именоваться Русским народным советом Прикарпатской Руси и его возглавил И. Костецкий), а в начале осени того же года переехал в Ростов-на-Дону, где занимался положением галицких беженцев в России [13. С. 171].

Схожая картина наблюдалась и на востоке страны. «В Сибири в годы войны России с Германией и Австро-Венгрией (1914–1917), – вспоминал журналист, редактор “Сибирской речи” А.И. Булдеев, – скопилось большое количество военнопленных немцев, австрийцев, венгров, равно как и русских с Карпат, поляков и чехов. Русские с Карпат, их чаще всего именовали галичанами, не желавшие сражаться против России, переходили на сторону русской армии целыми массами. Они размещены были по разным городам Западной Сибири, причем в Омске количество их было особенно значительно. В продолжении всего периода войны каждое воскресенье в Омском кафедральном соборе можно было видеть сотни карпаторуссов, присоединяемых епископом Сильвестром к православию» [14. С. 18].

Здесь также происходит их самоорганизация. Осенью 1918 и весной 1919 г., вначале в Челябинске, а затем в Омске проходят карпаторусские съезды. На первом из них была образована Карпаторусская центральная организация, целью которой провозглашалось «освобождение Прикарпатской Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской Руси) из-под австро-мадьярского ига и воссоединение ее с Россией», и сформирован Центральный Карпаторусский совет (ЦКС) под председательством историка А.В. Копыстьянского [6. С. 154–162; 15. С. 169–171].

Наряду с процессами политической самоорганизации внутри карпаторусского общественного движения, еще со времен Русского народного совета, постоянно циркулирует идея создания национальных воинских частей.

Осенью 1918 г. у участников антибольшевистского движения на юге России, а также в среде карпаторусских беженцев рождается план создания Червоннорусского общества «для пропаганды идеи воссоединения с Россией Червонной Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской)», а также для «содействия всяким начинаниям, стремящимся к этой цели» [16. Л. 5]. В инициативную группу вошли известный журналист, реактор и издатель «Полевого Листка Добровольческой армии» и газеты «Вечернее время» Б.А. Суворин, бывший депутат Государственной думы Н.Н. Львов, историк и литератор В.М. Кашкаров, карпаторусские общественные деятели Г.С. Малец, А.Ю. Геровский и Б.А. Будилович.

«Присоединение Червонной Руси, – писали они 29 ноября в обращении к главнокомандующему Добровольческой армией генералу А.И. Деникину, прося “принять нарождающееся общество под свое покровительство”, – является для восстанавливаемой России вопросом первостепенной важности. Национальная честь России не допускает, чтобы искони русская земля, наследие князей Галицких с 5-и миллионным русским населением, и в будущем оставалась под иноземным владычеством. Опыт войны и революции показал, какая опасность грозит целостности России от того, что часть русской территории находится вне пределов русского государства и является базой для всякого рода интриг, всегда направленных против национального, культурного и политического единства русского народа» [16. Л. 5]. Преимущества присоединения Прикарпатя виделись авторам обращения не только в получении «слишком 80 тыс. квадратных верст богатой природными богатствами и благоустроенной территории», что могло вознаградить «с избытком за потерю Польши», но и обретении надежных западных рубежей, «вместо нынешней искусственной и совершенно открытой австро-русской границы», соприкасающихся с новообразованной Чехословакией, а «это в высшей степени желательно ввиду давних и глубоких симпатий чешских народных масс к России» [16. Л. 5].

Месяцем ранее известный карпаторусский общественный и политический деятель А.Ю. Геровский в письме генералу А.М. Драгомирову, председателю

Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами юга России, доказывал, что задачу «присоединения к России населенных русскими частями Галичины, Буковины и Венгрии» может выполнить «только особый Червоннорусский отряд, так как вмешательство такого отряда в дела зарубежной Руси, с одной стороны не отвлечет сил Добровольческой армии, с другой стороны не будет противоречить программе Вильсона» [17. Л. 4]. Кроме выполнения «чисто национальной задачи» воинское соединение карпаторуссов могло послужить своеобразным «заслоном против волны анархии с запада, которая угрожает юго-западному краю со стороны разлагающейся Австро-Венгрии и не сложившейся еще Польши».

Задуманное А.Ю. Геровским вооруженное формирование должно было формироваться с одобрения главнокомандующего Добровольческой армией и находиться под его верховным руководством, а «для успеха дела необходимо прежде всего, чтобы во главе отряда стал один из популярных русских генералов, имя которого известно в Червонной Руси» [17. Л. 4]. Это могло бы обеспечить значительный приток добровольцев с самого начала формирования отряда. «При появлении такого отряда в пределах Червонной Руси, – полагал Геровский, – можно с полной уверенностью рассчитывать на присоединение существующих уже на месте галицко-русских отрядов. В дальнейшем возможна мобилизация. О благоприятном для нас настроении в Буковине мною недавно получены достоверные сведения, что же касается Угорской Руси, то там все русское население всегда стремилось к слиянию с Россией и “украинская” идея никогда не пользовалась ни малейшим успехом» [17. Л. 4].

12 декабря 1918 г. в Киеве состоялось собрание «временного проживающих в Киеве общественных деятелей и граждан Прикарпатской Руси», на котором был образован Карпато-Русский национальный комитет во главе с Д.Н. Вергуном и Ю.А. Яворским. В своей резолюции собрание высказало «пожелание, чтобы существующие ныне при Добровольческой армии на Дону и Кубани Карпаторусский добровольческий полк и Добровольческий отряд при Чехословацкой армии на Урале и в Сибири были объединены в отдельную боевую единицу и, пополненные новыми кадрами карпато-русских добровольцев, как на Юге России, так и в прикарпатской Руси, были употребляемы только на борьбу за общерусское национальное и государственное объединение вообще, и для защиты национальных интересов и прав своей ближайшей Родины – Прикарпатской Руси, в частности» [18. Л. 8 об.].

В конце января 1919 г. к генералу А.И. Деникину обратилось руководство Русского народного совета Прикарпатской Руси – пророссийской общественно-политической организации, образованной еще осенью 1914 г. во Львове, впоследствии перебравшейся в Ростов-на-Дону. «Русский народный совет Прикарпатской Руси, – говорилось в переданном главнокомандующему Вооруженными силами юга России меморандуме, – в самом начале войны и за сим неоднократно возбуждал ходатайства перед командованием русской армии о разрешении ему приступить к образованию

добровольческих частей из уроженцев Прикарпатской Руси. К сожалению, ходатайства эти не увенчались успехом. И когда начали образовываться чешские и сербские военные отряды добровольцы из Прикарпатя стали массами поступать в их ряды» [19. Л. 3 об.].

Сочувственно к идее создания карпаторусской воинской части отнесся генерал М.В. Алексеев. После переговоров между Русским народным советом Прикарпатской Руси и штабом нарождающейся Добровольческой армии решение было получено. Однако, как отмечал в своем докладе генералу А.И. Деникину основатель и командир отряда Г.С. Малец: «к этому времени, виды на предполагавшийся успех набора сильно изменились к худшему. Большевистские волны со всех сторон надвигались на Дон, железнодорожное и почтовое сообщение Ростова и Новочеркасска были окончательно прерваны с остальной Россией; погиб Чернецов, был занят большевиками Таганрог. Вслед за тем пошли слухи, что при занятии Таганрога, большевики вырезали там около 2 тыс. военнопленных чехов, работающих на местном заводе, за то, что часть их будто бы принимала участие в борьбе на стороне Добровольческой армии. Слух этот произвел в Ростове сильное впечатление среди галичан-беженцев... Их обуял страх, что в случае предвидевшегося уже занятия Ростова большевиками, последние будут вымещать на них свою злобу за поступление галичан в Добровольческую армию» [20. С. 165–166]. В итоге к началу февраля 1918 г. в карпаторусский отряд поступило всего 42 добровольца. Для того же, чтобы «предотвратить от беженцев карпаторуссов опасность мщения им со стороны большевиков, решено было, чтобы карпаторусский отряд формировался пока не самостоятельно, а при чехословацком инженерном полку» [20. С. 167]. В его составе добровольцы-русины участвовали в первом Кубанском («Ледяном») походе. В дальнейшем, когда инженерный полк был реорганизован в чехословацкий отдельный пехотный батальон Добровольческой армии, карпаторуссы продолжали воевать в его составе.

Как уже говорилось выше, в конце января 1919 г. Русский народный совет Прикарпатской Руси (РНСПР) обратился к генералу А.И. Деникину, он с предложил «сделать существующий уже Карпаторусский отряд самостоятельной единицей и довести его до более внушительной силы» [19. Л. 4]. Как полагало руководство Русского народного совета, сформированная из русинов самостоятельная воинская часть «помимо своего боевого значения» должна была сыграть «роль политического фактора при Добровольческой армии, как носительнице новой возрождающейся русской государственности и собирательнице Русской земли» [19. Л. 4].

Нельзя сказать, что реакция командования Добровольческой армии, а затем Вооруженных сил юга России (ВСЮР) на эти инициативы была благожелательной. В начале февраля 1919 г. на доклад управляющего дипломатическим отделом А.А. Нератова о «желательности составить из 500 тыс. выходцев из Галиции и Угорской Руси армии для борьбы с большевиками»

А.И. Деникин наложил резолюцию: «Наш опыт с поляками и чехословаками показал, что все они тянут и крепко тянут на родину, как только открываются пути. Эта же причина побудила вероятно к противоестественному сосредоточению чехословаков корпуса Колчака (так в тексте. – Д.Ш.) в гор. Владивостоке. Теперь, когда Галиция и Червонная Русь свободны от австрийцев, ничего из этого дела не выйдет» [21. Л. 1]. Не поддержал главком ВСЮР и инициативу Русского народного совета Прикарпатской Руси, о которой шла речь выше, о проведении «принудительной мобилизации уроженцев Прикарпатской Руси, проживающих в районе действий Добровольческой армии, как военнопленных, так и беженцев, имеющих возможность и способных нести военную службу» [20. С. 170], и формирование из новобранцев и добровольцев карпаторусского отряда при чехословацком пехотном батальоне отдельной карпаторусской воинской части, посчитав ее несвоевременной.

Отсутствие постоянной связи между центрами карпаторусского движения на юге и востоке России порождало как у первых, так и у вторых определенные опасения. Так, в конце октября 1918 г. находившейся в Екатеринодаре А.Ю. Геровский писал заместителю председателя Особого совещания и помощнику Верховного руководителя Добровольческой армии генералу А.М. Драгомирову: «По полученным мною сведениям в Сибири имеются многие тысячи добровольцев из русских галичан, буковинцев и угроруссов, которые вследствие отсутствия своей интеллигенции, арестованной и уничтоженной австро-мадьярскими властями еще до начала войны, не образовали отдельных отрядов, но поступили в сибирские, чехословацкие и сербские части... Впоследствии на них обратила внимание омская “Украинская громада”, которая старается выделить червонноруссов из русских, чехословацких и сербских частей и формировать из них “украинские” части» [22. Л. 1]. В этой связи Геровский просил «сообщить сибирскому правительству и чешскому командованию, что формирование “украинских” частей не допустимо, и что, в частности, в случае выделения русских галичан, буковинцев и угроруссов из них могут формироваться только червонно-русские части, стоящие в политическом отношении под руководством червонноруссов, признающих национальное и культурное единство русского народа» [22. Л. 1 об.].

Вернемся же к нашей истории. Спустя три дня после запроса А.А. Кофода начальник мобилизационного отдела Ставки, генерал-майор Н.В. Шереховский обращается за разъяснением в ЦКС: «являются ли настоящие повестки результатом добровольного соглашения на поступление в Карпаторусский стрелковый полк или это мера принудительная, в последнем случае на каких принципах законных или моральных она основана?» [23. Л. 11]

12 июля 1919 г. последовал развернутый, почти на пять машинописных страниц, ответ, подписанный председателем ЦКС А.В. Копыстьянским и секретарем Н.А. Скичко. Сами авторы объяснили это так: «Центральный Карпаторусский совет считает своим долгом дать более подробное освещение цели формирования

карпаторусских воинских частей и тех законных и моральных принципов, которыми он руководствуется в своей деятельности» [24. Л. 12]. Можно предположить, что такая исчерпывающая подробность и обстоятельность была вызвана тем, что по существу у ЦКС не было ни юридических оснований, ни законных полномочий на проведение таких действий, как военная мобилизация на чужой, пусть и дружественной, территории.

В документе довольно четко очерчивается политический контур, объединяющий и связывающий воедино интересы ЦКС и Российского правительства адмирала А.В. Колчака. В первую очередь это касается той главной цели, которую преследовали карпаторуссы, возглавляемые своей «народной организацией... в пределах освобожденной от большевиков России» – Центральным Карпаторусским советом. Она определялась однозначно: «воссоединение Прикарпатской Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской Руси) с Россией». Основным противником на этом пути виделась «австро-германская коалиция», как общий враг не только русинов, но и всех романо-славянских народов, а другом и союзником – «возрождающаяся Россия».

При этом обращают на себя внимание два обстоятельства. С одной стороны, ЦКС позиционирует себя «правомочным органом для карпаторуссов, проживающих в пределах России», претендуя тем самым на лидерские позиции и даже на монополию. Другие руководящие центры русинов (такие как, например, действовавший в Ростове-на-Дону Русский народный совет Прикарпатской Руси) вообще не упоминаются. Карпаторусский конгресс в Нью-Йорке в данном случае не в счет, он слишком далеко. С другой стороны, в документе почти не упоминаются большевики. Само слово «большевики» встречается в тексте всего четыре раза, три из которых в словосочетании «освобожденной от большевиков России» и только один раз при обозначении цели – «беспощадной борьбы с большевиками», которая являлась вторичной по отношению к первоочередной – «воссоединению Прикарпатской Руси с Россией». Любопытно, но в резолюциях второго карпаторусского съезда большевики в качестве противника (в отличие от «украинских сепаратистов») вообще не фигурируют.

Обосновывая правомерность действий ЦКС, А.В. Копыстянский приводит три основных довода. Во-первых, «формирование карпаторусских воинских частей началось с согласия союзников и одобрения русских властей еще в то время, когда существовала Австро-Венгрия» [24. Л. 13 об.]. При этом их организация происходила не только в Сибири, но и на юге России в составе Добровольческой армии, а также в Италии (Русский легион). Состоявшийся в начале апреля 1919 г. в Нью-Йорке конгресс русинов провозгласил независимость Прикарпатя от Австро-Венгрии и тем самым разорвал все правовые отношения.

Во-вторых, создание карпаторусских войск и связанная с ним мобилизация отражали мнение всех (или по крайней мере большинства) оказавшихся за Уралом беженцев и военнопленных из Прикарпатя, закрепленное в решениях съездов в Челябинске и Омске.

Первый из которых посчитал «своей первейшей и главнейшей задачей с оружием в руках добиться освобождения Прикарпатской Руси из-под австро-мадьярского ига» и обратился «ко всем землякам, способным носить оружие, с горячим призывом немедленно вступать в ряды Карпаторусского добровольческого отряда и с оружием в руках встать на защиту единой и неделимой Руси», а второй – постановил «призывать всех годных к воинской повинности уроженцев Прикарпатской Руси в ряды карпаторусских войск» [24. Л. 12, 13–13 об.]. В свою очередь, второй карпаторусский съезд уполномочил ЦКС «произвести мобилизацию всех уроженцев Прикарпатской Руси, как беженцев, так и бывших военнопленных, которые в настоящее время пользуются полной свободой и почти всеми правами свободных граждан в пределах России» и даже наделил его полномочиями самостоятельно установить время призыва, определить возраст и категории, подлежащие призыву [24. Л. 13 об.].

В-третьих, свою работу, в том числе и в вопросах организации карпаторусских войск, ЦКС согласовывал и осуществлял в тесном контакте с министерствами и ведомствами Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Так, неоднократно упоминаемые карпаторусские съезды проходили с ведома и даже под наблюдением Министерства внутренних дел, оно же предоставило ЦКС «исключительное право выдавать удостоверения и проводить регистрацию уроженцев Прикарпатской (Галицкой, Буковинской и Угорской) Руси» [24. Л. 12 об.; 25]; военное ведомство (Ставка) разрешило военнопленным русинам поступать добровольцами в Карпаторусский стрелковый полк, а затем включило его в состав Русской армии; омский МИД осуществлял постоянное наблюдение за деятельностью Центрального Карпаторусского совета. К тому же, как подчеркивал А.В. Копыстянский, ЦКС «действует строго в рамках российских законов и распоряжений, цель же, которую он преследует, а именно беспощадную борьбу с большевиками и воссоединение Прикарпатской Руси с единой, великой Россией, не может принести вреда возрождающейся России» [24. Л. 12 об.–13]. Примечательно, что статус Центрального Карпаторусского совета не вполне очевиден – он все-таки союзник или подчиненный Омского правительства?

Обрисовывая сложившуюся ситуацию с формированием карпаторусских войск, А.В. Копыстянский явно противопоставляет реакцию основной массы беженцев и военнопленных («простонародья», по его выражению) и ее образованной части. «Наши крестьяне-патриоты бросали своих жен и детей, и, хотя многие из них зарабатывали до 30 руб. в сутки, добровольно спешили в ряды Карпаторусского добровольческого отряда. Интеллигенция, за исключением немногих (прискорбно сознавая), плелась в хвосте этого стихийного движения и добровольно откликнулась на призыв лишь в то время, когда успешное развитие начатого дела с приливом добровольцев оказалось обеспеченным» [24. Л. 12 об.].

Вопрос о принудительной мобилизации обсуждался в середине апреля 1919 г. на втором карпаторусском съезде в Омске. В пользу ее высказывалось несколько соображений. С одной стороны, «многие ораторы указывали на то, что в Прикарпатской Руси по приказанию народных организаций проведена мобилизация всех от 18 до 35 лет включительно, что в Сибири, на юге России и в Италии все идейные карпаторуссы поступают добровольцами, но есть известный процент менее сознательных, которые очень охотно пойдут служить в армию по приказанию и сами прямо заявляют: “возьмите нас и мы охотно пойдём в солдаты”» [24. Л. 13]. С другой стороны, на съезде поднимался вопрос и о «тех немногочисленных интеллигентах-карпаторуссах, которые из-за своих шкурных интересов до сих пор не исполнили своего гражданского долга», тех, кто «на словах умеют любить Русь святую, но на деле уклоняются от воинской повинности, защищаясь перед русскими властями своим иностранным подданством» [24. Л. 13], в то время, когда значительная часть русской интеллигенции уже была мобилизована. В итоге съезд, как уже отмечалось выше, постановил провести мобилизацию и наделил ЦКС полномочиями по ее реализации.

Из дальнейших объяснений А.В. Копыстьянского следует, что до начала июля 1919 г. ЦКС, «считаясь с недостатком офицерского кадра, обмундировки и снаряжения», не использовал предоставленную ему власть и «только к пяти интеллигентам-карпаторуссам обратился с письменным призывом исполнить долг перед Родиной» (включая и Ф.И. Карбовского). ЦКС, пояснялось в документе, «не думал принимать принудительных мер против упомянутых лиц, полагая, что они, получив призыв, не откажутся от исполнения своих обязанностей». Однако на призыв откликнулся только один человек – беженец, инженер А.Д. Яц [24. Л. 13 об.].

Подводя итог своим рассуждениям, руководство ЦКС информировало колчаковскую Ставку, что в ближайшее время «с ожидаемым выпуском карпаторусских офицеров из военных русских училищ и подготовкой уже достаточного унтер-офицерского кадра» намеревалось активизировать мероприятия, связанные с призывом на военную службу беженцев и военнопленных-карпаторуссов, и полагало, что «в момент, когда вся Русь и с ней зарубежная Прикарпатская Русь мечется в смертельных судорогах и вся русская интеллигенция призвана к отбыванию воинской повинности не должно быть никакой сантиментальности и пощады по отношению к туеядцам, преспокойно зарывшимся в свои ямы». В свою очередь, ЦКС просил Российское правительство адмирала А.В. Колчака: во-первых, «принципиально разрешить призыв всех уроженцев Прикарпатской Руси, свободно проживающих в пределах России и годных к отбыванию воинской повинности»; во-вторых, «всех уклоняющихся от исполнения своего долга перед Россией лишить свободы, заключить в концентрационные лагеря для военнопленных и как таковых заставить работать на оборону государства и всего русского народа» [24. Л. 14].

ЦКС разработал детальный и учитывающий специфику контингента план проведения мобилизации, согласно которому объявить призыв на военную службу находящихся в Сибири уроженцев Галиции, Буковины и Подкарпатья должен был непосредственно Центральный Карпаторусский совет. Призыв намечалось провести в первую очередь в прифронтовой полосе и Омском военном округе. Сами мобилизационные мероприятия должны были осуществляться российские военные власти в тесном взаимодействии с ЦКС. Предполагалось, что «в каждом военном округе воинские начальники сосредоточивают в одном сборном пункте всех военнопленных уроженцев Прикарпатской Руси, земские же власти там же – всех беженцев в возрасте от 18–40 лет, без различия их партийной принадлежности (карпаторуссы, русины, украинцы)». В комиссию по набору, определявшую «годность к отбыванию воинской повинности», планировалось включить уполномоченного ЦКС или офицера Карпаторусского стрелкового полка. ЦКС рекомендовал «мобилизовать только всю крестьянскую массу без различия партий, интеллигентов же, принадлежавших к украинской партии, не допускать в ряды войск, как элемент ненадежный и разлагающий», а «во избежание их преступной агитации необходимо запретить и им пребывание в районе расположения карпаторусских войск» [26. Л. 19–19 об.].

Сложно было «определить число карпаторуссов, годных к отбыванию воинской повинности», поскольку «они распылены по всему пространству, преимущественно, в деревнях». Ссылаясь на данные командования Чехословацкого корпуса, ЦКС определял численность военнопленных-карпаторуссов в Западной Сибири в 9 тыс. человек, без учета беженцев и военнопленных. Отсюда он мог «смело предполагать, что число мобилизованных дойдет до 10 000 человек» [26. Л. 19 об.].

Ядром будущих карпаторусских войск рассматривался 1-й Карпаторусский стрелковый полк. При этом вновь формируемые воинские части должны были представлять все три рода войск: «в первую очередь пехоту, но одновременно также несколько сотен кавалерии под названием карпаторусского казачества и, по крайней мере, одну батарею». В оперативном отношении они подчинялись российскому командованию.

В силу явной нехватки собственных командных кадров намечалось «прикомандировать русских офицеров и унтер-офицеров, людей боевых и по возможности ознакомленных с исторической судьбой Прикарпатской Руси». Расквартировать мобилизованных планировалось в Омске и его окрестностях, включая прилегающие уезды. Рекомендовалось сразу в день прибытия в Омск «снабдить их обмундировкой, но не хуже русских солдат, и немедленно начать правильные занятия», освободив их на время подготовки от караульной службы. «Обучать мобилизованных русскому строю в течение одного месяца, из лучших образовать ударные части и направлять их на фронт». Во время подготовки карпаторусских частей советовалось «обратить особенное вни-

мание на религиозную сторону», а также организовать культурно-просветительную работу, предоставлять новобранцам специальную литературу (газету «Карпаторусское слово»), проводить лекции и вести беседы [26. Л. 20].

Организационная подготовка военной мобилизации сопровождалась разъяснительной работой в прессе и политической пропагандой. «Национальные организации, являющиеся в данный момент единственными защитниками прав населения карпаторусских областей, — указывал в начале июня 1919 г. в газете «Карпаторусское слово» ее редактор И. А. Лабенский, — обязаны защищать общенародное дело всеми силами и средствами. Они приняли на себя тяжелые обязанности и получают, в силу этого, право требовать от населения определенной поддержки в усилиях, направленных к достижению лучшего будущего для всей страны. Никто из уроженцев края не имеет права уклоняться от исполнения своей прямой обязанности — встать на защиту Родины и всеми силами способствовать этой общенародной цели». Статья завершалась фразой: «мобилизация будет» [27].

17 июля 1919 г. 3-й генерал-квартирмейстер Ставки, генерал-майор А. Т. Антонович, и уже упоминавшийся начальник мобилизационного отдела генерал-майор Н. В. Шереховский направляют докладную записку помощнику начальника штаба Верховного главнокомандующего генералу П. Г. Бурлину. В ней содержится краткий пересказ ответа ЦКС, просьба разрешить провести мобилизацию карпаторусских военнопленных и беженцев: «Имея в виду, что Центральный карпаторусский совет в г. Омске уже сформировал Карпаторусский стрелковый полк, включенный в состав войск Омского гарнизона, предоставляю настоящий вопрос на усмотрение» [28. Л. 16].

Поясним, что к лету 1919 г. в условиях ограниченных мобилизационных возможностей в Русской армии адмирала А. В. Колчака ощущалась острая нехватка пополнений на фронте и подготовленных резервов в тылу. Поэтому шел поиск пока еще неиспользованных людских ресурсов. Наиболее известны всеобщая мобилизация сибирских казаков и создание Сибирского казачьего корпуса [29], а также организация дружин Святого креста и Зеленого знамени [30, 31]. Но были и другие проекты: «широкого привлечения инородцев на военную службу в качестве добровольцев» [32, 33], формирования Добровольческой национальной гвардии [34] и даже возвращения на фронт частей Чехословацкого корпуса [35; 36. С. 491–494]. Поэтому нет ничего удивительного в резолюции генерала П. Г. Бурлина, что «надо согласовать предполагаемые мероприятия с правительством» [28. Л. 15]. Таким образом, вопрос о мобилизации карпаторуссов в Сибири был передан на рассмотрение Совету министров Омского правительства и направлен, согласно сложившейся процедуре, главноуправляющему делами для получения заключения заинтересованного министерства.

Первым свое мнение высказало Министерство иностранных дел, полагавшее, что «вмешательство в затронутый вопрос представителя датской делегации по

делам военнопленных Австро-Венгрии представляется лишенным ныне правового обоснования»: хотя «судьба Прикарпатской Руси мирным договором не определена», но тем не менее «она не войдет в состав Венгрии ни тем более Австрии» [37. Л. 35]. Кроме того, как считали товарищ (заместитель) министра В. Г. Жуковский и советник второго политического отдела В. И. Язвицкий, «формирование отдельных карпаторусских частей на добровольческих началах предпринято было уже давно с согласия союзных и русских властей на тех же основаниях, как в свое время формировались чехословаки, сербы, хорваты, румыны и поляки, порвавшие свою связь с Австро-Венгрией» [37. Л. 35].

6 августа последовало заключение Министерства внутренних дел, подписанное товарищем министра М. Э. Ячевским. Позиция МВД была следующей: «Угорская Русь и Буковина имеют историческое право на самостоятельное устройство своей государственной жизни, как подлежащие выделению из бывшей Австро-Венгерской империи и в силу этого формальная принадлежность к австрийскому подданству не может служить препятствием к призыву на военную службу карпаторуссов, за исключением тех лиц, которые и в настоящее время продолжают считать себя подданными остающейся части Австрийской державы, но эти последние, как подданные враждебного государства, тем самым подлежат и несению тех ограничений, какие сочтет против них необходимым принять Российское правительство» [38, 39]. В результате заинтересованные министерства не увидели «препятствий к призыву Центральным Карпаторусским советом всех уроженцев Прикарпатской Руси», к такому же решению пришла и юрисконсультская часть управления делами Омского правительства.

22 августа 1919 г. на закрытом заседании Совета министров был заслушан доклад временно управляющего военным министерством генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса о «разрешении призыва в войска карпаторуссов» [40. С. 344]. По результатам обсуждения, «идя навстречу единодушному желанию украино-русин, уроженцев Прикарпатской Руси (Галиции, Буковины и Угорской) в их стремлении выступить с оружием в руках для беспощадной борьбы с большевиками», министры постановили:

- допустить призыв на военную службу всех карпаторуссов, уроженцев Прикарпатской Руси (украино-русин Галиции, Буковины и Угорской Руси) в возрасте от 18 до 43 лет, как военнопленных, так и беженцев и лиц, свободно проживающих в пределах России, освобожденной от советской власти;

- освободить от содержания в концентрационных лагерях и от принудительных работ военнопленных карпаторуссов, признанных по результатам освидетельствования годными к несению военной службы;

- возложить на Центральный карпаторусский совет учет всех карпаторуссов;

- включить в комиссию по освидетельствованию состояния здоровья подлежащих призыву карпаторуссов представителя от Центрального карпаторусского совета;

– предоставить военному министру по соглашению с министром внутренних дел и в согласии с Центральным карпаторусским советом определить возраст, время и порядок призыва карпаторуссов;

– распространить на всех призванных и поступивших в войска карпаторуссов, а равно и на их семьи все права, преимущества и льготы, предоставленные русским военнослужащим;

– подчинить всецело русскому командованию сформированные карпаторусские отряды [40. С. 344–345].

28 августа утвержденное Верховным правителем адмиралом А.В. Колчаком правительственное постановление с двумя добавленными пунктами (о введении его в действие по телеграфу и об отнесении связанных с призывом расходов на «чрезвычайный сверхсметный кредит на нужды военного времени») было опубликовано в «Правительственном вестнике» [41], а 1 сентября – в «Карпаторусском слове» [42]. Но уже на следующий день после заседания Совета министров в его официальном издании сообщалось: «По сведениям Карпаторусского национального совета мобилизация карпаторуссов протекает весьма успешно. В целях набора более годного и устойчивого в борьбе с большевиками элемента, производится тщательный осмотр мобилизуемых. Набор обещает достаточное количество бойцов» [43].

Как была организована мобилизация, видно на примере колчаковской столицы, где с 1 сентября 1919 г. на военную службу призывались «проживающие в гор. Омске и его уезде все карпаторуссы, уроженцы Прикарпатской Руси, украинорусины Галиции, Буковины и Угорской Руси, как военнопленные, так и беженцы в возрасте от 18 до 43 лет, т.е. родившиеся с 22 августа 1876 по 22 августа 1901 года». Первым днем явки на сборный пункт омского уездного воинского присутствия для проживающих в Омске было установлено 5 сентября, на Атамановском хуторе, поселках Силеверстовском и Куломзино – 6, в волостях и станицах в радиусе 25 верст – 7, в остальных волостях и станицах – 8 сентября [44].

Подведем итоги. Первая мировая война привела к крушению четырех империй, включая Российскую и Австро-Венгерскую, и образованию в Центральной и Восточной Европе множества новых государств, в том числе и нескольких славянских. 7 октября 1918 г. была провозглашена независимость Польши, 28 октября – Чехословакии, 1 декабря – создано единое Королевство сербов, хорватов и словенцев. Свою роль, а в некоторых случаях весьма существенную и даже определяющую, в их возникновении сыграли действовавшие за пределами этих стран политические структуры (Чехословацкий национальный совет, Югославянский комитет, Польский национальный комитет) и вооруженные формирования (Чехословацкий корпус, Сербский добровольческий и 1-й Польский корпус в России [45], польские легионы в Австро-Венгрии). Однако в отношении Прикарпатской Руси такой вариант не сработал. Галиция, Буковина и Подкарпатье не объединились, не получили независимость и не воссоединились с Россией. Решениями великих держав земли русинов

были разделены между Чехословакией, Польшей и Румынией. Причем серьезные сомнения в «справедливом» разделении еще до падения антибольшевистских режимов востока и юга России. «Свершилось, – писала газета «Карпаторусское слово» в августе 1919 г. – Мы подошли к моменту, когда одним росчерком пера “решена” судьба искони русского края – Прикарпатской Руси. Решение это уже приведено в исполнение: Галичина захвачена поляками, Буковина – румынами. Более того. Кое кто покушается даже на области, бесспорно принадлежащие России, трактуя таким образом столь заслуженную в мировой войне русскую нацию, как побежденную» [46]. Этому, на наш взгляд, есть несколько объяснений.

Во-первых, очень сильно сказалась разрозненность русинов, их рассредоточенность по разным странам и даже континентам, отсутствие у них единого политического центра как на родине, так и в зарубежных диаспорах. Значительные расстояния сильно затрудняли и замедляли коммуникацию, ЦКС в Омске и Русский народный совет Прикарпатской Руси в Ростове-на-Дону с большим опозданием узнавали новости и плохо представляли деятельность друг друга. У карпаторусского национального движения не появилось сильного и авторитетного лидера, сопоставимого с Ю. Пилсудским или Т.Г. Масариком.

Во-вторых, свою роль сыграла двойственность и неопределенность позиции антибольшевистских правительств как юга, так и востока России. А.И. Деникин во-многом продолжил свойственную поздним имперскому (до и во время Первой мировой войны) периоду политику недоверия к русинам. Омское правительство исходило скорее из принципа непрередрешения, в том числе и по вопросу о присоединении Прикарпатья. Но итог был одинаков в обоих случаях: ни то, ни другое правительство официально не обозначило ясно, четко и однозначно своей точки зрения по карпаторусскому вопросу. В определенном смысле сложилось весьма унижительное для общественно-политических организаций русинов положение: с ними, как правило, контактировали второстепенные, если не третьестепенные чиновники, что наглядно свидетельствовало о степени значимости вопроса и внимания к ним со стороны «возрождающейся России». К тому же у белого движения и его государственных образований на тот момент просто не было реальной возможности влиять на ситуацию в Прикарпатье.

В-третьих, карпаторусское национальное движение не имело поддержки со стороны правительств Антанты, в результате чего их влияние на принятие решений на Парижской мирной конференции оказалась минимальным. Самостоятельность объединенных Галиции, Буковины и Подкарпатья лидерам Соглашения представлялась нереальной, а воссоединение с Россией – нежелательным. Наиболее реальным, да и выгодным представлялось поделить карпаторусские земли между новообразованными государствами. Ставка же общественных объединений русинов на США и Россию в политических реалиях того времени не сработала.

В-четвертых, у населения (включая беженцев и военнопленных-карпаторуссов) все больше проявлялась

усталость от войны. Обозначенные лидерами мнений общественно значимые цели со временем меркли, уступая повседневным тяготам неустроенного быта, созданные пропагандой воображаемые образы переставали работать. Не случайно, что из пяти потенциальных призывников (о которых шла речь в деле) отозвался лишь один. Вечные, привычные и заклые противники – австрийцы и венгры – был повержены и самому существованию русинов угрозы уже не представляли. Большевики же именно как смертельные враги оторефлексированы до конца не были, а воспринимались скорее как союзники или подчиненные многолетних гонителей карпаторуссов. И если летом 1918 г. присутствие в Сибири интернационалистов – немцев и мадьяр придавало «германо-большевистскому» союзу вполне реальные черты, то к осени 1919 г. такой пропагандистский прием уже не действовал. Даже хозяйничавшие в Галиции и Буковине поляки и румыны воспринимались как более осязаемая опасность.

В-пятых, на формирование карпаторусских воинских частей в Сибири повлияли очень ограниченный мобилизационный ресурс и отсутствие у большинства новобранцев военных навыков и боевого опыта. К этому следует также добавить просчеты и злоупотребления с организацией мобилизации, хорошо описанные в опубликованном и давно известном дневнике генерала А.П. Будберга. В найденной А.В. Ганиным завершающей части имеется продолжение этой истории.

В записи от 9 ноября 1919 г. бывший управляющий военным министерством приводит впечатления от разговора с генералом для поручений при управлении военно-судной части Восточного фронта К.П. Полидовым: «По его рассказу, под Петропавловском нас жестоко побили, причем одной из главных причин была измена карпаторусских частей и их переход на красную сторону. Вспомнил свои предупреждения Дитерихсу и Рябикову по поводу карпаторуссов, сделанные мною на основании весьма основательных данных, сообщенных мне в Омске стариками-ижевцами во главе с Хлебниковым; ижевцы стояли в Куломзино вместе с сформировавшимся тогда карпаторусским полком и не раз слышали в нем разговоры о том, чтобы в первом же бою перебить всех офицеров и уйти на красную сторону, а оттуда добраться и до дома. Тогда мои предупреждения встречались весьма скептически, а временами явно враждебно. Дитерихс, Иванов-Ринов, Голицын и иже с ними были увлечены утопиями всевозможных формирований до крестносцев включительно. Кто-то додумался до мобилизации карпаторуссов, в свое время очень быстро сдавшихся нам в плен и отлично устроившихся в Сибири рабочими в разных мастерских; их сорвали с работы, одели с иголочки, вооружили, снабдили обозом... и в первом же бою все это отправилось к красным» [47. С. 602–603]. Так закончилась история карпаторусских войск в Сибири.

Список источников

1. Кофод К.А. 50 лет в России (1878–1920). М. : Права человека, 1997. 352 с.
2. Запрос исполняющего обязанности министра-резидента по особым делам королевства Дании в Омске в мобилизационный отдел штаба Верховного главнокомандующего // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 65. Л. 9.
3. Копия предписания Центрального Карпаторусского совета Ф.И. Карбовскому // ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 65. Л. 10.
4. Суляк С.Г. Русины в период Первой мировой войны и Русской смуты // Русин. 2006. № 1 (3). С. 46–65.
5. Барин И., Стрелков И. А.В. Копыстанский и его деятельность в России в годы Гражданской войны, 1918–1920 гг. // Русин. 2012. № 3 (29). С. 116–126.
6. Нам И.В., Наумова Н.И. Съезды карпаторуссов в Сибири в годы гражданской войны. 1918–1919 // Русин. 2014. № 3 (37). С. 152–166.
7. Нам И.В., Наумова Н.И. Историческая память и национально-политическая идентификация русинов. 1914–1920 гг. // Русин. 2015. № 4 (42). С. 126–142.
8. Нам И.В., Наумова Н.И., Зиновьева В.И. Карпаторусский совет и формирование воинских подразделений карпаторуссов в Сибири в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) // Русин. 2017. № 3 (49). С. 85–100.
9. Нам И.В., Наумова Н.И., Зиновьева В.И. Организации военнопленных русинов в Сибири и власть: конфликт интересов (1918–1919 гг.) // Русин. 2019. № 57. С. 84–98.
10. Хандорин В.Г. Карпаторуссы в белом движении. Из истории национального движения карпаторуссов (русинов) // Досягнення соціально-гуманітарних наук в сучасній Україні. Матер. III Всеукраїнської наукової конференції з міжнародною участю. Симферополь, 2013. Ч. 4. С. 109–112.
11. Конев К.А. Карпаторусское сообщество в социокультурном пространстве Сибири в годы гражданской войны (1918–1919 гг.): взгляд через призму истории эмоций // Русин. 2021. № 63. С. 138–155.
12. Срибняк И.В., Шатило В.А. Военнопленные русинов в итальянских лагерях: правовое положение, условия содержания, культурно-национальная самоорганизация (1919 – первая половина 1920 г.) // Русин. 2020. № 59. С. 130–153.
13. Суляк С.Г. Будущее Галичины в планах Русского народного совета // Русин. 2016. № 4 (46). С. 168–190.
14. Буддеев А.И. Дружины Святого креста при Колчаке и карпаторуссы // Свободное слово Карпатской Руси. 1959. № 7–8.
15. Шевелев Д.Н., Конев К.А. Тема «Великой войны» во взаимоотношениях Российского правительства адмирала А.В. Колчака и Центрального Карпаторусского совета (1918–1919 гг.) // Русин. 2014. № 3 (37). С. 167–181.
16. Обращение инициативной группы по созданию Червоннорусского общества к главнокомандующему Добровольческой армией генералу А.И. Деникину // ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 85. Л. 5–5 об.
17. Письмо А.Ю. Геровского председателю Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России, генералу А.М. Драгомирову // ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 85. Л. 3–4 об.
18. Резолюции собрания карпаторусских общественных деятелей и граждан, состоявшегося в Киеве 12-го декабря 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 65. Л. 7–8 об.
19. Обращение Русского народного совета Прикарпатской Руси главнокомандующему Вооруженными силами на юге России, генералу А.И. Деникину // ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 86. Л. 2–4 об.
20. Малец Г. Доклад главнокомандующему Вооруженными силами Юга России члена Русского народного совета Прикарпатской Руси // Белый архив : сборники материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, белого движения и т.п. Т. I. Париж, 1926. С. 163–176.
21. Надпись на докладе управляющего дипломатическим отделом о желательности составить из 500 тыс. выходцев из Галиции и Угорской Руси армии для борьбы с большевиками // ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 85. Л. 1.

22. Письмо А.Ю. Геровского председателю Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России, генералу А.М. Драгомирову // ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 85. Л. 1–1 об.
23. Отношение начальника мобилизационного отдела управления 3-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем Центральному Карпаторусскому совету // ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 65. Л. 11.
24. Отношение Центрального Карпаторусского совета начальнику мобилизационного отдела управления 3-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем // ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 65. Л. 12–14.
25. Постановление управляющего Министерством внутренних дел // Правительственный вестник (Омск). 1919. 1 июня.
26. По вопросу о мобилизации уроженцев Прикарпатской Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской Руси) // ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 65. Л. 18–20 об.
27. Будет ли мобилизация // Карпаторусское слово (Омск). 1919. 1 июня.
28. Докладная записка 3-го генерал-квартирмейстера помощнику начальника штаба Верховного главнокомандующего // ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 65. Л. 15–16.
29. Шуляков В.А. Войсковой Сибирский казачий корпус: история формирования (конец июля – начало сентября 1919 г.) // Регионы России в военной истории страны : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола : Изд-во Марийского науч.-исслед. Ин-та языка, лит. и истории им. В.М. Васильева, 2020. Вып. II. С. 90–99.
30. Гагуев Р.Г. Добровольцы белого Восточного фронта в первой половине 1919 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 2 (19). С. 97–105.
31. Гагуев Р.Г. Дружини Святого креста и Зеленого знамени – последний резерв адмирала А.В. Колчака // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3 (20). С. 68–87.
32. Рапорт начальника осведомительного отдела помощнику начальника штаба Верховного главнокомандующего // ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 67. Л. 3.
33. Протокол заседания междудометственной комиссии 30 августа 1919 г. // ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 67. Л. 5–6.
34. Докладная записка управляющего Морским министерством контр-адмирала М.И. Смирнова Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку о необходимости создания Добровольческой национальной гвардии // А.В. Колчак, 1874–1920 : сб. док. : в 2 т. Т. 2. А.В. Колчак: верховный правитель России, 1918–1920. СПб. : Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2021. С. 325–327.
35. Телеграмма Верховному правителю России А.В. Колчаку от имени правительств Союзных государств с изложением плана использования чехословацких войск в Сибири и возможности их репатриации через порты Архангельска и Владивостока // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920. М. : Кучково поле, 2018. С. 663–664.
36. Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // За спиной Колчака : документы и материалы / под ред. А.В. Квакина. М. : Аграф, 2005. С. 325–510.
37. Заключение Министерства иностранных дел // ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 65. Л. 35–35 об.
38. К вопросу о мобилизации карпаторуссов // ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 65. Л. 21–22 об.
39. Заключение Министерства внутренних дел // ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 65. Л. 36–36 об.
40. Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.) : сб. док. / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2016. Т. 2. 734 с.
41. Утвержденные Верховным правителем постановления Совета министров. О призыве карпаторуссов // Правительственный вестник. 1919. 28 авг.
42. Утвержденное Верховным правителем постановление Совета министров. О призыве карпаторуссов // Карпаторусское слово (Омск). 1919. 1 сент.
43. Телеграммы // Правительственный вестник. 1919. 23 авг.
44. Военная хроника // Сибирская речь (Омск). 3 сент.
45. Захаров А.М. «Двояродные братья»: Славянские добровольческие вооруженные формирования в России. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. 496 с.
46. Бейте тревогу! // Карпаторусское слово (Омск). 1919. 11 авг.
47. Неизвестный дневник барона А.П. Будберга 1919–1920 гг. // Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М. : Пятый Рим, 2018. С. 588–722.

References

1. Koefoed, C.A. (1997) *50 let v Rossii (1878–1920)* [50 Years in Russia (1878–1920)]. Moscow: Prava cheloveka.
2. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-176. List 3. File 65. Page 9. *Zapros ispolnyayushchego obyazannosti ministra-rezidenta po osobym delam korolevstva Danii v Omske v mobilizatsionnyy otdel shtaba Verkhovnogo glavnokomanduyushchego* [Request of the Acting Resident Minister for Special Affairs of the Kingdom of Denmark in Omsk to the mobilization department of the headquarters of the Supreme Commander].
3. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-176. List 3. File 65. Page 10. *Kopiya predpisaniya Tsentral'nogo Karpatorusskogo soveta F.I. Karbovskomu* [A copy of the order of the Central Carpatho-Russian Council F.I. Karbovsky].
4. Sulyak, S.G. (2006) Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i Russkoy smuty [Rusyns during the First World War and the Russian Troubles]. *Rusin*. 1 (3). pp. 46–65.
5. Barinov, I. & Strelkov, I. (2012) A.V. Kopystyanskiy i ego deyatel'nost' v Rossii v gody Grazhdanskoj voyny, 1918–1920 gg. [A.V. Kopystyanskiy and his activities in Russia during the Civil War, 1918–1920] *Rusin*. 3 (29). pp. 116–126.
6. Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2014) *S"ezdy karpatorossov v Sibiri v gody grazhdanskoj voyny. 1918–1919* [Congresses of the Carpatho-Russians in Siberia during the Civil War. 1918–1919]. *Rusin*. 3 (37). pp. 152–166.
7. Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2015) Istoricheskaya pamyat' i natsional'no-politicheskaya identifikatsiya rusinov. 1914–1920 gg. [Historical memory and national-political identification of Rusyns. 1914–1920]. *Rusin*. 4 (42). pp. 126–142.
8. Nam, I.V., Naumova, N.I. & Zinov'eva, V.I. (2017) Karpatorusskiy sovet i formirovaniye voinskiikh podrazdeleniy karpatorussov v Sibiri v gody grazhdanskoj voyny (1918–1919 gg.) [The Carpatho-Russian Council and the Formation of Military Units of the Carpatho-Russians in Siberia during the Civil War (1918–1919)]. *Rusin*. 3 (49). pp. 85–100.
9. Nam, I.V., Naumova, N.I. & Zinov'eva, V.I. (2019) Organizatsii voennoplennykh rusinov v Sibiri i vlast': konflikt interesov (1918–1919 gg.) [Organizations of Rusyn prisoners of war in Siberia and power: conflict of interests (1918–1919)]. *Rusin*. 57. pp. 84–98.
10. Khandorin, V.G. (2013) [Carpatho-Russians in the white movement. From the history of the national movement of the Carpatho-Russians (Rusyns)]. *Dosyagennyya sotsial'no-gumanitarnykh nauk v suchasnyi Ukraïni* [Achievements of Social and Humanitarian Sciences in Modern Ukraine]. Proceedings of the 3rd All-Ukrainian Conference. Pt. 4. Simferopol. 26 April 2013. Simferopol: Innovatsiya. pp. 109–112. (In Russian).
11. Konev, K.A. (2021) Karpatorusskoe soobshchestvo v sotsiokul'turnom prostranstve Sibiri v gody grazhdanskoj voyny (1918–1919 gg.): vzglyad cherez prizmu istorii emotsiy [The Carpatho-Russian community in the socio-cultural space of Siberia during the Civil War (1918–1919): a look through the prism of the history of emotions]. *Rusin*. 63. pp. 138–155.

12. Sribnyak, I.V. & Shatilo, V.A. (2020) Voennoplennye rusiny v ital'yanskikh lageryakh: pravovoe polozhenie, usloviya sodержaniya, kul'turno-natsional'naya samoorganizatsiya (1919 – pervaya polovina 1920 g.) [Rusyn prisoners of war in Italian camps: legal status, conditions of detention, cultural and national self-organization (1919 – first half of 1920)]. *Rusin*. 59. pp. 130–153.
13. Sulyak, S.G. (2016) Budushchee Galichiny v planakh Russkogo narodnogo soveta [The future of Galicia in the plans of the Russian People's Council]. *Rusin*. 4 (46). pp. 168–190.
14. Buldeev, A.I. (1959) Druzhiny Svyatogo kresta pri Kolchake i karpatorossy [Squads of the Holy Cross under Kolchak and the Carpatho-Russians]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 7–8.
15. Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2014) Tema “Velikoy voyny” vo vzaimootnosheniyyakh Rossiyskogo pravitel'stva admirala A.V. Kolchaka i Tsentral'nogo Karpatorusskogo soveta (1918–1919 gg.) [The theme of the “Great War” in the relationship of the Russian government of Admiral A.V. Kolchak and the Central Carpatho-Russian Council (1918–1919)]. *Rusin*. 3 (37). pp. 167–181.
16. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-446. List 2. File 85. Page 5–5 back. *Obrashchenie initsiativnoy gruppy po sozdaniyu Chervonnorusskogo obshchestva k glavnomanduyushchemu Dobrovol'cheskoy armii generalu A.I. Denikinu* [Appeal of the initiative group for the creation of the Red Ruthenia Society to the Commander-in-Chief of the Volunteer Army, General A.I. Denikin].
17. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-446. List 2. File 85. Pages 3–4 back. *Pis'mo A.Yu. Gerovskogo predsedatelyu Osobogo soveshchaniya pri glavnomanduyushchem Vooruzhennymi silami Yuga Rossii, generalu A.M. Dragomirovu* [Letter from A.Yu. Gerovsky to the Chairman of the Special Meeting under the Commander-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia, General A.M. Dragomirov].
18. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-176. List 3. File 65. Pages 7–8 back. *Rezolyutsii sobraniya karpatorusskikh obshchestvennykh deyateley i grazhdan, sostoyavshegosya v Kieve 12-go dekabrya 1918 g.* [Resolutions of the meeting of Carpatho-Russian public figures and citizens, held in Kyiv on December 12, 1918].
19. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-446. List 2. File 86. Pages 2–4 back. *Obrashchenie Russkogo narodnogo soveta Prikarpatkoy Rusi glavnomanduyushchemu Vooruzhennymi silami na yuge Rossii, generalu A.I. Denikinu* [Appeal of the Russian People's Council of Carpathian Rus to the Commander-in-Chief of the Armed Forces in the South of Russia, General A.I. Denikin].
20. Malets, G. (1926) Doklad glavnomanduyushchemu Vooruzhennymi silami Yuga Rossii chlena Russkogo narodnogo soveta Prikarpatkoy Rusi [Report to the Commander-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia, a member of the Russian People's Council of Carpathian Rus]. In: Lisovoy, Ya.M. (ed.) *Belyy arkhiv: sborniki materialov po istorii i literature voyny, revolyutsii, bol'shevizmu, belogo dvizheniya i t.p.* [White Archive: Collections of materials on the history and literature of war, revolution, Bolshevism, white movement, etc.]. Vol. 1. Paris: Navarre. pp. 163–176.
21. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-446. List 2. File 85. Page 1. *Nadpis' na doklade upravlyayushchego diplomaticheskimi otdelom o zhelatel'nosti sostavit' iz 500 tys. vykhodtsev iz Galitsii i Ugorskoy Rusi armii dlya bor'by s bol'shevikami* [The inscription on the report of the head of the diplomatic department about the desirability of composing an army out of 500 thousand people from Galicia and Ugic Rus to fight the Bolsheviks].
22. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-446. List 2. File 85. Pages 1–1 back. *Pis'mo A.Yu. Gerovskogo predsedatelyu Osobogo soveshchaniya pri glavnomanduyushchem Vooruzhennymi silami Yuga Rossii, generalu A.M. Dragomirovu* [Letter from A.Yu. Gerovsky to the Chairman of the Special Meeting under the Commander-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia, General A.M. Dragomirov].
23. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-176. List 3. File 65. Page 11. *Otnoshenie nachal'nika mobilizatsionnogo otdela upravleniya 3-go general-kvartirneyster pri Verkhovnom glavnomanduyushchem Tsentral'nomu Karpatorusskomu совету* [The submission of the head of the mobilization department of the 3rd Quartermaster General under the Supreme Commander-in-Chief to the Central Carpatho-Russian Council].
24. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-176. List 3. File 65. Page 12–14. *Otnoshenie Tsentral'nogo Karpatorusskogo soveta nachal'niku mobilizatsionnogo otdela upravleniya 3-go general-kvartirneyster pri Verkhovnom glavnomanduyushchem* [Attitude of the Central Carpatho-Russian Council to the head of the mobilization department of the 3rd Quartermaster General under the Supreme Commander-in-Chief].
25. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1919) Postanovlenie upravlyayushchego Ministerstvom vnutrennikh del [Resolution of the manager of the Ministry of Internal Affairs]. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. 1 June.
26. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-176. List 3. File 65. Pages 18–20 back. *Po voprosu o mobilizatsii urozhentsev Prikarpatkoy Rusi (Galitskoy, Bukovinskoy i Ugorskoy Rusi)* [On the issue of mobilization of the natives of Carpathian Rus (Galician, Bukovinian and Ugic Rus)].
27. *Karpatorusskoe slovo*. (1919) Budet li mobilizatsiya [Will there be mobilization]. *Karpatorusskoe slovo (Omsk)*. 1 June.
28. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-176. List 3. File 65. Pages 15–16. *Dokladnaya zapiska 3-go general-kvartirneyster pri Verkhovnom glavnomanduyushchemu pomoshchniku nachal'nika shtaba Verkhovnogo glavnomanduyushchego* [Memorandum of the 3rd Quartermaster General to the Assistant Chief of Staff of the Supreme Commander].
29. Shuldyakov, V.A. (2020) [Military Siberian Cossack Corps: history of formation (end of July–beginning of September 1919)]. *Regiony Rossii v voennoy istorii strany* [Regions of Russia in the Military History of the Country]. Proceedings of the All-Russian Conference. Vol. 2. Yoshkar-Ola. 18–19 November 2020. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History. pp. 90–99. (In Russian).
30. Gagkuev, R.G. (2016) Dobrovol'tsy belogo Vostochnogo fronta v pervoy polovine 1919 g. [Volunteers of the white Eastern Front in the first half of 1919]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy*. 2 (19). pp. 97–105.
31. Gagkuev, R.G. (2016) Druzhiny Svyatogo kresta i Zelenogo znameniy – posledniy rezerv admirala A.V. Kolchaka [The squads of the Holy Cross and the Green Banner are the last reserve of Admiral A.V. Kolchak]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy*. 3 (20). pp. 68–87.
32. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-176. List 3. File 67. Page 3. *Raport nachal'nika osvedomitel'nogo otdela pomoshchniku nachal'nika shtaba Verkhovnogo glavnomanduyushchego* [Report of the head of the information department to the assistant chief of staff of the Supreme Commander].
33. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-176. List 3. File 67. Pages 5–6. *Protokol zasedaniya mezhdudedomstvennoy komissii 30 avgusta 1919 g.* [Minutes of the meeting of the interdepartmental commission on August 30, 1919].
34. Kolchak, A.V. (2021) *Sbornik dokumentov 1874–1920* [Collected Documents of 1874–1920]. Vol. 2. Saint Petersburg: Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr “BLITS”. pp. 325–327.
35. Efimenko, A.R. (ed.) (2018) *Cheshsko-Slovatskiy (Chekhoslovatskiy) korpus 1914–1920. Dokumenty i materialy* [Czech-Slovak (Czechoslovak) Corps 1914–1920. Documents and materials]. Vol. 2. Moscow: Kuchkovo pole. pp. 663–664.
36. Kvakin, A.V. (ed.) (2005) *Za spinoy Kolchaka: dokumenty i materialy* [Behind Kolchak's back: documents and materials]. Moscow: Agraf. pp. 325–510.
37. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-176. List 3. File 65. Pages 35–35 back. *Zaklyuchenie Ministerstva inostrannykh del* [Conclusion of the Ministry of Foreign Affairs].
38. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-176. List 3. File 65. Pages 21–22 back. *K voprosu o mobilizatsii karpatorussov* [To the question of the mobilization of the Carpatho-Russians].
39. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-176. List 3. File 65. Pages 36–36 back. *Zaklyuchenie Ministerstva vnutrennikh del* [Conclusion of the Ministry of Internal Affairs].
40. Shishkin, V.I. (ed.) (2016) *Sovet ministrov Rossiyskogo pravitel'stva: zhurnaly zasedaniy (18 noyabrya 1918 – 3 yanvarya 1920 g.)* [Council of Ministers of the Russian Government: Meeting journals (November 18, 1918 – January 3, 1920)]. Vol. 2. Novosibirsk: SB RAS.

41. Pravitel'stvennyy vestnik. (1919) Utverzhdennye Verkhovnym pravitelem postanovleniya Soveta ministrov. O prizyve karpatorussov [Decisions of the Council of Ministers approved by the Supreme Ruler. On the call-in of the Carpatho-Russians]. *Pravitel'stvennyy vestnik*. 28 August.
42. Karpatorusskoe slovo. (1919) Utverzhdennoe Verkhovnym pravitelem postanovlenie Soveta ministrov. O prizyve karpatorussov [Decree of the Council of Ministers approved by the Supreme Ruler. On the call-in of the Carpatho-Russians]. *Karpatorusskoe slovo (Omsk)*. 1 September.
43. Pravitel'stvennyy vestnik. (1919) Telegrammy [Telegrams]. *Pravitel'stvennyy vestnik*. 23 August.
44. Sibirskaya rech'. (n.d.) Voennaya khronika [Military chronicle]. *Sibirskaya rech' (Omsk)*. 3 September.
45. Zakharov, A.M. (2020) "Dvoyurodnye brat'ya": Slavyanskije dobrovol'cheskie vooruzhennye formirovaniya v Rossii ["Cousins": Slavic Volunteer Armed Forces in Russia]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.
46. Karpatorusskoe slovo (1919). Beyte trevogu! [Sound the alarm!]. *Karpatorusskoe slovo*. 11 August.
47. Ganin, A.V. (2018) *Sem' "pochemu" rossiyskoy Grazhdanskoy voyny* [Seven Whys of the Russian Civil War]. Moscow: Pyatyy Rim. pp. 588–722.

Информация об авторе:

Шевелев Д.Н. – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: shev-dn@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.N. Shevelev, Dr. Sci. (History), head of the Department of the History of Ancient World, the Middle Ages and the Methodology of History, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shev-dn@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.11.2022;
одобрена после рецензирования 18.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.*

*The article was submitted 01.11.2022;
approved after reviewing 18.11.2022; accepted for publication 30.11.2022.*

Научная статья
УДК 94(47) + 94(57)
doi: 10.17223/15617793/484/9

О производстве пищевых концентратов на томской кондитерской фабрике «Красная звезда» в годы Великой Отечественной войны

Татьяна Васильевна Галкина¹

¹Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
galkina@tspu.edu.ru

Аннотация. Статья выполнена в рамках научно-исследовательского патриотического проекта Томского государственного педагогического университета «Карта Победы», посвященного выявлению вклада тыловых территорий СССР в Победу в Великой Отечественной войне. На примере томской фабрики впервые вводятся в научный оборот достоверные архивные сведения об ассортименте пищевых концентратов (от пшенной, овсяной, гречневой каши до картофельного супа и борща), динамике выпуска этой продукции в годы войны и ее количестве.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, вклад тыла, томская кондитерская фабрика «Красная звезда»

Для цитирования: Галкина Т.В. О производстве пищевых концентратов на томской кондитерской фабрике «Красная звезда» в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 81–87. doi: 10.17223/15617793/484/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/9

On the production of food concentrates at Krasnaya Zvezda, a confectionery factory in Tomsk, during the Great Patriotic War

Tatiana V. Galkina¹

¹Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation
galkina@tspu.edu.ru

Abstract. This article was written within the framework of the Victory Map patriotic research project of Tomsk State Pedagogical University dedicated to identifying the contribution of the rear territories of the USSR to the victory in the Great Patriotic War. The main conceptual idea of this project is the preservation of the historical memory of the common contribution to the victory of entire Soviet people, of each territory (republic, krai, oblast), plant, factory, collective farm, of each person as a citizen of the Fatherland. Evaluation of this contribution to the victory common for all becomes a kind of a bond for the awareness of national unity in modern Russia. The testing ground for historical research is the local history of each Russian subject. This explains the interest in archival documents of the war years, which store reliable information about the rear life. Tomsk, as a typical rear Siberian city with an undeveloped industrial and transport infrastructure, which in the fall of 1941 received more than 20 evacuated plants and factories, more than 20 evacuation hospitals that all needed electricity, transport, water, fuel, found itself in an extremely difficult situation. On a specific example of Krasnaya Zvezda [Red Star], a local confectionery factory, the author analyzes the problems of organizing a concentrates workshop according to the design assignment made by the Moscow Research Laboratory of the People's Commissariat of USSR Food Industry; arranging the technological process for the production of both cereal and vegetable concentrates; providing electricity, water, new equipment (briquette press, caloriferous installations for drying grains), and especially raw materials (grains, hydrofat, dried vegetables, parchment and paraffin paper, plywood) whose acute shortage was observed throughout the war period. For the first time, the author introduces into scholarly discourse reliable archival information about the names and range of special defense products; planned calculations for the production of millet, oatmeal, buckwheat porridge, potato soup and borscht; information on the dynamics of the production of these products during the war years; quantitative data on the production of food concentrates. During the war years, Krasnaya Zvezda sent 2939.9 tons of food concentrates to the front, of which 2136.6 tons was porridge – 21,366,000 porridge briquettes (100 grams each) for the Red Army soldiers. Along with food concentrates, the factory sent confectionery products to the front – sweets, caramel, gingerbread. The history of the operation of the concentrates workshop at the Krasnaya Zvezda confectionery factory during the Great Patriotic War is a typical example of the restructuring of a peaceful factory

for a military regime; it also has a high patriotic potential for creating a sense of pride and respect for Tomsk residents for their selfless work in the name of victory.

Keywords: Great Patriotic War, contribution of rear, Tomsk's Krasnaya Zvezda confectionery factory

For citation: Galkina, T.V. (2022) On the production of food concentrates at Krasnaya Zvezda, a confectionery factory in Tomsk, during the Great Patriotic War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 81–87. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/9

В рамках начатого в 2020 г. в Томском государственном педагогическом университете патриотического проекта «Карта Победы», посвященного выявлению вклада тыловых территорий СССР в Победу в Великой Отечественной войне, осуществляется целенаправленная архивная работа по определению видов оборонной продукции томских предприятий, в том числе кондитерской фабрики «Красная звезда». Конкретизация оборонного ассортимента этой фабрики является несомненным компонентом исторической памяти, позволяющим оценить вклад томской промышленности в победу над врагом. Актуализация заявленной темы служит примером не только повышенного внимания к истории повседневности тылового города, но и способствует развитию патриотического самосознания молодежи.

Историографический обзор по заявленной теме включает упоминание о производстве пищевых концентратов на кондитерской фабрике «Красная звезда» в книгах «Томск. История города от основания до наших дней» [1. С. 287], «Томск от А до Я» [2. С. 172], «Жизнь, опаленная войной» [3. С. 42]. Более расширенная информация приведена в статье Т.В. Галкиной, А.А. Бурлий, А.Д. Толстика «“Щи да каша – пища наша”: о перестройке работы томской кондитерской фабрики “Красная звезда” на военный режим в годы Великой Отечественной войны» [4. С. 152–156]. На многих интернет-сайтах приводится буквально одна фраза о том, что кондитерская фабрика «Красная звезда» выпускала концентраты для фронта [5]. Таким образом, отсутствие конкретной информации о видах пищевых концентратов представляется некой информационной лакуной, не позволяющей оценить реальный вклад коллектива томской кондитерской фабрики в обеспечение фронта столь необходимой продукцией.

Целью статьи является конкретизация процесса производства пищевых концентратов (в том числе их ассортимента и количества) для фронта в годы Великой Отечественной войны.

Источниковой базой для осуществления этой работы являются архивные документы фонда № Р-851 томской кондитерской фабрики «Красная звезда», хранящиеся в Государственном архиве Томской области (ГАТО), а также архивные документы фонда № 80 Томского городского комитета ВКП(б) из Центра документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО) за период 1941–1945 гг.

В мирное время на одной из старейших кондитерских фабрик г. Томска – «Красной звезде», которая была преемницей кондитерского предприятия Брони-

слава Бороздича, основанного в 1899 г. и национализированного в 1920 г., выпускались десятки и сотни тысяч килограммов кондитерских изделий. Так, в апреле 1941 г. фабрика отчиталась о выпуске 406 659 кг карамели, 75 774 кг конфет, 100 108 кг пряников [6. Л. 258], при этом довоенный ассортимент включал 27 наименований карамели, 20 – мягких конфет и 10 – пряников [7. Л. 299].

С началом Великой Отечественной войны резко возросла потребность в обеспечении бойцов Красной Армии ежедневной нормой свежего продовольствия и пищевых концентратов, и большинство кондитерских фабрик страны были переориентированы на выпуск различных концентратов. В общей пояснительной записке к проектному заданию (заказ № 140) на реконструкцию кондитерской фабрики «Красная звезда» в г. Томске Новосибирской области было сказано, что «настоящее проектное задание разработано на основании постановления Государственного комитета обороны от 9 июля 1941 г.» [8. Л. 4]. Разработка типовых проектов по производству пищевых концентратов выполнялась в Центральной научно-исследовательской лаборатории пищевых концентратов и соевой промышленности Наркомата пищевой промышленности СССР как для масштабных (12 котлов и 80 вагонеток) [9. Л. 83] и небольших производств, так и для конкретных предприятий (например, Московского ордена Ленина пищевого комбината им. Микояна) [8. Л. 75].

Пищевые концентраты как специально обработанные продукты, содержащие минимальное количество влаги и обладающие малым объемом и весом, по внешнему виду, запаху и вкусу должны были соответствовать пище из натуральных продуктов. Пищевой концентрат «пшениная каша», употребляемый как продукт для приготовления пищи, представлял из себя механическую смесь вареного до готовности и высушенного пшена с жиром и солью, спрессованную в виде четырехугольных таблеток [8. Л. 76]. Эта пшениная каша была оценена И. В. Сталиным: «Я пробовал. В горячую воду положить и через 3 минуты распускается и получается каша... Можно на две недели – на месяц заранее выдать» [10].

В проекте временной технологической инструкции по производству пищевого концентрата (пшениной каши) от 28 августа 1941 г., разработанной Н.И. Селенгинским для томской кондитерской фабрики, предлагалось разместить цех концентратов в крыле главного производственного корпуса, выходящего фасадом на Сибирскую улицу. Предполагалось использование возможностей городского водопровода (с потребностью 1 куб.м. в час), общей сплавной подземной канализации со спуском в р. Ушайку. Для обеспечения паром произ-

водственных нужд использовалась фабричная котельная с двумя паровыми котлами системы Шухова (при общей потребности в паре в зимнее время – 2 тонны в час). Мощность фабричных трансформаторов в 75 кВт

обеспечивала потребности цеха концентратов по силовой сети в 33,3 кВт и по осветительной – в 6,91 кВт [8. Л. 6–7]. При этом была определена полезная площадь цеха концентратов (табл. 1).

Таблица 1

Полезная площадь производственных помещений цеха концентратов томской кондитерской фабрики «Красная звезда» [8. Л. 4–5]

№ п/п	Назначение помещения	№ этажа	Площадь (кв.м.)
1	Цеховой склад сырья	1	27
2	Подготовительное отделение	1	38
3	Прессово-заверточное отделение	1	135
4	Упаковочное отделение	1	32
5	Склад готовой продукции и экспедиция	1	120
6	Калориферно-вентиляторное помещение для сушильного отделения	1	48
Итого по отделению			400
7	Моечно-варочное отделение	2	107
8	Сушильное отделение	2	210
9	Смесительное отделение	2	93
10	Жироподготовительное отделение	2	20
Итого по отделению			430
Всего по цеху			830

Под цех крупяных концентратов на томской кондитерской фабрике был отдан конфетный цех и часть других производственных помещений общей площадью 782 кв.м. (из 2 038 кв.м. фабрики) [7. Л. 285]. Цех концентратов должен был работать в две смены за исключением моечно-варочного и сушильного отделений, которые должны работать в три смены. При этом сушиллка работала только 26 дней в месяц при остановке на 4 дня для чистки парового котла [8. Л. 5].

Одновременно с заказом разработки проекта организации цеха концентратов началась работа в местных органах власти и на самой фабрике. Ссылаясь на решение Томского горисполкома от 3 сентября 1941 г. о начале выпуска пищевых концентратов с 20 сентября 1941 г. (10 тонн в сутки), руководство кондитерской фабрики «Красная звезда» обратилось в Новосибирский облпищепром с просьбами о выдаче фондируемых материалов – белой жести, оцинкованного железа, олова (10 кг), спецодежды, а также о скорейшем получении пресса [6. Л. 100].

Технологический процесс выработки пищевых концентратов начинался с очистки пшена на зерновом сепараторе и трехкратной ручной промывки в эмалированных ваннах, затем варки в открытых котлах типа «Вулкан» на 150 кг каждый, снабженных паровыми барометрами и змеевиками. К 5 сентября 1941 г. в Томске были изготовлены 2 котла и 4 вагонетки с каналовыми сушилками, обеспеченные паровым обогревателем [9. Л. 83]. Из сушильного отделения пшено подавалось в смесительное отделение, где смешивалось с растопленным гидрожиром (или комбижиром), а затем в прессово-заверточное отделение. Технологический процесс был запроектирован на наиболее доступном оборудовании, единственным сложным агрегатом являлась брикетная машина московского завода им. Ярославского с приемным конвейером, без которой невозможно было осуществить получение брикетов. Таблетки концентрата должны были быть

плотно спрессованы, чтобы не крошиться при завертке в бумагу, но в то же время могли ломаться без особых усилий при приготовлении пищи. Завертка брикетов в 2 слоя жиронепроницаемой (плотной пергаментной и парафинированной) бумаги и этикетирование производились вручную. В упаковочном отделении готовые 100-граммовые брикеты упаковывались в фанерные или строганные тесовые ящики весом в 24 кг и поступали на склад готовой продукции.

Особые требования предъявлялись к качеству сырья. Для производства концентратов принималось свежесваренное толченое пшено высшего сорта с содержанием доброкачественных ядер не менее 99% в соответствии с требованиями стандарта (ОСТ/КЭС НК № 87, 05/324), свежееизготовленные гидрожиры или комбижиры высшего сорта и мелкая, столовая, поваренная соль 1 сорта (кроме каменной соли) [8. Л. 77]. По результатам анализа первая партия шлифованного пшена (50 960 кг), поступившая на фабрику 10 августа 1941 г. от Юргинского крупзавода, была допущена на производство [6. Л. 246]. Вторая партия (130 тонн) поступила 14 сентября 1941 г. [6. Л. 93]. Согласно утвержденным нормам Наркомата пищевой промышленности СССР для производства пищевых концентратов в объеме 10 тонн в сутки требовалось определенное количество сырья и вспомогательных материалов (табл. 2).

Ящичная дощечка (1 050 куб.м.) была приобретена на Томской карандашной фабрике с расчетом на 5 месяцев работы [6. Л. 54].

Ориентировочная стоимость капитальных работ по созданию цеха концентратов на томской кондитерской фабрике от 287 958 руб. после корректировки Томского промбанка была снижена до 215 000 руб. и 15 сентября 1941 г. утверждена плановая сумма в 150 000 руб. на III квартал 1941 г. с заказом пресса Пшиллеса и 20 дополнительных вагонеток [11. Л. 180–181].

Таблица 2

Расход сырья и вспомогательных материалов для производства пищевого концентрата (пшениной каши) [8. Л. 9-10]

№ п/п	Наименование	Расход на 1 т готового продукта, кг	Расход в сутки на 10 т, кг	Расход в год, т
1	Пшено толченное, в/с	880	8800	2658
2	Комбиджир или гидрожир	155	1550	465
3	Столовая соль	23	230	69
4	Пергаментная бумага	17	170	51
5	Парафинированная бумага	10	100	30
6	Писчая бумага для этикеток	26	260	78
7	Оберточная бумага для ящиков	5	50	15
8	Декстрин	1	10	3
9	Гвозди для забивки ящиков	1	10	3
10	Ящики фанерные	42 шт.	420 шт.	126000 шт.

Несмотря на то что цех концентратов еще полностью не был готов, в сентябре продолжалась отладка оборудования – ремонт третьего варочного котла, пресса, сепаратора, проверка калориферов и других агрегатов, 27–29 сентября 1941 г. была проведена успешная пробная варка. Однако в октябре 1941 г. дальнейшее оборудование цеха концентратов было приостановлено в связи с решением правительственной комиссии от 19 октября 1941 г. о закрытии фабрики и передаче ее резиновому комбинату «Красный богатырь». Видимо, это решение было продиктовано острой проблемой размещения эвакуированных в Томск многочисленных заводов и фабрик осенью 1941 г. и попыткой некой реорганизации структуры томской промышленности. Хотя фабрику все же не закрыли, но время было упущено. Отчитываясь перед прокурором Куйбышевского района г. Томска о сложившейся ситуации, директор фабрики писал: «Благодаря остановке работы по сооружению цеха по вышеприведенной причине, в данное время готова только I часть цеха, которая в состоянии обеспечить выпуск концентратов 4–5 тонн в сутки, однако цех выпускает не более 2–3 тонн, причина – частая и продолжительная прерывистость с электроэнергией» [6. Л. 41].

Несмотря на объективные трудности, коллектив фабрики был настроен по-боевому: «Сейчас долг каждого коммуниста, каждого беспартийного большевика, каждого честного советского гражданина, не жалея сил, не зная отдыха, свято выполнять те задачи, которые тов. Сталин поставил перед нами. У себя на фабрике мы будем работать, не покладая рук, чтобы усилить помощь Красной Армии, мы обязуемся: первую очередь цеха концентратов пустить на полную мощность 15 ноября с.г.; выполнять и перевыполнять производственные планы, как по кондитерским изделиям, так и крупяным концентратам, давая продукции на 20–25% больше установленного задания по плану» [12. Л. 58].

Только в середине ноября 1941 г. цех начал плановый выпуск продукции, хотя пуск второй очереди цеха планировался к 10 декабря 1941 г. «Числа 20 ноября 1941 г. отгрузим первый вагон пищевых концентратов и срочно просим сообщить отпускную стоимость 1 тонны крупяного концентрата (пшениной каши)» [6. Л. 48]. На 27 ноября 1941 г. было выработано 27 тонн концентрата, пригодного к отгрузке [6. Л. 41].

В отчете в Главпищеконцентрат по итогам работы цеха пищевых концентратов в 1941 г. указывалось, что в ноябре было выпущено 33 012 кг, в декабре – 52 710 кг, всего за 1941 г. – 85 722 кг, из коих отгружено в г. Уфу 13 500 кг. «За I декаду января выработано 34 374 кг, отгружен вагон в количестве 11 750 кг и передано на месте НКО – 25 000 кг. В остатке имеем 69 846 кг. Плохая выработка объясняется тем, что фабрика имеет большие простои из-за перебоев в подаче электроэнергии» [13. Л. 5]. Нехватка электроэнергии и топлива сказалась на выполнении плана, который был выполнен в 1941 г. только на 8% [14. Л. 13].

В 1942 г. ситуация с необеспеченностью города электроэнергией заставила нормировать ее подачу: по решению горкома ВКП(б) и горисполкома от 17 апреля 1942 г. была предусмотрена подача электроэнергии строго по графику при норме расходования в 30 кВт. Правда, график иногда тоже не выполнялся. Приспосабливаясь к реальным условиям, коллектив цеха концентратов выполнял те технологические операции, которые в данное время были осуществимы. В 1942 г. усугубились проблемы обеспечения фабрики сырьем, особенно неудовлетворительно обстояло дело со снабжением пшеном. При этом пшено, как и гидрожир, поступало неравномерно, несвоевременно и даже их наличие зачастую пропорционально не соответствовало рецептуре. Так, «при наличии же электроэнергии, хотя и нет гидрожира, работа варочного и сушильного отделений производится полностью, производится заготовка сушеного пшена с тем расчетом, чтобы при наличии гидрожира форсировать прессование и закрутку. Угрожающее положение и с водой, так как городская сеть не обеспечивает фабрику из-за слабого давления, а иногда и полного отключения» [15. Л. 128]. Хотя цех пищевых концентратов был введен в эксплуатацию в 1942 г. по фактической стоимости в 190 тыс. руб. (с экономией в 25 тыс. руб.), надежды на городскую водопроводную сеть и фабричное паросиловое хозяйство не оправдались [16. Л. 41].

Главной «зимней» проблемой оставалась нехватка топлива. Если в первые месяцы 1942 г. фабрика получала по 60 тонн фондового угля в месяц, то в апреле не получила ни одного вагона при потребности – 250 тонн в месяц [15. Л. 128].

Тормозил завертку пищевого концентрата недостаток бумаги, который ощущался в течение всего 1942 г., так как поступило всего 36,6% от годовой загрузки [16. Л. 2]. В связи с вышесказанным, простой в цехе концентратов с 1 января по 22 апреля 1942 г. вылились в огромную цифру – 6 866 чело-

веко-часов [15. Л. 128]. Несмотря на условия военного времени, в 1942 г. было выпущено 1 091,2 тонны брикетов пшенной каши для Красной Армии [16. Л. 34].

За 1943 г. фабрика освоила выработку нового вида концентрата – овсяную кашу.

Таблица 3

Плановая калькуляция на выработку пищевого концентрата (овсяной каши) [17. Л. 57]

№ п/п	Наименование	Расход на 1 тонну, кг	Цена за 1 кг, руб	Сумма, руб
1	Крупа овсяная	942	1,15	1 083,30
2	Гидрожир	100	13,32	1 332,00
3	Столовая соль	30	0,47	14,10
Итого				2 429,40

За 1943 г. было выпущено пищевых концентратов: пшенной каши – 396 381,9 кг, овсяной каши – 105 310,6 кг, всего – 501 692,5 кг [7. Л. 316].

По заданию Государственного комитета обороны к 15 сентября 1943 г. томская кондитерская фабрика должна была переоборудовать цех концентратов под производство овощных концентратов – картофельного

супа и борща. Не дождавшись специальной бригады и обещанного гидравлического пресса из Чувашии, коллектив цеха собственными силами разработал методику изготовления овощных концентратов на имеющемся оборудовании, сохранив при этом возможность переключения производства с одного вида продукции на другой.

Таблица 4

Нормы расхода сырья (в натуре) на выработку пищевого концентрата (борща) [17. Л. 60]

№ п/п	Наименование	Расход на 1 тонну, кг
1	Картофель сушеный	218,4
2	Капуста сушеная	111,8
3	Свекла сушеная	356,0
4	Мука пшеничная	106,5
5	Жир	100
6	Соль	75,7
7	Томат в порошке	41,9
8	Лук сушеный	31,4
9	Морковь сушеная	21,3
10	Сахар-песок	7,0
11	Кислота лимонная или виннокаменная	4,0
12	Перец	2,0
13	Лавровый лист	1,0
Итого		1077,0

Однако запустить массовый выпуск овощных концентратов в 1943 г. не удалось из-за отсутствия сухатов (сушеных овощей), а из-за недогруза сырья цех работал в 1943 г. только на 60–70% своей мощности.

Выпуск овощных концентратов начался в 1944 г. Так, в отчете за март 1944 г. значились: суп картофельный – 99,3 тонны и каша гречневая – 38,3 тонны, всего 137,6 тонн [7. Л. 319]. Необеспеченность сырьем производственных программ по кондитерским изделиям заставила фабрику переключиться на усиленную выработку овощного концентрата – картофельного супа. К сентябрю 1944 г. было выпущено 75 тонн картофельного супа с жирами, из них 34 тонны – с крупой, а также 166 тонн картофельного супа без жиров (госрезерв), из которых 102 тонны были разбронированы и подготовлены к отгрузке на Дальневосточный фронт [7. Л. 186]. Для экономии бумаги в декабре 1944 г. с согласия Упродснаба

ГИУ Красной Армии было предложено производить расфасовку овощных концентратов (вместо применяемых 225, 300 и 450 гр.) весом до 3-х кг при условии упаковки в плотную бумагу с последующей заверткой в общую пачку, вес которой не должен превышать 9 кг [7. Л. 74]. Только труд «самых самоотверженных работников, могущих преодолеть любые трудности цеха и обеспечить 100% выполнение плана», по словам начальника цеха концентратов Максимовой, позволил выполнить план 1944 г. на 100,5% – по овощным концентратам – 501 тонна, по крупяным – 458 тонн [18. Л. 6–7, 13].

В первом полугодии 1945 г. на кондитерской фабрике произошел постепенный переход на повышение удельного веса выработки кондитерских изделий за счет снижения удельного веса концентратов. Общая статистика по выработке пищевых концентратов представлена в табл. 5.

Таблица 5

Динамика выработки пищевых концентратов на кондитерской фабрике «Красная звезда» за 1941–1945 гг. [7. Л. 284]

Год	1941	1942	1943	1944	1945 (январь–апрель)
Выпуск, т	85,7	1091,2	501,7	959,6	301,7

Как видим, динамика имеет скачкообразный характер, что объясняется реальными условиями тылового города в годы войны.

Таким образом, архивные документы позволили выявить реальные характеристики функционирования предприятия пищевой промышленности областного подчинения в условиях острейшего дефицита сырья, оборудования, электроэнергии, воды, топлива в военное время в тыловом сибирском городе с недостаточной подготовленной промышленной инфраструктурой. Представляется, что томская кондитерская фабрика «Красная звезда», несмотря на объективные (перебои с сырьем, электроэнергией, водой) и субъективные трудности, связанные с несогласованностью решений руководящих органов и просчетами планирования, как и многие другие тыловые предприятия, стремилась к максимальному выполнению производственных программ под лозунгом «Все для фронта, все для победы над врагом!».

В годы Великой Отечественной войны, перестроившись на военный режим, коллектив фабрики продолжал выпуск конфет, карамели, варенья и пряников в значительно усеченном ассортименте и количестве, а

также освоил выпуск специальной продукции для фронта – пищевых (сухих) концентратов. С 15 ноября 1941 г. начался выпуск пищевых (крупяных) концентратов – пшенной каши, который продолжался и в 1942 г. В 1943 г. наряду с пшенной кашей осуществлялся выпуск овсяной каши. В 1944 г. выпускали гречневую кашу, а также приступили к изготовлению овощных концентратов – картофельного супа с крупой и без крупы, с жиром и без жира (для госрезерва) и борща.

Согласно данным табл. 5, в период с 1941 г. по апрель 1945 г. кондитерская фабрика «Красная звезда» изготавляла для фронта 2 939,9 тонн пищевых концентратов. Много это или мало? Если разделим 2 136,6 тонн всей выпущенной каши на 100 гр., то получим 21 366 000 брикетов каши для бойцов Красной Армии. История функционирования цеха концентратов на томской кондитерской фабрике «Красная звезда» в годы Великой Отечественной войны является не только типичным примером перестройки мирной фабрики на военный лад, но и обладает высоким патриотическим потенциалом для формирования чувства гордости и уважения к томичам за их самоотверженный труд, за посильный вклад в общую судьбоносную победу.

Список источников

1. Томск. История города от основания до наших дней / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 432 с.
2. «Красная звезда» // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. 1-е изд. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. 440 с.
3. Жизнь, опаленная войной. Томск 1941–1945: Историко-документальная летопись (хроника жизни Томска в военные годы). Красноярск : Платина, 2020. 384 с.
4. Галкина Т.В., Бурлий А.А., Толстик А.Д. «Щи да каша – пища наша»: о перестройке работы томской кондитерской фабрики «Красная Звезда» на военный режим в годы Великой Отечественной войны // Патриот: актуальные вопросы военной истории России и ее силовых структур. Военная история России и воспитание гражданственности : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А.В. Запороженко. Новосибирск : Изд-во НИПКиПРО, 2022. 316 с.
5. Томск во время войны: промышленность. URL: <https://www.kp.ru/best/tomsk/tomsk-letopis-victory/tomsk-vov-prom/> (дата обращения: 02.11.2022).
6. ГАТО. Ф. Р-851. Оп. 1. Д. 37.
7. ГАТО. Ф. Р-851. Оп. 1. Д. 47.
8. ГАТО. Ф. Р-851. Оп. 1. Д. 41.
9. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 7.
10. «Не хлебом единым». Сухой паёк красноармейца 40-х годов. URL: <https://zen.yandex.ru/media/antiquefairs/ne-hlebom-edinym-suhoi-paek-krasnoarmeica-40h-godov-5d31b63878125e00adc0bef5> (дата обращения: 02.11.2022).
11. ГАТО. Ф. Р-851. Оп. 1. Д. 42.
12. ЦДНИ ТО. Ф. 426. Оп. 2. Д. 3.
13. ГАТО. Ф. Р-851. Оп. 1. Д. 40.
14. ЦДНИ ТО. Ф. 426. Оп. 1. Д. 10.
15. ГАТО. Ф. Р-851. Оп. 1. Д. 56.
16. ГАТО. Ф. Р-851. Оп. 1. Д. 51.
17. ГАТО. Ф. Р-851. Оп. 1. Д. 58.
18. ГАТО. Ф. Р-851. Оп. 1. Д. 77.

References

1. Dmitrienko, N.M. (ed.) (1999) *Tomsk. Istoriya goroda ot osnovaniya do nashikh dney* [The History of the City from Its Foundation to the Present Day]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Dmitrienko, N.M. (ed.) (2004) “Krasnaya zvezda” [The Krasnaya Zvezda]. In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Tomsk ot A do Ya: Kratkaya entsiklopediya goroda* [Tomsk from A to Z: Brief Encyclopedia of the City]. 1st ed. Tomsk: Izd-vo NTL.
3. Kalinina-Sulakhshina, O.S. (ed.) (2020) *Zhizn', opalennaya voynoy. Tomsk 1941–1945: Istoriiko-dokumental'naya letopis' (khronika zhizni Tomsk v voennye gody)* [Life, Scorched by War. Tomsk 1941–1945: Historical and documentary chronicle (a chronicle of the life of Tomsk during the war years)]. Krasnoyarsk: Platina.
4. Galkina, T.V., Burliy, A.A. & Tolstik, A.D. (2022) [“Schi and porridge is our food”: about the restructuring of the work of the Tomsk confectionery factory “Krasnaya Zvezda” to the military regime during the Great Patriotic War]. *Patriot: aktual'nye voprosy voennoy istorii Rossii i ee silovykh struktur. Voennaya istoriya Rossii i vospitanie grazhdanstvennosti* [Patriot: Current issues of the military history of Russia and its law enforcement agencies. Military history of Russia and the education of citizenship]. Proceedings of the 3rd All-Russian Conference. Novosibirsk. 8–10 December 2021. Novosibirsk: Izd-vo NIPKiPRO. (In Russian).
5. Komsomol'skaya pravda. (n.d.) *Tomsk vo vremya voyny: promyshlennost'* [Tomsk during the war: industry]. *Komsomol'skaya pravda*. [Online] Available from: <https://www.kp.ru/best/tomsk/tomsk-letopis-victory/tomsk-vov-prom/> (Accessed: 02.11.2022).
6. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-851. List 1. File 37. (In Russian).
7. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-851. List 1. File 47. (In Russian).
8. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-851. List 1. File 41. (In Russian).

9. Center for Documentation on Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 7. (In Russian).
10. Dzen. (2019) "Ne khlebom edinyim". Sukhoy паек krasnoarmeytsa 40-kh godov ["Not by bread alone." Dry rations of the Red Army soldier of the 1940s]. *Dzen*. [Online] Available from: <https://zen.yandex.ru/media/antiquefairs/ne-hlebom-edinyim-suhoi-paek-krasnoarmeica-40h-godov-5d31b63878125e00adc0bef5> (Accessed: 02.11.2022).
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-851. List 1. File 42. (In Russian).
12. Center for Documentation on Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 426. List 2. File 3. (In Russian).
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-851. List 1. File 40. (In Russian).
14. Center for Documentation on Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 426. List 1. File 10. (In Russian).
15. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-851. List 1. File 56. (In Russian).
16. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-851. List 1. File 51. (In Russian).
17. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-851. List 1. File 58. (In Russian).
18. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-851. List 1. File 77. (In Russian).

Информация об авторе:

Галкина Т.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории, археологии и этнологии Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: galkina@tspu.edu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.V. Galkina, Cand. Sci. (History), associate professor, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: galkina@tspu.edu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.11.2022;
одобрена после рецензирования 23.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.*

*The article was submitted 11.11.2022;
approved after reviewing 23.11.2022; accepted for publication 30.11.2022.*

Научная статья
УДК 97(47).084.3
doi: 10.17223/15617793/484/10

«Мы друг другу варвары»: Первый съезд заграничных организаций партии социалистов-революционеров в Праге (1923 г.) и попытка организационного сплочения

Анна Анатольевна Голосеева¹

*¹Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
goloseyeva@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена Первому съезду заграничных организаций партии эсеров, прошедшему в Праге в ноябре 1923 г. Источниковую базу статьи составили протоколы съезда, которые хранятся в фондах Международного института социальной истории в Амстердаме и доступны на сайте института в разделе «Архив партии социалистов-революционеров», а также другие документы, характеризующие обстановку в рядах эсеровской эмиграции накануне созыва съезда. Анализируются задачи, поставленные съездом, ход дискуссий между разными идеологическими группировками эсеров, организационные решения съезда. Делаются выводы о причинах относительной неудачи Пражского съезда.

Ключевые слова: партия социалистов-революционеров в эмиграции, Первый съезд заграничных организаций партии эсеров, Пражский съезд эсеров 1923 г., Заграничная делегация партии эсеров

Для цитирования: Голосеева А.А. «Мы друг другу варвары»: Первый съезд заграничных организаций партии социалистов-революционеров в Праге (1923 г.) и попытка организационного сплочения // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 88–100. doi: 10.17223/15617793/484/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/1

“We are barbarians to each other”: The First Congress of the Foreign Organizations of the Socialist-Revolutionary Party in Prague (1923) and an attempt of organizational cohesion

Anna A. Goloseyeva¹

*¹Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
goloseyeva@gmail.com*

Abstract. In the early 1920s, the SRs' emigration represented groups scattered all over the world, ideologically disconnected, practically incapable of active concerted actions. The campaign against the Moscow trial over the Socialist-Revolutionary Party members in 1922 to a certain extent brought the foreign SRs closer, but this was only a temporary rapprochement. Thus, one of the main political tasks facing the SRs in emigration was their organizational cohesion. For this purpose, in November 1923, in Prague, the First Congress of the Foreign Organizations of the Socialist-Revolutionary Party was convened. The article is dedicated to the analysis of its materials. The main source base of the article was the hand-written meeting minutes of the Prague Congress, which are stored in the funds of the International Institute of Social History (IISH) in Amsterdam and are available on the Institute's website in the Partija Socialistov-Revolucionerov (Rossija) Archives section. The meeting minutes were first published by the author of the article in 2021. The main task set by the Prague Congress was to elect a new governing body of the SRs abroad due to the fact that after the arrest of the old Central Committee the legitimacy of the new one was questionable, the connection with Russia was extremely difficult, and the party Foreign Delegation was losing its weight as a “guide” between the SRs in emigration and the Central Committee in Russia. The main discussion at the Congress took place between representatives of the party's left wing headed by V. Chernov and the right wing, represented mainly by the delegates of the Paris Party group. The lefts insisted on the strict party discipline, the subordination of party work abroad to the interests of the party in Russia, and the impermissibility of uncoordinated statements on behalf of the party. The rights considered excessive party control harmful and defended the primacy of broad public work over the purely party one. Despite the difference in the positions, after lengthy discussions, the Congress decided to establish the Foreign Regional Organization of the Socialist-Revolutionary Party and its governing body, the Regional Committee. The competence of the Regional Committee included the direct management of all party work abroad, but it was assumed that it would work in full contact with the Foreign Delegation, which in its turn was proposed to concentrate mainly on contacts with the international socialist movement. Formally, since the establishment of the Foreign Organization, any separate actions of individual groups on behalf of the party, as well as agreements with

other parties, were forbidden. Despite the fact that, formally, the Prague Congress fulfilled its task of creating an organizational union of the SRs abroad, in fact, it was the last significant event at which a constructive dialogue of representatives of different party groups was still possible. The ideological differences in the party and the personal antipathies of its leaders were not overcome and only intensified subsequently, which gradually led to the final disintegration of the Socialist-Revolutionary emigration into several antagonistic groups.

Keywords: Socialist-Revolutionary Party in emigration, First Congress of the Foreign Organizations of the Socialist-Revolutionary Party, Foreign Delegation of the Socialist-Revolutionary Party

For citation: Goloseyeva, A.A. (2022) "We are barbarians to each other": The First Congress of the Foreign Organizations of the Socialist-Revolutionary Party in Prague (1923) and an attempt of organizational cohesion. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 88–100. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/10

История партии социалистов-революционеров (ПСР) в период до революции 1917 г., в годы революции и Гражданской войны, как известно, получила значительное освещение в советской и постсоветской исторической литературе. В то же время годы массовой эмиграции эсеров после окончания Гражданской войны изучены пока не так подробно.

Частично история ПСР в эмиграции нашла освещение в ряде работ отечественных и зарубежных исследователей [1–7], отдельные события внутривнутрипартийной жизни и борьбы ПСР в эмиграции рассмотрены достаточно глубоко и всесторонне. А.Ю. Суслов в своих работах подробно останавливался на организационных и идеологических проблемах эсеровской эмиграции, исследуя, в частности, материалы Второго съезда заграничных организаций партии социалистов-революционеров 1928 г. [8] и Конференции Пражской группы эсеров в 1931 г. [9, 10].

Однако события, связанные с подготовкой и проведением Первого съезда заграничных организаций ПСР в Праге в ноябре 1923 г., не нашли достаточного отражения в исторической литературе. Связано это главным образом с тем, что протоколы Пражского съезда до недавнего времени не были опубликованы. После завершения съезда в журнале «Революционная Россия» были напечатаны только его резолюция, декларация и приветствие российским товарищам, а также обзорная статья [11. С. 26–30]. Рукописные подлинники протоколов съезда, хранящиеся в Международном институте социальной истории в Амстердаме, разбросаны по разным папкам и до сих пор подробно не каталогизированы¹. Впервые опубликованы данные протоколы были автором статьи только в 2021 г. [12], а также вошли в сборник документов «Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг.» [13].

В ряде обозначенных выше публикаций есть отдельные упоминания Пражского съезда. Ряд страниц в диссертационном исследовании М.Д. Тикеева посвящен съезду, однако он использовал лишь материалы, опубликованные в «Революционной России» [7. С. 135–138]. Пражскому съезду также посвящена статья И.В. Чубыкина, опубликованная в 2019 г. [14]. Ряд документов, опубликованных Марком Янсенем, непосредственно не относятся к съезду, но имеют важное значение при анализе обстановки, в которой он проходил [15. С. 639–733].

В настоящей статье мне бы хотелось проанализировать материалы протоколов Пражского съезда с точки зрения оценки обстановки в рядах эсеровской

эмиграции, основных конфликтных точек и попыток поиска преодоления назревавшего раскола.

Одной из главных задач, стоявших перед эсеровской эмиграцией в 1920-е гг., было организационное сплочение разбросанных по всему миру и разъединённых идеологически групп членов партии социалистов-революционеров. Эсеровские группы и отдельные члены партии находились в десятках стран всех частей света: от Южной Америки до Австралии, но основными центрами, в которых оказались лидеры партии, были Париж, Берлин, Прага. Как известно, представители левых взглядов составляли меньшинство в среде русской эмиграции первой волны, в 1920-е гг. в эмиграции активно работало всего около 200 эсеров. Если обратиться к материалам Организационного бюро Первого съезда заграничных организаций ПСР, то в них содержится записка, касающаяся расчёта взносов с каждой партийной группы исходя из количества их членов. В ней имеются данные о 9 партийных группах, общее число членов которых – 130 человек [16]². Но здесь речь идет только о тех, кто официально зарегистрировался как член партийной группы, так как, согласно решению X Совета, все члены партии должны были состоять в какой-либо партийной группе. По другим данным, к концу 1923 г. было зарегистрировано 147 человек, входивших в 12 территориальных групп, не считая Дальнего Востока [17. С. 60].

Существовали и серьезные идеологические разногласия, расколовшие партию эсеров и в конечном счете ставшие причиной утраты ею лидирующих позиций в 1917 г. Эти разногласия не только не были преодолены в результате общих трудностей эмигрантской жизни и единых задач борьбы с большевистской диктатурой, но и усилились в связи с разными оценками событий Великой русской революции и противоположным видением будущего России. К примеру, правое крыло эсеров видело это будущее как длительное существование буржуазного государства и выступало за тесное сотрудничество с кадетами. Левые центристы считали необходимым возвращение к послефевральскому режиму с усилением его демократических основ, отвергали всякую коалицию с буржуазными партиями, ссылаясь на печальный опыт Временного правительства и Сибирской Директории.

Решение задачи если не идейного, то организационного сплочения эсеров Центральный Комитет ПСР, находившийся в Советской России, возложил на созданную им Заграничную делегацию (ЗД) партии,

которая окончательно сформировалась вскоре после эмиграции в 1920 г. В.М. Чернова. ЗД ПСР действовала в следующем составе: В.М. Зензинов, И.А. Рубанович, Н.С. Русанов, В.В. Сухомлин, В.М. Чернов. По мере сил ЗД вела агитационную и издательскую деятельность, осуществляла контакты с международным социалистическим движением и связь с российскими товарищами, хотя она и была затруднена. Вот какую, в общем положительную, оценку этой деятельности давал в одном из писем А. Гоц: «№ 12–13 “Р[еволюционной] Р[оссии]” получили. Очень приветствуем переход от коротеньких газетных статей (в большинстве никчемных) к статьям полужурнального характера. Хотелось бы кроме статей, написанных иностранными т[оварищами], иметь обзоры рабочего движения по отдельным странам, составленные вами, Русановым или Сухомлиным. Очень желательно бы посвятить больше внимания вопросу о социализации не в теоретическом разрезе, а в качестве ответа на вопрос: какую сейчас конкретную программу земельной политики мы считаем нужным выдвинуть. Мы очень рады, что работа Загр[аничной] дел[егации] налаживается и что вы связываетесь со всеми крупными соц[иалистическими] пар[тиями] Зап[ада]. Очень приветствуем выступление Вас[илия] Вас[ильевича] [Сухомлина] в Цен[тральном] Ком[итете] Франц[узской] социал[истической] партии» [13. С. 244–245].

Однако деятельность ЗД вызывала у однопартийцев и довольно много нареканий. Часть из них были абсолютно справедливы: члены ЗД жили в разных европейских городах, общались между собой в основном путем переписки, изредка проводили совместные заседания и совещания, связь с Россией осуществлялась с большим трудом, соответственно, и результаты ее работы были не всегда впечатляющи. Заграничная делегация подвергалась нападкам со стороны представителей других идеологических группировок эсеров, так как фактически объединила представителей левого центра во главе с В. Черновым.

Между разными группами эсеров происходила острая полемика, выплеснувшаяся на полосы издававшихся ими журналов «Дни», «Революционная Россия», газеты «Воля России» и др. Противостояние обострялось и тем, что в эмиграции оказалась лишь партийная элита, верхушка, привыкшая опираться на своих сторонников, которых в эмиграции не было. В. Чернов в письме ЦБ ПСР в октябре 1922 г. писал: «За границей слишком много *крупных имен*, привыкших занимать ответственные и репрезентативные посты. Носители этих имен испытали на себе все проклятие отрыва от России и от живой связи с организованными русскими работниками. Они утратили право говорить за партию. Но они не могли отрешиться от привычек говорить за партию» [13. С. 335–336]. Оппоненты Чернова обвиняли в том же грехе и его самого.

Многие члены эсеровской партии, особенно рядовые члены, часто не понимали, чем вызвана такая острота полемики, считали, что надо отбросить личные амбиции лидеров и сплотить партию для решения

стоявших перед ней задач. На это нацеливали инструкции ЦК ПСР и сменившего его после арестов большинства членов ЦК в Советской России Центрального Бюро (далее ЦБ ПСР). Однако в немногочисленной эсеровской среде уже сложилось несколько группировок, испытывавшим потребность действовать самостоятельно, не считаясь с директивами, исходившими от ЦБ в России, но желающими оставаться под эгидой партии.

После поражения Кронштадтского восстания, приказавшего, что разрозненность эсеровской эмиграции делало ее неспособной к активным действиям в чрезвычайных обстоятельствах, которые могли сложиться в Советской России в любой момент, как надеялись многие эсеры-эмигранты [3. С. 57–64], большинство членов ЗД стало склоняться к мысли о необходимости собрать съезд заграничных организаций партии и на нём обсудить все наболевшие вопросы. Однако конец 1921-го и почти весь 1922 г. были заполнены кампанией против эсеровского процесса в Москве, которая в известной степени сблизила эсеровские эмигрантские группы и создала определённые предпосылки для проведения съезда [18. С. 225–232].

С осени 1922 г. подготовка съезда стала первоочередным вопросом деятельности ЗД ПСР. Важным этапом на этом пути было совещание, проведенное 10–15 декабря 1922 г. в Берлине, где тогда проживали многие видные деятели ПСР во главе с В.М. Черновым. Однако это совещание, по настоянию Виктора Михайловича, носило частный характер, и его рекомендации никого не обязывали.

В 1923 г. разногласия усилились в связи с формированием делегации ПСР на объединительный конгресс двух Социалистических Интернационалов в Гамбурге 21–25 мая, на котором должно было произойти их слияние. Заграничная делегация, согласно полученной квоте, сформировала делегацию партии, учитывая рекомендации ЦБ ПСР. В результате в состав делегации не попали некоторые представители правоцентристов и полностью отсутствовали правые эсеры. Это вызвало бурную реакцию В.М. Зензинова и В.В. Руднева, которые направили в ЗД письма протеста [19–21]. Если Зензинов был не согласен только со своим отстранением от участия в Гамбургском конгрессе и считал, что он как член ЦК ПСР должен был там присутствовать, то Руднев особенно негодовал по поводу не включения в делегацию на конгресс Авксентьева, Бунакова-Фундаминского и Керенского.

Данный конфликт стал известен ЦБ ПСР, и 26 июня 1923 г. оно направило из Москвы письмо в ЗД, в котором, ссылаясь на впечатления представителя ЦБ, присутствовавшего на Гамбургском съезде, а также по итогам присутствия на заседаниях ЗД и бесед с представителями группы Керенского и Зензинова, делало вывод об «отсутствии организованности и согласованности действий отдельных группировок и крупных партийных работников» [15. С. 722]. В качестве одной из причин сложившейся ситуации называлось полное отсутствие «хотя бы спорадических съездов для обмена суждений по вопросам согласования работы, определения основных линий и тактики дей-

ствий отдельных товарищей» [15. С. 722]. Таким образом, была поставлена задача собрать съезд зарубежных групп партии не позднее августа 1923 г.

В ответном письме [13. С. 384–385] В.М. Чернов подробно обрисовал обстановку в эсеровских группах за рубежом и высказал ряд претензий к членам ЦБ: не зная обстановки, они давали советы, нарушали правила конспирации при переписке, передавали письма для ЗД не напрямую, а через третьих лиц, что ставило ЗД в двусмысленное положение, так как ее члены последние из партийных товарищей узнавали о том, что им пишут из России.

Становилось совершенно очевидно, что после ареста членов старого ЦБ, ЦБ в новом составе не владело ситуацией в должной степени и не могло адекватно ставить задачи ЗД. Однако правые группировки имели возможность манипулировать им в своей борьбе против группы Чернова. Новое ЦБ очевидно не имело авторитета, и апеллировать к нему как истине в последней инстанции, что делалось членами ЗД ранее, становилось все труднее.

Тем не менее ЗД приступила к подготовке съезда, проведение которого предварительно было намечено на 14 ноября 1923 г. в Праге. Было избрано Оргбюро. Одним из самых активных его членов был избранный от Берлинской группы В. Гуревич: большинство рассылавшихся в местные группы материалов имели его подпись.

На одном из первых заседаний Оргбюро Осип Минор, один из инициаторов Берлинского совещания 1922 г., сделал доклад о его работе и принятых решениях. Оргбюро составило повестку дня съезда и планируемых докладчиков, которым разослало приглашения выступить на съезде. Так, о деятельности заграничных организаций ПСР намечался доклад В. Гуревича, по организационным вопросам приглашались два докладчика, так как в этих вопросах были наибольшие расхождения между лево- и правыми центристами. Точку зрения первых представлял М. Слоним, вторых – О. Минор. Докладчики подготовили тезисы, предварительно разосланные Оргбюро местным группам эсеров [22]. Состав съезда формировался из членов ЗД и выбранных на местах в ходе собраний эсеровских групп. Каждый избранный должен был приехать в Прагу с соответствующим удостоверением [23].

В ходе подготовки к съезду в октябре 1923 г. в Праге было проведено частное совещание группы партийных работников [24]. В это время в Прагу переехали Чернов и некоторые другие видные деятели партии эсеров из Берлина, была переведена редакция «Революционной России».

Открытие съезда намечалось на 14 ноября, но в связи с трудностями для ряда делегатов приехать своевременно (из-за проблем с визами запаздывали товарищи из Парижа, Варшавы и Лондона), оно было отложено на 15 ноября. К этому дню на заседании присутствовали 17 делегатов и 3 кандидата в делегаты, и Оргбюро посчитало возможным открыть съезд. Съезд открыл Виссарион Яковлевич Гуревич.

Делегаты не были уверены, стоит ли начинать работу съезда, не дожидаясь опоздавших, но потом со-

шлись на том, что терять день не стоит. Как отметил Чернов, «есть вопросы, которые без ущерба для отсутствующих товарищей могут быть разобраны сейчас» [13. С. 542]. Было решено заняться тем, что делегаты называли «вермишелью»: определением дней и часов заседаний, принятием регламента, за исключением тех его пунктов, которые могли вызвать споры.

Заседание съезда 16 ноября было начато в полном составе. Присутствовали 27 делегатов. В начале каждого заседания делегаты расписывались на явочном листе. Судя по имеющимся в протоколах явочным листам, пропусков заседаний фактически не было. Это свидетельствует о заинтересованности участников съезда в его работе, желании добиться позитивных результатов.

В целом в работе съезда приняли участие 30 человек, не считая нескольких технических секретарей. Мандатная комиссия из 6 человек (Н.Д. Авксентьев, О.С. Минор, В.В. Руднев, В.М. Чернов, Ф.Е. Махин и В.Я. Гуревич), заседавшая 17 ноября, утвердила 20 мандатов делегатов от партийных групп с решающим голосом: от Пражской – Е.Е. Лазарев, Ф.Е. Махин, Л.В. Россель, В.Г. Архангельский, П.Д. Климушкин и В.О. Пшиходский; от Берлинской – А.И. Гуревич, О.Е. Колбасина, Г.И. Шрейдер, В.М. Чернов, В.М. Зензинов; от Парижской – А.Ф. Керенский, А.И. Гуковский, Е.Ф. Роговский, О.С. Минор, М.Л. Слоним и Е.А. Сталинский; от Двинской – С.П. Постников и В.И. Лебедев; от Лондонской – Н.В. Макеев. Кроме того, были утверждены мандаты с совещательными голосами: докладчиков (Н.Д. Авксентьева, В.В. Руднева, М.В. Вишняк), В.В. Сухомлина как члена ЗД, С. Верещака и А. Сизова от Пражской группы содействия, Б.Н. Рабиновича как члена Оргбюро, С.Н. Николаева с неутвержденным мандатом от Нью-Йоркской группы и еще двух делегатов от Варшавы с неутвержденными мандатами [11. С. 27].

Атмосфера заседаний все дни была довольно напряженной, взаимоотношения многих делегатов обостренные. Уже на втором заседании при обсуждении пунктов наказа съезду (т.е. порядка ведения, регламента) сразу обнаружились разногласия делегатов по ряду организационных вопросов: в частности, дискуссии вызвал пункт 8, запрещающий разглашение любой информации, обсуждаемой на съезде.

Например, П. Климушкин отметил, что может возникнуть «необходимость отдельным членам съезда поговорить о съезде с близкими лицами, не принадлежащими к составу съезда, а с другой стороны, возможность в случае принятия этого пункта распространения ложных, уродливых слухов о работе съезда среди публики, интересующейся съездом, бороться против которых члены съезда, связанные таким императив[ным] постановлением, будут бессильны» [13. С. 545–546].

Н. Авксентьев согласился, что, несмотря на то, что место проведения съезда эсеры вынуждены были держать в секрете, «результаты съезда и дебаты... сокрытию ни в коем случае не подлежат; все это должно быть опубликовано, и все это будет потом обсуждаться и в печати, и в открытых собраниях» [13.

С. 546], хотя бы потому, что все делегаты должны будут отчитаться о своей работе перед соратниками.

Другие члены съезда также высказывались против данного пункта, так как излишняя конспирация порождает слухи и кривотолки, которые могут только навредить. Например, в «Последних Новостях» П.Н. Милюкова уже появилась статья с информацией о съезде эсеров и комментариями о том, что в Прагу «приехали парижане и будут скандалить» [13. С. 546]. Речь шла о передовице «Раскол или домашние счеты» [25. С. 1], опубликованной 16 ноября, в которой анализировались разногласия в эсеровской среде и делались прогнозы возможного раскола на съезде: «Пойдет ли так называемое “правое крыло” партии, группа “Современных записок”, в Каноссу или найдет соответствующую своей сущности форму независимого политического существования. Напомним, что ереси “правого крыла”, состоящие в их сближении с общедемократической точкой зрения, подлежат на этом съезде безусловному осуждению, ибо таково требование, выставленное социал-демократами для введения с.р. в лоно гамбургского интернационала» [25. С. 1]. Таким образом, большинство участников съезда склонялись к мысли, что разумная гласность – лучший способ пресечь кривотолки.

В результате все присутствующие согласились, принять поправку В. Чернова и сохранить данный пункт в следующей редакции: «Оглашения решений съезда и особенно сведений о его работе происходят в порядке, который будет установлен съездом» [13. С. 548].

Еще один вопрос, вызвавший бурную дискуссию: о возможности членам ЗД иметь на съезде не только индивидуальные голоса, но и один дополнительный голос как организации. Наличие даже одного лишнего голоса у ЗД вызвало резкие возражения со стороны правых. Например, Е. Лазарев высказал мнение, что «предоставление ЗД права решающего голоса было бы целесообразно, если бы речь шла об изолированном коллективе, но в данном случае все наличные члены ЗД уже пользуются голосом, как делегаты групп. Тут получается какая-то двойная бухгалтерия» [13. С. 551]. Представитель ЗД Е. Сталинский возражал: «Аргументы, кот[орые] приводились здесь за лишение ЗД. права голоса, мне непонятны. В чем неудобство для съезда, если члены делегации будут голосовать сначала отдельно, как делегаты а потом все вместе как учреждение?.. Делегаты, хотя бы и члены ЗД. голосуют как делегаты, они осуществляют право группы, в другом случае – право организации» [13. С. 552–553].

Однако прения прекратились после данной по просьбе Чернова справки о том, что вопрос о предоставлении ЗД одного решающего голоса обсуждался в группах заранее, затем окончательное решение было принято Оргбюро, о данном постановлении Оргбюро все группы были проинформированы и никаких возражений от них не поступило. Отдельный решающий голос ЗД был оставлен.

Два последующих дня заседаний (18 и 19 ноября) были самыми насыщенными.

После открытия заседания 18 ноября первым был заслушан доклад Ф. Махина о связях ЗД и эмигрантских групп с эсеровскими центрами и организациями в Советском Союзе. На время доклада заседание было объявлено закрытым и посторонних удалили. С дополнениями к докладу Махина выступил Россель. Текстов доклада Махина и выступления Росселя в протоколах съезда нет, так как их информация признавалась секретной.

Затем планировалось перейти к основным докладам, однако этому предшествовал небольшой скандал между М. Вишняком и М. Слонимом, представлявшими противоположные идеологические группировки.

М. Слоним выступил с внеочередным заявлением о крайне тенденциозной заметке о съезде, появившейся газете в «Чешское Слово» от 17 ноября. Его выступление прокомментировал с места М. Вишняк, произнес слова «это возмутительная передержка» (т.е. недобросовестное изложение смысла заметки). Вслед за этим последовало довольно длительное разбирательство, в которое включился целый ряд участников. В. Лебедев просил президиум оградить ораторов от оскорблений; сам М. Слоним подал письменное заявление в президиум и покинул собрание; О. Минор от имени президиума заявил, что оскорбительные слова до их слуха не дошли; высказывались Макеев, Руднев, Сталинский... В конце концов, было принято предложение Чернова признать слова Вишняка недопустимыми, призвать его к порядку и считать инцидент исчерпанным. Относительно самой заметки в «Чешском Слове» было решено обратиться в редакцию и потребовать опровержения [13. С. 562].

После этого были заслушаны четыре основных доклада, так или иначе посвященные главной проблеме обсуждения съезда: организационным началам деятельности Заграничной организации (ЗО) ПСР и необходимости создания нового руководящего органа за границей – Заграничного Областного Комитета (ОК).

Первым выступал В. Гуревич. В предварительно представленных тезисах, посвященных общему плану деятельности ЗО, он настаивал, прежде всего, на признании «вспомогательного, подчиненного отношения заграничной организации в отношении российской, как непосредственно воспринимающей российскую действительность, связанной с ней почвой и ведущей активную борьбу» [13. С. 524]. Таким образом, объединенная ЗО эсеров должна работать исключительно «партийными методами в тесном взаимодействии с руководящими центрами партии в России» [13. С. 525], быть ответственной перед нею и направлять «свою главную энергию на воссоздание и обслуживание российской организации по определенному, широко задуманному и энергично проводимому плану» [13. С. 525].

Залогом успеха данной деятельности Гуревич считал строгую дисциплину, поэтому он сформулировал ряд требований для членов ЗО ПСР, а именно: обязательность всю свою общественно-политическую работу проводить под контролем и согласно директивам ЗО, которые вырабатываются на демократической

основе при участии большинства; недопустимость участия в каких-либо других организациях, политических или ведущих общественно-политическую работу, в том числе в персональных объединениях без ведома и согласия правомочных партийных органов; недопустимость для отдельных партийцев или отдельных групп заключения каких-либо сепаратных политических соглашений с группами и лицами, не принадлежащими к партии опять же без ведома правомочных партийных органов; недопустимость какого-либо содействия учреждениям и организациям, даже не политического характера, действующим во вред партийным начинаниям и конкурирующим с последними; обязательность подчинения меньшинства постановлениям большинства.

Остановился и он на личных мотивах, мешавших членам партии объединиться для эффективной партийной работы. В связи с этим важным он считал и «устранение атмосферы взаимного недоверия и подозрительности среди Членов партии, примыкающим к разным группировкам... забвение прежних конфликтов, утративших реальное значение, общее доверие к органам, руководящим заграничной работой» [13. С. 527]. При этом он, разумеется, подчеркивал, что никакие разногласия не должны стать причиной раскола партии – это было бы недопустимо и преступно.

Говоря об конкретных функциях ОК, Гуревич явно отстаивал позиции Черновского левого центра и подчеркивал административную приоритетность ЗД над ОК. Например, в вопросе организации регулярной связи с Россией «Делегации, во всяком случае, должно быть предоставлено право надзора за правильностью постановки дела, а равно право на полное осведомление о том, какая именно помощь и в какой форме оказывается Загр[аничным] Обл[астным] Ком[итетом] России» [13. С. 530].

Также, говоря о разграничении полномочий ЗД и ОК в сфере контактов с иностранными социалистами, он подчеркнул, что последние должны происходить «не только под общим контролем З.Д., но и под ее непосредственным руководством. Весьма желательна выработка З.Д. особой инструкции заграничной организации в этой сфере. Одним из положений этой инструкции должно быть исключение из полномочий Облкома права сношений с рабочим социалистическим интернационалом и представительство ПСР на конгрессе последнего, а равно на Съездах отдельных иностранных социалистических партий без особого уполномочия на то от Центральных органов партии или заграничного его представительства. Последнему должно принадлежать также право возложения на Областной Заграничный Комитет или отдельные организации тех или других поручений по Представительству партии на основе определенных директив и руководств коими для них обязательно» [13. С. 532–533].

Поскольку тезисы докладов были разосланы в эсеровские группы заранее, выступавшие в прениях были знакомы с точкой зрения докладчика и неплохо подготовились к тому, чтобы её поддержать или опровергнуть. В частности, в тезисах Гуревича многие делегаты увидели атаку на их персональные свободы, желание

установить партийную диктатуру, «партийное ЧК», «тащить и не пущать»... В связи с этим само выступление Гуревича на съезде было более мягким, он пытался сгладить неприятное впечатление от собственных тезисов, больше говорил о необходимости консолидации и объединения сил, губительности внутрипартийных склоков и т.п.: «Если не придти к решению консолидировать наши силы, если не придти к решению, наконец, собрать воедино разрозненные группы, то это будет удар по партии, взрыв ее. Да, я признаю, что раскол будет тяжелым ударом, но все-таки лучше, чем вечная грызня» [13. С. 564].

В качестве примера губительных последствий автономных группировок, которые, однако, продолжали действовать под эгидой партии, Гуревич привел безответственные действия Межпартийной организации, за которые, по его словам, пришлось расплачиваться товарищам на московском эсеровском процессе. Такое обвинение вызвало протесты и возражения с мест.

Также, с его точки зрения, в изменившихся политических условиях, при очевидном укреплении позиций Советской власти необходима была корректировка целей и методов партийной работы. Большой упор следовало делать на агитацию, работе с беженской массой, населением лимитроф и т.п. «Идет речь не об отказе от борьбы; вопрос о целесообразности методов уже изжитых. Мы пережили период активной борьбы с большевиками. Мы, пережив похмелье... не должны оставлять место иллюзиям и рассчитывать на акции набега на Россию, вроде Савинкова. С другой стороны, не основательны иллюзии о возможности новой революции в России в ближайший период, свержения большевиков и укрепления демократической власти» [13. С. 571].

В качестве резюме Гуревич еще раз повторил, что согласованная работа возможна только при наличии общей договоренности и соблюдении единых правил партийной дисциплины, не допускающих самочинные выступления и автономной политики отдельных местных групп, а ОК пытался бы присвоить функции Центрального Бюро партии.

Следующим делал доклад Вадим Руднев, выразивший несколько иную точку зрения. Первое, что он подчеркнул, дабы сразу расставить все точки над *i*, то «что работа партии ведется гл[авным] обр[азом] в России, а здесь за границей – для России» [13. С. 574]. Однако защита интересов партии в России отнюдь не подразумевала, с его точки зрения, исполнения директив в отношении заграничной работы эсеров, поступающих из России, в частности, директив Ц.К. «У нас нет Ц.К., – констатировал Руднев, – несколько лет он жил в условиях, которые не давали ему возможности работать нормально, руководить фактически жизнью партии» [13. С. 574]. Руководящая роль Центрального Бюро также не бесспорна, так как «советский режим сделал невозможным выявление общественного мнения партии в целом и до чрезвычайности затруднил отношения и взаимную осведомленность заграничной и российской частей партии» [13. С. 534].

Наделение VIII Советом партии весной 1918 г. избранного на IV Съезде ЦК «диктаторскими» полно-

мочиями было обусловлено политической обстановкой того времени. Однако стремление сохранять исключительные полномочия партийных центров, «чья правопреемственность, авторитетность личного состава, а иногда самое существование может при данных условиях приниматься лишь на веру» [13. С. 535] привело бы лишь к расцвету бюрократизма, окончательно мертвящего «и без того достаточно вялую зарубежную партийную жизнь» [13. С. 535]. Собственно этим В. Руднев и объяснял не очень впечатляющие результаты работы ЗД, поскольку она вела ее постоянно вечно ссылаясь на Москву, ожидая указаний оттуда и не проявляя необходимой инициативы. «И вот результаты – З.Д. бесплодна, парт[ийная] жизнь парализована, товарищ[еские] отношения невозможны» [13. С. 575].

Марк Слоним, представлявший левый центр, как и Гуревич, отстаивал идею о том, что неограниченная личная и групповая свобода ведет к анархии и «партизанщине» и не может быть совместима с партийным единством. «Мой тезис – единство в пределах дисциплины» [13. С. 581]. В качестве негативного примера он привел конфликт вокруг Исполнительной комиссии Учредительного собрания, члены которой открыто не подчинились решениям руководства партии в России, что, с его точки зрения, было недопустимо: «Ради партийного единства нужно было отказаться от автономии действия и подчиниться директивам ЦК» [13. С. 580].

Что касается основных принципов работы ОК, М. Слоним сформулировал их следующим образом: «1. Заграничный Областной Комитет, избранный на общих партийных основаниях, является исполнительным органом заграничных организаций. 2. Работа Заграничного Областного Комитета протекает на основах организационного Устава и действующих постановлений Съездов и Советов партии, а также и указаний руководящих органов. В целях установления тесного контакта между заграничной делегацией и заграничным Областным Комитетом, Председатель З.Д. присутствует на заседаниях Заграничного Областного Комитета, с правом совещательного голоса принимает участие в заседаниях З.Д.» [13. С. 523].

Солидарно с В. Гуревичем, он заключил, что успешная работа ОК возможна только при наличии партийной дисциплины и внятно выстроенной системы соподчинения, центральным звеном в которой остаются руководящие органы в России.

Последний из основных докладчиков, Осип Минор, в общем согласился в том, что работа ОК, как и всей заграничной организации, должна строиться на общепартийных основаниях, установленных съездами и советами партии, и должна подчиняться директивам из центра. Однако «специальные условия жизни за границей... сложные требования жизни, ставят Заграничную организацию в настолько специфические условия деятельности, требующие признания за ними автономии, наподобие Закавказской, Дальневосточной или Западно-Сибирской Партийных организаций» [13. С. 521–522].

Прения по докладам, в которых приняла участие значительная часть делегатов, начались 19 ноября и давали возможность не только высказаться непосредственно по заявленным вопросам, но и выплеснуть накопившееся взаимное недовольство и прояснить старые личные обиды.

Как писала позднее «Революционная Россия»: «И в докладах, и в прениях явственно наметились 2 тенденции, отвечающие в значительной степени тому делению, которое за последние годы наметилось среди заграничных эсеров... Это деление на “правых” и “левых” или “партийцев” и сторонников внепартийных методов работы определилось на съезде чрезвычайно отчетливо, хотя и каждая из этих двух групп была сама по себе не вполне однородной» [11. С. 27].

Любопытная деталь: по предложению Н. Авксентьева Съезд принял такой регламент: докладчику час, а выступающим в прениях до 40 минут (!). Уже такой регламент предполагал острые дискуссии, суть которых отлично характеризует стилистически корявое, но весьма эмоциональное высказывание «правого» М. Вишняка: «Всем духом своим я протестую против того духа, каким веет от доклада Гуревича» [13. С. 590].

Первым выступал А.И. Гуковский, довольно резко раскритиковавший доклад Гуревича и негодовавший, что последний взял смелость говорить с позиции руководства, коим он не являлся. Гуковский констатировал, что партия в России находится в состоянии анабиоза. И здесь, за границей, было бы неверно делать акцент исключительно на партийной работе. «В чем эта работа может заключаться здесь – за границей? Это – диспуты, собрания, издательства. Но если завтра созвать собрание для обсуждения хотя бы вопроса о тактике. Я не знаю, как здесь, а в Праге, но в других заграничных центрах на такое собрание пришло бы 10–15 человек. Да и кто придет – скандалисты, противники...» [13. С. 583]. Чем же он предлагал в качестве новых методов? «Надо ставить задачи возможные, осуществимые, надо обратить внимание на ту внепартийную работу, которая дает уже результаты, это – существующие издательства и обществ[енная] работа» [13. С. 583].

Гуковский опять заострил вопрос, который уже возникал на вечернем заседании 17 ноября, и снова поднимался в докладе В. Руднев: о правомерности исключения из партии С. Маслова и А. Аргунова, лидеров недавно созданной ими независимой группы «Крестьянская Россия». Возражения вызвал даже не сам факт их исключения, сколько кулуарность и непрозрачность процедуры. Фактически это было обвинение в адрес В. Чернова в том, что он исключил товарищей из партии своей единоличной волей, не проводя партийного расследования, не соблюдая никаких формальных процедур. Случай с Аргуновым и Масловым приводился как пример наметившейся негативной тенденции. «Целый ряд лиц поставили вне партии, в частности, тов. Аргунова исключили автоматически... Это автомат[ическое] исключение означает исключение без суда и следствия, без соблюдения элемент[арных] форм всякого судопроизводства.

Этот пример – результат попыток подчинения насильно создаваемому уставу» [13. С. 585], – говорил Гуковский.

Другие товарищи, например С.П. Постников, возражали, что исключение вышеназванных лиц абсолютно правомерно, и придирается к процедуре не следует: «Книга Маслова и его фельетоны всем известны, и разве этого мало для объяснений о его исключении? То же и Аргунов. Наконец, оба они являются организаторами самостоятельной политическо[й] группы – может быть и этого еще мало?» [13. С. 586–587].

Чернов исключения комментировать не стал, так как в ходе дискуссии 17 числа он свое мнение высказал [26]. Сергей Маслов был исключен по постановлению ЦБ [13. С. 247], поводом к которому стали его публикации в «Последних Новостях» в конце 2021 г. [27–29]. Правые пытались перевести проблему в этическую плоскость и требовали ответа, считал ли Чернов действия Маслова достаточными для исключения, и не пыталась ли ЗД возражать? Чернов же дал понять, что если бы у ЗД были сомнения, она бы действовала иначе.

Из других ораторов от «правого» лагеря можно отметить Н.Д. Авксентьева и А.Ф. Керенского.

Н. Авксентьев начал с того, что не хочет никого обвинять, однако тут же перешел к обвинениям. Он припомнил заявление в «Революционной России» по поводу него и И.И. Бунакова-Фондаминского, «когда Центр[альный] орган партии декларирует: “мы друг для друга варвары”. Как называется такое отношение к человеческому достоинству личности? ...А как должно повлиять на товарищей в России указание на «людей, стоящих одной ногой в партии?»» [13. С. 602]. Вспомнил он и конфликт вокруг формирования делегации на Гамбургский конгресс социалистического рабочего интернационала. «Всё это создаёт атмосферу невозможных личных отношений, атмосферу, которую необходимо как-то разрядить для создания партийной свободы слова и тех возможностей, о которых здесь говорили» [13. С. 602], заключил Н. Авксентьев.

Как и все выступающие, он считал абсолютно необходимым создание ОК, так как, по его словам, на том момент за границей не существовало демократически избранного органа, который имеет право представлять партию эсеров. В ОК «как в фокусе должны собираться все оттенки мнений, он должен быть центром, где может достигаться единство, он должен сглаживать острые углы, считаясь с новой психологией» [13. С. 602]. Разумеется, предполагалось, что ЗД от руководящей роли должна отказаться: «ЗД должна понять свой партийный долг и самоограничиться представительством в Интернационале» [13. С. 602].

Что касается обвинений Н. Авксентьева в адрес ЗД, здесь не следует забывать известного крайне ревностного его отношения к В. Чернову и желания любой ценой отодвинуть его от руководства партией и принятия решений. На самом деле, политическая линия, которой придерживался основной состав ЗД и Чернов лично, совпадала с интересами той части товарищей, которые остались в России, и с решениями

ЦК партии. Вот что, в частности, было сказано в письме из ЦК в адрес ЗД, резко осуждавшем участия членов партии в Съезде членов Учредительного собрания в Париже и их вхождение в Исполнительный комитет Съезда: «Для членов партии, политическая деятельность которых протекает вне общественного русла, склонных создавать для себя «тактическую автономию», злоупотребляющих «свободой публичных выступлений», мыслятся два выхода: или добровольный уход из Партии или исключение из ее рядов. И Заграничная делегация Партии, несущая ответственность за представительство Партии за границей при ликвидации вопиющего организационного хаоса в заграничных партийных рядах, не должна останавливаться и перед применением последнего средства» [13. С. 156].

ЗД получила недвусмысленные указания ЦК, о том, что «должна быть... подвергнута рассмотрению, оценке и соответственной квалификации политическая деятельность следующих лиц: С. Иванова, Ю. Делевского, В.С. Гоц, Н.Д. Авксентьева, И.И. Бунакова, тем более что ЦК в силу упомянутых постановлений IX Совета партии и ЦК считает указанных лиц выбывшими из состава партии» [13. С. 157]. При этом ЗД действительно сделала все возможное, чтобы в отношении Авксентьева и Бунакова вопрос сгладить и не доводить дело до исключения, хотя ЦК настаивал, что подтверждает письмо ЦК ПСР – В.М. Зензинову от 11 апреля 1921 г.: «Опубликовано ли в «В[оле] Р[оссии]» постановление ЦК об исключении из партии Авксентьева, Делевского, Гоц и Иванова?» [30] и т.п.

Выступление А.Ф. Керенского в еще большей степени свелось к выяснению отношений с Черновым.

Взявший слово незадолго до Керенского Е.Е. Лазарев охарактеризовал эсеровскую среду как находящуюся в «атмосфере сумасшедшего дома» и переполненную утопизмом и максимализмом и всячески пытался призвать к забвению старых счетов: «Мы... прежде чем строить Центр[альную] организацию должны дать друг другу амнистию, раз и навсегда забыть прошлое, забыть, кто где был за это время и что делал» [13. С. 597].

Керенский счел необходимым еще раз прояснить свою роль в революционных событиях 1917 г. и заявил: «лично я в амнистии не нуждаюсь и за каждый свой шаг отвечаю полностью, без всяких снисхождений» [13. С. 603]. Далее он говорил о важности работы Административного Центра, о том как «единодушным постановлением была создана Внепартийная Организация, когда мы единодушно за исключением одного утвердили работу, это была не диктатура, это было общее решение» [13. С. 604] (в рукописи стенограммы на полях слева от этих слов секретарь поставил большой знак вопроса), отметал обвинения, связанные со скандалом вокруг газеты «Дни» (речь шла о письме московских товарищей по поводу денег, которые они передали на нужды партии, и которые вместо этого попали в редакцию газеты «Дни»). Выступление было весьма эмоциональным, однако мало соотносилось с конкретными задачами съезда.

Позиции левых защищали Е.А. Сталинский, Г.И. Шрейдер, В.М. Чернов и другие.

Г.И. Шрейдер считал неприемлемым предложение В. Руднева активнее работать в общественных организациях, руководствуясь при этом, главным образом, интересами данной организации, а не партии. По вопросу о партийной дисциплине он был категоричен: «Мне с первых лет моей революционной работы приходилось вести её за свой страх и риск, и жизнь за границей в течение многих лет меня убеждала и убеждала, что нам, прежде всего, нужна дисциплина... Партия в России существует, это можно удостоверить документально. Чтобы не мешать её работе, мы обязаны подчиниться общей линии партии» [13. С. 593].

Пожалуй, самым жестким было выступление Е. Сталинского. Он полагал, что всеми, кто отрицает партийную дисциплину, руководит лишь желание отстоять свое право вести общественную и политическую работу как им заблагорассудится и на чуждых партии идеологических основаниях. Когда Руднев указывает на «отсутствие твердого идеологического стержня» у ЦК – это означает лишь то, что он – противник данной идеологии. «Ваша идеология началась тогда, когда за границей была получена резолюция IX Совета партии о борьбе с белым движением. Вы тогда откровенно заявили, что по совести не можете подчиниться ей» [13. С. 589]. Сталинский полагал, что тезис правых о том, что здесь в эмиграции эсеры работают для России, был лишь демагогией. «Если бы выпустили из тюрьмы Ц.К., вы бы и его не признали» [13. С. 588], так как по идеологическим мотивам давно игнорировали его директивы. Этот идеологический спор, с его точки зрения, был начат еще в Париже на совещании бывших членов Всероссийского Учредительного Собрания, и там правые выражались гораздо резче и определеннее, проводили «похороны» партии, то есть делали то же, что и большевики, причём использовали аналогичную аргументацию.

Таким образом, разногласия в позициях правых и левых были высказаны, однако стороны пока еще были готовы к диалогу по поводу основного вопроса, стоявшего на повестке дня: окончательного определения организационных принципов работы Заграничной организации и Областного комитета заграничных организаций партии социалистов-революционеров. Для этого на заседании 20-го ноября была избрана специальная комиссия в составе Н.Д. Авксентьева, В.Я. Гуревича, В.И. Лебедева, О.С. Минора, Е.Ф. Роговского и В.М. Чернова, которая должна была разработать проект резолюции по данным вопросам.

21, 22 и 23 ноября были посвящены частным совещаниям и работе комиссий. Вечером 23-го ноября на пленарном заседании после заслушивания доклада В.В. Сухомлина о деятельности Интернационала, текст резолюции был представлен. Самому тщательному обсуждению подвергся пункт о 8-й, касающийся разграничения функций и взаимоотношений между ЗД и ЗОК. Но в результате вся резолюция подавляющим большинством голосов была принята по пунктам, а затем единогласно в целом.

Итак, резолюция информировала о создании Заграничной областной организации, пределы которой пока очерчивались территорией Европы (вопрос о партийных группах и группах содействия в Нью-Йорке, Шанхае, Харбине и других городах передается для разрешения ОК по соглашению с ЗД и местными товарищами). Всем членам партии, пребывавшим за границей, предлагалось вступить в партийные организации за границей или же зарегистрироваться в ОК. С момента создания ЗО всякие сепаратные выступления отдельных групп или их членов от имени партии или ее местных учреждений и организаций, а также соглашения с иными партийными группировками запрещались. Отношения между ОК и ЗД были определены «с одной стороны на принципе размежевания компетенций с ЗД партии, с другой стороны же на принципе взаимного делового сотрудничества в областях компетенции обоих учреждений» [11. С. 30].

В компетенцию ОК вошло непосредственное руководство всей партийной работой за границей, общее представительство ЗО и политические выступления от ее имени в пределах своей компетенции. Предполагалось, что пользуясь в пределах своей компетенции полной автономией, ОК будет работать в полном контакте с ЗД, осуществляемом путем делегирования каждым из этих учреждений представителей с совещательным голосом в состав другого. «Взаимные отношения ЗД и ЗОК в пределах компетенции последнего мыслятся по типу взаимоотношений между русскими обл. Комитетами и так называемыми уполномоченными ЦК» [11. С. 30].

Затем Съезд перешел к последнему пункту своей повестки – к выборам состава ОК, который должен был быть избран на срок до следующего съезда. В его состав были избраны в качестве членов О.С. Минор, И.П. Нестеров, В.И. Лебедев, Ф.Е. Махин, В.Я. Гуревич, кандидатами – С.Н. Николаев, Б.И. Рабинович, В.А. Ригана, Л.В. Россель. На Николаева и Росселя были возложены секретарские обязанности. В.В. Сухомлин был утверждён представителем ПСР в Бюро Исполкома Рабочего социалистического интернационала.

Был подготовлен проект Декларации Съезда, носившей весьма общий характер. В ней давалась общая оценка экономического и политического положения в Советской России после 6 лет господства коммунистического режима и среди прочего констатировалось, что отказ от «прямолинейного» коммунизма и новая экономическая политика в условиях деспотического режима дали лишь обманчивую видимость кратковременного улучшения и ни на шаг не подвинули дело возрождения разрушенного народного хозяйства. «Никаким большевистским репрессиям не удалось вырвать из русской почвы партию С.-Р., которая жива в умах и сердцах миллионов трудящихся. Никакие съезды бывших С.-Р., фабрикуемые при содействии ГПУ, не могут убедить рабочих и крестьян, что партия С.-Р. не существует» [11. С. 29], – говорилось в Декларации.

Основной задачей партии эсеров в России виделись организация и сплочение трудовых масс города и деревни и передовой интеллигенцией для выявления нарождающихся в народе стремлений к свободе, демократическому строю и социальной справедливости, чтобы стать их опорой в борьбе за политическое и экономическое раскрепощение страны.

«Глубоко убежденный в творческих силах русского народа, в неизбежности близкого его возрождения» [11. С. 29], Первый съезд 30 партий эсеров видел залог торжества демократии в тройственном союзе крестьянства, пролетариата и интеллигенции. Декларация завершалась словами: «Не демагогическими обещаниями немедленного осуществления социализма, на практике вырождающимися в полицейское самовластие, а упорной и длительной работой по укреплению демократической государственности в России, организацией и просвещением трудящихся можно приблизить торжество идеала демократического социализма» [11. С. 29–30].

Таким образом, материалы пражского съезда 1923 г. представляют несомненную ценность как исторический источник, расширяющий наши представления о взаимоотношениях внутри эсеровской эмиграции, особенностях партстроительства и механизмов принятия определенных организационных решений. Стенограммы съезда – «живой голос» эсеров-эмигрантов, дают дополнительные возможности системного анализа идейно-политических конфликтов и расширяют наше представление о психологических взаимоотношениях участников, деталях их идейных споров, подтверждают тезис о непримиримости и конфликтности, практически не оставляющих возможности компромиссных решений.

Пражский съезд зарубежных организаций фактически стал последним крупным мероприятием, на котором еще был возможен конструктивный диалог представителей разных течений ПСР. Съезд создал определенные предпосылки для временного организационного единства эсеровской эмиграции, но так и не сумел преодолеть идейные расхождения в рядах партии и личные антипатии ее лидеров, которые лишь усиливались впоследствии.

Здесь можно поспорить с выводами Д.А. Местковского, который полагает, что создание ОК на Пражском съезде стало практической реализацией в партийном строительстве теоретических разработок В. Чернова в рамках концепции демократического социализма [2. С. 46]. Ситуация была такова, что даже со стороны Чернова речь вряд ли шла о воплощении собственных теорий в жизнь. Скорее это была последняя попытка предотвратить раскол и, даже ценой относительной утраты влияния ЗД, попытаться «склеить» разрозненные части партии.

Каковы же были причины, как относительной неудачи Пражского съезда, так и невозможности сплочения эсеров в эмиграции в целом?

С одной стороны, следует отметить известные специфические проблемы партии эсеров. Рыхлость, аморфность, отсутствие четкой структуры и представ-

ительство разных идейных течений от народников до анархистов были присущи этой партии практически с момента ее образования [31. С. 29–30]. Плурализм мнений, свободные дискуссии и неприятие догматизма отличали партию и в дальнейшем. С 1910 г. партия пережила долгий период организационного кризиса, что позволило К. Морозову определить этот этап существования ПСР как трансформацию от массовой нелегальной партии (1906–1909 гг.) к атомизированной эсеровской среде с тенденциями к интеграции [32. С. 26]. В этом состоянии эсеры и встретили Февральскую революцию, которое очень образно охарактеризовал В. Чернов: «Партия еще три месяца тому назад находилась в совершенно скелетообразном состоянии – она существовала как организационное целое в виде сети немногих нелегальных групп, не имевших даже правильного, общепризнанного организационного центра. Все остальное, идейно принадлежащее к партии, представляло собою либо аморфную периферию, незаметными переходами сливающуюся с колеблющейся и неоформленной массой сочувствующих, либо такую же организационно аморфную, хотя и резко ограниченную от окружающего мира массу ссыльных, заключенных и поднадзорных» [33. С. 5].

Несмотря на стремительное и очень успешное возрождение партии с марта 1917 г., значительные идейные расхождения, обозначившиеся с началом Первой мировой войны, никуда не исчезли. Несмотря на то, что в годы революции и Гражданской войны еще удавалось сохранять единую линию, как отмечал в своей работе К.Н. Морозов, «эсеры заговорили на разных языках и мыслили уже по-разному» [34. С. 410]. Интересной представляется мысль К.Н. Морозова о том, что если бы партия эсеров имела возможность легальной деятельности в России после 17-го г., она в любом случае распалась бы минимум на две новые партии: реформистскую социалистическую из эсеровских правых, которая бы пропагандировала приоритет национальных идей над классовыми, и вторую – классическую социалистическую из левоцентристов и центристов, которая бы защищала интересы трудящихся, опираясь на профсоюзы и укрепляя свои позиции среди пролетариата и крестьянства.

Таким образом, окончательный идеологический раскол в эмиграции был неминуем.

С другой стороны, были причины и психологического характера. Сама по себе эмиграция не была для эсеров столь травматичной, как для большинства беженской массы первой волны, вырванного ураганом революции из привычной культурной среды – многие из них годами жили и работали за границей. Они переживали травму иного рода – то событие, которого они ждали многие годы, с которым связывали все свои надежды и чаяния о прогрессе и процветании Родины – революция, обернулось катастрофой как для страны, так и для них лично. Если какое-то время можно было надеяться на быстрое падение большевистской диктатуры, и большая часть русской эмиграции верила в это, то со временем укрепление позиций советской власти, в том числе на международной

арене, явственно демонстрировало несостоятельность подобных ожиданий. Возможности реального влияния на события в России, особенно после процесса 1922 г., становились все более эфемерными, и для части эсеров встал вопрос о целесообразности продолжения их политической деятельности.

Итак, русские социалисты-революционеры вынужденно погружались в омут внутриэмигрантских интриг и дрызг, остро переживая свое политическое одиночество. Это чувство изолированности еще больше усилило внутренние идейные противоречия и личные конфликты.

Сами деятели эсеровской эмиграции сознавали тот печальный факт, что у каждого из них были свои цели и видение политической борьбы за свободную Россию, но пытались сохранить на том этапе если не реальное единство, то хотя бы его видимость. Впрочем, утопичность этой затеи отчетливо проступает на страницах протокола заседаний съезда 1923 г.

Постепенно происходил окончательный распад эсеровской эмиграции на несколько враждовавших

между собой группировок. Каждая имела свой печатный орган, который основное внимание уделял полемике с другими эсеровскими группами, способствуя тем самым не сплочению, а дальнейшему разъединению. Вместо того чтобы решать программные, идеологические, организационные вопросы, они вели между собой ожесточенную борьбу.

Несмотря на то, что партия эсеров пыталась вписаться в спектр социал-демократических политических партий стран пребывания, при отсутствии гражданства и ограниченности иных ресурсов, сделать это было крайне сложно. Деятельность партии в эмиграции свелась к внутрипартийным распрям, что отталкивало молодое поколение эмигрантов, стремившихся к активным практическим действиям. Это отличало партии демократического социализма от националистических, праворадикальных и фашистских организаций в 1930-е гг., влияние и популярность которых среди молодежи были значительны. Ряды партии социалистов-революционеров таяли и, в конце концов, российское эсеровское движение прекратило существование.

Примечания

¹ Оцифрованные копии протоколов Первого съезда заграничных организаций партии социалистов-революционеров представлены в открытом доступе в Каталоге Международного института социальной истории (International Institute of Social History (IISH) в разделе «Архив партии социалистов-революционеров» (Socialistov-Revolutionerov (Rossija) Archives). Микрофильмированные копии данного архива также переданы в РГАСПИ и составляют Фонд 673.

² Точные данные по группам: Пражская – 30 чел., Парижская – 25 чел., Лондонская – 5 чел., Нью-Йоркская – 20 чел., Козенская – 5 чел., Берлинская – 27 чел., Варшавская – 3 чел., Виленская – нет данных, Двинская – 10 человек, Эстонская – 5 человек [16].

Список источников

1. Сафонов И.А. Социалисты-революционеры в эмиграции // *Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия*. М., 2009. С. 90–117.
2. Местковский Д.А. Партия социалистов-революционеров в эмиграции в 1920-х годах. Пути возрождения организации: централизм или демократизм // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1 (21). С. 44–55.
3. Новиков А.П. Эсеровские лидеры и Кронштадтский мятеж 1921 года // *Отечественная история*. 2007. № 4. С. 57–64.
4. Новиков А.П. В.М. Чернов и эсеровская эмиграция в начале 1920-х гг. // *Новый исторический вестник*. 2009. № 19. С. 118–127.
5. White E. The Socialist Alternative to Bolshevik Russia: The Socialist Revolutionary Party, 1921–1939. London, N.Y.: Routledge, 2011. 180 p.
6. Чубыкин И.В. Российские социалисты-революционеры в эмиграции (1920-е годы): дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
7. Тикеев М.Д. Эсеровская эмиграция 20–30-х гг. XX в.: идейные основы и общественно-политическая деятельность: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
8. Суслов А.Ю. В поисках партийного единства: второй съезд заграничных организаций партии социалистов-революционеров (Париж, 1928 г.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 409. С. 145–151.
9. Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. / публ. подгот. А.П. Новиков и А.Ю. Суслов // *Вопросы истории*. 2014. № 8. С. 3–26; № 9. С. 3–15; № 10. С. 3–14; № 11. С. 3–18; № 12. С. 3–19; 2015. № 1. С. 3–26; № 2. С. 3–15; № 3. С. 3–14; № 4. С. 3–17; № 5. С. 3–17.
10. Суслов А.Ю. Эволюция партии эсеров в эмиграции: конференция партии социалистов-революционеров в Праге (1931 г.) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2014. № 1 (29). С. 31–38.
11. Съезд заграничных организаций П. С.-Р. Декларация съезда. Резолюция. Привет заграничного съезда П. С.-Р. товарищам в России // *Революционная Россия*. 1923. Декабрь, № 32. С. 26–30.
12. «Зарубежная Делегация бесплодна, партийная жизнь парализована, товарищеские отношения невозможны»: Протоколы Первого съезда заграничных организаций партии социалистов-революционеров в Праге. 1923 г. / публ. А.А. Голосеевой // *Исторический архив*. 2021. № 1. С. 85–128; № 2. С. 81–114.
13. Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг.: документы и материалы / сост. А.А. Голосеева, К.Н. Морозов, А.П. Новиков, А.Ю. Суслов. М.: РОССПЭН, 2022.
14. Чубыкин И.В. Первый съезд заграничных организаций Партии социалистов-революционеров (15–24 ноября 1923 г., Прага) // *История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты: сб. ст. по материалам XVI–XVII междунар. науч.-практ. конф.* Новосибирск, 2019. С. 34–44.
15. Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: Документы из архива П.С.-Р. Глава XV. Социалисты-революционеры в эмиграции. 1917–1925 гг. / Собрал и снабдил примечаниями и очерком истории партии в пореволюционный период Marc Jansen. Amsterdam: Stichting beheer IISG, 1989.
16. Приложение № 1 и № 2. Проект раскладки. Partija Socialistov-Revolutionerov (Rossija) Archives. PSR after 1917. Emigration. Documents concerning the congress of the groups abroad, from 16 to 24 November 1923 in Prague. 1923–1924. Folder 957. Other documents. Part 2 // Catalogue of the International Institute of Social History. URL: <https://search.socialhistory.org/Record/ARCH01038/ArchiveContentList#935> (дата обращения: 01.06.2018).
17. Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб., 2008. 468 с.
18. Аврус А.И., Голосеева А.А., Новиков А.П. Виктор Чернов: судьба русского социалиста. М., 2015. 368 с.

19. Письмо В.М. Зензинова в Заграничную делегацию партии С.Р. Берлин, 14 мая 1923 г. Partija Socialistov-Revolyucionerov (Rossija) Archives. Folder 1004. Documents concerning the Hamburg congress of the LSI, 1923. L. 52–54 // Catalogue of the International Institute of Social History. URL: <https://search.socialhistory.org/Record/ARCH01038/ArchiveContentList#935> (дата обращения: 01.06.2018).
20. Письмо В.В. Руднева в Заграничную делегацию партии С.Р. 17 мая 1923 г. Partija Socialistov-Revolyucionerov (Rossija) Archives. Folder 1004. Documents concerning the Hamburg congress of the LSI, 1923. L. 55–67 // Catalogue of the International Institute of Social History. URL: <https://search.socialhistory.org/Record/ARCH01038/ArchiveContentList#935> (дата обращения: 01.06.2018).
21. Письмо В.М. Зензинова в Заграничную делегацию партии С.Р. Берлин, 19 июня 1923 г. Partija Socialistov-Revolyucionerov (Rossija) Archives. Folder 1004. Documents concerning the Hamburg congress of the LSI, 1923. L. 71–73 // Catalogue of the International Institute of Social History. URL: <https://search.socialhistory.org/Record/ARCH01038/ArchiveContentList#935> (дата обращения: 01.06.2018).
22. Организационное бюро по созыву съезда, разные материалы. Partija Socialistov-Revolyucionerov (Rossija) Archives. Documents concerning the congress of the groups abroad, from 16 to 24 November 1923 in Prague. 1923–1924. Folder 957. Other documents. Part 2 // Catalogue of the International Institute of Social History. URL: <https://search.socialhistory.org/Record/ARCH01038/ArchiveContentList#935> (дата обращения: 01.06.2018).
23. Инструкции по выбору делегатов на съезд и сообщения от групп о результатах выборов. Partija Socialistov-Revolyucionerov (Rossija) Archives. Documents concerning the congress of the groups abroad, from 16 to 24 November 1923 in Prague. 1923–1924. Folder 956. Other documents. Part 1 // Catalogue of the International Institute of Social History. URL: <https://search.socialhistory.org/Record/ARCH01038/ArchiveContentList#935> (дата обращения: 01.06.2018).
24. Partija Socialistov-Revolyucionerov (Rossija) Archives. Folder 962. Minutes of a meeting of a group of party workers in October 1924 in Prague. 1924 // Catalogue of the International Institute of Social History. URL: <https://search.socialhistory.org/Record/ARCH01038/ArchiveContentList#935> (дата обращения: 01.06.2018).
25. Раскол или домашние счеты? // Последние Новости. 1923. № 1094, 16 ноября. С. 1.
26. Протокол заседания съезда 17 ноября. Рукопись. Socialistov-Revolyucionerov (Rossija) Archives. Documents concerning the congress of the groups abroad, from 16 to 24 November 1923 in Prague. 1923–1924. Folder 1029. Documents concerning Zemgor in Czechoslovakia. 1921–1923 // Catalogue of the International Institute of Social History. URL: <https://search.socialhistory.org/Record/ARCH01038/ArchiveContentList#935> (дата обращения: 01.06.2018).
27. Четыре года. Доклад С.С. Маслова // Последние новости. 1921. 25 ноября. № 494. С. 2.
28. Там в России. Доклад С.С. Маслова // Последние новости. 1921. 1 декабря 1921. № 499. С. 2.
29. Маслов С.С. За четыре года. Очерки Сов. России // Последние новости. 1921. 3 декабря. № 501. С. 2–3; 7 декабря. № 504. С. 2; 10 декабря. № 507. С. 2; 13 декабря. № 509. С. 2; 16 декабря. № 512. С. 2.
30. Письмо ЦК ПСР – В.М. Зензинову (?). Москва, 11 апреля 1921 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5847. Оп. 2. Д. 110. Л. 125–129. Машинопись с пометками В.М. Чернова.
31. Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. 512 с.
32. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 624 с.
33. Чернов В.М. Комментарии к протоколам заседаний ЦК партии эсеров (июнь 1917 – март 1918 г.) // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 4–31.
34. Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противостояния. М.: РОССПЭН, 2005. 736 с.

References

1. Safonov, I.A. (2009) Sotsialisty-revoljutsionery v emigratsii [Socialist-revolutionaries in emigration]. In: Zhuravlev, V.V. (ed.) *Obshchestvennaya mysl' Russkogo zarubezh'ya: Entsiklopediya* [Public Thought of the Russian Abroad: Encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN, pp. 90–117.
2. Mestkovskiy, D.A. (2012) Partiya sotsialistov-revoljutsionerov v emigratsii v 1920-kh godakh. Puti vrozozhdeniya organizatsii: tsentralizm ili demokratizm [Party of Socialist Revolutionaries in exile in the 1920s. Ways to revive the organization: centralism or democracy]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 1 (21), pp. 44–55.
3. Novikov, A.P. (2007) Eserovskie lidery i Kronshadtский myatezh 1921 goda [Socialist-Revolutionary leaders and the Kronstadt rebellion of 1921]. *Otechestvennaya istoriya*. 4, pp. 57–64.
4. Novikov, A.P. (2009) V.M. Chernov i eserovskaya emigratsiya v nachale 1920-kh gg. [V.M. Chernov and the Socialist-Revolutionary emigration in the early 1920s]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 19, pp. 118–127.
5. White, E. (2011) *The Socialist Alternative to Bolshevik Russia: The Socialist Revolutionary Party, 1921–1939*. London; New York: Routledge.
6. Chubykin, I.V. (1996) *Rossiyskie sotsialisty-revoljutsionery v emigratsii (1920-e gody)* [Russian Socialist-Revolutionaries in Emigration (1920s)] History Cand. Diss. Moscow.
7. Tikeev, M.D. (2004) *Eserovskaya emigratsiya 20–30-kh gg. XX v.: ideynye osnovy i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost'* [Socialist-Revolutionary emigration of the 1920 – 1930s: ideological foundations and socio-political activity]. History Cand. Diss. Moscow.
8. Suslov, A.Yu. (2016) In search of the party unity: the second Congress of foreign organizations of the Socialist Revolutionary Party (Paris, 1928). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomk State University Journal*. 409, pp. 145–151. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/409/24
9. Novikov, A.P. & Suslov, A.Yu. (eds) (2014–2015) Konferentsiya Prazhskoy gruppy partii sotsialistov-revoljutsionerov 1931 g. [Conference of the Prague Group of the Socialist Revolutionary Party in 1931]. *Voprosy istorii*. 8–12, pp. 3–26; pp. 3–15; pp. 3–14; pp. 3–18; pp. 3–19; 1–5, pp. 3–26; pp. 3–15; pp. 3–14; pp. 3–17; pp. 3–17.
10. Suslov, A.Yu. (2014) Evolyutsiya partii eserov v emigratsii: konferentsiya partii sotsialistov-revoljutsionerov v Prage (1931 g.) [The evolution of the Socialist-Revolutionary Party in emigration: a conference of the Socialist Revolutionary Party in Prague (1931)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*. 1 (29), pp. 31–38.
11. Revolyutsionnaya Rossiya. (1923) S"ezd zagranichnykh organizatsiy P. S.-R. Deklaratsiya s"ezda. Rezolyutsiya. Privet zagranichnogo s"ezda P. S.-R. tovarishcham v Rossii [Congress of foreign organizations of Socialist Revolutionary Party. Congress Declaration. Resolution. Greetings from the Foreign Congress of Socialist Revolutionary Party comrades in Russia]. *Revoljutsionnaya Rossiya*. December. 32, pp. 26–30.
12. Goloseeva, A.A. (ed.) (2021) "Zarubezhnaya Delegatsiya besplodna, partiynaya zhizn' paralizovana, tovarishcheskie otnosheniya nevozmozhny": Protokoly Pervogo s"ezda zagranichnykh organizatsiy partii sotsialistov-revoljutsionerov v Prage. 1923 g. ["A foreign delegation is fruitless, party life is paralyzed, comrades relations are impossible": Protocols of the First Congress of Foreign Organizations of the Socialist-Revolutionary Party in Prague. 1923]. *Istoricheskiy arkhiv*. 1, pp. 85–128; 2, pp. 81–114.
13. Goloseeva, A.A. et al. (eds) (2022) *Partiya sotsialistov-revoljutsionerov v emigratsii. 1918 – nachalo 1950-kh gg.: dokumenty i materialy* [Party of Socialist Revolutionaries in Exile. 1918 – early 1950s: documents and materials]. Moscow: ROSSPEN.
14. Chubykin, I.V. (2019) [The First Congress of Foreign Organizations of the Party of Socialist Revolutionaries (November 15–24, 1923, Prague)]. *Istoriya, politologiya, sotsiologiya, filosofiya: teoreticheskie i prakticheskie aspekty* [History, Political Science, Sociology, Philosophy: Theoretical and practical aspects]. Proceedings of the 19–20th International Conference. Vol. 4–5(14). Novosibirsk. 6 May 2019. Novosibirsk: ASE Sibac. pp. 34–44. (In Russian).
15. Jansen, M. (ed.) (1989) *Partiya sotsialistov-revoljutsionerov posle oktyabr'skogo perevorota 1917 goda: Dokumenty iz arkhiva P.S.-R. Glava XI*.

- Sotsialisty-revolutsionery v emigratsii. 1917–1925 gg.* [Socialist Revolutionary Party after the October Revolution of 1917: Documents from the archives of Socialist Revolutionary Party. Chapter XV. Socialist-revolutionaries in exile. 1917–1925]. Amsterdam: Stichting beheer IISG.
16. Catalogue of the International Institute of Social History. Partija Socialistov-Revolucionerov (Rossija) Archives. Folder 957. Part 2. *Prilozhenie № 1 i № 2. Proekt raskladki* [Appendix No. 1 and No. 2. Layout project]. [Online] Available from: <https://search.socialhistory.org/Record/ARCH01038/ArchiveContentList#935> (Accessed: 01.06.2018).
 17. Bazanov, P.N. (2008) *Izdatel'skaya deyatel'nost' politicheskikh organizatsiy russkoy emigratsii (1917–1988 gg.)* [Publishing Activity of Political Organizations of Russian Emigration (1917–1988)]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Institute of Culture.
 18. Avrus, A.I., Goloseeva, A.A. & Novikov, A.P. (2015) *Viktor Chernov: sud'ba russkogo sotsialista* [Viktor Chernov: The fate of a Russian socialist]. Moscow: Klyuch-S.
 19. Catalogue of the International Institute of Social History. Partija Socialistov-Revolucionerov (Rossija) Archives. Folder 1004. Pages 52–54. *Pis'mo V.M. Zenzinova v Zagranichnyuyu delegatsiyu partii S.R. Berlin, 14 maya 1923 g.* [Letter from V.M. Zenzinov to the Foreign Delegation of the Socialist Revolutionary Party. Berlin, 14 May 1923]. [Online] Available from: <https://search.socialhistory.org/Record/ARCH01038/ArchiveContentList#935> (Accessed: 01.06.2018).
 20. Catalogue of the International Institute of Social History. Partija Socialistov-Revolucionerov (Rossija) Archives. Folder 1004. Pages 55–67. *Pis'mo V.V. Rudneva v Zagranichnyuyu delegatsiyu partii S.R. 17 maya 1923 g.* [Letter from V.V. Rudnev to the Foreign Delegation of the Socialist Revolutionary Party. May 17, 1923]. [Online] Available from: <https://search.socialhistory.org/Record/ARCH01038/ArchiveContentList#935> (Accessed: 01.06.2018).
 21. Catalogue of the International Institute of Social History. Partija Socialistov-Revolucionerov (Rossija) Archives. Folder 1004. Pages 71–73. *Pis'mo V.M. Zenzinova v Zagranichnyuyu delegatsiyu partii S.R. Berlin, 19 iyunya 1923 g.* [Letter from V.M. Zenzinov to the Foreign Delegation of the Socialist Revolutionary Party. Berlin, June 19, 1923]. [Online] Available from: <https://search.socialhistory.org/Record/ARCH01038/ArchiveContentList#935> (Accessed: 01.06.2018).
 22. Catalogue of the International Institute of Social History. Partija Socialistov-Revolucionerov (Rossija) Archives. Folder 957. Part 2. *Organizatsionnoe byuro po sozyvu s"ezda, raznye materialy* [Organizational Bureau for the convocation of the congress, various materials]. [Online] Available from: <https://search.socialhistory.org/Record/ARCH01038/ArchiveContentList#935> (Accessed: 01.06.2018).
 23. Catalogue of the International Institute of Social History. Partija Socialistov-Revolucionerov (Rossija) Archives. Folder 956. *Instruktsii po vyboru delegatov na s"ezd i soobshcheniya ot grupp o rezul'tatakh vyborov* [Instructions for the selection of delegates to the congress and reports from groups on the results of the elections]. [Online] Available from: <https://search.socialhistory.org/Record/ARCH01038/ArchiveContentList#935> (Accessed: 01.06.2018).
 24. Catalogue of the International Institute of Social History. Partija Socialistov-Revolucionerov (Rossija) Archives. Folder 962. *Minutes of a meeting of a group of party workers in October 1924 in Prague. 1924.* [Online] Available from: <https://search.socialhistory.org/Record/ARCH01038/ArchiveContentList#935> (Accessed: 01.06.2018).
 25. *Poslednie Novosti.* (1923) *Raskol ili domashnie schety?* [Split or home scores?]. *Poslednie Novosti.* 1094. 16 November. P. 1.
 26. Catalogue of the International Institute of Social History. Partija Socialistov-Revolucionerov (Rossija) Archives. Folder 1029. *Protokol zasedaniya s"ezda 17 noyabrya. Rukopis'* [Minutes of the meeting of the congress on November 17. Manuscript]. [Online] Available from: <https://search.socialhistory.org/Record/ARCH01038/ArchiveContentList#935> (Accessed: 01.06.2018).
 27. *Poslednie Novosti.* (1921) *Chetyre goda. Doklad S.S. Maslova* [Four years. A Report by S.S. Maslov]. *Poslednie novosti.* 25 November. 494. p. 2.
 28. *Poslednie Novosti.* (1921) *Tam v Rossii. Doklad S.S. Maslova* [There in Russia. Report by S.S. Maslov]. *Poslednie novosti.* 1 December. 499. p. 2.
 29. Maslov, S.S. (1921) *Za chetyre goda. Ocherki Sov. Rossii* [For four years. Sketches of Soviet Russia]. *Poslednie novosti.* 3 December. 501. p. 2–3; 7 December. 504. p. 2; 10 December. 507. p. 2; 13 December. 509. p. 2; 16 December. 512. p. 2.
 30. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5847. List 2. File 110. Pages 125–129. *Pis'mo TsK PSR – V.M. Zenzinovu (?)*. Moskva, 11 aprelya 1921 g. *Mashinopis's pometkami V.M. Chernova* [Letter from the Central Committee of the AKP to V.M. Zenzinov (?). Moscow, April 11, 1921. Typescript with notes by V.M. Chernov].
 31. Leonov, M.I. (1997) *Partiya sotsialistov-revolutsionerov v 1905–1907 gg.* [Party of Socialist Revolutionaries in 1905–1907]. Moscow: ROSSPEN.
 32. Morozov, K.N. (1998) *Partiya sotsialistov-revolutsionerov v 1907–1914 gg.* [Party of Socialist Revolutionaries in 1907–1914]. Moscow: ROSSPEN.
 33. Chernov, V.M. (2000) *Kommentarii k protokolam zasedaniy TsK partii eserov (iyun' 1917 – mart 1918 g.)* [Comments on the minutes of the meetings of the Central Committee of the Socialist-Revolutionary Party (June 1917 – March 1918)]. *Voprosy istorii.* 7. pp. 4–31.
 34. Morozov, K.N. (2005) *Sudebnyy protsess sotsialistov-revolutsionerov i tyuremnnoe protivostoyanie (1922–1926): etika i taktika protivoborstva* [The Trial of the Socialist Revolutionaries and the Prison Confrontation (1922–1926): Ethics and Tactics of Confrontation]. Moscow: ROSSPEN.

Информация об авторе:

Голосеева А.А. – канд. ист. наук, доцент кафедры политической социологии и социальных технологий Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). E-mail: goloseyeva@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Goloseyeva, Cand. Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: goloseyeva@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.06.2018;
одобрена после рецензирования 15.01.2019; принята к публикации 30.11.2022.

The article was submitted 19.06.2018;
approved after reviewing 15.01.2019; accepted for publication 30.11.2022.

Научная статья
УДК 303.446.4
doi: 10.17223/15617793/484/11

Механизмы сохранения памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве (Россия и Беларусь) в современной англоязычной историографии

Луиза Владимировна Коробицына¹

¹*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
LVKorobitsyna@fa.ru*

Аннотация. Рассмотрена современная англоязычная историография, посвященная проблеме сохранения и трансформации памяти о Великой Отечественной войне в Российской Федерации и Республике Беларусь, в контексте концепции исторической и коллективной памяти. Проанализированы наиболее современные исследования британских и западноевропейских ученых, прежде не нашедшие отражения в отечественной исторической науке и посвященные российским и белорусским коммеморативным практикам Второй мировой войны. Сделаны выводы относительно тенденций в интерпретации событий 1939–1945 гг. на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, современная англоязычная историография, коммеморативные практики, память о Второй мировой войне

Источник финансирования: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-59-00010 «Память о Великой Отечественной войне: направления, тенденции, практики мемориализации в Беларуси и России»)

Для цитирования: Коробицына Л.В. Механизмы сохранения памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве (Россия и Беларусь) в современной англоязычной историографии // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 101–106. doi: 10.17223/15617793/484/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/11

The mechanisms of preserving the memory of the Great Patriotic War in the post-Soviet states (the Russian Federation and the Republic of Belarus) in the contemporary English-language historiography

Luiza V. Korobitsyna¹

¹*Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
LVKorobitsyna@fa.ru*

Abstract. The article is aimed at analysing contemporary English-language historiography on the problem of preserving and transforming the memory of the Second World War in the Russian Federation and the Republic of Belarus. Based on the concept of historical collective memory, the author identified topics that are of the greatest interest on the part of Western scholars studying the commemorative practices existing in the post-Soviet space. As sources, articles and monographs of British historians and English-language collections of articles published in the UK over the last decade edited by British specialists on the historical memory of the Second World War and the history and culture of Russia and Eastern Europe were drawn. Assessing the significance and role of the events of the Great Patriotic War for Russians and immigrants from the former Soviet republics, Western scholars note that the memory of 1941–1945 acts as a central plot not only for the formation of a patriotic spirit, but also serves as an important element of national self-identity. Western researchers focus on such aspects as: analysis of the celebration on May 9 in the territory of the Russian Federation, the Republic of Belarus, as well as in the Russian-speaking diaspora in Europe; study of visual symbols, in particular the Banner of Victory, as the most important attribute of the Victory Day; assessment of the contribution of the Soviet Army to the liberation of Nazi concentration camps; criticism of the lack of widespread respect for the memory of the victims of the Holocaust on January 27, which is accepted in the West; and revealing of the existence of two independent commemorative traditions (Western and post-Soviet) preserving the memory of the Second World War coexisting and interacting with each other in the territory of modern Europe. The author came to the conclusion that the interest of Western historians in studying the mechanisms of preserving and transforming the memory of the Great Patriotic War on the territory of Russia and Belarus stems

from the political, social and cultural changes taking place in Eastern Europe after the collapse of the Soviet Union and the disappearance of the socialist camp. In addition, it should be recognized that the existence of two traditions of war commemoration arises from the divergence in the choice of events from the past, which are of great importance for a single people: while the memory of the Holocaust does not assume such large-scale forms in Russia and Belarus, it is still an inalienable part of the common grief of Russians and immigrants from the USSR for all victims of genocide, concentration camps, blockade of hunger, occupation and mass executions.

Keywords: Great Patriotic War, contemporary English-language historiography, commemorative practices, memory of the Second World War

Financial support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-59-00010.

For citation: Korobitsyna, L.V. (2022) The mechanisms of preserving the memory of the Great Patriotic War in the post-Soviet states (the Russian Federation and the Republic of Belarus) in the contemporary English-language historiography. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 101–106. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/11

Вопросы сохранения и трансформации памяти о Великой Отечественной войне в современном российском и белорусском обществе все чаще становятся предметом исследований не только отечественных, но и европейских историков. Знакомство с опытом изучения данного вопроса иностранными коллегами дает возможность осмыслить тенденции, актуальные для западной социально-гуманитарной науки XXI в., и определить основные векторы интерпретаций механизмов создания памяти о событиях 1941–1945 гг. на территории Российской Федерации и Республике Беларусь. Оставив трагичный и яркий след в истории народов, Великая Отечественная война, а точнее память о ней, стала центральным событием, вокруг которого происходит формирование патриотического настроя общества и, более того, осмысление идентичности. Наличие значительного количества работ по данной проблеме в англоязычной историографии свидетельствует о росте интереса к российской истории и отражает общий настрой западных коллег в отношении оценки роли и места России и Беларуси в мировой истории XX в.

Многочисленные исследования европейских ученых, посвященные механизмам сохранения памяти о Великой Отечественной войне на территории бывших советских республик и стран социалистического лагеря, затрагивают такие аспекты, как развитие историографической традиции и трактовки роли СССР в событиях Второй мировой войны, сохранение и реактуализация визуальных образов Знамени Победы, анализ художественных произведений и кинематографа середины и второй половины XX в. и современного.

Одним из наиболее крупных специалистов по проблемам сохранения и трансформации памяти о Второй мировой войне является профессор Института международной политики Университета Аберистьюта (Уэльс, Великобритания) Патрик Финни, который за последние годы внес значительный вклад в изучение, в том числе, трансформации историографических подходов советских и современных историков к проблемам интерпретации предвоенных и военных лет Великой Отечественной войны [1–4]. В монографии «Помня путь ко Второй мировой войне», британский историк в одной из глав исследования осуществил попытку проанализировать специфику развития советской и современной российской историографии и

сделал особый акцент на взаимосвязи между ростом интереса к теме Великой Отечественной войны с проблемой поиска идентичности государствами, образованными после распада СССР. П. Финни полагает, что память об оборонительных войнах, каковыми были Отечественная война 1812 г. и Великая Отечественная война, является частью единого нарратива о миролюбивом народе, борющемся за свою независимость. После распада СССР и глобальных перемен на постсоветском пространстве, коснувшихся, в том числе, сферы переосмысления идентичности общества каждого отдельно взятого новообразованного государства, события 1941–1945 гг. стали одним из центральных сюжетов, вокруг которых начало выстраиваться осмысление российским и белорусским народом своей «самости». По мнению британского ученого, Великая Отечественная война занимает столь важное место в культуре народов, что «представление о ней не может быть лишено определенной доли влияния общей политической конъюнктуры, и, судя по всему, “долгая Вторая мировая война” не скоро утратит место ключевого исторического события в памяти россиян» [2. С. 64–65].

Гораздо более детальные исследования, касавшиеся современных направлений и тенденций сохранения памяти о Великой Отечественной войне, были опубликованы в сборнике 2018 г. под редакцией П. Финни «Помня Вторую мировую войну» [4]. Интернациональная группа авторов, работая в рамках концепции коллективной памяти, рассмотрела наиболее актуальные тренды в сфере трансформации и мемориализации воспоминаний о событиях 1939–1945 гг. во Франции, Германии, Китае, Японии, России, а также в культуре различных диаспор, в частности российской, проживающих за пределами своей родины.

В статье «Памятник советским воинам, погибшим при освобождении Австрии от фашизма в Вене: геополитика памяти и новая российская диаспора в Европе 1990–2000-х гг.» Татьяна Журженко, возглавлявшая исследовательскую группу в Венском университете по изучению России в контексте глобального международного диалога, обратилась к научной проблеме, ставшей особо актуальной в связи с переносом или уничтожением мемориалов советским солдатам-освободителям на территории бывших социалистических стран. Рассматривая традицию сохранения памя-

ти о Второй мировой войне в рамках современного европейского пространства, она пришла к выводу, что в основе конфликта лежит наличие двух параллельно сосуществующих моделей празднования и восприятия Дня Победы: «Австрийцы и иностранные туристы, которые собираются на Хельденплац 8 мая, и представители бывших советских республик и сами русские, которые приходят к памятнику советскому солдату на следующее утро, являются двумя абсолютно разными группами; и трудно поверить, что два этих празднования приурочены окончанию одной и той же войны» [5. С. 89]. В российской коммеморативной практике Великая Отечественная война символизирует триумф, героическую жертву и в то же время является неоспоримым свидетельством значительного вклада СССР в победу над фашизмом. С геополитической точки зрения именно победа во Второй мировой войне сделала Советский Союз мировой державой, влиятельной и могущественной страной; для россиян и русскоговорящего населения, проживающего за пределами России или Беларуси, факт причастности к культуре сильной, пусть и исчезнувшей с карты, огромной страны выступает важным символом единства «русского мира».

Анализируя причину выбора Шварценбергплац для расположения на ней памятника героям Советской армии в Вене, Татьяна Журженко ссылается на австрийского исследователя Я. Табора: «Создатели памятника прекрасно знали, кем был принц Карл Шварценберг, – именно его конная статуя находится в самом начале площади. Фельдмаршал Карл Шварценберг, победитель в Битве народов под Лейпцигом 1813 г., возглавил союзные войска, в которых русские и австрийцы, практически как братья, сражались плечо к плечу с армией Наполеона» [6. С. 115]. Попытка связать память о доблестных совместных сражениях в наполеоновских войнах с победой над фашизмом на первый взгляд кажется возможной, однако в послевоенные годы и годы холодной войны вызвала у австрийского населения иные ассоциации; Журженко пишет по этому поводу следующее: «В повседневной жизни австрийцы двойко воспринимают Памятник советским воинам, выражая свое отношение в многочисленных прозвищах. Имея официальное название Памятник героям Красной армии, или Памятник освобождению, этот монумент получил такие расхожие имена, как “мемориал неизвестного мародера” (и даже “неизвестного отца”), указывая на массовые мародерства (и изнасилования австрийских женщин) советских войск в первую неделю оккупации. Еще более экзотичным является название “гороховый монумент”, связанный с поставками из СССР 1 000 тон гороха в помощь Австрии. Тем не менее, гораздо чаще эту композицию называют просто “памятник русским”» [5. С. 100].

Современная Российская Федерация воспринимает себя преемником СССР и защитником всех советских памятников. Сохранение монументов, воздвигнутых в честь Красной армии на территории восточно-европейских стран, стало одним из политических приоритетов для российских лидеров в 2000-е гг. Ав-

тор исследования полагает, что в основе стремления как можно дольше сохранять свидетельства военного успеха Красной армии лежит стремление возродить статус сильного могущественного государства: «Победа во Второй мировой войне представляется российской элите и обществу наивысшим геополитическим триумфом, который зачастую противопоставляется “геополитической катастрофе” 1991 г. Памятники советским воинам в Европе символизируют этот триумф, и любые попытки уничтожить их или перенести воспринимаются как напоминание о недавно пережитом унижении и слабости постсоветских 1990-х гг.» [5. С. 103].

Не меньший интерес представляют исследования британского историка, специалиста по русской культуре и преподавателя Лондонского университета королевы Мэри Джереми Хикса, который в своих работах обращается к изучению военных артефактов-символов, визуальному искусству и художественным произведениям, созданным по мотивам или в годы Второй мировой войны [7–9]. В 2011 г. в статье «От зверств к действию: как советский кинематограф инициировал фильмы о Холокосте» [10] ученый провел анализ наиболее ранних видеоматериалов, записанных советскими операторами вскоре после освобождения Красной армией концентрационного лагеря Майданек на окраине города Люблин в 1944 г. Честность и откровенность, с которой была показана жестокость нацистской системы уничтожения людей, поразила страны Запада. В самых ранних документальных фильмах американские и британские телерепортеры не могли решиться показать широкой публике «зверства, совершаемые над людьми в лагерях», поэтому смелость советских кинематографистов позволила осуществить прорыв в вопросе создания фильмов о холокосте: «Советские операторы, имевшие возможность запечатлеть мир лагеря смерти, инициировали начало борьбы кинематографа с невообразимой жестокостью. Тем не менее это знаковое достижение не вызвало у советских людей гордости, не заняло знакового места в их памяти о войне, и эта новаторская видеозапись едва ли упоминается в истории советского кинематографа или в советском кинематографе военного времени, между тем именно она послужила началом череды фильмов о Холокосте» [10. С. 263].

Результаты исследования Джереми Хикса ярко проиллюстрировали специфику отбора событий и фактов, которые достойны или не достойны стать частью коллективной памяти о Великой Отечественной войне. Фильм «Лагерь Майданек – кладбище Европы» 1944 г. [11] был создан группой советско-польских кинематографистов во главе с польским режиссером Александром Фордом, при этом значительная часть видеоматериалов представлялась Московской центральной студией документальных фильмов, подготовленных такими именитыми операторами, как Роман Кармен, Виктор Штатланд и Авенир Софьин. Безусловно, фильм о Майданеке – результат совместного творчества, он не был исключительно советским, однако это никак не умоляло существенный вклад

Советского Союза в создание столь знакового для всей европейской культуры документального фильма. Подобное «не придавание значения» достижению, высоко оцениваемому зарубежными коллегами, подчеркивает характер существующей до сих пор практики коммеморации Великой Отечественной войны и Дня Победы, которая во главу угла ставит героизм, жертвенность и подвиг, однако упускает знаковый с культурной и морально-этической точки зрения вклад советского народа в европейскую культуру.

Одной из наиболее поздних публикаций Джереми Хикса, посвященных памяти о Великой Отечественной войне, является статья «Святая реликвия войны: советское Знамя Победы как артефакт». Штурмовой флаг 150-й ордена Кутузова II степени Идрицкой стрелковой дивизии, закрепленный красноармейцами на крыше рейхстагом в Берлине 1 мая, является неотъемлемой частью символики Дня Победы и официально признан государственной реликвией в Российской Федерации и Республике Беларусь. Безусловно, Знамя Победы, – особенно подкрепленное знаменитой постановочной, однако крайне реалистичной фотографией Евгения Халдея – было не только визуальным свидетельством победы Советского Союза над фашизмом и предметом гордости, но и знаком триумфального завершения ожесточенной борьбы двух идеологических систем. Джереми Хикс полагает, что рост популярности Знамени Победы и частота его использования в медиапространстве напрямую связаны с текущей политической и социально-экономической ситуацией в стране: «Знамя Победы вышло на первый план, в первую очередь, в начале эры Брежнева, а затем вновь получило широкое распространение в годы президентства В. Путина и Д. Медведева: и в том и в другом случае это были непростые времена, когда коллективная память о войне позволяла мобилизовать общество, стабилизировать и объединить силы, и в том и в другом случае необходимость во флаге как священном символе актуализировалась. <...> Однако рассматривать использование этого символа исключительно в контексте государственной манипуляции равнозначно игнорированию очевидной силы Знамени Победы как артефакта, который способен произвести подлинный резонанс среди людей, никоим образом не зависящих от государственного аппарата» [12. С. 212].

Интерес британцев к памяти о Второй мировой войне на постсоветском пространстве не ограничивается исследованиями отдельных специалистов. С 2007 по 2013 г. на базе Кембриджского университета над проектом «Память о войне: культурные движущие силы в Польше, России и Украине» работала группа ученых, которая в публикациях, помимо всего прочего, затрагивала проблемы трансформации и сохранения коллективной памяти о событиях 1939–1945 гг. Результаты исследовательской деятельности публиковались в многочисленных периодических изданиях, однако финальной совместной работой стал сборник статей «Память и теория в Восточной Европе» [13]. Одна из соавторов сборника и широко признанный специалист по истории коллективной памяти Алейда

Ассман в статье «Раздробленная память Европы» уделила большое внимание вопросу восприятия и оценки холокоста в современной России и бывших странах СССР: «Европейская память о Второй мировой войне не только противоречива, но зачастую обладает поразительной диспропорцией. В то время как почитание памяти всех жертв Холокоста давно вышло за пределы Европы, внутри самой Европы продолжает существовать пространство, где подобная традиция отсутствует. С каждым годом все больше и больше наций 27 января почитают памятью день освобождения лагеря Освенцим, однако у самих освободителей, что парадоксально, эта дата не занимает столь важное место в коллективной памяти. Речь идет не о том, что Красная Армия не имеет гарантированного места в национальной культурной памяти постсоветской России – чествование героев приурочено к 9 мая. Речь идет о том, что празднование 9 мая посвящено победе в Великой Отечественной войне, в которой Сталин сокрушил Гитлера. Тот факт, что Советский Союз героически победил зло и понес большие потери, является ядром героической самооценки и национальной памяти россиян. В России прославленная Красная армия сохранилась в память как сила, сокрушившая гитлеровский режим 9 мая 1945 г., но не положившая конец массовым убийствам европейских евреев 27 января 1945 г.» [14. С. 36].

Ассман полагает, что коллективная память европейцев о холокосте является важнейшим формообразующим элементом, лежащим в основании европейской идентичности, – ужасы Второй мировой войны, поразившие западный мир, стали одной из предпосылок к объединению и созданию Европейского союза. Таким образом, в рамках европейского континента продолжают существовать две коммеморативные практики сохранения памяти о событиях 1939–1945 гг. В сущности, расхождения в выборе событий из прошлого, которые становятся главными сюжетами для конструирования героических или трагических мифов, в западных странах и бывших республиках Советского Союза проистекают из различий в ролях, исполненных каждой страной – участницей войны, а также в опыте пережитом конкретным народом.

Интерес западных историков к изучению механизмов сохранения и трансформации памяти о Второй мировой войне на постсоветском пространстве напрямую связан с политическими, социальными и культурными переменами, происходящими в восточноевропейском регионе на протяжении более двух десятилетий. Вплоть до сегодняшнего дня события Великой Отечественной войны продолжают сохранять свое знаковое место в российской и белорусской истории, выступая основой как для осмысления идентичности двумя нациями, так и подчеркивая их историческую общность и единство. Между тем коммеморативные практики, существующие на территории Российской Федерации и Республики Беларусь, существенно отличаются от широко распространенного в Западной Европе восприятия трагичных лет. Эти различия, а также анализ празднования Дня Победы, символики, сопровождающей память о Великой Оте-

чественной войне, и недостаточной степени отображения феномена Холокоста в российском и белорусском научном, культурном и медиапространстве, являются главными темами, активно обсуждаемыми в англоязычной историографии.

Безусловно, ежегодные торжественные празднования 9 мая вновь воскрешают в памяти доблестный подвиг предков и питают чувство гордости за героическое прошлое своей родины, однако одновременно День Победы – это день глубокого траура по жертвам войны, испытавшим на себе геноцид, концентрационные лагеря, блокадный голод, оккупацию, массовые расстрелы. В действительности коммеморация холокоста пусть и не принимает в России и Беларуси столь масштабные формы, как в странах Западной Европы,

однако является неотъемлемой частью памяти множества россиян и выходцев из бывших советских республик, которые чтут и скорбят о потере, понесенной еврейским народом в годы существования нацистского режима. Следует признать, что будучи потомками советских солдат, принесших свободу узникам Освенцима, Майданека и других концентрационных лагерей, а также операторов и кинематографистов, совершивших первый шаг на пути публичного обнаружения информации о зверствах, совершенных над мирным населением с конца 1930-х гг. по 1945 г., мы могли бы с большим вниманием отнестись еще и к этому подвигу Красной армии, и вкладу Советского Союза в сокровищницу культурных и морально-этических ценностей европейского общества.

Список источников

1. The Second World War / ed. by P. Finney. London : Arnold, 1997. 461 p.
2. Finney P. Remembering the Road to the World War Tow. London : Routledge, 2011. 325 p.
3. Finney P. Politics and Technologies of Authenticity: the Second World War at the Close of Living Memory // *Rethinking History*. 2017. № 21. P. 154–170.
4. Remembering the Second World War / ed. P. Finney. London : Routledge, 2018. 266 p.
5. Zhurzhenko T. The Soviet War Memorial in Vienna: Geopolitics of memory and the new Russian diaspora in post-Cold War Europe // *Remembering the Second World War* / ed. by P. Finney. London : Routledge, 2018. P. 89–114.
6. Tabor J. Entblößt das Haupt! Zum politischen Urbanismus des Schwarzenbergplatzes // *Das Wiener Russendenkmal. Architektur, Geschichte, Konflikte* / ed. by M. Marschik, G. Spitaler. Wien : Turia and Kant, 2005. S. 111–120.
7. Hicks J. Challenging the Voice-of-God in Soviet Documentaries of World War II // *Sound, Music, Speech in Soviet and Post-Soviet Cinema* / ed. by Lilya Kaganovsky and Maria Salazkina. Bloomington : Indiana University Press, 2014. P. 129–144.
8. Hicks J. First Films of the Holocaust: Soviet Cinema and the Genocide of the Jews, 1938–46, Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2012. 312 p.
9. Hicks J. Appropriating the Presence of History: Raising the Victory Banner over the Reichstag // *Screen*. 2016. № 57: 3. P. 362–370.
10. Hicks J. From Atrocity to Action: How Soviet Cinema Initiated the Holocaust Film: Imagining the Unimaginable in a Soviet Context // *Justice, Politics and Memory in Europe after the Second World War* / ed. by S. Bardgett, D. Cesarani, J. Reinisch, J.-D. Steinert. London : Valentine Mitchell, 2011. P. 249–266.
11. Фильм Майданек – кладбище Европы. 1944. URL: <https://www.net-film.ru/film-67220/> (дата обращения: 21.08.2018).
12. Hicks J. A Holy Relic of War: the Soviet Victory Banner as Artefact // *Remembering the Second World War* / ed. by P. Finney. London : Routledge, 2018. P. 197–216.
13. Memory and theory in Eastern Europe / ed. by U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. London : Palgrave Macmillan, 2013. 279 p.
14. Assmann A. Europe's Devided Memory // *Memory and theory in Eastern Europe* / ed. by U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. New York : Palgrave Macmillan, 2013. P. 25–42.

References

1. Finney, P. (ed.) (1997) *The Second World War*. London: Arnold.
2. Finney, P. (2011) *Remembering the Road to the World War Tow*. London: Routledge.
3. Finney, P. (2017) Politics and Technologies of Authenticity: The Second World War at the Close of Living Memory. *Rethinking History*. 21. pp. 154–170.
4. Finney, P. (ed.) (2018) *Remembering the Second World War*. London: Routledge.
5. Zhurzhenko, T. (2018) The Soviet War Memorial in Vienna: Geopolitics of memory and the new Russian diaspora in post-Cold War Europe. In: Finney, P. (ed.) *Remembering the Second World War*. London: Routledge. pp. 89–114.
6. Tabor, J. (2005) Entblößt das Haupt! Zum politischen Urbanismus des Schwarzenbergplatzes. In: Marschik, M. & Spitaler, G. (eds) *Das Wiener Russendenkmal. Architektur, Geschichte, Konflikte*. Wien: Turia and Kant. pp. 111–120.
7. Hicks, J. (2014) Challenging the Voice-of-God in Soviet Documentaries of World War II. In: Kaganovsky, L. & Salazkina, M. (eds) *Sound, Music, Speech in Soviet and Post-Soviet Cinema*. Bloomington: Indiana University Press. pp. 129–144.
8. Hicks, J. (2012) *First Films of the Holocaust: Soviet Cinema and the Genocide of the Jews, 1938–46*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
9. Hicks, J. (2016) Appropriating the Presence of History: Raising the Victory Banner over the Reichstag. *Screen*. 57: 3. pp. 362–370.
10. Hicks, J. (2011) From Atrocity to Action: How Soviet Cinema Initiated the Holocaust Film: Imagining the Unimaginable in a Soviet Context. In: Bardgett, S. et al. (eds) *Justice, Politics and Memory in Europe after the Second World War*. London: Valentine Mitchell. pp. 249–266.
11. Aleksander, F. (1994) *Maydanek – kladbishche Evropy* [Majdanek – Europe's cemetery]. [Online] Available from: <https://www.net-film.ru/film-67220/> (Accessed: 21.08.2018).
12. Hicks, J. (2018) A Holy Relic of War: The Soviet Victory Banner as Artefact. In: Finney, P. (ed.) *Remembering the Second World War*. London: Routledge. pp. 197–216.
13. Blacker, U., Etkind, A. & Fedor, J. (eds) (2013) *Memory and Theory in Eastern Europe*. London: Palgrave Macmillan.
14. Assmann, A. (2013) Europe's Devided Memory. In: Blacker, U., Etkind, A. & Fedor, J. (eds) *Memory and Theory in Eastern Europe*. New York: Palgrave Macmillan. pp. 25–42.

Информация об авторе:

Коробицына Л.В. – канд. ист. наук, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: LVKorobitsyna@fa.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.V. Korobitsyna, Cand. Sci. (History), associate professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: LVKorobitsyna@fa.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.08.2018;
одобрена после рецензирования 23.12.2019; принята к публикации 30.11.2022.*

*The article was submitted 29.08.2018;
approved after reviewing 23.12.2019; accepted for publication 30.11.2022.*

Научная статья
УДК 903.01(575.1)"6323"
doi: 10.17223/15617793/484/12

Между Оби-Рахматом и Кульбулаком: перспективы изучения среднего палеолита Чирчик-Ахангаранского оазиса

Галина Дмитриевна Павленок¹, Сергей Александрович Когай², Мухиддин Хужаназаров³,
Гайратхон Мухтаров⁴, Константин Константинович Павленок⁵

^{1, 2, 5}Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия

^{3, 4}Национальный центр археологии Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан

¹lukianovagalina@yandex.ru

²kogai@irkutsk.ru

³sarmish@mail.ru

⁴gayratxon75@mail.ru

⁵pavlenok-k@yandex.ru

Аннотация. Актуализированы сведения о палеолитических местонахождениях низовий рек Чирчик и Ахангаран, прежде полноценно не включенных в региональную культурно-хронологическую схему развития среднего палеолита. Коллекции большинства из них малочисленны, что исключает возможность проведения корректных статистических процедур. Отмечается размытость классификационных критериев, на которых основана возрастная атрибуция объектов.

Ключевые слова: средний палеолит, Приташкентский район, Чирчик-Ахангаранский оазис, археологические комплексы, критерии классификации, возрастная атрибуция

Источник финансирования: Исследование проведено в рамках проекта научно-исследовательской работы Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук № FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды».

Для цитирования: Павленок Г.Д., Когай С.А., Хужаназаров М., Мухтаров Г., Павленок К.К. Между Оби-Рахматом и Кульбулаком: перспективы изучения среднего палеолита Чирчик-Ахангаранского оазиса // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 107–114. doi: 10.17223/15617793/484/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/12

Between Obi-Rakhmat and Kulbulak: Prospects of researching the Middle Paleolithic in the Chirchik-Akhangaran oasis

Galina D. Pavlenok¹, Sergei A. Kogai², Mukhiddin Khuzhanazarov³, Gayrathon Muhtarov⁴, Konstantin K. Pavlenok⁵

^{1, 2, 5} Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation

^{3, 4} National Center of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

¹lukianovagalina@yandex.ru

²kogai@irkutsk.ru

³sarmish@mail.ru

⁴gayratxon75@mail.ru

⁵pavlenok-k@yandex.ru

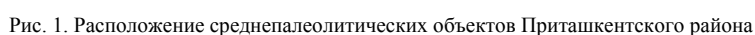
Abstract. The geographical localization and comfortable paleogeographic conditions of the Western part of Central Asia predetermined the importance of the region as one of the main centers of the development of the Paleolithic culture. The combination of local and externally imposed elements of material culture in the region was the result of active transcultural contacts of ancient populations in the Paleolithic. There are several regions in Uzbekistan where the main Middle Paleolithic sites are concentrated. We focused attention on Tashkent and Chirchik-Akhangaran oases because of the quantity of sites and recent multidisciplinary research carried out here that allows correcting and clarifying the previously proposed cultural-chronological patterns of ancient humans' material culture development. The most known sites with the material remains of the Middle Paleolithic are the Obi-Rakhmat grotto near the source of the

Keywords: Middle Paleolithic, Tashkent region, Chirchik-Akhangaran oasis, archaeological complexes, classification criteria, age attribution

For citation: Pavlenok, G.D., Kogai, S.A., Khuzhanazarov, M., Muhtarov, G. & Pavlenok, K.K. (2022) Between Obi-Rakhmat and Kulbulak: Prospects of researching the Middle Paleolithic in the Chirchik-Akhangaran oasis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 107–114. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/12

На территории Узбекистана выделяются три крупных района, где сосредоточены основные среднепалеолитические местонахождения: Приташкентский район; долина р. Заравшан; горы Байсуи-Тау. В рамках данной работы ограничимся территорией первого субрегиона, поскольку именно в нем сейчас ведутся активные мультидисциплинарные исследования объектов палеолита, позволяющие скорректировать и уточнить ранее предложенные культурно-хронологические схемы развития материальной культуры древнего человека на западе Центральной Азии.

Приташкентский район (рис. 1) расположен в правобережной части бассейна Сырдарьи и ограничен на северо-востоке мощной горной системой Тянь-Шаня, отроги которого (Угамский, Пскемский, Сандалашский и Чаткальский хребты) веерообразно расходятся к юго-западу [3, 4].

Наиболее известными палеолитическими объектами на этой территории, изучаемыми уже более полувека, являются грот Оби-Рахмат у истоков р. Чирчик и стоянка Кульбулак в среднем течении р. Ахангаран [2, 5–8]. Эти многослойные объекты стали эталонными комплексами, на чьих материалах были определены основные особенности развития материальной культуры древнего человека на протяжении верхнего плейстоцена [9–13]. Однако на рассматриваемой территории наличествуют памятники среднего палеолита, которые расположены в иных ландшафтно-топографических условиях. Целью данной работы стало определение познавательного потенциала этих палеолитических местонахождений.

Памятники Приташкентского района – закономерности расположения и материалы. Археологические материалы, отнесенные исследователями к различным этапам среднего палеолита, были обнаружены в значительном количестве на всей территории Приташкентского района, но при этом выделяются зоны особой концентрации местонахождений. Речь идет о долинах крупных притоков Сырдарьи – реках Ахангаран и Чирчик, с **Чаткальским хребтом в качестве** водораздела. Местонахождения главным образом концентрируются в верховьях рек и их среднем течении.

Река Чирчик, вытянутая на юго-запад, является самым крупным правым притоком Сырдарьи. Рельеф речных долин истоков Чирчика – Пскема, Коксу и Чаткала, за исключением бурчмулинской площади, входящей в зону нынешнего Чарвакского водохранилища, резко изрезан узкими, высоко поднятыми многуоступчатыми террасами [3, 14–16]. Сам Чирчик первоначально также проходит по межгорной впадине, огражденной с севера крутой террасой. У города Ходжакент в него впадает последний крупный приток – Угам. Далее Чирчик выходит на широкую предгорную равнину на границе горноскладчатой и платформенной областей, где в него впадают несколько мелких притоков, и в то же время он сам начинает отдавать воду серии искусственных каналов.

Межгорные впадины, долины истоков Чирчика и приустьевой участок самой реки сложены кайнозойскими рыхлыми образованиями, в хорошо сцементированных отложениях которых могут формироваться удобные для проживания гроты, в том числе грот Оби-Рахмат [4]. В свою очередь, верхние горизонты кайнозойских отложений являются вмещающими толщами для палеолитических объектов, а галька и валуны из этих отложений могут выступать в качестве источника сырья для каменного производства. Видимо, именно этим комплексом факторов можно объяснить обилие здесь разновозрастных местонахождений палеолита.

Истоком Ахангарана является р. Акташсай, берущая свое начало на южных склонах Чаткальского хребта. В верхнем течении Ахангаран протекает в каньоне, врезанном в Ангренское плато [17]. В среднем течении долина реки вытянута в широтном направлении, где ее ширина изменяется от 2 км у г. Ангрена до 11 км у г. Ахангарана. Здесь она разделяется на две

ветви, одна из которых имеет юго-западное направление, а вторая – северо-западное. Здесь происходит слияние с долиной Чирчика.

В среднем течении р. Ахангаран на протяжении нескольких десятков километров прослеживаются плавные переходы от горных плато к ровной долине, что обеспечивало богатый выбор биоресурсов, который привлекал палеолитического человека. Группа палеолитических объектов, преимущественно стоянок-мастерских с экспонированным материалом (Кызылалма-1, -4, Гыштсай-1, -2, Шиванбай-1, -2, Яккабог, Саглам), среди которых особое место занимает многослойная стоянка Кульбулак, локализуется вблизи г. Ангрена на пологом юго-восточном склоне Чаткальского хребта, обрамляющем долину р. Ахангаран в ее среднем течении по правому борту [18, 19]. Абсолютные высоты на данной территории колеблются в пределах от 900 м (долины рек) до 1 500 м (среднегорные возвышенности). Стоянки приурочены к выходам палеогеновых и меловых пород в тех местах, где они прорезаны горными ручьями (саями) – Кызылалмасаем, Гыштсаем, Карабагсаем и др., и обнажены включенные в них кремни.

Материалы памятников рассмотренных территорий – верховий Чирчика и среднего течения Ахангарана (главным образом Оби-Рахмата и Кульбулака) традиционно играют ключевую роль при культурно-хронологической характеристике среднего палеолита не только Приташкентского района, но и всего среднеазиатского региона [2, 4, 20–25].

М.Р. Касымов, основываясь на изучении коллекций каменных изделий с многослойной стоянки Кульбулак, впервые заявил о выделении отдельного зубчатого варианта мустье в регионе (и конкретно в Узбекистане) [20, 21].

Р.Х. Сулейманов [4] также использовал материалы Кульбулака и Обирахмата для обоснования собственного фациального разделения среднеазиатского мустье. По его мнению, в нем можно выделить две большие группы: зубчатые индустрии, эталоном для которых Р.Х. Сулейманов, вслед за М.Р. Касымовым, называет стоянку Кульбулак; памятники обирахматской культуры, сгруппированные вокруг эпонимного объекта. Позднее, основываясь на тех же материалах, исследователь говорит уже не о фациях, а о путях развития среднепалеолитических культур региона: левалуазском и зубчатом [22].

Т.М. Оманжулов в кандидатской диссертации, посвященной мустьерским памятникам «Ташкентского оазиса», также разделяет их на две группы: с тейяско-зубчатыми индустриями (куда, помимо Кульбулака, включены стоянки Бозсу-1 и -2, Кухисимская и Бургулюксай) и относящиеся к обирахматской культуре (Оби-Рахмат, Пальтау, Ходжакент-1, -2 и др.) [23].

У.И. Исламов также разделил все памятники эпохи мустье в этом районе на два основных локальных варианта [24]. Первый вариант – зубчатое мустье с преобладанием тейякской техники, был выделен на основе материалов Кульбулака, Кухисима, Бозсу 1–6, Наволия. Сходные кульбулакской традиции памятники, по

мнению У.И. Исламова, были распространены на Кавказе, Передней Азии и в регионе Днестра – Прута в Европе. Второй вариант – леваллуа-мустьерский – был выделен на материалах Оби-Рахмата, Пальтау, Ходжа-кента-1 и -2, Чаткала-1 и -2. Исследователь предполагал, что обирахматская культура базировалась на технике пластинчатого и леваллуазского расщепления и имела сходные черты с памятниками Передней Азии.

На современном этапе исследований был предложен отказ от фациального деления среднего палеолита запада Центральной Азии, но с выделением в нем двух линий развития: мустьерской и пластинчатой (обирахматской) [2]. В последнюю включены индустрии грота Оби-Рахмат и новые материалы, полученные в 2010 г. [25] из слоя 23 стоянки Кульбулак. Именно эта культурная традиция была положена в основу региональной модели перехода к верхнему палеолиту [2].

Ситуация, в которой данные, полученные с многослойных стратифицированных толщ Оби-Рахмата и Кульбулака, обеспечивают практически весь объем информации о культурном наполнении среднего палеолита Приташкентского района [9–11, 13], постепенно начала изменяться после введения в научный оборот первых результатов раскопок стоянок Каттасай-1 и Каттасай-2 вблизи г. Янгибад в среднегорном поясе юго-восточных отрогов Чаткальского хребта. Материалы новых памятников в среднем течении Ахангарана позволяют говорить о новом адапционном варианте освоения этой территории древними популяциями [12, 26]. Применявшаяся обитателями стоянки Каттасай-1 схема необъемного раскалывания демонстрирует значительные сходства с леваллуазской технологией [12, 26]. Эта характеристика, как и присутствие в инструментарии стоянки типичного среднепалеолитического инвентаря, указывают, что каменные индустрии каттасайских стоянок могут принадлежать особой линии развития среднего палеолита запада Центральной Азии, ранее не представленной в изучаемом районе. Результаты датирования образцов моллюсков со стоянки Каттасай-1 свидетельствуют, что данная территория обживалась носителями среднепалеолитических традиций камнеобработки в период потепления, который соотносится со второй половиной MIS-3 [12]. Этот период времени в регионе характеризуется распространением комплексов раннего этапа кульбулакской верхнепалеолитической культуры [8]. Таким образом, наблюдается синхронное существование на одной ограниченной территории носителей среднепалеолитических и верхнепалеолитических традиций.

Чирчик-Ахангаранский оазис. Пересмотр положения о культурном единстве комплексов, предшествующих верхнему палеолиту на Западном Тянь-Шане, как и невозможность расположения разнокультурных вариантов в четкой хронологической последовательности (синхронность индустрий каттасайских комплексов и верхнего палеолита Кульбулака), требуют обратиться к материалам среднепалеолитических памятников низовой Чирчика и Ахангарана, как особой ландшафтной зоне на территории Приташкентского района.

Равнинные участки двух рек образуют Чирчик-Ахангаранский оазис, абсолютная высота которого составляет 300–400 м, что значительно ниже высотных отметок всех памятников, упоминавшихся ранее в тексте. Описываемая местность характеризуется сочетанием плоских равнин с вложенными в них широкими аллювиальными долинами Чирчика и Ахангарана, что разительно отличается от условий, в которых существовали древние обитатели Оби-Рахмата, Кульбулака и каттасайских стоянок. Это допускает возможность применения иных адаптационных стратегий в эпоху среднего палеолита.

Несмотря на преимущественно потревоженный контекст обнаружения артефактов, отнесенных к среднепалеолитическому времени, на территории Чирчик-Ахангаранского оазиса, есть насущная необходимость определить на основании опубликованных данных, насколько эти материалы соотносятся с известными сейчас синхронными культурными проявлениями предгорных и горных районов. На первом этапе исследования предлагается провести ранжирование памятников по ряду критериев (тип памятника, численность и состав коллекции, предлагаемая атрибуция, возможность смешения), которое позволит составить представление о каждом из них и определить объекты, перспективные для более глубокого изучения.

История изучения плейстоценовой эпохи этой местности не настолько насыщена событиями, как соседние районы. Основные открытия палеолитических местонахождений были сделаны в 50–60-х гг. XX в. в ходе непродолжительных работ Бозсуйской археологической экспедиции и Шашилакским отрядом Института истории и археологии АН УзССР, отрядами под руководством А.П. Окладникова, М.Р. Касимова и их учеников, а также профильными школьными кружками [27–29]. Всего в интересующем нас районе было обнаружено 15 местонахождений, предположительно содержащих материалы среднего палеолита. Данные по памятникам сгруппированы в таблицу. В нее помимо местонахождений, как предполагалось, среднепалеолитического возраста, были включены два объекта с единичными находками – «район Дам-арыка» и Сайлык, для которых предлагалась ашельская атрибуция по причине архаичного облика находок.

Анализ сведений из опубликованных источников позволил сделать заключения.

Большинство известных памятников расположено к западу – северо-западу от г. Ташкент в районе канала нижний Бозсу, который, видимо, проведен по древнему естественному руслу р. Каракамыш. Другой участок относительной концентрации находок – это Туябугузское водохранилище на слиянии Ахангарана и Бургулюкская.

Основной массив артефактов происходит с подъемных слоев. Только в двух случаях – на местонахождениях Бозсу-1 и Бозсу-2 (Шуралисай), удалось установить, что артефакты связаны с гравийно-галечным слоем, перекрытым толщей лёсса [30–32].

Таблица

Общие сведения о среднепалеолитических объектах Чирчик-Ахангаранского оазиса (по опубликованным данным)

№	Название	Расположение	Тип	Численность коллекции	Состав коллекции	Возможность смешения	Атрибуция (согласно публикации)	Ссылка на источник
1	Бозсу 1	Канал Бозсу, 28 км к ю.-з. от г. Ташкент	Подъемные сборы, стратиф. объект	Многочисл.	Нуклеусы, сколы, орудия, отходы производства	Высокая	Средний, верхний палеолит, средне-вековые	30
2	Шуралисай (Бозсу-2)	Канал Бозсу, 28 км к ю.-з. от г. Ташкент	Подъемные сборы, стратиф. объект	Малочисл.	Нуклеусы, сколы, орудия, отходы производства	Высокая	Средний, верхний палеолит	31, 32
3	Бозсу 3	Канал Бозсу, 28 км к ю.-з. от г. Ташкент	Подъемные сборы	Единичные находки	Неизвестен	Неизвестно	Средний палеолит	33
4	Бозсу 4	Канал Бозсу, 28 км к ю.-з. от г. Ташкент	Подъемные сборы	Единичные находки	Неизвестен	Неизвестно	Средний палеолит	33
5	Бозсу 5	Канал Бозсу, 28 км к ю.-з. от г. Ташкент	Подъемные сборы	Единичные находки	Неизвестен	Неизвестно	Средний палеолит	33
6	Бозсу 6	Канал Бозсу, 28 км к ю.-з. от г. Ташкент	Подъемные сборы	Малочисл.	Неизвестен	Высокая	Средний, верхний палеолит	33
7	Район Дам-арыка	г. Ташкент	Подъемные сборы	Единичные находки	Неизвестен	Низкая	Нижний палеолит	32
8	Каракамуш	Канал Бозсу, 28 км к ю.-з. от г. Ташкент	Подъемные сборы	Малочисл.	Нуклеусы, сколы, орудия, отходы производства	Низкая	Средний палеолит	23, 36
9	Каунча	Канал Бозсу, 28 км к ю.-з. от г. Ташкент	Подъемные сборы	Единичные находки	орудия			23, 36
10	Келес	р. Келес, в 20 км к с.-з. от г. Ташкент	Подъемные сборы	Малочисл.	Нуклеусы, сколы, орудия, отходы производства	Высокая	Средний, верхний палеолит, неолит	37
11	Сайлык	Правый берег р. Сайлык (правый приток р. Чирчик)	Подъемные сборы	Единичные находки	Орудия	Низкая	Нижний палеолит	34
12	Аксака-тасай	Левый берег р. Аксакатасай (левый приток р. Чирчик)	Подъемные сборы	Единичные находки	Орудия	Низкая	Средний палеолит	34
13	Карава-рдан	р. Чирчик, 40 км к в. от г. Ташкент	Подъемные сборы	Единичные находки	Орудия	Низкая	Средний палеолит	35
14	Туябугузское вдхр., пункт 2	Впадение р. Бургулюксай в р. Ахангаран	Подъемные сборы	Малочисл.	Нуклеусы, сколы, орудия, отходы производства	Высокая	Средний, верхний палеолит, неолит	38, 39
15	Туябугузское вдхр., пункт 3	Правый берег р. Ахангаран, в месте впадения в вдхр.	Подъемные сборы	Малочисл.	Нуклеусы, сколы, орудия, отходы производства	Высокая	Средний, верхний палеолит, неолит	38, 39

На объекте Бозсу-1 были проведены небольшие аварийные раскопки, результаты которых остались практически неопубликованными. Но и доступные сведения не оставляют сомнений в переотложенном состоянии археологического комплекса, о чем свидетельствует обнаружение вместе с каменными и костяными орудиями значительного количества керамической посуды XI–XII вв. [30]. На памятнике Бозсу-2 удалось осуществить общую привязку разреза к региональной стратиграфической шкале. Было установлено, что материал происходит из отложений ташкентского и голодностепского комплексов верхнего плейстоцена, при этом для голодностепских отложений даже был получен абсолютный возраст около 38 тыс. л.н. [31]. К сожалению, осталось неясным, происходит ли кость млекопитающего, которая послужила материалом для датирования, непосредственно из культурного слоя.

Численность коллекций варьирует от «многочисленной» (стоянка Бозсу-1 [30]) до нескольких предметов. Культурно-хронологическая атрибуция всех без исключения комплексов основана на применении типологического метода, что позволило с большой долей осторожности определить материал только до уровня эпохи. При этом наибольшие сомнения вызывают местонахождения с поверхностным залеганием единичных находок Бозсу 3–5, Сайлык, Аксакатасай, Каравардан, для которых основанием для среднепалеолитической атрибуции служил общий архаичный облик изделий [33, 36–37] без приведения каких-либо количественных показателей индустрии.

Заключение

Полученная в результате обзора опубликованных источников картина определяет невысокий познава-

тельный потенциал памятников на территории Чирчик-Ахангаранского оазиса, прежде отнесенных к среднему палеолиту. Прежде всего, все местонахождения характеризуются отсутствием стратиграфического контекста. В единичных случаях, когда археологический материал заключен в пачку рыхлых отложений (Бозсу-1 и Бозсу-2 [30–32]), нет сомнений в переотложенном характере комплексов. Кроме того, в большинстве случаев коллекции объектов малочисленны, что исключает возможность проведения корректных статистических процедур. Для большинства из них также свойственна размытость классификационных критериев, на которых основана возрастная атрибуция.

Отсутствие возрастных определений и оперирование исключительно типологическими характеристиками не позволяют в настоящий момент принять среднепалеолитический возраст рассмотренных местонахождений и тем более точно определить их позицию

в структуре условно синхронных индустрий региона. При этом следует указать, что материалы низовий Чирчика и Ахангарана по своему составу существенно не выбиваются из общего круга индустрий Приташкентского района: в них отсутствуют продукты нетипичных для региона технологий расщепления и экзотические типы орудий. Учитывая большое значение археологических памятников Чирчик-Ахангаранского оазиса для реконструкции культурных событий регионального среднего палеолита, необходимо возобновление полевых исследований в этом районе с целью поиска четко стратифицированных объектов палеолита. В качестве наиболее перспективных участков, видимо, стоит рассматривать район канала нижний Бозсу (древнее естественное русло р. Каракамыш, низовья Чирчика) и окрестности Туябугузского водохранилища (низовья Ахангарана).

Список источников

1. Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 561 с.
2. Кривошапкин А.И. Обирахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту в Центральной Азии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2012. 37 с.
3. Скворцов Ю.А. Элементы новейших тектонических движений Узбекистана (геоморфологическое строение и кайнозойские отложения горной и предгорной части) // Труды САГУ. Нов. Серия. Вып. 12. Геол.-геогр. науки. Кн. 1. Ташкент : УзФАН, 1949. 38 с.
4. Кривошапкин А.И., Новиков И.С., Аношкин А.А., Кулик Н.А. Геоморфология и археологические памятники долины реки Пальтау (Западный Тянь-Шань) // Геоморфология. 2003. № 4. С. 63–72.
5. Касымов М.Р. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1990. 47 с.
6. Сулейманов Р.Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент : ФАН, 1972. 172 с.
7. Павленок К.К. Технологии обработки камня в верхнем палеолите Западного Тянь-Шаня : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. 25 с.
8. Колобова К.А. Верхний палеолит Западного Памиро-Тянь-Шаня : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2014. 38 с.
9. Glantz M., Viola B., Wrinn P., Chikisheva T., Derevianko A., Krivoshepa A., Islamov U., Suleimanov R., Ritzman T. New hominin remains from Uzbekistan // Journal of Human Evolution. 2008. Vol. 55, Is. 2. P. 223–237. doi: 10.1016/j.jhevol.2007.12.007
10. Колобова К.А., Флас Д., Деревянко А.П., Павленок К.К., Исламов У.И., Кривошапкин А.И. Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2. С. 2–25.
11. Vandenbergh D.A.G., Flis D., De Dapper M., Van Nieuland J., Kolobova K., Pavlenok K., Islamov U., De Pelsmaeker E., Debeer A.-E., Buylaert J.-P. Revisiting the Palaeolithic site of Kulbulak (Uzbekistan): First results from luminescence dating // Quaternary International. 2014. Vol. 324. P. 180–189. doi: 10.1016/j.quaint.2013.09.011
12. Krajcarz M., Kot M., Pavlenok K., Fedorowicz S., Krajcarz M., Lazarev S., Mroczek P., Radzhabov A., Shneider S., Szymczak M., Szymczak K. Middle Paleolithic sites of Katta Sai in western Tian Shan piedmont, Central Asiatic loess zone: Geoarchaeological investigation of the site formation and the integrity of the lithic assemblages // Quaternary International. 2016. Vol. 399. P. 136–150. doi: 10.1016/j.quaint.2015.07.051
13. Kolobova K.A., Flis D., Krivoshepa A.I., Pavlenok K.K., Vandenbergh D., Dapper De M. Reassessment of the Lower Paleolithic (Acheulean) presence in the western Tien Shan // Archaeological and Anthropological Sciences. 2018. Vol. 10. P. 615–630. doi: 10.1007/s12520-016-0367-3
14. Васильковский Н.П. К возрастному расчленению четвертичных отложений Северо-Восточного Узбекистана // Труды Института геологии АН Узб. ССР. Ташкент, 1951. Вып. 6. С. 5–44.
15. Лазаренко А.А., Болиховская Н.С., Семенов В.В. Опытдробного стратиграфического расчленения лессовой формации Приташкентского района // Известия АН СССР. Серия: геологическая. 1980. № 5. С. 53–66.
16. Мавлянов Г.А., Исламов А.И. Четвертичные отложения Узбекистана // Проблемы геологии и полезных ископаемых Узбекистана. Ташкент : Фан, 1964. С. 54–72.
17. Абдуллаев Ш.Х. Морфоструктура Ангренской впадины. Ташкент : Фан, 1985. 117 с.
18. Касымов М.Р., Ростовцев О.М. Мастерские каменного века в долине р. Ангрен // История материальной культуры Таджикистана (ИМКУ). Ташкент : ФАН, 1969. № 8. С. 21–27.
19. Касымов М.Р. Памятники каменного века в долине Ангrena // Общественные науки в Узбекистане (ОНУ). 1967. № 2. С. 54–55.
20. Касымов М.Р., Годин М.Х. Важнейшие результаты исследований многослойной стоянки Кульбулак (по данным раскопок 1980–1982 гг.) // ИМКУ. 1984. № 19. С. 3–18.
21. Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе : Дониш, 1973. 170 с.
22. Ташкебаев Н.Х., Сулейманов Р.Х. Культура древнекаменного века долины Зарафшана. Ташкент : ФАН, 1980. 97 с.
23. Омонжулов Т.М. Мустьерские памятники Ташкентского оазиса (технично-типологическое исследование) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. 17 с.
24. Исламов У.И. Мустье Ташкентского оазиса // ИМКУ. Ташкент : ФАН, 1986. № 20. С. 9–19.
25. Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Флас Д., Павленок К.К., Исламов У.И., Лукьянова Г.Д. Индустрия слоя 23 стоянки Кульбулак по материалам раскопок 2010 года // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. XVI. С. 105–110.
26. Kot M., Pavlenok K., Radzhabov A., Sneider S., Szymczak K. Katta Sai: a Palaeolithic site in the Tian Shan piedmont, Uzbekistan, Central Asia // Antiquity Project Gallery. 2014. Vol. 88 (340). URL: <https://www.antiquity.ac.uk/projgall/kot340>
27. Шнайдер С.В., Хошимов Х.Б. Изучение палеолита на территории Западного Памиро-Тянь-Шаня: обзор концепций // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 7. С. 18–27.

28. Павленок К.К., Шнайдер С.В., Павленок Г.Д., Колобова К.А. Палеолит Северо-Западного Тянь-Шаня в свете новейших открытий // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 92–96.
29. Кривошапкин А.И., Павленок К.К., Шнайдер С.В. К вопросу о репрезентативности памятников среднего палеолита в западной части Центральной Азии // *Universum Humanitarium*. 2015. № 1. С. 15–28.
30. Полевые работы Узбекстанской археологической экспедиции в 1954–1955 гг. // ИМКУ. Ташкент : ФАН, 1959. № 1. С. 216–230.
31. Окладников А.П., Исламов У.И. Палеолитические находки в урочище Шуралисай // ИМКУ. Ташкент : ФАН, 1961. № 2. С. 51–60.
32. Парфенов Г.В. Работа кружка юных археологов Института истории и археологии АН УзССР в 1960 году // ОНУ. 1961. № 1. С. 71.
33. Касымов М., Менвапов С. Новые находки палеолитических орудий в окрестностях Янгиюля // ОНУ. 1975. № 6. С. 92–94.
34. Ташкенбаев Н.Х. О морфологических признаках Каракамышского палеолитического материала // ИМКУ. Ташкент : ФАН, 1969. № 2. С. 11–15.
35. Касымов М.Р., Крахмаль К.А. Стоянка каменного века «Келес» // ОНУ. 1984. № 1. С. 61–63.
36. Касымов М., Алимов К. Уникальные находки эпохи палеолита // ОНУ. 1978. № 8. С. 47–48.
37. Алимов К., Дуке Х., Крахмаль К. Кавардан – новый памятник палеолита // ОНУ. 1989. № 4. С. 60–61.
38. Касымов М.Р. Местонахождения каменного века // Древности Туябугуза. Ташкент : ФАН, 1978. С. 15–23.
39. Касымов М.Р., Дуке Х., Гречкина Т. О новых данных по каменному веку Туябугуза // ИМКУ. Ташкент : ФАН, 1979. № 15. С. 11–21.

References

1. Derevyanko, A.P. (2011) *Verkhniy paleolit v Afrike i Evrazii i formirovaniye cheloveka sovremennogo anatomicheskogo tipa* [Upper Paleolithic in Africa and Eurasia and the formation of a modern anatomical type]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS.
2. Krivoshepin, A.I. (2012) *Obirakhmatskiy variant perekhoda ot srednego k verkhnemu paleolitu v Tsentral'noy Azii* [Obirakhmatsky variant of the transition from the Middle to the Upper Paleolithic in Central Asia]. Abstract of History Dr. Diss. Novosibirsk.
3. Skvortsov, Yu.A. (1949) *Elementy noveysikh tektonicheskikh dvizheniy Uzbekistana (geomorfologicheskoe stroeniye i kaynozoyские otlozheniya gornoy i predgornoy chasti)* [Elements of the Latest Tectonic Movements in Uzbekistan (Geomorphological structure and Cenozoic deposits of the mountainous and foothill part)]. Tashkent: FAN.
4. Krivoshepin, A.I. et al. (2003) Geomorfologiya i arkhеologicheskie pamyatniki doliny reki Pal'tau (Zapadnyy Tyan'-Shan') [Geomorphology and archaeological sites of the Paltau river valley (Western Tien Shan)]. *Geomorfologiya*. 4. pp. 63–72.
5. Kasymov, M.R. (1990) *Problemy paleolita Sredney Azii i Yuzhnogo Kazakhstana (po materialam mnogosloynnoy paleoliticheskoy stoyanki Kul'bulak)* [Problems of the Paleolithic of Central Asia and South Kazakhstan (based on the materials of the multilayer Paleolithic site Kulbulak)]. Abstract of History Dr. Diss. Novosibirsk.
6. Suleymanov, R.Kh. (1979) *Statisticheskoye izucheniye kul'tury grota Obi-Rakhmat* [Statistical Study of the Culture of the Obi-Rahmat Grotto]. Tashkent: FAN.
7. Pavlenok, K.K. (2011) *Tekhnologii obrabotki kamnya v verkhnem paleolite Zapadnogo Tyan'-Shanya* [Technology of stone processing in the Upper Paleolithic of the Western Tien Shan]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
8. Kolobova, K.A. (2014) *Verkhniy paleolit Zapadnogo Pamiro-Tyan'-Shanya* [Upper Paleolithic of the Western Pamir-Tien Shan]. Abstract of History Dr. Diss. Novosibirsk.
9. Glantz, M. et al. (2008) New hominin remains from Uzbekistan. *Journal of Human Evolution*. 2008. 2 (55). pp. 223–237. DOI: 10.1016/j.jhevol.2007.12.007
10. Kolobova, K.A. et al. (2013) Kul'bulakskaya melkoplastinchataya traditsiya v verkhnem paleolite Tsentral'noy Azii [The Kulbulak small-blade tradition in the Upper Paleolithic of Central Asia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2. pp. 2–25.
11. Vandenberghe, D.A.G. et al. (2014) Revisiting the Palaeolithic site of Kulbulak (Uzbekistan): First results from luminescence dating. *Quaternary International*. 324. pp. 180–189. DOI: 10.1016/j.quaint.2013.09.011
12. Krajcarz, M. et al. (2016) Middle Paleolithic sites of Katta Sai in western Tian Shan piedmont, Central Asiatic loess zone: Geoarchaeological investigation of the site formation and the integrity of the lithic assemblages. *Quaternary International*. 399. pp. 136–150. DOI: 10.1016/j.quaint.2015.07.051
13. Kolobova, K.A. et al. (2018) Reassessment of the Lower Paleolithic (Acheulean) presence in the western Tien Shan. *Archaeological and Anthropological Sciences*. 10. pp. 615–630. DOI: 10.1007/s12520-016-0367-3
14. Vasil'kovskiy, N.P. (1951) K vozrastnomu raschleneniyu chetvertichnykh otlozheniy Severo-Vostochnogo Uzbekistana [To the age division of the Quaternary deposits of North-Eastern Uzbekistan]. *Trudy Instituta geologii AN Uz. SSR*. 6. pp. 5–44.
15. Lazarenko, A.A., Bolikhovskaya, N.S. & Semenov, V.V. (1980) Opyt drobnogo stratigraficheskogo raschleneniya lessovoy formatsii Pritashkentskogo rayona [Experience of fractional stratigraphic division of the loess formation of the Pritashkent region]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya: geol.* 5. pp. 53–66.
16. Mavlyanov, G.A. & Islamov, A.I. (1964) Chetvertichnye otlozheniya Uzbekistana [Quaternary deposits of Uzbekistan]. In: Mavlyanov, G.A. (ed.) *Problemy geologii i poleznykh iskopaemykh Uzbekistana* [Problems of Geology and Mineral Resources of Uzbekistan]. Tashkent: Fan. pp. 54–72.
17. Abdullaev, Sh.Kh. (1985) *Morfostruktura Angrenskoy vpadiny* [Morphostructure of the Angren Depression]. Tashkent: Fan.
18. Kasymov, M.R. & Rostovtsev, O.M. (1969) Masterskie kamennogo veka v doline r. Angren [Workshops of the Stone Age in the valley of the river Angren]. *Istoriya Material'noy Kultury Uzbekistana*. 8. pp. 21–27.
19. Kasymov, M.R. (1967) Pamyatniki kamennogo veka v doline Angrena [Monuments of the Stone Age in the Angren Valley]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane (ONU)*. 2. pp. 54–55.
20. Kasymov, M.R. & Godin, M.Kh. (1984) Vazhneyshie rezul'taty issledovaniy mnogosloynnoy stoyanki Kul'bulak (po dannym raskopok 1980–1982 gg.) [The most important results of studies of the multi-layer site Kulbulak (according to excavations in 1980–1982)]. *Istoriya Material'noy Kultury Uzbekistana*. 19. pp. 3–18.
21. Ranov, V.A. & Nesmeyanov, S.A. (1973) *Paleolit i stratigrafiya antropogena Sredney Azii* [Paleolithic and Stratigraphy of the Anthropogen of Central Asia]. Dushanbe: Donish.
22. Tashkebaev, N.Kh. & Suleymanov, R.Kh. (1980) *Kul'tura drevnekamennogo veka doliny Zarafshana* [The Culture of the Ancient Stone Age of the Zarafshan Valley]. Tashkent: FAN.
23. Omanzhulov, T.M. (1984) *Must'erskie pamyatniki Tashkentskogo oazisa (tekhniko-tipologicheskoye issledovaniye)* [Mousterian monuments of the Tashkent oasis (technical and typological study)]. Abstract of History Cand. Diss. Leningrad.
24. Islamov, U.I. (1986) Must'e Tashkentskogo oazisa [Mousterian of the Tashkent oasis]. *Istoriya Material'noy Kultury Uzbekistana*. 20. pp. 9–19.
25. Krivoshepin, A.I. et al. (2010) Industriya sloya 23 stoyanki Kul'bulak po materialam raskopok 2010 goda [Industry of layer 23 of the Kulbulak site based on materials from excavations in 2010]. *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. 16. pp. 105–110.
26. Kot, M. et al. (2014) Katta Sai: A Palaeolithic site in the Tian Shan piedmont, Uzbekistan, Central Asia. *Antiquity Project Gallery*. 88 (340). [Online] Available from: <https://www.antiquity.ac.uk/projgall/kot340>.
27. Shnayder, S.V. & Khoshimov, Kh.B. (2013) Izucheniye paleolita na territorii Zapadnogo Pamiro-Tyan'-Shanya: obzor kontseptsii [The study of the Paleolithic in the territory of the Western Pamir-Tien Shan: a review of concepts]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 7 (12). pp. 18–27.

28. Pavlenok, K.K. et al. (2013) Paleolit Severo-Zapadnogo Tyan'-Shanya v svete noveyshikh otkrytiy [Paleolithic of the Northwestern Tien Shan in the light of the latest discoveries]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2. pp. 92–96.
29. Krivoshepin, A.I., Pavlenok, K.K. & Shnyder, S.V. (2015) K voprosu o reprezentativnosti pamyatnikov srednego paleolita v zapadnoy chasti Tsentral'noy Azii [On the question of the representativeness of Middle Paleolithic sites in the western part of Central Asia]. *Universum Humanitarium*. 1. pp. 15–28.
30. Istoriya Material'noy Kultury Uzbekistana. (1959) Polevye raboty Uzbekistanskoy arkhologicheskoy ekspeditsii v 1954–1955 gg. [Field work of the Uzbekistan archaeological expedition in 1954–1955]. *Istoriya Material'noy Kultury Uzbekistana*. 1. pp. 216–230.
31. Okladnikov, A.P. & Islamov, U.I. (1961) Paleoliticheskie nakhodki v urochishche Shuralisay [Paleolithic finds in the Shuralisai tract]. *Istoriya Material'noy Kultury Uzbekistana*. 2. pp. 51–60.
32. Parfenov, G.V. (1961) Rabota kruzhka yunyh arkhologov Instituta istorii i arkhologii AN UzSSR v 1960 godu [The work of the circle of young archaeologists of the Institute of History and Archeology of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR in 1960]. *ONU*. 1. pp. 71.
33. Kasymov, M. & Menvapov, S. (1975) Novye nakhodki paleoliticheskikh orudiy v okrestnostyakh Yangiyulya [New finds of Paleolithic tools in the vicinity of Yangiyul]. *ONU*. 6. pp. 92–94.
34. Tashkenbaev, N.Kh. (1969) O morfologicheskikh priznakakh Karakamyshskogo paleoliticheskogo materiala [On the morphological features of the Karakamysh Paleolithic material]. *Istoriya Material'noy Kultury Uzbekistana*. 2. pp. 11–15.
35. Kasymov, M.R. & Krakhmal', K.A. (1984) Stoyanka kamennogo veka "Keles" [Stone Age site "Keles"]. *ONU*. 1. pp. 61–63.
36. Kasymov, M. & Alimov, K. (1978) Unikal'nye nakhodki epokhi paleolita [Unique finds of the Paleolithic era]. *ONU*. 8. pp. 47–48.
37. Alimov, K., Duke, Kh. & Krakhmal', K. (1989) Kavardan – novyy pamyatnik paleolita [Kavardan – a new monument of the Paleolithic]. *ONU*. 4. pp. 60–61.
38. Kasymov, M.R. (1978) Mestonakhozhdeniya kamennogo veka [Locations of the Stone Age]. In: Buryakov, Yu.F. et al. (eds) *Drevnosti Tuyabuguza* [Antiquities of Tuyabuguz]. Tashkent: FAN. pp. 15–23.
39. Kasymov, M.R., Duke, Kh. & Grechikina, T. (1979) O novykh dannykh po kamennomu veku Tuyabuguza [New Data on the Tuyabuguz Stone Age]. *Istoriya Material'noy Kultury Uzbekistana*. 15. pp. 11–12.

Информация об авторах:

Павленок Г.Д. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: lukianovagalina@yandex.ru

Когай С.А. – канд. ист. наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: kogai@irkutsk.ru

Хужаназаров М. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела археологии Шелкового пути Национального центра археологии Академии наук Республики Узбекистан (Ташкент, Республика Узбекистан). E-mail: sarmish@mail.ru

Мухтаров Г. – младший научный сотрудник отдела ландшафтной археологии Национального центра археологии Академии наук Республики Узбекистан (Ташкент, Республика Узбекистан). E-mail: gayratxon75@mail.ru

Павленок К.К. – канд. ист. наук, зам. директора по научно-организационной работе Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

G.D. Pavlenok, Cand. Sci. (History), senior research fellow, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: lukianovagalina@yandex.ru

S.A. Kogai, Cand. Sci. (History), research fellow, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kogai@irkutsk.ru

M. Khuzhanazarov, Cand. Sci. (History), senior research fellow, National Center of Archaeology Academy of Sciences Republic of Uzbekistan (Tashkent, Republic of Uzbekistan). E-mail: sarmish@mail.ru

G. Muhtarov, junior research fellow, National Center of Archaeology Academy of Sciences Republic of Uzbekistan (Tashkent, Republic of Uzbekistan). E-mail: sarmish@mail.ru

K.K. Pavlenok, Cand. Sci. (History), deputy director for science and organizational affairs, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.02.2019;
одобрена после рецензирования 10.05.2019; принята к публикации 30.11.2022.*

*The article was submitted 27.02.2019;
approved after reviewing 10.05.2019; accepted for publication 30.11.2022.*

Научная статья
УДК 433
doi: 10.17223/15617793/484/13

Развитие производства товаров широкого потребления в позднесоветском обществе (1950–1980-е гг.)

Павел Сергеевич Покидько¹

¹*Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова
Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
pavel.pokidko.85@mail.ru*

Аннотация. На основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов и опубликованных источников исследуются проблемы развития производства товаров широкого потребления в СССР в 1950–1980-е гг. на примере предприятий целлюлозно-бумажной промышленности Ленинградского промышленного района и Выборгского судостроительного завода. Уделено внимание влиянию профильных министерств на развитие производства потребительских товаров, сотрудничеству с НИИ, в ходе которых происходила наладка технологических процессов и расширение ассортимента производимых потребительских товаров. Дается ответ на вопрос о том, почему, несмотря на привлечение значительных материальных и технологических ресурсов, советской промышленности не удавалось производить в нужном количестве широкий ассортимент товаров, отвечающих запросам потребителей.

Ключевые слова: история СССР, Ленинградский промышленный район, ГОСТ, потребительские товары

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10017).

Для цитирования: Покидько П.С. Развитие производства товаров широкого потребления в позднесоветском обществе (1950–1980-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 115–123. doi: 10.17223/15617793/484/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/13

Development of consumer goods production in late Soviet society in the 1950s–1980s

Pavel S. Pokidko¹

¹*Saint Petersburg Branch of the S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation
pavel.pokidko.85@mail.ru*

Abstract. This article contains an outline of crucial milestones marking the drastic changes in state management of the consumer goods production in late Soviet Union. Planned economy meant enterprises operating under strict administrative requirements and a shortage of raw materials. On the basis of archival materials first introduced into scholarly discourse and published sources, the problems of the development of the production of consumer goods in the USSR in the 1950s–1980s are investigated on the example of enterprises of the pulp and paper industry of the Leningrad industrial region. The enterprises produced high-quality goods in limited quantities for specific purposes and a mass of lower-quality goods for final consumers. Georgy Malenkov, the head of the Council of Ministers, initiated inaugurating special shops for producing mass market consumer goods on various factories in the 1950s, which led to increases in production, both in variety and volume of goods. In the 1960s and the 1970s, Alexei Kosygin launched a new economic reform aimed to increase the mass market goods production and to broaden the range of goods offered to Soviet citizens. In this period, factories were reconstructed and modernized. As the State Standard (GOST) requirements remained relatively high and strict, and bureaucratic organs imposed conflicting and contradictory claims on the production, the goods' way to the mass market remained long and slow. Deficit of consumer goods used to be among the disadvantages of socialist economy during the period surveyed in this article. The main point is that the deficit of raw materials and machinery did not play the main role in the shortage of consumer goods on the Soviet mass market. The first and the most important obstacle was the bureaucracy and implementation of the State Standards (GOSTs) during consumer goods production and distribution. As a result, most of the factories chose to produce limited series of special high-quality goods for specific groups of consumers. And it brought more benefits to the factories than mass production. Thus, new technologies were employed in a meager number of cases and the consumer goods sector did not become a driver of innovative processes although it had a potential to adopt and develop numerous solutions – both

developed in the USSR and transferred from abroad. Even the status of consumer goods shops at the majority of factories remained insignificant, non-profile, non-prestigious. And still, demands of Soviet people to consume high-quality goods in broad verities left unsatisfied for the four-decade period surveyed in the article.

Keywords: USSR history, Leningrad industrial district, GOST, consumer goods

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 19-78-10017

For citation: Pokidko, P.S. (2022) Development of consumer goods production in late Soviet society in the 1950s–1980s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 115–123. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/113

В СССР понятие «товары широкого спроса» включало в себя большой список разнообразной продукции – от бумаги и изделий из нее, одежды, обуви, продуктов питания до бытовой техники и электроники. С 1920-х гг. после начала работы первых цехов по производству товаров народного потребления (сокращенно ширпотреба) на заводах этой аббревиатурой стали означать не только их, но и изготавливаемую в цехах продукцию. Очень часто из-за недостатков ресурсов или отсутствия необходимых условий производства продукция не отвечала требованиям потребителей. Показательно, что к 1970–1980-м гг. слово ширпотреб в разговорной речи приобрело уничижительный оттенок, означающий товар массового спроса и низкого качества.

Широкий перечень товаров, производимых в цехах ширпотреба, позволял объединять производство продукции для военной и гражданской сфер. В результате макаронные заводы в любой момент были готовы перейти на производство картечи и снарядов, а спирт, производившийся на целлюлозно-бумажных комбинатах (ЦБК), использовался не только в пищевой промышленности, но и предохранял от коррозии важные механизмы на подводных лодках, широко применялся в радиоэлектронике и т.п. Производство такой продукции в условиях экономики, испытывавшей дефицит ресурсов, сталкивалось со множеством проблем [1]. В 1953 г. Г.М. Маленков в своей речи на пятой сессии Верховного совета СССР отмечал, что «на базе достигнутых успехов в развитии тяжелой промышленности у нас есть все условия для того, чтобы организовать крутой подъем производства предметов народного потребления... За последние 28 лет производство средств производства выросло в 55 раз, производство же предметов народного потребления за этот период увеличилось лишь примерно в 12 раз» [2. Л. 8]. Пример показывает последствия приоритетности распределения средств в условиях советской экономики. В результате этого легкая промышленность постоянно испытывала нехватку сырья и оборудования, необходимого для быстрого наращивания производства товаров широкого спроса.

Недостаток ресурсов отразился на определении понятия «качество». Его понимали по-разному советские граждане: партийные деятели, инженеры и потребители. Для партийных деятелей это было достижение поставленных в программе партии целей по освоению новых технологий и выпуску продукции с определенными характеристиками, инженеры понимали под ним соответствие нормам ГОСТа или техническим условиям (далее ТУ), а потребители хотели приобретать

продукцию в разнообразном ассортименте, чтобы она красиво выглядела и была удобна в повседневном использовании. Изготовление ширпотреба согласно ТУ, из имеющихся на производстве ресурсов не всегда удовлетворяло запросам потребителей. Как показала О. Дренда в книге «Польская хонтология», потребители часто были недовольны качественными характеристиками товаров: «мебель могла изготавливаться не из дерева, а из древесно-стружечной плиты, пропитанной токсичными клеями и отвердителями. Счастливый обладатель нового модуля, скажем, типа «Шторм»... зачастую должен был считаться с тем, что будет вдыхать формальдегид и фенол» [3]. Пример показывает, что в случае производства не по ГОСТам были многочисленные технологические отступления. С одной стороны, это позволяло выполнить план по ассортименту, с другой – потребители сталкивались со сложностями при использовании такой продукции. Массовое производство потребительских товаров согласно нормам ТУ быстро развивалось в результате наличия сырьевой базы, в качестве которой использовались отходы производства. На ЦБК для этого использовали сучки, всевозможные отходы, образовавшиеся при производственных процессах, и бракованную целлюлозу (подробнее про производство спирта и целлюлозы на ЦБК в Ленинградском промышленном районе см.: [4, 5]). Качественной считалась целлюлоза, соответствующая нормам ГОСТа по химическим компонентам и не имеющая производственных дефектов (непровары, цвет, загрязненность посторонними веществами и т.п.).

В СССР, в отличие от капиталистических стран, при развитии производства потребительских товаров в «непрофильных» цехах в первую очередь ориентировались на удовлетворение потребностей организаций-заказчиков, а не покупателей. В капиталистических странах на первое место ставили запросы потребителей. Так, корейская компания «Samsung» для увеличения прибыльности производства, кроме буровых платформ, танкеров, судов, используя отходы от основного производства, успешно изготавливает электронику (смартфоны, телевизоры, микросхемы и т.п.). Соответствие продукции требованиям потребителей сделало Samsung крупнейшим производителем электроники в мире. Выбранная стратегия развития технологий позволила создать общество изобилия в капиталистических странах в 1950–1980-е гг. Удерживать лидерство компании помогает инвестирование значительных средств в научные исследования, разработка на их основе технологий для удовлетворения требований потребителей к новым образцам техники.

Создать общество изобилия потребительских товаров стремились при развитии производства товаров народного потребления и в СССР. Для этого развивалось производство потребительских товаров в непрофильных цехах на различных предприятиях. Наиболее интенсивно происходило создание цехов по производству товаров широкого спроса в промышленно развитых регионах, обладающих необходимыми производственными и технологическими ресурсами (например, Карельский перешеек). Большая их концентрация наблюдалась на группе предприятий, имевших особый статус или возможность получать сырье сверх установленных лимитов. К ним относились целлюлозно-бумажные комбинаты и заводы на Карельском перешейке. Статус «ведущего в отрасли» Светогорского целлюлозно-бумажного комбината давал ему и входившей в его состав Каменногорской фабрике офсетных бумаг возможность получать необходимые ресурсы и оборудование сверх установленных лимитов. Судостроительный завод в Выборге также относился к предприятиям, снабжаемым ресурсами сверх установленных лимитов. Это было необходимо для строительства первых кораблей новых серий и срочного ремонта судов. Развитие цехов ширпотреба на таких предприятиях было возможно, так как имелись инструментальные производства, которые могли изготовить различные станки и оборудование, необходимые для выпуска новых видов продукции. Таким образом, наличие ресурсов и технических возможностей способствовало решению проблемы увеличения производства дефицитных товаров, востребованных у широких масс населения.

Общая дефицитность советской экономики создавала множество проблем не только обычным гражданам, но и хозяйственникам. Эти проблемы решились за счет интенсивного развития производства. Так, в 1954 г.: «Совет Министров СССР и ЦК КПСС считают необходимым в ближайшие два-три года всемерно форсировать развитие легкой промышленности с тем, чтобы иметь в стране достаточное количество промышленных товаров широкого потребления и резко повысить обеспеченность населения ими. Для этого необходимо развернуть производство предметов народного потребления в таких масштабах, чтобы значительно раньше выполнить установленное пятилетним планом на 1955 г. задание по выработке этих изделий» [7. С. 1]. Для выполнения поставленных задач министерства и ведомства ускорили ввод предприятий легкой промышленности, а также стали развивать выпуск товаров народного потребления на непрофильных предприятиях. Например, в 1959 г. Выборгский судостроительный завод (ВСЗ) наладил выпуск большого количества товаров широкого спроса (санки, лыжи, дверные ручки, багажники, палатки и т.п.). Создание нового непрофильного производства стало реальным благодаря особому статусу предприятия, строившего корабли для ВМФ СССР [7]. Это давало возможность получать дефицитное сырье (прежде всего, металл) сверх лимита и использовать его для производства ширпотреба – металлических петель, скоб, шпингалетов, задвижек, сейфов и т.п. [8]. Особым спросом

пользовались детские коляски, производство которых с 1959 по 1963 г. выросло с 300 до 20 000 в год [9. С. 1]. В 1963 г. цех ширпотреба ВСЗ был преобразован в завод металлоизделий [9. С. 1]. В дальнейшем он выпускал детские коляски, тележки, парты и т.п. Как видно, в экономике с лимитированными ресурсами для сохранения объема поставок сырья предприятиям было выгодно организовывать непрофильное производство, продукция которого находила сбыт у широкого круга потребителей.

Иначе складывалась ситуация на целлюлозно-бумажных комбинатах. На Светогорском ЦБК из-за проблем с организацией производственных процессов предприятие имело большое количество отходов, бракованной целлюлозы и бумаги, а это сырье для производства востребованных в народном хозяйстве товаров. Детали коробок производили из брака и отходов сульфат-гофрированного картона [10. Л. 148]. Завод был одним из крупнейших в СССР. Картон был широко востребован в Ленинграде, Риге, Москве, Оренбурге, Воронеже, Иркутске, Уссурийске, Калининграде и других городах. На количество выпускаемых деталей коробок влияли установленные министерствами отпускные цены. Так, с 1949 по 1950 г. цена на картонные коробки, выпускаемые Светогорским ЦБК, снизилась в среднем на 2 р. В результате предприятие выпустило вместо 248 000 шт. всего 118 000 [10. Л. 148]. Пример показывает, что для развития производства товаров широкого спроса было важно формирование цены, позволяющей обеспечить рентабельность выпускаемой продукции. Непостоянный заказ потребительских товаров на ЦБК создавал условия для развития их производства. Так, в 1950 г. сократились заказы на упаковку от «Главхлеба». Это привело к снижению основной продукции цеха – коробок – и к переходу на выпуск деталей из картона различного назначения. Цех стал выпускать коробки для обуви, керогазов и макаронных изделий. В дальнейшем постоянное наличие сырья позволило картонной фабрике расширить выпуск новых сортов картона (гофротары, коробочного, кровельного). Широкий ассортимент товаров обеспечивался за счет усложнения организации технологических процессов, обмена опытом с родственными предприятиями. Низкая цена на отпускаемый товар и непостоянство заказов не позволили сохранить его производство в широком ассортименте. В результате к 1960 г. изделия из целлюлозы оставались в списке дефицитных товаров. В СССР не хватало туалетной бумаги, тетрадей, бумажных мешков и т.п. Это отмечалось в постановлении Совета министров СССР «О мерах по ликвидации отставания целлюлозно-бумажной промышленности»: «...несмотря на наличие в стране больших сырьевых ресурсов, производство бумаги, картона, целлюлозы изделий из них развивается слабо... Недостаточно выпускается бумаги для газет, журналов, книг» [11. Л. 22]. Руководство отрасли ставило перед предприятиями задачу производить товары, не уступающие западным аналогам. С этой целью из целлюлозы Приозерского целлюлозного завода на предприятиях легкой промышленности делали целлофан и картон [12. Л. 7]. В 1968 г. картон и целлофан разных цветов на выставке в Лондоне получили золотую медаль

[13. Л. 2]. В результате производство потребительских товаров в широком ассортименте по нормам ГОСТ было возможно, но в ограниченном количестве и для выполнения особых заказов. Из-за отсутствия жалоб от советских граждан на скудный ассортимент изделий из картона и бумаги, производство их развивалось в сторону удовлетворения запросов организаций заказчиков. Запрос на расширение потребительских товаров в широком ассортименте и с необходимыми для потребителей характеристиками оставался ограниченным, что направляло развитие цехов ширпотреба на производство массовой продукции в соответствии с ТУ.

Расширению ассортимента товаров широкого потребления способствовала экономическая реформа, проводившаяся под руководством председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина. Она ставила целью «...создать условия, при которых предприятия могли бы самостоятельно решать вопросы совершенствования производства и были заинтересованы в том, чтобы лучше использовать закреплённые за ними производственные фонды для увеличения выпуска продукции и размеров получаемой прибыли. Для этого надо оставить предприятиям из их прибыли больше средств, чтобы они могли развивать производство, совершенствовать технику, материально поощрять работников» [14. С. 3]. В новых экономических условиях продукция для потребителей становилась важным источником прибыли предприятий, которой они могли самостоятельно распоряжаться. Развитие производства потребительских товаров на Выборгском судостроительном заводе было связано с закупкой необходимых материалов. Специфика производства была такова, что из одних только отходов, без дополнительных закупок материалов и оборудования невозможно было производить потребительские товары. Во исполнение постановления ЦК КПСС «О мерах по расширению производства товаров широкого спроса», вышедшего в 1966 г., на ВСЗ был создан особый отдел, который занимался производством ширпотреба от проектирования до реализации. Выпуск товаров народного потребления сочетался с развитием строительства нового типа судов – пакетовозов, а позднее – буровых платформ. Суда необходимо было обеспечивать мебелью, это стало дополнительным стимулом для производства товаров народного потребления. Мебель для судов производилась в ограниченном количестве, а основная масса продукции могла реализовываться советским потребителям, что повышало рентабельность цеха. За реализацию продукции населению предприятие получало в упрощённом порядке необходимое сырьё и оборудование. Это делало цех ширпотреба важным звеном для ускорения работы основного производства.

Сочетание использования отходов производства с поставками сырья для ширпотреба позволило наладить выпуск товаров, удовлетворявших потребности советских покупателей. Сначала на заводе был налажен выпуск детских колясок, в 1967 г. цех начал выпускать автомобильные багажники. «Варили багажники лучшие сварщики завода, красили вначале под открытым небом, потом под навесом, а сушить возили на склад

канатов. Всего за 1967 г. было выпущено 5 660 багажников. И 20 000 пар лыж на сумму 133 000 рублей» [15. Л. 72]. В 1970 г. начался выпуск санок двух видов и подсвечников. Санки шли трудно, но благодаря требовательности конструктора ОТК Н.С. Боболева продукции уже в конце 1970 г. был присвоен отраслевой знак качества. Продвижению производства санок способствовало предложение инженера В.Д. Сахатова штамповать санки на прессе, где рабочим инструментом являлась вода. Освоение подсвечников прошло незаметно, не считая больших потерь деталей на участках полировки, при транспортировке и т.п. [15. Л. 72]. В 1987 г., когда в витрине магазина выставили образец нового совка с щёткой, более 600 человек изъявили желание его приобрести» [16. С. 3].

Одной из главных проблем, не позволившей расширять ассортимент, были непостоянные поставки ресурсов. Так, производство палаток «Сайма» в широком ассортименте прекращено из-за проблем с поставками тканей. После перехода Орехово-Зуевского комбината в Московской области с выпуска тканей разных цветов на блеклые ткани цвета хаки палатки оказались неконкурентоспособны на внешнем рынке [17. С. 2]. Продукция перестала пользоваться спросом, так как новый материал был не солнцестойким, имел недостаточную водоотталкивающую пропитку. Обращение представителей судостроительного завода к комбинату с призывом выпускать ткани разных цветов не дало результата. Пример показывает, что для длительного производства товаров в широком ассортименте должно было быть заинтересовано не одно, а группа предприятий. Если одному из предприятий становилось невыгодно участвовать в производственном процессе, то изменялись качественные свойства продукции, ассортимент. В результате для развития производства потребительских товаров в СССР стало важно постоянство планов министерств и предприятий легкой промышленности по выпуску продукции. При соблюдении этих условий за счет ресурсов самого предприятия было возможно производство товаров в ограниченном ассортименте согласно нормам ТУ. Продукция явно не соответствовала ожиданиям потребителей, это привело к тому, что слово «ширпотреб» из аббревиатуры цехов превратилось в синоним товаров с низким качеством.

Проблемы несоответствия продукции стандартам рассматривались на заседаниях различных уровней. Так, в 1975 г. на коллегии и президиуме ЦК профсоюза рабочих лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности выступавшие рассказывали о проблемах в отрасли с выпуском потребительских товаров: «В 1975 г. по просьбе министерства Госстандартов СССР было разрешено отступление по 28 ГОСТам. Все еще остается высоким количество рекламаций и претензий потребителей на низкое качество и ограниченный ассортимент выпускаемой продукции. В течение длительного периода осваивается производство картона высших марок, отдельных видов целлюлозы» [18. Л. 3]. В пятилетнем плане развития целлюлозно-бумажной промышленности на 1976–1980 гг. министерствам и ведомствам предписывалось обратить внимание на развитие товаров народного потребления,

неуклонное повышение их качества и расширение ассортимента. Торгующие организации предъявляли претензии и к ассортименту продукции: «Многие предприятия выпускают изделия с низким эстетическим оформлением. Так, в 1970-е гг. в Выборгском районе Ленинградской области на Каменногорской фабрике офсетных бумаг при изготовлении обложек тетрадей, записных книжек применялись, в основном, материалы темных цветов. Мало выпускалось продукции с яркими обложками, сочных тонов, с рисунками, отражающими достопримечательности страны. До настоящего времени не организовано производство цветных бумажных салфеток» [19. Л. 29]. Для расширения финансирования производства потребительских товаров Министерство целлюлозно-бумажной промышленности в 1971 г. решило: «Направить сверхплановые прибыли в первую очередь на производство обоев и товаров народного потребления. А также узлов деталей, необходимых для изготовления этих товаров» [20. Л. 39].

Таким образом, профильные министерства смогли изыскать финансирование для изготовления ряда товаров широкого спроса в достаточном количестве. Теперь потребители через торгующие организации предъявляли претензии к их ассортименту. Они хотели разнообразия потребительских товаров, которые удовлетворяют их повседневные запросы. После реконструкции ЦБК в Ленинградском промышленном районе (в 1970–1980-е гг.) производство потребительских товаров интенсивно развивается. В ходе реконструкции было налажено безотходное производство целлюлозы высокого качества. Из неё изготавливались товары, пользовавшиеся повышенным спросом (например, обои). Правда, в СССР только 2% производимых обоев выпускались со знаком качества [21. Л. 12.]. У населения пользовались спросом обои с рельефной глубокой печатью, гофрированные, гуммированные «под шелк» и влагостойкие. Для повышения качества обоев были необходимы изменения в технологических цепочках производства целлюлозы и продукции из неё. В Ленинградском промышленном районе изменения начались со Светогорского ЦБК. На предприятии в ходе реконструкции 1974–1976 гг. финские компании установили автоматизированное оборудование для варки целлюлозы. Наличие качественного сырья (по нормам ГОСТа) повлияло на развитие производства на других предприятиях отрасли. Так, в 1976 г. на Советском целлюлозно-бумажном заводе был расширен выпуск офсетной бумаги для газет, стали выпускаться обои и другие товары. На Саратовском ЦБК была выработана опытная партия обоев из целлюлозы, произведенной на Светогорском ЦБК. Пример показывает, что массовый выпуск потребительских товаров был возможен только в случае реконструкции нескольких предприятий и их полного перехода на выпуск новой продукции, соответствующей требованиям ГОСТов.

Проблемы с реализацией новой продукции возникли при производстве туалетной бумаги на Каменногорской фабрике офсетных бумаг. В 1984 г. в газете

«Выборгский большевик» в статье «Бумага для обоев» освещались успехи и проблемы нового производства: «Работать в новом цехе – одно удовольствие. Зарубежное оборудование с высокой производительностью, отличные условия труда, но работники нового цеха грозятся забастовкой. Что же их заставляет прибегать к этому? Месяц за месяцем госприемка в объединении охватывает новые товары вплоть до альбомов и тетрадок, которые делаются из отходов производства» [22. С. 3]. Госприемка не позволяла своевременно отгружать продукцию потребителям. Сложность с ее отменой была в том, что решение принималось в Москве Госстандартом СССР. И отменить это решение мог только Госстандарт. Таким образом, в СССР контролирующие органы замедляли производство товаров народного потребления. Одна из причин сохранения дефицита на товары из бумаги – завышенные требования к продукции, которая изготавливалась по ГОСТам. Это завело производство потребительских товаров в технологический тупик, который не позволял обеспечить массовость их изготовления. В капиталистических странах в ходе развития технологий стандартом для производства продукции были не ГОСТы, а нормы соответствия. Их ориентация на потребительский спрос делала его главным фактором развития технологий. Крупные компании самостоятельно или на заказ проводили исследования спроса и корректировали выпуск товаров, учитывая свои производственные возможности. В Европе и США удалось достичь изобилия потребительских товаров для массового потребления. В СССР же (в случае успешной разработки) востребованная продукция получала «знак качества», и предприятие могло производить такой товар, но только согласно указанным в ГОСТе характеристикам и с необходимой приемкой. Это затрудняло развитие производства и делало со временем технологический режим изготовления нерентабельным.

Параллельно с этим ряд качественных характеристик товаров не улучшался, так как на них не поступали жалобы от потребителей и организаций. В 1985 г. А. Большаков, механик с Баллахинского ЦБК, в статье «Серый газетный лист. Как сделать его белым?» писал: «интересовался у печатников, есть ли к нам (бумажникам) претензии. Отвечали: «Есть». И называли излишнюю сухость, наличие складок в рулонах. А вот об оттенке (газетной бумаги) они и словом не обмолвились. Наверное, потому, что этот показатель на выработке, на выполнении заданий типографии не сказывается» [23. Л. 1].

Пример показывает, что послевоенные поколения советских людей сформировали культуру потребления, в которой использовались имеющиеся вещи. В большинстве случаев выросшие в такой культуре потребители не предъявляли больших требований к потребительским товарам, так как у них не было примера использования вещей с высокими качественными характеристиками. В этих условиях производство потребительских товаров развивалось в сторону качества, необходимого для их эффективного использования в технологических процессах.

Такая технологическая цепочка позволила успешно развивать производство товаров по спецзаказам для определенных групп потребителей. Так, на Каменногорской фабрике офсетных бумаг, входившей в состав Светогорского ЦБК, в 1982 г. была проведена опытная выработка реактивной бумаги, предохраняющей финансово-хозяйственные документы от подделок. Параллельно с этим предприятие выпускало новый вид тетрадей. В результате реализации проекта советские потребители получили продукцию из бумаги в широком ассортименте и высокого качества (по нормам ГОСТ), а фабрика повысила свою прибыльность.

Иначе сложилась ситуация на Корюковской обоевой фабрике. На ней развитие производства осуществлялось за счет поэтапного бюджетного финансирования. После получения средств на первую часть работ в 1988 г. предприятие запустило первую очередь обоевого цеха, затем у Минлеспрома СССР не хватило валютных средств. Закупки оборудования отложили. При этом план на следующий год предприятию дали с учетом нового цеха. В результате «оборудование эксплуатируется на износ. Машины первой очереди постоянно работают на пределе» [24. С. 1]. В этих условиях невозможно было выполнять план и поддерживать производство продукции в соответствии с нормами ГОСТов в течение длительного времени. Несмотря на это, развитие производства товаров позволило временно улучшить ситуацию с расширением их ассортимента.

В 1980-е гг. появлению на рынке товаров, отвечающих требованиям нового поколения потребителей, способствовало перепрофилирование вредных для окружающей среды предприятий. Так, в связи с большим количеством выбросов в окружающую среду Приозерского ЦБЗ в 1986 г. изготовление целлюлозы на нем прекратилось, вместо этого на заводе наладили выпуск древесно-стружечных плит и мебели. Для нового предприятия Гипродрев (Государственный институт по проектированию предприятий деревообрабатывающей промышленности) разработал проекты размещения в бывших цехах комбината двух линий древесно-стружечных плит (ДСП-100) и одной линии мелко-древесной фракции (МДФ-50). В 1987 г. на предприятии организовали производство матрасов и сборку детской мебели. В 1988 г. был налажен выпуск кроватей, кушеток, трельяжей [25. Л. 30]. Мебель соответствовала требованиям потребителей и была представлена в широком ассортименте, поэтому за ней в магазинах выстраивались длинные очереди. Успешное перепрофилирование предприятия позволило сохранить рабочие места и обеспечить потребителей востребованными товарами.

В СССР массовое производство потребительских товаров испытывало трудности, так как в 1970–1980-е гг. министерства и ведомства оказывали помощь финансами и техникой только приоритетным технологиям. Так, в ходе реконструкции Светогорского ЦБК были построены цеха по производству сульфатной целлюлозы и налажено изготовление из нее кабельтовых бумаг и основы для киноплёнки [26. Л. 18]. Иначе обстояло дело с развитием производства мешков для

цемента, которое считалось менее приоритетным. Производство мешков из крепированной бумаги развивалось на Сеgezском ЦБК. Бумага имела свойство растягиваться и выдерживать большой вес, можно было делать мешки в 2–3 слоя [27. С. 1]. Директор Сеgezского ЦБК объяснял медленное развитие технологии непостоянством финансирования разработки и строительства новых линий. Ситуацию усугубляла нехватка оборудования и специальной бумаги. Иначе развивалось аналогичное производство в Финляндии. Фирма «Пагендарм» не только выпускала мешки для разных целей в большом количестве, но и самостоятельно работала и внедрила в производство спальные мешки, для изготовления которых использовался крепированный картон двух слоев с шестиугольным дном. Внутри мешка вставлялся вкладыш из трех слоев полиэтиленовой пленки с воздушными пузырьками [28. Л. 11]. Так, востребованность продукции у потребителей способствовала получению узкой специализации для цехов. В дальнейшем технологии быстро развивались, так как не требовалось разрешений и согласований на запуск нового вида продукции. При создании производства не возникло проблем с техникой и сырьем, а возможность вкладывать прибыль в развитие производства ускоряла разработку новых видов потребительских товаров.

В 1984 г. А. Сутурин в статье «Мешок с валютой» в газете «Лесная промышленность» писал, что Министерство бумажной промышленности, ссылаясь на загруженность предприятий, не спешит выделять необходимые средства на доработку технологии, и решение проблемы остановилось. В сложившейся ситуации производство товаров широкого профиля замедлилось, так как оно развивалось только за счет тех ресурсов, которые могли выделить на предприятии. В результате дефицита бумажных мешков жители поселков рядом с цементными заводами жаловались на «цементные бури». Для решения проблемы государство за валюту в год закупало 180 млн мешков при потребности в 2,03 млрд [27. С. 1]. Пример показывает, что при отсутствии возможности для предприятия самостоятельно принимать решения о производстве и развитии технологий имелось мало возможностей для выпуска продукции за счет собственных средств. Таким образом, требования граждан к потребительским товарам так и не стали главными для развития производства, так как в условиях плановой экономики главным приоритетом оставалось развитие средств производства (в бумажной промышленности это была целлюлоза).

Внимание к изготовлению товаров широкого профиля со стороны государства в 1950–1970-е гг. позволило решить проблему их нехватки для промышленности. В результате развитие производства определялось не спросом на продукцию, а нуждами отдельно взятых отраслей. В сложившейся ситуации министерства и ведомства решали, как и в каком количестве, ассортименте и какого качества будут производиться товары широкого спроса. При решении этих вопросов важную роль играло наличие сырья для изготовления продукции. Как правило, это вело к производству продукции согласно нормам ТУ и, как следствие, сокращению ассортимента.

Дефицит сырья и оборудования – не главная причина, сдерживающая производство потребительской продукции в широком ассортименте. На первое место выходили высокие требования ГОСТов для выпуска продукции. Достичь соответствия товаров широкого спроса требованиям потребителей получалось, если это были товары двойного назначения или ресурсы предоставлялись предприятию в приоритетном порядке. В ходе этих процессов сотрудничество с НИИ и профильными министерствами, в компетенции которых было решение проблем производства и реализации продукции, позволяло выйти из технологического тупика, так как удавалось решить круг проблем, не позволяющих производить потребительские товары.

Реформы Косыгина повысили статус потребительских товаров в советском обществе, их изготовление стало важным источником для получения ресурсов и прибыли для предприятий. На ЦБК появились профильные цеха по выпуску обоев, туалетной бумаги и т.п. Из специально произведенной целлюлозы стали производить обои, туалетную бумагу, а судостроительный завод за расширение производства ширпотреба стал в приоритетном порядке получать ресурсы для основного производства. Несмотря на это, на предприятиях статус потребительских товаров оставался неопределенным, что замедляло ритмичность производства продукции в широком ассортименте, соответствующей требованиям потребителей. В результате этого товары, соответствующие нормам ГОСТа и имеющие «знак качества», изготавливались в ограниченном количестве. В этой ситуации не произошло массовой специализации цехов ширпотреба на производстве определенной группы товаров, как на западе. Цеха ширпотреба на различных производствах в 1980-е гг. продолжали производить разнообразные товары в зависимости от наличия ресурсов и их заказа со стороны министерств и потребностей покупателей. Вследствие этих

процессов мало внимания уделялось вопросам улучшения качественных характеристик продукции согласно запросам потребителей. При этом развитие цехов ширпотреба позволило улучшить производственные связи внутри предприятий и за его пределами. Отходы производства превращались в ресурсы для производства товаров широкого профиля, что позволяло создать полный цикл переработки сырья.

Таким образом, в сложившейся ситуации потенциал производства по внедрению и развитию технологий, способный решить проблемы изготовления потребительских товаров, столкнулся с рядом ограничений. Контроль министерств над предприятиями и невозможность отдельно взятых заводов ориентироваться на потребности граждан не позволили организовать производство продукции, соответствующей требованиям потребителей, в нужном ассортименте. Немаловажным в этой ситуации стало то, что со стороны граждан до 1970-х гг. не поступали массовые запросы и претензии к производителям на ряд качественных характеристик товаров широкого спроса. Так, в сложившейся системе отношений производство–потребитель мнение покупателей имело совещательный характер. В результате у потребительских товаров в СССР на предприятиях так и не появился постоянный статус, который требовался для отработки технологических процессов, необходимых для специализации производства на изготовлении определенной группы непрофильных товаров. Неполучение постоянной специализации большинством цехов привело к тому, что запрос советских потребителей на продукцию, соответствующую их требованиям в широком ассортименте, так и остался неудовлетворенным, а цеха по производству товаров широкого потребления не приобрели узкую специализацию и продолжили, за редким исключением, называться цехами ширпотреба.

Список источников

1. Корнаи Я. Дефицит. М., 1990. 608 с.
2. Маленков Г.М. Речь на пятой сессии Верховного совета СССР. М., 1953. URL: <https://malenkov.ssr.ru/19530808.pdf> (дата обращения: 20.10.2021).
3. Дренда О. Польская хонтология. М., 2018.
4. Kochetkova E.A. The Soviet Forestry Industry in the 1950s and 1960s: A Project of Modernization and Technology Transfer from Finland : PhD Thesis. Helsinki, 2017. URL: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/180930> (дата обращения: 07.09.2021).
5. Kochetkova E., Pokidko P. Soviet Industrial Production and Waste Dispersal: A Case Study of Pulp and Paper Plants on the Karelian Isthmus, 1940s–1980s // Scandinavian Economic History Review. 2019. Vol. 67, № 3. P. 269–282.
6. Резко повысить обеспеченность населения промышленными товарами // Ленинградская правда. 28 октября 1953.
7. Описание к фонду Ленинградского областного исторического архива (ЛОГИА). Ф. Р-197. Выборгский судостроительный завод. URL: <http://surl.li/afirq> (дата обращения: 14.09.2020).
8. Паспорт сверхлимитной стройки завода № 870 Ленсовнархоза г. Выборг // ЛОГИА. Ф. Р-197. Оп. 2. Д. 12.
9. Производство товаров народного потребления на Выборгском судостроительном заводе // Машинопись, папка Выборгский судостроительный завод. Архивные фонды Объединенного музея-заповедника Выборгский замок.
10. Годовой отчет по основной деятельности 1950 // ЛОГИА. Ф. Р-180. Оп. 4. Д. 138.
11. Постановление Центрального комитета КПСС и Совета министров СССР № 478 «О мерах по ликвидации отставания целлюлозно-бумажной промышленности». 1960 г. // Центральный государственный архив научно-технической документации (ЦГА НТД) Ф. 48. Оп. 1-1. Д. 183.
12. Протоколы технологических совещаний 1986 // ЛОГИА. Р-1431. Оп. 1. Д. 1413.
13. Об участии завода в промышленной выставке в Лондоне // ЛОГИА. Ф. Р-1431. Оп. 1. Д. 636.
14. Доклад товарища А.Н. Косыгина // Смена. 1965. 28 сентября.
15. Производство товаров народного потребления на Выборгском судостроительном заводе // Библиотека объединенного музея-заповедника Выборгский замок, папка Выборгский судостроительный завод.
16. Rogozina E. Удовлетворить наш спрос // Трудовая вахта. 1987. 3 ноября.
17. Емельянова Е. Сегодня конкурентоспособны, а завтра? // Трудовая вахта. 1989. 2 сентября.
18. Материалы рассекреченного заседания коллегии и президиума ЦК профсоюза рабочих лесной, бумажной, и деревообрабатывающей промышленности // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4442. Оп. 1. Д. 4024.

19. О пятилетнем плане развития целлюлозно-бумажной и лесохимической промышленности 1976–1980 // РГАЭ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 4046а.
20. Приказы, постановления, распоряжения Министерства и Главного управления целлюлозно-бумажной промышленности, относящиеся к деятельности завода. 1971 // ЛОГАВ. Ф. Р-1431. Оп. 1. Д. 761а.
21. Дело о мерах по увеличению производства, расширению ассортимента и повышению качества товаров культурно-бытового назначения на предприятиях Министерства целлюлозно-бумажной промышленности СССР в РСФСР. 1978 // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-254. Оп. 46. Д. 7645.
22. Бумага для обоев // Выборгский коммунист. 1984. 3 октября.
23. Серый газетный лист. Как сделать его белым? // Лесная промышленность. 1985. 1 октября.
24. Барабаш Д. Призрак в обойном цехе // Лесная промышленность. 1989. 24 марта.
25. Протоколы технических совещаний. 1988 // ЛОГАВ. Р-1431. Оп. 1. Д. 1447.
26. Годовой отчет по основной деятельности Светогорский ЦБК. 1983 // РГАЭ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 2364.
27. Сутурин. А. Мешок с валютой // Лесная промышленность. 1989. 11 февраля.
28. Мешки из крепированной бумаги // РГАЭ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 4239.

References

1. Kornai, J. (1990) *Defitsit* [Deficit]. Translated from Hungarian. Moscow: URSS.
2. Malenkov, G.M. (1953) *Rech' na pyatoy sessii verkhovnogo soveta SSSR* [Speech at the Fifth Session of the Supreme Soviet of the USSR]. Moscow: Gospolitizdat. [Online] Available from: <https://malenkov.ssr.ru/19530808.pdf> (Accessed: 20.10.2021).
3. Drenda, O. (2018) *Khontologiya* [Hauntology]. Translated from Polish. Moscow: Ad Marginem.
4. Kochetkova, E.A. (2017) *The Soviet Forestry Industry in the 1950s and 1960s: A Project of Modernization and Technology Transfer from Finland*. PhD Thesis. Helsinki. [Online] Available from: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/180930> (Accessed: 07.09.2021).
5. Kochetkova, E. & Pokidko, P. (2019) Soviet Industrial Production and Waste Dispersal: A Case Study of Pulp and Paper Plants on the Karelian Isthmus, 1940s – 1980s. *Scandinavian Economic History Review*. 3 (67). pp. 269–282.
6. Leningradskaya pravda. (1953) Rezko povysit' obespechennost' naseleniya promyshlennymi tovarami [Dramatically increase the provision of the population with industrial goods]. *Leningradskaya pravda*. 28 October.
7. Leningrad Oblast State Archive in Vyborg (LOGAV). Fund R-197. *Vyborgskiy sudostroitel'nyy zavod. Opisaniye k fondu* [Vyborg Shipbuilding Plant. Description to the fund]. [Online] Available from: <http://surl.li/afirq> (Accessed: 14.09.2020).
8. Leningrad Oblast State Archive in Vyborg (LOGAV). Fund R-197. List 2. File 12. *Pasport sverkhlimitnoy stroyki zavoda № 870 Lensovnarkhoza g. Vyborg* [Passport of the overlimit construction of plant No. 870 of the Lensovnarkhoz, Vyborg].
9. Archives of Vyborg Castle State Museum. Fund Vyborgskiy sudostroitel'nyy zavod [Vyborg Shipbuilding Plant]. *Proizvodstvo tovarov narodnogo potrebleniya na Vyborgskom sudostroitel'nom zavode* [Production of consumer goods at the Vyborg Shipbuilding Plant].
10. Leningrad Oblast State Archive in Vyborg (LOGAV). Fund R-180. List 4. File 138. *Godovoy otchet po osnovnoy deyatel'nosti 1950* [Annual report on core activities 1950].
11. Central State Archive of Scientific and Technical Documentation (TsGA NTD). Fund 48. List 1-1. File 183. *Postanovleniye Tsentral'nogo komiteta KPSS i Soveta ministrov SSSR №478 O merakh po likvidatsii otstavaniya tsellyulozno-bumazhnoy promyshlennosti. 1960* [Decree of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR No. 478 On measures to eliminate the backlog of the pulp and paper industry. 1960].
12. Leningrad Oblast State Archive in Vyborg (LOGAV). Fund R-1431. List 1. File 1413. *Protokoly tekhnologicheskikh soveshchaniy 1986* [Minutes of technological meetings 1986].
13. Leningrad Oblast State Archive in Vyborg (LOGAV). Fund R-1431. List 1. File 636. *Ob uchastie zavoda v promyshlennoy vystavke v Londone* [On the participation of the plant in an industrial exhibition in London].
14. Smena. (1965) Doklad tovarishcha A.N. Kosygina [Report of Comrade A.N. Kosygin]. *Smena*. 28 September.
15. Archives of Vyborg Castle State Museum. Fund Vyborgskiy sudostroitel'nyy zavod [Vyborg Shipbuilding Plant]. *Proizvodstvo tovarov narodnogo potrebleniya na Vyborgskom sudostroitel'nom zavode* [Production of consumer goods at the Vyborg Shipbuilding Plant].
16. Rogozina, E. (1987) Udovletvorit' nash spros [To satisfy our demand]. *Trudovaya vakhta*. 3 November.
17. Emel'yanova, E. (1989) Segodnya konkuretnospobny, a zavtra? [Today we are competitive, but tomorrow?]. *Trudovaya vakhta*. 2 September.
18. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 4442. List 1. File 4024. *Materialy rassekrechennogo zasedaniya kollegii i prezidiuma TsK profsoyuza rabochikh lesnoy, bumazhnoy, i derevoobrabatyvayushchey promyshlennosti* [Materials of the declassified meeting of the board and the presidium of the Central Committee of the trade union of workers in the forestry, paper, and woodworking industries].
19. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 442. List 1. File 4046a. *Opyatiletnem plane razvitiya tsellyulozno-bumazhnoy i lesokhimicheskoy promyshlennosti 1976–1980* [On the five-year plan for the development of the pulp and paper and wood-chemical industries 1976–1980].
20. Leningrad Oblast State Archive in Vyborg (LOGAV). F. R-1431. Op. 1. D. 761a. *Priказы, postanovleniya, rasporyazheniya Ministerstva i Glavnogo upravleniya tsellyulozno-bumazhnoy promyshlennosti, odnosyashchiesya k deyatel'nosti zavoda 1971* [Orders, resolutions, decrees of the Ministry and the Main Directorate of the pulp and paper industry related to the activities of the plant 1971].
21. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-254. List 46. File 7645. *Delo o merakh po uvelicheniyu proizvodstva, rasshireniyu assortimenta i povysheniyu kachestva tovarov kul'urno-bytovogo naznacheniya na predpriyatiyakh Ministerstva tsellyulozno-bumazhnoy promyshlennosti SSSR v RSFSR 1978* [The case of measures to increase production, expand the range and improve the quality of cultural and household goods at enterprises of the USSR Ministry of Pulp and Paper Industry in the RSFSR 1978].
22. Vyborgskiy kommunist. (1984) Bumaga dlya oboev [Paper for wallpaper]. *Vyborgskiy kommunist*. 3 October.
23. Lesnaya promyshlennost'. (1985) Seryy gazetnyy list. Kak sdelat' ego belym? [Gray newspaper sheet. How to make it white?]. *Lesnaya promyshlennost'*. 1 October.
24. Barabash, D. (1989) Prizrak v oboynom tsekh [Ghost in the upholstery shop]. *Lesnaya promyshlennost'*. 24 March.
25. Leningrad Oblast State Archive in Vyborg (LOGAV). Fund R-1431. List 1. File 1447. *Protokoly tekhnicheskikh soveshchaniy 1988* [Protocols of technical meetings 1988].
26. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 73. List 2. File 2364. *Godovoy otchet po osnovnoy deyatel'nosti Svetogorskiy TsBK 1983* [Annual report on the main activities of the Svetogorsk Pulp and Paper Mill 1983].
27. Sutin, A. (1989) Meshok s valyutoy [A bag of currency]. *Lesnaya promyshlennost'*. 11 February.
28. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 442. List 1. File 4239. *Meshki iz krepirovannoy bumagi* [Crepe paper bags].

Информация об авторе:

Покидько П.С. – аспирант Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: pavel.pokidko.85@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

P.S. Pokidko, postgraduate student, Saint Petersburg Branch of the S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: pavel.pokidko.85@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.01.2022;
одобрена после рецензирования 17.03.2022; принята к публикации 30.11.2022.*

*The article was submitted 04.01.2022;
approved after reviewing 17.03.2022; accepted for publication 30.11.2022.*

Научная статья
УДК 94(57)
doi: 10.17223/15617793/484/14

Масса и власть в тоталитарной культуре: советский Молотов в восприятии рабочего

Александр Владимирович Скиперских¹

¹*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Россия
pisatels@mail.ru*

Аннотация. Предпринята попытка рассмотреть, что представляло собой культурное пространство советского города Молотова в период войны (1941–1945). Попытка определения координат данного культурного пространства осуществляется с помощью обращения к эго-документу молодого рабочего одного из молотовских заводов, работавших в эвакуации. Изучение текста эго-документа А. Дмитриева позволяет сделать вывод о том, что культурное меню, указания на которое присутствует в авторской рефлексии, в большинстве своём являлось продуктом тоталитарной пропаганды, что, в свою очередь, способствовало легитимации советской государственной машины.

Ключевые слова: власть, культура, легитимация, Молотов, пропаганда, советская культура, СССР

Для цитирования: Скиперских А.В. Масса и власть в тоталитарной культуре: советский Молотов в восприятии рабочего // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 124–130. doi: 10.17223/15617793/484/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/14

Mass and power in totalitarian culture: The Soviet Molotov in the perception of a worker

Aleksandr V. Skiperskikh¹

¹*Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation
pisatels@mail.ru*

Abstract. In this article, the author shows how cultural life was organized in the Soviet city Molotov in 1941–1944. The aim of the study is to analyze the diary of a young Soviet worker in terms of his susceptibility to the cultural and political situation prevailing at that time in the USSR, as well as his connection with the Soviet ideological context on behalf of which culture is speaking. The objectives of the study are: to analyze the technology of political legitimization of the ruling regime, consisting in the use of cultural tools; to determine the specifics of the cultural layer of the Soviet Molotov and the specifics of its design; to explore the cultural repertoire of the Soviet province for its conditionality by the Soviet ideological context. In the study, the author used theoretical texts that reveal the nature of power and the specifics of its communication practices; fundamental works by N. Luhmann, E. Canetti, and I. Isaev. The study is based on the texts of well-known memory culture theorists, among which are H. Arendt and P. Bourdieu. The author also pays attention to the texts of contemporary theorists who have studied the cultural context of the political space of the past. These texts include research by H. Lubbe and J. Hellbeck. The existing discourse of the ego-documents of the Stalin era is represented by the studies of A. Kabatskov and O. Leybovich, whose observations largely correlate with the author's conception of the study of the ego-document of A. Dmitriev. The author also takes into account his already published observations on the diary of the Soviet worker. Based on the material of A. Dmitriev's ego diaries, the author shows how the Soviet ruling class adjusts the management of the masses with the help of cultural instruments. The form of the mass becomes obedient to the ruling elite. The stability and effectiveness of such communication seem obvious. Along with this, the government gets additional opportunities for political legitimization, allowing to vary the forms of coercion, among which culture is the most elegant and intellectual. Culture occupies an important place in the daily practice of the Soviet man. It is with the help of culture that positive impressions are made about oneself; it is culture that acts as an instrument of one's self-legitimation, actualization in the new Soviet reality. The author of the diary discusses his impressions connected with the consumption of cultural products - cinema, theater, ballet, literature, his meetings with Soviet celebrities. Soviet culture is in a clear ideological framework and follows the political course of the state and the party. Along with this, it becomes obvious that Soviet culture, acting as an important instrument of pressure on the consciousness of a Soviet person, also manifests itself as a conductor of political meanings.

Keywords: power, culture, legitimation, Molotov, propaganda, Soviet culture, USSR

For citation: Skiperskikh, A.V. (2022) Mass and power in totalitarian culture: The Soviet Molotov in the perception of a worker. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 124–130. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/14

Зарубежных и российских исследователей советской повседневности всё чаще заставляют обращать на себя внимание эго-документы, приподнимающие завесу над сталинским периодом советской истории. Не так давно пермские исследователи советской культуры под руководством доктора исторических наук, профессора О.Л. Лейбовича обработали очередную часть дневников Александра Ивановича Дмитриева (1918–2005) – рабочего завода им. И.В. Сталина из г. Молотова [1].

Автор дневника начинал описывать свою жизнь в возрасте 23 лет. Увидевшая свет часть дневников А. Дмитриева, относящаяся к послевоенному периоду, уже рассматривалась нами в контексте восприятия молодым рабочим советской послевоенной реальности. Автор дневника оказался её свидетелем, что, так или иначе повлияло на организацию им собственного быта с учётом текущей политической, социальной и культурной конъюнктуры. Определённый уровень образования и понимание идеологического контекста позволяли ему «понимать» принципы функционирования советской системы, что, в свою очередь, помогло извлечь из этого некие дивиденды.

Что-то подобное может обещать и выход новой части дневника, но уже «военного периода». Данной части дневника уже была дана оценка теоретиками советской повседневности [2, 3]. Советские дневники могут вполне претендовать на отдельный, специфический жанр, в рамках которого откровения передаются особым языком. На подобную особенность советских дневников, в частности, уже могли обращать внимание не только российские, но и зарубежные исследователи. В частности, Й. Хелльбек, работавший с советскими дневниками сталинского периода, склонен считать, что «советским рабочим не хватало политической грамотности для ведения “правильных” дневников» [4. С. 69]. Отсюда уход от обсуждения политических событий кажется вполне объяснимым.

Подобные откровения позволяют скорректировать представления о восприятии советского политического режима обществом – подтвердить или опровергнуть исследовательские гипотезы в отношении диалога советского человека и власти в кризисный период истории СССР, по поводу которого существует большое количество мистификаций.

В данной статье автор акцентирует внимание на взаимодействии власти и массы, осуществляющемся в рамках тоталитарной культуры. С точки зрения автора, тоталитарная практика определённым образом упрощает данное взаимодействие, делая его предсказуемым и эффективным в интересах правящего класса.

Советская культура как ресурс власти: теоретическая интродукция

Управление советскими массами осуществлялось не только с помощью практики принуждения, как за-

частую представляют тот период времени его мистификаторы. Нужно понимать, что власть оперировала не только исключительно репрессивными инструментами в интересах обеспечения подчинения. Диапазон её технологий был довольно разнообразен и включал в себя ещё и скрытые рычаги давления. Так, пытаясь управлять массами, власть создавала специфический культурный репертуар, с помощью которого ей удавалось контролировать общество изподволя, с помощью языка культуры. Автоматическое включение представителей рабочих профессий и интеллигенции в советский проект не оставляло им какого-либо альтернативного понимания советской культурной реальности. Массы должны были говорить на том языке, на котором свидетельствовала власть.

В данной работе нам было интересно рассмотреть, каким образом культура взаимодействовала с практиками конструирования особого массового сознания советских людей, способствуя легитимации правящего класса. Некоторые авторы уже отмечали подобную зависимость, при которой «коллективистское сознание, овладевшее строителями социализма, распространилось на все формы деятельности государства, в том числе, конечно, и на искусство» [5. С. 200]. Огромное значение культурной политики предполагалось самой ситуацией, при которой советский человек контролировался не только в практиках труда, но и в периоды потребления культурного продукта, в тот момент, когда ему требовалось расслабиться. Как некогда отмечал Ю. Лотман, нормированность, «проникавшая в частную жизнь человека империи, создавала психологическую потребность взрывов непредсказуемости» [6. С. 208].

Давление культуры на сознание могло значительно усиливаться в кризисные и переломные моменты, несмотря на то, что к качеству самих культурных текстов могут возникать вопросы. Некоторые исследователи уже обращали внимание на тот факт, что «созданные в период войны символы представляли собой противоречивое сочетание правды и вымысла, реальной повседневной героики, пропущенной сквозь призму официальной пропаганды и идеологического символизма позднего СССР» [7. С. 7]. Не умирающие в концовке советских военных фильмов герои, прошедшие страшное горнило переживаний и трагедий (зачастую именно с таким финалом приходится сталкиваться в советском военном кинематографе), вызывают определённое удивление, но, в то же время, нужно понимать, что именно в подобных образцах подражания была заинтересована советская пропаганда в период войны. Это вполне вписывалось в теоретические построения советских новаторов искусства. В частности, С. Эйзенштейн отмечал, что «мы на нашем конце земного шара не убегаем в сказку от реальности, но делаем сказку реальностью» [8. С. 194].

На наш взгляд, есть необходимость исследования подобного воздействия и определения оснований феноменальной общественной поддержки правящего режима. Знакомство с новой серией дневника А. Дмитриева удостоверило нас в мысли о цементирующем характере тоталитарной культуры, всеохватно завладевавшей сознанием масс и практически не оставлявшей им коридора для поиска и производства альтернативных культурных текстов. А. Дмитриев являлся частью подобной массы, поэтому послысы тоталитарной культуры были адресованы и ему лично. Власть удерживает в подчинении всю массу, равно, как и отдельного её члена. Подобная продуктивность тоталитарных режимов объясняется их всеохватностью – режим претендует на всё публичное пространство, подчиняя его и мобилизуя в интересах политической легитимации.

Город Молотов: особенности культурного слоя в советском тылу

Применительно к советскому Молотову необходимо отметить, что его культурное пространство было максимально советским и бдительно контролировалось властью. Власть безоговорочно претендовала на контроль над советским человеком вне зависимости того, в каком состоянии он находится. В этом как раз и раскрывалась сущность тоталитарной инженерии. Как справедливо отмечал О. Лейбович, власть контролирует не только пространство производства, но и пространство досуга – клубы и театры – немногие привлекательные места в социально опасном Молотове [9. С. 124]. Тем самым власть как будто закрепляет уже сложившиеся в сознании советского человека культурные и политические стереотипы, усиливая их.

В частности, немецкий исследователь Н. Луман уже высказывался по поводу данной технологии, отмечая, что «развлечение оказывает воздействие на уже существующее знание» [10. С. 93]. В другой своей работе Н. Луман говорил о том, что архитектором институций, распространяющих культуру, как раз является сама власть, создающая многочисленные учреждения, расширяющие селективные способности человека [11. С. 14]. Тем самым власть подчёркивает свой тотальный, всепоглощающий характер, контролируя не только объекты материальной культуры, но и практики и формы управления эмоциями. Всё это вписывается в логику тоталитарной культуры, что прямо и косвенно подтверждается в эго-документе А. Дмитриева.

Автор дневника работал на крупном предприятии г. Молотова, расположенном в советском тылу – заводе им. И.В. Сталина. Данный завод выпускал авиационные двигатели. Судя по личным откровениям автора, работа представлялась очень тяжёлой и ответственной. Рабочий находился в постоянном напряжении, вынужденный соблюдать трудовую дисциплину. Помимо работы на предприятии, труд рабочего требовался и в других местах. Это – общественные работы. Власть могла легко мобилизовать рабочих на них. Помимо этого, много времени ухо-

дило и на посещение различных курсов, подготовку к занятиям в техникуме, вдобавок автор регулярно задействовался властью в различных мобилизационных проектах. Значительные усилия требовались для обеспечения себя и своей семьи необходимыми продуктами – в дневнике содержались откровения по поводу того, скажем, сколько сил затрачивалось им на попытку выменять в деревне несколько килограмм картофеля и муки и какие расстояния при этом пришлось преодолеть.

Таким образом, рабочий оказывался в постоянной круговерти труда, в котором существовала постоянная необходимость. По этому поводу однажды убедительно высказался Ж. Бодрийяр, заметивший обречённость человека «на производство, это таинство труда, которым он пронизан насквозь как полон» [12. С. 60].

Масса увлекается трудом – ей необходимо постоянно актуализировать себя через трудовую практику. Именно поэтому в советской культуре могла складываться ситуация, при которой люди, «отмеченные необходимостью труда, не пытались изменить существующий порядок, порождая новые диспозиции в отношениях с властью» [13. С. 133].

А. Дмитриев представляется советским человеком – человеком устоявшегося порядка. Ему уже не требовалось искать себя в новой политической реальности и грезить о лучшей жизни. Автора дневника нельзя рассматривать в дискурсе политической деконструкции. Его не следует воспринимать как фигуру, сопротивляющуюся системе, в отличие от интеллектуалов, традиционно вырабатывающих некие формы альтернативного мышления, которые, как отмечала Х. Арентс, могут консолидировать думающих граждан в не самые лучшие политические времена [14].

У А. Дмитриева, безусловно, есть свой социальный круг, но тексты, производившиеся в его рамках, не принадлежали культуре сопротивления. Социальный круг автора дневника – рабочая молодёжь и эвакуированные в г. Молотов жители советских областей, охваченных войной. Политический порядок им не подвергался сомнению, равно как и теми, которые были частью его социального круга. Если и существовало какое-то недовольство, то оно не носило политического характера, а локализовалось на уровне производственных конфликтов и рационализаторских споров. Мишенью критики молодого советского рабочего не оказывались представители советского правящего класса. А. Дмитриев – часть лояльной массы. У советских людей того времени даже и не возникало мысли о том, что можно притязать на власть, что власть должна быть подотчётна, прозрачна и сменяема – тоталитарный дискурс не предполагает подобного раскрытия власти.

Культурное пространство Молотова в тот момент времени было организовано с учётом потребностей масс в культурных продуктах. Власть прекрасно понимала, что культура занимает важное место в повседневной практике советского человека. Именно с помощью культуры и производились позитивные впечатления о себе. Поэтому именно культура выступала

инструментом самолегитимации человека, его актуализации и в новой советской реальности.

Культурный репертуар представлялся властью для специфического типа человека. Это – «пролетарский тип», по словам Ч. Милоша, «насаждаемый нормативными эстетическими образцами» [15. С. 107]. Такой тип нравился властям, потому как он являлся продуктом их творчества, их точной инженерии. Так, потребителями культуры выступали «низкие, квадратные мужчины и женщины с короткими ногами и широкими бёдрами» [15. С. 107]..

Вообще, нужно понимать, что люди являются носителями специфического типа культуры, создавая при этом собственное культурное поле и обставляя его своеобразным интерьером из предметов материальной культуры, что в своё время заметил П. Бурдьё [16]. Вместе с тем процесс создания культурного поля происходил и при непосредственном деятельном участии власти, заинтересованной в постоянном легитимационном эффекте.

Лауреат трёх сталинских премий, советская писательница В. Панова, вспоминала едва ли не первое впечатление от Молотова, где ей некоторое время пришлось находиться во время эвакуации. В одном из текстов она описывала своё потрясение от вида трамвая, облепленного людьми, едущими на работу [17].

Культурный репертуар Молотова глазами советского рабочего

В Молотове показывали кино, спектакли, эвакуированный оперный театр предлагал оперу и балет. В тексте дневника содержались подтверждения высокой заинтересованности автора текущей культурной афишей – для провинциального Молотова всё культурное многообразие казалось чем-то выдающимся. А. Дмитриев максимально активно пытался реагировать на все значимые события в культурной жизни города.

Власть прекрасно понимала, какое значение для того времени имело кино. Искусство кино особо ценил И. Сталин, что во многом определяло его популярность. Советский кинематограф решал важную задачу удерживания массы в подчинении и донесения до её сознания необходимых смыслов. Кино воспринималось как некий дар власти, как некое таинство.

В биографическом тексте Б. Окуджавы «Девушка моей мечты» (1944) есть трогательные воспоминания о преображении послевоенного Тбилиси в моменты кинопоказов. Б. Окуджава признавался в многочисленных просмотрах данного фильма, выходявшего в цвете и резко контрастировавшего с окружающей реальностью [18]. Масса волновалась и переживала, когда находилась на эмоциональном подъёме, предвкушая волнительный просмотр.

Власть справлялась с задачей удержания массы в нужном направлении переживания реальности. Энергия масс использовалась в интересах собственной легитимности. Обеспечение данных замыслов как раз предполагало, что масса должна определённое время быть наедине с собой, что создавало ее

возбуждение, следуя предположению Э. Канетти [19. С. 34–35].

Описывая свойства массы в тоталитарных системах, что-то подобное отмечал и британский интеллектуал И. Берлин. «Общество удерживают в режиме постоянного движения» – данная мысль политического философа точно диагностировала состояние массы, подчёркивая её управляемость и ведомость [20. С. 357]. Если говорить о советском киноискусстве, то новые формы движения массы могли быть обнаружены в результате киномонтажных экспериментов С. Эйзенштейна. На наш взгляд, в этом может быть заключена прекрасная метафора советского управления и высокой общественной консолидации в интересах власти.

Вместе с тем власть не могла отделяться от массы, потому как она есть плоть от плоти самой массы. Власть не отдаляется на расстояние, свидетельствующее о нежелании власти говорить с массой и чувствовать её пульс и настроения. Этот аспект бытия власти справедливо отмечал И. Исаев, когда «полная изоляция власти и ее отрыв от массы опасны для власти: односторонняя связь, контроль, способность к просматриваемости подвластной сферы становятся качествами жизненно-важными» [21. С. 546]. Для этого массу периодически нужно заключать в пространства, напоминающие об идеологическом контексте. Культурное пространство предусмотрительно драпировалось в интересах правящего класса. «Улицы, заводы, залы собраний полны красных полотнищ с лозунгами флагов», – отмечал Ч. Милош в «Порабощённом разуме» [15. С. 107]. Культурное пространство по умолчанию схватывалось идеологической рамкой.

Развитие исторического процесса в СССР продемонстрировало губительную для государственных основ практику высвобождения массы от диктата власти. Печальный опыт конца 1980-х гг., когда рабочий класс стал демонстрировать свои «политические мускулы», привел к непоправимым последствиям [22. С. 119]. С подобными практиками демонстрации собственной политической зрелости были синхронизированы практики и других социальных групп. Однако до того времени ещё было далеко, да и масса находилась в состоянии высокой идеологической спаянности.

В своём эго-документе А. Дмитриев вспоминал о десятках фильмов, просмотренных им за период 1941–1944 гг. Репертуар варьировался от музыкальных комедий до военных фильмов, которые производились в эвакуации. Какие-то фильмы им просматривались несколько раз, что говорит о безусловном событии, которое представлял собой кинопоказ в провинциальном Молотове. В кинозал в то время было непросто достать билеты – сами условия кинопоказа создавали вокруг него таинственный и возжеланный ореол. Помимо прямых бенефиций посещения кинозала, понимавшихся обществом, существовали и безусловные интересы власти. Нельзя было не учитывать и тот факт, что просматривая фильмы, А. Дмитриев заряжался и определённой

порцией идеологического воздействия, пытаясь подражать киногероям, экстраполируя вымышленные ситуации на реальность, заимствуя лексику киногероев, их стилистику и т.д. Тоталитарные идеологи достаточно чётко давали понять, как следует разграничивать союзников и врагов. Поступающие указания чётко следовали в русле «генеральной линии партии» [5. С. 196].

Масса следовала изменениям и внешнеполитической конъюнктуры. У автора дневника были свидетельства подобного «смещения» государственно-го курса, что подтверждалось коррекциями в культурном репертуаре, расширившемся за счёт американских культурных продуктов, начиная с марта 1943 г. В частности, он вспоминал «Огни большого города» с Чарли Чаплиным (1931), «Серенаду солнечной долины» с Соней Хени (1941) и многие другие американские киноленты. Проникновение культур друг в друга не было в то время чем-то невероятным. Ещё в довоенный период отмечались попытки взаимодействия Голливуда с советской киноиндустрией, предполагавшие совместные проекты и съёмки в американских павильонах [8. С. 170].

Наряду с искусством кино, подчинявшим сознание советских масс, по-прежнему большое внимание уделялось и театральному искусству. В эго-документе А. Дмитриева содержались обращения к театральным постановкам по мотивам произведений соцреалистических классиков, просмотренным им за период ведения дневника.

Немаловажная роль в правильном направлении массы принадлежала и чтению. Знакомство с литературным репертуаром советского рабочего позволяет говорить о том, что автор и здесь не оказался освобождённым от идеологических рамок. Тем не менее А. Дмитриевым избиралась собственная траектория духовного развития. Система не до конца фильтровала литературный дискурс, не способная моментально реагировать на изменения внешней и внутренней политической конъюнктуры. Информации было довольно много и в ней становилось с каждым разом всё сложнее разбираться. Так постепенно складывалась ситуация, которая в определении немецкого теоретика культуры Г. Люббе получила определение «информационное загрязнение» [23. С. 170].

Культурное пространство советского Молотова, описывавшееся в эго-документе А. Дмитриева, безусловно, не раскрывалось исключительно в формах кинематографа, театра и чтения. Советский рабочий посещал цирк и танцевальные вечера, он пел, учился играть на музыкальном инструменте, пробовал себя в поэтическом творчестве и даже пытался сочинять музыку. Непременным атрибутом посиделок рабочей молодёжи в то время являлся патефон – в откровениях А. Дмитриева достаточно частой темой становился поиск патефонных пластинок.

У культурной жизни молодого советского рабочего были и свои вдохновители. Культурная сфера приобретала персональное измерение, когда автор связывает собственное духовное обогащение встречами с теми или иными звёздами советской культуры. Это были не встречи лицом к лицу. Советские «звёзды» наблюдались им из переполненных залов в моменты концертов и творческих встреч. Молодой рабочий упоминал о балеринах Н. Дудинской и Г. Улановой, певце В. Козине, ряде композиторов и литераторов, наполнявших советский тыл продуктами советской и мировой культуры. Данные фигуры выступали проводниками культуры, и, пытаясь сегодня прочитывать данный эго-документ через призму прошедшего времени, нельзя не понимать, как для молодого провинциала были важны встречи с ними.

В дневниковых записях могли быть упоминания о танцевальном досуге, о прогулках в парках скверах Молотова. Автор упоминал о частых вечерних гуляньях в Комсомольском сквере, расположенном на месте сквера напротив Театра оперы и балета. Совсем неподалёку от него находилась гостиница «Центральная» – одно из самых заметных и высоких зданий в городе. В своё время в ней жили С. Прокофьев, А. Хачатурян, Г. Уланова, Т. Вечеслова и другие деятели советской культуры. Автор дневника, скорее всего, не мог не понимать, что в годы войны данная гостиница «приняла большое количество звёзд» [24. С. 110].

Заключение

А. Дмитриев, находясь в системе координат советской культуры, был вынужден так или иначе знакомиться с её продуктами и давать им определённую оценку. Давление продуктов советской культуры на обычного представителя советского общества кажется вполне очевидной. Молодой советский рабочий был вынужден рефлексировать по поводу полученных впечатлений в своём дневнике. Действие культуры, маскирующей весьма чёткий политический и идеологический посыл, оказывалось настолько эффективным, что заставляло А. Дмитриева проводить едва ли не ежедневную ревизию и переоценку собственных представлений об окружающей реальности.

Текст эго-документа для нас является очевидным доказательством возможностей правящего класса в воспитании лояльного советского гражданина посредством культуры. Власть контролировала массу посредством прямых и косвенных технологий – дневники предоставляют нам достаточное количество свидетельств подобных объективаций. По сути дела, в дневнике А. Дмитриевым показывалось огромное значение культурного пространства, в раках которого происходило конструирование советского человека с нужным власти политическим набором оценок и взглядов.

Список источников

1. Лейбович О.Л., А.С. Кимерлинг А.С. и др. Дневник рабочего (VII.1941 – VII.1944). Документальная публикация. Пермь : ПермГАСПИ, 2017.
2. Кабацков А.Н. Образы войны по дневникам А.И. Дмитриева 1942–1944 годов // Вестник Пермского университета. История. 2016. № 3 (34). С. 117–129.
3. Скиперских А.В. Как при Сталине. Рецензия на документальную публикацию // Свободная мысль. 2015. № 4. С. 208–216.
4. Хелльбек Й. Революция от первого лица. Дневники сталинской эпохи. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 424 с.
5. Манин В.С. Искусство в резервации (Художественная жизнь в России 1917–1941 гг.). М. : Едиториал УРСС, 1999. 264 с.
6. Лотман Ю. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб. : Азбука, 2017. С. 608.
7. Советская повседневность и массовое сознание. 1939 – 1945. М. : РОССПЭН, 2003. 472 с.
8. Эйзенштейн С. Словесные портреты. М. : КоЛибри, 2016. 320 с.
9. Лейбович О.Л. Советский город Молотов в личностном измерении на рубеже 1940-х и 1950-х гг. // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 119–126.
10. Луман Н. Реальность массмедиа. М. : Праксис, 2005. 256 с.
11. Луман Н. Власть. М. : Праксис, 2001. 256 с.
12. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2009. 387 с.
13. Скиперских А.В. Дискурс политической власти в сказочном тексте: приглашение к медленному чтению. Елец : МУП «Типография» г. Ельца, 2011. 211 с.
14. Арендт Х. Люди в темные времена. М. : Московская школа политических исследований, 2003. 313 с.
15. Милош Ч. Порабощенный разум. М. : Летний сад, 2011. 285 с.
16. Бурдьё П. Социология политики. М. : SocioLogos, 1993. 336 с.
17. Панова В. Моё и только моё. М. : Звезда, 2005. 370 с.
18. Окуджава Б. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. М. : Современник, 1989. 413 с.
19. Канетти Э. Масса и власть. М. : Ad Marginem, 1997. 528 с.
20. Берлин И. История свободы. Россия. М. : Новое литературное обозрение, 2001. 544 с.
21. Исаев И.А. *Politica Hermetica*: скрытые аспекты власти. М. : Юрист, 2003. 575 с.
22. Shlapentokh V., O'Donnell N.F. The last years of the Soviet Empire. Snapshots from 1985–1991. Westport, Praeger Publishers, 1993. 240 p.
23. Люббе Г. В ногу со временем. Сокращённое пребывание в настоящем / пер. с нем. А. Григорьева, В. Куренного, М. Румянцевой. М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. 456 с.
24. Федотова С. Советская Пермь. Пермь : Траектория, 2017. 272 с.

References

1. Leybovich, O.L. et al. (2017) *Dnevnik rabochego (VII.1941 – VII.1944). Dokumental'naya publikatsiya* [Diary of a Worker (VII.1941 – VII.1944). Documentary publication]. Perm: PermGACPI.
2. Kabatskov, A.N. (2016) *Obrazy voyny po dnevnikam A.I. Dmitrieva 1942–1944 godov* [Images of war according to the diaries of A.I. Dmitriev 1942–1944]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 3 (34). pp. 117–129.
3. Skiperskikh, A.V. (2015) *Kak pri Staline. Retsenziya na dokumental'nyu publikatsiyu* [Like under Stalin. Review of a documentary publication]. *Svobodnaya mysl'*. 4. pp. 208–216.
4. Hellbeck, J. (2017) *Revolutsiya ot pervogo litsa. Dnevnik stalinskoy epokhi* [Revolution on My Mind: Writing diary under Stalin]. Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
5. Manin, V.S. (1999) *Iskusstvo v rezervatsii (Khudozhestvennaya zhizn' v Rossii 1917–1941 gg.)* [Art on the Reservation (Artistic Life in Russia 1917–1941)]. Moscow: Editorial URSS.
6. Lotman, Yu.M. (2017) *Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian Culture. Life and traditions of the Russian nobility (18th – early 19th centuries)]. Saint Petersburg: Azbuka. p. 608.
7. Livshin, A.Ya. & Orlov, I.B. (eds) (2003) *Sovetskaya povsednevnost' i massovoe soznanie. 1939–1945* [Soviet Everyday Life and Mass Consciousness. 1939–1945]. Moscow: ROSSPEN.
8. Eyzenshteyn, S.M. (2016) *Slovesnye portrety* [Verbal Portraits]. Moscow: KoLibri.
9. Leybovich, O.L. (2017) *Sovetskiy gorod Molotov v lichnostnom izmerenii na rubezhe 1940-kh i 1950-kh gg.* [The Soviet city of Molotov in the personal dimension at the turn of the 1940s and 1950s]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 3 (56). pp. 119–126.
10. Luhmann, N. (2005) *Real'nost' massmedia* [The Reality of the Mass Media]. Translated from English. Moscow: Praksis.
11. Luhmann, N. (2001) *Vlast'* [Trust and Power]. Translated from English. Moscow: Praksis.
12. Baudrillard, J. (2009) *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death]. Translated from French. Moscow: Dobrosvet.
13. Skiperskikh, A.V. (2011) *Diskurs politicheskoy vlasti v skazochnom tekste: priglasenie k medlennomu chteniyu* [The Discourse of Political Power in the Fairytale Text: An Invitation to Slow Reading]. Yelets: MUP "Tipografiya" g. El'tsa.
14. Arendt, H. (2003) *Lyudi v temnye vremena* [Men in Dark Times]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.
15. Miłosz, C. (2011) *Poraboshchenny razum* [The Captive Mind]. Translated from Polish. Moscow: Letniy sad.
16. Bourdieu, P. (1993) *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics]. Translated from French. Moscow: SocioLogos.
17. Panova, V. (2005) *Moe i tol'ko moe* [Mine and only mine]. Moscow: Zvezda.
18. Okudzhava, B. (1989) *Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh* [Selected Works in Two Volumes]. Vol. 2. Moscow: Sovremennik.
19. Canetti, E. (1997) *Massa i vlast'* [Crowds and Power]. Translated from German. Moscow: Ad Marginem.
20. Berlin, I. (2001) *Istoriya svobody. Rossiya* [History of Freedom. Russia]. Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
21. Isaev, I.A. (2003) *Politica Hermetica: skrytye aspekty vlasti* [Politica Hermetica: Hidden aspects of power]. Moscow: Yurist'.
22. Shlapentokh, V. & O'Donnell, N.F. (1993) *The last years of the Soviet Empire. Snapshots from 1985–1991*. Westport: Praeger Publishers.
23. Lübke, H. (2016) *V nogu so vremenem. Sokrashchennoe prebyvanie v nastoyashchem* [Keeping up with the Times. Abbreviated stay in the present]. Translated from German by A. Grigor'ev, V. Kurennoy & M. Rumyantseva. Moscow: HSE.
24. Fedotova, S. (2017) *Sovetskaya Perm'* [Soviet Perm]. Perm: Traektoriya.

Информация об авторе:

Скиперских А.В. – д-р полит. наук, профессор кафедры философии и социальных наук Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия). E-mail: pisatels@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Skiperskikh, Dr. Sci. (Political Science), professor, Bunin Yelets State University (Yelets, Russian Federation). E-mail: pisatels@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.03.2018;
одобрена после рецензирования 21.02.2019; принята к публикации 30.11.2022.*

*The article was submitted 19.03.2018;
approved after reviewing 21.02.2019; accepted for publication 30.11.2022.*

Научная статья
УДК 94(57)
doi: 10.17223/15617793/484/15

«Сибирский вестник» и сибирское областничество: эволюция отношений в 1885–1905 гг.

Илья Денисович Филонов¹, Василий Павлович Зиновьев²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ filonov_ilya@vk.com

² vpz@tsu.ru

Аннотация. Рассматривается эволюция отношений редакции праволиберальной томской газеты «Сибирский вестник» с редакцией областнического издания «Восточное обозрение», издаваемого в Санкт-Петербурге Н.М. Ядринцевым. Поводом для острых дискуссий было не только обычное пикирование конкурентов, но и разное понимание сторонами споров положения Сибири в империи. Областники показывали Сибирь эксплуатируемой колонией, редакция «Сибирского вестника» не видела особого отличия Сибири от губерний Европейской России.

Ключевые слова: областничество, периодическая печать, Сибирь, Восточное обозрение, Сибирский вестник, Н.М. Ядринцев, Е.В. Корш, В.П. Картамышев

Для цитирования: Филонов И.Д., Зиновьев В.П. «Сибирский вестник» и сибирское областничество: эволюция отношений в 1885–1905 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 131–135. doi: 10.17223/15617793/484/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/15

Sibirskiy vestnik and Siberian regionalism: The evolution of relations in 1885–1905

Ilya D. Filonov¹, Vasily P. Zinoviev²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ filonov_ilya@vk.com

² vpz@tsu.ru

Abstract. The article examines a plot, well-known to historians, of the social life of the 19th-century Siberia that concerns the relationship of the editorial office of the newspaper *Sibirskiy vestnik* and the leaders of the Siberian regionalism movement. However, this plot is poorly researched so, in historiography, there is an idea of the constant opposition of *Sibirskiy vestnik* to regionalists' editions. The authors of the article have studied the texts of the newspapers *Sibirskiy vestnik* and *Vostochnoe obozrenie* – the main regionalist edition, and show that this is not quite true. The establishment of *Sibirskiy vestnik*, supported by Tomsk Governor Ivan Krasovsky really caused opposition from regional editions – *Sibirskaya gazeta* and *Vostochnoe obozrenie*. Sharp discussions, however, were not long and were limited to 1885–1888. Wars of words continued, but were episodic. The authors left aside episodes related to the manifestations of the unbalanced character of Vasily Kartamyshev and focused only on the political differences between the regionalist and liberal press. The disagreements concerned primarily the definition of Siberia as part of the empire by the parties to the dispute. Siberian regionalists supported Nikolai Yadrintsev's thesis that Siberia was a colony; the editorial board of *Sibirskiy vestnik* claimed that Siberia was practically an ordinary province of Russia and its features, in comparison with other provinces of the empire, were not so significant as to consider it a colony either in terms of population composition or economic status. The hostile personal relations of newspaper executives also played a significant role in the altercation of the periodicals. The publishers of *Vostochnoe obozrenie* bore the honorary seal of the politically persecuted, and the editor of *Sibirskiy vestnik*, Evgeny Korsh, was one of those exiled for criminal offenses. As for a number of issues of the cultural development of Siberia, the parties had no disagreements. Both editions advocated the reform of the administration of the region, the development of education and medicine.

Keywords: regionalism, periodical press, Siberia, *Vostochnoe obozrenie*, *Sibirskiy vestnik*, Nikolai Yadrintsev, Evgeny Korsh, Vasily Kartamyshev

For citation: Filonov, I.D. & Zinoviev, V.P. (2022) *Sibirskiy vestnik* and Siberian regionalism: The evolution of relations in 1885–1905. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 131–135. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/15

Газета «Сибирский вестник» широко известна историкам как источник, прославилась прежде всего своими сложными взаимоотношениями со многими известными общественными деятелями сибирского региона в XIX – начале XX в. и с изданиями периодической печати [1. С. 111].

В настоящей статье будет рассмотрена проблема взаимоотношений «Сибирского вестника политики, литературы и общественной жизни» (1885–1905) с представителями сибирского областничества. В качестве предмета исследования взяты взаимоотношения редакций газет «Сибирский вестник» и «Восточное обозрение». Предварительно стоит дать краткую характеристику этим изданиям.

Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни – газета, издававшаяся в Томске в период с 16 мая 1885 г. по декабрь 1905 г. Издателем и официальным редактором газеты являлся томский адвокат В.П. Картамышев, а с № 87 1886 г. – его жена М.Ф. Картамышева. Фактическим редактором газеты в 1885–1887 гг. был ссыльный столичный адвокат Е.В. Корш. В редакцию газеты также входили другие представители сибирской ссыльной интеллигенции. С 1895 г. редактором был Г.В. Прейсман, с 1903 г. – А.А. Грацианов, с 1 марта 1905 г. – М.Н. Загибалов и Н.Н. Соин. «Сибирский вестник» неоднократно критиковал представителей власти, за что подвергался цензуре. За подобную критику в адрес губернатора В.Н. Азанчевского-Азанчеева газета была закрыта в 1905 г. [2. С. 108–109].

В газете «Сибирский вестник» наиболее регулярно публиковались материалы на темы, посвященные быту Сибири, к которым относятся повседневные новости и будничные сообщения о каких-либо происшествиях, фельетоны, телеграммы из-за рубежа, новые повеления правительства, реклама, объявления и др. Наиболее частыми темами, публиковавшимися в данной газете, были культура и образование. На 10 номеров газеты «Сибирский вестник» приходится 8 номеров с наличием материалов по тем или иным культурным мероприятиям и 9 номеров с материалами, повествующими об образовании, например: 1890. № 1; 1893. № 35; 1893. № 119; 1895. № 59; 1896. № 66; 1897. № 27; 1898. № 125; 1899. № 269; 1900. № 169.

Восточное обозрение (1882–1906) – частное издание, основанное Н.М. Ядринцевым в Санкт-Петербурге, а с 1 января 1888 г. – в Иркутске, где редакторами газеты были В.А. Ошурков, Д.А. Клеменц, А.Н. Ушаков, И.Г. Шешунов, И.И. Попов, И.С. Фатеев. В газете часто публиковались материалы, посвященные научному изучению Сибири. Редакторский состав газеты стоял на позициях сибирского областничества, что отразилось в деятельности данной газеты. Постепенно Н.М. Ядринцев отходил от работы над изданием новых номеров газеты, что напрямую отразилось на спаде накала полемики между «Сибирским вестником» и «Восточным обо-

зрением». Газета была навсегда закрыта в январе 1906 г. [2. С. 165–166].

Газета «Восточное обозрение» по сравнению с «Сибирским вестником» являлась более политизированной и злободневной, поскольку в ней намного чаще публиковались статьи публицистического толка, в которых рассматривались актуальные проблемы российского общества в целом и Сибири в частности. Для примера возьмем рядовой номер «Восточного обозрения» от 9 января 1886 г. и разберем его содержание [3]. На первой полосе газеты размещена заметка с названием «Потребность женщины-врача в Сибири и на Востоке». В ней автор пишет о важности развития женского медицинского образования и уделяет большое внимание нюансам данного вопроса. Далее идет раздел «Хроника», в котором помимо всего прочего содержится общественно важный призыв развивать прессу на окраинах государства, описываются потребности жителей окраин в местных газетах. Кроме того, в этом же разделе описывается польза расширения сетей телеграфной связи. После этого идет статья «Голос из Казани», в которой автор призывает общественность содействовать своим землякам из Сибири, получающим образование в западных регионах Российской империи. На рассмотренном примере мы видим, что содержание номеров «Восточного обозрения» включало в себя больше общественно полезной информации и меньше простых сообщений о культуре или иных нейтральных темах, как то было свойственно «Сибирскому вестнику».

В «Сибирском вестнике» помимо бытовых тем также большое внимание уделялось отстаиванию определенных идеологических интересов. В контексте идеологического компонента в газете продвигались антиобластнические идеи. Одной из основных целей редакторы газеты видели расширение связей между сибирским регионом и европейской частью России. Еще в самом первом номере «Сибирского вестника» авторы пишут о том, что неразрывно связывают будущее Сибири с будущим всей России: «Мы идем далее и утверждаем, что, говоря о Сибири и России, нельзя называть первую колонией, а вторую метрополией». Антиобластнические идеи «Сибирский вестник» подкреплял аргументами о том, что Сибирь крепко связана с Россией культурно. Наперекор мнению областников, редактор и издатель газеты В.П. Картамышев пишет о незначительном влиянии аборигенного населения на Сибирский регион, чем парирует один из аргументов областников в пользу автономного положения Сибири. Данные факты можно выделить в контексте данного исследования как первую попытку завязать отношения «Сибирского вестника» с областниками на основании участия в общественном обсуждении вопроса об автономии Сибири. На основании приведенных данных можно утверждать, что газета «Сибирский вестник» выступала с антиобластнических позиций. Несмотря на выступление с вполне проправительственных позиций по отношению к мнению областников о сибирской

автономии, «Сибирский вестник» все же поддерживает вполне либеральные идеи по иным вопросам. Так, создатели газеты вполне уважительно отзываются о царе-реформаторе Александре II и о проведенных им преобразованиях. Кроме того, редакция газеты положительно отзывалась о намерении императора Александра III продолжить реформирование административных учреждений Сибирского региона, что отвечало интересам либерально настроенной обществу [4. С. 2]. Редакторский состав газеты положительно оценивает развитие образования в России и, в частности, в Сибири. Так, газета «Сибирский вестник» с большим интересом освещала открытие первого сибирского университета в Томске [5. С. 1]. Поддержка развития образования вполне относится к требованиям всей просвещенной либеральной обществу. Консервативно же настроенные деятели обычно оценивают развитие образования скорее как негативный процесс, который радикализирует молодежь. Выдвигая все перечисленные идеи, создатели газеты «Сибирский вестник» претендовали на то, чтобы занять свое особое место среди периодических изданий Сибири, выступая на праволиберальных позициях. Кроме того, антагонизм по отношению к областникам в некоторых вопросах компенсировался поддержкой прообластнических позиций «Сибирским вестником» в вопросах образования и социально-культурного развития сибирского региона.

Эволюция отношений областников с «Сибирским вестником» носила неровный характер: само свое существование «Сибирский вестник» начал с критики областнического движения в Сибири [4. С. 2–3], однако постепенно накал полемики с областниками спадал. Если в 1885 г. в 10 последних номерах (№ 23–33) упоминания областников содержатся в 6 из них [6], то через десять лет, в 1895 г., на 10 последних номеров (№ 175–185) приходится лишь одно упоминание Н.М. Ядринцева в контексте его прошлой деятельности [7]. В связи с данной тенденцией в развитии взаимоотношений «Сибирского вестника» и областников можно констатировать, что их полемика наиболее активно происходила в первые годы существования «Сибирского вестника», а позже постепенно шла на спад вплоть до полного прекращения.

Важно отметить, что дискуссия между областниками и «Сибирским вестником» подогревалась во многом за счет последнего, поскольку областники неохотно шли на обсуждения тех или иных тем.

Попытка завязать дискуссию «Сибирского вестника» наблюдается и в вопросе о ссылке преступников в Сибирь. В № 15 газеты «Сибирский вестник» содержалась заметка, в которой рассматривался вопрос об уголовной ссылке [8. С. 2]. В заметке приводилась позиция Н.М. Ядринцева, высказанная в его труде «Сибирь как колония», о том, что уголовная ссылка в Сибирь негативно влияет на регион, провоцируя конфликты между коренными сибиряками и приезжими ссылными. Автор рассматриваемой заметки подверг критике позицию областников, высказав мнение о том, что они закрывают глаза на многие сопутствующие факты. Например, по словам автора заметки, си-

бирские патриоты игнорируют тот факт, что прирост ссыльного населения в Сибири носит незначительный характер. Таким образом, позиция, высказанная в «Сибирском вестнике», оппонировала критике в адрес властей со стороны Н.М. Ядринцева.

Сами областники участвовали в полемике с «Сибирским вестником» менее охотно, чем редакторы последнего (особенно в 1885 г.). Областники старались обходить «Сибирский вестник» стороной и не уделять ему значительного внимания. Областники стремились избегать прямого обсуждения общественно важных вопросов с «Сибирским вестником». Появлявшиеся в «Восточном обозрении» материалы о «Сибирском вестнике» носили сухой (в плане насыщенности дискуссии) характер. Так, например, в одном из номеров своей газеты областники подвергали критике редактора «Сибирского вестника» В.П. Картамышева за его бойкий и агрессивный характер, проявленный в одном бытовом конфликте: «Г. Картамышев набросился на эту новую жертву с ругательствами и кулаками, причем ударил моего заступника несколько раз по голове и наплевал ему в лицо» [9. С. 5]. Таким образом, областники избежали прямой полемики с «Сибирским вестником» и сумели выставить редактора данной газеты в дурном свете. Подробнее о В.П. Картамышеве и «Сибирском вестнике» написали авторы специального сборника статей и материалов [1].

Однако, несмотря на упомянутый выше нелестный отзыв о Картамышеве, все же в первый год существования «Сибирского вестника» областникам удавалось обходить данную газету стороной. Позже им все же пришлось прокомментировать свое отношение к «Сибирскому вестнику». Данный комментарий содержится в № 6 газеты «Восточное обозрение» от 1886 г. В номере областники отвечают на вопрос о том, почему они вступают в полемику с «Сибирским вестником» и характеризуют «Сибирский вестник» как газету, которая является органом печати «далеко не таким, каким его ныне выставляют» [10]. Здесь же сказано, что такие лица, как, например, В.П. Картамышев, являются вполне здравомыслящими, однако остальной состав редакции газеты «Сибирский вестник» полон «темными и подлыми» людьми: «Томск, как, известно, кишит самыми темными людьми, здесь сосредоточены ссыльные игроки, люди, сосланные за подлоги, мошенничества, люди, способные только к преступлению, легкой наживе и шантажу. Мы имели сведения, что такие элементы вошли в редакцию “Сибирского вестника” и сгруппировались около нее», — писали областники о работниках «Сибирского вестника».

Редакторы газеты «Сибирский вестник», однако, были более категоричны в оценках своих оппонентов из газеты «Восточное обозрение». Вот как лидеры областнического движения характеризовались во второй год существования «Сибирского вестника» (1886 г.): «Опубликование в «Восточном обозрении» нашей телеграммы, слишком ясной по содержанию, так, что не понять ее можно лишь умышленно, показывает, что мы были лучшего мнения о наших про-

тивниках, чем они заслуживали. Отныне г. Ядринцев и К – не более как трусливые люди, прячущиеся за городского, когда им предлагают рассчитаться за их проделки; с такими господами ни счетов, ни расчетов иметь мы больше не можем» [11. С. 4]. Таким образом, редакторский состав газеты «Сибирский вестник» пытается публично прекратить взаимодействие с представителями газеты «Восточное обозрение».

Областники же в ответ на эту попытку разорвать контакты и прекратить диалог со стороны «Сибирского вестника» язвительно продолжают упрекать «Сибирский вестник» в том, что в состав редакции данной газеты входят уголовные ссыльные: «Эти-то лица, принадлежащие к “героям” уголовной ссылки, как было упомянуто в корреспонденции, состояли сотрудниками и “Сибирского Вестника”. Вот о ком шло дело!» [12. С. 4]. Данный упрек прозвучал в контексте обсуждения темы уголовной ссылки на страницах «Восточного обозрения». Данная тема продолжает освещаться областниками и в последующих номерах газеты от 1886 г. [13. С. 4]. В этом контексте они подвергают «Сибирский вестник» критике за его одобрительную оценку, высказанную в адрес практики уголовной ссылки в Сибирь. «Сибирский вестник», однако, отказался от участия в открытом обсуждении данного вопроса и ограничился лишь выражением своего мнения на этот счет без упоминания областников и их точки зрения.

К 1887 г. полемика областников с «Сибирским вестником» зашла в тупик. Публично «Сибирский вестник» старался избегать открытых столкновений с областниками и не упоминал о них напрямую на своих страницах, однако в 1887 г. в газете «Сибирский вестник» была провозглашена победа над «квасным сибирским патриотизмом» – так на страницах газеты иносказательно называли областников [8. С. 1]. На страницах данного номера говорилось, что областничество представляет интересы людей замкнутых, неискренних. Эти люди, по словам редакторов, потеряли значительное число сторонников благодаря появлению в 1885 г. газеты «Сибирский вестник», которая позволила преодолеть эту провинциальную замкнутость областников и поспособствовала развитию сибирского региона.

Областники отреагировали на данный выпад в свой адрес. В очередном номере газеты «Восточное обозрение» от 12 марта 1887 г. они коротко упомянули о «Сибирском вестнике», назвав его «культуртрегерской газетой», а также упомянув о ее редакторе Е.В. Корше, язвительно назвав его джентльменом в адвокатском фраке и с тюремным тючком [14. С. 12]. «Сибирский вестник» вновь был подвергнут критике со стороны областников за то, что якобы в составе его редакции были уголовники, за шантаж, а также за сочинение «первого» доноса.

Итак, взаимоотношения областнического «Восточного обозрения» и антиобластнического «Сибирского вестника» с первого дня существования последнего можно было характеризовать как враждебные из-за их столкновений по различным вопросам общественной жизни Сибири, среди которых вопросы, касающиеся автономии Сибири, уголовной ссылки в Сибирь и др. Представители обеих газет в разное время не упускали возможности нанести оскорбления друг другу. При этом их антагонизм можно назвать непоследовательным, поскольку по ходу дискуссии стороны меняли мнение друг о друге. Показательный пример был приведен выше в настоящей статье, когда в номере «Восточного обозрения» от 12 июня 1885 г. содержится положительная характеристика В.П. Картамышева, а уже в номере от 6 февраля 1886 г. характеристика данной фигуры носила крайне негативный характер. Полемика газеты «Восточное обозрение» с газетой «Сибирский вестник» носила несистематизированный и прерывистый характер. Обсуждение тех или иных вопросов могло начаться с заметки в одной из рассматриваемых газет, после чего на эту заметку оппонировали представители другой газеты и на этом дискуссия могла закончиться. Далее к обсуждению могли вернуться через несколько месяцев или лет в одностороннем порядке на страницах лишь одной из двух конфликтующих газет в результате поступления на адрес ее редакции письма с напоминанием от читателей о происходящей дискуссии. Такой порядок дискуссии между газетами «Восточное обозрение» и «Сибирский вестник» свидетельствует о ее вялотекущем характере. Можно утверждать, что активный этап дискуссий продлился на протяжении двух лет, с 1885 по 1887 г., после чего оживленность полемики пошла на спад.

Список источников

1. Василий Петрович Картамышев : сб. материалов / сост. В.М. Костин, А.В. Яковенко, ред. С.С. Быкова. Томск, 2014. 304 с.
2. Косых Е.Н., Яковенко А.В. Повременная печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.). Сводный указатель периодических и продолжающихся изданий. Томск : Ветер, 2011. 376 с.
3. Восточное обозрение. 1886. 9 января.
4. От редакции // Сибирский вестник. 1885. 16 мая. С. 1–3.
5. Первый университет в Сибири // Сибирский вестник. 1888. 21 октября. С. 1.
6. Сибирский вестник. 1885. 17 октября – 24 декабря.
7. Сибирский вестник. 1895. 12 декабря – 23 декабря.
8. Редакционная статья // Сибирский вестник. 1885. 22 августа. С. 1–3.
9. Холера не нашего ведомства // Восточное обозрение. 1885. 20 июня. С. 4–5.
10. Неудачная мистификация // Восточное обозрение. 1886. 6 февраля. С. 1–2.
11. Мысли вслух // Сибирский вестник. 1886. 6 марта. С. 4.
12. Хроника // Восточное обозрение. 1886. 13 марта. С. 3–6.
13. Хроника // Восточное обозрение. 1886. 20 марта. С. 3–6.
14. Невежественная Сибирь и услуги культуртрегерства // Восточное обозрение. 1887. 12 марта. С. 10–12.

References

1. Bykova, S.S. (ed.) (2014) *Vasiliy Petrovich Kartamyshev: sb. materialov* [Vasily Petrovich Kartamyshev: Collected materials]. Tomsk: Veter.
2. Kosykh, E.N. & Yakovenko, A.V. (2011) *Povremennaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX veka – fevral' 1917 g.). Svodnyy ukazatel' periodicheskikh i prodolzhayushchikhsya izdaniy* [Time-Based Printing of Siberia (Second half of the 19th century – February 1917). Consolidated index of periodicals and continuing publications]. Tomsk: Veter.
3. *Vostochnoe obozrenie*. (1886) 9 January.
4. *Sibirskiy vestnik*. (1885) Ot redaktsii [Editorial]. 16 May. pp. 1–3.
5. *Sibirskiy vestnik*. (1888) Pervyy universitet v Sibiri [The first university in Siberia]. 21 October. p. 1.
6. *Sibirskiy vestnik*. (1885) 17 October – 24 December.
7. *Sibirskiy vestnik*. (1895) 12 December – 23 December.
8. *Sibirskiy vestnik*. (1895) Redaktsionnaya stat'ya [Editorial article]. 22 August. pp. 1–3.
9. *Vostochnoe obozrenie*. (1885) Kholera ne nashego vedomstva [Cholera not of our department]. 20 June. pp. 4–5.
10. *Vostochnoe obozrenie*. (1886) Neudachnaya mistifikatsiya [Unsuccessful hoax]. 6 February. pp. 1–2.
11. *Sibirskiy vestnik*. (1886) Mysli vslukh [Thoughts aloud]. 6 March. p. 4.
12. *Vostochnoe obozrenie*. (1886) Khronika [Chronicle]. 13 March. pp. 3–6.
13. *Vostochnoe obozrenie*. (1886) Khronika [Chronicle]. 20 March. pp. 3–6.
14. *Vostochnoe obozrenie*. (1887) Nevezhestvennaya Sibir' i uslugi kul'turtregerstva [Ignorant Siberia and culture triggerism services]. 12 March. pp. 10–12.

Информация об авторах:

Филонов И.Д. – студент факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: filonov_ilya@vk.com

Зиновьев В.П. – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vpz@tsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.D. Filonov, student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: filonov_ilya@vk.com

V.P. Zinoviev, Dr. Sci. (History), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.10.2022;
одобрена после рецензирования 07.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.*

*The article was submitted 23.10.2022;
approved after reviewing 07.11.2022; accepted for publication 30.11.2022.*

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 378+159.955.4
doi: 10.17223/15617793/484/16

Модальности манипулятивного поведения в образовательной среде как предмет психолого-педагогической рефлексии

Ольга Михайловна Краснорядцева¹, Элеонора Анатольевна Щеглова²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ krasnoo@mail.ru

² 1506sea@gmail.com

Аннотация. Обсуждаются обобщенные результаты исследования проблемы устойчивости студентов и педагогов к различного рода манипулятивным воздействиям в образовательной среде. Представлены эмпирические индикаторы степени выраженности особенностей манипулятивного поведения участников образовательного процесса в вузе. Обсуждаются выделенные доминирующие маркеры манипулятивных проявлений в образовательных средах. Обосновывается подход к разработке собственно психолого-образовательного противодействия жесткому манипулятивному воздействию.

Ключевые слова: манипуляция, манипулятивное поведение, ментальность образовательной среды, модальность манипулятивного воздействия

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения НИР НУ 2.4.8.22 ОНГ.

Для цитирования: Краснорядцева О.М., Щеглова Э.А. Модальности манипулятивного поведения в образовательной среде как предмет психолого-педагогической рефлексии // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 136–144. doi: 10.17223/15617793/484/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/16

Modalities of manipulative behavior in the educational environment as a focus of psychological and pedagogical reflection

Olga M. Krasnoryadtseva¹, Eleonora A. Shcheglova²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ krasnoo@mail.ru

² 1506sea@gmail.com

Abstract. This article substantiates the relevance of creating educational environments focused on the formation of resistance to the growing aggressiveness of the manipulative orientation of the information impact on the participants in the educational process. Theoretically, it shows possible variations of the multi-vector modality of manipulative behavior in the “pro-social – asocial orientation”, “consciousness – unconsciousness of the manipulator’s actions”, “purposefulness – unintentionality of using special methods of manipulation” continuums. The article shows that the whole variety of manipulative techniques used in professional and pedagogical activities can be combined into two groups of multimodal orientation, the criteria of which are ethical principles, moral norms, motives and goals of the subject of influence. The novelty of the study lies in the identification of the main directions of psychological and pedagogical reflection of the recorded empirical results of the study of the severity of the features of the manipulative behavior of participants in the educational process at the university. Theoretical reflection was the main research method. To collect empirical data, a number of psychodiagnostic questionnaires were used to assess the severity of the propensity to manipulate in the participants of the educational process (teachers, students, and graduate students). Empirical indicators of the severity of the features of the manipulative behavior of participants in the educational process at the university are presented. The specifics of manifestations of the manipulative influence of teachers on students in educational practice and its relationship with the dominant value modalities of psychological readiness for educational interaction are recorded. The research generalizations made on the basis of the obtained empirical data are discussed. The dominant markers of manipulative manifestations in educational environments are deformations of the mechanisms of social perception due to the formation of a certain semantic filter for the perception of information using various modern information and communication technologies of disinformation, selection, silence, deliberate distortion of

facts, etc. Particular attention is paid to the discussion of the psychological consequences of the actions of the manipulator to manage the processes of resolving the permanently existing contradiction between the way of life of a person and their characteristic image of the world. In the authors' opinion, it is the deformation of the emotional-attitude response that manifests itself in various combinations of the rigidity of attitudes and the weakness of the emotional-evaluative component, which is one of the significant reasons for the occurrence of certain behavioral destructions in situations of manipulative pressure. An approach is proposed to purposeful work on the formation of educational environments with a pronounced humanistic mentality, in which the formation of stable qualities of the individual mentality of the participants in the educational process can take place as the main "psychological tool" to counteract manipulative influences.

Keywords: manipulation, manipulative behavior, mentality of educational environment, modality of manipulative action

Financial support: The results were obtained as part of research work NIR NU 2.4.8.22 ONG.

For citation: Krasnoryadtseva, O.M. & Shcheglova, E.A. (2022) Modalities of manipulative behavior in the educational environment as a focus of psychological and pedagogical reflection. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 136–144. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/16

Введение

Будучи одной из важнейших сфер социальной жизни современного человека, образование является своеобразным и точным маркером, отражающим влияние геополитических, социально-экономических катаклизмов и культурных трансформаций на картину мира молодежи, которая еще формируется. Стремительное и часто неконтролируемое появление новых образовательных форматов, предлагаемых молодым людям для самостоятельного (в том числе и альтернативного) выбора, затрудняет, а по большей части делает практически неосуществимым оперативное отслеживание модальности информационного влияния. Особую актуальность приобретает задача создания таких образовательных сред, пребывание в которых будет содействовать формированию устойчивости к нарастающей агрессивности манипулятивной направленности информационного воздействия на сознание и образ мира участников образовательного процесса.

Манипуляция как социально-психологический феномен в любых своих видах традиционно рассматривается в качестве такого психологического воздействия на адресата, результатом которого является явное или негласное подчинения манипулятору, причем у второй стороны взаимодействия, как правило, сохраняется иллюзия самостоятельного принятия решений [1–15]. В психологических исследованиях показано, что в коммуникативных ситуациях наличие манипулятивной направленности хотя бы у одного из партнеров по общению препятствует возникновению взаимопонимания между ними, более того, независимо от модальности мотива (корыстного мотива или «во благо»), манипуляторы в большинстве случаев ясно осознают социальную нежелательность своего поведения [3, 5, 16].

Достаточно детально изучены предпосылки, технологии и механизмы манипулятивного поведения (Б.Н. Бессонов, С.Л. Братченко, Д.А. Волкогонов, А.Г. Гладких, Г.В. Грачев, Р.Е. Гудин, Е.Л. Доценко, Ф. Зимбардо, В.В. Знаков, О.О. Жданова, Ю.А. Желтонова, Т.С. Кабаченко, С.Г. Кара-Мурза, И.К. Мельник, Е.Л. Марголина, Ю.А. Менджерицкая, Б.Г. Мещеряков, Л.И. Рюмина, Е.В. Сидоренко, А.И. Тарелкин, Г. Шиллер, Э. Шостром,

О. Connor, S. Langston, Paine, Riker, Rozenberg, J. Rudinow). Крайней формой манипулятивной направленности выступает макиавеллизм как осознанное убеждение в необходимости скрытного манипулирования людьми для достижения личных интересов, преимуществ, выгод и т.д. [17, 18]. Изучены психологические особенности людей с высоким уровнем макиавеллизма (М. Ames, R. Christie, F. Geis, A. Kidd, P. Mudrack, С.А. Богомаз, В.Ю. Гладких, О.В. Каракулова, Т.Е. Левицкая, Л.И. Рюмина и др.); связь макиавеллизма с ложью и правдой (В.В. Знаков, Б.Г. Мещеряков, А.В. Некрасова); возрастные и гендерные различия людей с разным уровнем макиавеллизма (М. Ames, P. Blumstein, A. Cataldi, J. Dietch, D. Domelsmith, A. Kidd, R. Kraut, M. Laupa, J. Price, R. Reardon, D. Wilson, В.В. Знаков, О.В. Каракулова).

Выделяют разные классификационные основания возможных вариантов манипуляций:

- мишени воздействия, в качестве которых могут выступать мышление, чувства, воображение, память, внимание [19];

- средства психологического воздействия – манипуляция образами, конвенциональная манипуляция, операционально-предметная манипуляция, эксплуатация личности и манипуляция духовностью [16].

Важно отметить, что модальность манипулятивного поведения может быть многовекторной – в континууме «просоциальная – асоциальная направленность», в континууме «осознанность – неосознанность действий манипулятора», в континууме «целенаправленность – непреднамеренность использования специальных способов манипуляции» [17, 20].

Особого внимания заслуживают, с нашей точки зрения, исследования манипуляций в педагогическом общении [21–31]. Отмечается, что манипулирование в образовательной среде не сводится сегодня только к сфере общения учителя и учащихся. Своего рода манипулятивные системы в различных сферах образования позволяют внедрять направленную, клишированную информацию, транслировать конкретные аксиологические установки, мобилизовать на действия, необходимые манипулятору, ориентировать на некритическое восприятие сообщаемого [27, 32]. Выявлено, что в педагогической деятельности учителя могут присут-

ствовать разные уровни манипулирования: манипулирование общественным мнением; структурными элементами педагогической деятельности; поведением и деятельностью учащихся; собственными взглядами, оценками, мировоззренческими установками в процессе самооправдания. Причем каждый последующий из выделенных уровней выступает средством реализации предыдущих [33]. Все многообразие манипулятивных приемов, используемых в профессионально-педагогической деятельности, можно объединить в две группы разнонаправленной направленности, критериями которой являются этические принципы и нравственные нормы, а также мотивы и цели, которыми руководствуется субъект воздействия:

- манипуляции как средство самоутверждения педагогов;
- манипуляции как способ активизации учебных и нравственно-поведенческих действий учащихся [34].

Гораздо менее исследованной является проблема готовности студентов к манипулятивному поведению, а также устойчивость студентов и педагогов к различного рода манипулятивным воздействиям в образовательной среде.

Цель данной статьи заключается в обсуждении и психолого-педагогической рефлексии зафиксированных эмпирических результатов исследования степени выраженности особенностей манипулятивного поведения участников образовательного процесса в вузе.

Методы и методики исследования

Основным методом исследования выступила теоретическая рефлексия. В качестве метода сбора эмпирических данных был использован ряд психодиагностических опросников.

Оценка степени выраженности склонности к манипулированию у участников образовательного процесса (педагогов, студентов и аспирантов) осуществлялась с помощью методики исследования макиавеллизма личности «Мак-шкала» (Mach-IV Р. Кристи и Ф. Гейс в адаптации В.В. Знакова) [35]. Респондент должен выразить меру своего согласия или несогласия с каждым из них по семибалльной шкале – от «полностью согласен» до «совершенно не согласен». При обработке оценки в половине пунктов шкалы инвертируются, после чего подсчитывается суммарный показатель макиавеллизма, который является количественным выражением склонности к манипулированию.

Для исследования ценностной модальности психологической готовности преподавателя к образовательному взаимодействию (как значимой составляющей профессионально-педагогической позиции) был использован прием первичной экспресс-диагностики [36], позволяющий реконструировать реально сложившуюся у конкретного педагога систему профессиональных ценностей.

Для изучения проявления модальностей манипулирования в образовательной практике преподавателей применялся авторский опросник, состоящий из двух блоков заданий, которые предполагали рефлексия

преподавателей относительно способов воздействия на обучающихся – отдельно в собственном педагогическом опыте и в наблюдениях за опытом коллег. Это снижало вероятность получения социально желательных ответов [36]. В качестве манипулятивных приемов воздействия на обучающихся предлагались ситуации из педагогической практики, половина из которых носила педагогически оправданный характер (целесообразные педагогические приемы, направленные на положительную активацию обучающихся), а другая часть содержала манипулятивные приемы, являющиеся проявлением профессионально-педагогической некомпетентности (приемы, отражающие эгоистическую и корыстную направленность преподавателей).

Подверженность обучающихся манипулятивному воздействию, внушению, оценивалась с помощью разработанного опросника, вопросы которого ориентированы на определение степени суггестивности [36].

Результаты

Выборку составили 124 человека (преподаватели вузов, студенты и аспиранты). Следует отметить, что аспиранты в одних ситуациях выступали в качестве обучающихся, а в других – с позиции преподавателя.

На рис. 1 представлены результаты исследования склонности к манипулированию у участников образовательного процесса. Склонность к манипулированию в межличностных отношениях определялась через выраженность макиавеллистских установок и убеждений (уровень макиавеллизма личности).

Проведенный сравнительный анализ не выявил статистически значимых различий в уровне выраженности макиавеллизма у преподавателей и студентов ($\chi^2 = 0,771$; $p = 0,680$).

Согласно полученным данным выраженная склонность к манипулированию отмечается примерно у пятой части преподавателей и студентов. Для них характерно убеждение в возможности и даже необходимости использования различных манипулятивных приемов в межличностном общении, включая и процесс образовательного взаимодействия. Как правило, такие люди обладают развитой способностью убеждать других, они хорошие аналитики, проницательны, прекрасно понимают поступки и намерения тех, с кем взаимодействуют, что позволяет им успешно влиять на людей, искусно управлять ими, вызывая изменение поведения в желаемом направлении. В то же время они недоверчивы, подозрительны, порой даже враждебны, предпочитают держаться обособленно и эмоционально отчужденно. Они целеустремленные, амбициозные, с выраженным чувством доминирования, но успешно это скрывают, демонстрируя коммуникабельность и ложную неэгоистичность. Они всегда ориентированы на результат, для них не важна субъектная позиция второй стороны взаимодействия. Все это снижает вероятность попадания их в роль жертвы манипулирования.

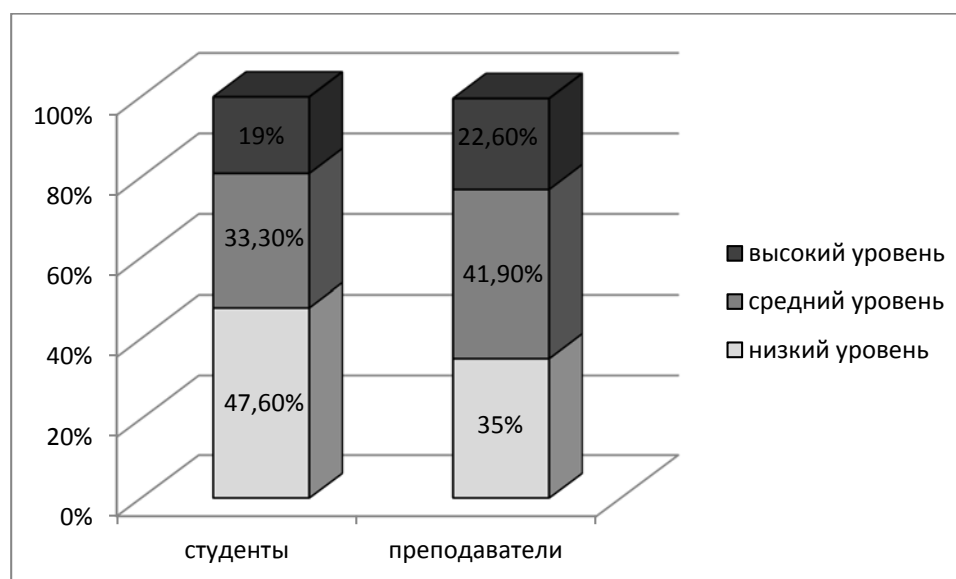

Рис. 1. Степень выраженности макиавеллизма личности у участников образовательного процесса

Подавляющее же большинство респондентов (преподавателей и студентов) демонстрируют средний или низкий уровень макиавеллизма. Для них характерны такие черты, как честность, открытость, доверчивость, нерешительность. С одной стороны, это преимущественно положительные, социально одобряемые качества, а с другой – именно эти каче-

ства делают их уязвимыми и поддающимися влиянию. И именно люди с низким уровнем выраженности макиавеллизма чаще других оказываются в роли жертвы манипулирования.

Уязвимость студентов перед манипуляциями, степень их суггестивности оценивалась с помощью опросника. Обобщенные результаты представлены на рис. 2.

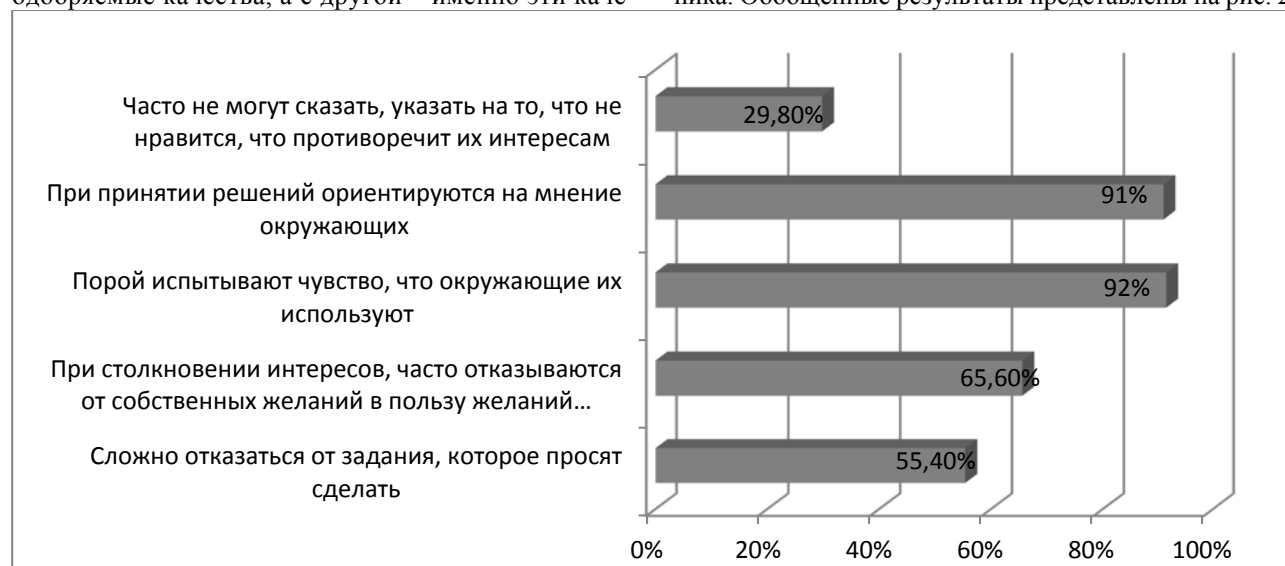

Рис. 2. Признаки, указывающие на подверженность студентов внешнему влиянию и манипулятивному воздействию

Данные опроса среди студентов (см. рис. 2) свидетельствуют о достаточно высокой степени суггестивности, характерной для большинства респондентов.

На рис. 3 представлены обобщенные результаты доминирующих ценностных модальностей психологической готовности преподавателя к образовательному взаимодействию, которая отражает сложившуюся у педагогов и формируемую у студентов и аспирантов систему профессионально-педагогических ценностей.

Полученные данные показывают, что студенты практически не принимают ценности предметно-ориентированного подхода, выбирая ценности личностно ориентированного, в котором применение неоправданных манипуляций минимизировано. Тогда как преподаватели и аспиранты, примерно в равной степени, направлены на ценности предметно-ориентированного и личностно ориентированного подходов.

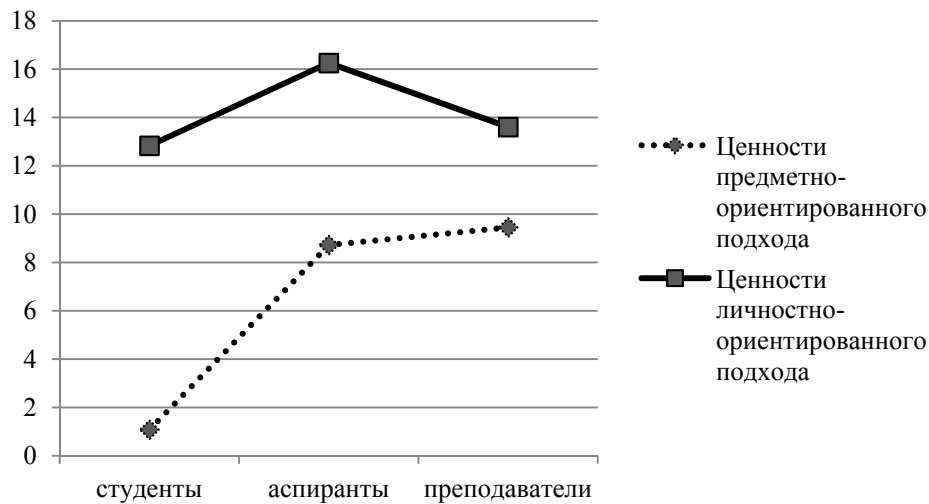

Рис. 3. Ценности, характерные для субъектов образовательного процесса

Манипуляция, различные манипулятивные приемы – это средства, которые могут быть использованы (осознанно или неосознанно) для достижения какой-то цели. Исходя из специфики этой цели, манипуляции могут принимать разные модальности. Определяющую роль в выборе модальности манипуляций, используемых преподавателями в образовательной практике, играют ценностные ориентиры и их подходы к

обучению. Так, непринятие ценностей личностно ориентированных наблюдается преимущественно у преподавателей и аспирантов, демонстрирующих высокий уровень макиавеллизма (табл. 1).

Результаты исследования специфики проявлений манипулятивного воздействия преподавателей на обучающихся в образовательной практике представлены на рис. 4.

Таблица 1

Соотношение уровня макиавеллизма и степени принятия/отвержения ценностей личностно ориентированного подхода в образовании

Уровень макиавеллизма		Степень принятия/отвержения ценностей личностно ориентированного подхода				Итого
		низкая степень отвержения	низкая степень принятия	средняя степень принятия	высокая степень принятия	
низкий	Частота	2	11	4	4	21
	%	9,5%	52,4%	19,0%	19,0%	100,0%
средний	Частота	0	13	4	2	19
	%	0,0%	68,4%	21,1%	10,5%	100,0%
высокий	Частота	0	9	1	1	11
	%	0,0%	81,8%	9,1%	9,1%	100,0%
Итого	Частота	2	33	9	7	51
	%	3,9%	64,7%	17,6%	13,7%	100,0%

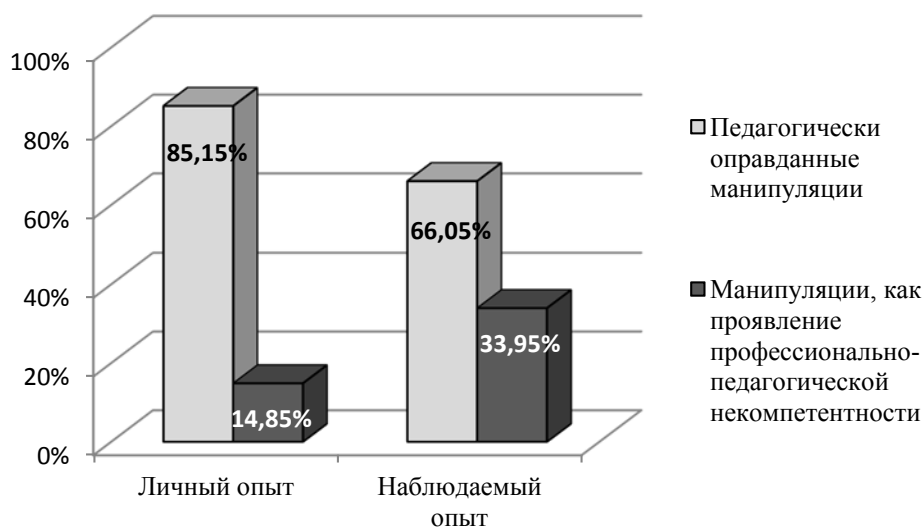

Рис. 4. Модальность манипуляций, применяемых преподавателями в образовательной практике

Следует отметить, что более точное соотношение манипуляций разной модальности в образовательной практике отражают результаты ответов преподавателей, ориентированных на наблюдаемый опыт коллег, а не на личный опыт. Сравнительный анализ педагогов с разным уровнем выраженности макиавеллизма не выявил достоверных различий в частоте использования в образовательной практике различных манипулятивных приемов. Иными словами, преподаватели в своей профессиональной деятельности применяют манипулятивные приемы различной модальности независимо от степени выраженности макиавеллистских установок. Заметим, что при проведении корреляционного анализа была обнаружена статистически значимая отрицательная корреляционная связь между Мак-показателем и количеством используемых преподавателями манипулятивных приемов с выраженной педагогической целесообразностью ($r = -0,244$; $p = 0,018$).

Полученные результаты указывают на то, что преподаватели в образовательной практике применяют манипуляцию, чаще (по субъективной оценке) она имеет положительную модальность, носит педагогически оправданный характер. Тем не менее модальность примерно одной трети применяемых в образовательной практике манипулятивных приемов отражает профессионально-педагогическую некомпетентность в организации конструктивного образовательного взаимодействия со студентами. При этом манипулирование выступает в качестве действий, направленных на достижение конкретных целей, которые выходят за пределы педагогической целесообразности, манипуляция выступает в качестве стратегического компонента педагогической деятельности, привязанного к личностным смыслам и ценностям преподавателя, в числе которых могут быть макиавеллистские убеждения и установки. В качестве мишеней для манипуляций этого рода модальности выступают такие личностные качества, как неуверенность, нерешительность, доверчивость, открытость, ответственность, стремление к избеганию неудач. Именно эти качества характерны для студентов с низким и средним уровнем макиавеллизма, поэтому они более уязвимы для негативного манипулятивного воздействия, чем студенты с высоким уровнем макиавеллизма.

Обсуждение результатов и выводы

Таким образом, полученные эмпирические данные дают основания для ряда исследовательских обобщений.

1. В качестве доминирующих маркеров манипулятивных проявлений в образовательных средах можно обозначить следующие:

- осуществление воздействия не только на сферу сознательного (разум), но и на сферу бессознательного (инстинкты, эмоции, потребности); в ходе этого воздействия манипулятор постепенно начинает управлять одним из значимых психологических механизмов личностного роста человека – процессами разрешения перманентно существующего противоречия между образом жизни человека и характерным для него образом

мира. Образ мира, системообразующими компонентами которого являются ценностно-смысловые образования, обладает достаточной устойчивостью, но подвержен, тем не менее, неизбежным динамическим трансформациям за счет «вписывания» новой поступающей информации. Трансформациям либо в сторону расширения и развития, либо в сторону сужения и деформации ценностно-смысловых составляющих. Последнее препятствует адекватному жизненному самоопределению, неизбежно определяющему как локальные поведенческие действия и динамику образа жизни, так и направленность и содержание образовательного взаимодействия;

- направленность манипулятивных воздействий асоциальной модальности, которые, к сожалению, сегодня продолжают активно использоваться в разных образовательных средах, на деформацию механизмов социальной перцепции за счет формирования определенного смыслового фильтра восприятия информации с использованием различных современных информационно-коммуникационных технологий дезинформации (селекция, умолчание, намеренное искажение фактов и т.д.);

- отсутствие осознания объектом манипуляции (будь то студент или преподаватель, у которых не сформирована устойчивость к манипулятивным атакам) осуществляемого воздействия, сопровождаемого сокрытием истинных целей манипулятора.

2. Склонность к манипулированию, являясь динамическим личностным образованием, в значительной степени отражает в процессе жизнеосуществления систему ценностно-смысловых ориентаций личности. И в этом аналитическом фокусе содержательный аспект склонности к манипулированию, проявляющийся в конкретных актах осуществляемых манипуляций и инструментальном оснащении манипулятивного поведения, свидетельствует в первую очередь о готовности и способности манипулятора работать с процессами смыслообразования, целеобразования как значимыми характеристиками ценностно-смысловой структуры ситуации, отражающими динамику актуального сектора многомерного мира потенциального объекта манипуляции [34, 36].

3. Психологическим объектом манипулирования выступает, с нашей точки зрения, подвижная устойчивость самоорганизующейся психологической системы, какой является человек, обеспечение которой достигается за счет баланса внутри эмоционально-установочных комплексов, выступающих своего рода индикаторами особенностей эмоционально-установочной (само)регуляции человека [37]. Базовые психологические характеристики самоорганизации в психологических системах находятся в континуумах «открытость–закрытость», «подвижность–устойчивость». В многолетних исследованиях, в которых участвовали авторы статьи, доказано, что неготовность человека осознавать явное противоречие (содержащееся в навязываемой информации) в его предметно-логической форме происходит в силу того, что вместе с ситуативно возникающим в процессе восприятия информации эмоциональным компонентом

(«что-то не так», «тревожно», «непонятно» и т.п.) актуализируется фиксированная в прошлом опыте установка определенной модальности – либо активно включаться в разрешение возникшего противоречия, либо «уйти, защититься» от проблемной ситуации, либо принять предложенный кем-то вариант ее решения, интерпретации [36, 37]. С нашей точки зрения, именно деформация эмоционально-установочного реагирования, проявляющаяся в различных вариантах сочетания ригидности установок и слабости эмоционально-оценочного компонента, выступает одним из значимых оснований возникновения определенных поведенческих деструкций в ситуациях манипулятивного давления.

4. Опираясь на выделенные в психологических исследованиях в качестве определяющих такие аспекты проблемы защиты от манипулирования, как противостояние влиянию манипулятора, исключение манипулирования, переориентация манипулятора на проявление аутентичности и самоактуализацию [33], предлага-

ем еще один подход к разработке собственно психолого-образовательного противодействия жесткому манипулятивному воздействию. Речь идет о целенаправленной работе по формированию образовательной среды с выраженной гуманистической ментальностью, в которой только и может происходить формирование устойчивых качеств индивидуальной ментальности участников образовательного процесса как главного «психологического инструмента» противодействия манипулятивным воздействиям. Представляется, что главными условиями эффективности реализации такого подхода выступает как готовность вузовских преподавателей к глубокой профессиональной рефлексии наличной ситуации в образовательной среде вуза по поводу доминирования в ней определенных модальностей манипулятивного поведения, так и корпоративная готовность к профессионально-педагогической работе с индивидуальной ментальностью студентов.

Список источников

1. Зелинский С.А. Управление психикой посредством манипулятивного воздействия. СПб. : Питер, 2009. 528 с.
2. Знаков В.В. Психология понимания : проблемы и перспективы. М., 2005. 446 с.
3. Эндмюллер А., Вильгельм Т. Техники манипуляции. Распознавание и противодействие. М. : Омега-Л, 2009. 109 с.
4. Шостром Э. Человек-манипулятор. Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации. М. : Апрель-Пресс, 2004. 196 с.
5. Азарнов Н.Н., Азарнова А.Н. Манипулирование как способ взаимного влияния личностей в деятельности // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2019. № 1. С. 3–10.
6. Кузнецова М.В., Зайцева И.Н. Манипулирование с помощью психологических триггеров // Актуальные проблемы конфликтологического разрешения в современном мире: от теории к практике : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курск, 2021. С. 89–92.
7. Латынов В.В. Индивидуальные особенности человека – объекта воздействия как фактор эффективности психологического воздействия // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2022. № 1. С. 39–43.
8. Попова П.А., Скиртач И.А. Психологические особенности и профиль латеральной организации у людей, склонных к манипулированию // Актуальные проблемы науки и техники. 2021 : материалы Всерос. (национальной) науч.-практ. конф. Ростов н/Д., 2021. С. 824–825.
9. Федюковская М.Г. Психологические и лингвистические аспекты речевого манипулирования // Постнеклассическая наука: междисциплинарность, проблемно-ориентированность и прикладной характер : сб. науч. ст. по итогам междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2021. С. 79–81.
10. Tillson J. Respect, Concern, and the Wrongness of Manipulation in Education // Philosophy of Education Society. 2021. URL: https://www.philofed.org/_files/ugd/803b74_6091c7bf783640ee9bbc651505aa38d6.pdf?index=true
11. Kaptein M., Markopoulos P., de Ruyter B., Aarts E. Personalizing persuasive technologies: Explicit and implicit personalization using persuasion profiles // International Journal of Human-Computer Studies. 2015. Vol. 77. P. 38–51.
12. Matz S.C., Kosinski M., Nave G., Stillwell D.J. Psychological targeting as an effective approach to digital mass persuasion // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2017. Vol. 114 (48). P. 12714–12719.
13. Orji R. Persuasion and Culture: Individualism–Collectivism and Susceptibility to Influence Strategies // International Workshop on Personalization in Persuasive Technology (PPT'16). Salzburg, 2016. P. 30–39.
14. Aboodi R. What's Wrong with Manipulation in Education // Philosophy of Education Society. 2021. URL: https://www.philofed.org/_files/ugd/803b74_a3ea46ae467c4273aec40db9d5614bca.pdf?index=true
15. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. СПб. : Речь, 2003. 344 с.
16. Шейнов В.П. Психология манипулирования. Харвест, 2009.
17. Знаков В.В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимоотношение // Вопросы психологии. 2002. № 6. С. 15–16.
18. Калущая И.Н., Подъяков А.Н. Представления о макиавеллизме: разнообразие подходов и оценок // Культурно-историческая психология. 2007. № 4. С. 78–89.
19. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М. : Алгоритм, 2000. 324 с.
20. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М. : ЭКСМО, 2003. 99 с.
21. Верхолетова В.К. Манипуляционные воздействия в педагогической деятельности // Молодой ученый. 2021. № 23 (365). С. 470–473.
22. Сергеева Т.В. Манипулятивное общение в образовательной среде как психолингвистический феномен // Актуальные проблемы филологии. 2020. № 21. С. 108–115.
23. Суртаева Н.Н. Профессиональная деятельность педагога в противодействии социальному манипулированию молодежью // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 227–228.
24. Тихомирова П.А. Общественное мнение: психологические характеристики и технологии манипулирования // Правда, обман и достоинство человека в цифровом мире риска : сб. науч. тр. VI Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / под общ. ред. Е.А. Евстифеевой. Тверь, 2022. С. 68–71.
25. Маралов В.Г., Ситаров В.А., Маралова Т.П., Романюк Л.В. Психологические профили студентов, склонных к принуждению (манипулированию), насилию и невмешательству // Перспективы науки и образования. 2020. № 1 (43). С. 282–301.
26. Беляев С.А., Шкрабо В.А. Психологические аспекты манипулирования в системе «преподаватель–студент» // Инновационные образовательные технологии. 2013. № 4 (36). С. 34–41.
27. Гунина Е.В., Павлова Е.Н. Изучение у студентов педагогического вуза сопротивления к психологическим манипуляциям // Педагогика и образование: вызовы и перспективы : электрон. сб. ст. по материалам внутривуз. науч.-практ. конф. для преподавателей и обучающихся в рамках проводимых в университете Дней российской науки / отв. ред. А.А. Кириллов. 2022. С. 529–533.

28. Чеверикина Е.А., Фатина М.Л. Психологическое манипулирование, психологическое насилие, психотерроризм в образовательной среде: к вопросу об определении понятий // Матрица научного познания. 2017. № 1–2. С. 89–101.
29. Саипова М.П. Манипулятивный подход в педагогическом общении: основные признаки и индикаторы. // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2015. № 2. С. 89–94.
30. Микляева А.В. Феномен межвозрастных манипуляций во взаимодействии «учитель–ученик» // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 8, № 4. С. 13–23. doi: 10.17759/psyedu.2016080402
31. Тарелкин А.И. Морально-нравственные аспекты. Проблемы межличностного манипулирования в педагогическом общении // Психология обучения. 2013. № 3. С. 97–109.
32. Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор. Минск : Попурри, 2004. 127 с.
33. Ефремова О.И. Психологическое манипулирование в педагогической деятельности учителя. Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та им. А.П. Чехова, 2013. 172 с.
34. Щеглова Э.А. Факторы, детерминирующие применение педагогами манипулятивных форм воздействия // Психология обучения. 2010. № 12. С. 28–38.
35. Знаков В.В. Методика исследования макиавеллизма личности. М. : Смысл, 2001. 20 с.
36. Ключко В.Е., Красноярцева О.М., Щеглова Э.А. Образовательное взаимодействие: системно-антропологический контекст. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2016.
37. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск : Изд-во ТГУ, 2005.

References

1. Zelinskiy, S.A. (2009) *Upravlenie psikhikoy posredstvom manipulyativnogo vozdeystviya* [Management of the Psyche through Manipulative Influence]. Saint Petersburg: Piter.
2. Znakov, V.V. (2005) *Psikhologiya ponimaniya: problemy i perspektivy* [Psychology of understanding: problems and prospects]. Moscow: Institute of Psychology of RAS.
3. Edmüller, A. & Wilhelm, T. (2009) *Tekhniki manipulyatsii. Raspoznavanie i protivodeystvie* [Manipulation Techniques. Recognition and resistance]. Translated from German. Moscow: Omega-L.
4. Shostrom, E. (2004) *Chelovek-manipulyator. Vnutrennee puteshestvie ot manipulyatsii k aktualizatsii* [Man, the Manipulator: The Inner Journey from Manipulation to Actualization]. Translated from English. Moscow: Aprel'-Press.
5. Azarnov, N.N. & Azarnova, A.N. (2019) Manipulirovanie kak sposob vzaimnogo vliyaniya lichnostey v deyatel'nosti [Manipulation as a way of mutual influence of individuals in activities]. *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire*. 1. pp. 3–10.
6. Kuznetsova, M.V. & Zaytseva, I.N. (2021) [Manipulation using psychological triggers]. *Aktual'nye problemy konfliktorazresheniya v sovremennom mire: ot teorii k praktike* [Actual Problems of Conflict Resolution in the Modern World: From theory to practice]. Proceedings of the All-Russian Conference. Kursk. 22 April 2021. Kursk: South-West State University. pp. 89–92. (In Russian).
7. Latynov, V.V. (2022) Individual'nye osobennosti cheloveka – ob'ekta vozdeystviya kak faktor effektivnosti psikhologicheskogo vozdeystviya [Individual features of a person, an object of influence as a factor in the effectiveness of psychological influence]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie*. 1. pp. 39–43.
8. Popova, P.A. & Skirtach, I.A. (2021) [Psychological features and profile of the lateral organization in people prone to manipulation]. *Aktual'nye problemy nauki i tekhniki. 2021* [Actual problems of science and technology. 2021]. Proceedings of the All-Russian Conference. Rostov-on-Don. 17–19 March 2021. Rostov-on-Don: Don State Technical University. pp. 824–825. (In Russian).
9. Fedyukovskaya, M.G. (2021) [Psychological and linguistic aspects of speech manipulation]. *Postneklassicheskaya nauka: mezhdistsiplinarnost', problemno-orientirovannost' i prikladnoy kharakter* [Post-Non-Classical Science: Interdisciplinarity, problem-oriented and applied nature]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 29–30 June 2021. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics. pp. 79–81. (In Russian).
10. Tillson, J. (2021) Respect, Concern, and the Wrongness of Manipulation in Education. *Philosophy of Education Society*. [Online] Available from: https://www.philofed.org/_files/ugd/803b74_6091c7bf783640ee9bbc651505aa38d6.pdf?index=true.
11. Kaptein, M. et al. (2015) Personalizing persuasive technologies: Explicit and implicit personalization using persuasion profiles. *International Journal of Human-Computer Studies*. 77. pp. 38–51.
12. Matz, S.C. et al. (2017) Psychological targeting as an effective approach to digital mass persuasion. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 114 (48). pp. 12714–12719.
13. Orji, R. et al. (eds) (2016) [Persuasion and Culture: Individualism–Collectivism and Susceptibility to Influence Strategies]. *PPT 2016. Personalization in Persuasive Technology*. Proceedings of the International Workshop. Salzburg. 05 April 2016. Salzburg: [s.n.]. pp. 30–39.
14. Aboodi, R. (2021) What's Wrong with Manipulation in Education. *Philosophy of Education Society*. [Online] Available from: https://www.philofed.org/_files/ugd/803b74_a3ea46ae467c4273aec40db9d5614bca.pdf?index=true.
15. Dotsenko, E.L. (2003) *Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [Psychology of Manipulation: Phenomena, mechanisms and protection]. Saint Petersburg: Rech'.
16. Sheynov, V.P. (2009) *Psikhologiya manipulyrovaniya* [Psychology of Manipulation]. Minsk: Kharvest.
17. Znakov, V.V. (2002) Makiveallizm, manipulyativnoe povedenie i vzaimootnoshenie [Makiveallizm, manipulative behavior and relationship]. *Voprosy psikhologii*. 6. pp. 15–16.
18. Kalutskaya, I.N. & Podd'yakov, A.N. (2007) Predstavleniya o makiavellizme: raznoobrazie podkhodov i otsenok [Ideas about Machiavellianism: a variety of approaches and assessments]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. 4. pp. 78–89.
19. Kara-Murza, S.G. (2000) *Manipulyatsiya soznaniem* [Mind Manipulation]. Moscow: Algoritm.
20. Grachev, G.V. & Mel'nik, I.K. (2003) *Manipulirovanie lichnost'yu: organizatsiya, sposoby i tekhnologii informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya* [Personality Manipulation: Organization, methods and technologies of information and psychological impact]. Moscow: EKSMO.
21. Verkhovtova, V.K. (2021) Manipulyatsionnye vozdeystviya v pedagogicheskoy deyatel'nosti [Manipulation influences in pedagogical activity]. *Moloday uchenyy*. 23 (365). pp. 470–473.
22. Sergeeva, T.V. (2020) Manipulyativnoe obshchenie v obrazovatel'noy srede kak psikholingvisticheskiy fenomen [Manipulative communication in the educational environment as a psycholinguistic phenomenon]. *Aktual'nye problemy filologii*. 21. pp. 108–115.
23. Surtaeva, N.N. (2020) Professional'naya deyatel'nost' pedagoga v protivodeystvii sotsial'nomu manipulirovaniyu molodezh'yu [Professional activity of a teacher in counteracting the social manipulation of youth]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 3 (82). pp. 227–228.
24. Tikhomirova, P.A. (2022) [Public opinion: psychological characteristics and technologies of manipulation]. *Pravda, obman i dostoinstvo cheloveka v tsifrovom mire riska* [Truth, Deceit and Human Dignity in the Digital World of Risk]. Proceedings of the 6th International Conference. Part 2. Tver. 15–16 April 2021. Tver: Tver State Technical University. pp. 68–71. (In Russian).
25. Maralov, V.G. et al. (2020) Psikhologicheskie profili studentov, sklonnykh k prinuzhdeniyu (manipulirovaniyu), nenasiliyu i nevmeshatel'stvu [Psychological profiles of students prone to coercion (manipulation), non-violence and non-intervention]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 1 (43). pp. 282–301.

26. Belyaev, S.A. & Shkrabo, V.A. (2013) Psikhologicheskie aspekty manipulirovaniya v sisteme "prepodavatel"–student" [Psychological aspects of manipulation in the "teacher-student" system]. *Innovatsionnye obrazovatel'nye tekhnologii*. 4 (36). pp. 34–41.
27. Gunina, E.V. & Pavlova, E.N. (2022) [The study of resistance to psychological manipulation among students of a pedagogical university]. *Pedagogika i obrazovanie: vyzovy i perspektivy* [Pedagogy and Education: Challenges and Prospects]. Proceedings of the In-House Conference. Cheboksary. 01 February – 01 June 2022. Cheboksary: I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University. pp. 529–533. (In Russian).
28. Cheverikina, E.A. & Fatina, M.L. (2017) Psikhologicheskoe manipulirovanie, psikhologicheskoe nasilie, psikhoterrorizm v obrazovatel'noy srede: k voprosu ob opredelenii ponyatiy [Psychological manipulation, psychological violence, psychoterrorism in the educational environment: on the issue of defining concepts]. *Matritsa nauchnogo poznaniya*. 1–2. pp. 89–101.
29. Saipova, M.P. (2015) Manipulyativnyy podkhod v pedagogicheskom obshchenii: osnovnye priznaki i indikatory [Manipulative approach in pedagogical communication: main signs and indicators]. *Vestnik po pedagogike i psikhologii Yuzhnoy Sibiri*. 2. pp. 89–94.
30. Miklyaeva, A.V. (2016) Fenomen mezhvozrastnykh manipulyatsiy vo vzaimodeystvii "uchitel'–uchениk" [The phenomenon of inter-age manipulations in the interaction "teacher-student"]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 4 (8). pp. 13–23. DOI: 10.17759/psyedu.2016080402
31. Tarelkin, A.I. (2013) Moral'no-nravstvennye aspekty. Problemy mezhluchnostnogo manipulirovaniya v pedagogicheskom obshchenii [Moral aspects. Problems of interpersonal manipulation in pedagogical communication]. *Psikhologiya obucheniya*. 3. pp. 97–109.
32. Shostrom, E. (2004) *Anti-Karnegi, ili Chelovek-manipulyator* [Anti-Carnegie, or Man, the Manipulator]. Translated from English. Minsk: Popurri.
33. Efremova, O.I. (2013) *Psikhologicheskoe manipulirovanie v pedagogicheskoy deyatel'nosti uchitelya* [Psychological Manipulation in the Pedagogical Activity of a Teacher]. Taganrog: Taganrog State Pedagogical Institute named after A.P. Chekhov.
34. Shcheglova, E.A. (2010) Faktory, determiniruyushchie primeneniye pedagogami manipulyativnykh form vozdeystviya [Factors that determine the use of manipulative forms of influence by teachers]. *Psikhologiya obucheniya*. 12. pp. 28–38.
35. Znakov, V.V. (2001) *Metodika issledovaniya makiavellizma lichnosti* [Methodology for the Study of Machiavellian Personality]. Moscow: Smysl.
36. Klochko, V.E., Krasnoryadtseva, O.M. & Shcheglova, E.A. (2016) *Obrazovatel'noye vzaimodeystvie: sistemno-antropologicheskyy kontekst* [Educational Interaction: System-anthropological context]. Tomsk: Tomsk State University.
37. Klochko, V.E. (2005) *Samoorganizatsiya v psikhologicheskikh sistemakh: problemy stanovleniya mental'nogo prostranstva lichnosti (vvedenie v transspektivnyy analiz)* [Self-Organization in Psychological Systems: Problems of the formation of the mental space of a person (introduction to transpective analysis)]. Tomsk: Tomsk State University.

Информация об авторах:

Красноярцева О.М. – д-р психол. наук, зав. кафедрой общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: krasnoo@mail.ru

Щеглова Э.А. – канд. психол. наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: 1506sea@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.M. Krasnoryadtseva, Dr. Sci. (Psychology), head of the Department of General and Educational Psychology, National Research Tomsk State University, (Tomsk, Russian Federation) E-mail: krasnoo@mail.ru

E.A. Shcheglova, Cand. Sci. (Psychology), National Research Tomsk State University, (Tomsk, Russian Federation) E-mail: 1506sea@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.11.2022;
одобрена после рецензирования 14.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.*

*The article was submitted 07.11.2022;
approved after reviewing 14.11.2022; accepted for publication 30.11.2022.*

Научная статья
УДК 371.113.1
doi: 10.17223/15617793/484/17

Профессиональная компетентность руководителей образовательных организаций системы общего и среднего профессионального образования

Наталья Борисовна Авалуева¹, Анна Станиславовна Алексеева²,
Алексей Николаевич Майоров³, Эвелина Факировна Алиева⁴

^{1, 2, 3} Федеральный институт развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

¹ avalueva-nb@ranepa.ru

² alekseeva-as@ranepa.ru

³ mayorov-an@ranepa.ru

⁴ evelyn@rambler.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования уровня развития профессиональной компетентности управленческих кадров отечественной системы общего и среднего профессионального образования, рассматриваемой как совокупность управленческих компетенций, систематизированных в два блока: «управленческий потенциал» и «управленческая деятельность». Полученные данные позволили определить существующие на сегодняшний день «зоны риска» и профессиональные дефициты руководителей образовательных организаций.

Ключевые слова: руководители образовательных организаций системы общего и среднего профессионального образования, управленческая компетентность, управленческий потенциал, управленческая деятельность, управленческая компетенция, профессиональные дефициты

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы 11.16 «Анализ практик управления в системе общего образования и среднего профессионального образования (СПО) в условиях внедрения цифровой образовательной среды» в соответствии с государственным заданием РАНХиГС на 2022 год по научному направлению «Экономика образования. Средне- и долгосрочные приоритеты реформы образования».

Для цитирования: Авалуева Н.Б., Алексеева А.С., Майоров А.Н., Алиева Э.Ф. Профессиональная компетентность руководителей образовательных организаций системы общего и среднего профессионального образования // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 145–156. doi: 10.17223/15617793/484/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/17

Professional competence of heads of educational organizations of general and secondary vocational education

Natalia B. Avalueva¹, Anna S. Alekseeva², Aleksey N. Mayorov³, Evelina F. Alieva⁴

^{1, 2, 3} Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

¹ avalueva-nb@ranepa.ru

² alekseeva-as@ranepa.ru

³ mayorov-an@ranepa.ru

⁴ evelyn@rambler.ru

Abstract. The article presents the results of a study of the development of professional managerial competence in the Russian system of general and secondary vocational education. The competence is considered as a set of managerial competencies systematized into two blocks: “managerial potential” and “managerial activities”. The aim of the study was to identify the level of development of managerial competencies – determining the overall level of competence of managerial staff – of managers of the domestic system of general and secondary vocational education in the implementation of the digital educational environment. A total of 6,695 heads of educational organizations of general and secondary vocational education from 85 regions of the Russian Federation took part in the study: 5807 are heads of educational organizations of general education; 888 are heads of educational organizations of secondary vocational education. During the research we used methods of systems analysis, methods of mathematical statistics, interpretative and

descriptive methods, method of generalization and extrapolation (interpolation) of the results, and general logical methods of knowledge: analysis and synthesis, induction and deduction, analogy and modeling. The main empirical method was the method of online questionnaire, the main tool of which was a questionnaire containing systematized groups of questions according to the selected managerial competencies, with the total of 367 questions. The study has revealed that the predominance of the average level of competence of the managerial staff of general and secondary vocational education is caused by the lack/extremely low/low/medium level of the competencies “work under uncertainty and rapid change of tasks” and “readiness for change”. The heads of educational organizations of general and secondary vocational education have acute professional deficits in the availability and development of such managerial competencies as “work under conditions of uncertainty and quick change of tasks”, “readiness for changes”, “strategic leadership”, “content management”, “security management”, “innovation management”, which characterizes a wide range of “risk zones” in the management of an individual educational organization, and in the development of educational system as a whole. The results obtained can be used as a “reference point” for further research in the field of the development of the managerial competence of heads of educational organizations of the domestic system of general and secondary vocational education.

Keywords: heads of educational organizations of general and secondary vocational education, managerial competence, managerial potential, managerial expertise, managerial activity, professional deficits

Financial support: The study is part of the implementation of the state assignment to the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Project No. 11.16 (2022).

For citation: Avalueva, N.B., Alekseeva, A.A., Mayorov, A.N. & Alieva, E.F. (2022) Professional competence of heads of educational organizations of general and secondary vocational education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 145–156. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/17

Введение

Стремительно меняющаяся геополитическая ситуация «спровоцировала» необходимость изменения подходов к организации образовательной деятельности, осуществляемой педагогами на всех ступенях общего образования, что, в свою очередь, определило новые требования к профессиональной компетентности не только педагогических работников, но и руководителей образовательных организаций. Пандемия COVID-19, события 2022 г., связанные с проведением специальной военной операции на Украине, все настойчивее акцентируют происходящие изменения в мировой и российской экономике, обуславливая острую необходимость в наличии таких личностно-психологических и профессиональных качеств, которые позволили бы каждому понимать и принимать быстро меняющуюся ситуацию. Образование как устойчивая система и часть социально-экономического развития страны должно оперативно реагировать на вызовы современности, поэтому от профессиональной компетентности руководителя зависит успешность адаптации и развития в существующих условиях не только конкретной образовательной организации, но и образовательной системы в целом. Управление образовательной организацией потребовало от руководителей всех уровней проявления новых управленческих компетенций, связанных как с цифровой трансформацией, так и с постоянно меняющимися внешними условиями. Обновился и пополнился новыми явлениями как сам образовательный процесс, так и терминологический аппарат педагогической науки и практики.

Анализ существующих на сегодняшний день нормативных правовых актов [1–5], теоретических (А.С. Родиков [6], Л.М. Асмолова (Плахова) [7], О.П. Горьковая, Н.В. Козловский, В.С. Матыкина, А.В. Петров [8], А.И. Ивонина, О.Л. Чуланова, Ю.М. Давлетшина [9],

Д.А. Фирсов [10] и др. [11–14]) и эмпирических исследований (И.В. Гришина [15], Т.А. Жданко, С.В. Гершпигель, В.В. Перегудова [16], А.В. Малышева, С.О. Кожкина, О.В. Шрамкова [17] и др. [18–21]) способствовал изучению категории «управленческая компетентность руководителя образовательной организации в условиях внедрения цифровой образовательной среды» с позиций готовности и способности руководителя образовательной организации эффективно выполнять свои управленческие функции.

Разделяя точку зрения А.В. Хуторского о сущностно-смысловом понимании категории «компетенция», рассматриваемой как «совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности, опыта деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним» [22], под *управленческой компетенцией руководителя образовательной организации* будем понимать знания, умения, навыки, способы и опыт деятельности, которые необходимы руководителю для сознательного целенаправленного воздействия на деятельность образовательной организации с целью достижения такой организацией результатов, определенных законодательством об образовании и ее уставом.

На основании теоретико-методологического анализа исследований в области управления образовательными организациями [6–27] мы выделили и систематизировали актуальные управленческие компетенции руководителя образовательной организации в два блока (две группы): «управленческий потенциал» и «управленческая деятельность». Под управленческим потенциалом руководителя образовательной организации мы понимаем совокупность внутренних ресурсов человека, необходимых для осуществления эффективной управленческой деятельности, т.е. те личностно-значимые внутренние характеристики человека, которые определяют

его готовность осуществлять такого рода деятельность. Для выделения и обоснования компетенций, относящихся к блоку «управленческий потенциал» были проанализированы существующие системы оценки управленческих компетенций в образовательных организациях и бизнес-школах [23–27] и определены восемь компетенций: системное мышление / аналитические умения (умение устанавливать взаимосвязи и закономерности, прогнозировать эффекты и последствия, собирать и обрабатывать информацию), профессиональная мотивация (наличие собственной мотивации и умение мотивировать других), организационное и распределенное лидерство (умение создать команду, умение включить в функционирование команды всех ее членов, умение делегировать обязанности и полномочия), коммуникационные и презентационные умения (умение найти подход к собеседнику (устанавливать контакт с собеседником), умение представить результат), ответственность за результат (умение брать ответственность на себя, умение делегировать ответственность), работа в условиях неопределенности и быстрой смены задач (обладание стрессоустойчивостью, умение быстрой самоорганизации в условиях многозадачности, умение переключаться с выполнения одной задачи на другую), работа в команде (умение минимизировать конфликты, умение взаимодействовать с участниками команды), готовность к изменениям (умение эффективно реагировать на любые изменения в рабочей среде, умение принимать изменения).

Основой разработки управленческих компетенций блока «управленческая деятельность» явился профессиональный стандарт «Руководитель образовательной организации (управление дошкольной образовательной организацией и общеобразовательной организацией)» [3], анализ которого позволил выделить основные функциональные компетенции руководителя образовательной организации, которыми он должен обладать при решении вопросов создания и развития цифровой образовательной среды. Принимая во внимание, что профессиональный стандарт руководителя образовательной организации системы среднего профессионального образования отсутствует, некоторые функциональные компетенции были систематизированы исключительно с учетом профессионального стандарта «Руководитель образовательной организации (управление дошкольной образовательной организацией и общеобразовательной организацией)» и специфики деятельности образовательных организаций системы среднего профессионального образования. В блоке «управленческая деятельность» были выделены также восемь управленческих компетенций: стратегическое руководство (умение разрабатывать стратегию обеспечения качества образовательной деятельности в образовательной организации с привлечением участников образовательных отношений), управление развитием (способность управлять формированием информационной образовательной среды, в том числе цифровой образовательной среды), управление контентом (способность управлять реализацией образовательных программ образовательной организации, в том числе в се-

тевой форме), управление безопасностью (способность организовать безопасную и доступную образовательную среду, в том числе цифровую), управление ресурсами (способность управлять ресурсами образовательной организации, в том числе информационными), управление взаимодействием (способность определять цели, ожидаемые результаты и форматы взаимодействия с участниками отношений в сфере образования и социальными партнерами, в том числе сетевого взаимодействия), управление инновациями (способность организовать проектную и инновационную деятельность), управление информацией (способность управлять публичной информационной деятельностью образовательной организации).

Цель исследования – выявление уровня развития управленческих компетенций руководителей отечественной системы общего и среднего профессионального образования в условиях внедрения цифровой образовательной среды, детерминирующих общий уровень компетентности управленческих кадров.

Методы

Для раскрытия сущностно-смыслового понимания категорий «управленческая компетенция» и «управленческая компетентность» использовались методы системного анализа, позволяющие обобщить, систематизировать существующие в науке и практике представления об управленческой деятельности руководителя образовательной организации и содержательно наполнить выделенные управленческие компетенции.

Основным эмпирическим методом стал метод онлайн-анкетирования, главным инструментом которого явился опросный лист, содержащий систематизированные по выделенным управленческим компетенциям группы вопросов.

Для обработки полученных данных использовались методы математической статистики и общелогические методы познания: анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия и моделирование.

Для интерпретации полученных данных использовались интерпретационно-описательные методы, метод обобщений и экстраполяции (интерполяции) результатов, позволившие описать уровни развития управленческих компетенций «работа в условиях неопределенности и быстрой смены задач» и «готовность к изменениям», «системное мышление / аналитические навыки», «стратегическое руководство», «управление безопасностью», а также уровни компетентности управленческих кадров отечественной системы общего и среднего профессионального образования в условиях внедрения цифровой образовательной среды.

Ход исследования

Исследование проводилось научно-исследовательским центром стратегии, проектирования и правового обеспечения Федерального института развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ФИРО РАНХиГС). В исследовании приняли

участие 6 695 руководителей образовательных организаций отечественной системы общего и среднего профессионального образования из 85 субъектов Российской Федерации, из них 5 807 – руководители образовательных организаций отечественной системы общего образования, 888 – руководители образовательных организаций отечественной системы среднего профессионального образования (СПО).

Основным инструментом исследования явился разработанный опросный лист, содержащий 367 вопросов. Для выявления уровня развития компетенции «системное мышление / аналитические навыки» была актуализирована психологическая методика – опросник оценки способности к прогнозированию (Л.А. Регуш) [28. С. 29–31], компетенции «профессиональная мотивация» – методика диагностики личности на мотивацию к успеху (Т. Элерс) [29], компетенции «готовность к изменениям» – Personal change readiness survey (PCRS) (Родник, Хезер, Голд, Хал в адаптации Н.А. Бажановой и Г.Л. Бардиер) [30]. Для выявления уровня развития других компетенций вопросы опросного листа были разработаны самостоятельно, исходя из полученных в ходе исследования теоретических выводов и психологических основ разработки материалов подобного рода.

Результаты исследования

В целом количество руководителей образовательных организаций, принявших участие в опросе, составляет 8,4% от общего числа руководителей образовательных организаций системы общего и среднего профессионального образования, существующих в Российской Федерации (по данным Росстата, количество организаций на 2019–2020 гг.). При этом в опросе приняли участие 7,6% руководителей образовательных ор-

ганизаций системы общего образования, 26,9% руководителей образовательных организаций системы СПО (от общего числа руководителей образовательных организаций системы общего и среднего профессионального образования соответственно, существующих в Российской Федерации).

Наибольшее количество респондентов, принявших участие в опросе, приходится на Приволжский и Северо-Западный федеральные округа РФ: 11,6 и 11,4% соответственно (от общего числа руководителей образовательных организаций системы общего и среднего профессионального образования, существующих в Федеральном округе). При этом процент участия руководителей системы общего образования (от общего числа руководителей образовательных организаций системы общего образования, существующих в Федеральном округе) также наблюдается в указанных федеральных округах и составляет в Приволжском федеральном округе – 10,5%, в Северо-Западном – 10,9%. Наибольшее количество руководителей образовательных организаций системы СПО, принявших участие в опросе, зафиксировано в Приволжском федеральном округе – 37%, и в Сибирском федеральном округе – 30,0%. Наименьшее количество респондентов наблюдается в Сибирском федеральном округе – 5,1% и Центральном федеральном округе – 5,9%, как в целом по федеральному округу, так и по количеству участия руководителей системы общего образования – 4 и 4,9% соответственно. Наименьшее количество руководителей образовательных организаций системы СПО, принявших участие в опросе, зафиксировано в Дальневосточном федеральном округе – 16,5%, и Северо-Кавказском федеральном округе – 19,4% (от общего числа руководителей образовательных организаций системы среднего профессионального образования, существующих в Федеральном округе) (рис. 1).

Рис. 1. Распределение участников опроса по федеральным округам Российской Федерации

В опросе приняли участие респонденты, имеющие различный стаж управленческой деятельности: до 5 лет – 1 918 руководителей (из них руководители образовательных организаций системы общего образования – 1 660 человек, руководители образовательных организаций си-

стемы СПО – 258 человек); от 5 до 10 лет – 1 257 руководителей (из них руководители образовательных организаций системы общего образования – 1 109 человек, руководители образовательных организаций системы СПО – 148 человек); от 10 до 20 лет – 1 894 руководителя

(из них руководители образовательных организаций системы общего образования – 1 659 человек, руководители образовательных организаций системы СПО – 235 человек); более 20 лет – 1 626 руководителей (из них руководители образовательных организаций системы общего образования – 1 379 человек, руководители образовательных организаций системы СПО – 247 человек).

Для обработки полученных материалов были выделены четыре уровня управленческой компетентности руководителей системы общего и среднего профессионального образования: низкий, средний, умеренно высокий и высокий. В целях адекватной интерпретации полученных результатов было проведено соотнесение выделенных уровней с обозначенными А.С. Родиковым четырьмя ступенями развития: неосознанная некомпетентность, осознанная некомпетентность, осознанная компетентность, неосознанная компетентность [6. С. 218]. Исходя из указанных выше позиций, интерпретация уровней развития компетентности управленческих кадров отечественной системы общего и среднего профессионального образования осуществлялась следующим образом:

– *уровень низкий* – неосознанная некомпетентность. Руководители, обладающие низким уровнем управленческой компетентности в решении задач внедрения цифровой образовательной среды, не знают / не умеют / не понимают, но никогда не сталкивались с ситуацией, в которой это осознают. Они не видят в своей работе недостатков и/или не связывают их с отсутствием у себя знаний, умений и опыта решения подобных задач и проблем;

– *уровень средний* – осознанная некомпетентность. Руководители, обладающие средним уровнем управленческой компетентности в решении задач внедрения цифровой образовательной среды, иногда не знают / не умеют / не понимают ситуацию, где нужно это знать, уметь или понимать;

– *умеренно высокий уровень* – осознанная компетентность. Руководители, обладающие умеренно высоким уровнем управленческой компетентности в решении задач внедрения цифровой образовательной среды, осознают, что есть область вещей, которую знают / понимают / умеют делать;

– *высокий уровень* – неосознанная компетентность. Руководители, обладающие высоким уровнем управленческой компетентности в решении задач внедрения цифровой образовательной среды, попадая в определенную ситуацию, вдруг выясняют, что знают / понимают / умеют делать то, что никогда до этого не делали. Им уже не нужно задумываться над отдельными операциями и их последовательностью. Многие действия выполняются «автоматически», причем выполняются правильно.

По результатам опроса общий уровень компетентности управленческих кадров отечественной системы общего и среднего профессионального образования оценивается как средний (52% респондентов). При этом 42,7% респондентов имеют умеренно высокий уровень компетентности. Низкий уровень компетентности выявлен у 4,7% респондентов. И только 0,6% респондентов обладают высоким уровнем компетентности.

У руководителей образовательных организаций системы общего образования преобладает средний уровень компетентности (52% респондентов), в то время как у руководителей образовательных организаций системы среднего профессионального образования – умеренно высокий (49% респондентов). Примерно одинаковое количество руководителей как системы общего образования (4,7%), так и системы СПО (5%) обладают низким уровнем компетентности (рис. 2).

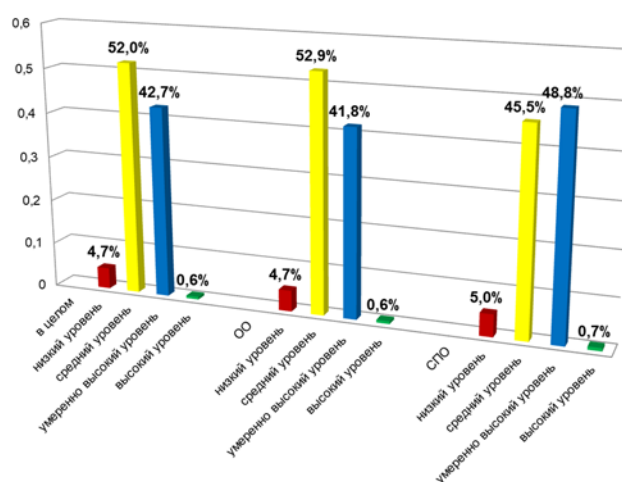

Рис. 2. Уровень компетентности управленческих кадров отечественной системы общего и среднего профессионального образования

7,5% руководителей, имеющих стаж управленческой деятельности до 5 лет, обладают низким уровнем компетентности, 55,9% – средним, 36,1% – умеренно высоким, 0,5% – высоким. 4% руководителей, имеющих стаж управленческой деятельности от 5 до

10 лет, обладают низким уровнем компетентности, 54% – средним, 41% – умеренно высоким, 1% – высоким. 3,2% руководителей, имеющих стаж управленческой деятельности от 10 до 20 лет, обладают низким уровнем компетентности, 52,1% – средним,

44,4% – умеренно высоким, 0,3% – высоким. 3,9% руководителей, имеющих стаж управленческой деятельности более 20 лет, обладают низким уровнем компетентности, 45,9% – средним, 49,7% – умеренно высоким, 0,5% – высоким. Анализ полученных данных показывает, что наименьший процент руководителей, обладающих низким уровнем управленческой компетентности, наблюдается у респондентов, имеющих стаж управленческой деятельности от 10 до 20 лет, в то время как наибольший – у респондентов,

имеющих до 5 лет. Можно отметить уменьшение количества руководителей, обладающих низким уровнем компетентности, в зависимости от увеличения стажа управленческой деятельности. Однако у руководителей, имеющих стаж более 20 лет, наблюдается увеличение числа руководителей, обладающих низким уровнем управленческой компетентности, и равное количество руководителей, имеющих высокий уровень управленческой компетентности (таблица).

Распределение респондентов по управленческому стажу и уровню управленческой компетентности

Уровень управленческой компетентности	до 5 лет	от 5 до 10 лет	от 10 до 20 лет	более 20 лет
Низкий	7,5%	4%	3,2%	3,9%
Средний	55,9%	54%	52,1%	45,9%
Умеренно высокий	36,1%	41%	44,4%	49,7%
Высокий	0,5%	1%	0,3%	0,5%

Исследуя уровень развития компетенции «работа в условиях неопределенности и быстрой смены задач», было выявлено, что у 11 руководителей образовательных организаций системы общего образования из субъектов Российской Федерации (Забайкальский край, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Курганская, Нижегородская области, Республика Башкортостан, Республика Саха (Якутия), Ростовская, Сахалинская области, Ставропольский край) данная компетенция отсутствует. Предельно низкий уровень развития указанной компетентности у 0,6% респондентов (0,6% – руководители образовательных организаций системы общего образования, 0,7% – руководители образовательных организаций системы среднего профессионального образования), т.е. стрессоустойчивость отсутствует, а работа в режиме многозадачности оказывается слишком затруднительной. Низкий уровень у 8,8% респондентов (8,8% – руководители образовательных организаций системы общего образования, 9,0% – руководители образовательных организаций системы среднего профессионального образования), т.е. для них характерны низкая стрессоустойчивость и неспособность работать в режиме многозадачности; нежелание использовать новые идеи, традиционный подход к решению проблем, они испытывают трудности при управлении

творческими группами. 39,5% респондентов имеют средний уровень развития указанной компетенции (40,4% – руководители образовательных организаций системы общего образования, 34% – руководители образовательных организаций системы среднего профессионального образования). 3,6% респондентов обладают предельно высоким уровнем развития (3,5% – руководители образовательных организаций системы общего образования, 4,3% – руководители образовательных организаций системы среднего профессионального образования) – таких руководителей не пугает быстрая смена задач, потому что они умеют быстро переключаться с выполнения одной задачи на другую. В условиях многозадачности они могут не только быстро самоорганизовываться, но и организовать коллег на выполнение задач. При этом 47,3% респондентов имеют высокий уровень развития компетенции «работа в условиях неопределенности и быстрой смены задач» (46,5% – руководители образовательных организаций системы общего образования, 52% – руководители образовательных организаций системы среднего профессионального образования), что проявляется в способности руководителей переключаться с выполнения одной задачи на другую, умении работать в условиях неопределенности и многозадачности (рис. 3).

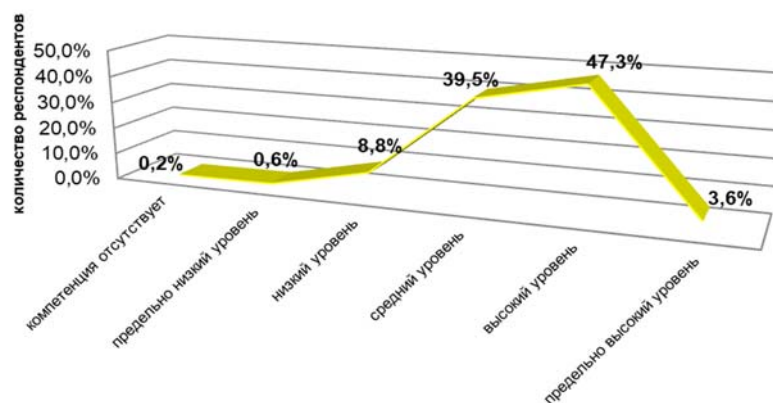

Рис. 3. Уровень развития управленческой компетенции «работа в условиях неопределенности и быстрой смены задач»

Результаты исследования уровня развития управленческой компетенции «готовность к изменениям» показывают, что 49,5% респондентов (49,5% – руководители образовательных организаций системы общего образования, 48,7% – руководители образовательных организаций системы среднего профессионального образования) имеют низкий и предельно низкий уровни развития указанной компетенции, что выражается в противостоянии и сопротивлении инициативам, затягивании применения новых технологий, в отсутствии умения оперативно искать выход из сложившейся непростой ситуации.

Из них 41 респондент (0,6% от общего числа респондентов) из 24 субъектов Российской Федерации имеет предельно низкий уровень развития компетенции «готовность к изменениям»: 5 – руководители образовательных организаций системы среднего профессионального образования (Республика Дагестан, Белгородская, Оренбургская, Ульяновская, Ярославская области), 36 – руководители образовательных организаций системы общего образования (Белгородская, Брянская, Вологодская области, Кабардино-Балкарская Республика, Кемеровская область, Красноярский край, Курганская, Московская, Нижегородская, Новосибирская области, Приморский край, Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Республика Ингушетия, Республика Саха (Якутия), Ростовская,

Самарская, Сахалинская области, Ставропольский край, Тамбовская, Ульяновская области). 10 респондентов имеют стаж управленческой деятельности более 20 лет, 10 – от 10 до 20 лет, 2 – от 5 до 10 лет, и 19 – до 5 лет. 81 респондент из 32 субъектов Российской Федерации (70 – руководители образовательных организаций системы общего образования, 11 – руководители образовательных организаций системы среднего профессионального образования) имеет предельно высокий уровень готовности к изменениям, что характеризует их как руководителей, которые всегда спокойно принимают перемены, поддерживают связанные с ними инициативы. Например, в Республике Мордовия 54,5% респондентов (54,1% – руководители образовательных организаций системы общего образования, 58,8% – руководители образовательных организаций системы СПО) имеют средний уровень развития компетенции «готовность к изменениям», в то время как в Волгоградской области 51,9% респондентов имеют низкий уровень развития компетенции «готовность к изменениям», равно как и в Новосибирской области 55,1% респондентов (53,1% – руководители образовательных организаций системы общего образования, 64,0% – руководители образовательных организаций системы СПО) имеют низкий уровень развития компетенции «готовность к изменениям» (рис. 4).

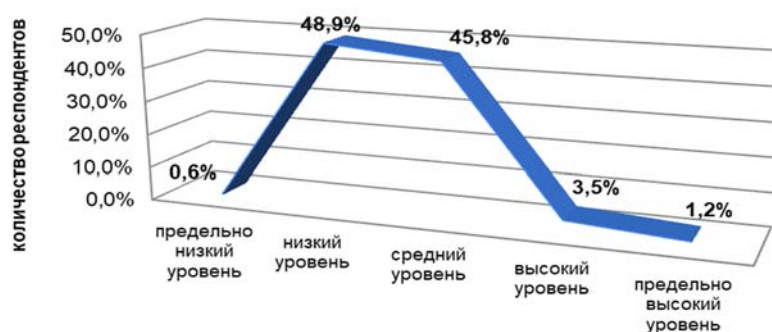

Рис. 4. Уровень развития управленческой компетенции «готовность к изменениям»

Предельно высокий уровень готовности к изменениям и работы в условиях неопределенности и быстрой смены задач наблюдается только у 24 респондентов из 15 субъектов Российской Федерации (Брянская, Кемеровская, Самарская, Саратовская, Сахалинская, Ульяновская, Челябинская области, Ставропольский, Приморский, Хабаровский края, Республика Адыгея, Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Саха (Якутия)).

6 респондентов (руководители образовательных организаций системы общего образования) – представители Самарской области (1), Республики Саха (Якутия) (1), Волгоградской области (2), Новосибирской области (1), Ростовской области (1) – обладают низким уровнем развития управленческой компетенции «си-

стемное мышление / аналитические навыки». Это означает, что возникающая ситуация или проблема такими руководителями не анализируется, поэтому большая часть принимаемых ими решений является спонтанной и не адекватной той ситуации/проблеме, по которой это решение принимается. Они не задумываются о последствиях своих действий, их абсолютно не интересуют отдаленные перспективы, они не затрудняют себя обоснованием правильности принятого решения, не учитывают необходимые закономерности развития ситуации/проблемы для принятия решения.

У 11 респондентов – руководителей образовательных организаций системы общего образования, из 10 субъектов Российской Федерации (Забайкальский край, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Курганская, Нижегородская области, Респуб-

лика Башкортостан, Республика Саха (Якутия), Ростовская, Сахалинская области, Ставропольский край) отсутствуют компетенции «организационное и распределенное лидерство», «ответственность за результат», «коммуникационные и презентационные умения», «работа в команде». Кроме того, у этих респондентов уровень развития компетенции «профессиональная мотивация» – низкий, впрочем, как и уровень развития других компетенций, что определяет уровень управленческой компетентности, безусловно, как низкий и подтверждает надежность и достоверность полученных результатов. Кроме того, у 39 респондентов (33 – руководители образовательных организаций системы общего образования, 6 – руководители образовательных организаций системы СПО) из 18 субъектов Российской Федерации (Владимирская, Вологодская области, Карачаево-Черкесская Республика, Красноярский край, Курганская, Мурманская, Нижегородская, Новосибирская, Пензенская области, Республика Башкортостан, Республика Ингушетия, Республика Татарстан, Ростовская, Самарская, Сахалинская, Ульяновская, Челябинская области, Чувашская Республика) выявлен предельно низкий уровень развития указанных компетенций, т.е. в своих коллективах такие руководители не являются лидерами. Им проще работать с отдельными лицами, поэтому вопрос единой команды их вовсе не интересует. У них отсутствуют навыки в руководстве: практические способности добиваться высокого результата в работе подчиненных, индивидуальный подход к людям, использование эффективных методов управления.

Исследуя уровень развития управленческой компетенции «стратегическое руководство», было выявлено, что у 80,5% респондентов (80,6% – руководители образовательных организаций системы общего образования, 79,7% – руководители образовательных организаций системы СПО) преобладает средний уровень развития компетенции «стратегическое руководство» (такие руководители серьезно относятся к разработке и реализации стратегии обеспечения качества образовательной деятельности, но пока им не все удается; они пытаются изменить методы организации деятельности и управления развитием образовательной организации, но не всегда могут достичь высокого результата), у 11% – высокий, у 9% – низкий уровень.

У 2 руководителей из Челябинской (руководитель образовательной организации системы СПО) и Мурманской (руководитель образовательной организации системы общего образования) областей отсутствует компетенция «управление развитием», при этом уровень развития остальных компетенций у этих руководителей низкий или предельно низкий. У 30,2% респондентов (29,1% – руководители образовательных организаций системы общего образования, 37,4% – руководители образовательных организаций системы СПО) уровень развития указанной компетенции высокий, у 54,4% (54,8% – руководители образовательных организаций системы общего образования, 52,4% – руководители образовательных организаций системы СПО) – средний, у 15,3% (16,1% – руководители образовательных организаций системы общего образования, 10,1% – руководители образовательных организаций системы СПО) – низкий.

18,9% респондентов (18,6% – руководители образовательных организаций системы общего образования, 20,6% – руководители образовательных организаций системы СПО) не могут организовать безопасную и доступную образовательную среду, полагаясь на компетентность назначенного ими ответственного лица и стараясь, как правило, не вникать в суть происходящего. При этом 66,2% респондентов (66,7% – руководители образовательных организаций системы общего образования, 63,2% – руководители образовательных организаций системы СПО) обладают средним уровнем развития компетенции «управление безопасностью». И только 15% респондентов (14,6% – руководители образовательных организаций системы общего образования, 16,2% – руководители образовательных организаций системы СПО) создали в своих образовательных учреждениях безопасную и доступную образовательную среду.

У одного руководителя образовательной организации системы общего образования из Ярославской области отсутствует компетенция «управление контентом». 30,6% руководителей (31,7% – руководители образовательных организаций системы ОО, 24% – руководители образовательных организаций системы СПО) уверены, что образовательный контент – это не их зона ответственности.

70,4% респондентов (70,5% – руководители образовательных организаций системы ОО, 69,9% – руководители образовательных организаций системы СПО) обладают средним уровнем развития компетенции «управление инновациями». Их привлекают новые интересные идеи, но они считают, что для их реализации человек, предложивший идею, должен все проработать до мелочей, а только потом представить на рассмотрение. Рассматривая инновационный проект, такие руководители не всегда задумываются о личностной и профессиональной самореализации, как себя, так и своих коллег, поэтому чаще всего берутся за организацию тех проектов, которые приносят материальное вознаграждение.

Полученные результаты исследования позволяют сформулировать определенные дискуссионные вопросы. Выделенные уровни развития профессиональных компетенций руководителя образовательной организации в условиях внедрения цифровой образовательной среды позволяют зафиксировать актуальные профессиональные дефициты и разработать эффективные стратегии их восполнения как на индивидуальном, так и коллективном уровне, поскольку представленные описательные характеристики состояний выделенных управленческих компетенций раскрывают смысловую сущность каждой отдельно взятой компетенции и управленческой компетентности в целом.

Основной профессиональный дефицит современные руководители испытывают в развитии компетенции «готовность к изменениям». Уровень развития указанной компетенции предопределяет уровень развития таких компетенций, как стратегическое мышление, управление инновациями, управление информацией, управление развитием. Поэтому, несмотря на высокий уровень профессиональной мотивации, низкий уровень развития компетенции «готовность к изменениям» отражает неготовность современных управленческих кадров

отечественной системы образования к осуществлению эффективной управленческой деятельности.

Рассматривая полученные результаты с педагогической точки зрения, необходимо отметить, что смыслообразующей составляющей управленческой деятельности современного руководителя образовательной организации является триединство обучения, воспитания и развития всех субъектов образовательной деятельности. Исходя из такого понимания, можно говорить о двойственной миссии руководителя образовательной организации, выражающейся, с одной стороны, в собственном профессиональном обучении, воспитании и развитии, а с другой – в обучении, воспитании и развитии субъектов взаимодействия, как о системообразующем факторе профессиональной компетентности современного руководителя.

Выводы

1. Преобладание среднего уровня компетентности управленческих кадров отечественной системы общего и среднего профессионального образования в условиях внедрения цифровой образовательной среды обусловлено отсутствием / предельно низким / низким / средним уровнем развития компетенций «работа в условиях неопределенности и быстрой смены задач» и «готовность к изменениям».

2. У руководителей образовательных организаций отечественной системы общего и среднего профессионального образования наблюдаются острые профессиональные дефициты в наличии и развитии таких управленческих компетенций, как «работа в условиях неопре-

деленности и быстрой смены задач», «готовность к изменениям», «стратегическое руководство», «управление контентом», «управление безопасностью», «управление инновациями», что характеризует широкий диапазон «зон риска» как в управленческой деятельности отдельной образовательной организации, так и в развитии системы образования в целом.

3. Для повышения уровня управленческой компетентности руководителей образовательных организаций системы общего и среднего профессионального образования, уменьшения/исключения «зон риска» и угроз снижения эффективности управленческой деятельности руководителей представляется актуальной разработка дополнительной профессиональной программы повышения квалификации по направлению «Современные стратегии управления образовательной организацией в условиях неопределенности», учитывающей индивидуальные профессиональные дефициты.

4. Результаты анализа могут быть использованы как точка отсчета для дальнейших исследований в области совершенствования управленческой компетентности руководителей образовательных организаций отечественной системы общего и среднего профессионального образования.

5. Полученная информация должна лежать в основе оценки сформированности управленческих компетенций руководителей образовательных организаций отечественной системы общего и среднего профессионального образования, разработки программы персонализированного сопровождения, дальнейших исследований в области совершенствования компетентности управленческих кадров в сфере образования.

Список источников

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 7 декабря 2020 г. № 2040 «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды».
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.12.2021 № 3427-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации».
3. Приказ Минтруда России от 19.04.2021 № 250н «Об утверждении профессионального стандарта «Руководитель образовательной организации (управление дошкольной образовательной организацией и общеобразовательной организацией)» (зарегистрирован в Минюсте России 02.09.2021 № 64848, вступает в силу с 1 марта 2022 г.).
4. Распоряжение Минпросвещения России от 16.12.2020 № Р-174 «Об утверждении Концепции создания единой федеральной системы научно-методического сопровождения педагогических работников и управленческих кадров».
5. Распоряжение Минпросвещения России от 27.08.2021 № Р-201 «Об утверждении методических рекомендаций по порядку и формам диагностики профессиональных дефицитов педагогических работников и управленческих кадров образовательных организаций с возможностью получения индивидуального плана».
6. Родиков А.С. Понятие об осознанной и неосознанной компетентности руководителя в европейских образовательных моделях // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2010. № 125. С. 217–226.
7. Асмолова (Плахова) Л.М. Мотивационный менеджмент как фактор успешности образовательных организаций в условиях введения ФГОС // Отечественная и зарубежная педагогика. 2016. № 4 (31). С. 33–47.
8. Горьковская О.П., Козловский Н.В., Маткина В.С., Петров А.В. «Soft skills»: в поиске универсальных трактовок «гибких» навыков современных работников // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2019. № 4 (53). С. 20–25.
9. Ивонина А.И., Чуланова О.Л., Давлетшина Ю.М. Современные направления теоретических и методических разработок в области управления: роль soft-skills и hard skills в профессиональном и карьерном развитии сотрудников // Вестник евразийской науки. 2017. № 1 (38). С. 90–108.
10. Фирсов Д.А. Профиль управленческих компетенций руководителя в проекте профессионального стандарта «руководитель образовательной организации» // Менеджмент в образовании: достижения, вызовы, перспективы : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 10 апреля 2021 года) / под ред. О.А. Любченко. М. : Известия Института педагогики и психологии образования, 2021. С. 88–103.
11. Кузнецова А.Я. Проблема рефлексивного управления в образовании : современный взгляд // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26634> (дата обращения: 23.05.2022).
12. Лагутина Е.Е., Капустина С.А. К вопросу формирования кадровой политики образовательной организации // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования : материалы XXII Междунар. конф. памяти профессора Л.Н. Когана. Екатеринбург : УрФУ, 2019. С. 927–938.
13. Нгуен Тхи Тхюи Зунг. Уровень активности директора школы в г. Хошимине в управлении изменениями // Проблемы науки. 2018. № 10 (130). С. 40–49.
14. Чечель И.Д. Директор школы и его команда: стратегия и тактика коллективного профессионального развития. М. : Национальный книжный центр ; ИФ «Сентябрь», 2016. 192 с.

15. Гришина И.В. Теоретико-методологические подходы к проектированию модульной программы в персонифицированной системе повышения квалификации руководителей школ // Управление образованием : теория и практика. 2016. № 3 (23). С. 22–37.
16. Жданко Т.А., Гершпигель С.В., Перегудова В.В. Диагностика профессиональных компетенций руководителей образовательных организаций общего образования // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 4. С. 19–27.
17. Малышева А.В., Кожачкина С.О., Шрамкова О.В. Диагностика профессиональных компетентностных дефицитов как основной фактор оптимизации дополнительного профессионального образования педагогов // Вестник Саратовского областного института развития образования. 2019. № 3 (19). С. 112–117.
18. Аналитическая справка по выявлению профессиональных дефицитов и затруднений работников системы образования за 2019–2020 учебный год. Кемерово, 2019. 11с.
19. Аналитический отчет о сформированности профессиональных компетенций и профессиональных дефицитах руководителей образовательных организаций Самарской области. 2021. 78 с.
20. Аналитическая записка по результатам диагностики профессиональных дефицитов руководителей школ, показывающих низкие образовательные результаты. СПб., 2020. 28 с.
21. Региональные инструменты управления качеством образования : система методической работы / под науч. ред. С.В. Тарасова. СПб. : ЛОИРО, 2019. 40 с.
22. Хуторской А.В. Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов // Вестник института образования человека. 2011. № 1. URL: <https://eidos-institute.ru/upload/journal/2011/Eidos-Vestnik2011-103-Khutorskoy.pdf>
23. Методика проведения диагностики профессиональных компетенций руководителей в сфере образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Ханты-Мансийск : АУ ДПО Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Институт развития образования» (АУ «Институт развития образования»), 2016. 76 с.
24. Модель оценки (самооценки) профессиональных компетенций руководителя на основе индикативного подхода. Омск : Министерство образования Омской области. БОУ ДПО «ИРОО», 2019. 12 с.
25. Применение технологических форсайтов для определения будущих потребностей в компетенциях : материалы междунар. семинара СКОЛКОВО и МОТ; Международное бюро труда. Женева : МОТ, 2014. 150 с.
26. Руководство по применению технологического форсайта для определения будущих потребностей в компетенциях / Д. Судаков, П. Лукша, О. Стриецка-Ильина, Г. Конн, К. Хофман, Л. Хачатрян. Женева : МОТ, 2016. 68 с.
27. Филинова И.М. Профессиональные компетенции руководителя образовательной организации среднего профессионального образования // Вестник ТвГУ. Серия: Педагогика и психология. 2015. С. 16–24.
28. Бехтер А.А. Прогнозирование в работе психолога : возможности диагностики и развития : учеб.-метод. пособие. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2017. 72 с.
29. Зобнина Л.Я. Исследование мотивации достижения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. 2009. Вып. 2. С. 221–226.
30. Бажанова Н.А. Личностная готовность к переменам в контексте исследования феномена «ожидания» / пер. и апробация опросника «Personal change-readiness survey» // Acta eruditorum. Научные доклады и сообщения (Приложение к журналу «Вестник РХГА». Т.2). СПб. : Изд-во РХГА, 2005. С. 169–178.

References

1. Russian Federation. (2020) *On conducting an experiment on the introduction of a digital educational environment*. Decree of the Government of the Russian Federation No. 2040 of December 7, 2020. Moscow: [s.n.]. (In Russian).
2. Russian Federation. (2021) *On approval of the strategic direction in the field of digital transformation related to the field of activity of the Ministry of Education of the Russian Federation*. Decree of the Government of the Russian Federation No. 3427-р of December 2, 2021. Moscow: [s.n.]. (In Russian).
3. Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation. (2021) *On approval of the professional standard “Head of an educational organization (management of a preschool educational organization and a general educational organization)” (registered with the Ministry of Justice of Russia on September 2, 2021 No. 64848, effective from March 1, 2022)*. Order of the Ministry of Labor of Russia No. 250n of April 19, 2021. Moscow: [s.n.]. (In Russian).
4. Ministry of Enlightenment of the Russian Federation. (2020) *On approval of the concept for the creation of a unified federal system of scientific and methodological support for teaching staff and managerial staff*. Decree No. R-174 of December 16, 2020. Moscow: [s.n.]. (In Russian).
5. Ministry of Enlightenment of the Russian Federation. (2021) *On approval of methodological recommendations on the procedure and forms for diagnosing professional deficits in teaching staff and managerial staff of educational organizations with the possibility of obtaining an individual plan*. Decree No. R-201 of August 27, 2021. Moscow: [s.n.]. (In Russian).
6. Rodikov, A.S. (2010) *Ponyatie ob osoznannoy i neosoznannoy kompetentnosti rukovoditelya v evropeyskikh obrazovatel'nykh modelyakh* [The concept of the conscious and unconscious competence of a leader in European educational models]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*. 125. pp. 217–226.
7. Asmolova (Plakhova), L.M. (2016) *Motivatsionnyy menedzhment kak faktor uspekhnosti obrazovatel'nykh organizatsiy v usloviyakh vvedeniya FGOS* [Motivational management as a factor in the success of educational organizations in the context of the introduction of the Federal State Educational Standards]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 4 (31). pp. 33–47.
8. Gor'kovaya, O.P. et al. (2019) “Soft skills”: v poiske universal'nykh traktovok “gibkikh” navykov sovremennykh rabotnikov [“Soft skills”: in search of universal interpretations of soft skills of modern workers]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. 4 (53). pp. 20–25.
9. Ivonina, A.I., Chulanova, O.L. & Davletshina, Yu.M. (2017) *Sovremennye napravleniya teoreticheskikh i metodicheskikh razrabotok v oblasti upravleniya: rol' soft-skills i hard skills v professional'nom i kar'ernom razvitii sotrudnikov* [Modern directions of theoretical and methodological developments in the field of management: the role of soft skills and hard skills in the professional and career development of employees]. *Vestnik evraziyskoy nauki*. 1 (38). pp. 90–108.
10. Firsov, D.A. (2021) [The profile of managerial competencies of the head in the project of the professional standard “Head of an educational organization”]. *Menedzhment v obrazovanii: dostizheniya, vyzovy, perspektivy* [Management in Education: Achievements, challenges, prospects]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 10 April 2021. Moscow: Izvestiya Instituta pedagogiki i psikhologii obrazovaniya. pp. 88–103. (In Russian).
11. Kuznetsova, A.Ya. (2017) *Problema refleksivnogo upravleniya v obrazovanii: sovremennyy vzglyad* [The problem of reflexive control in education: a modern view]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. 4. [Online] Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26634> (Accessed: 23.05.2022).
12. Lagutina, E.E. & Kapustina, S.A. (2019) [On the issue of forming the personnel policy of an educational organization]. *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya* [Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, experience of empirical research]. Proceedings of the 22nd International Conference. Yekaterinburg. 21–23 March 2019. Yekaterinburg: Ural Federal University. pp. 927–938. (In Russian).

13. Nguyen, T.T.D. (2018) Uroven' aktivnosti direktora shkoly v g. Khoshimine v upravlenii izmeneniyami [The level of activity of the director of the school in Ho Chi Minh City in the management of changes]. *Problemy nauki*. 10 (130). pp. 40–49.
14. Chechel', I.D. (2016) *Direktor shkoly i ego komanda: strategiya i takтика kollektivnogo professional'nogo razvitiya* [School Principal and Their Team: Strategy and tactics of collective professional development]. Moscow: Natsional'nyy knizhnyy tsentr, IF "Sentyabr".
15. Grishina, I.V. (2016) Teoretiko-metodologicheskie podkhody k proektirovaniyu modul'noy programmy v personifitsirovannoy sisteme povysheniya kvalifikatsii rukovoditeley shkol [Theoretical and methodological approaches to the design of a modular program in a personalized system of advanced training for school leaders]. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika*. 3 (23). pp. 22–37.
16. Zhdanko, T.A., Gershpigel', S.V. & Peregodova, V.V. (2021) Diagnostika professional'nykh kompetentsiy rukovoditeley obrazovatel'nykh organizatsiy obshchego obrazovaniya [Diagnostics of professional competencies of heads of educational organizations of general education]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 4. pp. 19–27.
17. Malysheva, A.V., Kozhakina, S.O. & Shramkova, O.V. (2019) Diagnostika professional'nykh kompetentnostnykh defitsitov kak osnovnoy faktor optimizatsii dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya pedagogov [Diagnostics of professional competence deficits as the main factor in optimizing the additional professional education of teachers]. *Vestnik Saratovskogo oblastnogo instituta razvitiya obrazovaniya*. 3 (19). pp. 112–117.
18. Department of Education and Science of the Kemerovo Region. (2019) *Analiticheskaya spravka po vyyavleniyu professional'nykh defitsitov i zatrudneniy rabotnikov sistemy obrazovaniya za 2019–2020 uchebnyy god* [Analytical Report on Identifying Professional Deficits and Difficulties for Employees of the Education System for the 2019–2020 Academic Year]. Kemerovo: [s.n.].
19. Ministry of Education and Science of the Samara Region. (2021) *Analiticheskiy otchet o sformirovannosti professional'nykh kompetentsiy i professional'nykh defitsitakh rukovoditeley obrazovatel'nykh organizatsiy Samarskoy oblasti* [Analytical Report on the Formation of Professional Competencies and Professional Deficits of Heads of Educational Organizations of the Samara Region]. Samara: [s.n.].
20. Ministry of Education of Omsk Region. (2020) *Analiticheskaya zapiska po rezul'tatam diagnostiki professional'nykh defitsitov rukovoditeley shkol, pokazuyuyushchikh nizkie obrazovatel'nye rezul'taty* [Analytical Note on the Results of the Diagnosis of Professional Deficits of School Leaders Showing Low Educational Results]. Saint Petersburg: [s.n.].
21. Tarasov, S.V. (ed.) (2019) *Regional'nye instrumenty upravleniya kachestvom obrazovaniya: sistema metodicheskoy raboty* [Regional Tools for Managing the Quality of Education: A system of methodological work]. Saint Petersburg: LOIRO.
22. Khutorskoy, A.V. (2011) Opredelenie obshchepredmetnogo soderzhaniya i klyuchevykh kompetentsiy kak kharakteristika novogo podkhoda k konstruirovaniyu obrazovatel'nykh standartov [Definition of general subject content and key competencies as a characteristic of a new approach to the design of educational standards]. *Vestnik instituta obrazovaniya cheloveka*. 1. [Online] Available from: <https://eidos-institute.ru/upload/journal/2011/Eidos-Vestnik2011-103-Khutorskoy.pdf>.
23. Institut razvitiya obrazovaniya [Education Development Institute]. (2016) *Metodika provedeniya diagnostiki professional'nykh kompetentsiy rukovoditeley v sfere obrazovaniya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry* [Methodology for Diagnosing the Professional Competencies of Leaders in the Field of Education of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra]. Khanty-Mansiysk: [s.n.].
24. Ministry of Education of the Omsk Region. (2019) *Model' otsenki (samootsenki) professional'nykh kompetentsiy rukovoditelya na osnove indikativnogo podkhoda* [Model of Assessment (Self-Assessment) of Professional Competencies of a Leader Based on an Indicative Approach]. Omsk: Ministerstvo obrazovaniya Omskoy oblasti. BOU DPO "IROOO".
25. International Labour Organization. (2014) *Primenenie tekhnologicheskikh forsaytov dlya opredeleniya budushchikh potrebnostey v kompetentsiyakh* [Application of Technological Foresight to Determine Future Needs for Competencies]. Geneva: ILO.
26. Sudakov, D. et al. (2016) *Rukovodstvo po primeneniyu tekhnologicheskogo forsayta dlya opredeleniya budushchikh potrebnostey v kompetentsiyakh* [Guidelines for the Use of Technology Foresight to Determine Future Needs for Competencies]. Geneva: ILO.
27. Filinova, I.M. (2015) Professional'nye kompetentsii rukovoditelya obrazovatel'noy organizatsii srednego professional'nogo obrazovaniya [Professional competencies of the head of the educational organization of secondary vocational education]. *Vestnik TvGU. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*. pp. 16–24.
28. Bekhter, A.A. (2017) *Prognozirovanie v rabote psikhologa: vozmozhnosti diagnostiki i razvitiya* [Forecasting in the Work of a Psychologist: The possibilities of diagnostics and development]. Khabarovsk: Pacific National University.
29. Zobnina, L.Ya. (2009) Issledovanie motivatsii dostizheniya [Achievement motivation study]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12*. 2. pp. 221–226.
30. Bazhanova, N.A. (2005) Lichnostnaya gotovnost' k peremenam v kontekste issledovaniya fenomena "ozhidaniya" / per. i aprobatziya oprosnika "Personal change-readiness survey" [Personal readiness for change in the context of the study of the phenomenon of "expectations" / transl. and approbation of the questionnaire "Personal change-readiness survey"]. *Vestnik RKhGA. Acta eruditorum*. 2. pp. 169–178.

Информация об авторах:

Авалуева Н.Б. – канд. пед. наук, ведущий научный сотрудник Федерального института развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: avalueva-nb@ranepa.ru

Алексеева А.С. – канд. биол. наук, зам. директора научно-исследовательского центра Федерального института развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: alekseeva-as@ranepa.ru

Майоров А.Н. – д-р пед. наук, зам. директора Федерального института развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: mayorov-an@ranepa.ru

Алиева Э.Ф. – канд. пед. наук, независимый исследователь (Москва, Россия). E-mail: evelyn@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.B. Avalueva, Cand. Sci. (Pedagogics), leading research fellow, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: avalueva-nb@ranepa.ru

A.A. Alekseeva, Cand. Sci. (Biology), deputy director, Research Center of the Federal Institute for the Development of Education, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: alekseeva-as@ranepa.ru

A.N. Mayorov, Dr. Sci. (Pedagogics), deputy director, Federal Institute for the Development of Education, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: mayorov-an@ranepa.ru

E.F. Alieva, Cand. Sci. (Pedagogics), independent researcher (Moscow, Russian Federation). E-mail: evelyn@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.06.2022;
одобрена после рецензирования 12.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.*

*The article was submitted 15.06.2022;
approved after reviewing 12.11.2022; accepted for publication 30.11.2022.*

Научная статья
УДК 372.881.111.1
doi: 10.17223/15617793/484/18

Аудиотекст как содержательная основа обучения школьников иноязычному аудированию

Светлана Станиславовна Куклина¹, Елена Николаевна Владимирова²

¹Вятский государственный университет, Киров, Россия, svstkuk47@gmail.com

²Вятский государственный агротехнологический университет, Киров, Россия, yelena.vladimirova@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема отбора и организации текстов для обучения школьников аудированию как средству устного иноязычного общения и обосновывается, что аудиотекст является содержательной основой этого процесса. Целью статьи является разработка типологии аудиотекстов как содержательной основы для обучения иноязычному аудированию и ее опытно-экспериментальная проверка в основной школе. Отобранные аудиотексты являются содержательной основой полифункциональных аудитивно-мыслительных упражнений как средств обучения и вместе с ними создают оптимальные условия для достижения учащимися образовательных результатов.

Ключевые слова: типология аудиотекстов, обучение иноязычному аудированию, отбор и организация, внешние и внутренние условия

Для цитирования: Куклина С.С., Владимирова Е.Н. Аудиотекст как содержательная основа обучения школьников иноязычному аудированию // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 157–167. doi: 10.17223/15617793/484/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/18

Audio text as a content basis for teaching foreign language listening comprehension to school students

Svetlana S. Kuklina¹, Elena N. Vladimirova²

¹ Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, svstkuk47@gmail.com

² Vyatka State Agrotechnological University, Kirov, Russian Federation, yelena.vladimirova@mail.ru

Abstract. The article focuses on the problem of the selection and organization of texts for teaching school students foreign language listening comprehension as a means of oral foreign language communication. The aim of the article is to create a typology of audio texts intended for teaching foreign language listening comprehension, its adaptation to different levels of education in a secondary school and experimental verification. The methodological basis of the research is personality-activity and communicative-cognitive approaches. The research methods are the analysis of sources on the problem, the analysis of external and internal conditions of teaching foreign language listening comprehension in secondary schools, typologization and adaptation, experimental verification, quantitative and qualitative analysis of the obtained results, statistical data processing. The article presents a typology of audio texts intended for teaching foreign language listening comprehension and its adaptation to different levels of education in a secondary school. Taking into account the peculiarities of listening comprehension functioning, the difficulties school students face in mastering it, individual, subjective and personal characteristics of students, as well as the requirements of the Federal State Educational Standard and programs in foreign language teaching, a purposeful selection and organization of audio texts and their inclusion in the typology was carried out. The typology is adapted to the external and internal conditions of teaching at the basic school and is represented by a set of audio texts for grades 5–6 and 7–9. They became the content basis of sets of multifunctional auditory-thinking exercises, within the framework of which they passed an experimental verification. The course and results of experimental research, including stating and forming experiments aimed at identifying the effectiveness of the created typology of audio texts as a content basis for teaching foreign language listening comprehension, are described. The results of the conducted research and the statistical analysis of the data obtained proved the validity of the developed typology of audio texts as a content basis for sets of multifunctional auditory-thinking exercises, which contributes to the effective mastery of foreign language listening comprehension by school students and their achievement of planned educational results.

Keywords: typology of audio texts, teaching foreign language listening comprehension, selection and organization, external and internal conditions

For citation: Kuklina, S.S. & Vladimirova, E.N. (2022) Audio text as a content basis for teaching foreign language listening comprehension to school students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 157–167. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/18

В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом основного общего образования (ФГОС ООО) предметным результатом дисциплины «Иностранный язык» является сформированность иноязычной коммуникативной компетенции (ИКК) как способности и готовности учащихся осуществлять иноязычное межличностное и межкультурное общение для установления взаимопонимания с носителями иностранного языка [1]. Одним из его средств является аудирование как вид речевой деятельности, который вместе с говорением обслуживает устное иноязычное общение, где восприятие, осмысление и понимание высказывания говорящего слушающим является залогом поддержания их дальнейшего взаимодействия.

Как зафиксировано в Примерной программе по иностранным языкам для общеобразовательной школы, учащиеся должны научиться понимать иноязычные аудиотексты с разным уровнем проникновения в их содержание, а именно с извлечением конкретной, основной и полной информации [2]. Успех достижения такого результата в значительной степени зависит от содержания аудиотекста, предъявляемого учителем или в аудиозаписи, личностной значимости его информации для учащихся и ее востребованности в общении на иностранном языке [3. С. 190]. Это позволяет нам рассматривать аудиотекст в качестве содержательной основы обучения иноязычному аудированию и побуждает ответить на вопросы: а) каким должно быть содержание аудиотекста, обеспечивающее оптимальные условия для понимания и получения требуемого объема информации; б) как содержание аудиотекста будет изменяться на разных этапах и ступенях обучения аудированию в общеобразовательной школе. Поиск ответов на эти вопросы направлен на достижение **цели статьи**, каковой является создание типологии аудиотекстов в качестве содержательной основы обучения школьников иноязычному аудированию и ее опытно-экспериментальная проверка на уроках немецкого языка в основной школе.

Поиск ответов на поставленные вопросы будем вести с учетом положений личностно-деятельностного (Л.С. Выготский, И.А. Зимняя, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др.) и коммуникативно-когнитивного (Б.В. Беляев, И.Л. Бим, Н.Д. Гальскова, С.С. Куклина, Е.И. Пассов, Г.В. Рогова, В.В. Сафонова, А.Н. Шапов, С.Ф. Шатилов и др.) подходов, которые в совокупности позволяют обосновать значимость содержания аудиотекста для обеспечения функционирования аудирования как вида речевой деятельности и предметной цели обучения иностранным языкам в общеобразовательной школе. В этом нам также помогут исследования В.А. Артемова, А.Г. Асмолова, В.В. Давыдова, Н.И. Жинкина, И.А. Зимней, З.А. Коч-

киной, С.С. Куклиной, А.А. Леонтьева, А.К. Марковой, З.Н. Никитенко, Е.И. Пассова, П.В. Сысоева, Д.Б. Эльконина и др., в центре внимания которых находится как само аудирование и методика обучения ему, так и учебная деятельность школьников по овладению этим речевым умением.

Процесс аудирования начинается с восприятия аудиотекста, содержание которого создает ситуацию интеллектуального затруднения и тем самым стимулирует перцептивно-мыслительную деятельность слушающего [4. С. 20–25], т.е. ученика, вызывая у него аудитивно-мыслительные действия [5. С. 9–10], необходимые для решения стоящей перед ним речемыслительной задачи. Продуктом этого процесса является является традуктивное и/или индуктивное и/или дедуктивное умозаключение [6. С. 86–122], отражающее точность, полноту и глубину понимания аудиотекста.

Так, учащийся приходит к традуктивному умозаключению, если его суждения основаны на сходстве признаков информации, имеющихся в его опыте, и тех, которые он получает в сообщении говорящего. В этом случае ведущими аудитивно-мыслительными действиями, используемыми слушающим, являются действия по аналогии, позволяющие ему выявить основные факты (события, место и время его протекания, действующие лица и т.п.), т.е. получить самое общее, но точное представление об информации, содержащейся в аудиотексте.

Второй вид умозаключения предполагает формулирование учеником вывода, о чем же идет речь в аудиотексте, что об этом говорится и какова логика изложения событий. В этом случае аудитивно-мыслительные действия учащегося направлены на выстраивание отдельных частей воспринимаемой информации в общую смысловую схему, отражающую суть аудируемого речевого сообщения, что обеспечивает точное и полное понимание основного содержания текста. Дедуктивный вид умозаключения, кроме вышеназванных аудитивно-мыслительных действий, обеспечивающих построение логических суждений, требует таковых, которые с помощью действий анализа и конкретизации отдельных смысловых деталей аудиотекста позволяют устанавливать их взаимоотношения, выявлять причинно-следственные связи с тем, чтобы полно и глубоко понять текст, а также выявить *средства*, используемые говорящим для передачи своего замысла [7. С. 95].

В основе выполнения слушающим учеником тех или иных аудитивно-мыслительных действий лежит поставленная учителем учебная речемыслительная задача [8. С. 68], определяющая такой их набор, который необходимо выполнить для формирования соответствующего вида умозаключения или их совокупности

как отражение точности, полноты или глубины понимания аудиотекста, что и является положительным результатом перцептивно-мыслительной деятельности школьника. В то же время, как показал наш констатирующий эксперимент, в ходе аудирования учащиеся могут испытывать трудности в выявлении основной смысловой информации, установлении причинно-следственных связей, уяснении отдельных смысловых деталей, необходимых для раскрытия идеи сообщения. Перечисленное влечет за собой формулирование ошибочных или ложных умозаключений, что является причиной неточного и неполного понимания содержания аудиотекста или его полного непонимания.

В связи с этим возникает вопрос, может ли иноязычный аудиотекст, предъявляемый для восприятия и осмысления школьникам, стать причиной их интеллектуальных затруднений и если да, то что в его содержании создает препятствия на пути верных умозаключений как показателей понимания содержащейся в нем информации.

Ответ на эти вопросы мы находим в исследованиях И.Л. Бим, Н.Д. Гальсковой, Н.И. Елухиной, З.А. Кочкиной, Н.И. Гез, Е.И. Пассова, П.В. Сысоева, Г.М. Фроловой, А.Н. Щукина и др., которые единодушны во мнении, что в ходе прослушивания иноязычного аудиотекста школьники сталкиваются с рядом трудностей. Из всего многообразия трудностей мы выбрали те, которые, по нашему мнению, препятствуют правильному решению учебной речемыслительной задачи и формированию истинного умозаключения, отражающего понимание предметного содержания аудиотекста, а именно фактов, событий, их временных рамок, важных деталей, логики изложения, идеи и замысла высказывания. К таким трудностям мы отнесли:

- наличие в тексте языкового и/или страноведческого материала, не имеющегося в речевом опыте школьника;
- степень аутентичности аудиотекста, т.е. его приближенности к речи носителей языка;
- жанр, стиль, форму предъявления и структурную организацию текста;
- соответствие интересам, жизненному и речевому опыту, контексту деятельности, а также возрастным особенностям школьников;
- наличие визуального сопровождения [9; 10. С. 16–21].

Перечисленные трудности в совокупности выступают в качестве критериев степени интеллектуального затруднения аудиотекстов, т.е. степени их проблемности для ученика, которые необходимо разрешить во время их восприятия и осмысления для достижения положительного результата. Поскольку обучение аудированию имеет место на протяжении всего иноязычного образовательного процесса в школе и организуется в рамках разговорных тем, где проходит несколько этапов от формирования и совершенствования навыков аудирования к развитию умений понимать речь на слух и их дальнейшему функционированию в иноязычном общении [11. С. 76], то содержание аудиотекстов, а также степень их проблемности для школьников будут различными.

Все вышеизложенное позволяет нам утверждать, что при отборе аудиотекстов для обучения школьников иноязычному аудированию [12. С. 10–16] необходимо, с одной стороны, учитывать степень их проблемности, а с другой – те условия обучения, в которых они будут применяться, чтобы обеспечить адекватность и оптимальность текста для понимания и получения учащимися требуемого объема информации. Названные критерии легли в основу типологии аудиотекстов для обучения иноязычному аудированию в общеобразовательной школе, которую мы представляем ниже.

Первый уровень типологии в соответствии с этапами обучения иноязычному аудированию включает три типа *аудиотекста*, в их основе – **цель и учебная речемыслительная задача**, которую решают учащиеся для ее достижения, т.е. извлечение требуемого объема информации. Тип I применяется на этапе формирования навыков аудирования при решении школьниками репродуктивной учебной речемыслительной задачи, направленной на выявление конкретной информации и формулирование традуктивного умозаключения. Поэтому аудиотекст представляет собой речевое сообщение незначительного интеллектуального затруднения или минимальной степени проблемности.

Такой текст является учебным [13. С. 219–224], в ряде случаев полуаутентичным, фабульным по содержанию, которое излагается последовательно, главная мысль всегда выражена в начале высказывания, а его языковой аспект практически полностью состоит из ранее усвоенного школьниками лексико-грамматического материала. Данный текст относится к разговорно-литературному жанру, содержит новую интересную для учеников информацию и может сопровождаться изобразительной или знаковой опорой.

Тип II применяется на этапе совершенствования навыков аудирования, когда ученики решают поисковые учебные речемыслительные задачи с целью нахождения основной информации, высказывания для формирования индуктивного умозаключения, отражающего точность и полноту понимания основной информации. В этом случае степень интеллектуального затруднения содержания аудиотекста, который, как правило, является аутентичным, несколько выше, чем в первом типе. Сам же текст представляет собой описание, сообщение или беседу с некоторым количеством сюжетных линий, а главная мысль выражена в начале или середине высказывания. Для него характерно наличие известных ученикам грамматических структур и некоторого объема незнакомых лексических единиц, не препятствующих пониманию основного содержания речевого сообщения. Тип II относится к разговорно-литературному либо публицистическому стилю, благодаря информации, связанной с их жизненным опытом, вызывает личностную заинтересованность школьников в ее получении. В ряде случаев восприятие такого текста может сопровождаться визуализацией [14].

Тип III предназначен для этапов развития умений аудирования и функционирования общения, когда школьникам требуется решать творческие учебные ре-

чемыслительные задачи в ситуациях значительной степени проблемности, содержание которых максимально приближено к речи носителя языка [15]. В таких текстах переплетаются диалогическая и монологическая формы речи, разворачивается несколько сюжетных линий, где главная мысль не выражена явно либо скрыта, а грамматические конструкции носят более сложный характер и наполняются рецептивной, часто незнакомой школьникам лексикой. Эти аудиотексты относятся к художественному, публицистическому или официально-деловому стилям, а их содержание соответствует интересам, эмоциональному и жизненному опыту учеников.

Следующим шагом в создании типологии аудиотекстов стала необходимость в уточнении их содержания применительно к разным ступеням обучения иноязычному аудированию в общеобразовательной школе. Для этого мы воспользовались характеристикой внутренних и внешних условий обучения, присущих каждой из них. В первом случае во внимание принимаются индивидуальные (лингвистические способности и уровень развития основных психических процессов), субъектные (уровень владения аудитивно-мыслительными и универсальными учебными действиями) и личностные (активность, самостоятельность, контекст деятельности, жизненный опыт и мировоззрение) качества обучающихся. К внешним условиям относятся требования ФГОС (НОО, ООО, СОО) и Примерной образовательной программы к результатам овладения аудированием как видом речевой деятельности на разных ступенях обучения [16. С. 15–31].

Все названное легло в основу выделения в типах аудиотекстов видов, отличающихся друг от друга их предметным содержанием. Например, содержание текстов для учеников 1–4-х классов отражает социально-бытовые сферы в рамках таких тем, как «Я и моя семья», «Мой дом/квартира», «Мои друзья и увлечения» и др. В основной школе добавляются учебно-трудовая и социально-культурная сферы, конкретизированные в 5–6-х классах в темах «Взаимоотношения в семье», «Внешность и досуг», «Родная страна и страны изучаемого языка», а в 7–9-х – «Школьное образование», «Здоровый образ жизни», «Средства массовой информации» и др. В каждом конкретном случае содержание аудиотекста подбирается таким образом, чтобы обеспечить их личностную значимость для обучающихся. Так, аудиотексты для учеников начальной школы представлены видом 1, виды 2 и 3 предназначены для основной школы, а вид 4 – для старшекласников (9–11-е классы).

Представим третий уровень типологии, где расположены *варианты аудиотекстов*. Целесообразность их выделения объясняется, во-первых, принципом учета особенностей индивидуальности школьника [17. С. 31], реализующего личностно-деятельностный подход, а именно их индивидуальных и субъектных качеств, проявляющихся на данном уровне типологии в степени сформированности у учеников аудитивно-мыслительных действий, которые отражают уровень их обученности. Вторая причина обусловлена необходимостью учета общедидактического принципа доступности и

посильности [18]. Так, вариант 1 предполагает, что речевое высказывание сопровождается изобразительными опорами (видеофрагменты, презентации, рисунки, карикатуры и др.), демонстрирующими логику изложения основного содержания текста, и применяется в том случае, когда уровень владения аудитивно-мыслительными действиями у школьников недостаточен или низкий.

Во втором варианте аудиотекст сопровождается знаковыми средствами (например, схемой, кластером, ассоциативным кругом или планом), которые предлагаются ученикам до прослушивания сообщения, чтобы актуализировать имеющийся речевой опыт и нацелить их на восприятие, понимание и извлечение требующегося объема информации. Данный вариант целесообразно использовать, когда школьники достигли среднего и выше среднего уровня владения аудитивно-мыслительными действиями. Для обучающихся с высоким уровнем развития этих умений применяется третий вариант, когда они слушают аудиотекст без каких-либо опор.

Завершаем представление типологии аудиотекстов их *разновидностями* (А, Б, В), которые выделены с учетом принципа целенаправленной организации и управления учебной деятельностью школьников по овладению иноязычным аудированием [19. С. 46–47]. Здесь во внимание принимается уровень владения учащимися универсальными учебными действиями [20. С. 7–11], лежащими в основе успешного осуществления аудитивно-мыслительных действий на каждой фазе учебной деятельности по овладению иноязычным аудированием.

Аудиотекст разновидности «А» применяется, если уровень владения учениками универсальными учебными действиями низок, поэтому требуются руководство учителя и памятка. В памятках четко обозначено, какие действия, как и в какой последовательности необходимо выполнить, чтобы успешно решить учебную речемыслительную задачу, прийти к правильному умозаключению и получить требующийся объем информации. Разновидность «Б» отличается от предыдущей тем, что ученики имеют в своем арсенале достаточное количество требующихся универсальных учебных действий, поэтому, пользуясь памяткой, могут самостоятельно выбрать действия, необходимые в каждой отдельной ситуации. Аудиотексты разновидности «В» используются для учеников с высоким уровнем владения названными действиями и умением их применить в разных ситуациях для самостоятельного решения творческих, нестандартных задач [21. С. 55–56].

Все вышеизложенное отражено на рис. 1, где представлена типология аудиотекстов для обучения иноязычному аудированию учащихся общеобразовательной школы. В соответствии с нашей концепцией данная типология является оптимальной, ее можно применять на любых этапах и ступенях обучения иноязычному аудированию для достижения школьниками совокупности образовательных результатов в составе личностных и метапредметных, т.е. универсальных и собственно предметных, каковыми в нашем случае являются аудитивно-мыслительные действия, как этого требует ФГОС.

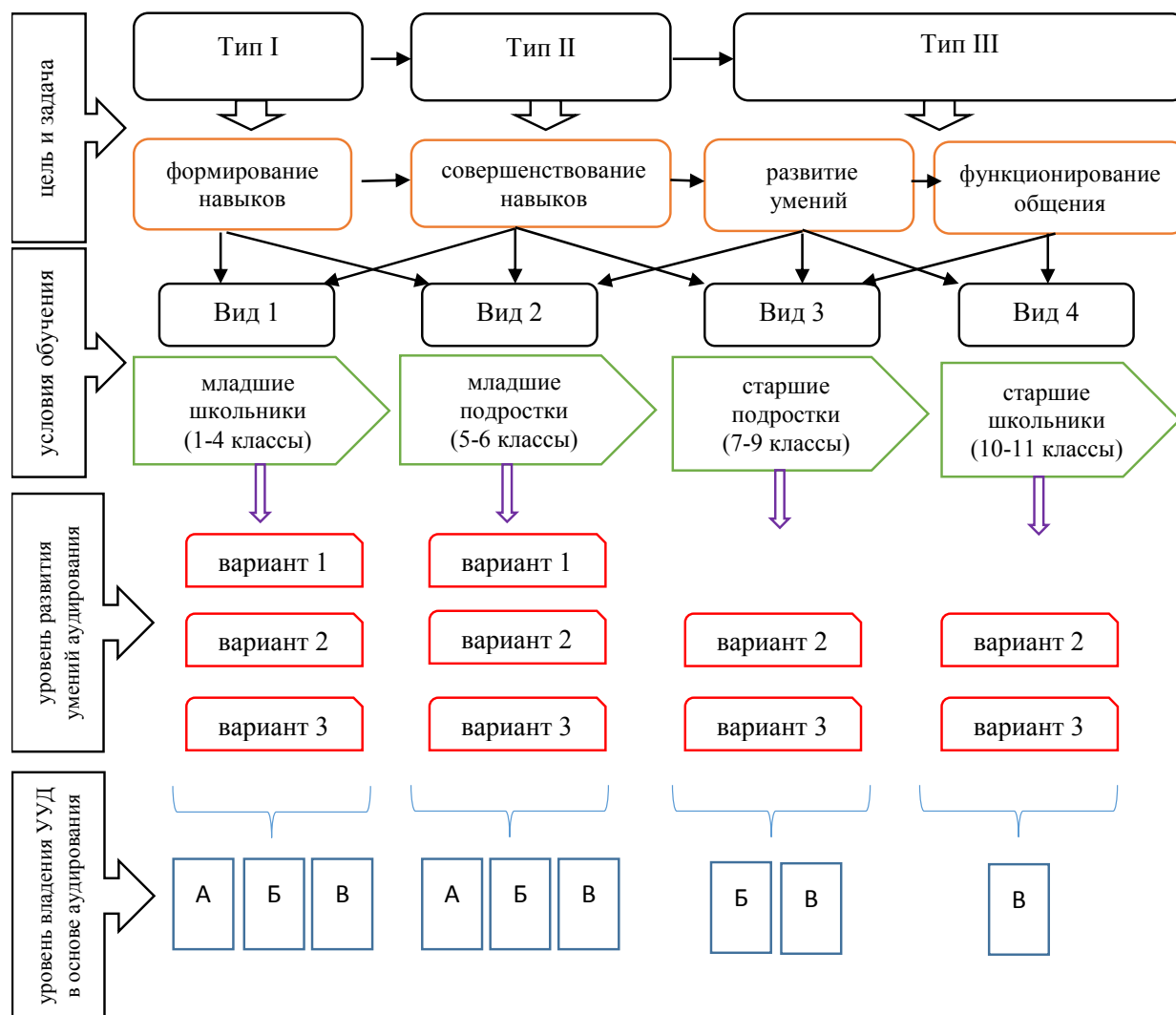

Рис. 1. Типология аудиотекстов для обучения иноязычному аудированию в общеобразовательной школе

Завершим представление типологии информацией о том, что перед предъявлением школьникам иноязычного аудиотекста, отобранного в соответствии с выделенными критериями, они получают учебное задание, которое выступает средством организации перцептивно-мыслительной деятельности, актуализирует имеющийся социально-личностный опыт и вызывает тот набор аудитивно-мыслительных и универсальных учебных действий, который необходим в конкретном случае. В учебном задании ученики получают информацию о теме аудиотекста, степени его проблемности, цели и количестве информации, которую они должны извлечь, а также учебную речемыслительную задачу. Последняя формулируется в задании таким образом, чтобы учащиеся приняли ее как личностно значимую и у них возникла заинтересованность в последующем решении данной задачи [22. С. 198–207].

Типология аудиотекстов для обучения иноязычному аудированию, представленная на рис. 1, прошла опытно-экспериментальную проверку в 5–7-х и 8–9-х

классах основной школы, ее результаты мы приводим ниже. Она началась с констатирующего эксперимента, задача которого состояла в том, чтобы выявить те внешние и внутренние условия, которые значимы для обучения иноязычному аудированию в названных классах. Полученная информация позволит нам в дальнейшем выбрать совокупность иноязычных аудиотекстов, адекватных выявленным условиям, чтобы провести их апробацию в ходе формирующего эксперимента.

Начнем с внешних условий обучения, включающих ФГОС, Примерную программу и учебно-методический комплекс (УМК), по которому осуществляется обучение иностранному языку в основной школе. Обращение к образовательным документам позволило уточнить требования, предъявляемые к выпускникам основной школы в области иноязычного аудирования, где, с одной стороны, ими должны быть усвоены универсальные учебные действия в составе личностных и метапредметных, лежащих в основе слушания, а с другой – предметных. Таковыми

являются аудитивно-мыслительные действия как умения учеников выделять для себя значимую конкретную информацию, понимать основное содержание аутентичных прагматических текстов, выяснять основное содержание аудиотекстов, относящихся к разным коммуникативным типам речи, выделять главное/второстепенное, определять тему высказывания и т.д. [23].

Анализ УМК по немецкому языку для основной школы [24] показал, что, аудиотексты на первом этапе являются учебными и/или полуаутентичными с простым последовательным изложением, отражающие знакомую ученикам ситуацию и построенные на усвоенном лексико-грамматическом материале. Тексты представлены интересными для учеников короткими описаниями, юмористическими историями и в некоторых случаях сопровождаются иллюстрациями, страноведческими реалиями с пояснениями на родном языке. Аудиотексты для школьников 8–9-х классов характеризуются аутентичностью и представлены беседами, интервью, объявлениями, репортажами, описаниями событий и т.д., а их содержание отражает ситуации, соответствующие интересам и склонностям учеников данного возраста.

Как видим, содержание аудиотекстов, предлагаемых в учебниках, соответствует требованиям ФГОС ООО, что позволяет предположить, что при правильном отборе и организации они создают условия для развития умений иноязычного аудирования. Однако анализ содержания отдельных циклов уроков, объединенных общей разговорной темой, показал, что аудиотексты в них размещены достаточно хаотично, без соблюдения этапности обучения иноязычному аудированию, без учета трудностей, присущих ему, а также уровня обученности школьников. Кроме того, речевые сообщения часто не сопровождаются учебными заданиями или пояснениями, как и почему необходимо их послушать, какую информацию получить. И наконец, в УМК отсутствуют памятки, помогающие школьникам решать учебные речемыслительные задачи в процессе восприятия аудиотекстов разной степени проблемности, что не способствует получению положительных результатов. Перечисленное является причиной низких, а иногда и неудовлетворительных результатов обучения этому речевому умению, что подтверждается констатирующим экспериментом.

Последний показал, что если на этапе формирования навыков аудирования ученики основной школы в целом справляются с решением репродуктивных учебных речемыслительных задач и формируют верные умозаключения, то на последующих этапах, где появляются более сложные аудиотексты и ученики переходят к решению поисковых и творческих задач, наблюдается иная картина. Например, на этапе совершенствования навыков лишь 8% школьников выполнили необходимый набор аудитивно-мыслительных действий и достаточно точно и полно поняли основное содержание иноязычного высказывания. 32% учеников показали средний уровень развития умений аудирования, говорящий о том, что только треть умеет решать

поисковые учебные речемыслительные задачи в процессе обучения этому виду речевой деятельности. Остальные школьники показали низкий (48%) и недостаточный (12%) уровни.

Теперь перейдем к уточнению *внутренних условий обучения* в основной школе, возрастной интервал которой от 10–11 до 14–15 лет, чтобы показать, какие аудиотексты будут адекватны индивидуальности школьников. С целью выявления качеств, значимых для обучения иноязычному аудированию, мы обратились к исследованиям Л.И. Бажович, Л.С. Выготского, М.В. Гамезо, И.А. Зимней, В.А. Караковского, А.В. Петровского, К.Н. Поливановой, Х. Ремшмидта, Д.И. Фильштейна, Г.И. Цукерман, Д.Б. Эльконина и др.

Что касается индивидуальных свойств, то охарактеризуем вначале мыслительную деятельность, которая у младших подростков (5–7 классы) становится менее предметной и наглядной, ибо начинает формироваться теоретическое, абстрактное мышление, позволяющее ученикам рассуждать гипотетико-дедуктивно, т.е. на основе общих посылок путем построения гипотез и их проверки. У старших подростков (8–9 классы) абстрактное мышление становится инструментом формирования рассуждений, умозаключений и доказательств.

Развитие процессов восприятия у старших подростков связано с осмыслением материала как проникновением в его объективную сущность, выявлением главного/второстепенного, определением причинно-следственных связей, установлением закономерностей между ними и их пониманием. Результативности этого процесса способствует установка на размышление, позволяющая более точно и полно представить требующуюся информацию. Способность младших подростков к запоминанию возрастает, однако требуется большая опора на механическую память, тогда как у школьников 8–9-х классов оперативная память перестраивается, переходя от доминирования механической памяти к смысловой (Л.С. Выготский).

Субъектность обучающихся, по мнению психологов (Г.И. Вергелес, В.В. Давыдов, А.К. Маркова, Г.А. Цукерман и др.), проявляется в том, что они владеют учебной деятельностью в совокупности ее мотивационной, содержательной и операционной сторон и способны действовать полностью самостоятельно. В.В. Давыдов отмечает, что младшие подростки еще не умеют выполнять учебную деятельность самостоятельно, поэтому для успешного решения учебной задачи им требуется помощь учителя.

В то же время благодаря тому, что их познавательные мотивы преобразуются в учебно-познавательные, и появляется стремление к самообразованию, ученики способны принимать учебную задачу как личностно значимую. Это чаще всего касается репродуктивных задач, решение которых осуществляется по алгоритму, т.е. по точно описанным правилам и в известных условиях. Освоенные в этом случае учебные действия становятся основой для поиска новых способов решения учебных задач не только в знакомых, но и в несколько измененных ситуациях. Так появляется возможность решать по-

исковые учебные задачи, что говорит о способности ученика учиться и изменять себя в процессе учебной деятельности по освоению какого-либо явления [25].

В своих работах А.К. Маркова пишет, что в старшем подростковом возрасте происходит активное совершенствование учебной деятельности по овладению предметом в ходе решения репродуктивных, поисковых и творческих учебных задач. Две последние полностью переводят учебную деятельность старшего подростка на продуктивный уровень [26. С. 69]. В случае решения поисковой учебной задачи, представленной в нетиповой ситуации, старшие подростки выбирают среди усвоенных способов наиболее соответствующие и осуществляют их трансформацию для построения нового способа. В свою очередь, творческие учебные задачи требуют от них конструирования принципиально новых нестандартных способов решения и адекватных им учебных действий.

Что касается личностных свойств подростков, то они проявляются в развитии их познавательных интересов, включающих стремление к решению творческих задач, в личностном отношении к деятельности, в наличии более широкого кругозора, в активности, самостоятельности, любознательности и др.

В отличие от младших подростков, у старших наблюдаются более устойчивые интересы, желания и склонности [27. С. 175].

Вышеизложенное позволяет утверждать, что младшие и старшие подростки способны воспринимать, осмысливать, приходя к верному умозаключению, и понимать требующийся объем информации из аудиотекстов разной степени интеллектуального затруднения в процессе решения репродуктивных, поисковых и творческих учебных речемыслительных задач. В то же время эффективность этого процесса будет зависеть от того, насколько полностью учтены выделенные внутренние и внешние условия обучения иноязычному аудированию, т.е. грамотно осуществлен отбор и организация аудиотекстов. Так, при отборе аудиотекстов для учеников 10–12 лет учтены их интересы и уровень владения аудитивно-мыслительными действиями, а организация этих текстов осуществлена в соответствии с этапами обучения аудированию и уровнем сформированности универсальных учебных действий (рис. 2).

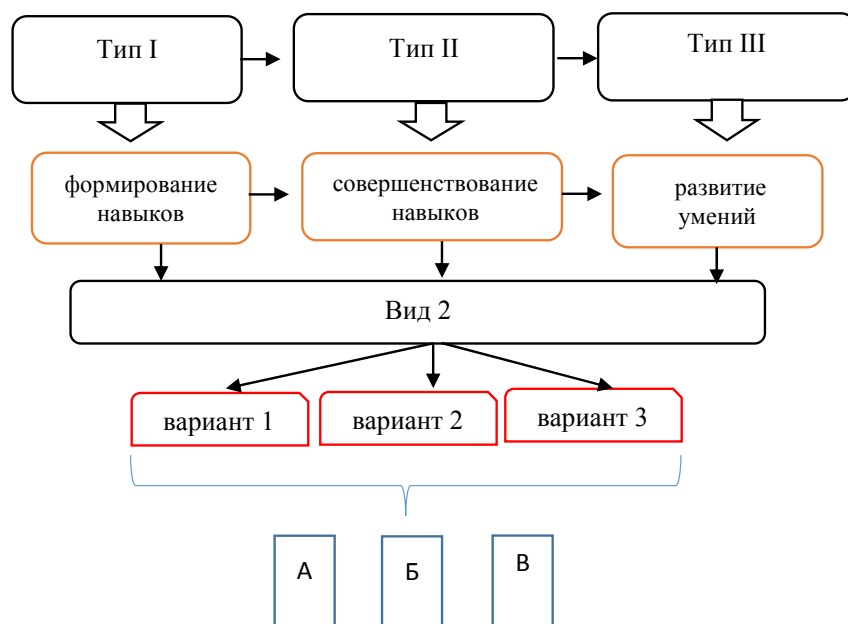

Рис. 2. Совокупность аудиотекстов для обучения иноязычному аудированию в 5–7-х классах основной школы

Особенности аудиотекстов для старших подростков определяются, во-первых, компрессией этапов обучения аудированию, предполагающей применение текстов типов II и III, предназначенных для этапов совершенствования навыков, развития умений и функционирования общения. Компрессия обусловлена тем, что у старших подростков имеется достаточный опыт иноязычного аудирования на этапе формирования навыков, полученный как в начальной школе, так и в 5–6-х

классах, что подтверждают результаты констатирующего эксперимента. Во-вторых, анализ психолого-возрастных особенностей школьников 13–15 лет показывает, что в процессе восприятия и понимания иноязычной речи им достаточно знаковых опор, а усвоенная к данному возрасту часть универсальных учебных действий позволяет им осуществлять деятельность иноязычного аудирования без помощи учителя, пользуясь памяткой или самостоятельно (рис. 3).

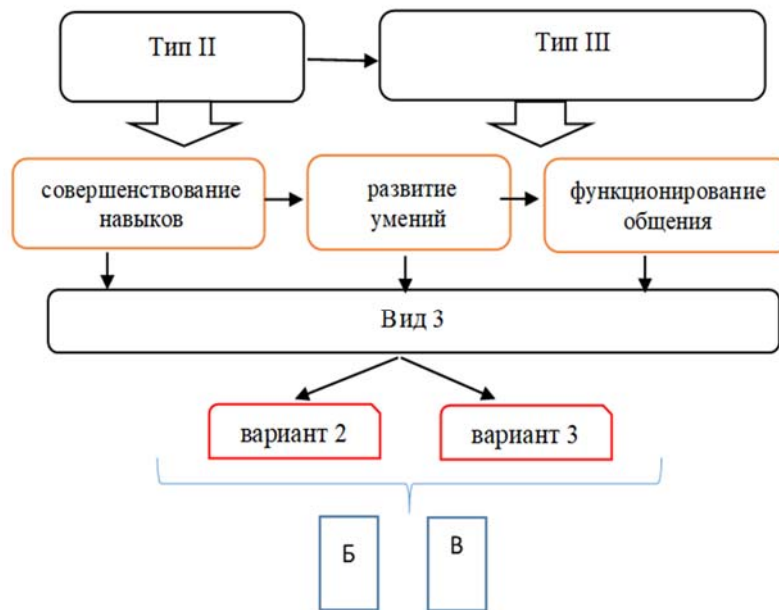

Рис. 3. Совокупность аудиотекстов для обучения иноязычному аудированию в 8–9-х классах основной школы

Как видим, представленная совокупность аудиотекстов для основной школы является результатом адаптации типологии аудиотекстов для обучения иноязычному аудированию в общеобразовательной школе. Именно такая совокупность специально отобранных и организованных аудиотекстов стала содержательной основой комплексов полифункциональных аудитивно-мыслительных упражнений [28. С. 217], в рамках которых она прошла опытно-экспериментальную проверку на уроках немецкого языка.

В первой ее серии была апробирована совокупность аудиотекстов для учеников 5–7-х классов. На этапе формирования навыков применялись аудиотексты типа I, вида 2, варианта 1 в разновидности «А». Для формирования традиционного умозаключения и точного понимания информации аудиотекста младшим подросткам были необходимы аудитивно-мыслительные действия по восприятию и осмыслению отдельных слов, словосочетаний, прогнозированию конкретной информации, формированию слухового образа, его сличению и узнаванию. Пользуясь памятками, а также иллюстративными и знаковыми опорами школьники выполняли универсальные учебные действия, лежащие в основе перечисленных аудиомыслительных действий, чтобы получить точную конкретную информацию типа кто/что, где/когда, в котором часу и т.д. Личностную потребность учеников в получении ожидаемого результат обеспечивало учебное задание.

На этапе совершенствования младшие подростки слушали речевые высказывания типа II, вида 2, варианта 2, разновидности «Б». Для успешного понимания требующегося объема информации из текстов повышенной степени интеллектуального затруднения ученикам требовались аудитивно-мыслительные действия по восприятию и осмыслению частей информации, их перекодированию на

смысловые эквиваленты, сличению и узнаванию «смысловых следов» в долговременной памяти и как следствие – формирование индуктивного умозаключения, т.е. точное и полное понимание основного содержания текста. Положительный результат иноязычного аудирования был достигнут также благодаря памятке, которой пользовались ученики для осуществления действий по поиску значимой основной информации, ее логическому выстраиванию, внесению коррективов в способ действия и др.

Этап развития умений аудирования в данной серии экспериментальной работы включал тексты типа III, вида 2, варианта 3 в разновидности «Б», а на завершающих этапах опытно-экспериментального обучения использовалась разновидность «В» аудиотекста, оба – значительной степени проблемности. Здесь школьники выполняли аудитивно-мыслительные действия по восприятию всех звуковых и смысловых информативных признаков сигналов речевого сообщения, прогнозированию последующей информации на смысловом уровне, перекодированию смысловых частей сообщения, выделению деталей и определению ведущей мысли высказывания.

Перечисленным способствовали универсальные учебные действия по анализу и синтезу смысловых «отрезков» речи, установлению причинно-следственных смысловых связей и другие для формирования дедуктивного умозаключения как отражение точного, полного и достаточно глубокого понимания аудиотекста на иностранном языке. Аналогичным образом осуществлялась опытно-экспериментальная работа во второй серии, где применялась совокупность аудиотекстов для 8–9-х классов. Проиллюстрируем образец аудиотекста, учебного задания к нему и памятки для этапа развития умений аудирования в 9-м (рис. 4).

Aufgabe

Es geht um eine Mitteilung über zwei Freunde. Hört euch bitte an und stellt fest, ob sie echte Freunde sind, oder nicht. Warum habt ihr diese Schlussfolgerung gemacht? Was für Freunde habt ihr?

Hörtext „Alexander“

In der Klasse sprechen die Jungen und Mädchen nicht viel mit Marquat. Er weiß trotzdem immer alles. Er antwortet auf alle Fragen der Lehrerin. Er macht immer alle Hausaufgaben. „Der ist ein Streber,“ sagt der kleine Junge, der am ersten Tag neben ihm gesessen hat. Zwei Mädchen sprechen manchmal mit Marquat aber er antwortete nur mit einem „ja“ oder „nein“ oder vielleicht. Der Junge ist schüchtern und zurückhaltend. Er spricht auch deshalb wenig, weil er denkt, dass die anderen ihn nicht mögen. „Ich habe schwarze Hautfarbe“, sagt er zu seiner Mutter. „Und außerdem bin ich gut in der Schule, deshalb mögen die anderen Kinder mich nicht.“ Seine Mutter versteht es nicht: „Marquat, sei nicht einfältig! Auch ich habe eine schwarze Hautfarbe aber ich habe Freundinnen. In Deutschland gibt es viele Leute mit schwarzer Hautfarbe... und es ist gut, wenn man gut in der Schule lernt.“

In der Klasse hat Marquat einen Freund. Er heißt Alexander. Mit ihm zusammen verbringt er die Pausen. Wenn die Schule aus ist, gehen sie immer zusammen nach Hause. Sie wohnen ganz nah beieinander. Alexander ist ein sympathischer Junge, der immer fröhlich ist. Marquat sagt zu ihm: „Dich finden alle sympathisch... du hast Erfolg bei den anderen.“ Alexander lacht und antwortet: „Ja, aber ... für die Schule bin ich nicht gut!“ „Warum lernst du nicht mehr?“ fragt Marquat. „Ich weiß es nicht, ich kann nicht so lange lernen. Und du, lernst du viel und oft, nicht wahr? Wie machst du das nur? Marquat antwortet nicht. Aber er weiß nicht? ob, ob er wirklich so viel und so oft lernt. In Wirklichkeit hat er wenig Zeit um zu lernen. „Du bist so gut in der Schule“, behauptet Alexander. „Keiner ist so gut wie du, in keinem einzigen Fach.“ „Ich lerne eben gern etwas Neues zu erfahren, die Welt kennen zu lernen. Alles ist für mich interessant. Leider habe ich wenig Zeit dafür!“

Памятка № 3

Твоя задача – прослушать сообщение и полностью понять его.

В этом случае до слушания текста тебе необходимо:

1) спрогнозировать содержание сообщения по его заголовку или поделиться своими мыслями с одноклассниками, приняв во внимания их точки зрения;

Для полного понимания текста в ходе прослушивания действуй следующим образом:

1) определи смысловое окончание для начала данных предложений;

2) отметь предложения (утверждения), соответствующие содержанию текста;

2) находи ответы на вопросы, обращая внимания на то, каким образом они сформулированы;

3) расположи предложения в логическом порядке;

4) выдели смысловые детали (главные мысли) в тексте, подумай почему ты так считаешь;

5) спрогнозируй дальнейшее развитие событий.

Прослушав текст, проверь, как точно и полно ты понял содержание целого текста. Для этого:

1) оцени предложенную ситуацию, опираясь на свой жизненный опыт;

2) объясни свою позицию, пользуясь содержанием текста;

3) представь себя на месте одного из персонажей и скажи, как бы ты решил данную проблему;

4) внеси исправления.

Рис. 4. Аудиотекст типа III, вида 3, варианта 3, разновидности Б для учеников 9-го класса на этапе развития умений аудирования

Представим результаты, полученные во второй серии опытно-экспериментального исследования, проведенного в 9-х классах КОГОАУ «Гимназии 1

г. Кирово-Чепецка» Кировской области, где один из классов был контрольным, а второй – экспериментальным.

Рис. 5. Показатели уровня развития умений иноязычного аудирования у обучающихся 9-х классов до опытно-экспериментального обучения

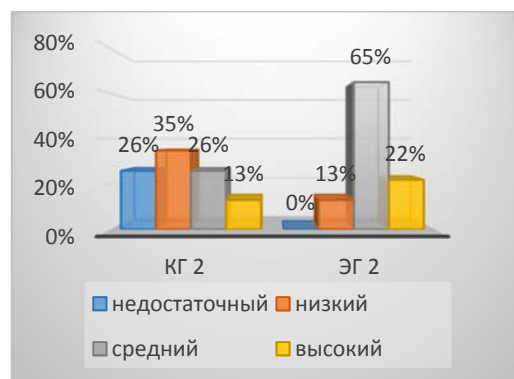

Рис. 6. Показатели уровня развития умений иноязычного аудирования у обучающихся 9-х классов после опытно-экспериментального обучения

Данные предэкспериментального среза (рис. 5) показывают, что в целом девятиклассники обеих групп показали недостаточный уровень развития умений иноязычного аудирования. После обучения иноязычному аудированию с использованием варианта, предложенного в учебно-методическом комплексе, каких-либо значимых качественных и количественных изменений в контрольной

группе 2 не зафиксировано. В то же время в экспериментальной группе 2, где в соответствии с разработанной нами типологией использовалась совокупность аудиотекстов, адекватная условиям обучения иноязычному аудированию в 7–9-х классах, зафиксировано повышение уровня развития умений иноязычного аудирования. Так, 65% девятиклассников достигли среднего уровня, 22% –

высокого, учащихся с низким уровнем стало наполовину меньше, а с недостаточным уровнем выявлено не было.

Статистическая обработка полученных данных осуществлялась при помощи алгоритма расчета критерия Фишера и Стьюдента. Пользуясь им, мы получили $t_{\text{набл.}} > t_{\text{крит.}}$ ($6,74 > 2,101$) и на основании этого сделали вывод о преобладании положительного сдвига, не являющегося случайным. Проведенные расчеты позволили с достоверностью 95% утверждать, что отобранная из разработанной нами типологии совокупность аудиотекстов для обучения иноязычному аудированию учеников основной школы, являясь содержательной основой комплексов полифункциональных аудитивно-мыслительных упражнений, способствует эффективному овладению школьниками иноязычным аудированием и достижению ожидаемых образовательных результатов.

Таким образом, созданная нами типология аудиотекстов может выступать в качестве содержательной основы обучения иноязычному аудированию, поскольку в нее входят целенаправленно отобранные и организованные на решение учебных речемыслительных задач аудиотексты разной степени интеллектуального затруднения, адекватные этапам обучения и учитывающие внутренние и внешние условия на разных ступенях обучения в общеобразовательной школе. Она является залогом успешной учебной деятельности школьников по овладению иноязычным аудированием как средством устного иноязычного общения и способствует достижению ими личностных, метапредметных и предметных образовательных результатов. Актуальным в дальнейшем представляется создание совокупности аудиотекстов для начальной и старшей ступеней обучения с целью опытной проверки всей типологии аудиотекстов в общеобразовательной школе.

Список источников

1. Федеральный государственный образовательный стандарт. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo> (дата обращения: 11.01.2022).
2. Примерная образовательная программа основного общего образования. URL: <https://fgosreestr.ru/poop/primernaia-osnovnaia-obrazovatelnaia-programma-osnovnogo-obshchego-obrazovaniia-1> (дата обращения: 11.01.2021).
3. Кукулина С.С., Татарникова М.Н. Системно-структурный анализ компонентного состава содержания иноязычного образования // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 460. С. 190–201.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. Психика, сознание, бессознательное. М.: Лабиринт, 2001. 368 с.
5. Владимирова Е.Н. Обучение школьников иноязычному аудированию на основе универсальных учебных действий: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2021. 24 с.
6. Антюшин С.С., Михалкин Н.В. Логика: учеб. пособие. М.: РАП, 2013. 256 с.
7. Зимняя И.А. Лингвистическая психология речевой деятельности. М.: Моск. психолого-социальный институт; Воронеж: НПО МОДЕК, 2001. 432 с.
8. Пассов Е.И. Терминосистема методики, или Как мы говорим и пишем. СПб.: Златоуст, 2015. 117 с.
9. Гальскова Н.Д., Василевич А.П., Коряковцева Н.Ф., Акимова Н.В. Основы методики обучения иностранным языкам: учеб. пособие. М.: КНОРУС, 2017. 390 с.
10. Сысоев П.В. Спорные вопросы коммуникативного контроля умений учащихся воспринимать речь на слух // Иностранные языки в школе. 2008. № 2. С. 16–21.
11. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Рус. яз., 1989. 276 с.
12. Обдалова О.А. Аудирование как средство обучения иноязычному общению студентов естественнонаучных факультетов на начальном этапе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Томск, 2001. 18 с.
13. Артюшина Л.А. Учебный текст как способ фиксации ценностно-смысловой компетенции в содержании учебного материала школьного учебника (на примере предметов учебной программы для основной школы // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 443. С. 219–224.
14. Dahlhaus V. Fertigkeit Hören. München: Goethe Institut, 1994. 97 S.
15. Hymes D.H. On Communicative Competence. London: Oxford University Press, 2012. 121 p.
16. Сборник нормативных документов. Иностранный язык / сост. Э.Д. Днепров, А.Г. Аркадьев. 2-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2009. 287 с.
17. Пассов Е.И. Сорок лет спустя, или Сто и одна методическая идея. М.: Глосса-Пресс, 2006. 240 с.
18. Педагогика: учебник и практикум для вузов / П.И. Пидкасистый [и др.]; под ред. П.И. Пидкасистого. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021. 408 с.
19. Кукулина С.С. Коллективная учебная деятельность как организационная форма овладения иноязычным общением. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. 81 с.
20. Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий: пособие для учителя / А.Г. Асмолов, Г.В. Бурменская, И.А. Володарская и др.; под ред. А.Г. Асмолова. 2-е изд. М.: Просвещение, 2011. 159 с.
21. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика, 1989. 192 с.
22. Кукулина С.С. Средства организации учебной деятельности школьников по освоению иноязычной коммуникативной компетенции // Преподаватель XXI век. 2018. № 1-1. С. 198–207.
23. Приложение. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. URL: <https://base.garant.ru/55170507/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 31.01.2022).
24. Немецкий язык. 9 класс: учеб. для общеобр. учреждений / И.Л. Бим и др. М.: Просвещение. 2014. 245 с.
25. Давыдов В.В. Учебная деятельность: Состояние и проблемы исследования // Вопросы психологии. 1991. № 6. С. 5–14.
26. Маркова А.К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1983. 96 с.
27. Возрастная и педагогическая психология: учеб. для студентов пед. ин-ов / В.В. Давыдов, Т.В. Драгунова, Л.Б. Ительсон и др.; под ред. А.В. Петровского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1979. 288 с.
28. Кукулина С.С., Владимирова Е.Н. Система полифункциональных упражнений для обучения школьников аудированию на иностранном языке // Язык и культура. 2021. № 53. С. 217–237.

References

1. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. (2010) *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart* [Federal State Educational Standard]. [Online] Available from: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo> (Accessed: 11.01.2022).
2. Ministry of Enlightenment of the Russian Federation. (n.d.) *Primernaya obrazovatel'naya programma osnovnogo obshchego obrazovaniya* [Approximate educational program of basic general education]. [Online] Available from: <https://fgosreestr.ru/poop/primernaia-osnovnaia-obrazovatelnaia-programma-osnovnogo-obshchego-obrazovaniia-1> (Accessed: 11.01.2021).

3. Kuklina, S.S. & Tatarinova, M.N. (2020) A systemic and structural analysis of the component composition of the content of foreign-language education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 460. pp. 190–201. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/460/23
4. Vygotskiy, L.S. (2001) *Myshlenie i rech'*. *Psikhika, soznanie, bessoznatel'noe* [Thinking and Speech. Mind, consciousness, unconscious]. Moscow: Labirint.
5. Vladimirova, E.N. (2021) *Obuchenie shkol'nikov inoyazychnomu audirovaniyu na osnove universal'nykh uchebnykh deystviy* [Teaching schoolchildren foreign language listening on the basis of universal learning activities]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Yekaterinburg.
6. Antyushin, S.S. & Mikhalkin, N.V. (2013) *Logika* [Logic]. Moscow: RAP.
7. Zimnyaya, I.A. (2001) *Lingvopsikhologiya rechevoy deyatel'nosti* [Linguistic Psychology of Speech Activity]. Moscow: Mosk. psikhologosotsial'nyy institut; Voronezh: NPO MODEK.
8. Passov, E.I. (2015) *Terminosistema metodiki, ili Kak my govorim i pishem* [Terminology of Methodology, or How we speak and write]. Saint Petersburg: Zlatoust.
9. Gal'skova, N.D. et al. (2017) *Osnovy metodiki obucheniya inostrannym yazykam* [Fundamentals of Methods of Teaching Foreign Languages]. Moscow: KNORUS.
10. Sysoev, P.V. (2008) Spornye voprosy kommunikativnogo kontrolya umeniy uchashchikhsya vosprinimat' rech' na slukh [Controversial issues of communicative control of students' ability to perceive speech by ear]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 2. pp. 16–21.
11. Passov, E.I. (1989) *Osnovy kommunikativnoy metodiki obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu* [Fundamentals of Communicative Methods of Teaching Foreign Language Communication]. Moscow: Russkiy yazyk.
12. Obdalova, O.A. (2001) *Audirovanie kak sredstvo obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu studentov estestvennonauchnykh fakul'tetov na nachal'nom etape* [Listening as a means of teaching foreign language communication to students of natural science faculties at the initial stage]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Tomsk.
13. Artyushina, L.A. (2020) An educational text as a method to fix the axiological competency in the educational content of a textbook (as exemplified by disciplines of the basic education curriculum). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 443. pp. 219–224. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/443/26
14. Dahlhaus, B. (1994) *Fertigkeit Hoeren*. München: Goethe Institut.
15. Hymes, D.H. (2012) *On Communicative Competence*. London: Oxford University Press.
16. Dneprov, E.D. & Arkad'ev, A.G. (eds) (2009) *Sbornik normativnykh dokumentov. Inostrannyi yazyk* [Collection of Normative Documents. Foreign language]. 2nd ed. Moscow: Drofa.
17. Passov, E.I. (2006) *Sorok let spustya, ili Sto i odna metodicheskaya ideya* [Forty Years Later, or a Hundred and One Methodical Ideas]. Moscow: Glossa-Press.
18. Pidkasistyy, P.I. (ed.) (2021) *Pedagogika* [Pedagogy]. 4th ed. Moscow: Yurayt.
19. Kuklina, S.S. (2007) *Kollektivnaya uchebnaya deyatel'nost' kak organizatsionnaya forma ovladeniya inoyazychnym obshcheniem* [Collective Educational Activity as an Organizational Form of Mastering Foreign Language Communication]. Kirov: Vyatka State University of Humanities.
20. Asmolov, A.G. (ed.) (2011) *Formirovanie universal'nykh uchebnykh deystviy v osnovnoy shkole: ot deystviya k mysli. Sistema zadaniy* [Formation of Universal Educational Activities in Primary School: From action to thought. Task system]. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie.
21. Bespal'ko, V.P. (1989) *Slagaemye pedagogicheskoy tekhnologii* [Components of Pedagogical Technology]. Moscow: Pedagogika.
22. Kuklina, S.S. (2018) *Sredstva organizatsii uchebnoy deyatel'nosti shkol'nikov po osvoeniyu inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii* [Means of organizing the educational activities of schoolchildren for the development of foreign language communicative competence]. *Prepodavatel' XXI vek*. 1–1. pp. 198–207.
23. Garant. (2010) *Federal State Educational Standard for Basic General Education. Appendix*. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/55170507/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (Accessed: 31.01.2022). (In Russian).
24. Bim, I.L. et al. (2014) *Nemetskiy yazyk. 9 klass* [German Language. Grade 9]. Moscow: Prosveshchenie.
25. Davydov, V.V. (1991) *Uchebnaya deyatel'nost': Sostoyanie i problemy issledovaniya* [Educational activity: Status and problems of research]. *Voprosy psikhologii*. 6. pp. 5–14.
26. Markova, A.K. (1983) *Formirovanie motivatsii ucheniya v shkol'nom vozraste* [Formation of Learning Motivation at School Age]. Moscow: Prosveshchenie.
27. Petrovskiy, A.V. (ed.) (1979) *Vozrastnaya i pedagogicheskaya psikhologiya* [Age and Pedagogical Psychology]. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie.
28. Kuklina, S.S. & Vladimirova, E.N. (2021) *Sistema polifunktional'nykh uprazhneniy dlya obucheniya shkol'nikov audirovaniyu na inostrannom yazyke* [A system of polyfunctional exercises for teaching schoolchildren to listen in a foreign language]. *Yazyk i kul'tura*. 53. pp. 217–237.

Информация об авторах:

Куклина С.С. – д-р пед. наук, профессор кафедры иностранных языков и методики обучения иностранным языкам Вятского государственного университета (Киров, Россия). E-mail: svstkuk47@gmail.com

Владимирова Е.Н. – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков Вятского государственного агротехнологического университета (Киров, Россия). E-mail: yelena.vladimirova@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.S. Kuklina, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: svstkuk47@gmail.com

E.N. Vladimirova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Vyatka State Agrotechnological University (Kirov, Russian Federation). E-mail: yelena.vladimirova@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022;
одобрена после рецензирования 16.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.

The article was submitted 10.02.2022;
approved after reviewing 16.11.2022; accepted for publication 30.11.2022.

Научная статья
UDC 372.881.111.1
doi: 10.17223/15617793/484/19

Digital storytelling implementation for enhancing English students' communication skills

Viktoriya V. Gorbaneva¹, Svetlana V. Kolyadko², Liliya G. Martynenko³, Olga I. Trubitsina⁴

^{1, 2, 3, 4} Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ victoria3105@gmail.com

² svkol012@yandex.ru

³ liliyamartynenko@yandex.ru

⁴ truwat@bk.ru

Abstract. The subject of the current research is to demonstrate how digital storytelling empowers English students' communication skills. The purpose of the study is to reveal how multimedia tools can empower students to learn digital storytelling. The objective of the article is to demonstrate how digital storytelling could be integrated into a variety of activities in foreign language class. The article provides information about the communication skills formed with the help of digital narration, software tools; about the correlation of web applications with presentation forms and multimedia resources. It presents services enabling one to create digital narration with varying extent of multimedia presentation. This article presents an overview of digital storytelling. The authors prove that various genres including poetry can be used to develop English language students' communication skills through digital storytelling.

Keywords: digital storytelling, digital story, planned communication skills, multimedia tools

For citation: Gorbaneva, V.V., Kolyadko, S.V., Martynenko, L.G. & Trubitsyna, O.I. (2022) Digital storytelling implementation for enhancing English students' communication skills. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 168–175. doi: 10.17223/15617793/484/19

Introduction

Digital storytelling has become a powerful instructional tool in foreign language acquisition. The emergence of different educational tools allows foreign language teachers to integrate information and communication technologies in a classroom environment. Evidence shows that, despite the debates over effective incorporation, today's learners keep using emerging technologies in their private lives. The modern development of our society uncovers the compelling evidence over the fact that students are considered not information gathering, but information creating. Scientists advocate that today's learners can create a lot of stories on every topic imaginable expressing a particular point of view [1–3].

The studies on the educational environment put emphasis on the fact that communication nowadays has become not “one-to-many,” but “many-to-many” communication. It became apparent that the topics of the learner's generation cover such topics as computer games, music, video, and pictures. Due to the above-mentioned peculiarities, educators are able to select the appropriate learning technologies and enhance foreign languages teaching.

Digital storytelling empowers foreign language students to develop their communication skills using the multimedia technology and enables them to tell stories in their own voices and words. Digital storytelling, empowering learners to convey different kinds of information to the audience [4–6], is viewed as one of the effective learning tools in teaching speaking and writing skills in foreign language environment [7]. Some

researches highlight the benefits of digital storytelling in developing foreign language students' motivation and fostering their autonomy in learning foreign languages [2, 6–8]. There have been several studies that point out the efficacy of this multimedia tool in building and developing speaking skills in a foreign language classroom [2, 9].

Foreign language learning in a secondary school is being dramatically changed, which results from the adoption of the new Federal State Standard of General Education (FSSGE) in the Russian education system. FSSGE directs the learning process towards a systemic activity approach, which implies formation and development of a wide range of skills in students, including skills of academic cooperation and common activities with a teacher and peers at a foreign language class, work in small and large groups, use of information and communication technologies in foreign language learning. V.O. Bychkova justly remarks that a great attention is paid to interactive learning technologies, techniques and methods that ensure a shift from the associative-reproductive model of foreign language learning, when students only have a passive role (in relation to the teacher), to the educational model based on activity principles [10].

Besides, Russian education at its present stage is characterized by the sustainably rising awareness of requirements for learning outcomes, one of which is efficient development of foreign language communicative competences in students by showing them available methods and techniques for a self-study of languages and cultures, including the use of information and communication technologies, and promotion of self-

development through creative assignments, which, undoubtedly, include the “digital storytelling” one.

We should note that many foreign and national researchers have made a great contribution to the development of theoretical principles of the digital storytelling technique in foreign languages learning, among them are: H. Barrett, B. Robin, S.V. Titova, A.P. Avramenko [2, 8, 11]. A special emphasis must be placed on a research made by O.A. Obdalova and Z.N. Levashkina, who thoroughly described the narrative-communicative technique of foreign language learning and identified key characteristics and features of the narrative [12]. The authors have developed a learning technology for foreign language communication, which involves creation and presentation of a narrative by university students. The narrative is based on authentic situations as specified in the curriculum, and is created by answering key questions, creating characters and making photo collages, presenting results and performing scenes. A research by L.A. Gorokhova highlights the social potential of digital storytelling [13].

A research by L.K. Salnaya describes experience in application of a multimodal approach, in particular, digital storytelling, for foreign language learning in a non-linguistic university. However, the analysis of available research works and our own pedagogical experience show that the digital storytelling technique has not been covered well enough in the national educational guidelines for foreign languages learning in secondary school [14].

Therefore, the aim of this paper is to identify the didactic potential of a monologue statement in the “digital narration” form to promote the development of foreign language communication skills in high school students. In order to reach this aim, it is necessary to achieve several objectives:

- define the key characteristics of “digital storytelling” and identify its genre diversity;
- highlight and describe characteristics of a monologue statement in the “digital narration” form;
- clarify the list of communication skills necessary for high school students to create a “digital narrative”;
- analyze and select web tools for creating a monologue in the “digital storytelling” form;
- build an algorithm for creating a monologue statement in the “digital narration” form in order to develop foreign language communication skills in high school students.

The authors' classification of texts related to this type of monologue statement, as presented in the article, allowed us to clarify types of assignments that are most effective for digital storytelling and select web tools for creating digital stories.

Methodology

The research employs such methods as the analysis of scientific literature on foreign language teaching methodology and on issues under the current research, the method of integrating data from methodology of foreign language teaching and computer technology.

According to the vast amount of research literature on foreign language teaching, the insufficient level of acquired communication skills is due to several reasons. Undoubtedly, nowadays foreign language teachers tend to use additional tools for enhancing foreign language acquisition. There is a strong agreement that computer technologies should be incorporated more and more in foreign language teaching. At the moment researchers are mainly focusing on the way foreign language teachers can use computer technologies in a more effective way. We are carrying out an in-depth analysis of computer technologies that can be used in oral skills only.

The literature provides strong evidence that digital storytelling could be considered as a multimedia tool fostering foreign language acquisition. We should note that a pre-digital storytelling stage is crucial in digital storytelling teaching.

We supplemented the present knowledge with the data from the literature on foreign language teaching, in particular, on different skills. Our analysis is based on extensive evidence that teaching planned transactional skills involves a sequence of definite stages.

There is a strong agreement among Russian and non-Russian foreign language teachers that the lack of an impetus for teaching productive skills is one of the crucial problems for foreign language teaching. In other words, foreign language teachers should provide their students with what they need to communicate with each other, keep them engaged in the process of foreign language acquisition, and create a realistic context in a foreign language classroom bringing real-life situations to discuss.

The above-mentioned factors enable us to use an American poem dedicated to the choices of life, and the topic arouses a lot of interest among foreign language learners.

The comparative scientific resources on using poetry in a foreign language classroom underscore the marvelous potential represented by foreign poetry. Despite the fact that learners encounter some difficulties while reading a poem in a foreign language, scientists highlight that poetry introduces the culture of a target language and develops the capability to understand different cultures. Learning a foreign language is connected with discovering a different world. The in-depth analysis shows that culture embedded in a foreign language increases cultural awareness.

Digital storytelling: didactic and applied aspects

The current stage of Russian education development is characterized by a widespread use of information/communication technologies, the possibilities of self-development through the use of creative assignments which undoubtedly include the tasks in the digital narration format. One of the first definitions of the “digital narration” concept was given by Dennis Meadows who called it a special form of short narration in a video clip format where the narrator conveys his experience emotionally and artistically [15].

We should note that lately digital narration has acquired new dimensions owing to the integration of Internet technologies, in particular, Web 2.0 services. This has led to the emergence of a new term: "Web 2.0 narration." One of the distinctive features of Web 2.0 narration is that the voiceover narration is not regarded as a mandatory part of digital narration due to the heterogeneity of functional resources of any given network software. Therefore, digital narration as such may present itself not only in the form of prepared monologue speech supposing auditory and visual perception on the part of the listener and his verbal reaction, but also as a written form of monologue speech, and, in this case, it is intended for visual perception.

Thus, digital narration represents a relatively detailed brief (2–10 minutes) narrative characterized by the interaction of various semiotic systems that are expressed verbally, visually, and acoustically, and that create an integrated complete image. The difference between a narrative and an ordinary story or a fact-stating narration is involvement of individual narration-related assessment and emotions, or reference to a causal relationship, or presence of logical chains between the described events, when it comes to objective historical-content texts [16].

In linguistic terms, digital narration is characterized by the presence of all features of the text. The specific features of digital narration are multidimensionality, dynamism, emotionality, and multifunctionality. The emotional content of digital narration is connected with the presence of some iconic or musical component having a substantial emotional charge, and also with the use of evaluative and emotionally expressive lexical units, some figurative clichés. In turn, emotionality at the phonetic level is connected with intonation, speech tempo, pausation [3, 11].

According to T.E. Yanko, "the most important element is emphasized," so intonational highlighting helps us to recognize the speaker's illocutionary goal [17]. O.B. Sirotinina, describing the written and verbal form of speech, accentuates the intonational features of verbal speech and emphasizes in this regard that intonation is created by the speech melody, the place of logical stress (in the beginning, middle, or end of a phrase), its strength, intensity (loudness) measurement, clarity of pronunciation, presence or absence of pauses [17, 18]. Multifunctionality comes from the fact that this form is an effective tool for developing verbal skills in a multimedia environment. And the use of assignments in the digital narration format in the classroom promotes students' activity and reflection, implements due project training and integrates modern information/communication technologies into the learning process [16]. Thus, digital narration becomes an important source for the formation of universal educational activities including the learners' competence in information/communication technology as a component, which encompasses the students' integrated skills of working with various types of information.

This engenders the problem of the selection of typological attributes that can be used as a basis for classification of genres/types of texts related to digital

narration. In our opinion, several parameters can be used as a basis for such a classification with regard to the specifics of the Foreign Language discipline: extent of originality and independence; form of presentation; dominant functional/semantic type of speech; text generation method; form of reproduction.

It seems logical to distinguish the below types of digital narration (hereinafter referred to as DN) *according to the extent of originality and autonomy*: *reproductive*, for instance, retelling (from the first-person perspective, on behalf of one of the characters, etc.), and *productive*, which, in turn, can be represented by the following DN types: *artistic/creative* which may include a fairy tale (magic tale, parody, etc.), a digital story-recollection, a digital event-type story of a distant past, a digital event-type story of some recent developments (a travel story, for instance, or a story of particular events/facts of one's life, with expression of one's judgments and feelings); *artistic/critical* (with a dominant self-representation function), for instance, a biography of the story's protagonist, of a historical character, of a fictional character, etc.; *art-study-specific*: a story about a work of art (a picture, for instance), a virtual tour; *publicistic* (with a dominant appellative function): a book trailer, a trailer, an instruction, etc. [2, 9, 19, 20].

Thus, digital narration can be considered as a form of expression of thought presenting real events or phenomena as a series of interconnected facts united by one common theme within which a number of micro-themes can be distinguished. In the first place, digital narration may be presented by a monologue-message in the form of communication, a brief statement, or a story. Narration, as a rule, supposes the onset of an event, its development, and the end. In this case, the notional content of digital narration is represented by an eventful/information process the contentive space of which represents a chronological sequence of events and facts.

According to Brian Alexander, one of the characteristics of digital narration is personal presence: the reader, in grammatical terms, must become a "second person" of the story [20]. According to the *functional/semantic type of speech*, digital narration forms may represent narration with elements of discourse or/and description; description with elements of discourse; or reasoning with elements of narration or description. In terms of *presentation form*, digital narration may have the form of a slide show, a digital book, a comic strip, a presentation, a podcast, a video clip, an animated story, a virtual travel, a virtual tour, an interactive poster, a time feed, etc.

Since the list of multimedia tools for creating digital narration is quite extensive, we shall consider only some of the services for creating digital narration [16].

1. Services that allow creating digital narration with a low extent of multimedia presentation (image and text)

1) **My Story.** The service enables learners to upload images, draw pictures, add texts, and record audio to fashion their own digital stories.

2) **Storybird.** This service is designed for the creation of visual narratives with the use of several illustrations and textual material. The service provides for forming

classes as well as inviting participants to edit after the creation of a story. Unfortunately, the free version allows using only the illustrative material of the service. However, this bright colorful material with a great number of fairy-tale characters, background settings ("film sets") and decorative objects is quite sufficient to create fascinating stories.

3) **Storyjumper**. Like the preceding service, this one enables users to create picture books with a page-turning effect, on the basis of textual material and various images, and also to upload one's own illustrations as a background for the scene.

4) **Storyboard That**. The web application has a sufficient database for creating various illustrated stories: an extensive selection of characters and scenes; a simple interface makes it possible to use it at an elementary school. The basic version allows one to save the created stories in the form of the PowerPoint presentation, or in pdf-format.

5) **StoryMaker** (British Council). It is one of the few services that generate text based on user replies. The service allows one to create digital narration in three genres: fairy tales, horror and science fiction. The didactic potential of this resource lies in the learners' possibility to get acquainted, in the unconventional form, with the compositional and structural features of texts of the selected genre, and simultaneously to develop reading skills, since visual perception helps to better understand the structure, organization and distribution of language material over paragraphs with regard to the specifics of the genre, while the graphic form of words contributes to better spelling memorization.

6) **Tellagami**. This service offers an opportunity to tell a story by creating avatars and then recording audio.

7) **Little Bird Tales**. It is a digital creation tool that empowers young students to create their own podcasts, stories, presentations, and digital journals. Children have their own accounts, use a drawing pad, upload pictures from their devices, and narrate their stories. Students post their stories on the Little Bird Tales website. The teacher has a **dash pad** on which it is possible to review students' stories.

II. Services that allow creating digital narration with the medium extent of multimedia presentation (image, text, audio or video)

1) **SlideStory** makes it possible to create slide shows based on your uploaded images with voice narration. After free registration, you need to download the Windows Publisher client program, connect a microphone to the system and record an audio file for each slide. The complete story can be downloaded from the SlideStory website.

2) **Art of Storytelling** is a unique project of the Delaware Art Museum, which makes it possible, using the online collections of the museum, to write and voice a text and consequently share or publish it on the site.

3) **StoryKit** is a mobile application that empowers learners to create electronic storybooks. Students write a text, draw images, record audio narration, and design a storybook.

4) **Com-Phone** is a multimedia tool for Android smartphones, enabling students to combine music, voice narration, and text, and create personal digital stories.

5) **Storyrobe** is a mobile application dedicated to creating digital stories. Learners upload pictures from their mobile phones and record their voices. Digital stories can be uploaded either to Storyrobe Online or to YouTube.

6) **Meograph** is a four-dimensional storytelling tool, empowering students to create a narrated timeline-based and map-based digital stories, incorporating Google Earth and Google Maps. The platform enables learners to create digital stories about history, art, news, traveling, life events, enhancing them by maps, texts, links, pictures, audio, video, and timelines. In addition, this tool is considered one of the simplest tools for digital storytelling.

7) **BookCreator** is a mobile application that enables foreign language students to put together digital stories with audio, video, texts, and images.

8) **UtellStory** enables students to fashion stories, share them through video, audio, and texts.

9) **Videolicious** allows students to shoot, do short quick edits in a matter of minutes, and easily share their videos. The app is used by reporters from newspapers, like the Washington Post, to have their reporters capture and report news quickly. Students can use this app like experts, quickly and easily creating videos.

10) **Animoto** has been around a long time on the computer. The app allows users to easily and quickly make, direct, and edit videos using video templates, and share them on social networks. There is a built-in library of photos, music, video clips, and graphics. Additionally, this app helps students to understand the power of images, requiring them to think critically about the images they choose and information, tone and emotions that the images convey.

The current article presents digital storytelling guidelines for foreign language teachers who would like to teach digital storytelling.

Table 1

A 6 – stage process that students can follow for learning digital storytelling

Stages	Aim of each stage
Pre-digital storytelling	Promotion of the motive for speaking, awareness of what learners are going to do, motivation and awareness of the communicative task, overcoming of both vocabulary and grammar difficulties
Text writing	Writing the first draft of the story. Setting the milestones of the story. Backing up the main point. Getting points together for an actual story
Final draft revision	Proofreading of the written draft: collaborative, in small groups, self-editing, mutual editing
Software tools selection	1. Selection of the software tools students will use for creating a digital story 2. Search in the tools for images, music, charts, clip art 3. Recording of the story
Presentation	Presentation and discussion of the digital story
Assessment and reflection	Assessment. Self-assessment. Reflection using the criteria

E.V. Vulfovich reasonably remarks that a multi-stage algorithm of creating a “digital narrative” with phrases adjusted by length, wisely selected images and music takes great effort, lots of corrections, and numerous attempts to voice the story [21].

There is an approximate list of topics for monologue statements in the “digital narration” form presented below, which can be offered to high school students:

- Create a Social Media Campaign Poster with Canva (Visme)

- Create a Comic Debate using Comic Life
- Create a Musical Soundtrack for a Scene from a Book

- Creating a Visual Blog
- Create a Historical Scrolling Timeline
- Create InfoVids: Multimedia Infographics
- Create a movie/picture review slideshow targeting the story for different audiences (teen magazine, TV magazine)

- Design your ideal home and visualize it
- Imagine that you are a member of the movie festival jury. What will you say to support the film that won the main prize? Prepare a multimedia presentation

- Select a book and create a book trailer for it
- Make a video about your favorite band or artist

- Look through the city guide. Mark sights what you would recommend to see and visit in this city. Make small recommendation messages using one of web applications; explain why you recommend visiting this site

- Review product information and create a flyer.

Taking into the account the viewpoint of N.N. Dushkova and other researchers, we identify the following key characteristics of a monologue statement in the “digital narration” form:

- 1) information capacity of the statement
- 2) semantic and communicative unity of the statement

- 3) compliance of the statement with the main textual characteristics such as: coherence, integrity, completeness

- 4) expressive language means used to convey thoughts

- 5) distinct style of presentation, original ideas

- 6) imagery

- 7) author’s autonomy of utterances

- 8) author’s personality reflected in the statement text

- 9) focus of the statement on the target audience

- 10) influencing effect of the statement [22].

In this article, the pattern of the way poetry could be used in teaching digital storytelling is revealed. It is important to highlight the reasons for using poetry, and emphasize the significance of poetry’s value for teaching digital storytelling. It is widely acknowledged that learning a language should not just involve linguistic competence, but also include intercultural communicative competence. It has been proven that foreign poetry enables English-language students to discover cultural complexities and understand other cultures. Foreign language teachers should teach students to observe foreign culture from the perspective of others, decentring their own perspective.

Within the framework of the current article, the advantages of incorporating poetry into the training process of the English language teaching are presented. The research underlines that fiction, and, in particular, poetry, contributes to a better understanding of other cultures and people. The potential of poetry for the formation of cultural awareness has been recognized. Scientists claim that cultural awareness can be achieved directly through visiting a foreign culture, through experiencing a foreign culture, or indirectly, through literature, movies, cartoons, or songs [22]. Poetry is authentic material which may help to discover culture-dependent beliefs, opinions, habits, and viewpoints.

Table 2

Activities compiled by the authors and the results of the above-mentioned stages

Activities	Results of the stage
Answer the following questions: What kind of choices did you have to make? Do you have any regrets? Think of a problem you had to solve and tell your partner. Describe a choice you had made that had a major impact on your life. What factors affect your choices?	Mind map and discussion with classmates what factors affected the classmates’ choices. https://www.mindmeister.com/ Filling in the cube faces on http://www.readwritethink.org/ by answering the introductory questions
Read the biography of the author and answer the questions: 1. What decision did Frost make in his life? 2. Was it difficult to make this decision? Why? Why not?	Discussion after reading the biography of Robert Lee Frost https://www.britannica.com/biography/Robert-Frost
Match the lexical units in column A with their definitions in column B.	Interactive whiteboard matching activities
Read the title of the poem, look at the picture and make a prediction about the content and the purpose of the poem based on both the title and the picture. What problems does the poet touch upon?	Discussion
Read the first stanza of the poem “The Road Not Taken” by Robert Lee Frost. Can you predict what the poem will be about? Two roads diverged in a yellow wood, And sorry I could not travel both And be one traveler, long I stood And looked down one as far as I could To where it bent in the undergrowth; Read the last stanza of the poem. Could you predict the content that could precede it?	

I shall be telling this with a sigh Somewhere ages and ages hence: Two roads diverged in a wood, and I — I took the one less traveled by, And that has made all the difference.	
Watch the video at https://www.youtube.com/watch?v=KUaQgRiJukA , answer the following questions and write the draft: 1) Where and when is the poem set? 2) Where is the “traveler” as he starts telling his story? 3) What metaphor does the poet use in his poem? 4) Why does Frost use this metaphor? 5) What regret does he express in the first stanza of the poem? 6) What road does the traveler choose? Describe this kind of the road. What road does not the traveler choose? Why? 7) Why does the main character choose this road? 8) Is he regretful about his decision? Why? / Why not? 9) What similarities between the two roads does the traveler point out? 10) Does he think his decision will have any impact on his life? 11) What problems does the main character face? 12) What opposite facts are described in the poem? 13) Why does the author use the word “diverged”? 14) What is the author’s attitude towards the subject in this passage? “Two roads diverged in a yellow wood, And sorry I could not travel both And be one traveler, long I stood And looked down one as far as I could To where it bent in the undergrowth...” 15) What is the key idea of the poem? 16) What lexical units express the central idea of the poem? 17) Could you please explain the title of the poem? 18) Do you agree or disagree with the poet’s opinion? Why? 19) Is the information from the poem interesting and new for you? / Why is this information important? 20) What is the most interesting part of the poem? 21) Did the information about the author’s biography help you understand the key idea of the poem? If yes / no, why?	The first draft https://www.padlet.com Evernote is used for further corrections being made together with peers
Go to the Padlet https://ru.padlet.com/ and make corrections in the draft.	Proofreading of the texts on Evernote www.padlet.com
Create your digital story on the topic “Everything is a Choice” in VideoScribe (https://www.videoscribe.co/en), based on the draft of the script.	A digital story on “Everything is a Choice” created in VideoScribe (https://www.videoscribe.co/en)
Post the digital story online in a blog or embed it on a website.	Written comments on the digital story in a blog or on a website
Assess the digital story using the following criteria: – how well the digital story meets the communication goals – the originality of the idea – informativity of the digital story – coherence – fluency – personal engagement with the digital story – speech expressiveness – accuracy.	A filled-in form in Google Forms

Therefore, a monologue statement in the “digital narrative” form can be defined as a rather detailed, short (2–10 minutes) dialogized narrative with a combination of various semiotic systems, which includes three main components: affective-emotional (motivational), cognitive (students become aware of a real opportunity to use the language while creating and presenting the narrative text),

and activity (skills required to achieve the goal). The activity component is characterized by the versatility of digital storytelling, since this form is, ultimately, an effective tool that, besides communication skills, develops learning and cognitive skills in a multimedia environment. The table below presents a list of skills that are formed by digital storytelling.

Table 3

Skills built through digital storytelling

Skills	Subskills in speaking	
	Content	Language
	The foreign language students are able to:	
Prepared and spontaneous speaking skills/writing skills	demonstrate accuracy, fluency to go on speaking in a spontaneous way, appropriacy, conjunctive cohesion sequence events maintain the topic select vocabulary and grammar that conform with the language norms of the discourse type	use discourse markers which organize a narrative (firstly, secondly etc.) use pronunciation, vocabulary, and grammar according to the language norms express ideas logically and sequentially put ideas in accordance with the discourse type.

	use evidence to support ideas clarify one's own points describe facts, events and main characters give opinions about historical events and literature works	
Listening and reading skills	understand the purpose of the text recognise the topic / type of text/situation identify the subject matter of the text separate important information from unimportant information identify the most meaningful facts from the text understand a speaker's or writer's attitude	
Learning and cognitive skills	work with ICT tools (computer, telephone, camera, sound recorder, etc.) search for and save the information make written messages and use texts as a part of digital stories create hypertext and multimedia information units process images and create graphic objects record and process sounds create musical units use geo-data use oral and written communication effectively cooperate manage team work evaluate oneself and peers	

Conclusion

In conclusion, we would like to note that a monologue statement in the “digital narration” form has its advantages and disadvantages. On the one hand, “digital storytelling” in a foreign language is a complex learning activity that requires significant, systematic and dedicated preparatory work. On the other hand, creation, analysis, and discussion of “digital storytelling” ensure favorable conditions for improving communication skills in high school students and promote creative assignments.

The above-described characteristics of a monologue statement in the “digital narration” form allowed us to clarify the list of communication skills necessary to make this type of monologue. The algorithm for “digital narratives” proposed herein helps students to understand the goal, objectives, stages of work with this monologue statement, to select relevant means and tools to achieve the goal, and to use this experience in further work. As part of independent and collaborative group learning and cognitive activities, including project work, due to the variety of genres, it creates an atmosphere of interest in new types of work and undoubtedly increases motivation to learn foreign languages.

The authorial classification of texts related to this type of the monologue statement, as presented in the article, allowed us to clarify types of assignments that are most effective for digital storytelling and select web tools for creating digital stories. The data presented in our research allows us to assert that the use of assignments in the “digital narration” format promotes a practical mastery of a foreign language, develops communication skills in different types of speech activities, enhances information/communication-related competence of a teacher and media competence of students.

It is relevant to further research the creation of monologue statements in the “digital narration” form, since it is necessary to bring existing methods into a system and provide theoretical background for new methods and means of modern digital didactics in teaching foreign languages.

The solutions described in the article can initiate a scientific and practical discussion, and trigger further optimization of the proposed “digital narration” technology in foreign language teaching, which, in turn, will contribute to solving other problems formulated at the beginning of the article.

References

1. Pierotti, K.E. (2006) *Digital Storytelling: An Application of the Vichian Theory*. Provo, UT: Brigham Young University.
2. Robin, B. (2008) The effective uses of digital storytelling as a teaching and learning tool. *Theory into Practice*. 2. pp. 220–229.
3. Robin, B.R. (2016) The power of digital storytelling to support teaching and learning. *Digital Education Review*. 30. pp. 17–29.
4. Porter, B. (2004) *DigiTales: The Art of Telling Digital Stories*. Sedalia, CO: DigiTales StoryKeepers.
5. Ohler, J. (2008) *Digital storytelling in the classroom: New media pathways to literacy, learning, and creativity*. Thousand Oaks, CA: Corwin.
6. Li, E.H. & Hew, S.H. (2017) Better learning of chinese idioms through storytelling: Current trend of multimedia storytelling. *The Electronic Journal of E-Learning*. 15. pp. 455–466.
7. Somdee, M. & Suppasetserree, S. (2013) Developing English speaking skills of Thai undergraduate students by digital storytelling through website. *Proceedings of the 3rd International Conference on Foreign Language Learning and Teaching*. Korat, Thailand.
8. Barrett, H. (2006) Researching and evaluating digital storytelling as a deep learning tool. *Technology and Teacher Education Annual*. 1. p. 64.
9. Sadik, A. (2008) Digital storytelling: A meaningful technology-integrated approach for engaged student learning. *Educational Technology Research and Development*. 56 (4). pp. 487–506.

10. Bychkova, V.O. (2017) Technology of using cases in foreign language classes in secondary school. *Bulletin of Moscow State University. Series: Pedagogy*. 3. (In Russian).
11. Titova, S.V. & Avramenko, A.P. (2013) *Mobile Teaching Foreign Languages*. Tutorial. Moscow: Ikar. (In Russian).
12. Obdalova, O.A. & Levashkina, Z.N. (2020) Narrative and communicative technology of teaching a foreign language: definition of the essence and features. *Tomsk State University Journal*. 458. (In Russian).
13. Gorokhova, L.A. (2016) Digital Storytelling technology (digital storytelling): social and educational potential. *Modern Information Technologies and IT Education*. 4. (In Russian).
14. Salnaya, L.K. (2021) Teaching digital storytelling in the framework of the discipline "Foreign Language" in a non-linguistic university. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 12 (92). (In Russian).
15. Wang, S., & Zhan, H. (2010). Enhancing teaching and learning with digital storytelling. *International Journal of Information and Communication Technology Education (IJICTE)*. 6 (2). pp. 76–87.
16. Koliadko, S.V. (2017) *Computer-assisted language learning*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia. (In Russian).
17. Ianko, T.E. (2008) *Intonational Strategies of the Russian Speech in a Comparative Aspect*. Moscow: Language of Slavic Cultures. (In Russian).
18. Sirotinina, O.B. (1983) *Russian Spoken Language*. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian).
19. Brenner, K. (2013) Digital Stories: A 21st-Century Communication Tool for the English Language Classroom. *English Teaching Forum*. 52 (1). pp. 22–29.
20. Alexander, B. (2011) *The New Digital Storytelling: Creating Narratives with New Media*. Santa Barbara: Praeger.
21. Vulfovich, E.V. (2014) Digital storytelling as a means of forming communicative competence in foreign language classes. *Foreign language in the system of secondary and higher education*. Proceedings of the IV International Conference (1–2 October 2014). Prague: Vědecko vydavatelské centrum "Sociosféra-CZ."
22. Dushkova, N.N. (2009) *Teaching creative monologue utterance to senior secondary school students using the project method: on the material of the English language*. Pedagogics Cand. Diss. Moscow. (In Russian).

Информация об авторах:

Горбанева В.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры методики обучения иностранным языкам института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: victoria3105@gmail.com

Колядко С.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры методики обучения иностранным языкам института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: svkol012@yandex.ru

Мартыненко Л.Г. – канд. пед. наук, доцент кафедры методики обучения иностранным языкам института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: liliyamartynenko@yandex.ru

Трубицина О.И. – канд. пед. наук, доцент, заведующая кафедрой методики обучения иностранным языкам института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: truwat@bk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.V. Gorbaneva, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: victoria3105@gmail.com

S.V. Kolyadko, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: svkol012@yandex.ru

L.G. Martynenko, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: liliyamartynenko@yandex.ru

O.I. Trubitsina, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, head of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: truwat@bk.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.03.2022;
одобрена после рецензирования 16.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.

The article was submitted 06.03.2022;
approved after reviewing 16.11.2022; accepted for publication 30.11.2022.

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 008
doi: 10.17223/15617793/484/20

Новая идентичность университета: оптика этики ответственности

Дарья Васильевна Черникова¹, Ирина Васильевна Черникова²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹chdv@mail.tsu.ru

²chernic@mail.tsu.ru

Аннотация. Центральной проблемой статьи является вопрос о сущностных характеристиках современного ответственного университета. Проанализированы онтологическая, научно-технологическая, этическая и политическая составляющие структуры ответственного университета. Обсуждается проблема ответственности современного университета: перед кем и за что несет ответственность университет сегодня, и может ли он рассматриваться как агент ответственности. Особое внимание обращается на важность роли общественных и гуманитарных наук.

Ключевые слова: университет, ответственность, технотехника, наука, образование, общество

Источник финансирования: работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00298.

Для цитирования: Черникова Д.В., Черникова И.В. Новая идентичность университета: оптика этики ответственности // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 176–183. doi: 10.17223/15617793/484/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/20

The university's new identity: The optics of the responsibility ethic

Daria V. Chernikova¹, Irina V. Chernikova²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹chdv@mail.tsu.ru

²chernic@mail.tsu.ru

Abstract. The central problem of the article is the issue of the essential characteristics of a contemporary responsible university. The fundamental justification for the existence of the university is to ensure the continuity of academic communication within its walls. Over the past decades, universities around the world have been undergoing significant transformations related, among other things, to the commodification of knowledge. In their hands is considerable power, which can be used both for good and for harm. Therefore, a university responsibility agenda aimed at ensuring that universities resist the temptation to abuse this power, to use their privileged position for private interests, is more relevant than ever. The article analyzes the problem of the responsibility of a modern university: to whom and for what is the university responsible today, and can it be considered as an agent of responsibility? For this purpose, ontological, scientific and technological, ethical and political components of the responsibility structure are identified and analyzed in the problematics of a responsible university. The ontological or existential responsibility of the university is associated with the embodiment of its key mission as a social institution that implements the “universalization of knowledge as a public good” (Steve Fuller); it, first of all, consists in ensuring the existence of the future for humankind. The scientific and technological aspect of the university's responsibility at the present stage is conditioned by the challenges of technoscience and by the transition to a new level of interaction between man and nature. Risks, the constantly growing uncertainty and unpredictability turn responsibility itself into a specific moral and socio-political task of organizing the life of a person and society. Under these conditions, the university does not just give the world what it wants; rather, it is a critical institution that takes an active expert position, it systematically explores the world, takes responsibility for the opening prospects. The ethical responsibility of the university, which transforms knowledge into a public good accessible to many, is implemented *prima facie* through educational activities. Attention is drawn to the particularly important role of social sciences and the humanities, which they should perform in the educational activities of the university, and which forms a position of a responsible attitude towards the future. The political component of the university's responsibility is closely related to the issues of

university autonomy and academic freedom. Providing institutional autonomy and the possibility of free intellectual activity is a necessary condition for the preservation of the university as a space for critical thinking, vital for civilizational development.

Keywords: university, responsibility, technoscience, research, education, society

Financial support: The reported study was funded by RFBR, Project No. 20-011-00298.

For citation: Chernikova, D.V. & Chernikova, I.V. (2022) The university's new identity: The optics of the responsibility ethic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 176–183. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/20

Дискурс ответственности обрел новое звучание в европейской научной и политической дискуссии в связи со становлением и развитием технауки, а также из-за опасений доминирования науки и технологий над обществом. В контексте экономики знаний общество зависит от применения новых технологий, а в руках ученых и инженеров оказывается могущественная сила знания, способная облагодетельствовать либо наказать человека и общество. «Окончательно освобожденный от оков Прометей, получивший от науки дар небывалой мощи, а от экономики – неустанный стимул к действию, вызывает к жизни этику, добровольная узда которой призвана не дать его могуществу сделаться бедствием для человека» [1. С. 37] – так пишет об этике ответственности Ганс Йонас, призывая нас переосмыслить антропоцентрическую картину мира. В «Новой философской энциклопедии» под редакцией В.С. Степина предлагается следующее определение ответственности: «отношение зависимости человека от чего-то (от иного), воспринимаемого им (ретроспективно или перспективно) в качестве определяющего основания для принятия решений и совершения действий, прямо или косвенно направленных на сохранение иного или содействие ему. Объектом ответственности (т.е. иным) могут быть другие люди, в т.ч. будущие поколения, общности, а также животные, окружающая среда, материальные, социальные и духовные ценности и т.д.» [2].

Так, этика ответственности находит свое отражение и в концепте ответственных исследований и инноваций (*RRI, Responsible Research and Innovation*), определяемом как «забота о будущем посредством коллективного управления наукой и инновациями в настоящем» [3]. При этом концепт ответственных исследований и инноваций не отличает институциональную (коллективную) ответственность от личной и требует, чтобы индивидуумы несли личную ответственность за свои действия, а также усиливали институциональную (коллективную) ответственность за принятие решений и возмещение потенциального ущерба. Ответственность проявляется в том, как исследователи выполняют свою работу и относятся к внешним субъектам, описывая, по сути, тип активного взаимодействия с миром, когда исследователи становятся частью своей собственной практики.

Почему именно сегодня мы чувствуем непреодолимую потребность заново осмыслить проблематику ответственности университета? Не то чтобы «безответственный университет» можно считать категорией, к которой может осознанно стремиться любое уважа-

ющее себя высшее учебное заведение. Однако на протяжении последних десятилетий университеты по всему миру находятся под воздействием весьма ощутимых перемен, связанных в том числе с коммодификацией знания, в их власти оказывается немалая сила, которую можно употребить как во благо, так и во вред. Таким образом, программа ответственности университетов направлена на обеспечение того, чтобы университеты не поддавались искушению злоупотреблять этой силой, использовать свое привилегированное положение в частных интересах. Как именно и в какой степени может проявляться ответственность университета за «товарооборот» знания, вышедшего за пределы его стен? Рассмотрение этого вопроса является одной из проблем, решению которых посвящена эта статья.

Университет как социальный институт, базовыми миссиями которого являются производство и трансляция знаний (выраженных, соответственно, в процессах исследований и образования), в своей деятельности, безусловно, должен руководствоваться этикой ответственности. Неслучайно часто третью миссию университета интерпретируют именно как социальную ответственность университета. За последние десятилетия были разработаны различные модели социально ответственного университета, такие как экологический университет (*ecological university*; Barnett, 2017), университет Mode 2 (*Mode 2 university*; Nowotny et al., 2001) [4], модель тройной спирали (*triple helix model*; Etzkowitz and Leydesdorff, 1995) [5], предпринимательский университет (*entrepreneurial university*; Clark, 1998; 2004) [6], вовлеченный университет (*engaged university*; Boyer, 1990) [7] и гражданский университет (*civic university*; Goddard et al., 2016) [8]. В ряду этих моделей третья миссия выступает как надстройка по отношению к первой (исследовательской) и второй (обучающей). В таком случае третья миссия интерпретируется как общая концепция, охватывающая все виды университетской деятельности за пределами академической среды, являющаяся дополнением к традиционным мероприятиям университетов и организуемая отдельно от первых двух миссий. Так, например, концепция предпринимательского университета фокусируется на добавлении ряда видов деятельности по трансферу знаний и рыночной деятельности, таких как инкубация стартапов, коммерциализация знаний, трансляция курсов по предпринимательству. К моделям университетов, в которых третья миссия интегрирована во все виды деятельности и практики университета, т.е. в первую

и вторую миссии, относятся прежде всего экологический университет (Barnett, 2017) и университет Mode 2 (Nowotny et al., 2001). Авторы этих моделей убеждены, что весь университет как институт знаний вовлечен в развитие внешнего мира и ответствен за благополучие его экосистем. Кроме того, в контексте трансформации способа производства знаний залогом выживания университета становится адаптация к производству знаний Mode 2.

О кризисе актуальных оснований идеи университета размышляли многие, среди них можно выделить Ж. Лиотара и Б. Ридинга. В частности, Б. Ридинг приходит к выводу, что современный университет «в руинах», показывая, что на фоне трансформаций государственности и разворачивания глобальных трендов размывается институциональная роль университета в современном социуме. Однако, по мнению Р. Барнетта, «дело не в том, что университет «находится в кризисе» или «в руинах», а скорее в том, что университет заметно сокращает свою ответственность и свои возможности в мире» [9. С. 23]. Как видим, один из лидеров направления социальной философии высшего образования также фокусирует внимание на тематике ответственности и необходимости осмысления идентичности университета с использованием оптики этики ответственности. В то же время стоит обратить внимание и на наблюдение К. Керра о том, что из 85 ныне существующих организаций, созданных до 1520 г., 70 являются университетами [10]. Это свидетельствует о том, что университет является одним из самых жизнестойких социальных институтов, несмотря на все потрясения и перемены, сохраняющих свою функцию и значимость с момента зарождения во времена Средневековья до наших дней. Что же обеспечивает подобную жизнестойкость идентичности университета, и как трансформируется сфера ответственности университета сегодня?

Общим контекстом для анализа проблематики ответственного университета в данном исследовании послужила модель этики ответственности Г. Йонаса, в которой выделяются онтологическая, научно-технологическая, этическая и политическая составляющие структуры ответственности [11]. Перед кем и за что ответствен университет сегодня, и может ли он рассматриваться как субъект ответственности? Проанализируем далее проблему ответственности университета в четырех выделенных аспектах.

Онтологическая ответственность университета

Онтологическая или бытийная ответственность университета связана, прежде всего, с воплощением его ключевой миссии как социального института, обладающего собственной неотъемлемой идентичностью. Британский философ Альфред Н. Уайтхед сформулировал миссию университета в начале XX в. следующим образом: «Задача Университета – создание будущего, насколько этому могут способствовать рациональная мысль и цивилизованное восприятие. Будущее велико, в нем есть все возможности для достижений и трагедий» [12. Р. 233], эта миссия не по-

теряла актуальности и сегодня. Подчеркнем, что обязанность обеспечить существование будущего для человечества [1. С. 99] является онтологической составляющей этики ответственности и у Г. Йонаса. Университет наделен способностью создавать будущее за счет присущей ему неделимой целостности исследовательской и образовательной функций, на этом единстве выстраивается институциональная идентичность университета как социального субъекта. Эта неразрывность процессов генерации и трансляции знания обеспечивает, по мнению С. Фуллера, «универсализацию знания как общественного блага» [13], осуществляя при этом «творческое разрушение социального капитала» [14], обеспечивая сохранность и развитие знания, делая знание доступным многим. Университет предоставляет пространство и время для взаимодействия и со-творчества студентов и профессоров, обеспечивая постижение окружающего мира и эволюцию интеллектуальной сферы, Альфред Н. Уайтхед так передает эту мысль: «Обоснованность университета состоит в том, что он сохраняет связь между знанием и радостью бытия, объединяя молодых и зрелых в творческом осмыслении образования» [15]. Цивилизация всегда испытывала потребность в социальном институте, который может объединить прошлое, настоящее и будущее, – таким и является университет.

Одним из авторов, дискутирующих на тему ответственности университета, является Жак Деррида. Он рассуждает о новой ответственности университета, основанной на «общности мысли», под которой понимаются вопросы сущности разума и основополагающих ценностей. Такая трактовка ответственности университета отсылает нас к непростой, но важной бытийной задаче, стоящей перед ним, быть и оставаться пространством непредвзятой рефлексии и свободы мысли, быть готовым к ответу на все новые вызовы будущего.

«В периоды “кризиса”, упадка или обновления, когда институция “on the blink”, зов мысли соединяет в одном и том же мгновении зов памяти, виды на будущее и – главное – верность хранителя, или стражника. Последний так верен, что хочет оставаться на страже вплоть до появления этого шанса на будущее, иначе говоря, он хранит странную ответственность за то, чем он не обладает и чего пока нет. Ни под его охраной, ни перед его взором. Возможно ли это – хранить память и сохранять шанс? Как почувствовать, что ты учтен в том, чем ты не обладаешь и чего пока нет? Но за что же другое чувствовать себя в ответе, как не за то, что нам не принадлежит? За то, что, как и будущее, всегда принадлежит другому, приходится на другого? Но возможно ли это – сохранить или устеречь шанс? Разве не о риске идет здесь речь? Не о событии падения или упадка, что может нам выпасть на дне той самой “горловины”? Не знаю. Не знаю, можно ли в одно и то же время хранить память и сохранять шанс. Мне очень хочется думать, что одну не сохранить без другого, не сохранив другого и не сохранив от другого. Все время различая их. Такая ответственность и возложена, наверное, на Университет, это его странная судьба –

нести эту двойную стражу. Быть на страже своего закона, основания и истины» [16].

Важно отметить и то, что наряду с направленной вовне онтологической ответственностью, существует и внутренняя бытийная ответственность университета, призванная гарантировать его собственную сохранность и автономию и тем самым обеспечить осуществление его миссии. С момента зарождения «университету была дарована уставная хартия, коллективные права, которые могли быть записаны, и что еще важнее, переписаны. ...Право переписывать свою хартию придавало университету устойчивости... для изменения хартии требовались люди, мастерски владевшие языком» [17. С. 247] – право меняться, сохраняя свою идентичность и автономию, является залогом жизнестойкости университета как социального института. Вот что отмечает Р. Барнетт, автор модели экологического университета: «Разумеется, университет должен быть осторожен в любых действиях, которые совершаются от его имени. Неверный шаг может привести к ситуации диктатуры сверху (собственные ключевые исследователи и интеллектуалы предстанут перед судом, где вердикт известен заранее), финансовому кризису или создать препятствия потенциальным студентам подать заявку на поступление. Всего лишь отметить эти вероятные «ловушки для слона» – значит подтвердить, что университет – «корпоративный субъект», имеющий, по крайней мере, пространство для маневра в ситуации постоянного возникновения» [9. С. 69].

Научно-технологическая ответственность университета

Научно-технологический аспект ответственности университета на современном этапе, на наш взгляд, обусловлен переходом на качественно новый уровень взаимодействия человека и природы. Эпоху, в которой деятельность человечества становится основной причиной, определяющей трансформации окружающей среды, сегодня называют термином «антропоцен» (от др.-гр. *ἄνθρωπος* – «человек» + др.-гр. *καινός* – «новый»). Этот термин впервые озвучил в 2000 г. на конференции международной программы «Геосфера – биосфера» Пауль Крутцен, нобелевский лауреат, специалист по химии атмосферы, предположив, что с момента изобретения парового двигателя в конце XVIII в. человек стал «главным фактором изменения среды» и так будет происходить «на протяжении тысячелетий» [18. Р. 23].

Сила и мощь научного знания и новых технологий являются обоюдоострыми и могут применяться человечеством как во благо, так и во вред, именно поэтому сегодня генерация и применений знаний, и инноваций требует проявления все большей ответственности. Одним из первых шагов в эту сторону можно считать Пагуошское движение ученых, у истоков которого стоят 11 выдающихся ученых: А. Эйнштейн, Ф. Жолио-Кюри, Дж. Ротблат, Б. Рассел, М. Борн, Л. Инфельд, Л. Полинг и др. Основопологающие принципы движения изложены в Манифесте Рассела–

Эйнштейна (1955 г.) и призывают к неприменению ядерной энергии в военных целях, к более явной социальной ответственности ученых: «Мы должны научиться мыслить по-новому... Перед нами лежит путь непрерывного прогресса, счастья, знания и мудрости. Изберем ли мы вместо этого смерть только потому, что не можем забыть наших ссор? Мы обращаемся как люди к людям: помните о том, что вы принадлежите к роду человеческому и забудьте обо всем остальном» [19].

Еще одной вехой стало внедрение в социальную практику NBICS-технологий, причем не просто как очередное научно-техническое совершенствование, а как качественно новый уровень цивилизационного развития – этап инновационной цивилизации, на котором уже не только природа, но и сам человек становится мишенью технологического воздействия. В этой связи сегодня обозначилась проблема сохранения человеческой природы как одна из актуальнейших глобальных проблем современности. Конвергентные технологии способны кардинально изменить человека и его мир, эти опасения нашли выражение в идее технологической сингулярности.

Университет и сегодня сохраняет статус социального института, лидирующего в генерации научного знания, хотя, безусловно, конкуренция в этой сфере растет, и все чаще исследовательскую функцию берут на себя разного рода корпоративные субъекты. Научно-технический прогресс открывает не только новые возможности, но и ведет к необходимости заранее просчитывать риски внедрения новых технологий. Это формирует новую установку исследовательской деятельности: искать возможные варианты решения и одновременно анализировать их, оценивая возможные последствия применения внедряемых технологий. Научные исследования должны ориентироваться не только на экономически выгодные запросы, но и на глобальные вызовы, стоящие перед цивилизацией, учитывать последствия внедрения инноваций, прогнозировать результаты в экологическом, социальном, политическом и иных контекстах.

Научно-технологическая ответственность университета воплощается преимущественно в реализации его исследовательской функции, обеспечивающей генерацию научного знания и наукоемких технологий. Зафиксируем парадигмальные сдвиги проблематики социальной ответственности современного этапа развития. В течение последних десятилетий сформировано множество консультативных советов и государственных учреждений, появились кодексы этики и регламенты, которые отражают реалии «посткадаемической» науки и ее нового этоса. Принципу «пассивной ответственности», которая возлагается извне, противостоит принцип «активной ответственности», согласно которому субъект действия сам сознательно принимает на себя ответственность. «Активная ответственность» инсайдеров технологии означает, что они уже в фазе технологического замысла берут в расчет его возможные вредные последствия и думают об их предотвращении, тем самым наделяя технологию социальным и моральным

измерениями, рассматривая ее с точки зрения ее приемлемости и благоприятности.

В решении такой комплексной задачи университет обладает неоспоримым, исторически сложившимся преимуществом – подлинный университет не просто дает миру желаемое, скорее это критически настроенный институт, занимающий активную экспертную позицию – он систематически исследует мир, берет на себя ответственность за открывающиеся перспективы. Риски, постоянно растущие неопределенность и непредсказуемость превращают саму ответственность в конкретную нравственную и социально-политическую задачу организации жизни человека и общества. С.Н. Жаров справедливо отмечает: «Критическое осознание новых цивилизационных перспектив возможно только в интеллектуальном универсуме университета. А для этого университетский мир должен сохранить ту автономию духа, без которой и критика, и одобрение будут всего лишь “реакцией по заказу”. Университет призван быть не только слугой, но рациональной совестью социума» [20. С. 69].

Этическая ответственность университета

Университет всегда был местом свободомыслия, интеллектуальной культуры, творческого самосознания. Его становление и бытие в культурной эволюции оценивались в самой высокой мере: университет является хранителем смыслов и транслятором знаний, местом свободной циркуляции мысли (Дж. Миль). Университет, как подчеркивал один из первых теоретиков идеи университета Дж.Г. Ньютон, не просто обучает, но образовывает студентов, «воздействуя на умственную природу и складывание характера» [21], тем самым университет служит источником духовного богатства общества. В этом главным образом и заключается этическая ответственность университета перед обществом за бытие в культуре, обеспечивается культурное развитие и тем самым – будущее человечества.

В образовательной деятельности университета формируется позиция ответственного отношения к будущему, в этом свою роль могут сыграть социально-гуманитарные технологии и более того – актуализация преобразовательной функции социогуманитарных наук. Гуманитарные технологии – очень важный инструмент устойчивого цивилизационного развития, и роль университета в их разработке бесспорна, однако внимание к исследованию социально-гуманитарных технологий и их применение в университетском образовании на данный момент недостаточно. По мнению М.Н. Эпштейна, необходима программа воссоздания преобразовательных гуманитарных наук, побуждающих к действию и обращенных в будущее. Для этого следует пересмотреть гуманистику в целом и философское образование в частности, переведя их из области текстологии (изучения текстов прошлого) в сферу созидания смыслов будущего, где целью является самосознание и самотрансформация человека, причем не только индивидуума, но и всего человечества. Гуманитарные науки, не

ограничиваясь чисто исследовательским подходом, призваны изменять то, что они изучают. Проблема в том, что, во-первых, преобразовательный потенциал гуманитарных наук еще не нашел признания в системе академических дисциплин и университетских программ, а во-вторых, гуманитарным наукам не хватает собственного практического измерения, конструктивной технологии [22. С. 19–20]. Основания данной проблемы кроются в сложности конструктивно-преобразовательного компонента гуманистики, который трансформирует социальную сферу и культуру изнутри, а не природу извне, как, например, технологический компонент в естественных науках. Творческий созидательный потенциал гуманитарных наук состоит в формировании ценностей как оснований культуры. Поэтому в гуманитарных практиках сегодня необходимо усилить ценностную компоненту, сохраняя, возрождая, актуализируя, пусть даже в идеологизированной форме, традиционные человеческие ценности чести, достоинства, ответственности и взаимопомощи. Не случайно в европейских странах, в частности, в области научной коммуникации на первый план выходят практики смыслообразования, чем, по сути, и занимаются гуманитарные дисциплины.

«Образование – это та точка, в которой мы решаем, в достаточной ли мере мы любим мир для того, чтобы принять на себя ответственность за него», – писала Ханна Арендт в своем эссе «Кризис образования» [23]. Ответственность и любовь, с точки зрения Арендт, являются неотъемлемыми этическими компонентами образовательной практики, направленными на понимание окружающей реальности и жизни во всей полноте их проявлений. Понимание, в свою очередь, помогает обучающимся синхронизироваться с миром и адаптироваться к реальности, почувствовать себя в мире как дома. Таким образом, образовательная функция университета ведет к непрерывному становлению социальной и культурной среды, культивирующей проактивное мышление, и формированию этической ответственности по отношению к миру как у самого университета, так и у обучающихся. Именно в образовательной деятельности университета происходит превращение знания в общественное благо, доступное многим, отчего само знание в долгосрочной перспективе только приращает, внося свой вклад в воплощение этической ответственности университета.

Политическая ответственность университета

Политическая составляющая ответственности университета тесно связана с проблематикой автономии университета и академической свободы: «...свобода – одно из условий ответственности, ответственность – одно из проявлений свободы, в частности как автономии» [2]. С момента основания старейших университетов мира – Болонского университета в 1088 г., Оксфордского университета в 1096 г, Парижского, Кембриджского и Саламанкского университетов в начале XIII в. – университет представлял собой корпорацию обучающихся и обучающихся и был

наделен хартией, обеспечивающей его автономию. При этом в отличие от прочих средневековых корпораций и гильдий университет представлял собой открытую социальную систему, обеспечивающую не просто производство знания, но воспроизводство мышления и взращивание мыслящего человека и тем самым создание будущего. Автономия университета в разное время определялась во взаимодействии с разными институтами, начиная с церкви в Средние века с момента основания и по сей день университет самодентифицируется по отношению к институтам власти и экономическим интересам.

Европейская ассоциация университетов, осуществляя полный сравнительный анализ европейских систем высшего образования, определяет четыре основные сферы проявления автономии, в которых у университета должно быть право принятия самостоятельных решений: организационную, финансовую, кадровую и академическую [24]. Фактически же сегодня мы не можем говорить о полной автономии университетов, поскольку университеты финансируются из государственных бюджетов, что позволяет национальным правительствам осуществлять регулирование и естественным образом накладывает ограничение на академические свободы. Рональд Барнетт так пишет о важности автономии и академической свободы для становления ответственного университета: «...университетам необходимо предоставить пространство – институциональную автономию, а их профессорам – интеллектуальное пространство – академическую свободу для выражения своего мнения» [9. С. 248]. Именно эти условия, с его точки зрения, позволяют сохранять университет как пространство критического мышления, жизненно необходимое для цивилизационного развития.

Обычно под академическими свободами понимают свободу преподавания, свободу исследований и распространения их результатов, свободу выражения мнения, свободу от институциональной цензуры и свободу участия в профессиональных академических организациях [25]. Сергей Зуев в своем докладе «Академическая свобода. От кого и от чего?» трактует академические привилегии не только как результат признания прошлых достижений, а скорее как залог осуществления будущей деятельности и осуществления миссии университета: «коллективное критическое суждение есть основа легитимности университета, академических групп и “положенных” им свобод» [26].

Важным фактором, обеспечивающим уникальность политической ответственности университета, является его уникальная «глонакальная» [27] субъектность. Университет как социальный институт укоренен одновременно в трех измерениях: глобальном, национальном и локальном. Университет тесно связан как с территорией своего присутствия, так и с государством, а знание, производимое университетом, стремится к универсальности и значимости в гло-

бальном масштабе. При этом глонакальная субъектность университета как социального института распространяется и на индивидуальные, и на коллективные действия. Постоянное соотнесение своей деятельности и удержание в поле зрения этих трех масштабов взаимовлияния и взаимодействия университета с внешним миром обуславливает его особую цивилизационную значимость.

Подводя итоги анализа аспектов проявления ответственности университета, следует отметить, что комплексно рассматриваемая проблематика ответственности, часто ассоциируемая с «третьей миссией» университета, пронизывает все виды деятельности университета, является неотъемлемым сущностным компонентом его идентичности. В «текучей современности» ответственность становится важнейшим компонентом ситуаций этического выбора между различными стратегиями развития университета. Фундаментальным обоснованием существования университета является обеспечение непрерывности академической коммуникации в его стенах. Университет, постоянно эволюционируя, в эпоху глобальных вызовов технауки, в условиях «текучей современности» переживает наиболее существенные трансформации, в частности в связи с коммодификацией знания требуется переосмысление ответственности и возможностей университета в мире. Выделение онтологической, научно-технологической, этической и политической составляющих структуры ответственности показало, что онтологическая ответственность университета заключается прежде всего в осмыслении и создании будущего человечества; научно-технологическая ответственность определяет ценностную, критическую и рациональную ориентацию исследовательской деятельности университета; этическая ответственность реализуется университетом как хранителем и транслятором знаний и смыслов в его образовательной деятельности; фактором, позволяющим обеспечивать политическую ответственность университета, является его автономия и сохранность академических свобод.

На всех этапах своего существования университет как особый социальный институт, обеспечивающий общественное благо, не может и не должен избегать ответственности. Университет неустанно ищет возможности распространения принципов социальной справедливости, трансляции культурных ценностей, генерации знаний в интересах устойчивого развития и благополучия человечества. Конкретные формы ответственности университета следует выявлять, формулируя их в виде теоретически обоснованных и практически применимых правовых и социальных методов социогуманитарной экспертизы, оценки и контроля. Университет на современном этапе обладает значимым потенциалом и силой, но, как отмечал Ганс Йонас, «ответственность является коррелятом силы» [1. С. 222], поэтому ответственность университета за будущее цивилизации велика.

Список источников

1. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М. : Айрис-пресс, 2004. 480 с.
2. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / председ. науч.-ред. совета В.С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 2010.

3. Stilgoe J., Owen R., Macnaghten P. Developing a Framework for Responsible Innovation // *Research Policy*. 2013. № 42. P. 1568–1580.
4. Nowotny H., Scott P., Gibbons M. *Re-thinking Science: Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty*. Cambridge : Polity Press, 2001.
5. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Triple Helix – University-Industry-Government Relations: A Laboratory for Knowledge Based Economic Development // *EASST Review*. 1995. Vol. 14 (1). P. 14–19.
6. Clark B.R. *Sustaining Change in Universities: Continuities in Case Studies and Concepts*. Berkshire : Society for Research into Higher Education and Open University Press, 2004.
7. Boyer E.L. *Scholarship Reconsidered: The Priorities of the Professoriate*. Carnegie Foundation for the Advancement of Teaching, 1990.
8. Goddard J., Hazelkorn E., Kempton L., Vallance P. Introduction: Why the Civic University? // J. Goddard, E. Hazelkorn, L. Kempton, P. Vallance (Eds.). *The Civic University: The Policy and Leadership Challenges*. Croydon : Edwar Elgar, 2016. P. 3–15.
9. Барнетт Р. Экологический университет. Осуществимая утопия. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2019. 304 с.
10. Kerr C. *The uses of the university*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982.
11. Осипов И.Д. Парадигма ответственности в европейской философии // *Вестник СПбГУ. Серия 17*. 2014. Вып. 2. С. 52–63.
12. Whitehead A.N. *Modes of Thought*. N.Y. : The Macmillan Co., 1938.
13. Фуллер С. В чем уникальность университетов? Обновление идеала в эпоху предпринимательства / пер. с англ. С. Филоновича // *Вопросы образования*. 2005. № 2. С. 50–76.
14. Фуллер С. Социальная эпистемология университета: как сохранить целостность знания в так называемом обществе знания // *Эпистемология и философия науки*. 2008. Т. XV, № 1. С. 158–186.
15. Whitehead A.N. *The Aims of Education and Other Essays*. N.Y. : The Macmillan Co., 1929.
16. Деррида Ж. Университет глазами его питомцев. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/6/universitet-glazami-ego-pitomczev.html>
17. Сеннет Р. *Плоть и камень. Тело и город в цивилизации Запада*. Strelka Press, 2016.
18. Crutzen P.J. *Geology of Mankind* // *Nature*. 2002. № 415. P. 23.
19. Манифест Рассела–Эйнштейна. 1955. // The Andrei Sakharov Museum. URL: <https://www.sakharov.space/lib/manifest-rassela-eynshteyna>
20. Жаров С.Н. Университет как универсум // *Вестник Воронежского государственного университета*. 2014. № 4. С. 65–70.
21. Ньюмен Дж.Г. *Идея университета*. Минск : БГУ, 2006. 208 с.
22. Эпштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.
23. Arendt H. *The Crisis in Education* // H. Arendt. *Between Past and Future*. London : Penguin, 2006. P. 170–193.
24. *University Autonomy in Europe III: The Scorecard 2017 (comparative report)*. URL: <https://eua.eu/downloads/publications/university%20autonomy%20in%20europe%20iii%20the%20scorecard%202017.pdf>
25. UNESCO Recommendation concerning the Status of Higher-Education Teaching Personnel. 1997. URL: <https://www.gdrc.org/doyourbit/113234mb.pdf>
26. Зуев С. Академическая свобода. От кого и чего? Доклад, представленный на конференции «Тенденции развития образования. Право и свобода в образовании» 17 марта 2022 г. URL: <https://www.msses.ru/upload/iblock/1be/Akademicheskaya-svoboda.-Doklad-Sergeya-Zueva.pdf>
27. Marginson S., Rhoades G. *Beyond National States, Markets, and Systems of Higher Education: A Glonacal Agency Heuristic* // *Higher Education*. 2002. Vol. 43 (3). P. 281–309.

References

1. Jonas, H. (2004) *Printsip otvetstvennosti. Opyt etiki dlya tekhnologicheskoy tsivilizatsii* [The Imperative of Responsibility: In Search of Ethics for the Technological Age]. Translated from German. Moscow: Ayris-press.
2. Stepin, V.S. (ed.) (2010) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. 2nd ed. Moscow: Mysl'.
3. Stilgoe, J., Owen, R. & Macnaghten, P. (2013) Developing a Framework for Responsible Innovation. *Research Policy*. 42. pp. 1568–1580.
4. Nowotny, H., Scott, P. & Gibbons, M. (2001) *Re-thinking Science: Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty*. Cambridge: Polity Press.
5. Etzkowitz, H. & Leydesdorff, L. (1995) The Triple Helix – University-Industry-Government Relations: A Laboratory for Knowledge Based Economic Development. *EASST Review*. 14 (1). pp. 14–19.
6. Clark, B.R. (2004) *Sustaining Change in Universities: Continuities in Case Studies and Concepts*. Berkshire: Society for Research into Higher Education and Open University Press.
7. Boyer, E.L. (1990) *Scholarship Reconsidered: The Priorities of the Professoriate*. Carnegie Foundation for the Advancement of Teaching.
8. Goddard, J. et al. (2016) Introduction: Why the Civic University? In: Goddard, J. et al. (eds) *The Civic University: The Policy and Leadership Challenges*. Croydon: Edwar Elgar. pp. 3–15.
9. Barnett, R. (2019) *Ekologicheskii universitet. Osushchestvimaya utopiya* [The Ecological University: A feasible utopia]. Translated from English by D.V. Chernikova. Tomsk: Tomsk State University.
10. Kerr, C. (1982) *The Uses of the University*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
11. Osipov, I.D. (2014) Paradigma otvetstvennosti v evropeyskoy filosofii [Responsibility Paradigm in European Philosophy]. *Vestnik SPbGU. Seriya 17*. 2. pp. 52–63.
12. Whitehead, A.N. (1938) *Modes of Thought*. N.Y.: The Macmillan Co.
13. Fuller, S. (2005) В чем уникальность университетов? Обновление идеала в эпоху предпринимательства [What is the uniqueness of universities? Renewal of the ideal in the era of entrepreneurship]. Translated from English by S. Filonovich. *Voprosy obrazovaniya*. 2. pp. 50–76.
14. Fuller, S. (2008) *Sotsial'naya epistemologiya universiteta: kak sokhranit' tselostnost' znaniya v tak nazyvaemom obshchestve znaniya* [Social epistemology of the university: how to preserve the integrity of knowledge in the so-called knowledge society]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 1 (15). pp. 158–186.
15. Whitehead, A.N. (1929) *The Aims of Education and Other Essays*. New York: The Macmillan Co.
16. Derrida, J. (2003) *Universitet glazami ego pitomcev* [University through the eyes of his pupils]. *Zhurnal'nyy zal*. 6. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/6/universitet-glazami-ego-pitomczev.html>.
17. Sennet, R. (2016) *Plot' i kamen'. Telo i gorod v tsivilizatsii Zapada* [Flash And Stone. The Body And The City In Western Civilization]. Translated from English. Moscow: Strelka Press.
18. Crutzen, P.J. (2002) *Geology of Mankind*. *Nature*. 415. p. 23.
19. The Andrei Sakharov Museum. (1955) *Manifest Rassela–Eynshteyna* [Russell-Einstein Manifesto]. [Online] Available from: <https://www.sakharov.space/lib/manifest-rassela-eynshteyna>.
20. Zharov, S.N. (2014) *Universitet kak universum* [University as a Universe]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 65–70.
21. Newman, J.H. (2006) *Ideya universiteta* [The Idea of a University]. Translated from English. Belarusian State University.
22. Epshteyn, M.N. (2016) *Ot znaniya – k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenyat' mir* [From Knowledge to Creativity. How the humanities can change the world]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
23. Arendt, H. (2006) *Between Past and Future*. London: Penguin. pp. 170–193.
24. Pruvot, E.B. & Estermann, T. (eds) (2017) *University Autonomy in Europe III: The Scorecard 2017 (comparative report)*. [Online] Available

from: <https://eua.eu/downloads/publications/university%20autonomy%20in%20europe%20iii%20the%20scorecard%202017.pdf>.

25. UNESCO. (1997) UNESCO Recommendation concerning the Status of Higher-Education Teaching Personnel. [Online] Available from: <https://www.gdrc.org/doyourbit/113234mb.pdf>.
26. Zuev, S. (2022) [Academic freedom. From whom and what?]. *Tendentsii razvitiya obrazovaniya. Pravo i svoboda v obrazovanii* [Education Development Trends. Law and Freedom in Education]. Proceedings of the Conference. Moscow. 17 March 2022. Moscow: Shaninka. The Moscow School of Social and Economic Sciences. [Online] Available from: <https://www.msses.ru/upload/iblock/1be/Akademicheskaya-svoboda.-Doklad-Sergeya-Zueva.pdf>. (In Russian).
27. Marginson, S. & Rhoades, G. (2002) Beyond National States, Markets, and Systems of Higher Education: A Glonacal Agency Heuristic. *Higher Education*. 43 (3). pp. 281–309.

Информация об авторах:

Черникова Д.В. – канд. филос. наук, зам. директора НОЦ урбанистики и регионального развития Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: chdv@mail.tsu.ru

Черникова И.В. – д-р филос. наук, зав. кафедрой философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: chernic@mail.tsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.V. Chernikova, Cand. Sci. (Philosophy), deputy director of the Center for Urban Studies and Regional Development, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chdv@mail.tsu.ru

I.V. Chernikova, Dr. Sci. (Philosophy), head of the Department of Philosophy and Methodology of Science, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chernic@mail.tsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.11.2022;
одобрена после рецензирования 20.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.*

*The article was submitted 07.11.2022;
approved after reviewing 20.11.2022; accepted for publication 30.11.2022.*

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.43
doi: 10.17223/15617793/484/21

Оценка согласованности стратегических целей трансформации университетов в проектных командах вузов

Светлана Николаевна Апенко¹, Андрей Сергеевич Латышев², Галина Зиновьевна Ефимова³

¹ Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск, Россия, ApenkoSN@omsu.ru

^{2, 3} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

² A.S.Latyshev@utmn.ru

³ G.Z.Efimova@utmn.ru

Аннотация. Рассмотрены результаты исследования, целью которого стала разработка индекса стратегической согласованности и оценка с его помощью уровня совпадения провозглашаемого видения стратегии участниками проектной команды с фактической стратегией трансформации университета. Исследование проведено методом полуструктурированного интервью 46 респондентов в классическом российском университете. Научная новизна заключается в предложении ранее несуществующего в научных исследованиях и практической деятельности такого показателя, как индекс стратегической согласованности проектных команд вузов.

Ключевые слова: управление персоналом, стратегия, согласованность стратегических целей, команды трансформации, проекты трансформации, университет, высшее образование, проектный менеджмент, роль в команде, эффективность команды

Источник финансирования: грант Российского научного фонда (проект № 22-28-20359), <https://www.rscf.ru/project/22-28-20359/>.

Для цитирования: Апенко С.Н., Латышев А.С., Ефимова Г.З. Оценка согласованности стратегических целей трансформации университетов в проектных командах вузов // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 184–193. doi: 10.17223/15617793/484/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/1

Assessment of the consistency of strategic goals of university transformation in university project teams

Svetlana N. Apenko¹, Andrey S. Latyshev², Galina Z. Efimova³

¹ Omsk State University, Omsk, Russian Federation, ApenkoSN@omsu.ru

^{2, 3} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

² A.S.Latyshev@utmn.ru

³ G.Z.Efimova@utmn.ru

Abstract. For at least the last ten years, a significant number of Russian universities have been implementing deep transformation strategies in all areas of activity. For this purpose, federal and regional projects are being developed and project teams of strategic transformation of universities are being formed. A significant factor of the effectiveness of the team and its potential for change is the consistency of the vision of the strategy by each of its participants with the strategy of transformation processes being implemented. The scientific hypothesis tested in this research article is the assumption that the consistency of the strategic vision is not always achieved and maintained in the university transformation team, which negatively affects the results of the university's transformation processes. The aim of the study is to develop a strategic consistency index and use it to assess the level of coincidence of the proclaimed vision of the strategy by the participants of the project team with the university's actual strategy of transformation. In addition, an attempt has been made to establish a link between the level of the consistency index and the success of the transformational strategy implementation through universities' transformational projects. The research methods consist, firstly, in a logical analysis when developing a consistency index, and, secondly, in a set of survey methods to identify the vision of the universities' transformation strategy. The object of data collection was a regional class Russian university, actively implementing a pool of various transformation projects in scientific, educational, managerial and other areas of activity. The research method was a structured interview, according to the authors' methodology, in which

46 respondents took part, including the management team of the university, directors of institutes, heads of departments. The main conclusions were the fixation of the differentiation of the index of consistency of strategic goals of universities' transformation among different groups of personnel who are part of project teams, as well as the establishment of a link between the level of this index with the success of projects and transformation processes. The scientific novelty lies in the proposal of such an indicator as the index of strategic compliance of project teams that did not previously exist in scientific research and practical activity. The practical significance is seen in the fact that the management staff of universities acquires the ability to establish the level of strategic coherence of goals in their transformation mandates, as well as to make decisions on optimizing the development of project mandates and increasing the effectiveness of their activities.

Keywords: HR management, strategy, consistency of strategic goals, transformation teams, transformation projects, university, higher education, project management, role in team, team effectiveness

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-20359, <https://www.rscf.ru/project/22-28-20359/>.

For citation: Apenko, S.N., Latyshev, A.S. & Efimova, G.Z. (2022) Assessment of the consistency of strategic goals of university transformation in university project teams. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 184–193. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/21

Введение

Высшие учебные заведения тесно вплетены в социально-культурную канву общества, оказывая на нее не меньшее воздействие, чем она на университеты. Система высшего образования влияет на общество «через формирование интеллектуальной элиты, через вклад в человеческий капитал нового поколения, через трансляцию системы ценностей, через расширение индивидуальных возможностей людей» [1. С. 12]. Отражая общественные тренды, вузы делают немалый вклад в их формирование. Именно поэтому перманентная реализация трансформационных процессов в учреждениях высшего образования имеет стратегический приоритет.

Высший управленческий персонал вузов определяет стратегию реализации целей трансформации в отдельно взятой организации с учетом приоритетов, установленных на уровне Правительства России и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Для воплощения стратегических целей трансформации в университетах создаются управленческие и проектные команды, ответственные за достижение конкретных результатов и выполнение нормативных показателей. Эффективность их работы во многом зависит от синхронизации и согласованности деятельности [2].

Организационная трансформация – актуальная и сложная проблема для многих университетов, требующая систематического управления. Разработка инструмента оценки готовности к преобразованиям имеет важное значение для трансформации университетов, поскольку он позволяет администраторам университетов понимать текущее состояние готовности и получать полезную информацию для планирования преобразований. От согласованности решений руководства во многом зависит устойчивое развитие университета [3, 4]. Установление и поддержание согласованности административно-управленческого персонала университета в осознании общих стратегических планов и целей организационной трансформации позволяет минимизировать возникающие проблемы. Эмпирическое исследование, проведенное на примере частных университетов Таиланда,

показало наличие восьми категорий готовности персонала вуза к организационной трансформации [5]: профиль университета, размер университета, окружающая среда, целевой рынок и основной бизнес, ресурсы, стратегическая направленность, менеджмент и культура.

Достижение стратегических целей трансформации имеет высокую значимость для развития системы высшего образования. В числе ключевых факторов достижения университетом обозначенных целей следует назвать адекватное восприятие стратегических ориентиров развития сферы высшего образования и, в частности, конкретного вуза, а также корректную интерпретацию данных целей членами команд проектов трансформации.

Согласование, с одной стороны, восприятия целей представителями команд проектов трансформации, а с другой стороны, фактических стратегических целей трансформации – фактор качественного состояния команд, эффективности их деятельности по реализации трансформационных процессов.

В подтверждение активных процессов изменений в отечественных университетах представим данные официальной статистики. В первом десятилетии XXI в. в России отмечался рост количества учреждений высшего образования (965 вузов в 2000/2001 учебном году, 1 068 в 2005/2006 учебном году, 1 115 в 2010/2011 учебном году)¹. С начала 2011/2012 учебного года по 2021/2022 учебный год число российских вузов сократилось в 1,5 раза (с 1 080 до 720 вузов)². Снижение количества организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, произошло в основном за счет частных учебных заведений. Доля государственных вузов за указанный период снизилась на 24% (с 653 до 497 вузов), а доля частных организаций показала еще более существенное сокращение – на 54% (с 462 до 213 вузов)³.

Эти и другие изменения происходили через стратегии трансформации университетской среды и академического сообщества. Как показывает практика, обозначенная тенденция будет продолжаться в долгосрочной перспективе.

Обзор литературы

Вторичный анализ публикаций по социологии, менеджменту и экономике, посвященных вопросам трансформации университетов, реализации проектов развития университетов, формированию команд трансформаций, постановке и последующему достижению стратегических целей организаций и стратегиям развития университетов, показал широкий разброс точек зрения на обозначенную проблематику.

Анализ публикаций зарубежных и российских авторов показывает, что в фокусе исследовательского интереса находятся процессы вузовских трансформаций и особенности стратегического управления в университетах. Представлены разнообразные исследования по стратегическому управлению в организациях, но крайне малочисленны исследования по командам проектов развития университетов. Вопросы стратегии, стратегического видения и восприятия стратегии применительно к проектным командам рассматриваются лишь косвенно посредством изучения следующих аспектов: взаимосвязи проектной и стратегической деятельности; требований к проектным командам; компетенций проектных команд; интеллектуального капитала, в том числе проектной команды; гибких методологий управления проектами.

Достаточно много публикаций, в которых говорится о прямой и непосредственной связи проектного и стратегического менеджмента. В работах Дж. Биндер [6], М.Х. Базерман, Д.А. Мур (7), Ч. Кобб [8], М.Э. Морейра (9), К. Рубин [10] указывается на то, что стратегия всегда реализуется посредством программ, проектов и портфелей проектов. Следовательно, в проектах важно учитывать стратегию, на достижение которой они направлены. К примеру, в исследовании А. Гибб изучается стратегия формирования предпринимательского университета посредством совокупности проектов [11]. Для нашего исследования важным положением является то, что верное восприятие стратегии и ориентация на достижение стратегии становятся фактором и признаком качественно построенной системы управления проектами. Это относится в полной мере и к стратегическим проектам трансформации университетов. В этом русле проводят своё исследование авторы Стенсакер Б., Ли Дж., Роудс Г., Гош С., Кастиелло-Гутьеррес С., Вэнс Х., Чалыкоглу А., Крамер В., Лю С., Марей М.С., О'Тул Л., Павлюткин И., Пил С., которые описывают опыт стратегического роста 78 крупнейших университетов мира [12]. Также отметим работу авторов Луома М., Рисикко Т., Эркиля П., описывающих особенности стратегического развития университетов посредством проектов [13].

Многие авторы анализируют требования к проектной команде, дают пояснения, какую команду проекта можно считать правильно организованной и эффективно функционирующей. При этом затрагиваются в числе прочих вопросы компетенций проектной команды и отдельных её участников. Так, например, С.Н. Апенько и А.С. Латышевым проведена разработка методологии и методики формирования команд проектов трансформа-

ции университетов на основе компетентностной модели [14, 15]. При этом одним из признаков успешной команды и одной из компетенций называется стратегическое мышление, стратегическое видение членов команды проекта. Продолжает данную идею А.А. Фёдорова [16], которая пишет о важности осуществления проектной деятельности в образовательных учреждениях профессионального образования и представляет обзор диагностических методик, применяемых для формирования успешной проектной команды. Непосредственно проектным командам развития университетов посвящает своё исследование Б.М. Дадабаева [17], где вновь ставится вопрос о важности функционирования проектных команд в контексте стратегии организации. У отечественных исследователей можно встретить идеи о том, что проектное управление повышает уровень компетентности сотрудников, эффективность их взаимодействия, а также стратегическую вовлеченность [18].

Коллектив отечественных авторов в составе Н.И. Архиповой, С.В. Назайкинского, О.Л. Седовой изучает влияние внедрения технологий проектного менеджмента на трансформацию организационной структуры образовательной организации [19]. Применительно к нашему исследованию и в продолжение данной идеи можно сказать, что проектное управление предопределяет появление в организационной структуре элементов, отвечающих за стратегическое развитие. При этом проектное управление ориентируется на стратегию развития организации.

Некоторые отечественные авторы, например О.А. Константинов [20], Н.С. Гулиус, М.О. Шепель, А.В. Васильев, Е.В. Медведева [21], описывают работу с проектными командами, способы их формирования, подходы к оценке эффективности деятельности. При этом имеются косвенные указания на то, что команда должна формироваться и функционировать в контексте стратегии организации. Также описываются требования к командам проектов, в числе которых называется понимание командой стратегии организации.

В качестве примера приведем исследования ролевой структуры проектной команды. Так, Р.М. Белбин [22] в проектных командах выделяет восемь ролей: председатель/координатор (chairman), оформитель/мотиватор (shaper), генератор идей (plant), критик/аналитик-стратег (monitor-evaluator), реализатор/«рабочая пчелка» (company worker), опора команды/душа компании/вдохновитель (team worker), добытчик (resource investigator), завершающий/контролер (completer). Среди перечисленных ролей имеются такие, в которых осознание стратегии организации и работа со стратегией являются приоритетными задачами. К этим ролям относятся генератор идей (plant), критик/аналитик-стратег (monitor-evaluator). И мы вновь говорим о значимости восприятия стратегии с позиций ролей и соответствующих компетенций членов проектной команды.

Имеются исследования, в которых предприняты попытки изучения проектных команд и любых коллективов организаций сквозь оптику теории интеллектуального капитала. При этом под интеллектуальным ка-

питалом понимаются «индивидуальные интеллектуальные способности, профессиональные знания и опыт (в том числе уровень образования и квалификации), уровень творческой активности и прочие характеристики процесса интеллектуальной деятельности как конкретных сотрудников, так и коллективов сотрудников данного предприятия» [23. С. 33]. В контексте нашего исследования способность правильно распознавать стратегию и использовать стратегию для принятия различных проектных решений – это также один из атрибутов интеллектуального капитала.

Особого рода человеческий капитал и интеллектуальный капитал формируются в условиях гибких методологий. Об этом пишут многие исследователи. Например, М.Л. Романова, В.Г. Савченко, Д.А. Мишков и другие авторы в своей статье к условиям качественного функционирования *scrum*-команды относят квалификацию и инновационный потенциал членов проектной команды, компетентность заказчика, зрелость проектной команды и достойную оплату труда, регламентацию процессов и готовность представителя заказчика к перманентному взаимодействию с проектной командой [24]. Зрелость проектной команды во многом определяется пониманием стратегических задач, решаемых в данном проекте. Взаимодействие с заказчиком также осуществляется в рамках определенных стратегических ориентиров. Поэтому члену гибкой команды важно обладать адекватным пониманием стратегии.

По мнению Я.Г. Прима, Н.С. Свечникова, М. Аганиязовой [25. С. 33–34], к факторам, влияющим на эффективность использования человеческого капитала команды, работающей по правилам гибкой методологии *Scrum*, относятся, наряду с другими, самоорганизация, автономность планирования работ, определение приоритетов и направлений совершенствования стратегии.

Членами зарубежного коллектива (А. Малик, Э.С. Кассим, Х. Хайруддин) оценивалось достижение поставленных показателей проекта через изучение особенностей руководства проектом, практик управления проектом, вовлечения команды и внедрения системы мониторинга проекта. Результаты их исследования, полученные на основе метода количественного опроса проектных групп, показали, что значимыми предикторами достижения результатов проекта и показателей его эффективности является согласованность целей проектной команды, а также координация и сотрудничество со стороны заинтересованных сторон [26]. Это позволяет оперативно выявить критические проблемы, связанные с достижением проекта, и свести к минимуму случаи отставания проекта.

Дж. Холмберг, У. Лундквист, М. Сванстрем, М. Арехаг исследовали стратегию, используемую для достижения изменений в направлении устойчивого развития в Chalmers University of Technology (Швеция) [27]. В результате сделан вывод о высокой связи результата проекта с сильной и четкой приверженностью со стороны управленческой команды, которая также характеризуется «движущей силой проекта “Образование в интересах устойчивого развития”» [28].

Реализация устойчивого развития и процессов стратегической трансформации университетов связывается с организационной культурой. Обозначенная взаимосвязь подтверждается на примере эмпирического исследования, проведенного в одиннадцати высших учебных заведениях Германии [29]. Также организационная культура часто упоминается в контексте управления устойчивостью в высших учебных заведениях [30].

Управлению изменениями в секторе высшего образования посвящена работа Дж. Скотта [31]. Исследователи Дж. Холмберг, В. Самуэльссон провели анализ движущих сил и препятствий для реализации устойчивого развития в сфере высшего образования [32]. Л. Янг развивает идеи трансформаций в университете и построения альянсов высших учебных заведений с бизнес-партнерами и правительством стран [33]. О развитии управления проектами и программами в области НИОК и альянсов вузов с промышленностью пишут Г. Фернандес, Е.Б. Пинту, М. Араужо, Р.Дж. Мачадо [34]. В этой и иных работах вновь подчеркивается значимость развития проектной деятельности в контексте стратегии развития университета.

Ограничение использования корпуса проведенных в России и других странах теоретико-эмпирических исследований (в том числе проанализированных нами в представленном авторском исследовании) заключается в том, что они не привязаны к специфике вузовских стратегий, проектов трансформаций университетов и их проектных команд. На основании сказанного, нами сделаны выводы по зонам роста и развитию теоретических положений: (1) отсутствуют теоретически аргументированные и эмпирически подтвержденные исследования факторов успешности трансформаций; (2) детально не изучен такой фактор, как согласованность восприятия стратегии и фактической стратегической цели университета; (3) отсутствуют развернутые пояснения и детализация конкретных действий по направлениям повышения эффективности команд проектов трансформации университетов.

Методология, материалы и методы исследования

Эмпирическое исследование проведено с использованием метода полуструктурированного интервью с 46 представителями высшего управленческого состава российского университета (региональный классический вуз, входящий в категорию опорных вузов России). Интервью проведены в марте–июне 2020 г. в очном формате (личная беседа по месту работы информанта), а также в дистанционном формате с применением сервисов видеосвязи. В выборочную совокупность вошли информанты из трех категорий: ТОП-1 (ректор, проректоры – 12 человек), ТОП-2 (деканы, директора структурных подразделений, заведующие кафедрами, лабораториями и отделами – 22 человека), ТОП-3 (начальники служб и управлений – 12 человек). Из них 27 мужчин и 19 женщин.

Цель исследования – разработать методику оценки согласованности стратегических целей трансформации университетов проектными командами вузов и с её помощью рассчитать индекс соответствия стратегических ориентиров, а именно воспринимаемых членами трансформационных команд целей и фактической стратегии проектов трансформации университетов.

Гипотезы исследования:

Значимым показателем состояния команд проектов трансформации университетов является наличие одинакового видения всеми членами команды стратегических ориентиров, разделение членами команды стратегических целей трансформации университетов. Таким показателем может стать индекс согласованности стратегических целей трансформации университетов в проектных командах вузов. Гипотезами относительно данного индекса стали следующие предположения.

1. В командах проектов трансформации не всегда наблюдается согласованность воспринимаемых и интерпретируемых стратегических целей, с одной стороны, и фактически провозглашаемых стратегических целей трансформации университетов – с другой стороны.

2. Разные группы персонала, в частности группы по уровню в иерархической организационной структуре управления, могут иметь разный уровень индекса согласованности стратегических целей трансформации университетов в проектных командах вузов.

3. Высокий уровень индекса согласованности стратегических целей определяет успешность трансформационных процессов в университете, эффективность деятельности команд проектов трансформации.

Результаты эмпирического исследования

Индекс согласованности стратегических целей трансформации университетов в проектных командах вузов показывает связь между тем, как стратегию развития университета осознают и транслируют представители управленческого состава вуза, и тем, как она раскрывается в официальных документах и заявлениях ректора. Для оценки стратегии и стратегических ориентиров информантам задан вопрос: «Какие стратегические задачи и вызовы стоят перед вашим университетом на ближайшие пять лет?». Ответы информантов сопоставляются с ответами ректора на вопросы интервью и официальными данными о стратегии, размещенными на сайте университета, которые приняты за целевое значение. Шкала индекса согласованности рассчитывается на основании суммы оценок по участникам и делится на их количество. При этом возможна следующая оценка значений индекса: 1 – видение вызовов и задач полностью совпадает или довольно близко с целевым; 0,75 – видение вызовов и задач незначительно расходится с целевым; 0,5 – видение вызовов и задач значительно расходится с целевым; 0,25 – видение вызовов и задач конфликтует с целевым; 0 – стратегическое видение отсутствует.

Индекс рассчитан в целом по всем опрошенным информантам и в разрезе трех групп управленцев, которые могут иметь разный уровень согласованности стратегического видения: (1) ТОП-менеджмент – ректор и проректора, (2) директора, деканы, заведующие кафедрами, лабораториями, (3) управленцы – начальники служб и управлений.

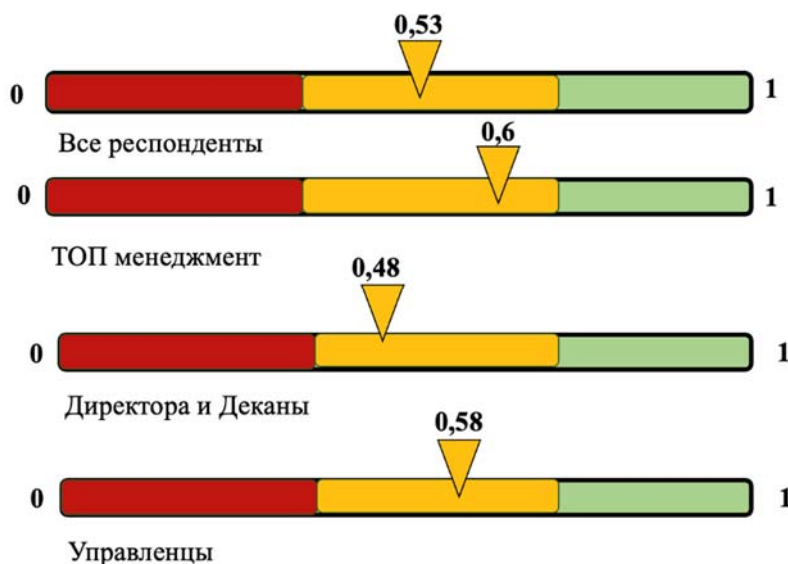

Рис. 1. Индекс согласованности стратегических целей проектов трансформации университета (составлено авторами по результатам эмпирического исследования)

Как видно по данным рис. 1, в анализируемом вузе отсутствует конфликт по целевому видению трансформации, однако индекс согласованности стратегических целей в целом по всем информантам находится на среднем уровне и говорит о том, что видение вызовов и задач в значительной степени расходится с целевым.

При этом индекс согласованности стратегических целей выше у топ-менеджеров, что является закономерным, так как именно эта группа персонала вырабатывает и транслирует стратегическое видение в различные иные группы персонала. Однако даже у топ-менеджеров индекс не достиг уровня 0,75 и выше баллов.

Сравнительно ниже остальных групп управленцев индекс согласованности у директоров институтов, деканов, заведующих кафедрами и лабораториями. Это также закономерно, так как эти управленцы не напрямую связаны с разработкой стратегического видения. Но именно по данным управленцам можно судить о том, насколько хорошо поставлена работа по формированию у сотрудников стратегического видения, адекватного официально провозглашаемой стратегической цели. Управленцы, а именно начальники служб и управлений, имеют немного выше среднего по всем группам информантов индекс стратегического соответствия, что можно объяснить близостью их деятельности к реализации официально провозглашенной стратегии.

В целом можно сделать вывод, что в анализируемом вузе индекс согласованности находится на уровне выше среднего с потенциалом на повышение. С одной стороны, это позитивный факт, говорящий о наличии достаточно высокой согласованности стратегического видения представителей команд проектов трансформации. С другой стороны, у данного вуза имеются резервы роста и повышения индекса согласованности стратегических целей. Необходимо обращать внимание на более тщательное транслирование стратегии и стратегических задач на уровень деятельности различных подразделений и различных команд проектов трансформации университета. Это можно делать посредством обсуждения стратегии, перевода стратегических целей и задач в цели и задачи проектов и подразделений, оценки ключевых показателей эффективности деятельности на основе учета стратегических целей и задач.

Если обратиться к качественному анализу полученных ответов на вопрос о том, какие вызовы и задачи стоят перед университетом на ближайшие пять лет, то можно также зафиксировать расхождения в определении стратегических ориентиров. Так, представители топ-менеджмента акцентируют на изменение статуса вуза не только в регионе, но и в стране. Они видят стратегию во взаимосвязи с вызовами внешней макросреды. Например, у этой категории персонала часто встречались ответы, в которых озвучена стратегическая значимость реагирования на внешние вызовы – глобализацию, глобальную конкуренцию за исследовательские проекты и ставку на крупные научно-исследовательские проекты, нахождение источников финансирования за пределами региона, генерацию инноваций в условиях отсутствия выраженного спроса на инновации в регионе и в стране, конкуренцию между вузами и участие университета в разных российских программах. Отмечает эта группа управленцев и внутренние вызовы, определяющие стратегию университета, но к ним относят также глобальные задачи, такие, к примеру, как переход к модели цифрового университета, определение базовой концепции развития вуза и уникального имиджа, обновление и укрепление своего статуса в регионе, развитие клиентоцентричности, формирование человеческого капитала преподавателя, который должен быть исследователем с приоритетом генерирования знаний, а не их транслирования, поиск и удержание исследователей, преподавателей-тьюторов, создание комфортной среды для сотрудников вуза.

Вторая группа респондентов (ТОП-2), в которую вошли деканы, директора институтов, заведующие кафедрами и лабораториями, связывает стратегические задачи и вызовы с операционными, текущими процессами функционирования университета. В частности, отмечается необходимость реагирования на снижение качества образования и общего культурного уровня студентов, отток лучших студентов в другие регионы, на старение персонала, разрыв между молодыми и зрелыми поколениями (возрастная яма, нет средней части возрастной когорты), неудовлетворенные запросы студентов в новых образовательных программах, недостаточность совместной деятельности с регионом, на снижение внутренней кооперации структур и подразделений. Глобальные вызовы в этой группе управленцев называются гораздо реже, к ним отнесены создание международных научных альянсов, развитие цифровой платформы университета и цифровых компетенций преподавателей, повышение готовности вуза работать в условиях неопределенности, переход к модели университета как центра притяжения талантов в регионе.

Если говорить об управленческом персонале (ТОП-3), включающем начальников служб и управлений вуза, то их ответы на вопрос о вызовах и задачах объединяют в себя как макроориентиры, отмеченные в ответах топ-менеджеров, так и более текущие, повседневные задачи вуза. К числу наиболее часто встречаемых отнесены ответы: «Не сдерживать развитие и выйти за пределы региона, на федеральный уровень. Сформировать у университета статус центра притяжения для талантливой молодежи. Определить точки роста и усилить конкурентную позицию на федеральном уровне». Главной задачей названо: «уходить от авторитарной власти, децентрализовать власть, людей, способных на равных общаться с представителями мира, должно быть больше». Также отмечаются стратегические ориентиры, связанные с формированием предпринимательских компетенций у сотрудников вуза, развитием науки, мобильностью студентов, повышением качества образования.

Обсуждение результатов исследования

С учетом существенного влияния индекса стратегического соответствия проектных команд на показатели успешности проектов трансформации университетов построена теоретическая модель взаимосвязи данных показателей. Модель базируется на гипотезе о том, что высокий индекс стратегического соответствия проектных команд повышает вероятность достижения успеха проекта посредством комплексного формирования определенных компетенций команды проекта, в числе которых наблюдаются и стратегические компетенции. Данная гипотеза зафиксирована как промежуточный результат, ее более глубокая теоретическая и практическая аргументация планируется в дальнейших исследованиях. Пока гипотезу фиксируем как промежуточный результат нашего исследования.

Схематично модель влияния индекса стратегического соответствия проектных команд на показатели успешности проектов представлена на рис. 2. Индекс стратегического соответствия входит в набор

характеристик команд проектов наряду с различными компетенциями персонала этих команд. Вместе с другими факторами индекс стратегического соответствия в совокупности с компетенциями команд

оказывают влияние на показатели успешности проектов, которые, в свою очередь, определяют успешность всех трансформационных процессов, происходящих в университете.

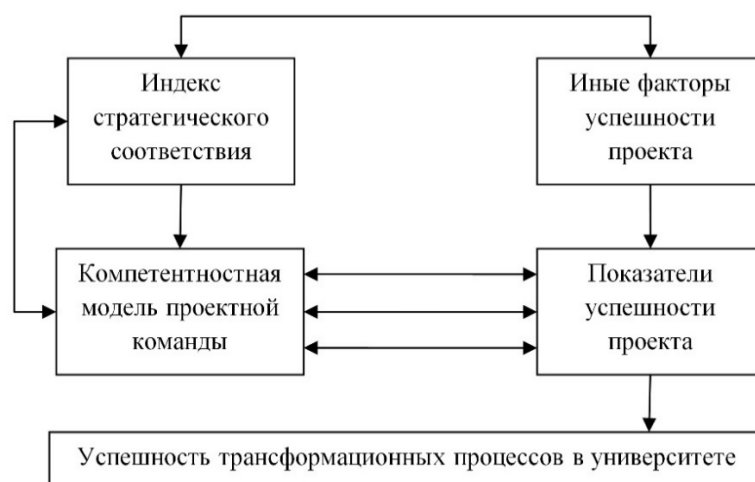

Рис. 2. Модель влияния индекса стратегического соответствия на показатели успешности проектов трансформации университета

Далее представим перечень компетенций команд проектов, которые совместно с индексом стратегического соответствия влияют на успешность проектов. Так, кроме оценки индекса согласованности стратегических целей, наше эмпирическое исследование посвящено оценке компетенций и моделированию компетентностных профилей проектных команд на примере регионального классического университета.

Нами разработана модель компетенций успешной команды изменений (трансформаций) в университетах. Модель включает следующие компетенции: ориентация на системное управление проектами изменений (80% респондентов отметили данную компетенцию); стратегическое мышление и понимание ориентиров будущего (75%), открытые коммуникации в команде и с партнерами, договороспособность (70%); формирование условий для работы команды в вертикали и горизонтали (60%); поощрение и готовность к инициативам (40%); концентрация на достижениях (25%); личная вовлеченность руководителей (25%). То есть в структуре компетенций имеется и компетенция, связанная со стратегическим видением, а также с пониманием стратегии университета.

Наряду с компетенциями, востребованными в текущий период времени, нами сформирован перечень потенциальных компетенций команды для приоритетного развития, т.е. тех компетенций, которые могут понадобиться в будущем: лоббирование интересов организации во внешней среде (70%), сознательная готовность рисковать при принятии решений, управление рисками (70%), гибкость (не шаблонность) мышления (60%), ролевое лидерство (участие в проектах в разных ролях) (40%), согласование интересов внутри организации (30%), лидерство и ответственность в управлении командой (20%).

Все названные компетенции совместно с индексом стратегического соответствия определяют эффективность и успешность проектных команд, а также всего проекта. Кроме компетенций на успешность влияют типовые модели поведения команд. На основании ответов

экспертов сформированы наиболее характерные требования к моделям поведения проектных команд:

- продуктивность, готовность к риску;
- способность управлять групповой динамикой в коллективе;
- развивать и поддерживать компетенции членов проектной группы и коллектива;
- повышать вовлеченность и контролировать моральный настрой команды и корпоративную культуру.
- единство в понимании членами проектной команды стратегических приоритетов;
- оптимизация времени на принятие и реализацию управленческих решений;
- прозрачность действий и обоснованность;
- развитая культура экспериментов;
- корректное распределение ролей в команде;
- ответственность за принимаемые решения;
- высокая мотивация членов проектной команды трансформации к деятельности за пределами рамок должностной инструкции;
- развитие человеческого капитала в компании;
- максимальная вовлеченность участников управленческой команды в реализацию проекта трансформации университета;
- обновление состава команд;
- оптимизация процесса реализации проектов;
- развитие знаний и навыков работников (обучение, коучинг проектных команд) и использование эффекта синергии;
- поддержание морально-психологического климата в проектной команде и в целом коллективе.

Как наиболее негативные характеристики поведения проектной команды трансформации университета, повышающие риск неэффективности затраченных ресурсов и недостижения поставленных целей трансформации, экспертами выделены:

– ригидность, сопротивление изменениям и стремление сохранить без изменений («заморозить») отдельный фронт работы или вуз в целом;

– низкая вовлеченность отдельных членов проектной команды в проекты университетской трансформации;

– непоследовательность в использовании мер стимулирования трудовой активности персонала и принятии кадровых решений;

– систематическое нарушение принципов организационной и корпоративной культуры.

Выявленные нами индекс стратегического соответствия, компетенции, модели поведения определяют успешность организации и реализации трансформационных процессов в университете.

Заключение

В перспективах представленного теоретико-эмпирического исследования – проблематизация, связанная с необходимостью более глубокого исследования обозначенных вопросов. Глубина исследовательских выводов обеспечивается развернутой выборочной совокупностью разных категорий работников университета. Высокий уровень достоверности проведенного исследования обеспечивается более тщательным изучением влияния индекса согласованности стратегических целей трансформации университетов в проектных командах вузов на показатели успешности проектов трансформации.

Синхронизация восприятия стратегических ориентиров развития университета всеми членами управленческой команды вуза (и особенно команд проектов трансформации) – ключевой индикатор состояния команд.

В результате эмпирического исследования подтверждены все гипотезы.

Во-первых, выявлен диссонанс в согласованности фактически провозглашаемых стратегических целей трансформации университетов и воспринимаемых и интерпретируемых стратегических целей представителями команд проектов трансформации.

Во-вторых: группы персонала (по иерархии в организационной структуре управления) имеют разный уровень индекса согласованности стратегических целей трансформации университетов в проектных командах вузов.

В-третьих, высокий уровень индекса согласованности стратегических целей определяет успешность трансформационных процессов в университете, эффективность деятельности команд проектов трансформации.

Представленные в статье теоретические положения и результаты эмпирического исследования могут стать ценным вкладом в практику формирования проектных команд трансформации университетов, которые сформированы для координации и реализации изменений в организациях высшего образования. Привлечение в проектные команды представителей из других регионов позволяет преодолеть эффект изоляции, укрепить доверие со стороны работников и снизить организационные барьеры.

Полученные результаты могут использоваться высшим управленческим составом университетов для создания проектных команд, координации их работы и оценки согласованности стратегических целей трансформации вузов.

Примечания

¹ Образование в цифрах: 2021 : краткий статистический сборник / Л.М. Гохберг, О.К. Озерова, Е.В. Саутина. М. : Высшая школа экономики, 2021. С. 51. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/516715423.pdf>

² Образование в цифрах: 2014 : краткий статистический сборник. М. : Высшая школа экономики, 2014. 80 с. (со стр. 31). URL: <https://www.hse.ru/primarydata/oc2014>; Образование в цифрах: 2017 : краткий статистический сборник / Д.Р. Бородин, Л.М. Гохберг, О.Б. Жихарева и др. М. : Высшая школа экономики, 2017. С. 29. URL: <https://www.hse.ru/data/2017/11/24/1160886583/OC%202017.PDF>; Образование в цифрах: 2019 : краткий статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, Н.В. Ковалева и др. М. : Высшая школа экономики, 2019. С. 39. URL: <https://www.hse.ru/data/2019/08/12/1483728373/oc2019.PDF>; Образование в цифрах: 2021 : краткий статистический сборник / Л.М. Гохберг, О.К. Озерова, Е.В. Саутина. М. : Высшая школа экономики, 2021. С. 51. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/516715423.pdf>

³ Образование в цифрах: 2014 : краткий статистический сборник. М. : Высшая школа экономики, 2014. С. 31. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/oc2014>; Образование в цифрах: 2017 : краткий статистический сборник / Д.Р. Бородин, Л.М. Гохберг, О.Б. Жихарева и др. М. : Высшая школа экономики, 2017. С. 29. URL: <https://www.hse.ru/data/2017/11/24/1160886583/OC%202017.PDF>; Образование в цифрах: 2019 : краткий статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, Н.В. Ковалева и др. М. : Высшая школа экономики, 2019. С. 39. URL: <https://www.hse.ru/data/2019/08/12/1483728373/oc2019.PDF>; Образование в цифрах: 2021 : краткий статистический сборник / Л.М. Гохберг, О.К. Озерова, Е.В. Саутина. М. : Высшая школа экономики, 2021. С. 51. <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/516715423.pdf>

Список источников

1. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. М., 2021. 616 с.
2. Shibanova E.Yu., Platonova D.P., Lisyutkin M.A. The 5-100 Project University Development Trends and Patterns // Russian Education & Society. 2018. Vol.60, Is. 8–9. P. 682–715. doi: 10.1080/10609393.2018.1598164
3. Ruiz-Mallén I., Heras, M. What sustainability? Higher Education Institutions' pathways to reach the Agenda 2030 goals // Sustainability (Switzerland). 2020. № 12 (4). P. 1290.
4. Stolze A., Sailer K. Advancing HEIs' third-mission through dynamic capabilities: the role of leadership and agreement on vision and goals // Journal of Technology Transfer. 2022. № 47 (2). P. 580–604.
5. Thanitbenjasith P., Areesophonpichet S., Boonprasert M. Organizational Transformation Readiness Attributes: A Development of Self-Assessment Tool for Thai Private Universities Transformational Readiness Assessment Towards Strategic Positioning // Academy of Strategic Management Journal. 2020. № 19 (3). P. 1–14.
6. Binder J. Global Project Management. Communication, Collaboration and Management Across Borders. Burlington : Gower Publishing Ltd, 2007. 284 p.
7. Bazerman M.H., Moore D.A. Judgment in Managerial Decision Making, 8th Edition. 2012. 288 p.
8. Cobb Ch.G. The Project Manager's Guide to Mastering Agile: Principles and Practices for an Adaptive Approach 1st Edition. 2015. 432 p.
9. Moreira M.E. The Agile Enterprise: Building and Running Agile Organizations. 2017. 293 p.
10. Rubin K. Essential Scrum: A Practical Guide to the Most Popular Agile Process (Addison-Wesley Signature Series (Cohn)). 2012. 496 p.

11. Gibb A. Exploring the synergistic potential in entrepreneurial university development: towards the building of a strategic framework // *Annals of Innovation & Entrepreneurship*. 2012. № 3. P. 16742. doi: 10.3402/aie.v3i0.16742
12. Stensaker B., Lee J.J., Rhoades G., Ghosh S., Castiello-Gutiérrez S., Vance H., Çalıkoğlu A., Kramer V., Liu S., Marei M.S., O'Toole L., Pavlyutkin I., Peel C. Stratified University Strategies: The Shaping of Institutional Legitimacy in a Global Perspective // *The Journal of Higher Education*. 2019. Vol. 90, Is. 4. P. 539–562. doi: 10.1080/00221546.2018.1513306
13. Luoma M., Risikko T., Erkkilä P. Strategic choices of Finnish universities in the light of general strategy frameworks // *European Journal of Higher Education*. 2016. № 6: 4. P. 343–355. doi: 10.1080/21568235.2016.1224672
14. Апенько С.Н., Латышев А.С. Формирование компетентностной модели команд проектов трансформации университетов: концепция исследования // Омские научные чтения – 2020 : материалы Четвертой Всерос. науч. конф. Омск, 2020. С. 1782–1786.
15. Апенько С.Н., Романенко М.А. Профессиональные компетенции команд проектов университетов России // *Фундаментальные исследования*. 2021. № 11. С. 21–26. doi: 10.17513/fr.43116
16. Фёдорова А.А. Проектная деятельность: аспект формирования успешной проектной команды // *Вестник Донецкого педагогического института*. 2017. № 2. С. 149–154.
17. Дадабаева Б.М. Формирование проектных команд в управлении развитием университета // *Известия Кыргызского государственного технического университета им. И. Раззакова*. 2014. № 32-2. С. 435–438.
18. Степанов А.А., Савина М.В., Степанов И.А. Принципы и особенности организации работы проектных команд в реалиях цифровой трансформации // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2021. Т. 2, № 10. С. 27–36.
19. Архипова Н.И., Назайкинский С.В., Седова О.И. Трансформация организационной структуры университетов в условиях внедрения технологий проектного менеджмента // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2017. № 2. С. 30–42.
20. Константинов О.А. Особенности формирования проектных команд и оценки эффективности их деятельности // *Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития*. 2013. № 9. С. 145–151.
21. Гулиус Н.С., Шепель М.О., Васильев А.В., Медведева Е.В. Управление организационной культурой и работа с командами // *Университетское управление: практика и анализ*. 2018. Т. 22, № 2. С. 34–44. doi: 10.15826/umpa.2018.02.014
22. Belbin R.M. Team Roles. URL: <https://www.belbin.com/about/belbin-team-roles/>
23. Лукичева Л.И., Егорычев Д.Н., Егорычева Е.В. Основы управления интеллектуальным капиталом организации. М. : МИЭТ, 2020. 164 с.
24. Романова М.Л., Савченко В.Г., Мишков Д.А., Кононенко Д.И., Бевз Е.А., Березина А.И. Условия реализации Scrum-методологии управления проектами // *Наука. Техника. Технологии (Политехнический Вестник)*. 2018. № 2. С. 315–318.
25. Прима Я.Г., Свечников Н.С., Аганиязова М. Человеческий капитал проектной команды // *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2021. № 2 (30). С. 28–36.
26. Md Ab Malik A., Kassim E.S., Hairuddin H. Factors influencing project achievement: Exploration of project leadership, project management practices, team engagement and system adoption of the university's strategic projects // *International Journal of Recent Technology and Engineering*. 2019. № 8 (1). P. 170–175.
27. Holmberg J., Lundqvist U., Svanström M., Arehag M. The university and transformation towards sustainability: The strategy used at Chalmers University of Technology // *International Journal of Sustainability in Higher Education*. 2012. № 13 (3). P. 219–231.
28. Образование в интересах устойчивого развития «Дорожная карта» // Цифровая библиотека ЮНЕСКО. 2022. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf00000380898>
29. Bauer M., Niedlich S., Rieckmann M., Bormann I., Jaeger, L. Interdependencies of culture and functions of sustainability governance at higher education institutions // *Sustainability*. 2020. № 12 (7). P. 2780. doi: 10.3390/su12072780
30. Niedlich S., Kummer B., Bauer M., Rieckmann M., Bormann I. Cultures of sustainability governance in higher education institutions: A multi-case study of dimensions and implications // *Higher Education Quarterly*. 2019. № 74 (4). P. 373–390. doi: 10.1111/hequ.12237
31. Scott G. Effective change management in higher education // *Educause Review*. 2003. № 38 (6). P. 64–80.
32. Holmberg J., Samuelsson B. Drivers and barriers for implementing sustainable development in higher education. Technical Paper. UNESCO Education Sector. Paris, 2006. 130 p.
33. Yang L. Province/Ministry-Coordinated Industry-University-Institute Cooperation and University Development: Based on the Experiences of Guangdong Province // *Chinese Education & Society*. 2016. Vol. 49, Is. 3. P. 139–151. doi: 10.1080/10611932.2016.1218252
34. Fernandes G., Pinto E.B., Araújo M., Machado R.J. The roles of a Programme and Project Management Office to support collaborative university-industry R&D // *Total Quality Management & Business Excellence*. 2020. Vol. 31, Is. 5–6. P. 583–608. doi: 10.1080/14783363.2018.1436963

References

1. Kuz'minov, Ya.I. & Yudkevich, M.M. (2021) *Universitety v Rossii: kak eto rabotaet* [Universities in Russia: how it works]. Moscow: HSE.
2. Shibanova, E.Yu., Platonova, D.P. & Lisutkin, M.A. (2018) The 5-100 Project University Development Trends and Patterns. *Russian Education & Society*. 8–9 (60). pp. 682–715. DOI: 10.1080/10609393.2018.1598164
3. Ruiz-Mallén, I. & Heras, M. (2020) What sustainability? Higher Education Institutions' pathways to reach the Agenda 2030 goals. *Sustainability (Switzerland)*. 12 (4). p. 1290.
4. Stolze, A. & Sailer, K. (2022) Advancing HEIs' third-mission through dynamic capabilities: the role of leadership and agreement on vision and goals. *Journal of Technology Transfer*. 47 (2). pp. 580–604.
5. Thanitbenjasith, P., Areesophonpichet, S. & Boonprasert, M. (2020) Organizational Transformation Readiness Attributes: A Development of Self-Assessment Tool for Thai Private Universities Transformational Readiness Assessment Towards Strategic Positioning. *Academy of Strategic Management Journal*. 19 (3). pp. 1–14.
6. Binder, J. (2007) *Global Project Management. Communication, Collaboration and Management Across Borders*. Burlington: Gower Publishing Ltd.
7. Bazerman, M.H. & Moore, D.A. (2012) *Judgment in Managerial Decision Making*. 8th ed. Wiley.
8. Cobb, Ch.G. (2015) *The Project Manager's Guide to Mastering Agile: Principles and Practices for an Adaptive Approach*. 1st ed. Wiley.
9. Moreira, M.E. (2017) *The Agile Enterprise: Building and Running Agile Organizations*. New York: Apress.
10. Rubin, K. (2012) *Essential Scrum: A Practical Guide to the Most Popular Agile Process (Addison-Wesley Signature Series (Cohn))*. Boston: Addison-Wesley Professional.
11. Gibb, A. (2012) Exploring the synergistic potential in entrepreneurial university development: towards the building of a strategic framework. *Annals of Innovation & Entrepreneurship*. 3. p. 16742. DOI: 10.3402/aie.v3i0.16742
12. Stensaker, B. et al. (2019) Stratified University Strategies: The Shaping of Institutional Legitimacy in a Global Perspective. *The Journal of Higher Education*. 4 (90). pp. 539–562. DOI: 10.1080/00221546.2018.1513306
13. Luoma, M., Risikko, T. & Erkkilä, P. (2016) Strategic choices of Finnish universities in the light of general strategy frameworks. *European Journal of Higher Education*. 6: 4. pp. 343–355. DOI: 10.1080/21568235.2016.1224672
14. Apen'ko, S.N. & Latyshev, A.S. (2020) [Formation of a competency-based model of university transformation project teams: the concept of research]. *Omskie nauchnye chteniya – 2020* [Omsk Scientific Readings – 2020]. Proceedings of the 4th All-Russian Conference. Omsk. 30 November – 5 December. Omsk: Dostoevsky Omsk State University. pp. 1782–1786. (In Russian).
15. Apen'ko, S.N. & Romanenko, M.A. (2021) Professional'nye kompetentsii komand proektov universitetov Rossii [Professional competencies of project teams of Russian universities]. *Fundamental'nye issledovaniya*. 11. pp. 21–26. DOI: 10.17513/fr.43116

16. Fedorova, A.A. (2017) Proektnaya deyatel'nost': aspekt formirovaniya uspezhnoy proektnoy komandy [Project activity: aspect of forming a successful project team]. *Vestnik Donetskogo pedagogicheskogo instituta*. 2. pp. 149–154.
17. Dadabaeva, B.M. (2014) Formirovanie proektnykh komand v upravlenii razvitiem universiteta [Formation of project teams in the management of university development]. *Izvestiya Kyrgyzskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. I. Razzakova*. 32-2. pp. 435–438.
18. Stepanov, A.A., Savina, M.V. & Stepanov, I.A. (2021) Printsipy i osobennosti organizatsii raboty proektnykh komand v realiyakh tsifrovoy transformatsii [Principles and features of organizing the work of project teams in the realities of digital transformation]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 10 (2). pp. 27–36.
19. Arkhipova, N.I., Nazaykinskiy, S.V. & Sedova, O.L. (2017) Transformatsiya organizatsionnoy struktury universitetov v usloviyakh vnedreniya tekhnologii proektnogo menedzhmenta [Transformation of the organizational structure of universities in the context of the introduction of project management technologies]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo*. 2. pp. 30–42.
20. Konstantinov, O.A. (2013) Osobennosti formirovaniya proektnykh komand i otsenki effektivnosti ikh deyatel'nosti [Features of the formation of project teams and evaluation of the effectiveness of their activities]. *Ekonomika i upravlenie v XXI veke: tendentsii razvitiya*. 9. pp. 145–151.
21. Gulius, N.S. et al. (2018) Upravlenie organizatsionnoy kul'turoy i rabota s komandami [Management of organizational culture and work with teams]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2 (22). pp. 34–44. DOI: 10.15826/umpa.2018.02.014
22. Belbin, R.M. (n.d.) *Team Roles*. [Online] Available from: <https://www.belbin.com/about/belbin-team-roles/>.
23. Lukicheva, L.I., Egorychev, D.N. & Egorycheva, E.V. (2020) *Osnovy upravleniya intellektual'nym kapitalom organizatsii* [Fundamentals of Intellectual Capital Management of the Organization]. Moscow: MIET.
24. Romanova, M.L. et al. (2018) Usloviya realizatsii Scrum-metodologii upravleniya proektami [Conditions for the implementation of the Scrum-methology of project management]. *Nauka. Tekhnika. Tekhnologii (Politehnicheskii Vestnik)*. 2. pp. 315–318.
25. Prima, Ya.G., Svechnikov, N.S. & Aganiyazova, M. (2021) Chelovecheskiy kapital proektnoy komandy [Human capital of the project team]. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*. 2 (30). pp. 28–36.
26. Malik, A.M.A., Kassim, E.S. & Hairuddin, H. (2019) Factors influencing project achievement: Exploration of project leadership, project management practices, team engagement and system adoption of the university's strategic projects. *International Journal of Recent Technology and Engineering*. 8 (1). pp. 170–175.
27. Holmberg, J. et al. (2012) The university and transformation towards sustainability: The strategy used at Chalmers University of Technology. *International Journal of Sustainability in Higher Education*. 13 (3). pp. 219–231.
28. UNESCO. (2022) *Obrazovanie v interesakh ustoychivogo razvitiya. "Dorozhnaya karta"* [Education for Sustainable Development. "Road map"]. [Online] Available from: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380898>.
29. Bauer, M. et al. (2020) Interdependencies of culture and functions of sustainability governance at higher education institutions. *Sustainability*. 12 (7). p. 2780. DOI: 10.3390/su12072780
30. Niedlich, S. et al. (2019) Cultures of sustainability governance in higher education institutions: A multi-case study of dimensions and implications. *Higher Education Quarterly*. 74 (4). pp. 373–390. DOI: 10.1111/hequ.12237
31. Scott, G. (2003) Effective change management in higher education. *Educause Review*. 38 (6). pp. 64–80.
32. Holmberg, J. & Samuelsson, B. (2006) *Drivers and barriers for implementing sustainable development in higher education. Technical Paper*. Proceedings of the Workshop. Gothenburg. 7–9 December 2005. Paris: UNESCO Education Sector.
33. Yang, L. (2016) Province/Ministry-Coordinated Industry-University-Institute Cooperation and University Development: Based on the Experiences of Guangdong Province. *Chinese Education & Society*. 3 (49). pp. 139–151. DOI: 10.1080/10611932.2016.1218252
34. Fernandes, G. et al. (2020) The roles of a Programme and Project Management Office to support collaborative university–industry R&D. *Total Quality Management & Business Excellence*. 5–6 (31). pp. 583–608. DOI: 10.1080/14783363.2018.1436963

Информация о вкладе каждого автора: С.Н. Апенко – концепция и дизайн исследования, сбор и обработка данных; А.С. Латышев – анализ полученных данных; Г.З. Ефимова – сбор и обработка данных, анализ полученных данных, написание текста статьи.

Информация об авторах:

Апенко С.Н. – д-р экон. наук, зав. кафедрой менеджмента и маркетинга Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). ORCID: 0000-0002-7618-3961. Researcher ID: D-1661-2015. E-mail: ApenkoSN@omsu.ru
Латышев А.С. – проректор, доцент кафедры менеджмента и бизнеса Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: A.S.Latyshev@utmn.ru
Г.З. Ефимова – канд. социол. наук, профессор кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). ORCID: 0000-0002-4826-2259. Researcher ID: N-8362-2016. E-mail: G.Z.Efimova@utmn.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author contributions: Svetlana Apenko conceived and designed the study, collected and processed the data; Andrey Latyshev analyzed the obtained data; Galina Efimova collected and processed the data, analyzed the obtained data, wrote the text of the article.

Information about the authors:

S.N. Apenko, Dr. Sci. (Economics), head of the Department of Management and Marketing, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). ORCID ID 0000-0002-7618-3961, Researcher ID D-1661-2015. E-mail: ApenkoSN@omsu.ru
A.S. Latyshev, vice-rector, associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: A.S.Latyshev@utmn.ru
G.Z. Efimova, Cand. Sci. (Sociology), professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). ORCID ID: 0000-0002-4826-2259, Researcher ID: N-8362-2016. E-mail: G.Z.Efimova@utmn.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.10.2022;
одобрена после рецензирования 21.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.

The article was submitted 10.10.2022;
approved after reviewing 21.11.2022; accepted for publication 30.11.2022.

Научная статья
УДК 331.1
doi: 10.17223/15617793/484/22

Капитал здоровья старшего поколения: социологические данные для оценки процессов накопления и сохранения (на примере Томской области)

Галина Анзельмовна Барышева¹, Ольга Павловна Недоспасова², Ирина Анатольевна Павлова³,
Елена Михайловна Рождественская⁴, Алексей Андреевич Барышев⁵

^{1, 3, 4}Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия

^{2, 4, 5}Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ganb@tpu.ru

²olgaeconomy@mail.ru

³iapav@mail.ru

⁴elena.rojdestvenskaya@gmail.com

⁵barishevnp@mail.ru

Аннотация. Представлен дизайн авторской методики социологического исследования, имеющего целью оценку процесса накопления и сохранения капитала здоровья старшего поколения, и результаты его проведения (N = 300, 2022) в Томской области. В результатах авторы обращают внимание на значимость субъективных оценок респондентов качества институтов, участвующих в накоплении и сохранении капитала здоровья пожилых людей в региональном социуме. Среди основных факторов, ограничивающих накопление и сохранение капитала здоровья пожилых людей, выделено, прежде всего, низкое материальное благополучие респондентов. Анализ показал, что определенным компенсаторным потенциалом по отношению к данному фактору обладает благоприятная институциональная среда в регионе (enabling environment), которая частично сглаживает остроту проблемы недостаточности у пожилых людей финансовых ресурсов.

Ключевые слова: капитал здоровья, институты, ресурсный потенциал, старшее поколение, активное долголетие

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00300, <https://rscf.ru/project/19-18-00300/>.

Для цитирования: Барышева Г.А., Недоспасова О.П., Павлова И.А., Рождественская Е.М., Барышев А.А. Капитал здоровья старшего поколения: социологические данные для оценки процессов накопления и сохранения (на примере Томской области) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 194–206. doi: 10.17223/15617793/484/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/22

The health capital of the older generation: Sociological data for assessing the processes of accumulation and preservation (on the example of Tomsk Oblast)

Galina A. Barysheva¹, Olga P. Nedospasova², Irina A. Pavlova³, Elena M. Rozhdestvenskaya⁴,
Aleksey A. Baryshev⁵

^{1, 3, 4} National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

^{2, 4, 5} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ ganb@tpu.ru

² olgaeconomy@mail.ru

³ iapav@mail.ru

⁴ elena.rojdestvenskaya@gmail.com

⁵ barishevnp@mail.ru

Abstract. The relevance of the study consists in the need to define the category of health as a multidimensional phenomenon. The question on the appropriate methods for assessing health capital in the economy of aging is open; the most common method is the Michael Grossman model, which contains some disadvantages. Studies confirm the close correlation of the processes to accumulate and preserve health capital with social capital, institutional capital, which falls out of the direct approach to assessing health capital using the demand indicator, i.e. “spending” incurred by society on “health products”. The aim of the article is to demonstrate an approach to measuring the spheres of life

to assess the health capital of the older generation based on the materials of the conducted sociological research. We used data obtained during the RSF research project aimed at assessing the processes of accumulation and preservation of the health capital of the older generation. The empirical dataset is the results of a sociological survey, Health Capital of the Older Generation, conducted in July 2022 (N=300, 55+) in Tomsk Oblast. We carried out a detailed analysis of the sociological research design, then we sorted out the subjective assessments of the respondents according to the proposed methodology and made conclusions. The results of the study are that the design of the sociological study Health Capital of the Older Generation made it possible to assess the processes of health care and health preservation from the standpoint of four areas of life and activity: (1) employment; (2) participation in social life; (3) independent, healthy and safe living; (4) opportunities and enabling environment for active longevity. We revealed that one of the main negative factors in the accumulation and preservation of health capital during older age is saving strategies caused by the low material status of the respondents. Material well-being negatively affects the ability to invest in health, but also the desire to do so (even if there are opportunities, for example, to do morning exercises). The facility of access to socio-cultural infrastructure, transport, medical and social services varies greatly in the district center and in rural areas, which negatively affects the general health of the respondents. Digital technologies have a positive effect on health, increasing the availability of social interactions and expanding the opportunities to actualize the untapped resource potential of the older generation, in particular, in the field of employment (remote work / part-time work), in the field of health (telemedicine / sports activities), in the social sphere (communication with near and far circles).

Keywords: health capital, institutions, resource potential, older generation, active longevity

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00300, <https://rscf.ru/project/19-18-00300/>

For citation: Barysheva, G.A., Nedospasova, O.P., Pavlova, I.A., Rozhdestvenskaya, E.M. & Baryshev, A.A. (2022) The health capital of the older generation: Sociological data for assessing the processes of accumulation and preservation (on the example of Tomsk Oblast). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 194–206. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/22

Введение

Последние годы стали временем лавинообразного роста внимания медиков, экономистов, представителей социальных наук к изучению здоровья как ключевого элемента человеческого капитала [1, 2]. В условиях «новой эпидемиологической нормальности», глобальных социально-экономических вызовов и шоков, исследования, посвященные сохранению здоровья, востребованы не только узким кругом специалистов, вовлеченных в специфическую предметную область. Они важны для политиков, чиновников и, конечно, граждан, возможно, впервые столь явно осознавшими масштабы рисков и личную ответственность за сохранение своего здоровья.

Современные представления о здоровье как о капитале позволяют выделить основные каналы его влияния на макроэкономическую динамику, повышение производительности труда, увеличение предложения качественной рабочей силы, развитие образования, динамику совокупных и личных расходов и сбережений, увеличение периода социально-экономической активности человека за пределами формальных границ трудоспособного возраста и т.д. [3, 4]. В экономических исследованиях хорошо известен подход М. Гроссмана, предполагающий измерение капитала здоровья и определение экономической эффективности инвестиций в здоровье как для индивида, так и для общества в целом на основе спроса на товары и услуги в сфере здравоохранения (как своеобразные «инвестиции в здоровье») [5]. Такой подход, безусловно, очень удобен для разработчиков мер социальной политики (*policymakers*): эффективность их решений о финансировании соответствующих институтов здравоохранения и здоровьесбережения мо-

гут быть обоснованы ожидаемыми результатами деятельности соответствующих учреждений. Однако анализ теоретических исследований и реальных практик в системе здравоохранения показывает, что процесс формирования капитала здоровья за счет инвестирования в те или иные ее элементы не подчиняется классическим экономическим законам [5–7]. Индивидуальные и общественные вложения в здоровье и их отдача не могут быть достоверно объяснены в терминах предельного анализа, согласно которому инвестициями в здоровье выступают в первую очередь затраты на медицинские услуги, решения о которых принимаются индивидуальными или коллективными акторами на основе рационального выбора. При принятии инвестиционных решений, касающихся здоровья, поведение человека далеко не всегда рационально. Оно складывается под влиянием множества психоэмоциональных аспектов жизни индивида и общества, их сложных комбинаций, отражает те или иные формы массового поведения и социальные нормы. Иными словами, человеческое поведение при принятии решений об инвестировании в капитал здоровья может быть обусловлено широким комплексом социально-экономических факторов.

Капитал здоровья имеет ярко выраженную двойственную природу, что существенно усложняет его количественную и стоимостную оценку («его нельзя ни купить, ни продать») [8–11]. Учитывая сказанное, авторы исследования разделяют идею о целесообразности применения к оценке процессов накопления и сохранения капитала здоровья институционального подхода. Согласно ему капитал здоровья является не только (и не столько) активом, генерирующим поток будущих доходов, сколько общественной ценностью, магистральное направление которого задается инсти-

туциональной средой, в том числе институтами, нацеленными на повышение степени реализации ресурсного потенциала пожилых людей.

Исследовательский аппарат включает: комплексные, системные методики; структурно-функциональные методы; ресурсный подход; теорию коммуникативного действия; деятельностный подход; теорию капиталов; концепции идентификации и самооценок, межинституционального взаимодействия, жизненных ценностей и стратегий, опекаемых благ; концепции, связанные с представлением о здоровье как об активе, приносящем доходы, о жизненной потребности, здоровье тела и духа, сознании, поведении, ценностях и привычках [8, 12]. Безусловно, центром институциональной системы здоровьесбережения и здоровьесохранения является институт здравоохранения. Однако сама система институтов в данной предметной области значительно шире, она включает многообразные аспекты жизни и социально-экономической деятельности человека. В этой связи накопление и сохранение капитала здоровья может рассматриваться как результат функционирования социальных институтов, доступности среды (инфраструктуры) и условий для достойного труда и качества трудовой жизни [13–16]. Тяжелый и малооплачиваемый труд, проживание в неблагоустроенном жилище, нездоровая экология и скудность социальных связей сокращают потенциал капитала здоровья старшего поколения, отрицательно сказываются на ресурсном потенциале пожилых людей и его реализации. Комфортные трудовые отношения, устойчивые социальные связи с ближним и внешним кругом, активная деятельность общественных организаций, социальная защищенность, благоприятная экологическая ситуация, здоровый образ жизни, полезные привычки, хорошее образование, высокий социальный статус, духовные и культурные потребности не только влияют на процессы накопления и сохранения капитала здоровья, но и определяют их динамику [17]. Следовательно, их необходимо включать в методики, применяемые для оценки процессов накопления и сохранения капитала здоровья.

В данном исследовании используется оригинальный подход к оценке процессов накопления и сохранения капитала здоровья граждан старшего возраста, основанный на сборе и анализе социологических данных. Авторская методика предполагает комплексное рассмотрение ключевых институциональных сфер, определяющих жизнедеятельность пожилых людей, каждая из которых особым образом участвует в накоплении и сохранении капитала здоровья старшего поколения. Предлагаемая методика хорошо согласуется с общей логикой Active Age Index¹, домены этого индекса частично скорректированы и (или) дополнены индикаторами, акцентирующими исследовательское внимание на важных гранях процесса накопления и сохранения капитала здоровья пожилых людей. **Цель** работы – представить авторский подход к проведению социологического исследования, сфокусированного на оценку процессов накопления и сохранения капитала здоровья

старшего поколения, описать результаты его проведения и обосновать целесообразность применения предложенной методики для корректной оценки изучаемого явления по основным институциональным сферам ресурсного потенциала пожилых людей.

Материалы и методы

В представленной работе используются данные, собранные для выполнения исследовательского проекта по изучению процессов накопления и сохранения капитала здоровья старшего поколения. Эмпирической базой выступают результаты социологического опроса «Капитал здоровья старшего поколения», проведенного в июле 2022 г. (N=300, 55+) на территории Томской области. Цель опроса – продолжение мониторинга благополучия пожилых людей в регионе с акцентом на выявление проблем в накоплении и сохранении капитала здоровья, ограничивающих реализацию ресурсного потенциала старшего поколения. В целом мониторинг благополучия пожилых людей в Томской области проводится Международной научно-образовательной лабораторией технологий улучшения благополучия пожилых людей Томского политехнического университета (далее – Лаборатория) ежегодно, начиная с 2014 г. Каждый год исследования фокусируются на определенной «проблемной зоне» благополучия граждан предпенсионного и пенсионного возраста (одиночество, качество жизни, удовлетворенность институтами социальной сферы и др.) [12]. В 2019 г. в опросе участвовало 450 респондентов в возрасте 50+, в 2020 – 600 человек аналогичного возраста, 2021 – 400 граждан старше 55 лет².

Для формирования выборки исследователи опирались на данные Федеральной службы государственной статистики, согласно которым в 2021 г. в Томской области проживало 286 296 граждан предпенсионного и пенсионного возраста (26,7%³ от общей численности населения региона). Для выявления различий во мнениях граждан старшего возраста по вопросам, связанным с накоплением и сохранением капитала здоровья и анализа особенностей здоровьесберегающего поведения, респонденты были разбиты на 3 возрастные группы: «собственно пожилые люди» (55–64 года), «старые» (65–74 года), «престарелые» (75 лет и старше). Для корректного определения параметров выборки по районам Томской области исследователи опирались на актуальные официальные данные Федеральной службы государственной статистики⁴.

Метод исследования – стандартизованное face-to-face интервью было проведено сотрудниками ИЦ Контекст после снятия эпидемиологических ограничений с использованием планшетов (мобильное приложение survey-studio.com). В **квотную** **выборку** вошли 300 человек (жители Томской области в возрасте 55 лет и старше). Территориально выборка воспроизводила опросы, проведенные в 2015 и 2021 гг., что дало исследователям возможность

сопоставить и проанализировать результаты опросов разных лет в динамике. Использовались квоты по географическому (55% – г. Томск, 20% – города области, 25% – сельская местность) и демографиче-

скому признакам (39% – мужчины, 61% – женщины), по возрастным группам (в соответствии с генеральной совокупности по Томской области (таблица)).

Таблица

Пожилые люди в общей численности населения Томской области по полу и возрасту на 1 января 2021 года (генеральная совокупность), человек

Возрастные группы по выборке	Городское население		Сельское население		Население всего		Итого по группам	Доля граждан в возрасте 55+ в выборке, %	Доля граждан в возрасте 55+ в структуре населения, %
	М	Ж	М	Ж	М	Ж			
«Собственно пожилые люди» (55-64 года)	37659	50876	21073	25144	58732	76020	134752	47%	12,6%
«Старые» (65-74 года)	24261	43686	13573	19391	37834	63077	100911	35%	9,4%
«Престарелые» (75 лет и старше)	9844	25798	4135	10856	13979	36654	50633	18%	4,7%
ИТОГО	71764	120360	38781	55391	110545	175751	286296	100%	26,7%
Всего, население Томской области	357667	413875	144302	154495	501969	568370	1070339		100%

Анкета состояла из 66 вопросов, охватывающих ключевые для реализации ресурсного потенциал старшего поколения сферы: социальные настроения и связи, занятость, благосостояние, взаимодействие с медицинскими учреждениями и организациями социальной сферы, цифровые практики пожилых [12]. **Гипотезой** исследования является предположение о влиянии институтов реализации ресурсного потенциала пожилых людей (в том числе их комбинаций) на субъективные оценки динамики накопления и сохранения старшим поколением капитала здоровья.

Дизайн социологического исследования «Капитал здоровья старшего поколения»

Дизайн социологического исследования «Капитал здоровья старшего поколения» опирался на методологию, заложенную в основу Active Aging Index (AAI), известного в России как индекс активного долголетия. Данный индекс показывает, в какой степени общество использует возможности пожилых людей вносить вклад в экономическую и социальные сферы и насколько благоприятна для этого окружающая среда⁵. Основные домены AAI: занятость; участие в социальной жизни; независимое, здоровое и безопасное проживание; возможности и благоприятная среда для активного долголетия. Исходя из заявленной цели исследования, уточнения и дополнения к общепринятому для AAI дизайну были сделаны в тех аспектах его основных доменов, которые наиболее близки к проблематике сохранения и накопления пожилыми людьми капитала здоровья (рис. 1).

Анализ методологии AAI позволил выявить ее «слабые места» с точки зрения достижения целей описываемого исследования, благодаря чему было решено дополнить и (или) скорректировать базовые индикаторы AAI для более полного и подробного измерения с их помощью влияния институтов каждого домена на

сохранение и накопление капитала здоровья старшего поколения.

Поясним основные характеристики авторского подхода и его отличия от методологии AAI.

1. По домену «Занятость», в отличие от показателя AAI, проведенное социологическое исследование более подробно представляет индикаторы, включая не только долю занятых в определенной возрастной группе, но и занятость по видам экономической деятельности, включая официальную и неофициальную занятость. Кроме того, рассматривается занятость в контексте основной и дополнительной работы, отдельно измеряется индикатор изменения данной сферы занятости после выхода на пенсию.

2. По домену «Участие в социальной жизни» в социологическом исследовании, как и в AAI, измеряется межпоколенное социальное взаимодействие с позиции ухода силами старшего поколения за младшим поколением и за старшим поколением. Измеряется социальное взаимодействие по ближнему кругу и дальнему кругу, разделяются направления «от старшего поколения» и «к старшему поколению». Такая оценка дает более комплексное и систематическое представление об участии старшего поколения в социальной жизни. Волонтерская деятельность рассматривается по направлениям оказываемой социальной заботы на безвозмездной основе. Вопрос политической активности включается в исследование 2022 г. с позиции доверия государственным и общественным организациям в целом. Это обусловлено тем, что по результатам исследования 2019 г. доля участия в активных политических мероприятиях (митинги, акции) составила менее 3%. В анкете остался также вопрос об активном участии в политических мероприятиях в течение последних 12 месяцев в общем, включая все их виды без учета политической направленности. Этот вопрос не является актуальным для старшей возрастной группы, особенно 70+ и старше.

Рис. 1. ААИ как основа формирования методологии для социологического опроса «Капитал здоровья старшего поколения»
Примечание: Черным шрифтом на рисунке показаны индикаторы ААИ по каждому домену. Синим курсивом выделены индикаторы, использованные для аналогичных доменов в авторском социологическом исследовании.

3. По домену «Независимое, здоровое и безопасное проживание» индикаторы перекликаются. Но есть отличия в подходах к измерению. Во-первых, доступность медицинской помощи в социологическом исследовании заменена индикатором удовлетворенности медицинским обслуживанием с разделением на платные и бесплатные услуги, кроме того, отдельно измеряется переменная – телемедицинской помощи.

Во-вторых, материальное благополучие оценивается более подробно и включает такие индикаторы, как удовлетворенность материальным достатком, источники основного и дополнительного дохода, уровень материального дохода в интервалах: ниже 7 тыс. руб., от 7 до 20 тыс. руб., от 21 до 29 тыс. руб., от 30 до 51 тыс. руб., от 52 до 80 тыс. руб., от 81 тыс. руб. и больше.

В-третьих, в ААИ оценивается один индикатор – медианный доход 65+, но к нему берутся косвенные индикаторы риски бедности 65+ и риски тяжелого материального положения 65+. В социологическом исследовании отдельно индикаторы рисков не рассматриваются, но косвенно возможно провести сопоставление, соотнеся группы с доходами в интервале ниже 7 тыс. руб. в месяц и низкой удовлетворенностью материальным достатком. Степень тяжелого материального положения в социологическом исследовании измеряется косвенными показателями – наличием дополнительных нетрудовых доходов или их отсутствием; «вынужденным» характером трудовой занятости; удовлетворенностью качеством питания; потребительскими возможностями и экологичностью окружающей среды;

доступностью социальных услуг, включая транспортные, медицинские, почтовые, спортивные, рекреационные услуги. В остальном можно найти соответствие индикаторов.

Индикаторы независимости условий проживания сопоставимы, в социологическом исследовании также измеряется доля проживающих отдельно (с супругом/супругой) или с родственниками по возрастам. Индикатор физической безопасности не измеряется другими переменными, в ААИ берется доля тех, кто не боится выходить поздно вечером из дома в своем районе, в социологическом исследовании измеряется ощущение будущего.

Измерение индикатора непрерывного образования несколько отличается: в ААИ измеряется доля тех, кто начал образовательные программы в последние 4 месяца; в социологическом исследовании измеряется доля тех, кто хотел бы научиться новым навыкам в ближайшее время и испытывает в этом потребность. В социологическом исследовании отдельно измеряется индикатор по использованию земельных участков и ведению подсобного хозяйства, не предусмотренный ни в одном домене ААИ. Тем не менее это может быть косвенным показателем финансовой устойчивости и материальных трудностей. Кроме того, в социологическом исследовании предлагается рассматривать субъективные оценки здоровья в сравнении со здоровьем сверстников и в аспекте образа жизни, что не предусмотрено в ААИ. Между тем здоровье характеризуется состоянием физического и социального благополучия, а не только отсутствием болезней [18. С. 30–31; 19–21].

4. По домену «Возможности и благоприятная среда для активного долголетия» индикаторы совпадают по большей части, однако есть различие по некоторым. Так, например, в методике ААИ предполагается оценка продолжительности жизни и доли продолжительности здоровой жизни, в социологическом исследовании берется субъективная оценка здоровья и рассчитывается доля лиц с хроническими заболеваниями (по группам) и/или инвалидностью. Индикатор ментального благополучия оценивается долей тех, кто позитивно смотрит в будущее, в ААИ берется несколько иная переменная – индекс позитивно настроенных людей. Индикатор развития цифровых навыков в социологическом исследовании представлен шире, чем «доля владеющих некими “новыми навыками”», а именно: дана детализация по направлению использования цифровых технологий для досуга, общения или работы (в том числе удаленной). Индикатор социальной вовлеченности сопоставим и измеряется частотой социальных взаимодействий с родственниками, друзьями или коллегами. В социологическом исследовании оценивается также степень удовлетворенности социальными взаимодействиями и потребности в общении. Индикатор уровня образования сопоставим. Отличительной особенностью социологического исследования РНФ 2022 г. является включение индикаторов не реализованных потребностей и субъективные оценки изменения возможностей внешней среды. В методологии ААИ такие индикаторы не отражены, что обусловлено изменением внешних факторов.

Результаты – субъективные оценки капитала здоровья старшего поколения (на примере Томской области)

Рассмотрим основные результаты, полученные в ходе проведения социологического исследования «Капитал здоровья старшего поколения», проведенного в июле 2022 г. (N = 300, 55+) на территории Томской области. Представим характеристику процесса накопления и сохранения капитала здоровья по четырем сферам жизни и деятельности старшего поколения в разрезе основных доменов: (1) занятость; (2) участие в социальной жизни; (3) независимое, здоровое и безопасное проживание; (4) возможности и благоприятная среда для активного долголетия.

Характеристика домена «Занятость». В 2022 г. 111 человек выбрали вариант «работающий», что составляет 37%. Отметим, что в текущем замере выборка была сокращена с 400 до 300 человек. В 2021 г. работающими себя называли 142 человека (36%), в 2015 – 130 человек (33%). Таким образом, ситуация с уровнем занятости людей в возрасте 55 лет и старше практически не изменилась. 85% респондентов при этом указали, что являются пенсионерами (в вопросе можно было выбрать все подходящие варианты), 68 человек выбрали сразу два варианта ответа – работающий пенсионер (это составляет 23% от выборки в целом, 57% от числа работающих, 27% от числа пенсионеров). Среди опрошенных больше работающих мужчин (47%

против 29% у женщин, тогда как в 2021 г. – 40% работающих мужчин против 33% женщин) – что объясняется возрастом респондентов: опрос осуществлялся от 55 лет – от возраста, когда мужчины еще продолжают работать. Так, в возрасте 55–59 лет работают две трети (67%, в 2021 – 69%), а после 75 лет – 9% (в 2021 г. таких было 2%).

Уровень занятости среди пожилых людей в Томске достигает 41%, а в других населенных пунктах – лишь 28% (в сельской местности и в Томске динамики нет, тогда как в малых городах Томской области наблюдается снижение показателя на 5 п.п., до 28%).

Тем, кто работает (в 2022 г. подвыборка = 111 чел.), задавался дополнительный вопрос: «Если Вы работаете, то, прежде всего, почему?». Год назад наблюдалось снижение выбора варианта «по привычке». Мы объясняли это тем, что пенсионная реформа 2018 г. ввела ограничения на занятость пенсионерам с целью сохранения льгот. Однако в текущем замере значимость этой причины вернулась на прежний уровень (25%). Значительно вырос пункт «работаю, чтобы помочь людям» (17%, +13 п.п.). В целом подавляющее большинство работающих пожилых людей по-прежнему выбирают вариант «из-за денег» (77%, тогда как в 2021 г. таких было 82%, а в 2015 г. – 86%).

Наличием работы/подработки, напротив, в большей степени удовлетворены представители младших возрастных групп (31% в группе 55–64 года и 43% в 60–64 года, против 16% в группе 65–69 лет и 4–9% в группе 70 лет и старше). Поиск подработки актуален для 5% опрошенных (–3–4 п.п. к предыдущим замерам).

С точки зрения формы занятости каждый второй опрошенный работает официально по найму полный рабочий день (52%), в предыдущих замерах доля таких респондентов составляла 73–78%. Однако шкала измерения была иной (как видно из мини-графика, ранее не уточнялось, официальная ли занятость у респондентов, вариантов ответа было предложено меньше), чем, вероятно, объясняется столь заметная разница в ответах.

16% опрошенных работают официально по гибкому расписанию, 9% – официально по найму неполный рабочий день (в 2021 г. о неполной занятости заявили 12% опрошенных, а в 2015 г. – 21%), 14% опрошенных работают неофициально (зарплата «в конвертах»).

Сезонная занятость составляет 1% (динамики нет). Каждый десятый из работающих – самозанятый (10%), еще 3% – предприниматели.

Работающие респонденты чаще оказывались специалистами (43%), рабочими (29%) и служащими (20%). Руководящие должности занимает 3% опрошенных, собственное дело есть у 6% опрошенных.

В 2022 г. по сравнению с предыдущими замерами заметно выросла готовность работать, даже при условии наличия достаточных денежных средств (51% против 24% в 2021 г. и 37% в 2015 г.).

Среди неработающих пенсионеров более половины опрошенных не испытывают потребности в оплачиваемой трудовой деятельности (67% при суммировании ответов «не испытываю» и «скорее нет, чем да»). Пре-

имущественно это опрошенные из старших возрастных групп (93% при суммировании ответов «не испытываю» и «скорее нет, чем да» в категории 75 лет и старше, 81% – в категории 70–74 года).

Характеристика домена «Участие в социальной жизни». С позиции рейтинга значимых для жизни характеристик (ценностных ориентаций) по сравнению с прошлыми волнами мониторинга, на первое место вернулась ценность заботы о благополучии родных и близких людей (76%, –6 п.п.). Вероятно, это свидетельствует о снижении беспокойства о собственном здоровье на фоне угасания пандемии – в результате ценность здоровья оказалась на втором месте (72%, –12 п.п.).

В целом по большинству оцениваемых показателей выявлено снижение их значимости. После пандемии наблюдается рост важности по таким ценностям, как активная жизненная позиция (14%, +7 п.п.), общение (32%, +3 п.п.) и забота государства о пожилых людях (30%, +1 п.п.). Женщины чаще отмечали важность ценности благополучия родных (80% против 68% у мужчин) и активной жизненной позиции (18% против 8% у мужчин).

Ценность заботы государства о пожилых явно с возрастом увеличивается (41% в категории 75 лет и старше против 32–36% в средних возрастных группах и 17% в группе 60–64 года). При этом у лиц предпенсионного или начального пенсионного возраста запрос на поддержку государства также есть – 26%. В этой группе выше, чем в других, ценность материального благополучия (до 51%) и интересной работы (30%).

В сельской местности важность благополучия родных осознается острее, чем в городах (89% в селах Томской области против 66% в малых городах и 73% в Томске).

В целом ситуация с семейно-брачным статусом изменилась незначительно. Обращает на себя внимание факт перераспределения доли граждан с зарегистрированным браком (с 50% в 2021 г. до 42% в 2021 г.) в группу разведенных лиц (с 12 до 19%) и вдовствующих (с 26 до 29%). Подавляющее большинство мужчин состоит в зарегистрированном браке (60%), а среди женщин эта группа составляет лишь 33%. Скорее всего, этот факт объясняется преобладанием женщин более старшего возраста, в котором, как известно, гендерная структура сильно смещена в сторону женщин (в силу низкой продолжительности жизни у мужчин), увеличивая долю вдовствующих (до 39%).

Традиционно отношения с близкими людьми подавляющим большинством опрошенных оцениваются положительно (87%, –1 п.п. к результатам 2021 г.), 11% оценили их как нейтральные (+3 п.п.) и 2% – отрицательно (+1 п.п.). Выявлено, что женщины более позитивно оценивают отношения с родными (88% против 83% у мужчин).

В сельской местности заметно чаще указывали на положительные взаимоотношения (93% против 84–85% в городах).

Потребность в общении занимает в пожилом возрасте лидирующие позиции, наравне с заботой о здоровье. Если ранее вопрос был общим: «Как часто Вы

общаетесь с родными (знакомыми), используя различные формы общения?», то в этой волне мониторинга были разведены две референтные группы: родственники и друзья.

Рассмотрим различные формы общения с этими группами: личные встречи; общение по телефону; общение в социальных сетях (посредством интернета); общение в клубах по интересам (группах здоровья и пр.).

Чаще общение с родными происходит по телефону: 61% опрошенных выбрали вариант ответа «каждый день», еще 27% – «раз в неделю и чаще». Личные встречи также достаточно частые: 31% опрошенных указали, что встречаются с родственниками каждый день, 34% – раз в неделю и чаще. В социальных сетях общение с родственниками, скорее, не поддерживается: 36% указали, что никогда не используют социальные сети для родственного общения. Тем не менее 27% опрошенных делают это каждый день, еще 14% – раз в неделю и чаще.

Структура общения со знакомыми – ожидаемая. Телефонное общение и личные встречи происходят заметно реже. Ежедневно общается со знакомыми по телефону каждый третий (32%), раз в неделю и чаще – 38%. 18% респондентов указали, что видятся со знакомыми реже, чем раз в месяц. Клубы по интересам востребованы слабо: респонденты указывали, что «в их населенном пункте нет таких» (28%) или «никогда их не посещают» (48%).

Исследование подтвердило, что жители сельской местности реже используют социальные сети для общения с родственниками: 17% опрошенных выбрали вариант ответа «нет соцсетей» и 32% «никогда не использую соцсети», тогда как в Томске только 4% указали, что в соцсетях не зарегистрированы, а 42% отметили, что не пользуются ими для общения с родственниками.

Возрастные различия респондентов ярко проявились в оценке общения в социальных сетях – чем старше возраст, тем ниже уровень взаимодействия: в возрастной категории 70 лет и старше вариант ответа «ежедневно» общаюсь в соцсетях с родственниками выбрали 14–18% опрошенных, в группе 60–69 лет – 26–32%, а в группе 55–59 лет – 36%. Похожая картина наблюдается при общении с друзьями.

Характеристика домена «Независимое, здоровое и безопасное проживание». 88% опрошенных в той или иной степени довольны своей жизнью (при суммировании ответов «полностью» и «скорее доволен»). Отношениями с близкими полностью довольны 69% респондентов, с друзьями – 57%. Наибольшая удовлетворенность материальными аспектами отмечается в отношении жилищных условий (54%), досуга (47%) и качества питания (41%). Заметно ниже уровень удовлетворенности работой – 22% «полностью довольны», еще ниже показатели в отношении здоровья – 19% и материального достатка – 17% опрошенных полностью удовлетворены этой стороной своей жизни.

В оценке условий жизни выявлена незначительная положительная динамика – 9% отметили, что жизнь

улучшилась значительно (+4 п.п.), еще 20% – что стали жить лучше, но ненамного (+4 п.п.).

Доля тех, кто не заметил изменений, осталась, как и в прошлом году – 39%. Соответственно, в группах, зафиксировавших негативные изменения, мы видим сокращение процентов: 23% указали, что кое-что стало хуже (–5 п.п. к результатам 2021 г.), 8% опрошенных выбрали вариант ответа «значительно ухудшилось» (–1 п.п.). Значимой половозрастной разницы в ответах респондентов не обнаружено.

Улучшение своей жизни чаще отмечали жители сельской местности (33% против 23–29% в городах Томской области) и указывали на неизменность условий жизни (49% против 35% в городах). Интересно, что здоровьем полностью удовлетворены в одинаковой мере как «молодые», так и самые возрастные лица (по 23%).

Уровень удовлетворенности жизнью в целом примерно равен во всех возрастных группах (45–56%).

Наиболее востребованной мерой поддержки пожилых людей остается существенное повышение пенсии (32%). Однако значимость этого пункта на 11 п.п. ниже, чем год назад (что косвенно указывает на удовлетворенность части пенсионеров достигнутым в последние годы пенсией). На втором месте вновь предложение контролировать цены на продукты первой необходимости, что стало заметно актуальнее в 2022 г. (27%, +4 п.п.). Соответственно, актуализировалась тема контроля над ценами на лекарства (18%, +10 п.п., год назад это решение замыкало список). При этом значимость такого решения, как изменения на уровне законодательства положения пенсионеров, уже менее востребовано, чем год назад (10%, –5 п.п.). Бесплатная медицинская помощь в качестве решения традиционно предлагается каждому десятому респонденту (8–11%, –3 п.п.).

Тот факт, что значимость повышения пенсии в рейтинге упала, – заслуга старших возрастных групп. Лица старше 70 лет лишь в 14–16% случаев видят в этом необходимость (пенсии к этому возрасту становятся выше). В младших группах это проблема является самой острой: 43–45% в возрасте 55–64 года советуют это предпринять для улучшения их положения. Для старших возрастов видится более важным усиливать контроль со стороны государства за ценами на продукты и лекарства (по 30%).

Жители Томска чаще отмечали необходимость существенного повышения пенсии (38% против 32% в малых городах и 21% в сельской местности). Опрошенные в сельской местности Томской области чаще говорили о необходимости контролировать цены на продукты питания первой необходимости (38% против 21–26% в городах).

Первоочередная цель опрошенных – отдохнуть, поговорить с родственниками (45% против 53% в 2021 г. и 62% в 2015 г.). На втором месте возрастная проблема и стремление подлечиться (42%, – 11 п.п. к предыдущим замерам), а также и желание привести в порядок жилье (41% против 38% в 2021 г. и 31% в 2015 г.).

Повышенное внимание к обустройству своего жилья, ремонту, вероятно, связано с ростом инфляции и

опасениями «не успеть» сделать ремонт до критического повышения цен на строительные материалы. Снижение актуальности решения проблем со здоровьем объясняется, вероятно, повышением доступности медицинских учреждений после снятия ковидных ограничений. Однако для понимания истинных причин динамики показателей целесообразно, на наш взгляд, проведение регулярных качественных исследований.

Чаще о потребности «привести в порядок жилье» говорили те, у кого денег не хватает даже на питание (57%). Так или иначе, эта потребность характерна скорее для лиц с доходом ниже среднего.

Высокодоходные респонденты в большей степени ориентированы на отдых (53–54% против 17% в низкодоходной аудитории).

63% опрошенных оценивают состояние своего здоровья, как среднее (значимой динамики не выявлено). В целом прослеживается позитивная динамика: стали чаще оценивать свое здоровье на «хорошо» (+5 п.п. к результатам 2021 г.) и «очень хорошо» (+2 п.п. к результатам 2021 г.), и реже – «плохо» (–5 п.п. к результатам 2021 г.). 36% опрошенных в возрасте 55–59 лет против 19% в возрастной группе 60–69 лет и 13% в категории 75 лет и старше выбрали вариант «хорошее» здоровье.

Рейтинг хронических заболеваний впервые изменился по сравнению с предыдущими замерами.

На первом месте традиционно были сердечно-сосудистые заболевания (52% против 57% в 2015 г.). Отрицательная динамика продолжилась – на это заболевание в 2022 г. указали 47% (–5 п.п.). Этот комплекс заболеваний «опережают» теперь сразу две группы: опорно-двигательные (57%, +11 п.п.) и невралгические (51%, +16 п.п.). На одну позицию в рейтинге поднялся и комплекс заболеваний желудочно-кишечного тракта (35%, +6 п.п.), а эндокринологические заболевания опустились на пятую позицию (24%, –4 п.п.), которую теперь делят еще с двумя вариантами – бронхолегочные проблемы (24%, +4 п.п. к результатам 2021 г.) и урологические (гинекологические) (24%, +6 п.п.). С возрастом сердечно-сосудистые и невралгические болезни обостряются. В отношении других заболеваний такой закономерности не выявлено.

Респондентам предлагалось порассуждать на тему сохранения здоровья: «Есть такое понятие “инвестиции в здоровье” – это усилия, направленные на сохранение здоровья. Давайте поговорим о Вашем вкладе в здоровье. Какая позиция Вам ближе?». В итоге мнения разделились на две большие подгруппы: тех, кто всю жизнь (или недавно) вкладывает силы и средства в свое здоровье (41%), и тех, кто по разным причинам этого не делает (48%). Во второй подгруппе больше респондентов, в принципе не планирующих этого делать: либо не видят смысла (19%), либо нет средств или сил (11%). Среди женщин немногим больше тех, кто утверждает, что всю жизнь вкладывает в свое здоровье (22% против 17% у мужчин), и вдвое больше тех, кто планирует делать это в будущем (22% против 10% у мужчин). Мужчины чаще не видят смысла в таких инвестициях (24% против 16% у мужчин). Самая большая доля

тех, кто осознанно вкладывался в здоровье всю жизнь, – среди самой старшей группы, 75 лет и старше (25%). Кроме того, почтенный возраст – не помеха планировать такое поведение и на будущее (20%). Больше всего «нигилистов» – в возрасте 70–74 года (36% из них не видят смысла в усилиях по сохранению здоровья). В селах вдвое меньше тех, кто вкладывался в здоровье на протяжении всей жизни (11% против 23–24% в городах). Здесь больше тех, кто не видит в этом смысла (23% против 11% в малых городах и 19% в Томске). Чем выше материальное положение, тем выше ориентация на постоянное поддержание здоровья путем инвестиций средств и сил. Среди тех респондентов, кому приходится экономить, чаще выбирают варианты «не планирую, так как нет смысла» и «нет средств или сил».

Характеристика домена «Возможности и благоприятная среда для активного долголетия». Наблюдается значительная динамика в рейтинге проблем. Изменения во многом связаны с добавлением в список для зачитывания двух пунктов: пенсионное обеспечение (54%) и состояние здоровья (54%). Именно эти проблемы попали в текущем замере в тройку лидеров наряду с традиционной проблемой № 1 – медицинским обслуживанием. Уровень проблемности медицинской сферы явно снизился (до 54%, –18 п.п. по сравнению с пандемийным 2021 г.; –8 п.п. – по сравнению с 2015 г.).

Учитывая инструкцию к вопросу (выбрать не более 4-х вариантов) и добавление в список сразу двух явно проблемных пунктов (пенсия + здоровье), становится объяснимым «падение» значимости остальных сфер – пенсия, медицина и здоровье, одновременно выбранных большинством опрошенных, что снизило процент выбора оставшихся пунктов. Ряд проблем более остро рефлексировались опрошенными в г.Томске: ЖКХ (43% против 35% в малых городах и 12% в сельской местности), пенсионное обеспечение (65% против 42%).

В сельской местности чаще, чем в других населенных пунктах, называли такие проблемы, как пьянство и наркомания (37% против 27% в малых городах и 17% в Томске), работа транспорта (14% против 6–7% в городах).

Свободное время респондентов, как и прежде, в основном проходит за просмотром телевизора, однако динамика телесмотра отрицательная (56%, –5 п.п. к результатам 2021 г. и –6 п.п. к результатам 2015 г.). На втором месте, как и в предыдущих замерах, находится вариант «общение с друзьями, родственниками». Тем не менее, очевидно, атомарность общества все возрастает (25%, –14 п.п. к результатам 2021 г., –19 п.п. к результатам 2015 г.). Занять свободное время чтением книг предпочитают 32% опрошенных (+5 п.п. к результатам 2021 г., возврат к итогам замеров 2015 г.). Число любителей «посидеть» в интернете заметно увеличилось (17%, +6 п.п. к результатам 2021 г.). Занятия спортом – 8% (+4 п.п. к итогам 2021 г.), походы в кинотеатр – 6% (+3 п.п.). Примечательно, что в рамках текущего замера лишь 1% опрошенных отметили, что вообще не имеют свободного времени, тогда как в 2021 г. доля таких респондентов составляла 8%.

Чаще проводят время за просмотром телевизора старшие возрастные группы: 70–74 года – 71% (в 2021 г. их было 85%), 75 лет и старше – 68% (в 2021 г. – 72%), тогда как в средних возрастных группах 54–58% (в 2021 г. показатель составил 57–60%), а в младшей – 40% (в 2021 г. – 45%). Таким образом, вовлеченность в просмотр телевизора упала во всех возрастных группах. Респонденты из категории 55–59 лет заметно чаще проводят свободное время в интернете: 21% против 17% в средних возрастных группах и 11–14% – в старших (в 2021 г. показатель составил 24% против 6–9% в других возрастных группах). Представители самой старшей возрастной группы реже читают – 25% против 31–35% в остальных возрастных категориях (в 2021 г. соотношение было обратным).

Наметилась тенденция к возвращению на «землю», что было традиционной формой жизнедеятельности в советское время. Продолжает расти доля тех, кто обрабатывает земельный участок (64%, +5 п.п. к 2021 г. и +9 п.п. к 2015 г.), и тех, кто имеет подсобное хозяйство (11%, +1 п.п. к 2021 г. и +6 п.п. к результатам 2015 г.). Вероятно, это следствие пандемийных ограничений, бегства на природу, от общества. В качестве основной причины содержания подсобного хозяйства по-прежнему называли «обеспечение себя и своей семьи продуктами питания». Однако значимость этого фактора резко упала: с 74% в 2015 г. до 68% в 2021 г. и далее до 51% в 2022 г. (–17 п.п.). Мотив «выживания» теснится мотивом «удовольствия»: 43% указали, что им просто нравится заниматься сельским трудом (против 29% в 2021 г. и 16% в 2015 г.). Этот мотив потеснил со второго места занятия землей как привычку (33%, +1 п.п. к 2021 г.). На четвертом месте – близкое к мотиву «удовольствие» – тяга к эмоционально-психологической разгрузке (31% против 27% в 2021 г. и 16% в 2015 г.). Это позволяет сделать вывод: дачные участки превращаются из средства зарабатывания денег в досуг, возможность приятного времяпровождения и поддержания себя в форме.

Продолжает снижаться ориентация на проживание в квартире (70%, –9 п.п.), в сторону роста интереса к частным домам (25%, +8 п.п.), что отражает общий тренд на загородную недвижимость, особенно четко обозначившийся в период пандемии и вынужденной самоизоляции. В связи с переориентацией на частные дома снизились показатели по наличию отдельных жилищных удобств. На 7 п.п. уменьшилась доля респондентов – потребителей централизованного холодного водоснабжения (92% против 99% в 2021 г.), канализации (85% против 93% в 2021 г.), горячей воды (75% против 85% в 2021 г.). Доля потребителей центрального отопления упала до 71% (против 84% в 2021 г.), при этом сохранилась доля респондентов, которые пользуются печным отоплением (21–22%). Выросло потребление газа (16% против 13% в 2021 г.). С развитием мобильной телефонии в 2 раза снизилась доля владельцев стационарных телефонов (33% против 39% в 2021 г. и 70% в 2015 г.). В целом по выборке 59% опрошенных указали, что у них в семье есть компьютер/ноутбук (+5 п.п. в 2021 г.). При этом наметилась

тенденция именно к личному владению: 33% указали, что компьютер есть в личном пользовании (+6 п.п.), еще 25% – есть в семье (–12 п.п.).

Исходя из отрицательной динамики аудитории владельцев компьютеров, можно предположить, что смартфоны заменяют «большую» технику и ее функционал. О том, что в личном пользовании есть смартфон, указали 63% лиц старше 55 лет (+20 п.п.), еще 12% – что есть в семье (–13 п.п.). При этом кнопочный телефон есть в 56% семей. Доля владельцев автомобилей в 2022 г. составила 42% (против 51% в 2021 г. и 37% в 2015 г.).

Отдельным предметом обсуждения стала забота о здоровье во время пандемии. Две трети лиц в возрасте старше 55 лет отметили, что стали больше заботиться о здоровье в этот период (66%). Каждый третий не изменил модели поведения (32%). Респонденты, оценивающие свое здоровье как очень плохое по сравнению со сверстниками, не заботились о нем и в период пандемии.

В текущей волне мониторинга впервые включен вопрос об уровне удовлетворенности работой социальных и культурных учреждений. Из списка объектов наибольшая включенность – у поликлиник по месту жительства (лишь 3% опрошенных в возрасте 55 лет и старше указали, что они в последние два года не пользовались данными услугами). Каждый пятый опрошенный полностью удовлетворен работой своей поликлиники (20%), еще треть – скорее удовлетворен, чем нет (26%). Но и негативных отзывов достаточно много: 13% указали, что полностью не удовлетворены, а 28% – скорее нет. Наименьшая востребованность (или доступность) – у центров социально-психологической помощи: 49% указали, что пользовались, 24% затруднились с ответом, 15% высказались негативно, 10% – положительно.

Доступностью чистого воздуха и питьевой воды полностью удовлетворены 34–36% опрошенных, еще по 26–28% – скорее да, чем нет. Около половины опрошенных в сельской местности за последние два года не посещали ни музеи (57%), ни библиотеки (48%), ни концертные залы (52%), ни театры (56%), ни кинотеатры (53%).

Максимальные оценки доступности – у магазинов (65% полностью удовлетворены) и аптек (62%). Самая проблемная зона инфраструктуры – тротуары, 24% полностью не удовлетворены их доступностью. Причем разница между Томском и селами незначительная – от 24 до 28%.

Оценка транспортной инфраструктуры проводилась по нескольким индикаторам: остановки, маршруты, интерьер подвижного состава и вежливость персонала. От 15 до 22% опрошенных затруднились дать оценку по тому или иному параметру. Максимально положительно опрошенные оценили удобство расположения остановок (каждый третий выставил 10 баллов, 35%). Респондентов скорее устраивают маршруты движения транспорта (28% поставили 10 баллов). Больше вопросов – к удобству салонов и вежливости водителей и кассиров (только 21% выставили десятки).

Самое проблемное место – входы и выходы из транспорта: 13% оценили крайне негативно, они неудобные, в том числе с коляской (скорее всего, речь идет о необходимости развития низкопольного транспорта, что очень актуально для пожилых и маломобильных групп населения).

Доля пользователей мобильными телефонами стабилизировалась на уровне 82–84% постоянных пользователей, еще 9–10%, как и один год назад, выбрали ответ «от случая к случаю». На втором месте – Интернет, с продолжающейся положительной динамикой 59% опрошенных выбрали вариант ответа «постоянно» (+11 п.п.), еще 12% – «время от времени» (–8 п.п. – что указывает на рост вовлеченности в пользование Интернетом). На третьем месте – смартфон/планшет, и в этой категории также есть рост постоянных пользователей: 54% опрошенных указали вариант ответа «постоянно» (+13 п.п.), еще 10% – «время от времени» (–6 п.п.). На четвертом месте – компьютер/ноутбук: 40% вариант ответа «постоянно» (+12 п.п.), еще 12% – «время от времени» (–18 п.п.). В результате по всем гаджетам наблюдается цифровой переход и закрепление в статусе постоянных пользователей лиц старше 55 лет. Если мобильные телефоны используются всеми практически в равной степени вне зависимости от уровня дохода, то компьютеры и Интернет – с ростом благосостояния. Так, среди респондентов, указавших, что могут покупать многое, кроме крупных приобретений, 72% пользуются Интернетом постоянно. Среди тех, кому не хватает средств даже на питание, – только 43%. Уровень постоянных пользователей компьютером в высокодоходных группах достигает 63%, в низкодоходных – не более 30%.

Обсуждение

Сравнение аналогичных результатов опроса 2015 г. с результатами социологического исследования капитала здоровья (на примере Томской области) в 2022 г. выявило важную закономерность: ситуация в сфере занятости принципиально не изменилась с точки зрения гибких и новых форм вовлеченности в социально-трудовые отношения пожилых людей. Достаточно высоко все категории респондентов продолжают оценивать в материальное благополучие и поддержку государства, участие в социальной жизни и безопасное проживание. Возможности и благоприятная среда для активного долголетия изменяются в лучшую сторону.

Для дальнейшего анализа капитала здоровья старшего поколения и разработки практических рекомендаций необходимо продолжить социологические опросы в рамках представленной методики оценки данного явления.

В результате проведенного социологического опроса (N = 300, 2022 г.) выявлена тесная взаимосвязь межинституционального воздействия на процессы накопления и сохранения капитала здоровья в экономике старения. Традиционные институты, например институт сельского хозяйства и практики ведения дачного садоводства, из ресурса для выживания трансфор-

мируются в сторону источника эмоционального и социального ресурса для старшего поколения. Здоровье во всех формах и проявлениях становится одной из главных ценностей в старшем возрасте. Несмотря на неблагоприятные экономические факторы, респонденты чаще указывают на необходимость инвестирования в здоровье, учитывая не только прямые инвестиции в виде покупки товаров и услуг для накопления и сохранения здоровья, но и доступную инфраструктуру, включая спортивные площадки, цифровые помощники и социальные услуги для поддержания активного образа жизни.

Заключение

Таким образом, дизайн социологического исследования «Капитал здоровья старшего поколения» позволяет оценивать процессы здоровьесбережения и сохранения здоровья с позиций четырех сфер жизни и деятельности: занятости; участия в социальной жизни; независимого, здорового и безопасного проживания; возможностей и благоприятности среды для активного долголетия. Разработанный подход к капиталу здоровья не только позволяет оценивать капитал здоровья как ресурс здоровья в экономике старения, но и учитывает косвенное влияние социального, эмоционального и физического благополучия на процессы накопления

и сохранения капитала здоровья старшего поколения. Безусловно, институты здравоохранения играют ключевую роль в системе формирования капитала здоровья, но важно включать в анализ и социально-экономические институты, доступность инфраструктуры (enabling environment) для личностно-профессионального развития в аспекте оценки капитала здоровья.

В результате выявлено, что одним из основных негативных факторов накопления и сохранения капитала здоровья в старшем возрасте являются стратегии экономики, вызванные низким материальным статусом респондентов. Материальное благополучие негативно влияет не только на возможности инвестировать в здоровье, но и на желание это делать (даже при условии наличия возможностей, например делать утреннюю зарядку). Доступность социально-культурной инфраструктуры, транспорта, медицинских и социальных услуг сильно отличается в районном центре и сельской местности, что отрицательно сказывается на общем здоровье респондентов. Цифровые технологии, наоборот, положительно влияют на здоровье, повышая доступность социальных взаимодействий и расширяя возможности реализации ресурсного потенциала старшего поколения, например, в сфере занятости (удаленная работа/подработка), здоровья (телемедицина/спортивные занятия), в социальной сфере (общение с ближним и дальним кругом).

Примечания

¹ Доклад Росстат «Индекс активного долголетия». URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/2020/04-01/Hsusyebg/prez-1802.pdf>

² Официальный сайт с результатами проекта «Институты реализации ресурсного потенциала старшего поколения в экономике старения» за 3 года его реализации в период 2019–2021 гг. (РНФ №19-18-00300). URL: <https://rewi.tpu.ru>

³ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту (статистический бюллетень), 2.7.10. Томская область // Федеральная служба государственной статистики. М., 2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284>

⁴ Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2022 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru>

⁵ 2018 Active Ageing Index: Analytical Report. UNECE // European Commission. URL: https://www.unecce.org/fileadmin/DAM/pau/age/Active_Ageing_Index/ACTIVE_AGEING_INDEX_TRENDS_2008-2016_web_with_cover.pdf

Список источников

- Grossman M. The demand for health turns 50: Reflections // *Health Economics*. 2022. Vol. 31. P. 1807–1822.
- Dianda I., Ouedraogo I. The synergistic effect of government health spending and institutional quality on health capital accumulation in WAEMU countries // *Economics Bulletin*. 2021. Vol. 41, Is 2. P. 495–506.
- Xing X., Zhang R., Taks M. The effects of health, social, and consumption capital on running-related expenditures in China // *European Sport Management Quarterly*. 2020. P. 1–21. doi: 10.1080/16184742.2020.1793376
- Kim Y., Schneider T., Faß E., Lochbaum M. Personal social capital and self-rated health among middle-aged and older adults: A cross-sectional study exploring the roles of leisure-time physical activity and socioeconomic status // *BMC Public Health*. 2021. Vol. 21 (1). doi: 10.1186/s12889-020-10043-6
- Boen F., Pelssers J., Scheerder J., Vanbeselaere N., Vos S., Hurkmans E., Fransen K. Does social capital benefit older adults' health and well-being? The mediating role of physical activity // *Journal of Aging and Health*. 2020. Vol. 32 (7–8). P. 688–697. doi: 10.1177/0898264319848638
- Becker D.S. Human Capital: Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. 3rd ed. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1964. 412 p.
- Halfon N., Hochstein M. Life course health development: an integrated framework for developing health, policy, and research // *The Milbank Quarterly*. 2002. Vol. 80 (3). P. 433–479.
- Саралиева З.Х., Судьин С.А., Бекарев А.М., Воронин Г.Л. и др. Здоровье как ресурс – ресурс здоровья // *Социальные контексты здоровья*. Н. Новгород : Изд-во НИСОЦ, 2020. С. 11–52.
- Канева М.А. Влияние капитала здоровья населения на экономический рост регионов Российской Федерации // *Регион: экономика и социология*. 2019. № 1 (101). С. 47–70.
- Розмаинский И.В., Татаркин А.С. Неверие в будущее и «негативные инвестиции» в капитал здоровья в современной России // *Вопросы экономики*. 2018. № 1. С. 128–150.
- Мосейко В.О. Теоретические подходы к анализу здоровья как элемента человеческого капитала // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология*. 2012. № 2. С. 17–22.
- Pavlova I., Nedospasova O. Untapped Resource Potential of Older Persons in Russia: Evidence from Expert Assessments in Tomsk Region // *Advances in Economics, Business and Management Research*. 2020. Vol. 113. P. 335–339. doi: 10.2991/fred-19.2020.68

13. Helliwell J., Putnam R. The social context of well-being // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2004. Vol. 359 (1449). P. 1435–1446.
14. Барышева Г.А., Клемашева Е.И., Недоспасова О.П., Чан Тхи Бич Нгок, Чиен Тханг Нгуен. Вовлеченность пожилых людей в процессы современных цифровых трансформаций // *Успехи геронтологии*. 2022. № 1. С. 68–75.
15. Голубева Е.Ю., Хабарова Г. Семейный уход как инструмент смягчения социальных рисков у лиц пожилого и старческого возраста на отдаленных территориях // *Успехи геронтологии*. 2018. № 6. С. 1002–1008.
16. Lee Y., Chi I., Ailshire J.A. Life transitions and leisure activity engagement among older Americans: findings from a national longitudinal study // *Ageing & Society*. 2020. Vol. 40-3. P. 537–564. doi: 10.1017/S0144686X18001101.
17. Столбова Т.В., Рашикулина Е.Н. Здоровьесберегающие технологии в работе социальных служб с людьми пожилого возраста // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: сб. трудов 28-й Междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 16 марта 2020 года. Белгород : ООО ГиК, 2020. С. 334–338.
18. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М. : Смысл, 1999. 165 с.
19. World Health Organization. Constitution of the World Health Organization as adopted by the International Health Conference, New York, 19–22 June 1946; signed on 22 July 1946 by the representatives of 61 States (Official Records of the World Health Organization, no. 2, p. 100) and entered into force on 7 April 1948. In Grad, Frank P. The Preamble of the Constitution of the World Health Organization // *Bulletin of the World Health Organization*. 2002. Vol. 80, № 12. 982 p.
20. Психология здоровья / под ред. Г.С. Никифорова. СПб. : Питер, 2003. 607 с.
21. Iwamasa G.Y., Iwasaki M. A new multidimensional model of successful aging: Perceptions of Japanese American older adults // *Journal of Cross-cultural Gerontology*. 2011. Vol. 26 (3). P. 261–278.

References

1. Grossman, M. (2022) The demand for health turns 50: Reflections. *Health Economics*. 31. pp. 1807–1822.
2. Dianda, I. & Ouedraogo, I. (2021) The synergistic effect of government health spending and institutional quality on health capital accumulation in WAEMU countries. *Economics Bulletin*. 2 (41). pp. 495–506.
3. Xing, X., Zhang, R. & Taks, M. (2020) The effects of health, social, and consumption capital on running-related expenditures in China. *European Sport Management Quarterly*. pp. 1–21. DOI: 10.1080/16184742.2020.1793376
4. Kim, Y. et al. (2021) Personal social capital and self-rated health among middle-aged and older adults: A cross-sectional study exploring the roles of leisure-time physical activity and socioeconomic status. *BMC Public Health*. 21 (1). DOI: 10.1186/s12889-020-10043-6
5. Boen, F. et al. (2020) Does social capital benefit older adults' health and well-being? The mediating role of physical activity. *Journal of Aging and Health*. 32 (7–8). pp. 688–697. DOI: 10.1177/0898264319848638
6. Becker, D.S. (1964) *Human Capital: Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education*. 3rd ed. Chicago; London: The University of Chicago Press.
7. Halfon, N. & Hochstein, M. (2002) Life course health development: an integrated framework for developing health, policy, and research. *The Milbank Quarterly*. 80 (3). pp. 433–479.
8. Saraliev, Z.Kh. et al. (eds) (2020) *Sotsial'nye konteksty zdorov'ya* [Social Contexts of Health]. Nizhny Novgorod: Izd-vo NISOTs. pp. 11–52.
9. Kaneva, M.A. (2019) Vliyaniye kapitala zdorov'ya naseleniya na ekonomicheskiy rost regionov Rossiyskoy Federatsii [Influence of population health capital on the economic growth of regions of the Russian Federation]. *Region: ekonomika i sotsiologiya*. 1 (101). pp. 47–70.
10. Rozmainskiy, I.V. & Tatarin, A.S. (2018) Neverie v budushche e i "negativnye investitsii" v kapital zdorov'ya v sovremennoy Rossii [Disbelief in the future and "negative investments" in health capital in modern Russia]. *Voprosy ekonomiki*. 1. pp. 128–150.
11. Moseyko, V.O. (2012) Teoreticheskie podkhody k analizu zdorov'ya kak elementa chelovecheskogo kapitala [Theoretical approaches to the analysis of health as an element of human capital]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya*. 2. pp. 17–22.
12. Pavlova, I. & Nedospasova, O. (2020) Untapped Resource Potential of Older Persons in Russia: Evidence from Expert Assessments in Tomsk Region. *Advances in Economics, Business and Management Research*. 113. pp. 335–339. DOI: 10.2991/fred-19.2020.68
13. Helliwell, J. & Putnam, R. (2004) The social context of well-being. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 359 (1449). pp. 1435–1446.
14. Barysheva, G.A. et al. (2022) Vovlechenost' pozhiykh lyudey v protsessy sovremennykh tsifrovyykh transformatsiy [Involvement of older people in the processes of modern digital transformations]. *Uspехи геронтологии*. 1. pp. 68–75.
15. Golubeva, E.Yu. & Khabarova, G. (2018) Semeynyy ukhod kak instrument smyagcheniya sotsial'nykh riskov u lits pozhiлого i starcheskogo vozrasta na otдалennykh territoriyakh [Family care as a tool for mitigating social risks in elderly and senile people in remote areas]. *Uspехи геронтологии*. 6. pp. 1002–1008.
16. Lee, Y., Chi, I. & Ailshire, J.A. (2020) Life transitions and leisure activity engagement among older Americans: findings from a national longitudinal study. *Ageing & Society*. 40-3. pp. 537–564. DOI: 10.1017/S0144686X18001101
17. Stolbova, T.V. & Rashchikulina, E.N. (2020) [Health-saving technologies in the work of social services with elderly people]. *Nauka i obrazovanie: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt* [Science and Education: Domestic and foreign experience]. Proceedings of the 28th International Conference. Belgorod. 16 March 2020. Belgorod: ООО ГиК. pp. 334–338. (In Russian).
18. Maslow, A. (1999) *Novye rubezhi chelovecheskoy prirody* [New Frontiers of Human Nature]. Translated from English. Moscow: Smysl.
19. World Health Organization. (2002) Constitution of the World Health Organization as adopted by the International Health Conference, New York, 19–22 June 1946; signed on 22 July 1946 by the representatives of 61 States (Official Records of the World Health Organization, no. 2, p. 100) and entered into force on 7 April 1948. In Grad, Frank P. The Preamble of the Constitution of the World Health Organization. *Bulletin of the World Health Organization*. 12 (80).
20. Nikiforov, G.S. (ed.) (2003) *Psikhologiya zdorov'ya* [Psychology of Health]. Saint Petersburg: Piter.
21. Iwamasa, G.Y. & Iwasaki, M. (2011) A new multidimensional model of successful aging: Perceptions of Japanese American older adults. *Journal of Cross-cultural Gerontology*. 26 (3). pp. 261–278.

Информация об авторах:

Барышева Г.А. — д-р. экон. наук, профессор Школы инженерного предпринимательства, зав. Международной научно-образовательной лабораторией технологий улучшения благополучия пожилых людей Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: ganb@tpu.ru

Недоспасова О.П. — д-р. экон. наук, зав. кафедрой организационного поведения и управления персоналом Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: olgaeconomy@mail.ru

Павлова И.А. — канд. экон. наук, доцент Школы инженерного предпринимательства Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: iapav@mail.ru

Рождественская Е.М. – канд. экон. наук, доцент кафедры стратегического менеджмента и маркетинга Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); ведущий научный сотрудник Международной научно-образовательной лаборатории технологий улучшения благополучия пожилых людей Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: elena.rojdestvenskaya@gmail.com
Барышев А.А. – канд. экон. наук, доцент кафедры социологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: barishevnp@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

G.A. Barysheva, Dr. Sci. (Economics), professor, head of the International Research Lab for the Improvement of Wellbeing Technologies of Older Adults, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: barishevnp@mail.ru

O.P. Nedospasova, Dr. Sci. (Economics), head of the Department of Organizational Behavior and Human Resources Management, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olgaeconomy@mail.ru

I.A. Pavlova, Cand. Sci. (Economics), associate professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: iapav@mail.ru

E.M. Rozhdestvenskaya, Cand. Sci. (Economics), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); leading research fellow, International Research Lab for the Improvement of Wellbeing Technologies of Older Adults, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elena.rojdestvenskaya@gmail.com

A.A. Baryshev, Cand. Sci. (Economics), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ganb@tpu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.10.2022;
одобрена после рецензирования 25.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.*

*The article was submitted 20.10.2022;
approved after reviewing 25.11.2022; accepted for publication 30.11.2022.*

Научная статья
УДК 316.648.2
doi: 10.17223/15617793/484/23

Этническая идентичность кумандинских подростков: ее проявления и связь с семейной идентичностью

Александр Михайлович Беспалов¹, Ольга Николаевна Макарова², Михаил Сергеевич Власов³

^{1, 2, 3} Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукишина, Бийск, Россия

¹ bam56@mail.ru

² fnfmak.on@mail.ru

³ vlasov_mikhailo@mail.ru

Аннотация. Показано, что проявление этнической идентичности у кумандинских подростков выражено в демонстрации гордости за принадлежность своему народу. Этническая идентичность для них остается не менее важной, чем гражданская идентичность. Отмечается, что этническая идентичность более выражена у кумандинских подростков, которым свойственна высокая семейная идентичность. Высокая семейная идентичность также сочетается с преобладанием кумандинской идентичности над гражданской идентичностью.

Ключевые слова: этническая идентичность, гражданская идентичность, семейная идентичность, кумандинцы, самокатегоризация

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20420, <https://rscf.ru/project/22-28-20420/> и Министерства образования и науки Алтайского края (договор № Н-3 от 11.04.2022).

Для цитирования: Беспалов А.М., Макарова О.Н., Власов М.С. Этническая идентичность кумандинских подростков: её проявления и связь с семейной идентичностью // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 207–217. doi: 10.17223/15617793/484/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/23

Ethnic identity of Kumandin teenagers: Its manifestations and connection with family identity

Alexander M. Bepalov¹, Olga N. Makarova², Mikhail S. Vlasov³

^{1, 2, 3} Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russian Federation

¹ bam56@mail.ru

² fnfmak.on@mail.ru

³ vlasov_mikhailo@mail.ru

Abstract. The article notes that in recent years interest in issues of civic and ethnic identity has increased significantly. Both domestic and foreign researchers write about this. Of particular interest is the analysis of the manifestations of the ethnic identity of indigenous peoples. The aim of this study was to analyze the manifestations of the ethnic identity of Kumandin adolescents in comparison with the civic (all-Russian) one and assess its connection with family identity. The surveys involved 90 adolescents from families in which at least one of the parents is a Kumandin, of which 47 (52%) are girls and 43 (48%) are boys aged 10 to 20, the average age is $M = 15.75$; $SD = 1.99$. The following research methods were used: the sociological questionnaire My Ethnicity (identifying the cognitive and emotional aspects of ethnic identity) tested in previous studies; Sam McFarland's Identification With All Humanity Scale (quantifying different types of identity) in the adaptation of Timofey Nestik; three scales (Acceptance, Value, and Involvement) measuring family identity by Svetlana Strokova. The results of the analysis show that the average values for the three types of identity reflect a fairly high and approximately equal level of civic and ethnic identity, with a significantly lower level of universal human identity. Using a one-way repeated measures ANOVA, we have found that the level of identity for different types really differs, the effect of identity type has a high statistical significance ($F(2, 170) = 62.65$, $p \leq 0.001$). Pairwise comparisons of different types of identity using Bonferroni's a posteriori test show that the differences between Kumandin and civic identities are not statistically significant, while universal identity is statistically significant (at $p \leq 0.001$) and differs to a lesser extent from both ethnic and civic identities. The results of the correlation analysis carried out indicate the presence of statistically significant links between ethnic, civic and universal identities with indicators of family identity. The correlations of ethnic identity with indicators of family identity are the largest, indicating a moderate or strong relationship between them. Since we were interested in

the ratio of ethnic identity to the civic one for evaluation, an additional indicator was calculated that characterizes the predominance of ethnic identity over civic. All correlation coefficients of this indicator with family identity scales are statistically significant and positive, displaying a moderate direct relationship. These facts show that the formed family identity not only supports the ethnic, civic and universal identities of Kumandin adolescents, but can also contribute to the formation of an ethnic identity that prevails in relation to the civil one.

Keywords: ethnic identity, civic identity, family identity, Kumandins, self-categorization

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-20420, <https://rscf.ru/project/22-28-20420/>, and the Ministry of Education and Science of Altai Krai (Agreement No. N-3 dated April 11, 2022).

For citation: Bepalov, A.M., Makarova, O.N. & Vlasov, M.S. (2022) Ethnic identity of Kumandin teenagers: Its manifestations and connection with family identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 207–217. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/23

Введение

Кумандинцы являются единственным в Алтайском крае коренным малочисленным народом. Всего на территории Российской Федерации, согласно переписи 2010 г., их проживало 2 892 человека, большая часть из которых проживает именно в Алтайском крае (1 401 человек) [1]. В то же время, по последним данным, которые мы собрали во время проведения исследования, подростков в возрасте 14–20 лет в Алтайском крае всего 112 человек. Это остро ставит вопрос об их этнической и гражданской самоидентификации и подтверждает утверждение Н.М. Губогло о нарастающем интересе «к проявлению различных форм идентичности: от гендерной до гражданской, от этнической до имущественной, от религиозной до региональной» [2. С. 217]. Об этом же пишет и американский футуролог Ф. Фукуяма: «Требование признания и уважения своей идентичности – это универсальное понятие, которое охватывает многое из того, что происходит сегодня в мировой политике» [3. С. 23].

Само понятие «идентичность» можно определить по-разному. С. Хантингтон утверждает: «Идентичности в общем и целом представляют собой конструкты. Люди конструируют собственные идентичности, занимаясь этим кто по желанию, кто по необходимости или по принуждению» [4. С. 51]. Казахский философ А.А. Хамидов дает другое определение: «В общем виде идентичность есть способ установления и результат такого установления собственного статуса в наличном социуме. Процесс такого установления называется идентификацией» [5. С. 139–162]. Разница в этих определениях заключается в ответе на вопрос: носит ли процесс идентификации объективный или субъективный характер? В процессе идентификации человек отождествляется с кем-то, с какой-то социальной группой. И в процессе такого отождествления мы имеем как объективное, так и субъективное начала. Это особенно видно на примере отношения к своему полу, при переходе к самокатегоризации субъекта, когда человек вкладывает «свои» смыслы в ту или иную категорию. В то же время то, кем мы являемся, во многом обусловлено либо биологическими факторами, но чаще всего социальной средой, в которой мы воспитывались, или той, в которой мы находимся в настоящее время.

Подробный анализ исторического развития, мета-теоретических предпосылок и современного состояния проблематики социальной идентичности в социальной психологии провела группа исследователей во главе с М. Хоггом [6]. Они отмечают, что с конца 80-х гг. в мире наблюдается взрыв исследований и публикаций по проблемам социальной идентичности, который в дальнейшем приводит к выводу о том, что «сила анализа социальной идентичности заключается в существовании набора четко определенных концептуальных компонентов, которые взаимодействуют друг с другом, чтобы связать социальные когнитивные, социальные интерактивные и социальные структурные процессы» [6. Р. 267–268].

По мнению А. Тэшфела и Дж. Тёрнера в процессе самокатегоризации «люди... должны быть субъективно отождествлены с соответствующей группой», «социальная ситуация должна быть такой, чтобы допускать межгрупповые сравнения, позволяющие выбирать и оценивать соответствующие атрибуты отношений» и «“чужая” группа должна восприниматься как релевантная группа сравнения» [7. Р. 41]. Исходя из этого, вслед за М.Г. Синиреллой [8. Р. 42] мы можем дать рабочее определение этнической и гражданской идентичности как самокатегоризации индивида как представителя определенного этноса или гражданина определенного государства и интернализации индивидом этой категоризации как социальной идентичности.

Мариса Заваллони в своих исследованиях отметила, что социальные идентичности взаимосвязаны между собой и «с психологической точки зрения абстрактные группы идентичности (национальности и т.д.) как когнитивные представления всегда возникают при посредничестве других групп» [9. Р. 83].

В последнее время проблеме этнической и гражданской идентичности посвящено большое количество исследований. Только за 2021–2022 гг. в научной электронной библиотеке e-LIBRARY.RU на запрос «этническая идентичность» было найдено 1 269 публикаций, из которых 804 статьи, опубликованные в журналах, и 71 изданная книга. 1 059 публикаций найдено и на запрос «гражданская идентичность» (запрос сделан 20.07.2022). К сожалению, сегодня нельзя посмотреть динамику популярности этой темы в научных исследованиях в нашей стране, но это можно увидеть на примере США.

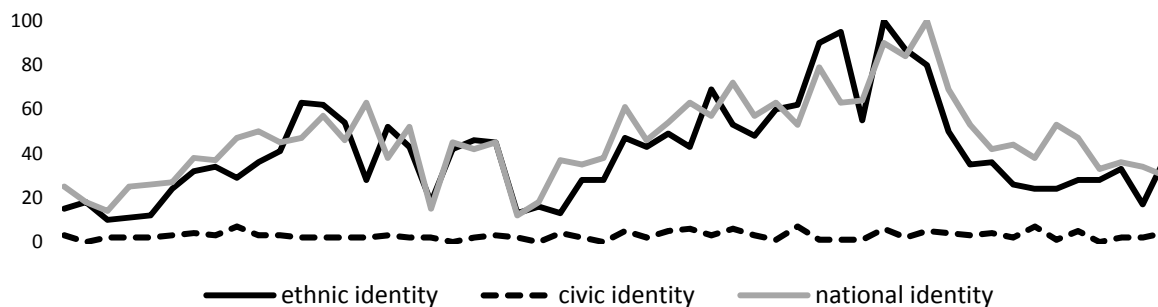

Рис. 1. Динамика популярности темы этнической и гражданской идентичности в научных исследованиях в США в период с июля 2021 г. по июль 2022 г. [10]

Как видно из графика на рис. 1, популярность научных исследований по вопросам этнической идентичности, казалось бы, значительно превосходит популярность интереса ученых к изучению идентичности гражданской, но она во многом совпадает с популярностью национальной идентичности, которая в западных работах употребляется в значении гражданской идентичности.

В нашей стране центральным методологическим подходом к рассмотрению вопросов этнической и гражданской идентичности выступает конструктивизм. Основными его представителями и проводниками выступают известный советский и российский историк, этнолог, социальный антрополог, академик РАН В.А. Тишков и советский и российский историк, социолог, одна из основателей российской этносоциологии Л.М. Дробижева. В частности, В.А. Тишков считает, что «этническая идентичность формируется и существует в контексте того социального опыта и процесса, с которым идентифицируют себя люди или идентифицируются другими как члены определенной этнической группы», а этносом, в свою очередь, он считает группу людей, «члены которой имеют общие название и элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и общей исторической памятью, ассоциируют себя с особой территорией и обладают чувством солидарности» [11. С. 60]. Особенно интерес к этой проблематике усилился начиная с 90-х гг. XX в., когда в обществе кардинально изменилась социально-политическая и экономическая ситуация, возникли новые социальные страты, группы, усилился интерес к своим этническим корням и т.д. В частности, в советское время кумандинцы были учтены в переписи населения 1926 г., а в дальнейшем как отдельный этнос их в переписях не учитывали вплоть до переписи 2002 г., когда в начале 1990-х гг. их признали самостоятельным этносом, а в 2000 г. — коренным малочисленным народом. В этой связи Л.М. Дробижева, внесшая значительный вклад в изучение этнической и гражданской идентичности, пишет: «В социально-гуманитарных науках мало кто не согласится с тем, что современное общество — это пространство постоянно изменяющихся идентичностей» [12. С. 214]. Основываясь на данных методологических установках, авторы ряда статей приводят результаты исследований, в которых анализируется соотношение и возможности позитивной совместимо-

сти этнической и гражданской идентичности населения Башкортостана, Татарстана, Адыгеи, Дагестана, Тувы и т.д. [13–15; 16. С. 26–30; 17. С. 93–98].

Н.Н. Касенова, Н.В. Кергилова обращаются к вопросу формирования этнической и гражданской идентичности среди коренных (алтай-кижи), в том числе малочисленных (кумандинцев, тубаларов, челканцев, теленгитов), народов, в Республике Алтай. Важный вывод, который они делают, заключается в том, что «этничность не вступает в конфликт с гражданской идентичностью — наоборот, алтайское население понимает важность деятельности государства для сохранения их как этноса» [18. С. 86]. Осмыслению подходов к рассмотрению этнической идентичности коренных малочисленных народов Севера посвящены публикации В.С. Мухиной [19] и Н.А. Бутенко [20].

Формирование российской идентичности под влиянием языковой и этнической идентичности рассматривается в статье С.Л. Кандыбовича и Т.В. Разиной «Языковая и этническая идентичность как базис для формирования российской гражданской идентичности». Интерес представляет выделение авторами возрастных этапов формирования этих видов идентичности: «...языковая идентичность — 5–7 лет, этническая идентичность — 7–10 лет, российская идентичность — 14–15 лет, российская гражданская идентичность — 18–22 года» [21. С. 547–551]. С критических позиций формирование гражданской идентичности в свете этнической политики в Российской Федерации рассматривает Е.Г. Аванесова. Она настаивает на необходимости замены «политики проведения “точечных этнических мероприятий” на политику вовлечения всех заинтересованных сил, вне зависимости от их этнической принадлежности, в процесс конституирования общероссийских ценностей и реформатирования практической составляющей этнической политики в сторону гражданского нациестроительства» и при этом делается вывод о том, что «политическая нация в РФ не сформирована, а гражданская идентичность не является приоритетной в иерархии идентичностей граждан России, и в первую очередь это касается национальных регионов» [22. С. 96]. В какой-то мере этот вывод подтверждает Л.М. Дробижева, которая констатировала, что, несмотря на то, что гражданская идентичность «есть у абсолютного большинства наших граждан (75–80%)... сильное ощущение связи с гражданами России присутствует не более чем

у трети россиян в разных возрастных и образовательных группах» [23. С. 21], а также «когнитивная составляющая российской идентичности представлена неполно, в какой-то мере ущербно, и в этом одна из причин, почему гражданская идентичность проявляет свои функции сдерживания этнического негативизма не у всех и не всегда» [23. С. 27].

Проблемы формирования этнической идентичности подростков также не прошли мимо исследователей. Следует отметить ряд диссертационных работ, в которых рассматриваются личностные аспекты этнической идентичности подростков из смешанных семей на стыке этносоциологии и этнопсихологии [24], делается попытка выявить педагогические условия и уровни развития этнической идентичности подростков [25]. Ряд исследователей выделяют основные закономерности формирования идентичности у подростков из разных социальных групп и в разные возрастные периоды (12–13, 14–15, 16–17 лет) [26], уточняют понятие «позитивная этническая идентичность», разрабатывают структурно-динамическую модель ее формирования [27] и т.д. Рассмотрению подобных вопросов посвящены публикации С.И. Баляева и С.Н. Никишова [28], Е.П. Белинской и Т.Г. Стефаненко [29], Л.Ш. Болтаевой [30] и др.

Исследования роли семьи в формировании этнической идентичности обычно опираются на теорию экологических систем У. Бронфенбреннера [31], в соответствии с которой развитие психики ребенка необходимо рассматривать в контексте иерархических подсистем, начиная с микроуровня (семья, детский сад и т.п.) до макроуровня (культура, общество). На основе этой теории А. Умана-Тейлор предложила экологическую модель развития этнической идентичности, описывающую роль индивидуальных и средовых факторов в формировании этнической идентичности подростков [32–34].

В рамках этой концепции факторы микроэкологического (например, семья, соседи) и макроэкологического (например, социально-экономический статус) порядка оказывают влияние на процесс этнической социализации, в свою очередь, определяющий формирование этнической идентичности ребенка [32]. Особенно важным представляется влияние семьи, поэтому в рамках такого подхода исследователи отдельно рассматривают семейную этническую социализацию, включающую как явные, намеренные воздействия на ребенка (например, обсуждение в семье важности знаний о своем происхождении, корнях, национальности), так и неявные, не имеющие непосредственной воспитательной задачи (например, прослушивание этнической музыки или приготовление блюд национальной кухни).

Результаты эмпирических исследований в иммигрантских семьях в США, проведенных А. Умана-Тейлор с коллегами, указывают на весьма существенную статистическую связь между семейной этнической социализацией и этнической идентичностью у лиц подросткового и юношеского возраста [32–34]. Вывод о важной роли семьи подтверждается также другими учеными, изучавшими связь семейной культурной социализации с этнической идентичностью молодежи (18–

30 лет) из иммигрантских семей, прибывших из разных регионов мира [35]. Дополнительные аргументы в пользу важности семьи дает также качественное исследование родительского влияния на формирование этнической идентичности в мультиэтнических семьях, которое позволило выявить три различные родительские стратегии коммуникации по поводу этнической принадлежности, по-разному ориентирующие ребенка в этом вопросе [36]. Также в литературе имеется не вполне строгое, но весьма детальное и убедительное описание важной роли семьи в формировании еврейской этнической идентичности [37].

Семейная этническая и культурная социализация невозможна без эффективной коммуникации родителей с ребенком, вовлеченности последнего в семейные коммуникации. Это означает, что одним из условий успешной семейной этнической социализации является выраженная семейная идентичность у ребенка, отражающая осознание им принадлежности к своей семье и позитивное эмоциональное отношение к ней. Хотя семейная идентичность уже рассматривалась в контексте межличностных отношений внутри мультикультурных/мультиэтнических семей [38], ее связь с этнической социализацией и формированием этнической идентичности детально не исследовалась. Тем не менее упомянутый анализ еврейской семьи в контексте формирования еврейской идентичности [37] на примерах демонстрирует тесную взаимосвязь семейной и этнической идентичности. Таким образом, есть основания предполагать, что одним из важнейших условий формирования этнической идентичности у подростков из семей коренных малочисленных народов является выраженная семейная идентичность.

Целью работы является анализ проявлений этнической идентичности кумандинских подростков в сравнении с гражданской (общероссийской идентичностью) и оценка ее связи с семейной идентичностью.

В данном исследовании проверялись следующие гипотезы:

1. Этническая идентичность проявляется у кумандинских подростков в гордости за принадлежность своему народу, интересу к его истории и культуре, несмотря на слабое знание кумандинского языка.
2. Этническая идентичность для кумандинских подростков остается не менее важной, чем гражданская идентичность.
3. Этническая идентичность более выражена у тех кумандинских подростков, которым свойственна высокая семейная идентичность. Высокая семейная идентичность также сочетается с преобладанием кумандинской идентичности над гражданской идентичностью.

Методы и материалы

В исследовании приняли участие 90 подростков из семей, в которых хотя бы один из родителей является кумандинцем, из них 47 (52%) – девушки и 43 (48%) – юноши в возрасте от 10 до 20 лет, средний возраст $M = 15,75$; $SD = 1,99$. Из числа опрошенных свою

национальность определили как кумандинец 73 человека (81% выборки), русский – 6 (7%), кумандинец и русский – 2 (2%), кумандинец и другая национальность – 3 (3%, из них 1 бурят и 2 челканца), другая национальность (метис, кумандинец-полукровка) – 2 (2%), не ответили на вопрос о национальности 4 (4%). 36% опрошенных подростков (32 человека) проживают в селах Алтайского края, остальные 64% (58 человек) – в г. Бийске.

Опрос проводился в местах компактного проживания кумандинцев в г. Бийске, Красногорском и Солтонском районах Алтайского края в мае–июне 2022 г. Из 112 подростков и молодежи в возрасте 14–20 лет, проживающих в Алтайском крае, у которых хотя бы один из родителей является кумандинцем, было опрошено 90 человек (80%). Участие в исследовании было добровольным, вознаграждения за участие и обратной связи о результатах исследования не предоставлялось.

Для выявления когнитивного и эмоционального аспектов этнической идентичности использовалась апробированная в прошлых исследованиях [39, 40] социологическая анкета «Мой этнос». Она содержит следующие группы вопросов: 1) к какому этносу себя причисляют респонденты и по каким критериям они это делают; 2) отношение респондентов, в том числе и эмоциональное, к своему и чужому этносам; 3) знание респондентами фольклора и героев своего этноса; 4) паспортника, куда были включены данные о половой принадлежности, возрасте, месте проживания, уровнях образования и дохода семьи респондентов. Большинство вопросов анкеты являются закрытыми, однако в ней присутствуют также открытые и полужакрытые вопросы. В данном исследовании учитывались только закрытые вопросы с дихотомической или порядковой шкалой ответов, допускающие их использование в ходе корреляционного анализа.

Количественная оценка различных типов идентичности проводилась с помощью шкалы идентификации с человечеством С. Макфарленда [41] в адаптации Т.А. Нестика [42]. Она позволяет оценить выраженность идентификации с тремя разными по объему группами: ближайшим окружением, гражданами своей страны и человечеством. В нашем исследовании методика была модифицирована так, что вместо идентификации с ближайшим окружением оценивалась идентификация с кумандинцами. В такой форме методика позволила получить оценку этнической, гражданской и общечеловеческой идентичности. В состав методики входят девять заданий, в каждом из которых требуется в ответ на различные вопросы оценить степень своей идентификации с тремя указанными выше группами. В данном исследовании были получены высокие показатели внутренней согласованности: 0,95 – для этнической (здесь и далее приводятся коэффициенты α Кронбаха); 0,91 – для российской, и 0,92 – для общечеловеческой идентичности. Основным преимуществом этой методики является возможность с помощью одного набора заданий в полностью сопоставимых шкалах измерить три различных типа идентичности, что делает допустимым сопоставление их уровня.

Для измерения семейной идентичности использовались три шкалы («Принятие», «Ценность» и «Вовлеченность») из опросника семейной идентичности С.С. Строковой [43]. По данным автора методики, из шести шкал данного опросника только указанные три шкалы имеют приемлемые психометрические характеристики, в то время как остальные шкалы, выделенные с помощью факторного анализа, не обладают достаточной внутренней согласованностью [44]. Шкала «Принятие» (17 утверждений) описывает особенности переживания подростком своего принятия со стороны семьи. Автором эта шкала сконструирована как обратная, однако в данном исследовании для удобства интерпретации она была инвертирована и использовалась в качестве прямой. Вторая шкала «Ценность семьи» (пять утверждений) характеризует, насколько респондент считает семью ценной. Третья шкала «Вовлеченность» (шесть утверждений), помогает определить поведенческий аспект семейной идентичности и описывает то, насколько подросток готов и хочет участвовать в семейных делах [44]. В нашем исследовании коэффициенты внутренней согласованности этих трех шкал составили соответственно 0,92; 0,90 и 0,81.

Ввиду того что шкалы из опросника С.С. Строковой характеризуют отдельные аспекты семейной идентичности, но не дают целостной ее оценки, нами была составлена шкала, позволяющая получить подобную целостную оценку. При составлении шкалы семейной идентичности мы исходили из представления о том, что социальная идентичность характеризует осознание человеком принадлежности к некоторой социальной группе и отношение к факту своей принадлежности к этой группе. На основе этих представлений были сформулированы 12 утверждений (например, «Даже будучи далеко от дома, я всегда чувствую себя членом своей семьи», «Я горжусь принадлежностью к своей семье», «Я чувствую близкую эмоциональную связь с членами моей семьи»). Степень согласия с каждым из них испытуемый оценивал по шкале от 1 («Совершенно не согласен») до 7 («Полностью согласен»). Общая оценка семейной идентичности вычисляется как среднее значение по всем 12 утверждениям. Коэффициент внутренней согласованности данной шкалы составил 0,95. О валидности предложенной шкалы свидетельствуют ее высокие корреляции со шкалами опросника С.С. Строковой ($0,53 \leq r \leq 0,73$; все значимы при $p \leq 0,001$).

Полученные количественные данные обрабатывались с использованием методов описательной статистики, корреляционного и дисперсионного анализа в программе Statistica 10 и среде статистического анализа R.

Результаты исследования

Проявления этнической идентичности кумандинских подростков. Результаты анализа корреляций кумандинской идентичности с ответами на вопросы анкеты «Мой этнос», допускающими количественный анализ, свидетельствуют о статистически значимой связи высокой идентичности с утвердительными ответами на вопросы: «Гордишься ли ты, своей этнической принадлежностью?» ($r = 0,24$; $p \leq 0,05$), «Знаешь

ли ты к какому сёдку (роду) относится твоя семья?» ($r = 0,26$; $p \leq 0,05$), «Интересует ли тебя история кумандинцев?» ($r = 0,44$; $p \leq 0,001$), «Считаешь ли ты необходимым знать культуру своего народа?» ($r = 0,37$; $p \leq 0,01$). При этом подростки с высокой кумандинской идентичностью статистически значимо чаще дают отрицательные ответы на вопросы: «Испытываешь ли ты чувства обиды или унижения в связи с принадлежностью к своему этносу?» ($r = -0,33$; $p \leq 0,01$), «Чувствуешь ли ты дискриминацию (притеснения) по отношению к тебе со стороны людей в связи с твоей этнической принадлежностью?» ($r = -0,30$; $p \leq 0,01$), «Если ты кумандинец, мешает ли тебе твоя этническая принадлежность?» ($r = -0,32$; $p \leq 0,01$).

Вопреки ожиданиям, не обнаружилось статистически значимой корреляции между кумандинской идентичностью и ответом на вопросы: «Считаешь ли ты необходимым знать свой родной язык?» ($r = 0,07$; p -незначим) и «Знаешь ли ты кумандинский язык?» ($r = -0,10$; p -незначим). Одной из причин отсутствия связей может быть тот факт, что подавляющее большинство опрошенных (73 человека, 94% ответивших на вопрос) кумандинским языком не владеют, остальные (5 человек, 6%) лишь понимают кумандинскую речь, но не говорят. При этом подростков, умеющих говорить на кумандинском языке, в нашей выборке не обнаружилось.

Статистически значимых связей кумандинской идентичности с полом, возрастом, уровнем дохода и составом семьи не выявлено. Обнаружилась связь

выраженности всех трех типов идентичности с местом проживания в селе или городе, при этом наиболее тесной эта связь была для кумандинской идентичности ($r = 0,40$; $p \leq 0,001$). Наличие аналогичной связи для гражданской ($r = 0,36$; $p \leq 0,01$) и общечеловеческой идентичности ($r = 0,37$; $p \leq 0,01$) приводит к выводу о том, что обнаруженная связь идентичности с местом проживания, указывающая на более выраженную идентичность у городских подростков, является неспецифичной для этнической идентичности.

Соотношение этнической, гражданской и общечеловеческой идентичности. Средние значения по трем типам идентичности отражают довольно высокий и приблизительно равный уровень гражданской и кумандинской идентичности, при существенно меньшем уровне общечеловеческой идентичности (рис. 2). С помощью однофакторного дисперсионного анализа с повторными измерениями было установлено, что уровень идентичности по разным типам действительно различается, эффект типа идентичности имеет высокую статистическую значимость ($F(2, 170) = 62,65$; $p \leq 0,001$). Парные сравнения разных типов идентичности с помощью апостериорного критерия Бонферрони показали, что различия между кумандинской и гражданской идентичностью не являются статистически значимыми, в то время как общечеловеческая идентичность статистически значимо (при $p \leq 0,001$) отличается в меньшую сторону и от кумандинской, и от гражданской идентичности.

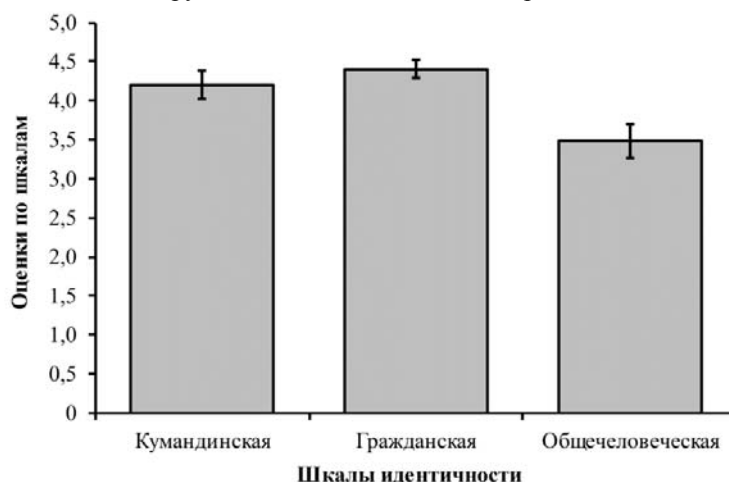

Рис 2. Средние показатели по разным типам идентичности кумандинских подростков (вертикальные отрезки указывают на величину 95% доверительного интервала среднего значения, $N = 86$)

Для анализа возможного взаимодействия факторов типа идентичности с полом, уровнем дохода и местом проживания двухфакторный дисперсионный анализ был проведен повторно с поочередным включением каждого из перечисленных факторов. Ни один из них не показал статистически значимого взаимодействия с типом идентичности. Следовательно, приблизительно равная выраженность этнической и гражданской идентичности при их доминировании над общечеловеческой характерна для кумандинских подростков независимо от пола, уровня дохода и проживания в селе или в городе.

Связь семейной идентичности с этнической идентичностью кумандинских подростков. Результаты корреляционного анализа (табл. 1) свидетельствуют о наличии статистически значимых связей кумандинской, гражданской и общечеловеческой идентичности с показателями семейной идентичности. Наибольшей величиной отличаются корреляции кумандинской идентичности с показателями семейной идентичности, указывая на умеренную или сильную связь между ними. Поскольку нас интересовала не только этническая идентичность как таковая, но и ее соотношение с гражданской, для оценки этого соотно-

шения был вычислен дополнительный показатель, характеризующий преобладание этнической идентичности над гражданской. Он представляет собой разность между показателями кумандинской и гражданской идентичности. Все коэффициенты корреляции этого показателя со шкалами семейной идентичности (табл. 1) являются статистически значимыми и поло-

жительными, указывая на умеренную прямую связь. Эти факты свидетельствуют о том, что сформированная семейная идентичность не только поддерживает этническую, гражданскую и общечеловеческую идентичность кумандинских подростков, но и может способствовать формированию преобладающей по отношению к гражданской этнической идентичности.

Таблица 1

Корреляции этнической, гражданской и общечеловеческой идентичности кумандинских подростков с показателями семейной идентичности ($N = 87$)

Показатель идентичности	Семейная идентичность	Принятие	Ценность семьи	Вовлеченность
Кумандинская идентичность	0,68***	0,52***	0,51***	0,69***
Общероссийская идентичность	0,29**	0,38***	0,31**	0,48***
Общечеловеческая идентичность	0,54***	0,39***	0,42***	0,56***
Преобладание этнической идентичности над гражданской	0,56***	0,29**	0,34**	0,40***

Примечание. Статистическая значимость: ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

О связи семейной идентичности с этнической идентичностью кумандинских подростков свидетельствуют также коэффициенты корреляции ее показателей с ответами на вопросы анкеты «Мой этнос» (табл. 2). В частности, высокие баллы по шкале семейной идентичности, а также шкалам «Принятие», «Ценность семьи» и «Вовлеченность» статистически значимо сочетаются с утвердительными ответами на вопросы: «Гордишься ли ты своей этнической принадлежностью?», «Знаешь ли ты, к какому сѳоку (роду) относится твоя семья?»,

«Знаешь ли ты легенды, сказки, пословицы кумандинцев?», «Интересует ли тебя история кумандинцев?», «Считаешь ли ты необходимым знать культуру своего народа?», «Считаешь ли ты необходимым знать историю своей семьи, своего народа?». Шкала семейной идентичности также продемонстрировала статистически значимую связь с ответом на вопрос: «Считаешь ли ты необходимым знать свой родной язык?», указывающую на лучшее понимание ценности родного языка подростками с высокой семейной идентичностью.

Таблица 2

Корреляции ответов на вопросы анкеты «Мой этнос» с показателями семейной идентичности в выборке кумандинских подростков

Вопрос анкеты	N	Семейная идентичность	Принятие	Ценность семьи	Вовлеченность
Гордишься ли ты своей этнической принадлежностью?	85	0,46***	0,38***	0,47***	0,33**
Испытываешь ли ты чувства обиды или унижения в связи с принадлежностью к своему этносу?	87	-0,31**	-0,25*	-0,27*	-0,25*
Превосходит ли твой народ какой-либо другой?	88	-0,23*	-0,08	-0,12	-0,18
Знаешь ли ты, к какому сѳоку (роду) относится твоя семья?	79	0,27*	0,26*	0,30**	0,31**
Знаешь ли ты легенды, сказки, пословицы кумандинцев?	74	0,24*	0,27*	0,24*	0,24*
Интересует ли тебя история кумандинцев?	78	0,41***	0,27*	0,21	0,33**
Знаешь ли ты кумандинский язык?	77	0,01	-0,04	-0,06	-0,03
Чувствуешь ли ты дискриминацию (притеснения) по отношению к тебе со стороны людей в связи с твоей этнической принадлежностью?	83	-0,32**	-0,30**	-0,24*	-0,29**
Если ты кумандинец, мешает ли тебе твоя этническая принадлежность?	80	-0,53***	-0,40***	-0,43***	-0,44***
Если ты кумандинец, помогает ли тебе твоя этническая принадлежность?	79	0,06	0,00	0,09	0,10
Считаешь ли ты необходимым знать свой родной язык?	82	0,30**	0,18	0,21	0,21
Считаешь ли ты необходимым знать культуру своего народа?	83	0,45***	0,43***	0,25*	0,38***
Считаешь ли ты необходимым знать историю своей семьи, своего народа?	80	0,23*	0,25*	0,37***	0,35**

Примечание. N – объем выборки, статистическая значимость: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

Показатели семейной идентичности также демонстрируют обратные связи с некоторыми вопросами о негативных проявлениях этнической идентичности,

указывающие на сочетание высокой семейной идентичности с отрицательными ответами. В частности, выявлены подобные обратные связи с вопросами:

«Испытываешь ли ты чувства обиды или унижения в связи с принадлежностью к своему этносу?», «Превосходит ли твой народ какой-либо другой?», «Чувствуешь ли ты дискриминацию (притеснения) по отношению к тебе со стороны людей в связи с твоей этнической принадлежностью?», «Если ты кумандинец, мешает ли тебе твоя этническая принадлежность?».

Таким образом, семейная идентичность кумандинских подростков показывает устойчивые связи с выраженностью кумандинской идентичности, что может быть следствием исключительно важной роли семьи в формировании этнической идентичности у детей из семей коренных малочисленных народов. Выраженная семейная идентичность у ребенка должна обеспечивать более успешную передачу от родителей к ребенку этнической идентичности, и полученные в этом исследовании результаты хорошо соответствуют этому предположению. Вместе с тем существенным ограничением является тот факт, что исследование имеет корреляционный дизайн, вследствие чего его результаты не дают оснований для интерпретации выявленных отношений в качестве причинно-следственных. Не исключено существование некоторых общих психологических и социальных факторов, определяющих формирование разных типов социальной идентичности (от семейной до общечеловеческой). Тем не менее, на основе современных теорети-

ческих представлений о семейной идентичности, выступающей важным фактором усвоения ценностей и норм, образцов и правил поведения ребенком в семье [43], можно полагать, что семейная идентичность действительно имеет большое значение для формирования этнической идентичности.

Заключение

Результаты нашего исследования показывают, что наши предположения о проявлении этнической идентичности у кумандинских подростков, выражавшейся в гордости за принадлежность своему народу, интересу к его истории и культуре, несмотря на слабое знание кумандинского языка, подтвердились. В то же время гордость за то, что кумандинский этнос является малочисленным в совокупности со слабым знанием кумандинского языка, фольклора и истории говорит о том, что часть кумандинцев привлекают и те предпочтения, которые обеспечивают статус коренного малочисленного народа. В то же время этническая идентичность для кумандинских подростков остается не менее важной, чем гражданская идентичность. И наконец, этническая идентичность более выражена у тех кумандинских подростков, которым свойственна высокая семейная идентичность, которая также сочетается с преобладанием кумандинской идентичности над гражданской идентичностью.

Список источников

1. Портал Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство: 25. Население коренных малочисленных народов Российской Федерации по территориям преимущественного проживания, возрастным группам и полу. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 21.07.2022).
2. Губогло М.Н. Становление и развитие идентичностей: автобиографические подходы // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. / редкол.: В.А. Тишков [и др.]. г. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2009. 600 с. С. 216–217.
3. Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия: пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019. 256 с.
4. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 635 с.
5. Хамидов А.А. Идентичность: ее архитектура и основания актуализации проблемы идентичности // Қоғамдық сананы жаңғырту міндеттері аясындағы қазақстандық бірегейлікті қалыптастыру: 2 кітап. Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания. Кн. 2. Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2019. 460 с.
6. Hogg M.A., Abrams D., Otten S., Hinkle S. The social identity perspective: Intergroup relations, self-conception, and small groups // Small group research. 2004. Т. 35, № 3. С. 246–276. doi: 10.1177/1046496404263424
7. Tajfel H., Turner J.C., Austin W.G., Worchel S. An integrative theory of intergroup conflict // Organizational identity: A reader. 1979. Т. 56, № 65. Р. 33–47.
8. Cinnirella M.G. Social identity perspectives on European integration: A comparative study of national and European identity construction in Britain and Italy. University of London, London School of Economics (United Kingdom). 470 p.
9. Zavalloni M. Social identity: Perspectives and prospects // Social Science Information. 1973. Т. 12, № 3. Р. 65–91. doi: 10.1177/053901847301200304
10. Google Trends. URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?geo=US&q=ethnic%20identity,civic%20identity,national%20identity> (дата обращения: 22.07.2022).
11. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 542 с.
12. Дробижина Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. 2008. № 7. С. 214–227.
13. Каримова Р.М., Хаматдинов Р.И., Юсупов И.Ф. Гражданская и этническая идентичность населения Республики Башкортостан: уровни, интенсивность и факторы // Власть. 2021. № 1. С. 208–219.
14. Псянчин А.В., Мигранова Э.В., Зарипов А.Я. К вопросу об этнической и общероссийской идентичности в республиках Башкортостан и Татарстан // Oriental Studies. 2021. Т. 14, № 4. С. 743–757. doi: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-743-757
15. Донежук М.Ю. Гражданская, этническая, региональная идентичность адыгов (по материалам пилотного исследования в Адыгее: 17 июля – 17 августа 2020 г.) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2021. № 4. С. 152–156. doi: 10.24147/2312-1300.2021.8(4).152-156
16. Омаров С.И. Этническая идентичность как одна из разновидностей гражданской идентичности // Богословское наследие мусульман России: II Междунар. форум: т. II: сб. науч. докл. конф., г. Болгар, 25–30 октября 2020 г. / сост.: Д.М. Абдрахманов, А.А. Тимерханов, Р.Л. Саяхов, С.Т. Рахимов, Л.Ф. Салихова, А.К. Хурматуллин. Казань: ИД «МеДДоК», 2021. 292 с.
17. Анайбан З.В. Этническая и гражданская идентификация молодежи Тувы // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: материалы V Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Л.М. Дробижевой, г. Казань, 28–29 апреля 2022 г. / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. 267 с. URL: http://www.tataroved.ru/publicat/books/pozitiv_opit2022.pdf

18. Касенова Н.Н., Кергилова Н.В. Роль общественных организаций в формировании этнической и гражданской идентичности у представителей коренных народов Республики Алтай (на примере деятельности НРОО «ЦКН «Туулу Алтай») // *Society and security insights*. 2021. Т. 4, № 2. С. 77–88. doi: 10.14258/ssi(2021)2-06
19. Мухина В.С. Психология этнической идентичности детей коренных малочисленных народностей Севера // *Развитие личности*. 2021. № 3–4. С. 55–76.
20. Бутенко Н.А. Этническая идентичность коренных народов Севера в современных условиях: теоретические основания и проблема сохранения // *Манускрипт*. 2021. Т. 14, № 7. С. 1409–1414.
21. Кандыбович С.Л., Разина Т.В. Языковая и этническая идентичность как базис для формирования российской гражданской идентичности // *Россия и мир: развитие цивилизаций. Преобразования цивилизационных ценностей в современном мире : материалы XI междунар. науч.-практ. конф. (21–22 апреля 2021 г.) : в 2 ч. Ч. 1. М. : Издательский дом ИМЦ, 2021. 620 с.*
22. Аванесова Е.Г. Формирование гражданской идентичности: о специфике этнической политики РФ // *Гуманитарный научный вестник*. 2021. № 5. С. 93–98.
23. Дробитжева Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // *Мир России. Социология. Этнология*. 2017. Т. 26, № 1. С. 7–31.
24. Галкина Е.М. Этническая идентичность подростков из национально-смешанных семей: по материалам этносоциологического исследования в г. Москве : дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 231 с.
25. Голуб Е.В. Развитие этнической идентичности как фактор социализации подростков полиэтнического региона : дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2011. 237 с.
26. Гринфельд И.Л. Динамика процесса формирования социокультурной идентичности в подростковом возрасте : дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 165 с.
27. Идрисова Ю.А. Формирование позитивной этнической идентичности старших подростков : дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2007. 200 с.
28. Баяев С.И., Никишов С.Н. Особенности развития этнической идентичности подростков в процессе внеучебной деятельности (на примере мордвы и русских) // *Интернет-журнал «Мир науки»*. 2017. Т. 5, № 2. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/51PDMN217.pdf>
29. Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г. Этническая социализация подростка. М. : Мос. психол.-социальный ин-т; Воронеж : МОДЭК, 2008. 208 с.
30. Болтаева Л.Ш. Формирование этнической идентичности в процессе воспитания личности // *Проблемы современного педагогического образования*. 2019. № 65-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-etnicheskoj-identichnosti-v-protsesse-vospitaniya-lichnosti> (дата обращения: 23.07.2022).
31. Bronfenbrenner U. *The Ecology of Human Development*. Harvard University Press, 1979. 330 p.
32. Umaña-Taylor A.J., Bhanot R., Shin N. Ethnic Identity Formation During Adolescence: The Critical Role of Families // *Journal of Family Issues*. 2006. Vol. 27 (3). P. 390–414. doi: 10.1177/0192513X05282960
33. Umaña-Taylor A.J., Fine M.A. Examining Ethnic Identity among Mexican-Origin Adolescents Living in the United States // *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*. 2004. Vol. 26 (1). P. 36–59. doi: 10.1177/0739986303262143
34. Umaña-Taylor A.J., Zeiders K.H., Updegraff K.A. Family ethnic socialization and ethnic identity: A family-driven, youth-driven, or reciprocal process? // *Journal of Family Psychology*. 2013. Vol. 27 (1). P. 137–146. doi: 10.1037/a0031105.
35. Juang L., Syed M. Family cultural socialization practices and ethnic identity in college-going emerging adults // *Journal of Adolescence*. 2010. Vol. 33 (3). P. 347–354. doi: 10.1016/j.adolescence.2009.11.008
36. Nuru A.K., Soliz J. Parental Socialization of Ethnic Identity: Perspectives From Multiethnic Adults // *Qualitative Research Reports in Communication*. 2014. T. 15, № 1. P. 1–8. doi: 10.1080/17459435.2014.955586
37. Pomson A., Schnoor R.F. *Jewish Family: Identity and Self-Formation at Home*. Indiana University Press, 2018. 198 p.
38. Soliz J., Thorson A.R., Rittenour C.E. Communicative Correlates of Satisfaction, Family Identity, and Group Salience in Multiracial/Ethnic Families // *Journal of Marriage and Family*. 2009. Vol. 71 (4). P. 819–832. doi: 10.1111/j.1741-3737.2009.00637.x
39. Григорьев С.И., Беспалов А.М., Гуслякова Л.Г., Прудникова М.М. Социальное качество и структура смысловых ориентаций подростков российско-монгольского приграничья на Алтае (опыт пилотного исследования Международного российско-монгольского проекта) // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 9 (187). С. 70–77.
40. Беспалов А.М., Прудникова М.М., Нямдорж Б., Ундармаа Д. Этническая идентичность малочисленных народов Западной Монголии // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 431. С. 70–80. doi: 10.17223/15617793/431/9
41. McFarland S., Webb M., Brown D. All humanity is my ingroup: A measure and studies of identification with all humanity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 103 (5). P. 830–853. doi: 10.1037/a0028724
42. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психология глобальных рисков. М. : Ин-т психологии РАН, 2018. 402 с.
43. Строкова С.С. Семейная идентичность подростков из семей различных типов : дис. ... канд. психол. наук. М. : Мос. гос. психол. пед. ун-т, 2019. 197 с.
44. Строкова С.С. Структурно-функциональные характеристики семьи и особенности семейной идентичности у подростков // *Консультативная психология и психотерапия*. 2016. Т. 24, № 2. С. 29–46. doi: 10.17759/cpp.2016240203

References

1. Federal State Statistics Service. (2010) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 goda* [All-Russian Population Census 2010]. Vol. 4. Table 25. [Online] Available from: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Accessed: 21.07.2022).
2. Guboglo, M.N. (2009) [Formation and development of identities: autobiographical approaches]. *Proceedings of the 8th Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia*. Orenburg. 1–5 July 2009. Orenburg: Orenburg State Agrarian University. pp. 216–217. (In Russian).
3. Fukuyama, F. (2019) *Identichnost': Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya* [Identity: The desire for recognition and the policy of rejection]. Translated from English. Moscow: Al'pina Publisher.
4. Huntington, S. (2004) *Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noy identichnosti* [Who Are We? The challenges to America's national identity]. Moscow: AST; Tranzitkniga.
5. Khamidov, A.A. (2019) Identichnost': ee arkhitektonika i osnovaniya aktualizatsii problemy identichnosti [Identity: its architectonics and grounds for actualization of the identity problem]. In: Bizhanov, A.Kh. & Nurmuratov, S.E. (ed.) *Qozamdyk sanany zhaqyrtu mindetteri ayasyndaqy qazakstandyk biregeylikti qalyptastyru. Formirovanie kazakhstanskoy identichnosti v kontekste zadach modernizatsii obshchestvennogo soznaniya* [Formation of Kazakh Identity in the Context of the Tasks of Modernization of Public Consciousness]. Book 2. Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of MES RK.
6. Hogg, M.A. et al. (2004) The social identity perspective: Intergroup relations, self-conception, and small groups. *Small group research*. 3 (35). pp. 246–276. DOI: 10.1177/1046496404263424
7. Tajfel, H. et al. (1979) An integrative theory of intergroup conflict. *Organizational identity: A reader*. 65 (56). pp. 33–47.
8. Cinnirella, M.G. (1993) *Social identity perspectives on European integration: A comparative study of national and European identity construction in Britain and Italy*. PhD Thesis. London.

9. Zavalloni, M. (1973) Social identity: Perspectives and prospects. *Social Science Information*. 3 (12). pp. 65–91. DOI: 10.1177/053901847301200304
10. Google Trends. (n.d.) [Online] Available from: <https://trends.google.ru/trends/explore?geo=US&q=ethnic%20identity,civic%20identity,national%20identity> (Accessed: 22.07.2022).
11. Tishkov, V.A. (2003) *Rekviev po etnosu: Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for an Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka.
12. Drobizheva, L.M. (2008) Natsional'no-grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost': problemy pozitivnoy sovmestimosti [National-Civil and Ethnic Identity: Problems of Positive Compatibility]. *Rossiia reformiruyushchayasya*. 7. pp. 214–227.
13. Karimova, R.M., Khamatdinov, R.I. & Yusupov, I.F. (2021) Grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost' naseleniya Respubliki Bashkortostan: urovni, intensivnost' i faktory [Civil and Ethnic Identity of the Population of the Republic of Bashkortostan: Levels, intensity and factors]. *Vlast'*. 1. pp. 208–219.
14. Psyanchin, A.V., Migranova, E.V. & Zariyov, A.Ya. (2021) K voprosu ob etnicheskoy i obshcherossiyskoy identichnosti v respublikakh Bashkortostan i Tatarstan [On the issue of ethnic and all-Russian identity in the republics of Bashkortostan and Tatarstan]. *Oriental Studies*. 4 (14). pp. 743–757. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-743-757
15. Donezhuk, M.Yu. (2021) Grazhdanskaya, etnicheskaya, regional'naya identichnost' adygov (po materialam pilotnogo issledovaniya v Adygee: 17 iyulya – 17 avgusta 2020 g.) [Civil, ethnic, regional identity of the Circassians (based on the materials of a pilot study in Adygea: July 17 – August 17, 2020)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. 4. pp. 152–156. DOI: 10.24147/2312-1300.2021.8(4).152-156
16. Omarov, S.I. (2021) [Ethnic identity as one of the varieties of civic identity]. *Bogoslovskoe nasledie musul'man Rossii* [Theological Heritage of Muslims in Russia]. Proceedings of the 2nd International Forum. Vol. 2. Bolgar. 25–30 October 2020. Kazan: ID “MeDDoK”. (In Russian).
17. Anayban, Z.V. (2022) [Ethnic and civil identification of the youth of Tuva]. *Positivnyy opyt regulirovaniya etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov v regionakh Rossiyskoy Federatsii* [Positive Experience in Regulating Ethnosocial and Ethnocultural Processes in the Regions of the Russian Federation]. Proceedings of the 5th All-Russian Conference. Kazan. 28–29 April 2022. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of TAS. [Online] Available from: http://www.tataroved.ru/publicat/books/positiv_opit2022.pdf. (In Russian).
18. Kasanova, N.N. & Kergilova, N.V. (2021) Rol' obshchestvennykh organizatsiy v formirovaniye etnicheskoy i grazhdanskoy identichnosti u predstaviteley korennykh narodov Respubliki Altai (na primere deyatel'nosti NROO “TsKN “Tuulu Altai”) [The role of public organizations in the formation of ethnic and civic identity among representatives of the indigenous peoples of the Republic of Altai (on the example of the activities of the National Public Organization “TsKN “Tuulu Altai”).] *Society and security insights*. 2 (4). pp. 77–88. DOI: 10.14258/ssi(2021)2-06
19. Mukhina, V.S. (2021) Psikhologiya etnicheskoy identichnosti detey korennykh malochislennykh narodnostey Severa [Psychology of ethnic identity of children of indigenous minorities of the North]. *Razvitiye lichnosti*. 3–4. pp. 55–76.
20. Butenko, N.A. (2021) Etnicheskaya identichnost' korennykh narodov Severa v sovremennykh usloviyakh: teoreticheskie osnovaniya i problema sokhraneniya [Ethnic identity of the indigenous peoples of the North in modern conditions: theoretical foundations and the problem of preservation]. *Manuskript*. 7 (14). pp. 1409–1414.
21. Kandybovich, S.L. & Razina, T.V. (2021) [Linguistic and ethnic identity as a basis for the formation of Russian civil identity]. *Rossiia i mir: razvitiye tsivilizatsiy. Preobrazovaniya tsivilizatsionnykh tsennostey v sovremennom mire* [Russia and the World: the Development of Civilizations. Transformations of Civilizational Values in the Modern World]. Proceedings of the 9th International Conference. Pt. 1. Moscow. 21–22 April 2021. Moscow: Izdatel'skiy dom IMTs. (In Russian).
22. Avanesova, E.G. (2021) Formirovaniye grazhdanskoy identichnosti: o spetsifike etnicheskoy politiki RF [Formation of civil identity: on the specifics of the ethnic policy of the Russian Federation]. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik*. 5. pp. 93–98.
23. Drobizheva, L.M. (2017) Grazhdanskaya identichnost' kak uslovie oslableniya etnicheskogo negativizma [Civil identity as a condition for the weakening of ethnic negativism]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 1 (26). pp. 7–31.
24. Galkina, E.M. (1993) *Etnicheskaya identichnost' podrostkov iz natsional'no-smeshannykh semey: po materialam etnosotsiologicheskogo issledovaniya v g. Moskve* [Ethnic identity of adolescents from nationally mixed families: based on the materials of an ethnosociological study in Moscow]. History Cand. Diss. Moscow.
25. Golub, E.V. (2011) *Razvitiye etnicheskoy identichnosti kak faktor sotsializatsii podrostkov polietnicheskogo regiona* [The development of ethnic identity as a factor in the socialization of adolescents in a multi-ethnic region]. Pedagogy Cand. Diss. Orenburg.
26. Grinfel'd, I.L. (2004) *Dinamika protsessov formirovaniya sotsiokul'turnoy identichnosti v podrostkovom vozraste* [Dynamics of the process of formation of socio-cultural identity in adolescence]. Psychology Cand. Diss. Moscow.
27. Idrisova, Yu.A. (2007) *Formirovaniye pozitivnoy etnicheskoy identichnosti starshikh podrostkov* [Formation of a positive ethnic identity of older adolescents]. Psychology Cand. Diss. Samara.
28. Balyaev, S.I. & Nikishov, S.N. (2017) Osobennosti razvitiya etnicheskoy identichnosti podrostkov v protsesse vneuchebnoy deyatel'nosti (na primere mordvy i russkikh) [Features of the development of ethnic identity of adolescents in the process of extracurricular activities (on the example of Mordvins and Russians)]. *Mir nauki*. 2 (5). [Online] Available from: <http://mir-nauki.com/PDF/51PDMN217.pdf>.
29. Belinskaya, E.P. & Stefanenko, T.G. (2008) *Etnicheskaya sotsializatsiya podrostka* [Ethnic Socialization of a Teenager]. Moscow: Moscow Psycho-Social Institute; Voronezh: MODEK.
30. Boltaeva, L.Sh. (2019) Formirovaniye etnicheskoy identichnosti v protsesse vospitaniya lichnosti [Formation of ethnic identity in the process of personality education]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 65-4. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovaniye-etnicheskoy-identichnosti-v-protsesse-vospitaniya-lichnosti> (Accessed: 23.07.2022).
31. Bronfenbrenner, U. (1979) *The Ecology of Human Development*. Harvard University Press.
32. Umaña-Taylor, A.J., Bhanot, R. & Shin, N. (2006) Ethnic Identity Formation During Adolescence: The Critical Role of Families. *Journal of Family Issues*. 27 (3). pp. 390–414. DOI: 10.1177/0192513X05282960
33. Umaña-Taylor, A.J. & Fine, M.A. (2004) Examining Ethnic Identity among Mexican-Origin Adolescents Living in the United States. *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*. 26 (1). pp. 36–59. DOI: 10.1177/0739986303262143
34. Umaña-Taylor, A.J., Zeiders, K.H. & Updegraff, K.A. (2013) Family ethnic socialization and ethnic identity: A family-driven, youth-driven, or reciprocal process? *Journal of Family Psychology*. 27 (1). pp. 137–146. DOI: 10.1037/a0031105
35. Juang, L. & Syed, M. (2010) Family cultural socialization practices and ethnic identity in college-going emerging adults. *Journal of Adolescence*. 33 (3). pp. 347–354. DOI: 10.1016/j.adolescence.2009.11.008
36. Nuru, A.K. & Soliz, J. (2014) Parental Socialization of Ethnic Identity: Perspectives From Multiethnic Adults. *Qualitative Research Reports in Communication*. 1 (15). pp. 1–8. DOI: 10.1080/17459435.2014.955586
37. Pomson, A. & Schnoor, R.F. (2018) *Jewish Family: Identity and Self-Formation at Home*. Indiana University Press.
38. Soliz, J., Thorson, A.R. & Rittenour, C.E. (2009) Communicative Correlates of Satisfaction, Family Identity, and Group Salience in Multiracial/Ethnic Families. *Journal of Marriage and Family*. 71 (4). pp. 819–832. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2009.00637.x
39. Grigor'ev, S.I. et al. (2013) Sotsial'noe kachestvo i struktura smyslozhiznennykh orientatsiy podrostkov rossiysko-mongol'skogo prigranich'ya na Altae (opyt pilotnogo issledovaniya Mezhdunarodnogo rossiysko-mongol'skogo proekta) [Social quality and structure of meaningful life orientations of adolescents of the Russian-Mongolian border region in Altai (experience of a pilot study of the International Russian-Mongolian project)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. 9 (187). pp. 70–77.
40. Bespalov, A.M. et al. (2018) Ethnic identity of indigenous small ethnic groups of Western Mongolia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 431. pp. 70–80. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/431/9

41. McFarland, S., Webb, M. & Brown, D. (2012) All humanity is my ingroup: A measure and studies of identification with all humanity. *Journal of Personality and Social Psychology*. 103 (5). pp. 830–853. DOI: 10.1037/a0028724
42. Nestik, T.A. & Zhuravlev, A.L. (2018) *Psikhologiya global'nykh riskov* [Psychology of Global Risks]. Moscow: Institute of Psychology of RAS.
43. Strokova, S.S. (2019) *Semeynaya identichnost' podrostkov iz semey razlichnykh tipov* [Family identity of adolescents from families of various types]. Psychology Cand. Diss. Moscow.
44. Strokova, S.S. (2016) Strukturno-funktsional'nye kharakteristiki sem'i i osobennosti semeynoy identichnosti u podrostkov [Structural and functional characteristics of the family and features of family identity in adolescents]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*. 2 (24). pp. 29–46. DOI: 10.17759/cpp.2016240203

Информация об авторах:

Беспалов А.М. – канд. филос. наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина (Бийск, Россия). E-mail: bam56@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3518-4554

Макарова О.Н. – канд. пед. наук, доцент кафедры физики, математики, информатики Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина (Бийск, Россия). E-mail: fmfmak.on@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3591-0875

Власов М.С. – канд. филол. наук, начальник научно-исследовательского отдела Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина (Бийск, Россия). E-mail: vlasov_mikhailo@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7848-5114

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.M. Bepalov, Cand. Sci. (Philosophy), senior researcher of the Research Department, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy (Biysk, Russian Federation). E-mail: bam56@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3518-4554

O.N. Makarova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor of the Department of Physics, Mathematics, Informatics, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy (Biysk, Russian Federation). E-mail: fmfmak.on@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3591-0875

M.S. Vlasov, Cand. Sci. (Philology), head of the Research Department, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy (Biysk, Russian Federation). E-mail: vlasov_mikhailo@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-7848-5114

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.08.2022;
одобрена после рецензирования 22.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.*

*The article was submitted 26.08.2022;
approved after reviewing 22.11.2022; accepted for publication 30.11.2022.*

Научная статья
УДК 364.6
doi: 10.17223/15617793/484/24

Возможности НКО в помощи детям с расстройствами аутистического спектра

Алевтина Викторовна Старшинова¹, Евгения Викторовна Чикова²

^{1, 2} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
¹a.v.starshinova@urfu.ru; ORCID: 0000-0001-8804-5681

²pargelia@yandex.ru

Аннотация. Проанализированы направления деятельности НКО, предоставляющие услуги детям с РАС и их семьям. НКО помогают семьям преодолевать проблемы психологического, социально-экономического характера, трудности устройства детей в дошкольные учреждения и школьные, профессиональной подготовки, трудоустройства. Обосновывается необходимость социального сопровождения как системы услуг для этой целевой группы НКО. Основу анализа составили интервью и фокус-группы с родителями детей с РАС и представителями региональных НКО.

Ключевые слова: дети с расстройствами аутистического спектра, родители детей с РАС, психологические проблемы, стигматизация, социальная эксклюзия, социальная инклюзия, раннее вмешательство, социально ориентированные НКО, социальные услуги, экосистема помощи.

Источник финансирования: исследование проведено в СПбГУ при поддержке РНФ, проект «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг» № 19-18-00246-П.

Для цитирования: Старшинова А.В., Чикова Е.В. Возможности НКО в помощи детям с расстройствами аутистического спектра // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 218–227. doi: 10.17223/15617793/484/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/24

NGOs' opportunities in helping children with autism spectrum disorders

Alevtina V. Starshinova¹, Evgenia V. Chikova²

^{1, 2} Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

¹ a.v.starshinova@urfu

² pargelia@yandex.ru

Abstract. The article discusses the problem associated with the fact that the increase in the number of children diagnosed with autism spectrum disorder (ASD) in the last two decades in Russia is accompanied by an increase in the problems inherent in the families in which these children are brought up. The unpreparedness of state social, educational, and healthcare institutions to solve these problems influenced the positions of NGOs as the most interested providers of social services for children with ASD and their families at present. At the same time, most NGOs working with children with ASD have been created and are being created on the initiative of the parents of these children. An analysis of the most typical problems that families face during the birth of a child with ASD and their subsequent maturation, as well as the opportunities that NGOs have in solving these problems, is the subject of the study presented in the article. The authors' analysis of the study results is based on empirical material obtained by interviews with representatives of NGOs (7), interviews with parents (7) and parent focus groups (5). The study identified psychological problems experienced by all family members of a child with ASD. Most families have a low level of material well-being due to the high costs of rehabilitation of a child with ASD. They experience difficulties in placing a child in a preschool and school educational institution, difficulties in transport accessibility of those places where institutions are in which children with ASD receive services. Parents are faced with the unfriendly attitude of people around them; they believe that there is a hidden stigmatization of their families in society. According to parents, their children with ASD, as they grow up and reach adulthood, are doomed to live in neuropsychiatric boarding schools after the death of their parents. The problems identified by the parents indicate that in the Russian sphere of social services there is no system of services for this group of children that could provide them with social support at different age stages of their life path. Non-profit organizations strive to respond to the needs of this target group by providing them with the necessary social services. To solve the problems of families of children with ASD, NGOs use the resources of volunteers, pro bono specialists, attract private donations, and have the support of the

state, which provides them with access to budget funding. However, the resources of NGOs are limited, so it is necessary to develop intersectoral interaction in solving the social problems of families raising children with ASD. Changes in public attitudes towards families with children with ASD as more tolerant and benevolent require systemic social and cultural changes over a long period of time.

Keywords: children with autism spectrum disorders, parents of children with ASD, psychological problems, stigmatization, social exclusion, social inclusion, early intervention, community-oriented NGOs, social services, care ecosystem

Financial support: The research was conducted at Saint Petersburg University and supported by the Russian Science Foundation, Project No 19-18-00246.

For citation: Starshinova, A.V. & Chikova, E.V. (2022) NGOs's opportunities in helping children with autism spectrum disorders. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 218–227. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/24

Введение

Тенденция роста числа детей с диагнозом расстройство аутистического спектра (РАС) совпала с процессом становления некоммерческого сектора социальных услуг, благодаря которым расширяются возможности получения помощи детям с установленным диагнозом. Появление негосударственных исполнителей социальных услуг происходит вследствие трансформации российской системы общественного благосостояния, смещающей акцент с социальных выплат на систему социального обслуживания нуждающихся в поддержке граждан, что повышает их способности к большей адаптации к условиям жизни в современном обществе. В процессе институциональной трансформации российской системы социального обслуживания ожидаемые инновации от социально ориентированных некоммерческих организаций (НКО) при их вхождении в сферу социальных услуг в качестве поставщиков способны оказать позитивное влияние на социализацию детей с РАС и создать возможности для интеграции в различные сегменты общественной жизни по мере взросления детей. Для этого необходимо последовательное развитие соответствующих институтов поддержки, оснащенных подготовленными кадрами и арсеналом современных методов и технологий работы с детьми, имеющими расстройства аутистического спектра, и их семьями. Государственный сектор социальных услуг, как и отечественное здравоохранение и образование, по сути, оказались не готовы к существенному увеличению детей с РАС, несмотря на то, что в последние два десятилетия данному заболеванию все больше уделяют внимание медицинские специалисты и педагоги, а диагностирование заболевания получает распространение в России после принятия в 1999 г. Международной классификации болезней 10. Так, в 2014 г. было зафиксировано 13 057 случаев установления диагноза РАС детям в возрасте от 0 до 14 лет [1], а в 2021 г. – уже 36 041 случай [2, 3]. При этом ряд исследователей убеждены, что статистические показатели расстройств аутистического спектра у детей могут быть выше [4], возможная неточность статистики объясняется сложностью постановки диагноза в условиях расширения границ понятия «аутистический спектр» [5]. Однако главная проблема, о которой все больше заявляют заинтересованные стороны,

связана с отсутствием в отечественной практике системы сопровождения детей и взрослых с РАС. Системный подход к решению обозначенной проблемы предполагает формирование реальной картины, включающей комплексную характеристику группы детей с РАС, их потребности и запросы в социальном обслуживании, в том числе проблемы, препятствующие получению своевременной помощи детям и их родителям. Следует добавить, что возрастает и численность взрослых людей с РАС по мере достижения совершеннолетия детей с данным заболеванием, что еще больше актуализирует вопрос о создании системы помощи, которая могла бы составить альтернативу интернатным учреждениям, не соответствующим концепции современной инклюзивной социальной политики, которой придерживается сегодня Российское государство в отношении людей с инвалидностью. Развитие системы поддержки детей с РАС предполагает раннее вмешательство и включает такие подсистемы, как ранняя диагностика, ранняя помощь ребенку и консультативная поддержка его семьи, адаптированное обучение и образование, сопровождаемая социальная занятость/трудоустройство, сопровождаемое проживание. Перспективы помощи детям с РАС во многом связаны с некоммерческим сектором социальных услуг, который сегодня начинает выполнять решающую роль в этом сегменте формирующегося рынка социальных услуг, и, как правило, инициаторами создания таких НКО становятся родители детей с РАС. Цель статьи – выявление совокупности актуальных проблем родителей детей с РАС и формирующихся подходов к их решению, которые во многом будут определять приоритетные направления развития некоммерческого сектора социальных услуг в интересах данной целевой группы.

Современные научные исследования проблем семей, воспитывающих детей с РАС

Изучение проблем семей, воспитывающих детей с аутизмом и расстройствами аутистического спектра, приобретает все большую актуальность из-за роста уровня заболеваемости в общей популяции населения и, как следствие, возникающих социальных проблем, нуждающихся в решении. Наиболее широкое освещение получили несколько тематических направлений.

В первую очередь исследователи обращают внимание на психологическое состояние родителей и других членов семей детей с аутизмом и факторы, обуславливающие возникновение и сохранение у них перманентного стресса [6, 7], – ограничение социальных контактов, в том числе с родственниками, изменение повседневных норм жизнедеятельности, утрата карьерных перспектив родителей, снижение уровня жизни в связи с резким увеличением семейных расходов, социально-неприемлемое поведение ребенка с РАС и озабоченность родителей о его будущем после наступления совершеннолетия и др. [8–11].

Второй распространенной исследовательской темой является стигматизация и самостигматизация членов семей, в которых воспитываются дети с РАС [12]. Источником стигматизации, согласно работам зарубежных авторов, часто становится близкое окружение, семья и друзья, а также школа, а само это явление находит выражение в таких формах, как неприятие, осуждение, недостаток знаний и отсутствие поддержки [13]. В основе самостигматизации, по мнению исследователей, лежит внутрисемейный кризис родительских и детско-родительских отношений и спровоцированное кризисом чувство вины, которое способствует снижению самооценки и ухудшению психологического самочувствия и может привести к осознанной изоляции или распаду семьи, психическим нарушениям у родителей и у других детей в семье [14–17].

Наконец, в зарубежных публикациях большое место занимают исследования опыта жизнедеятельности семей с детьми с РАС и изменений их качества жизни, которое обеспечивается за счет комплекса услуг по социальной, экономической, психологической и даже физической адаптации родителей и других членов семьи к диагнозу ребенка [18–20]. Изучая конкретные факторы, способствующие позитивным изменениям жизнедеятельности данной группы семей, авторы отмечают появление возможности расширения социальных связей и социальной поддержки за счет более активного участия в общественной жизни, полного или частичного трудоустройства родителей, приемлемого дохода, обеспечивающего семье «подушку безопасности» для будущего жизнеобеспечения ребенка с РАС и доступ к дополнительным востребованным услугам здравоохранения и образования [21, 22]. В данном контексте важное значение приобретают исследования оценки качества системы сопровождения детей с РАС, которая меняется в разных странах, но неизменной остается во всех странах роль НКО в формировании такой системы. В исследованиях показано, что высокий уровень развитости третьего сектора социальных услуг обеспечивает и развитую инфраструктуру поддержки семьям, воспитывающим детей с аутизмом. При этом выявлена и обратная закономерность [23–26]. Кроме того, НКО играют большую роль в содействии родительскому сообществу, способному лоббировать свои интересы, взаимодействуя с органами власти и местными сообществами [27, 28].

Значительная часть российских исследований также посвящена изучению психологического состояния

членов семей, причин и проявлений у них стресса, адаптации к диагнозу [29–31]. Однако фокус внимания многих авторов смещен на оценку диагностического инструментария, описания апробации коррекционно-развивающих методов и изучения психологических особенностей детей с РАС, тогда как общая совокупность публикаций об особенностях взаимодействия и реагирования ближайшего окружения на ребенка с РАС крайне мала [32]. Практически не разработана и область исследований, связанная с адаптацией совершеннолетних с аутизмом. Другими словами, в России лишь начинается процесс формирования системы сопровождения людей с расстройствами аутистического спектра и накопления необходимого объема эмпирических данных, связанных с проблемами и положением семей с детьми с РАС в обществе на фоне трансформации отношения профессионального сообщества и в целом общественности к аутизму [33].

Теория экологических систем [34], в соответствии с которой семья является важным ресурсом и средой развития ребенка, составила теоретико-методологическую основу проведенного нами исследования, результаты которого представлены в статье. Для детей с расстройствами аутистического спектра семья (микросистема) также выполняет роль регулятора, инициирующего создание вокруг ребенка системы социальной поддержки с целью облегчить его приспособление к внешней среде, представленной на уровне мезосистемы (детский сад, школа, квартал проживания), экзосистемы (формальные и неформальные взрослые социальные организации), макросистемы (ценности, убеждения, обычаи, стереотипы, законы общества). Предеску М., Аль Гази Л, Дарьян И. [35] развивают выдвинутые теоретические положения, дополняя их собственной типологией оказания помощи (Spinner Model), включающей элементы оценки (диагностика состояния/потребностей), вмешательства (мероприятия, направленные на развитие детей/оказание помощи семьям), образования (создание инклюзивной среды), консультирования (психологическая поддержка/обучение родителей, адаптирующие семью к диагнозу) и защиты интересов (содействие школьной/социальной интеграции и обеспечение доступа к услугам). Таким образом, работа со случаем РАС должна представлять собой координацию нескольких видов помощи, реализуемых на разных уровнях окружения ребенка и его семьи в виде совокупности социальных услуг, образующих систему сопровождения.

В литературе обоснованы преимущества НКО как поставщиков социальных услуг, которые демонстрируют развивающиеся в относительно небольшой период времени российские НКО [36]. Они способны гибко реагировать на социальные запросы своих целевых групп, в интересах которых создаются. Некоммерческие организации законодательно наделены правом привлекать дополнительные ресурсы, оказывать социальные услуги за счет бюджетного финансирования, осуществлять индивидуальную работу с каждым получателем услуг, оперативно внедрять инновации, позволяющее обеспечивать качество обслуживания нуждающихся в помощи граждан.

Методы исследования

В период с 2019 по 2021 г. было проведено 7 фокус-групп и 5 интервью в Хабаровске, Новороссийске, Ростове-на-Дону, Кисловодске, Пятигорске и Екатеринбурге с родителями детей, имеющих РАС, и 7 интервью с руководителями и специалистами социально ориентированных некоммерческих организаций, работающих с этой группой детей и их семьями. Полученный материал был обработан с помощью программы анализа качественных данных QDAminer в соответствии с процедурами метода ситуационного анализа обоснованной теории Адель Кларк. На первом этапе исследования была сформирована неструктурированная семантическая карта высказываний участников фокус-групп ($n > 200$) с указанием на проблемы, с которыми сталкивается их семья в повседневной жизни. На втором этапе все приведенные высказывания были распределены по кластерам – тематическим блокам проблем, с которыми сталкиваются семьи, воспитывающие детей с РАС, и в дальнейшем объединены в два осевых вектора: проблемы внутренней и внешней среды, т.е. в воспроизведении респондентов проблемы личного характера, и иницируемые агентами внешней среды, к которым родители относили образовательные организации, органы власти и общество в целом. То есть, опираясь на теорию экологических систем, можно отметить дифференциацию родителями всего проблемного поля по принципу объединения ребенка и семьи в одну микросистему, тогда как все остальные среды оказываются объединены друг с другом в одну внешнюю среду. Рассмотрим основные проблемы, обозначенные родителями детей с РАС, принявших участие в исследовании, и направления деятельности НКО по их решению в процессе предоставления им необходимых услуг.

Результаты исследования

Одной из наиболее характерных для родителей детей, которым устанавливается диагноз расстройство аутистического спектра, и тяжело переживаемых является проблема психологической адаптации к самому факту установления ребенку диагноза. У определенной части родителей, обычно матерей, начинает проявляться самостигматизация как своеобразный способ адаптации: *«Я вот помню свой опыт с клиническим психологом. Я пришла к нему с осознанием: “Всё, я мать ребенка инвалида, все закончено, жизнь разрушена”»* (мама ребенка с РАС, клиент АНО, Ростов-на-Дону, 2021). Противоположной формой адаптации является отрицание родителями диагноза и каких-либо отклонений у ребенка. Следствием такой родительской реакции является несвоевременное, иногда со значительным опозданием включение ребенка в цикл мероприятий помощи: *«А вот не знаю, как это назвать, тут есть какая-то психологическая штука, что родители очень часто не хотят понимать диагноз <...> соответственно, наша помощь могла бы быть более эффективной, если бы родители разрешили бы нам помочь. Но пока уровень готовности*

там 5%» (руководитель НКО, Ростов-на-Дону, 2021). Осложняющим фактором принятия семьей диагноза ребенка является несовершенство ранней диагностики вследствие низкой квалификации части специалистов медицинской сферы, которые не всегда могут корректно использовать имеющийся в их распоряжении диагностический инструментарий. Это также сдерживает потенциальные возможности раннего вмешательства.

Состояние перманентного стресса у родителей вызывает необходимость организации особого семейного быта для ребенка с ментальными нарушениями, часто сочетающимися с другими диагнозами: *«Половина мам сидят на антидепрессантах»* (мама с РАС, клиент благотворительного фонда, Ростов-на-Дону, 2021). При этом руководители некоммерческих организаций, имея собственный опыт воспитания ребенка с расстройством аутистического спектра, подчеркивали, что переживание перманентного стресса является неизбежным состоянием для всех членов семей, имеющих больного ребенка. Представители НКО убеждены, что профилактика таких состояний должна стать обязательным компонентом системы сопровождения семей и будет иметь позитивные последствия для работы с ребенком с РАС. Ситуация усугубляется вынужденной самоизоляцией семей с детьми с РАС вследствие общественной стигматизации, возникающей из-за незнания и неприятия окружающими поведенческих особенностей ребенка с расстройством аутистического спектра: *«[В общественном транспорте] обычно это как бывает – либо злятся, либо вообще – “выведите своего ребенка отсюда”, агрессивно...»* (мама ребенка с РАС, клиент НГОНОЛОВЗ, Новороссийск, 2020). К этому добавились ограничения пандемии COVID-19, на длительный срок закрывшие двери всех социальных учреждений, нарушив привычный круг общения и взаимодействия для детей с РАС и их родителей.

Социально-экономическое положение семей, как правило, характеризуется малообеспеченностью. Социальная поддержка, предоставляемая ребенку на безвозмездной основе государством и некоммерческими организациями, является недостаточной, и родители вынуждены обращаться к частным специалистам, оплачивая их услуги в соответствии с коммерческой стоимостью: *«На сегодняшний день выходит ходить, слава богу, в муниципальную коррекционную группу. И много занимаюсь, занимаюсь в основном платно. А мне бы хотелось конечно [больше занятий], но это очень дорого»* (директор АНО, мама ребенка с РАС, Хабаровск, 2019). Как отмечает руководитель НКО, ежемесячная стоимость занятий может исчисляться десятками тысяч рублей, не говоря уже о расходах на лекарственные препараты, реабилитационные средства и даже ортопедическую обувь: *«Если та работа, которой мы [НКО] много занимаемся, психолого-педагогическая поддержка, будет коммерческой, то для родителей это, как правило, неподъемная история совсем. <...> Реабилитация моего собственного ребенка по полным коммерческим ценам, будет стоить 80 тысяч в месяц»* (руководи-

тель НКО, мама ребенка с РАС, Екатеринбург, 2019). При этом родители ребенка с расстройством аутистического спектра готовы нести довольно крупные финансовые расходы, чтобы увеличить шансы на его успешную социализацию: *«Мы узнали <...> единственный детский сад в Восточной Европе, который работает с нашими детьми. <...> Год с сыном были там, и когда мы вернулись, специалисты, которые работали со Степой, его психиатры, невролог сказали, что это два разных ребенка: Степа “до” и Степа “после”. <...> Это все стоило 2000 \$ в месяц. Мы продали квартиру...»* (мама ребенка с РАС, клиент АНО, Ростов-на-Дону, 2021).

Острой проблемой является транспортная доступность организаций и учреждений, оказывающих помощь лицам с РАС. Их услуги на постоянной основе сложно получать в первую очередь сельским жителям, и это негативно отражается на состоянии детей, поскольку в домашних условиях практически невозможно организовать занятия такого же уровня, на котором их проводят специалисты социальных служб или НКО. Родители тратят значительные временные ресурсы на посещение занятий: *«У нас органический аутизм, мы <...> ездим за 120 километров на занятия»* (мама ребенка с РАС, клиент АНО, Ростов-на-Дону, 2021). Учитывая поведенческие особенности детей с РАС, дистанционные формы работы с ребенком являются весьма проблемной альтернативой: *«Они не воспринимают другого человека из-за этого онлайн. Для наших детей [онлайн-занятие] не подходит»* (мама ребенка с РАС, клиент НГОНОЛОВЗ, Новороссийск, 2020). Для семей, проживающих в городах, также серьезным препятствием является поездка с ребенком на занятие при отсутствии личного транспорта, поскольку приходится в один и тот же день ездить в несколько организаций на занятия. В свою очередь НКО, принимая во внимание отмеченные трудности семей, пытаются помочь их преодолеть за счет гибкого графика работы, организации летних лагерей для детей и применения цифровых технологий: *«И такого рода занятий у нас несколько, и эти занятия мы ведем не только очно, но и дистанционно, потому что город большой, и не всем удобно сюда в определенное время приехать»* (руководитель Центра развития РООИ, Ростов-на-Дону, 2021).

Дефицит необходимой информации также представляет для родителей типичную проблему, особенно на этапе после постановки диагноза ребенку. Появление НКО, работающих с детьми с РАС, во многом способствовало распространению необходимой родителям информации: *«До 8–9 лет, у меня не было вообще никакой информации о том, куда можно водить ребенка бесплатно»* (женщина, мама ребенка с РАС, клиент АНО, Ростов-на-Дону, 2021).

По мере того как ребенок подрастает, родители сталкиваются с недостатком образовательных учреждений для своих детей, инклюзивных дошкольных групп и инклюзивных школьных классов. Инициатива открытия таких образовательных учреждений или групп исходит от представителей родительского со-

общества при содействии некоммерческих организаций: *«Я понимаю, что у нас закончится садик, начнется школа. Дай Бог, мы туда если попадем, нехватка, кстати, одна из проблем. Классы маленькие, тем более для тяжелых детей»* (мама ребенка с РАС, клиент АНО, Хабаровск, 2019). Нередко при зачислении ребенка в обычные детские сады и школы выясняется, что педагогическому персоналу не хватает компетенции и психологических, эмоциональных ресурсов для работы с детьми с ментальными нарушениями. В школах отсутствует тьютор, в функции которого входит сопровождение ребенка с РАС, или они тоже недостаточно компетентны, что порождает риски нарастания конфликтов между педагогом и родителями, родителями и администрацией общеобразовательного учреждения: *«Я считаю, что при том, что в школах есть и педагог, и психолог, и тьюторы, он не может найти общий язык с учениками. У нас пошли конфликтные ситуации. Он у меня не дерется, нет. Он у меня не конфликтный мальчик, но какое-то недопонимание пошло»* (мама ребенка с РАС, клиент АНО, Ростов-на-Дону, 2021). Помимо этого, родители говорили о недостатке других специалистов, необходимых детям с РАС: *«У нас тоже была потребность в дефектологе и в логопед. Вот их еще найти надо. Уже не важно за деньги, не за деньги... И мало кто вообще идет туда обучаться, там тяжело работать, и найти этих людей тоже очень тяжело»* (мама ребенка с РАС, клиент НГОНОЛОВЗ, Новороссийск, 2020).

Специфические проблемы появляются в семьях взрослых людей с РАС, их поддержка государством резко снижается после достижения совершеннолетия. При этом трудоустройство оказывается фактически невозможным, поскольку работодатели, даже при поручительстве и посредничестве некоммерческих организаций, не готовы брать на себя ответственность, а также вносить изменения в организацию работы на предприятии при найме людей с ментальными нарушениями здоровья, что предписывают нормативные требования: *«Детям у нас помогают все фонды, а потом в 18 лет человек оказывается один, совсем никому не нужен, и никто ему не помогает, на работу его не берут, учиться предлагают только на маляра-штукатур»* (руководитель НКО, Екатеринбург, 2019). Родители готовы рассматривать различные формы социальной занятости, организуемые НКО, в которых совершеннолетние с РАС могли бы заниматься сами или выступать в качестве помощников педагогов, включаясь в своеобразный самоорганизуемый институт наставничества: *«Просто мой сын не сможет работать нигде постоянно, в социальных мастерских сможет 2–3 часа что-то поделает. Нигде он другую работу не найдет. Также у нас больше нет мест, куда можно ходить и где можно общаться. Поэтому у меня есть мечта о дневном центре, где собирались бы подростки, постарше ребята такого возраста, которым больше некуда идти...»* (мама ребенка с РАС, клиент благотворительного фонда, Ростов-на-Дону, 2021).

Родители, участвующие в исследовании, проявляли серьезную озабоченность будущим своих детей с РАС, когда они достигнут более зрелого возраста: *«Пока мы на своих ногах - с детьми будет все хорошо, но, когда мы умрем, самостоятельно они жить не смогут. Сколько бы реабилитаций ни было, существуют заболевания. Он никогда не будет нормальным, и он никогда не сможет жить самостоятельно»* (мама ребенка с РАС, клиент благотворительного фонда, Ростов-на-Дону, 2021). Выход родители видят в системе сопровождения взрослых людей с РАС, в ином случае они смогут жить только в психоневрологических интернатах: *«Если попадает ребенок, уже взрослый сын, в психоневрологический интернат, то двенадцать тысяч берется из его пенсии и двадцать восемь платит государство на его содержание. И на это целые штаты [ПНИ] кормятся, а мероприятия, которые обеспечат нормализацию жизни вообще не проводятся. Просто они как в больнице живут»* (директор АНО, Хабаровск, 2019). Однако НКО пока не могут предложить родителям ни одной альтернативы, поскольку создание инклюзивных учреждений для совершеннолетних с ментальными нарушениями – это задача, которую можно решить только на государственном уровне и с привлечением государственных ресурсов.

Наконец, родители детей с РАС открыто заявляют о стигматизации в обществе семей с детьми с ментальными нарушениями, которая выражается в открытом неприятии со стороны отдельных людей, в «скрытой» стигматизации, т.е. в массовом игнорировании или незнании общества об увеличении числа людей с ментальными нарушениями и условиях их нормального жизнеобеспечения, предполагающих в первую очередь доступную среду. Распространённой является и «скрытая» эксклюзия, проявляющаяся в неявном стремлении вытеснить людей с ментальными нарушениями в учреждения закрытого типа, особенно в зрелом возрасте: *«У нас есть тут всякие общественные деятели, как кто-нибудь на улице постреляет, и они сразу говорят, что этот человек аутист»* (руководитель ассоциации, Екатеринбург, 2019).

Появление в последнее десятилетие региональных НКО, работающих с данной целевой группой, было связано в большей степени с распространением информации, необходимой родителям ребенка, которому поставлен диагноз РАС, а также консультативной работы с родителями. Постепенно НКО становятся для родителей единственным местом, где ребенок может получить помощь уже в раннем возрасте. На своих веб-ресурсах организации размещают сведения о заболевании и формах поддержки, за которыми родители могут обратиться в учреждения и организации различного профиля. Некоммерческие организации способствовали созданию групп самопомощи, в том числе взаимодействующих в цифровом формате. НКО занимаются проведением публичных инклюзивных мероприятий, фестивалей, спектаклей, выставок, участниками которых становятся не только дети с расстройством аутистического спектра, но и их нор-

мотипичные сверстники. Значительный объем работ, связанный с распространением информации об аутизме как заболевании, поведенческих особенностях людей с РАС и об особенностях взаимодействия с ними ведется в интернет-пространстве. Для этого некоммерческие организации используют ресурсы собственных и партнерских сайтов и страниц в социальных сетях. Реализуют НКО и отдельные проекты, связанные, например, с профилактикой буллинга в отношении детей с ментальными нарушениями в образовательных учреждениях: *«Мы за год делаем порядка 120 уроков доброты в школах. Ребята с инвалидностью проводят эти уроки для детей и рассказывают о том, что инвалидность – это не предел и не повод для, того, чтобы ребёнка как-то отделить от общества или устроить ему буллинг»* (исполнительный директор ассоциации, Екатеринбург, 2019).

Психологическая работа с детьми и родителями обеспечивается в НКО благодаря сотрудничеству с психологами pro bono. Более широкое привлечение специалистов в НКО стало возможным, когда они начали получать средства от грантов на свои социальные проекты от Фонда президентских грантов и частных фондов: *«проект “Метаморфоза”, который вошел в грант, у нас было два урока, они шли пять-шесть часов. <...> Вошел одним человеком, а вышел другим человеком. Я была на первом и втором тренинге, это была и психология, раскрепощение <...>. Нас раскрывали и дали выдохнуть и отпустить то, что угнетало столько лет. Это колоссальная работа»* (клиентка благотворительного фонда, Ростов-на-Дону, 2021). Периодически на безвозмездной основе специалисты некоммерческих организаций проводят курсы групповых арт-терапевтических занятий для родителей, направленные на предотвращение эмоционального выгорания, при этом художественно-творческие технологии активно применяются в работе с детьми. Кадровый дефицит специалистов частично НКО восполняют за счет вовлечения в свою деятельность волонтеров, которые в основном выступают в роли помощников педагогов и специалистов во время занятий с детьми. В некоторых некоммерческих организациях в качестве помощников специалисты вовлекают в свою деятельность уже совершеннолетних с РАС, но продолжающих посещать различные мероприятия в НКО. Наконец, распространенной практикой, реализуемой в некоммерческих организациях, становится трудоустройство родителей детей с РАС в период реализации грантовых проектов: *«Мы трудоустраиваем родителей. У нас на каждом грантовом проекте работают наши родители»* (руководитель Центра развития РООИ, Ростов-на-Дону, 2021).

Проблемы высокой стоимости услуг и запрос родителей на получение услуг на безвозмездной основе НКО решают, привлекая средства из нескольких источников пополнения своего бюджета – частные пожертвования, развитие деятельности, приносящей доход организациям, выполнение государственного заказа, возмещение стоимости предоставленных услуг гражданам из бюджетов разного уровня, получение грантов.

Именно некоммерческие организации чаще всего выступают посредниками в диалоге между родителями ребенка с РАС и администрацией, и коллективом школы, добиваясь хороших результатов. Участие НКО в открытии ресурсного класса, о котором рассказала участница одной из фокус-групп, демонстрирует такие случаи: *«Во-первых, школа выделила нам большой, просторный кабинет. Там были ужасные потолки, полы, окна. Мы силами родителей и фонда все поменяли. Наши дети пришли в изумительные условия. Другие благотворительные фонды сделали нам мебель. Там особым образом организованные зоны, есть сенсорная зона, есть зона для фронтальной работы, есть зона для индивидуальной, есть зона учителя. Были набраны 6 смелых семей, были набраны специалисты, три куратора. Сначала в школе были оформлены только кураторы и методист, потому что школа не могла дать больше ставок, она и так много сделала. Была проведена огромная работа с педагогами, потому что всё начинается с головы. Потому что говорят, что дети жестоки, это всё неправда. Если учитель не принимает, взрослые не принимают, то точно также относятся и дети. Сейчас всё прекрасно. Это очень позитивный опыт»* (женщина, клиент АНО, Ростов-на-Дону, 2021).

Руководители некоммерческих организаций, имеющие детей с расстройством аутистического спектра, убеждены, что проблемы, которые в той или иной мере присущи всем семьям, воспитывающим детей с аутизмом, являются следствием совокупности факторов, среди которых отсутствие системной помощи людям с РАС, соответствующей федеральной программы, стандарта обеспечения поддержки их жизнедеятельности, который бы включал комплекс социальных услуг в виде сопровождения с момента рождения ребенка на разных этапах его жизненного пути. При этом они считают, что НКО, создающиеся для поддержки этой группы детей, могут привнести изменения только на локальном уровне, т.е. на уровне созданной ими организации. Пока же деятельность НКО отличается разрозненностью, нежеланием объединяться, поскольку многие из руководителей НКО полагают, что при объединении утратят самостоятельность и попадут под контроль самой крупной среди них организации: *«Нам <...> реально мешает разрозненность некоммерческих организаций, потому что если бы они объединились, можно было бы многое сделать. А так, каждый ориентирован на своих подопечных, и когда ты маленький, очень сложно»* (руководитель Центра развития РООИ, Ростов-на-Дону, 2021).

Некоммерческие организации выступают площадкой, на базе которой формируется активное сообщество родителей детей с расстройствами аутистического спектра, имеющее сформированное представление о собственных правах и готовое отстаивать интересы своих семей при посредничестве НКО на самых разных уровнях власти: *«Объединение родителей – это наше просвещение, потому что мы из разных слоев, разных профессий, но диагноз не выбирают, скажем так. И на занятиях повышают нашу грамотность,*

нам объясняют структуру органов власти, и куда мы можем обратиться, наши права и так далее» (директор АНО, Хабаровск, 2019). Тем не менее часть родителей отличаются инертностью и иждивенческими настроениями: *«Я наблюдаю социальный аутизм, когда одни [родители] жалуются другим, как тяжела жизнь, как виноват президент, губернатор и все прочие, и что-то делать самим не хочется им»* (директор АНО, Хабаровск, 2019). Другим проявлением подобных родительских настроений становится потребительский экстремизм родителей, воспринимающих предоставляемые для их детей на безвозмездной основе услуги и материальную помощь обязанностью НКО и требующих увеличения их объема: *«Мне не нравится потребительский экстремизм. Есть такая вещь, когда людям помогаешь, помогаешь... Понятно, что я сейчас говорю не о детях, но я в родителях часто вижу стяжательство»* (руководитель ассоциации, Екатеринбург, 2019).

Таким образом, как родители, так и некоммерческие организации, созданные самими родителями или в их интересах, сталкиваются с дисфункцией системы социального обслуживания детей с ментальными нарушениями, во многом ограничивающей их социальную интеграцию. В то же время именно они являются проводниками политики инклюзии, совместно работая по развитию условий для включения детей и взрослых людей с РАС в жизнь общества.

Заключение

Некоммерческие организации, работающие с детьми, имеющими диагноз РАС, создаются в ответ на формирующийся социальный запрос на поддержку и помощь родителям этой группы детей. При этом нередко сами родители возглавляют региональные организации, определяя их политику и развитие [37]. Как следует из анализа эмпирического материала, информационные, консультативные, психологические, педагогические услуги, социально-экономическая и иная помощь, предоставляемая некоммерческими организациями родителям детей с РАС, и непосредственно работа с детьми, выполнение разнообразных организационных функций и посредничество между семьями и различными учреждениями и ведомствами составляют сегодня ключевые направления деятельности НКО в интересах этих семей.

Однако возрастающие потребности семей детей с аутизмом и взрослых людей с РАС не в состоянии реализовать в отдельности существующие государственные структуры или развивающиеся НКО. В результате проведенного анализа очевидно, что актуальный характер приобретает вопрос межсекторного взаимодействия, в рамках которого НКО, выражая интересы своих целевых групп, выполняя роль медиации между государством, гражданским обществом и бизнесом, способны усиливать роль государства, гарантирующего социальные права детей с РАС и их родителей. В свою очередь государство планомерно поддерживает развитие некоммерческого сектора со-

циальных услуг и прежде всего обеспечивает НКО доступ к бюджетному финансированию, предоставляя гранты и другие формы поддержки [38]. Организации некоммерческого сектора стремятся охватить услугами максимально возможное количество нуждающихся, но и их ресурсы ограничены, по признанию представителей НКО. Преодоление ресурсных ограничений они связывают с укрупнением некоммерческих организаций через их объединение, с изменениями установок родительского сообщества с потребительских позиций на активное участия в деятельности самих организаций в форме волонтерства, привлечения доноров из среды региональных бизнес-

сообществ, разработки социальных проектов для получения грантов и др.

Изменение отношения общества к людям с ментальными нарушениями представляет собой более сложную проблему, решение которой предполагает длительные по времени системные общественные и культурные изменения, включая качественные преобразования институтов воспитания и образования, профессионального сообщества, работающего с детьми, здравоохранения, средств массовой информации, политики занятости людей с инвалидностью, от которых во многом зависит становление именно системы помощи детям и взрослым с РАС и их семьям.

Список источников

1. Письмо Министерства здравоохранения РФ № 15-3/10/1-2140 от 08.05.2013. URL: <https://drive.google.com/file/d/11zVSvQP84-aVUn62iSrx4sggAza7UPwI/view> (дата обращения: 20.08.2022).
2. Пронина Л.А., Николаева Т.А. Показатели распространенности аутизма у детей 0–14 лет в Российской Федерации и федеральных округах в 2014–2015 гг. // Психическое здоровье детей страны – будущее здоровье нации : сб. материалов Всерос. конф. по детской психиатрии и наркологии (4–6 октября 2016 года, Ярославль). М. : ФГБУ «ФМИЦПН им. В. П. Сербского» Минздрава России. 2016. С. 322–332.
3. Письмо Министерства здравоохранения РФ № 15-3/407 от 15.03.2021. URL: <https://autism.help/uploads/store/uploads/document/35/file/1bf93f56eaa97007aad1ac623a31cd.pdf> (дата обращения: 15.08.2022).
4. «Известия»: количество детей с аутизмом в России занижено в 10 раз // Проект Благотворительного фонда «Нужна Помощь». 18.12.2017. URL: <https://takiedela.ru/news/2017/12/18/izvestiya-autizm/> (дата обращения: 17.08.2022).
5. Макушкин Е.В., Макаров И.В., Пашковский В.Э. Распространенность аутизма: подлинная и мнимая // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2019. № 119 (2). С. 80–86. doi: 10.17116/jnevro201911902180
6. Cheatham K.L., Fernando D.M. Family Resilience and Parental Stress in Families of Children with Autism // The Family Journal. 2022. Vol. 30 (3). P. 419–426. doi: 10.1177/10664807211052494
7. Enea V., Rusu D.M. Raising a Child with Autism Spectrum Disorder: A Systematic Review of the Literature Investigating Parenting Stress // Journal of Mental Health Research in Intellectual Disabilities. 2020. Vol. 13 (4). P. 283–321. doi: 10.1080/19315864.2020.1822962
8. McCafferty P., McCutcheon J. Parenting a Child with Autism: Considering the Stresses, Supports and Implications for Social Work Practice // Child Care in Practice. 2021. Vol. 27 (4). P. 389–405. doi: 10.1080/13575279.2020.1765145
9. Sim A., Vaz S., Cordier R., Joosten A., Parsons D., Smith C., Falkmer, T. Factors associated with stress in families of children with autism spectrum disorder // Developmental neurorehabilitation. 2018. Vol. 21 (3). P. 155–165. doi: 10.1080/17518423.2017.1326185
10. Iadarola S., Pérez-Ramos J., Smith T., Dozier A. Understanding stress in parents of children with autism spectrum disorder: A focus on under-represented families // International journal of developmental disabilities. 2019. Vol. 65 (1). P. 20–30. doi: 10.1080/20473869.2017.1347228
11. Bonis S. Stress and Parents of Children with Autism: A Review of Literature // Issues in mental health nursing. 2016. Vol. 37 (3). P. 153–163. doi: 10.3109/01612840.2015.1116030
12. Kinnear S.H., Link B.G., Ballan M.S., Fischbach R.L. Understanding the Experience of Stigma for Parents of Children with Autism Spectrum Disorder and the Role Stigma Plays in Families' Lives // Journal of autism and developmental disorders. 2016. Vol. 46 (3). P. 942–953. doi: 10.1007/s10803-015-2637-9
13. Broady T.R., Stoyles G.J., Morse C. Understanding carers' lived experience of stigma: the voice of families with a child on the autism spectrum // Health & social care in the community. 2017. Vol. 25 (1). P. 224–233. doi: 10.1111/hsc.12297
14. Chan K.K.S., Lam C.B. Self-stigma among parents of children with autism spectrum disorder // Research in Autism Spectrum Disorders. 2018. Vol. 48. P. 44–52. doi: 10.1016/j.rasd.2018.01.001
15. Milačić-Vidojević I., Gligorović M., Dragojević N. Tendency towards stigmatization of families of a person with autistic spectrum disorders // The International journal of social psychiatry. 2014. Vol. 60 (1). P. 63–70. doi: 10.1177/0020764012463298
16. Lodder A., Papadopoulos C., Randhawa G. The development of a stigma support intervention to improve the mental health of family carers of autistic children: suggestions from the autism community // European Journal of Mental Health. 2019. Vol. 14 (1). P. 58–77. doi: 10.5708/EJMH.14.2019.1.4
17. Rachel J., Wood C.E., Rebecca G., Seymour M. Family functioning and behaviour problems in children with Autism Spectrum Disorders: The mediating role of parent mental health // Clinical Psychologist. 2015. Vol. 19 (1). P. 39–48. DOI: 10.1111/cp.12047
18. Samsell B., Lothman K., Samsell E.E., Ideishi R.I. Parents experiences of caring for a child with autism spectrum disorder in the United States: A systematic review and metasynthesis of qualitative evidence // Families, Systems, & Health. 2022. Vol. 40 (1). P. 93–104. doi: 10.1037/fsh0000654
19. Sikora D., Moran E., Orlich F., Hall T.A., Kovacs E.A., Delahaye J., Clemons T.E., Kuhlthau K. The relationship between family functioning and behavior problems in children with autism spectrum disorders // Research in Autism Spectrum Disorders. 2013. Vol. 7 (2). P. 307–315. doi: 10.1016/j.rasd.2012.09.006
20. Vasilopoulou E., Nisbet J. The Quality of Life of Parents of Children with Autism Spectrum Disorder: A Systematic Review // Research in Autism Spectrum Disorders. 2016. Vol. 23. P. 36–49. doi: 10.1016/j.rasd.2015.11.008
21. Manor-Binyamini I., Ka'Abeya F. Social Capital and the Quality of Life of Parents of Children with Autism Spectrum Disorders: A Comparison Between Bedouin Fathers and Mothers // Culture, Diversity and Mental Health – Enhancing Clinical Practice. Advances in Mental Health and Addiction. Cham : Springer, 2019. doi: 10.1007/978-3-030-26437-6_16
22. Nealy C.E., O'Hare L., Powers J.D., Swick D.C. The Impact of Autism Spectrum Disorders on the Family: A Qualitative Study of Mothers' Perspectives // Journal of Family Social Work. 2012. Vol. 15 (3). P. 187–201. doi: 10.1080/10522158.2012.675624
23. Parsons B.M. Local Autism Policy Networks: Expertise and Intermediary Organizations // Educational Policy. 2018. Vol. 32 (6). P. 823–854. doi: 10.1177/0895904816673743
24. Raz A., Jongsma K.R., Rimon-Zarfaty N., Späth E., Bar-Nadav B., Vaintropov E., Schickltanz S. Representing autism: Challenges of collective representation in German and Israeli associations for and of autistic people // Social science & medicine. 2018. Vol. 200. P. 65–72. doi: 10.1016/j.socscimed.2018.01.024
25. McCabe H., Deng, G. "So, They'll Have Somewhere to Go": Establishing Non-governmental Organizations (NGOs) for Children with Autism in the People's Republic of China // Voluntas. 2018. Vol. 29. P. 1019–1032. doi: 10.1007/s11266-017-9879-4

26. Dababnah S. Providers' Perspectives on Autism Service Access in the West Bank: An Application of the Three Delays Model // *Global Social Welfare*. 2018. Vol. 5. P. 1–10. doi: 10.1007/s40609-017-0088-2
27. Fernandez K., Robichau R.W., Alexander J.K. How a Nonprofit Orientation Influences Collective Civic Action: The Effects of Civic Engagement and Political Participation // *Voluntas*. 2022. Vol. 33 (1). doi: 10.1007/s11266-021-00445-4
28. Rios C., Costa Andrada B. The changing face of autism in Brazil // *Culture, medicine and psychiatry*. 2015. Vol. 39 (2). P. 213–234. doi: 10.1007/s11013-015-9448-5
29. Ракутина Т.В. Проблемы семей, воспитывающих детей с расстройством аутистического спектра // *Педагогическая перспектива*. 2021. № 4. С. 22–27.
30. Нестерова А.А., Хитрюк В.В. Стигматизация и предрассудки в отношении родителей, воспитывающих ребенка с расстройствами аутистического спектра // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*. 2018. № 4. С. 50–61.
31. Горина Е. Н., Гринина Е. С., Рудзинская Т.Ф. Современные подходы к изучению семьи, воспитывающей ребенка с расстройством аутистического спектра // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2019. Т. 7, № 5. С. 1–10.
32. Аналитическая справка о состоянии современных научных исследований расстройств аутистического спектра в России. 2018 // Федеральный ресурсный центр по организации комплексного сопровождения детей с расстройствами аутистического спектра. URL: https://autism-frc.ru/ckeditor_assets/attachments/2268/analiticheskaya_spravka_po_issledovaniyam_ras.pdf (дата обращения: 14.08.2022).
33. Varlamov A., Skorokhodov I.V., Shpitsberg I. Achievements and challenges of autism support system in Russia: Multidimensional stakeholder survey // *PsyArXivPreprints*. 2020. doi: 10.31234/osf.io/dgz8a
34. Bronfenbrenner U. *The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1979. 352 p.
35. Predescu M., Al Ghazi L., Darjan I. An ecological approach of Autism Spectrum Disorders // *Journal of Educational Sciences*. 2018. Vol. 38 (2). P. 31–43. doi: 10.35923/JES.2018.2.03
36. Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. Преимущества НКО как поставщиков социальных услуг: апробация в российских условиях // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2016. № 4. С. 7–26.
37. Старшинова А.В., Бородкина О.И. Стратегии устойчивости социально-ориентированных НКО: механизм грантовой поддержки // *Социально-экономические переменные: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15, № 5. С. 221–236. doi: 10.15838/esc.2022.5.83.12
38. Старшинова А.В., Бородкина О.И. Деятельность НКО в сфере социальных услуг: общественные ожидания и региональные практики // *Журнал исследований социальной политики*. 2020. Т. 18, № 3. С. 411–428. doi: 10.17323/727-0634-2020-18-3-411-428

References

1. Ministerstvo zdavookhraneniya RF [Ministry of Health of the Russian Federation]. (2013) *Pis'mo № 15-3/10/1-2140 ot 08.05.2013* [Letter No. 15-3/10/1-2140 of May 08, 2013]. [Online] Available from: <https://drive.google.com/file/d/11zVSVQP84-aVUn62iSrx4sggAza7UPw1/view> (Accessed: 20.08.2022).
2. Pronina, L.A. & Nikolaeva, T.A. (2016) [Autism prevalence rates in children aged 0–14 in the Russian Federation and federal districts in 2014–2015]. *Psikhicheskoe zdorov'e detey strany – budushchee zdorov'e natsii* [Mental health of the country's children – the future health of the nation]. Proceedings of the All-Russian Conference. Yaroslavl. 4–6 October 2016. Moscow: Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry. pp. 322–332. (In Russian).
3. Ministerstvo zdavookhraneniya RF [Ministry of Health of the Russian Federation]. (2021) *Pis'mo № 15-3/407 ot 15.03.2021* [Letter No. 15-3/407 of March 15, 2021]. [Online] Available from: <https://autism.help/uploads/store/uploads/document/35/file/1bf93f56eaaa97007aad1ac623a31cd.pdf> (Accessed: 15.08.2022).
4. Takie dela. (2017) "Izvestiya": kolichestvo detey s autizmom v Rossii zanizheno v 10 raz [Izvestia: the number of children with autism in Russia is underestimated by 10 times]. *Takie dela*. 18 December. [Online] Available from: <https://takiedela.ru/news/2017/12/18/izvestiya-autizm/> (Accessed: 17.08.2022).
5. Makushkin, E.V., Makarov, I.V. & Pashkovskiy, V.E. (2019) Rasprostranennost' autizma: podlinnaya i mnimaya [The prevalence of autism: real and imaginary]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova*. 119 (2). pp. 80–86. DOI: 10.17116/jnevro201911902180
6. Cheatham, K.L. & Fernando, D.M. (2022) Family Resilience and Parental Stress in Families of Children with Autism. *The Family Journal*. 30 (3). pp. 419–426. DOI: 10.1177/10664807211052494
7. Enea, V. & Rusu, D.M. (2020) Raising a Child with Autism Spectrum Disorder: A Systematic Review of the Literature Investigating Parenting Stress. *Journal of Mental Health Research in Intellectual Disabilities*. 13 (4). pp. 283–321. DOI: 10.1080/19315864.2020.1822962
8. McCafferty, P. & McCutcheon, J. (2021) Parenting a Child with Autism: Considering the Stresses, Supports and Implications for Social Work Practice. *Child Care in Practice*. 27 (4). pp. 389–405. DOI: 10.1080/13575279.2020.1765145
9. Sim, A. et al. (2018) Factors associated with stress in families of children with autism spectrum disorder. *Developmental neurorehabilitation*. 21 (3). p. 155–165. DOI: 10.1080/17518423.2017.1326185
10. Iadarola, S. et al. (2019) Understanding stress in parents of children with autism spectrum disorder: A focus on under-represented families. *International journal of developmental disabilities*. 65 (1). pp. 20–30. DOI: 10.1080/20473869.2017.1347228
11. Bonis, S. (2016) Stress and Parents of Children with Autism: A Review of Literature. *Issues in Mental Health Nursing*. 37 (3). pp. 153–163. DOI: 10.3109/01612840.2015.1116030
12. Kinnear, S.H. et al. (2016) Understanding the Experience of Stigma for Parents of Children with Autism Spectrum Disorder and the Role Stigma Plays in Families' Lives. *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 46 (3). pp. 942–953. DOI: 10.1007/s10803-015-2637-9
13. Broady, T.R., Stoyles, G.J. & Morse, C. (2017) Understanding carers' lived experience of stigma: the voice of families with a child on the autism spectrum. *Health & Social Care in the Community*. 25 (1). pp. 224–233. DOI: 10.1111/hsc.12297
14. Chan, K.K.S. & Lam, C.B. (2018) Self-stigma among parents of children with autism spectrum disorder. *Research in Autism Spectrum Disorders*. 48. pp. 44–52. DOI: 10.1016/j.rasd.2018.01.001
15. Milačić-Vidojević, I., Gligorović, M. & Dragojević, N. (2014) Tendency towards stigmatization of families of a person with autistic spectrum disorders. *The International Journal of Social Psychiatry*. 1 (60). pp. 63–70. DOI: 10.1177/0020764012463298
16. Lodder, A., Papadopoulos, C. & Randhawa, G. (2019) The development of a stigma support intervention to improve the mental health of family carers of autistic children: suggestions from the autism community. *European Journal of Mental Health*. 1 (14). pp. 58–77. DOI: 10.5708/EJMH.14.2019.1.4
17. Rachel, J. et al. (2015) Family functioning and behaviour problems in children with Autism Spectrum Disorders: The mediating role of parent mental health. *Clinical Psychologist*. 19 (1). pp. 39–48. DOI: 10.1111/cp.12047
18. Samsell, B. et al. (2022) Parents experiences of caring for a child with autism spectrum disorder in the United States: A systematic review and metasynthesis of qualitative evidence. *Families, Systems, & Health*. 1 (40). pp. 93–104. DOI: 10.1037/fsh0000654
19. Sikora, D. et al. (2013) The relationship between family functioning and behavior problems in children with autism spectrum disorders. *Research in Autism Spectrum Disorders*. 7 (2). pp. 307–315. DOI: 10.1016/j.rasd.2012.09.006
20. Vasilopoulou, E. & Nisbet, J. (2016) The Quality of Life of Parents of Children with Autism Spectrum Disorder: A Systematic Review. *Research*

- in *Autism Spectrum Disorders*. 23. pp. 36–49. DOI: 10.1016/j.rasd.2015.11.008
21. Manor-Binyamini, I. & Ka'Abeya, F. (2019) Social Capital and the Quality of Life of Parents of Children with Autism Spectrum Disorders: A Comparison Between Bedouin Fathers and Mothers. In: Zangeneh, M. & Al-Krenawi, A. (ed.) *Culture, Diversity and Mental Health – Enhancing Clinical Practice. Advances in Mental Health and Addiction*. Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-030-26437-6_16
 22. Nealy, C.E. et al. (2012) The Impact of Autism Spectrum Disorders on the Family: A Qualitative Study of Mothers' Perspectives. *Journal of Family Social Work*. 3 (15). pp. 187–201. DOI: 10.1080/10522158.2012.675624
 23. Parsons, B.M. (2018) Local Autism Policy Networks: Expertise and Intermediary Organizations. *Educational Policy*. 6 (32). pp. 823–854. DOI: 10.1177/0895904816673743
 24. Raz, A. et al. (2018) Representing autism: Challenges of collective representation in German and Israeli associations for and of autistic people. *Social Science & Medicine*. 200. pp. 65–72. DOI: 10.1016/j.socscimed.2018.01.024
 25. McCabe, H. & Deng, G. (2018) "So, They'll Have Somewhere to Go": Establishing Non-governmental Organizations (NGOs) for Children with Autism in the People's Republic of China. *Voluntas*. 29. pp. 1019–1032. DOI: 10.1007/s11266-017-9879-4
 26. Dababnah, S. (2018) Providers' Perspectives on Autism Service Access in the West Bank: An Application of the Three Delays Model. *Global Social Welfare*. 5. pp. 1–10. DOI: 10.1007/s40609-017-0088-2
 27. Fernandez, K., Robichau, R.W. & Alexander, J.K. (2022) How a Nonprofit Orientation Influences Collective Civic Action: The Effects of Civic Engagement and Political Participation. *Voluntas*. 1 (33). DOI: 10.1007/s11266-021-00445-4
 28. Rios, C. & Costa Andrada, B. (2015) The changing face of autism in Brazil. *Culture, Medicine and Psychiatry*. 39 (2). pp. 213–234. doi: 10.1007/s11013-015-9448-5
 29. Rakutina, T.V. (2021) Problemy semei, vospityvayushchikh detey s rasstroystvom autisticheskogo spektra [Problems of families raising children with autism spectrum disorder]. *Pedagogicheskaya perspektiva*. 4. pp. 22–27.
 30. Nesterova, A.A. & Khitryuk, V.V. (2018) Stigmatizatsiya i predrassudki v otnoshenii roditel'ey, vospityvayushchikh rebenka s rasstroystvami autisticheskogo spektra [Stigmatization and prejudice against parents raising a child with autism spectrum disorders]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki*. 4. pp. 50–61.
 31. Gorina, E.N., Grinina, E.S. & Rudzinskaya, T.F. (2019) Sovremennye podkhody k izucheniyu sem'i, vospityvayushchey rebenka s rasstroystvom autisticheskogo spektra [Modern approaches to the study of a family raising a child with an autism spectrum disorder]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*. 5 (7). pp. 1–10.
 32. Federal Autism Resource Center. (2018) *Analiticheskaya spravka o sostoyanii sovremennykh nauchnykh issledovaniy rasstroystv autisticheskogo spektra v Rossii* [Analytical report on the state of modern scientific research on autism spectrum disorders in Russia]. [Online] Available from: https://autism-frc.ru/ckeditor_assets/attachments/2268/analiticheskaya_spravka_po_issledovaniyam_ras.pdf (Accessed: 14.08.2022).
 33. Varlamov, A., Skorokhodov, I.V. & Shpitsberg, I. (2020) Achievements and challenges of autism support system in Russia: Multidimensional stakeholder survey. *PsyArXiv Preprints*. DOI: 10.31234/osf.io/dgz8a
 34. Bronfenbrenner, U. (1979) *The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
 35. Predescu, M., Al Ghazi, L. & Darjan, I. (2018) An ecological approach of Autism Spectrum Disorders. *Journal of Educational Sciences*. 2 (38). pp. 31–43. DOI: 10.35923/JES.2018.2.03
 36. Mersyanova, I.V. & Benevolenskiy, V.B. (2016) Preimushchestva NKO kak postavshchikov sotsial'nykh uslug: aprobatsiya v rossiyskikh usloviyakh [Advantages of NPOs as providers of social services: approbation in Russian conditions]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 4. pp. 7–26.
 37. Starshinova, A.V. & Borodkina, O.I. (2022) Strategii ustoychivosti sotsial'no-orientirovannykh NKO: mekhanizm grantovoy podderzhki [Sustainability Strategies for Socially-Oriented NPOs: Grant Support Mechanism]. *Sotsial'no-ekonomicheskie peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 5 (15). pp. 221–236. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.12
 38. Starshinova, A.V. & Borodkina, O.I. (2020) Deyatel'nost' NKO v sfere sotsial'nykh uslug: obshchestvennye ozhidaniya i regional'nye praktiki [Activities of NPOs in the field of social services: public expectations and regional practices]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 3 (18). pp. 411–428. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-3-411-428

Информация об авторах:

Старшинова А.В. – д-р социол. наук, профессор кафедры социальной работы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: a.v.starshinova@urfu.ru
ORCID: 0000-0001-8804-5681. Researcher ID: Q-1245-2015

Чикова Е.В. – старший преподаватель кафедры социальной работы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: pargelia@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Starshinova, Dr. Sci. (Sociology), professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: a.v.starshinova@urfu.ru

ORCID: 0000-0001-8804-5681. Researcher ID: Q-1245-2015

E.V. Chikova, senior lecturer, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: pargelia@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.10.2022;
одобрена после рецензирования 07.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.

The article was submitted 06.10.2022;
approved after reviewing 07.11.2022; accepted for publication 30.11.2022.

ПРАВО

Научная статья
УДК 347.41
doi: 10.17223/15617793/484/25

Перевод долга в российском гражданском праве

Владислав Викторович Груздев¹

¹ Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИИХ»
gruzvld@rambler.ru

Аннотация. Исследуется институт перевода долга в современном отечественном гражданском праве. Критическому анализу подвергнуты существующие взгляды по вопросу о правовой природе перевода долга, предложен авторский подход к определению данного понятия. Охарактеризованы отдельные разновидности перевода долга, включая кумулятивное принятие долга.

Ключевые слова: перевод долга, принятие чужого долга, привативный перевод долга, кумулятивный перевод долга, поручительство

Для цитирования: Груздев В.В. Перевод долга в российском гражданском праве // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 228–234. doi: 10.17223/15617793/484/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/25

Debt transfer in Russian civil law

Vladislav V. Gruzdev¹

¹ Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation
gruzvld@rambler.ru

Abstract. The object of the study is the regularities of civil law regulation of public relations arising in the sphere of transactions involving the transfer of debt by participants in the turnover. The aim of the study is to identify the essence of the expressions of will aimed at replacing or replenishing the subject composition of the obligation on the debtor's side. To reach this aim, the following research objectives are set and achieved: (1) to identify the essence of debt transfer in the light of the development of domestic civil science, civil legislation and the practice of its application; (2) to characterize certain types of debt transfer, separating them from related legal structures; (3) to formulate proposals for improving civil legislation in terms of the consequences of the performance of obligations by the cumulative debtor. The methodological basis of the research is the application of general and specific scientific methods of cognition, including historical and formal legal ones. As a result of the conducted research, the following main conclusions were made. Debt transfer is transactions made with the indispensable participation of the creditor and the new debtor, entailing a change (replacement or replenishment) of persons in the obligation on the obligated party. These include a unilateral (concordant) transaction of the creditor and a bilateral transaction of the new debtor with the original debtor, leading as a legal structure to the replacement or replenishment of the obligated entities, as well as a bilateral transaction of the creditor with the new debtor, the consequence of which is the fulfillment of the obligated entities. Private debt transfer and cumulative debt transfer (with or without the participation of the original debtor) are recognized as separate types of debt transfer. In contrast to the cumulative acceptance of debt (both with and without the participation of the original debtor), the self-imposition of the performance of the obligation, firstly, can take place only in the cases provided for in Paragraph 2, Article 313, of the Civil Code of the Russian Federation; secondly, as a unilateral transaction of a third party entails the acceptance of debt regardless of the will of the creditor; thirdly, does not make changes to the subject composition of the legal relationship on the debtor's side, since a third person takes the place of the creditor in the fulfilled obligation. The difference between cumulative debt transfer (with or without the participation of the original debtor) and surety is clearly seen in the following main aspects: (1) in case of cumulative debt acceptance, the new debtor enters into an obligation binding the creditor to the original debtor, and the guarantor participates with the creditor in a separate (security) obligation; (2) in case of cumulative debt transfer, the new debtor may assume the non-monetary obligation of the original debtor, the obligation of the guarantor is strictly monetary. In order to improve civil legislation, the cumulative debtor, having fulfilled the obligation into which s/he entered under the contract with the creditor, should be recognized as the right of a reverse (recourse) claim against the original debtor.

Keywords: debt transfer, acceptance of someone else's debt, private debt transfer, cumulative debt transfer, surety

For citation: Gruzdev, V.V. (2022) Debt transfer in Russian civil law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 228–234. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/25

Изменение субъектного состава обязательства на обязанной стороне наблюдается при переходе долга от первоначального должника к новому должнику в силу сделки или закона. В каждом случае такого перехода внешнее изменение обязательственного правоотношения осуществляется по воле или независимо от воли субъектов правоотношения. Распространенным случаем перехода долга по воле субъектов обязательства является *перевод долга*.

В римском частном праве в области сделочной перемены лиц в обязательстве применялись институты делегации (*delegatio*) и интерцессии (*intercessio*).

Делегация с подразделением ее на активную (меняется кредитор) и пассивную (меняется должник) считалась частным случаем новации – способа *прекращения* обязательства [1. С. 240–241]. Делегация первоначально охватывалась экспромиссией (*expromissio*), но впоследствии экспромиссия получило более узкое значение и стала признаваться разновидностью интерцессии, при которой новый должник принимал чужой долг по договору с кредитором без участия первоначального должника [2. С. 651].

В отличие от делегации интерцессия не прекращала обязательство. Для интерцессии были характерны следующие признаки: 1) кто-либо принимает на себя долг; 2) долг является чужим; 3) принятие долга осуществляется посредством договора с кредитором. Эти признаки были свойственны *привативной* интерцессии (*intercessio privativa*), в том числе экспромиссии и *кумулятивной* интерцессии (*intercessio cumulative*), включая адпромиссию (поручительство) [2. С. 650–651].

В ходе рецепции римского частного права пассивная делегация и интерцессия в форме экспромиссии были подвергнуты преобразованиям, в результате которых приобрели в континентальной правовой системе значение способов *изменения* обязательства на стороне должника.

Показательны положения о переводе долга, закрепленные в Германском гражданском уложении: долг может быть принят третьим лицом на себя по договору с кредитором таким образом, чтобы третье лицо заняло место прежнего должника (§ 414); если третье лицо принимает на себя долг по соглашению с должником, то действительность соглашения зависит от согласия кредитора (п. 1 § 415). По смыслу приведенных норм немецкого законодательства перевод долга – это принятие долга новым должником, требующее волеизъявления кредитора посредством заключения договора (при принятии долга без участия первоначального должника) или выражения согласия (при принятии долга с участием первоначального должника).

В отечественной цивилистике единое мнение по вопросу о правовой природе перевода долга не выработано.

Согласно первому научному направлению, перевод долга предполагает наличие волеизъявления по меньшей мере трех участников – двух должников и кредитора, поэтому данную сделку следует рассматривать как многостороннюю [3].

Но тогда у контрагентов должны быть общая цель, тождественные права и обязанности в правоотношении, возникающем вследствие совершения соответствующей многосторонней сделки, что, очевидно, при переводе долга полностью отсутствует: кредитор, выражая согласие на перевод долга, не вступает в какое-либо дополнительное правоотношение с первоначальным или новым должником, а права и обязанности в юридической связи, субъектный состав которой претерпевает модификацию, остаются прежними.

Предпочтительней выглядит другая точка зрения, в силу которой перевод долга представляет собой договор между прежним и новым должниками, заключаемый с согласия кредитора. В результате совершения данного договора обязательство изменяется, причем меняется только должник при сохранении прежнего кредитора [4. С. 303].

Однако и данный взгляд нельзя признать до конца правильным.

В пункте 4.2.1 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации предлагалось наряду с переводом долга как сделкой между первоначальным и новым должником предусмотреть в ГК РФ сделки по принятию новым должником на себя чужого долга по соглашению с кредитором при условии использования таких сделок только в сфере предпринимательских отношений [5. С. 72]¹.

Данные идеи были реализованы в следующих нормах п. 1 ст. 391 ГК РФ: 1) перевод долга с должника на другое лицо может быть произведен по соглашению между первоначальным должником и новым должником; 2) в обязательствах, связанных с осуществлением их сторонами предпринимательской деятельности, перевод долга может быть произведен по соглашению между кредитором и новым должником, согласно которому новый должник принимает на себя обязательство первоначального должника.

Как разъяснено в п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54), при переводе долга по обязательству, связанному с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, либо первоначальный должник выбывает из обязательства (привативный перевод долга), либо первоначальный и новый должники отвечают перед кредитором (кумулятивный перевод долга). Если кредитор вправе требовать исполнения обяза-

тельства в натуре от первоначального должника (ст. 308.3 ГК РФ), в случае кумулятивного перевода долга кредитор вправе требовать исполнения обязательства в натуре и от нового должника.

В юридической литературе отмечается, что участникам предпринимательского оборота стала доступна разновидность перевода долга на основании соглашения между новым должником и кредитором. Ключевым моментом такого перевода является вступление в обязательство нового должника без выбытия первоначального должника. В ГК РФ закреплена модель кумулятивного принятия долга, в рамках которой третье лицо по соглашению с кредитором вступает в уже существующее обязательственное правоотношение в качестве нового должника, что принципиально отличается от последствий полноценного (привативного) принятия долга [6. С. 105].

Таким образом, в настоящее время, принимая во внимание развитие гражданского законодательства в данной области, надлежит использовать новые подходы к выявлению сущности перевода долга. В частности, при формировании целостного научного представления о переводе долга необходимо учитывать наличие в среде юридических явлений ранее неизвестного отечественному правопорядку института *кумулятивного принятия долга*.

В силу абз. 2 п. 1 ст. 391 ГК РФ *кумулятивный перевод долга без волеизъявления первоначального должника* допустим лишь в предпринимательских отношениях. Разумное объяснение этому есть: при переводе долга без участия первоначального должника интересы последнего оказываются ущемленными по типу «без меня женили», что, однако, не наблюдается в области рискованной деятельности, направленной на систематическое извлечение прибыли².

Однако ничто не мешает кредитору одобрить вступление в обязательство третьего лица в качестве дополнительного должника по достигнутому между таким третьим лицом и первоначальным должником соглашению. В этом случае наблюдается *кумулятивный перевод долга при волеизъявлении (участии) первоначального должника* (если иное не предусмотрено соглашением первоначального и нового должников, их обязанность в предпринимательском обязательстве должна признаваться солидарной, в ином обязательстве – долевой). То есть обязательство изменяется *по воле всех его субъектов*, чего нет при кумулятивном переводе долга без волеизъявления (участия) первоначального должника.

По мнению отдельных ученых, при кумулятивном принятии долга первоначальный должник остается в обязательственной связи с кредитором, поэтому логичнее говорить не о переводе долга, а о вступлении нового должника в обязательство (пополнении субъектного состава обязательства еще одним должником) [7. С. 621].

Подобное жонглирование терминами вряд ли обоснованно.

Перевод долга – это разновидность перемены лиц в обязательстве (внешнего изменения обязательства).

Но разве появление нового должника (был, например, один должник, а теперь – два) не является изменением субъектного состава соответствующего правоотношения? Такое изменение, безусловно, есть, особенность лишь в том, что долг, принятый новым должником, по-прежнему связывает и первоначального должника. Значит, перемена лиц в обязательстве (переход права или переход долга) – это не только *замена*, но и *пополнение* субъектов на одной или обеих сторонах обязательственной связи.

Так, при уступке части требования имеет место внешнее изменение обязательства на стороне кредитора. Причем с учетом положений ст. 322 ГК РФ требование становится долевым: оно уступлено в части, следовательно, делимо, и законодательство не предусматривает возникновения в подобных случаях солидаритета, который неоправданно ущемлял бы интересы должника.

Утверждение о том, что соглашение о кумулятивном принятии долга не может расцениваться как основание для изменения договора первоначального должника и кредитора [6. С. 151], верно лишь отчасти: этот договор, понимаемый как обязательство, не изменяется внутренне (по линии содержания), но наблюдается его внешнее изменение (по линии субъектов). То же самое происходит при кумулятивном переводе долга (без участия первоначального должника) в охранительном обязательстве, возникшем из нарушения предпринимательского договора.

Вместе с тем нет перевода долга при освобождении в соответствии с абз. 1 п. 3 ст. 391 ГК РФ кредитором первоначального должника при молчаливом согласии последнего от исполнения обязательства – само обязательство, от исполнения которого первоначальный должник освобожден, по-прежнему сохраняется. Иначе обязательство пришлось бы считать прекращенным вследствие прощения долга, что не соответствует реальному положению дел и к тому же входит в противоречие с правилом пп. 4 п. 1 ст. 575 ГК РФ.

Как видно, перевод долга не всегда предполагает волеизъявление прежнего должника. При переводе долга обязательно волеизъявление кредитора, распоряжающегося долгом, а также третьего лица, принимающего долг и становящегося новым должником. Волеизъявление первоначального должника факультативно, так как требуется только в случаях *привативного перевода долга* и *кумулятивного перевода долга при участии первоначального должника*.

В условиях гражданского оборота перевод долга служит удовлетворению интересов кредитора, поскольку осуществление права напрямую зависит от круга обязанных субъектов. Перевод долга на другое лицо – это, прежде всего, волеизъявление кредитора, решающего судьбу долга. Перевод долга в качестве разновидности перехода долга имеет место только при наличии такого волеизъявления. Без участия кредитора перевода долга нет. В конечном итоге *долг переводит кредитор*, одобряя предложенного первоначальным должником нового должника или подыскивая нового должника самостоятельно. Во всех слу-

чаях перевода долга требуется волеизъявление кредитора, распоряжающегося этим долгом, а также третьего лица, становящегося новым (в том числе дополнительным) должником. Для кумулятивного перевода долга по обязательству, связанному с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, волеизъявление первоначального должника не обязательно. Перевод долга осуществляется как совместным волеизъявлением первоначального и нового должников, согласованным кредитором, так и совместным волеизъявлением кредитора и нового должника, совершенным без участия первоначального должника.

При таких условиях перевод долга – это совершаемые с непременно участием кредитора и нового должника сделки, влекущие за собой перемену (замену или пополнение) лиц в обязательстве на обязанной стороне. К ним относятся *односторонняя (согласующая) сделка кредитора и двусторонняя сделка нового должника с первоначальным должником*, приводящие в качестве юридического состава к замене или пополнению обязанных субъектов, а также *двусторонняя сделка кредитора с новым должником*, следствием которой является пополнение обязанных субъектов. Распространена уходящая корнями в германское право концепция, в силу которой собственно передачу (в данном случае – обязанности) следует рассматривать в качестве *распорядительной сделки (договора)* [8. С. 79; 9. 67].

Действующее российское законодательство *de lege lata* предусматривает следующие ситуации принятия чужого долга: 1) совершение третьим лицом односторонней сделки – самовозложение исполнения обязательства (п. 2 ст. 313 ГК РФ); 2) заключение с согласия кредитора между первоначальным должником и новым должником договора о замене или дополнении первоначального должника новым должником в существующем обязательстве – соответственно, привативный перевод долга или кумулятивный перевод долга с участием первоначального должника (абз. 1 п. 1 ст. 391 ГК РФ); 3) заключение между кредитором и третьим лицом договора о вступлении последнего в качестве дополнительного должника в существующее предпринимательское обязательство – кумулятивный перевод долга без участия первоначального должника (абз. 2 п. 1 ст. 391 ГК РФ).

В отличие от кумулятивного принятия долга (как с участием, так и без участия первоначального должника) самовозложение исполнения обязательства, во-первых, может иметь место только случаях, предусмотренных п. 2 ст. 313 ГК РФ (случаи вступления третьего лица в чужое обязательство посредством кумулятивного принятия долга законом отдельно не называются), во-вторых, в качестве односторонней сделки третьего лица влечет за собой принятие долга независимо от воли кредитора (при кумулятивном принятии долга соответствующее волеизъявление кредитора обязательно) и, в-третьих, не вносит изменений в субъектный состав правоотношения на стороне должника, так как третье лицо заступает в исполненное им обязательство на место кредитора (при

кумулятивном принятии долга такие изменения есть – обязанная сторона пополняется новым должником).

Что касается поручительства, то оно не может считаться принятием *чужого* долга. Как правильно отмечено высшей судебной инстанцией по одному из дел, само по себе присоединение к чужому долгу добавляет еще одного основного должника, не порождая нового обеспечительного обязательства, поэтому сделка по присоединению к чужому долгу отлична от договора поручительства³.

Заключение кредитором договора поручительства с третьим лицом влечет за собой возникновение акцессорного (обеспечительного) обязательства и, соответственно, появление нового долга. Точно так же принимают на себя долг иные субъекты обеспечительных обязательств, не участвующие в обеспечиваемом обязательстве, а именно гарант и залогодатель. Но все они являются должниками в отдельном обязательстве, поэтому имеют собственный долг, пусть и обеспечивающий долг обязанного лица в основном обязательстве. Отчетливо различаются ситуации принятия третьим лицом «чужого» и «своего» долга. Поручитель – это всегда должник по *другому* обязательству, у него *свой* долг. В связи с этим применительно к поручительству неверно считать, что оно является разновидностью принятия чужого долга.

Приведенные замечания приобретают важное значение для правотворческой практики.

В пункте 19 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28.03.2018, подчеркивается, что в случае исполнения после привативного перевода долга новым должником своих обязательств перед кредитором погашается его собственный долг, при этом подобное исполнение в отличие от случаев поручительства или кумулятивного принятия долга (абз. 2 п. 1 ст. 391 ГК РФ) не предоставляет новому должнику прав требования (суброгационных или регрессных) к первоначальному должнику.

В частности, в силу абз. 2 п. 3 ст. 391 ГК РФ к новому должнику, исполнившему обязательство, связанное с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, переходят права кредитора по этому обязательству, если иное не предусмотрено соглашением между первоначальным должником и новым должником или не вытекает из существа их отношений.

Заложенная в данной норме конструкция суброгации новому (кумулятивному) должнику прав кредитора к первоначальному должнику вызывает серьезные сомнения, так как во многом стирает грань между кумулятивным принятием долга и поручительством. При этом получается очевидный парадокс: третье лицо приобретает по соглашению с кредитором право требования к должнику под условием исполнения обязательства (некая «условная цессия») и одновременно становится должником в этом же обязательстве.

Во избежание подобных недоразумений обязательство, исполненное кумулятивным должником, следует признавать прекращенным. По логике вещей, вместе с прекращением юридической связи отпадают и входившие в ее содержание субъективные права. Ни о каком переходе несуществующих прав не может быть и речи. В отличие от этого при поручительстве суброгация возможна, поскольку исполнением прекращается только обязательство поручителя, а переход прав происходит в обеспечиваемом обязательстве.

Отменяя апелляционное определение, которым отказано в процессуальном правопреемстве, Верховный Суд Российской Федерации подчеркнул, что исполнение, произведенное поручителем, влечет за собой переход к нему всех прав, принадлежавших кредитору, по отношению к должнику на основании закона в порядке суброгации, а не возникновение нового, регрессного обязательства⁴.

Следовательно, суброгация поручителю прав кредитора к должнику по обеспечиваемому обязательству имеет место как раз потому, что поручитель исполнением прекращает свой долг в другом, обеспечиваемом обязательстве. То же самое наблюдается, например, при суброгации прав кредитора к страховщику: страховщик исполняет свою обязанность по договору страхования, приобретая права страхователя в обязательстве, возникшем вследствие наступления страхового случая.

Разница между кумулятивным переводом долга (с участием или без участия первоначального должника) и поручительством отчетливо прослеживается в следующих основных аспектах: 1) при кумулятивном принятии долга новый должник вступает в обязательство, связывающее кредитора с первоначальным должником, а поручитель участвует с кредитором в отдельном (обеспечительном) обязательстве; 2) в случае исполнения обязанности кумулятивным должником у последнего должно возникать регрессное требование к первоначальному должнику (иное может быть предусмотрено соглашением между первоначальным должником и новым должником или вытекать из существа их отношений), в то время как к поручителю, исполнившему свою обязанность, переходят права кредитора по отношению к должнику по обеспечиваемому обязательству; 3) при кумулятивном переводе долга новый должник может принять на себя неденежную обязанность первоначального должника, обязанность же поручителя носит строго денежный характер.

Воля, направленная на присоединение к долгу, а не на принятие на себя поручительства, должна быть четко выражена [10. С. 197]. Должна быть выражена прямо и недвусмысленно также воля кредитора, направленная на отказ от требования и замену должника⁵.

В связи с этим если из соглашения кредитора, первоначального и нового должников по обязательству, связанному с осуществлением предпринимательской деятельности, неясно, привативный или кумулятивный перевод долга согласован ими, следу-

ет исходить из того, что первоначальный должник выбывает из обязательства (п. 1 ст. 322, ст. 391 ГК РФ). В случае, если неясно, кумулятивный перевод долга или поручительство согласованы кредитором и новым должником, осуществляющими предпринимательскую деятельность, следует исходить из того, что их соглашение является договором поручительства (ст. 361 ГК РФ)⁶.

Изложенные соображения позволяют выделить следующие основные черты кумулятивного принятия долга как разновидности перевода долга.

1. Как и в случае привативного перевода долга, при кумулятивном переводе обязательство должно трактоваться узко – в качестве *простой* связи субъективное право – юридическая обязанность. Данный подход допускает, например, перевод обязанности по уплате сумм имущественных санкций без перевода обязанности по уплате основного долга⁷.

2. Следствием заключения соглашения о кумулятивном переводе долга является изменение субъектного состава обязательства (перемена лиц в обязательстве) в виде появления *дополнительного* (кумулятивного) должника.

Так, по одному из дел Верховным Судом Российской Федерации отмечено, что если воля сторон направлена на перевод долга, то в случае заключения трехстороннего соглашения между первоначальным должником, новым должником и кредитором, из которого неясно, заключен ли перевод долга в соответствии с абз. 1 или 2 п. 1 ст. 391 ГК РФ, указанное соглашение следует рассматривать как направленное на привативный перевод долга, т.е. на замену должника в обязательстве, а не на присоединение к обязательству нового должника⁸.

3. Кумулятивный перевод долга возможен как *с участием*, так и *без участия* первоначального должника (в последнем случае – только в предпринимательских отношениях)⁹.

Отменяя принятые по делу судебные акты и отказывая в удовлетворении заявленных истцом требований, Верховный Суд Российской Федерации указал, что в спорной ситуации не подлежат применению положения п. 3 ст. 391 ГК РФ о солидарной ответственности первоначального и нового должников, так как названная норма относится только к урегулированным абз. 2 п. 1 ст. 391 Гражданского кодекса Российской Федерации случаям вступления в долг нового должника без выбытия первоначального (кумулятивный перевод долга) по двустороннему (а не трехстороннему) соглашению нового должника с кредитором.

4. При кумулятивном переводе долга без участия первоначального должника воля последнего *не имеет юридического значения*, поскольку в силу закона соответствующее изменение обязательства производится по воле кредитора, согласованной с третьим лицом, вступающим в обязательство. Однако если соглашение кредитора и третьего лица представляет собой результат их недобросовестных действий, направленных на причинение вреда охраняемым законом интересам первоначального должника, такое соглашение

должно считаться недействительным (ничтожным) на основании положений п. 2 ст. 10 и п. 2 ст. 168 ГК РФ.

5. De lege ferenda за кумулятивным должником, исполнившим обязательство, в которое он вступил по договору с кредитором, надлежит признать *право обратного (регрессного) требования* к первоначальному должнику. Возможен и следующий ход мыслей: если новый должник как субъект предпринимательской деятельности несет риск неблагоприятных последствий вступления в чужое обязательство, тогда у первоначального должника, исполнившего солидарное обязательство, также должно возникать регрессное требование к новому должнику. Но данный вывод

является неразумным, несправедливым и с учетом положений абз. 2 п. 3 ст. 391 ГК РФ совершенно неуместным (в этом проявляется сходство кумулятивного перевода долга с поручительством).

Таким образом, перемена лиц в обязательстве на стороне должника по воле всех субъектов наблюдается в случаях привативного перевода долга и кумулятивного перевода долга при участии первоначального должника. При кумулятивном переводе долга без участия первоначального должника субъектный состав обязательства изменяется по воле кредитора, согласованной с третьим лицом (новым должником).

Примечания

¹ Сформировавшаяся к тому времени судебная практика допускала включение в мировое соглашение в делах о несостоятельности (банкротстве) условия не только о переводе долга и возложении исполнения на третье лицо, но и о вступлении третьего лица в обязательство должника в качестве солидарного или субсидиарного должника (см. п. 8 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с заключением, утверждением и расторжением мировых соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве), сообщенного Информационным письмом Президиума ВАС РФ от 20.12.2005 № 97).

² Примечательно, что в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации сделки по принятию на себя чужого долга по соглашению с кредитором признавались допустимыми при условии обязательного согласия первоначального должника.

³ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.12.2015 № 310-ЭС14-8672.

⁴ См.: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.04.2021 № 41-КГ21-6-К4.

⁵ См.: п. 38 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14.11.2018 (ред. от 26.12.2018).

⁶ См.: п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54.

⁷ См.: п. 21 Обзора практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации, сообщенного информационным письмом Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.10.2007 № 120.

⁸ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2022 по делу № 3А03-8273/2021.

⁹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.12.2017 по делу № А35-6888/2015.

Список источников

1. Римское частное право : учебник / под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. М. : Юриспруденция, 2005. 448 с.
2. Барон Ю. Система римского гражданского права : в 6 кн. Кн. 4: Обязательства. СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. 1102 с.
3. Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2019.
4. Банковское право : учебник для бакалавров / отв. ред. Л.Г. Ефимова, Д.Г. Алексеева. М. : Проспект, 2019. 608 с.
5. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11. С. 10–99.
6. Дорохов А.И. Соотношение кумулятивного принятия долга и поручительства // Опыты цивилистического исследования : сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. Вып. 2. М. : Статут, 2018. С. 102–161.
7. Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М. : Статут, 2017. 1120 с.
8. Хаскельберг Б.Л., Ровный В.В. Консенсуальные и реальные договоры в гражданском праве. М. : Статут, 2004. 124 с.
9. Тузов Д.О. О правовой природе традиции // Сборник статей к 55-летию Е.А. Крашенинникова : сб. науч. тр. / под ред. П.А. Варул. Ярославль : ЯрГУ, 2006. С. 57–84.
10. Новоселова Л.А. Кумулятивное принятие долга и поручительство // Практика применения общих положений об обязательствах : сб. статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М. : Статут, 2011. С. 194–206.

References

1. Novitskiy, I.B. & Pereterskiy, I.S. (eds) (2005) *Rimskoe chastnoe pravo* [Roman Private Law]. Moscow: Yurisprudentsiya.
2. Baron, Yu. (2005) *Sistema rimskogo grazhdanskogo prava* [The System of Roman Civil Law]. Book 4. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
3. Grishaev, S.P., Bogacheva, T.V. & Svit, Yu.P. (2019) *Postateynny kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii. Chast' pervaya (postateynny)* [Article-by-article commentary to the Civil Code of the Russian Federation. Part one (article-by-article)]. Moscow: Consultant Plus.
4. Efimova, L.G. & Alekseeva, D.G. (eds) (2019) *Bankovskoe pravo* [Banking Law]. Moscow: Prospekt.
5. Russian Federation. (2009) *Kontseptsiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [The concept of development of the civil legislation of the Russian Federation]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 11. pp. 10–99.
6. Dorokhov, A.I. (2018) *Sootnoshenie kumulyativnogo prinyatiya dolga i poruchitel'stva* [The ratio of the cumulative acceptance of debt and surety]. In: Shirvindt, A.M. & Shcherbakov, N.B. (eds) (2018) *Opyty tsivilisticheskogo issledovaniya* [Experiences of Civil Research]. Vol. 2. Moscow: Statut. pp. 102–161.

7. Karapetov, A.G. (ed.) (2017) *Dogovornoe i obyazatel'stvennoe pravo (obshchaya chast')*: postateynny kommentariy k stat'yam 307–453 *Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Contractual and Obligation Law (General Part): Article-by-article commentary on articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow: Statut.
8. Khaskel'berg, B.L. & Rovnyy, V.V. (2004) *Konsensual'nye i real'nye dogovory v grazhdanskom prave* [Consensual and Real Contracts in Civil Law]. Moscow: Statut.
9. Tuzov, D.O. (2006) О правовой природе традиции [On the legal nature of tradition]. In: Varul, P.A. (ed.) *Sbornik statey k 55-letiyu E.A. Krashennnikova* [Collection of Articles for the 55th Anniversary of E.A. Krashennnikov]. Yaroslavl: Yaroslavl State University. pp. 57–84.
10. Novoselova, L.A. (2011) Kumulyativnoe prinyatie dolga i poruchitel'stvo [Cumulative acceptance of debt and guarantee]. In: Rozhkova, M.A. (ed.) *Praktika primeneniya obshchikh polozheniy ob obyazatel'stvakh* [The Practice of Applying General Provisions on Obligations]. Moscow: Statut. pp. 194–206.

Информация об авторе:

Груздев В.В. — канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления “НИНХ” (Новосибирск, Россия). E-mail: gruzvld@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Gruzdev, Cand. Sci. (Law), associate professor, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: gruzvld@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.03.2022;
одобрена после рецензирования 20.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.*

*The article was submitted 08.03.2022;
approved after reviewing 20.11.2022; accepted for publication 30.11.2022.*

Научная статья
УДК 342.4, 342.7, 341.1/8, 340.1
doi: 10.17223/15617793/484/26

Актуальные проблемы реализации современных принципов биоэтики и доказательной медицины: правовые, этические и медицинские аспекты

Игорь Александрович Кравец¹, Ирина Юрьевна Крылатова²,
Михаил Артемович Болков³

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Новосибирск, Россия

^{2, 3} Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия

³ Институт иммунологии и физиологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

¹kravigor@gmail.com

² krylatova_ry@mail.ru

³ antanariva@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются природа достоинства как биоэтического и биомедицинского понятия, векторы исследовательских интересов в философской и международно-правовой биоэтике и биомедицине. Отмечается, что достоинство в международном праве биоэтики занимает ключевое место или центральное положение по отношению к иным вопросам биоэтического характера. Раскрываются правовая и этическая природа принципов биоэтики, их международно-правовое и медико-правовое оформление и некоторые проблемы реализации, специфика регламентации этических принципов врача и медицинской сестры, формирование и природа принципов доказательной медицины в российской научной сфере, а также проблема оптимизации баланса и сочетания принципов биоэтики и принципов доказательной медицины в законодательстве о здравоохранении и в практике получения медицинской помощи в Российской Федерации.

Ключевые слова: биоэтика, доказательная медицина, человеческое достоинство, достоинство пациента, imago Dei, биомедицина, принципы права, международное биоправо, здравоохранение, биюриспруденция

Для цитирования: Кравец И.А., Крылатова И.Ю., Болков М.А. Актуальные проблемы реализации современных принципов биоэтики и доказательной медицины: правовые, этические и медицинские аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 235–249. doi: 10.17223/15617793/484/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/484/26

Topical problems of implementing the modern principles of bioethics and evidence-based medicine: Legal, ethical and medical aspects

Igor A. Kravets¹, Irina Yu. Krylatova², Mikhail A. Bolkov³

¹ Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, kravigor@gmail.com

^{2, 3} Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation

³ Institute of Immunology and Physiology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation

² krylatova_ry@mail.ru

³ antanariva@gmail.com

Abstract. The article considers the nature of human dignity as a bioethical and biomedical concept, scientific approaches to understanding human dignity in international and domestic bioethics. The authors note the vectors of scientific research on dignity and related issues in philosophical and international legal bioethics and biomedicine. They note that dignity in international biolaw and global bioethics occupies a key place or a central position in relation to other issues of a bioethical nature; the dignity of a human is an important concept in the ethical, ontological and existential sense, in some cases it plays a useful role in bioethics. The human dignity concept allows integrating disparate and intersecting problems of a bioethical nature into one humanistic and existential pool, which is based on concern for the preservation of humanity and the possibility of improving the potential of humankind while recognizing the absolute value of human life. The article reveals domestic and foreign approaches to understanding bioethics in the context of interdisciplinarity and polysemanticity, the international legal, legal and ethical nature of the principles of bioethics; analyzes the role of international soft biolaw in promoting the principles of bioethics, as well as some problems of the relationship between international legal and medical-legal regulation of the principles of bioethics, the problems of their domestic legal regulation and implementation in Russian public

health. The authors of the study believe that the nature of bioethical principles is characterized by the synthesis of morality and law as social regulators that complement each other. Particular attention is paid to the analysis of the role and specifics of the principles of evidence-based medicine in the development of medical law and the principles of bioethics, the features of the regulation of the ethical principles of doctors and nurses, the formation and nature of the principles of evidence-based medicine in the Russian scientific field, as well as the problem of optimizing the balance and combination of the principles of bioethics and principles of evidence-based medicine in the legislation on health care and in the practice of obtaining medical care in the Russian Federation. The article uses the methods of discursive and comparative legal analysis, the method of legal design, specific historical and formal legal methods of analysis. The following conclusions are made. The principles of bioethics and the principles of evidence-based medicine are based on human-centeredness in the field of healthcare; they have various sources of regulation (international legal, domestic, medical and legal). Effective interaction between the principles of bioethics and evidence-based medicine contributes to the improvement of the organization of the public health system and medical care, improves the quality of life, bioethical and social well-being of the population.

Keywords: bioethics, evidence-based medicine, human dignity, dignity of patient, *imago Dei*, biomedicine, principles of law, international biolaw, healthcare, biojurisprudence

For citation: Kravets, I.A., Krylatova, I.Yu. & Bolkov, M.A. (2022) Topical problems of implementing the modern principles of bioethics and evidence-based medicine: Legal, ethical and medical aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 235–249. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/26

Природа достоинства и сферы исследовательских интересов в философской и международно-правовой биоэтике и биомедицине

Достоинство в биоэтике и биомедицине занимает дискуссионное положение. В дискуссии о природе, роли и предназначении человеческого достоинства и шире – достоинства живых существ – принимают участие философы, юристы, медики, специалисты в области наук о жизни, что показывает поливариантность методологических подходов, многообразие научных и прикладных концепций достоинства, возможность существования этических и правовых норм в области человеческого достоинства. Человек достойный («*homo dignus*») как теоретический, конституционный и правовой концепт распространяет свое влияние на новые области биоэтики и биомедицины [1. С. 242]. Важно видеть *векторы научных исследований* достоинства и взаимосвязанных с ним вопросов, которые имеют отношение к современным проблемам биоэтики и биомедицины и отражаются в исследованиях различных авторов и в правовом регулировании на национальном, наднациональном и международном уровнях.

Первый вектор – *биоэтические аспекты* человеческого достоинства как предмета философских и этических размышлений под влиянием формирования как медицинской деонтологии, так и исследования теоретических и исторических истоков современного понимания достоинства. Прежде всего следует отметить, что продолжается общая дискуссия о роли достоинства в биоэтике *конкуренция двух* диаметрально противоположных взглядов: 1) достоинство человеческой личности – важная в этическом, онтологическом и экзистенциальном смысле и, очевидно, в ряде случаев полезная концепция в биоэтике; она «проливает важный свет на весь спектр биоэтических вопросов, от исследований эмбрионов и вспомогательной репродукции до биомедицинских улучшений, ухода за инвалидами и умирающими людьми» [2. Р. 3–4], но не только. В

такой же степени эта концепция определяющим образом влияет на развитие представлений о будущем человечества через выявление взаимосвязей с природой человека в контексте трансгуманизма и постгуманизма и набирающей научные обороты дискуссии о метамодерне; 2) человеческое достоинство – слишком абстрактное и затуманенное чрезмерными дискуссиями понятие, порой гуманистический лозунг с сильным риторическим эффектом; им заполняют «ландшафт медицинской этики». По признанию Рут Маклин, «достоинство – бесполезная концепция» в современной биоэтике [3. Р. 1419]. По мнению Дитера Бирнбахера, существует «почти всемирный консенсус в отношении того, что репродуктивное клонирование несовместимо с человеческим достоинством и должно быть запрещено законом» [4. Р. 50]. Однако вопрос о репродуктивном клонировании в первую очередь связан с нарушением естественного хода вещей, по словам Д. Бирнбахера, с нарушением *принципа естественности* [4. Р. 54], который может находиться под влиянием божественного санкционирования, и его сохранность может быть связана с запретом манипулирования человеческими возможностями. Сохраняющаяся *важность концепта «человеческое достоинство» в биоэтике* заключается в том, что данное понятие позволяет интегрировать *разрозненные и взаимоперекрещивающиеся* проблемы биоэтического характера в один *гуманистический и экзистенциальный* пул, в основе которого лежит забота о *сохранении человечности* и возможности *улучшения потенциала человечества* при признании *абсолютной ценности* человеческой жизни.

Второй вектор – исследование *достоинства пациента* в контексте развития доктрины и практики регулирования и защиты прав пациента в системах глобального и национального общественного здравоохранения. В этом случае охватываются различные области медицинской практики и регулирования медицинской деятельности: от вопросов гарантирования достоинства в общественном здравоохранении до особенностей понимания и обеспечения достоинства

пациентов в паллиативной медицине, при оказании психиатрической помощи, в системе репродуктивного здравоохранения и др. Развитие представлений о достоинстве пациента связано как с общим трендом пациентоориентированности в здравоохранении, так и с использованием принципов биоэтики и доказательной медицины. Во многих исследованиях предлагается для использования в медицинской практике концепция различных «вмешательств, основанных на достоинстве» («dignity-based interventions»). Такой подход может применяться для оценки состояния пациента в условиях интенсивной терапии, а также для лечения и профилактики «психологических симптомов после интенсивной терапии» [5]. В Российской Федерации законодательство об охране здоровья граждан учитывает тренд пациентоориентированности и предусматривает достаточно широкий перечень прав пациента (ст.18 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 26.03.2022 N 64-ФЗ) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступил в силу с 01.03.2022)), которые образуют содержание комплексного права на медицинскую помощь. Между тем, несмотря на то что уважение достоинства является принципом современной биоэтики, действующее российское законодательство не содержит легального определения принципа уважения достоинства пациента как неотъемлемого элемента правового статуса пациента, что снижает уровень правовой регламентации до медицинской деонтологии и ограничивает возможный эффект *юстициальности категории «достоинство пациента»* в различных юридических и судебных спорах. Современные российские ученые, раскрывая содержание правового статуса пациента, как правило, не указывают в качестве *доминирующего* принцип уважения достоинства пациента [6], однако в *медицинской деонтологии* *достоинство и права пациента* участвуют в этической регуляции межличностных отношений в системе вертикальных и горизонтальных связей [7. С. 175].

Третий вектор – анализ *достоинства человеческой личности в современном международном биоправе*, в региональных системах регулирования биоэтических прав, в национальных правовых режимах регулирования биоправа и в национальных юрисдикциях современной биоюриспруденции. Признание за человеческим достоинством универсального свойства человечества и одновременно индивидуализированного качества личности с культурным и историческим контекстом способствует тому, что в международном мягком биоправе оно играет активную роль в поддержании продвижения уважения культурного многообразия. Обращаясь к принятой в октябре 2005 г. Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека (единогласно принята 191 государством-членом ЮНЕСКО в Париже)¹, следует отметить, что она закрепляет 15 общих принципов для принятия решений и практики в области международной биоэтики и биоправа. В статье 12 представлен принцип уважения культурного разнообразия и плюрализма: «Следует уделять должное внимание важному значению культурного разнообразия и плюрализма. Вместе с тем эти

соображения не должны использоваться в качестве предлога для ущемления человеческого достоинства, прав человека и основных свобод, а также в ущерб принципам, изложенным в настоящей Декларации, и не должны ограничивать сферу применения этих принципов». По мнению таких ученых, как М. Дювелл и Р. Андорно, человеческое достоинство в биоэтике и в биоправе играет роль руководящего принципа. По мнению первого, именно в дебатах о биоэтике «можно найти больше явных ссылок на человеческое достоинство, чем практически в любом другом контексте» [8. Р. 526]. По мнению второго (Роберто Андорно), человеческое достоинство играет в биоэтике двойную роль: 1) в качестве всеобъемлющего политического принципа или основной и руководящей роли для нормативной базы, регулирующей биомедицинские вопросы; 2) в качестве морального принципа в сфере ухода за больными, который призван отразить гораздо более конкретное и контекстно-зависимое понимание пациента как «личности» [9]. По мнению отечественных исследователей, опирающихся на работы Тома Бошампа и Джеймса Чилдресса, «в систему принципов, связанных с реализацией достижений биотехнологии в жизнедеятельности человека, вошли основные классические принципы биоэтики (уважения автономии личности, справедливости и недопустимости причинения вреда, уважения достоинства личности и целостности человеческой личности)» [10. С. 113].

Четвертый вектор – эмпирические и практико-ориентированные исследования медиков, специалистов в области общественного здравоохранения, в которых анализируется определенная *стратегия уважения достоинства* (пациентов, медицинских работников) при осуществлении профессиональной медицинской деятельности, в различных сферах предоставления медицинских услуг (особенно в паллиативной медицине), когда возникают отношения между пациентом и медицинским работником или когда государство создает определенные гарантии в сфере здравоохранения и осуществляет охрану здоровья граждан (работы таких исследователей, как Х.М. Чочин, Н. Джейкобсон, Д.С. Сильва) [11, 12]. В исследованиях признается, что «достоинство стало центральной проблемой политики здравоохранения Великобритании в отношении пожилых и уязвимых людей» в начале XXI в. Особое внимание уделяется проблеме обеспечения достоинства пациентов при осуществлении деятельности медицинских сестер, разъяснении значения достоинства в отношении ухода за пожилыми людьми [13. Р. 11]. Другие исследователи отмечают, что сохранение достоинства в заботе о пациентах, «защита от потери человеческого достоинства имеет основополагающее значение для сестринской практики», при этом важно культивировать образовательные подходы, стремящиеся к воспитанию достойного отношения к пациентам при получении медицинского образования. Группа исследователей указывает, что «образование имеет преобразующий потенциал для поощрения изучения концепции достоинства и практики уважения достоинства при

уходе», однако, по мнению учащихся (среди которых проводился опрос), «чувство достоинства можно утратить из-за повторяющихся негативных практик» в практической деятельности медсестер [14. Р. 50–51].

Пятый вектор – выявление *биоэтических и правовых взаимосвязей человеческого достоинства и новых прав человека* в сфере биоэтики, биоправа и нейроправа, обсуждение проблемы каталогизации новых прав человека в свете использования бионейротехнологий и достижений современной биомедицины, биологии и нейробиологии. Проблема *каталогизации и систематизации* прав человека становится важным импульсом для поиска ответов и решения как старых, так и новых проблем признания, обоснования и юридического закрепления прав человека. Особое внимание уделяется вопросам *стандартизации прав человека* в контексте соотношения международного и национального правопорядка [15. С. 162]. Данный вопрос приобретает особую значимость в отношении сферы взаимодействия международного мягкого биоправа и национального законодательства в сфере биоэтики, биомедицины, биотехнологий и нейротехнологий, а также правового регулирования репродуктивных прав и репродуктивного здравоохранения.

Шестой вектор – исследование комплекса вопросов, связанных с формированием сфер и индикаторов нарушений человеческого достоинства в биомедицине, биоправе и биоюриспруденции. Этот вектор исследований может быть определен как *таксономия нарушений человеческого достоинства* (в результате грубости, безразличия, снисхождения, увольнения, игнорирования, зависимости, вторжения, объективации, ограничения, навешивания ярлыков, презрения, дискриминации, отвращения, презрения и отвержения) [16, 17].

Седьмой вектор – влияние достижений биомедицины и генетики, в частности редактирование генома человека, на развитие представлений о сохранности, онтологической целостности человеческого достоинства. Как отмечают С. Сегерс и Х. Мертес, редактирование генома зародышевой линии не вызывает безусловного одобрения на уровне международной политики в области генетических исследований и международного биоправа из-за возможной угрозы человеческому достоинству. По их мнению, «с критической точки зрения взаимосвязь между этой новой технологией и человеческим достоинством относительно мало изучена». Их исследование показывает, что основные принципы, на которые ссылаются, когда в этом контексте упоминается человеческое достоинство, это «связь с евгеникой, идея общего генетического наследия, принцип равного рождения и более широкие интересы равенства и справедливости». Одновременно следует учитывать, что концепция достоинства человеческой личности может также использоваться в пользу редактирования генома зародышевой линии, поскольку это может улучшить общее благополучие будущих поколений [18. Р. 33–34]. Представляется важным на уровне российского законодательства поддерживать государственные гарантии проведения исследований в области генетики и редактирования

генома человека и инкорпорировать в российскую биоюриспруденцию согласованную в правовых нормах взаимосвязь достоинства и генетической конституции человека. В частности, опираясь на положения международного биоправа (в лице Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека (2007 г.) и Конвенции Овьедо о правах человека и биомедицине 1997 г.²), следует признать, что уважение человеческого достоинства лежит в основе генетического равноправия, идентичности человека с точки зрения его генетической конституции, недопущения дискриминации и стигматизации в случае использования генетических и протеомных данных человека.

Восьмой вектор – осмысление процессов формирования института *когнитивного достоинства* под влиянием достижений нейронауки и использования современных нейротехнологий. По мнению зарубежных (М. Иенка, Р. Андорно) и российских (И.А. Кравец) ученых, появляется новая сфера нейроправ как прав человека в области когнитивных способностей, возникает проблема сохранения разума «как неприступной крепости» для новых нейротехнологий [19. Р. 1]; вызывает закономерное обсуждение ученых из различных отраслей права вопроса о границах и потребностях «правового конструирования системы юридических гарантий реализации и обеспечения нейроправ», ментальным и гуманистическим центром «в системе таких прав должно» быть «человеческое достоинство, которое может интерпретироваться в контексте развития нейронауки и нейротехнологий как когнитивное достоинство» [20. С. 16].

Девятый вектор – исследование перспектив широкого признания и правового регулирования (правового обеспечения) *достоинства иных живых существ* (помимо достоинства человека).

Многие из названных векторов научных исследований имеют частично совпадающие или пересекающиеся траектории развития, что обусловлено спецификой современного этапа взаимодействия социального, биологического пространства и новых технологий. *Достоинство в международном праве биоэтики* занимает ключевое место или центральное положение по отношению к иным вопросам биоэтического характера. Существует научный спор о функциях и роли достоинства в международном биоэтическом дискурсе и в биоэтике как более широком философском, медицинском и правовом явлении. Категория «достоинство» в биоэтике влияет на развитие принципов биоэтики в их соотношении с принципами доказательной медицины.

Правовая и этическая природа принципов биоэтики, их медико-правовое оформление и проблемы реализации

Правовая и этическая природа принципов биоэтики. Конвергенция знаний из области биотехнологий и научных исследований в области медицины, стремление к правовой регламентации передовых научно-исследовательских процессов в данной области привели к особому вниманию ученых, медиков,

правоведов и представителей других специальностей к проблематике правовой и этической природы принципов биоэтики. Зарождение понятия «биоэтика» связывают с именем Ван Ренселлера Поттера, который в 1970 г. в журнале «Bioethics: Bridge to the Future» ввел биоэтику как «новую дисциплину, соединяющую в себе биологические знания и познания человеческих ценностей». Он отмечал, что биоэтика является наукой выживания, а ее главной чертой – «формирование рационального поведения человека в условиях меняющегося мира» [21]. Интересна история переоткрытия биоэтики в 90-х гг. XX в. со ссылкой на творческое наследие Ф. Яра, который в 1926 г. сформулировал понимание биоэтики как градации этических обязательств по отношению к живым организмам (как по отношению к человеку, так и животным) [22. С. 214–219]. Несмотря на то что большинство философско-этических и деонтологических идей, лежащих в основе биоэтики, присутствует как в ранних трудах античных философов (например, Пифагора и Аристотеля), так и в морально-этических руководствах к действию для врачей (например, клятва Гиппократова или принципы врачевания Парацельса), с развитием новых областей биологических и медицинских знаний понятие и статус биоэтики, ее важнейших принципов находятся в постоянной трансформации. Вместе с тем этический вектор, заданный Аристотелем о цели практической философии как инструменте нравственного совершенствования человека [23. С. 24], в полной мере применим и к основной парадигме развития биоэтики как междисциплинарному инструменту исследования границ человеческого поведения в новейших биологических областях знаний на основе высших моральных идей и общечеловеческих ценностей.

Существует *полисемантичность* и *междисциплинарность* биоэтики, которые породили множественность определений, отражающих ее этическую и правовую природу. Среди наиболее распространенных подходов к пониманию биоэтики можно выделить следующие: 1) биоэтика как область междисциплинарных исследований [23. С. 8], синтезирующая в себе как социогуманитарные знания, так и знания из области естественных наук [24. С. 41]; 2) как современная форма традиционной медицинской этики [25. С. 5]; 3) как социальный институт современного общества, вырабатывающий и синтезирующий правила взаимодействия живых существ, окружающей среды и новых биотехнологий [26. С. 113]; 4) как совокупность аксиологических знаний об отношении человека к живому (теоретическая биоэтика), институционально оформленная нормативная регуляция и ценностная экспертиза отношения человека к живому (практическая биоэтика), описание конкретных ситуаций поведения человека по отношению ко всему живому (прикладная биоэтика) [27. С. 11–12]. Каждый из указанных видов биоэтики основывается на ее этических и правовых принципах, представляющих собой общие начала, обобщенную квинтэссенцию медико-философских и социальных установок и правил, содержащих руководящие и универсально применимые требования при регулировании ценностного отноше-

ния к человеку и всему живому при использовании научно-технических достижений, в том числе в области биомедицины и биотехнологий. Сплав морали и права как социальных регуляторов (дополняющих друг друга), взаимоотношения между биологической и социальной природой человека и пределами его вмешательства становится *сущностной основой понимания природы биоэтических принципов*. Обращаясь к общей идее принципов, представляющих собой ценностные установки и руководящие идеи, необходимо отметить, что принципы биоэтики в правовом пространстве являются одной из сложнейших категорий, так как посредством их (как инструментов) происходит попытка фиксации общепризнанных, общечеловеческих ценностных моральных норм, сопряженных с внутренними ориентирами и установками человека (пациента) и исследователя (врача, ученого) посредством фиксации правовыми приемами и способами. В условиях крайне быстрого и гибкого реагирования на перспективы развития биотехнологий и угрозы человеческой природе, а также необходимости заполнения вакуума в правовом регулировании в отдельных правоотношениях в области биомедицины развитие системы биоэтических принципов представляет особую актуальность. В сложившейся ситуации биоэтические принципы соединяют этико-философские знания, международное мягкое право биоэтики, национальные правовые регуляторы и практическую сферу медицинской деятельности с неизменной опорой на нее.

Медико-деонтологическая природа биоэтических принципов, базирующаяся исторически на философско-конфессиональном и естественно-научном понимании природы человека как одновременно биологического и социального существа, как правило, отождествляется с нижеперечисленными принципами, в основе которых лежит предложенный Т. Бошампом и Дж. Чилдрессом каталог принципов: 1) принцип справедливости; 2) принцип признания автономии личности; 3) принцип уважения достоинства человека; 4) принцип «твори добро» (модель Парацельса) и «не навреди» (модель Гиппократова); 5) принцип соблюдения долга (деонтологическая модель) [25. С. 23–35; 28]. Данные принципы основаны на глубинных системных связях во взаимоотношениях врач–пациент, которые претерпевают незначительную трансформацию вне зависимости от различных подходов, составляющих медицинскую природу принципов биоэтики. Модели медицинской этики (модель «Гиппократова» – не навреди; модель «Парацельса» – делай добро; деонтологическая модель – врачебный долг; биомедицинская модель – автономия пациента, информированное согласие, конфиденциальность, достоверность) органично «вплетаются» в поле биоэтики, изучающее следующую проблематику, распределенную по четырем блокам. 1-й блок – геном и прогрессивные биотехнологии. Регулирование геномных исследований, манипуляций и хранения данных (генодиагностика, генная терапия, инженерия); проведение экспериментов на человеке и животных (включая создание химер и евгенику); биопринтинг, нейроэтика

(нейроинтерфейсы, нейроимпланты, чипирование), проблема использования «больших данных» и искусственного интеллекта. 2-й блок – начало жизни и ее пределы. Новые репродуктивные технологии (искусственное оплодотворение, оплодотворение «в пробирке» с последующей имплантацией эмбриона в матку, суррогатное материнство); манипуляции со стволовыми клетками; клонирование (терапевтическое и репродуктивное). 3-й блок – вопросы смерти. Выработка критериев диагностики смерти; самоубийство и эвтаназия (пассивная или активная, добровольная или насильственная); трансплантология (проблемы изъятия органов у живого и мертвого донора). 4-й блок – права пациентов и качество жизни (вопросы медицины и здоровья); защита прав и качество жизни пациентов и их душевного здоровья (в том числе ВИЧ-инфицированных, психиатрических больных, детей и больных с ограниченной компетентностью); справедливость в здравоохранении. Таким образом, *вышеуказанные принципы* представляют собой одновременно *профессионально-ценностную философию врачевания и практическое руководство* в условиях реализации принципов в медицинской деятельности как при наличии прямых нормативных указаний, так и при отсутствии таковых. С теоретической точки зрения, обращаясь к правовой природе биоэтических принципов, можно отметить, несмотря на современное активное их применение в основном в области медицинской и биомедицинской деятельности (регулируемой медицинским и биомедицинским правом), что *данные принципы не справедливо относить к отраслевым или межотраслевым*. «Догма права и в целом, и на уровне отдельных отраслей в определенной мере может быть представлена в виде юридических принципов... эти принципы в виде аксиом... уже давно известны практике и теории» [29. С. 293]. В этой связи принципы биоэтики, представляющие собой разновидности, как и право социально-этических регуляторов, стремящихся к формализации, скорее тяготеют в своей квинтэссенции к общеправовым принципам (таким, как принцип справедливости, принцип приоритета прав человека, принцип равноправия) [30. С. 120–122] или даже больше к догме права, аксиоме права или идее права. Биоэтические принципы – суммированные по своей сути философско-мировоззренческие выражения, которые сквозной линией, штрихами, декларациями проходят сквозь правовую ткань универсальных мировых стандартов в области прав человека посредством приобретения соответствующего правового статуса («конструкции, соединяющей в себе теоретические представления, нормативные характеристики и реальную практику реализации правовых установлений» [31. С. 5]). Таким образом, *посредством правового установления биоэтических принципов придается юридическое значение и юридическая сила* при регулировании общественных отношений, возможность использования в судебной и иной юридической практике (юстициальность). *Принципы права* можно разделить на два вида: принципы, которые получают прямое законодательное закрепление (легальные принципы), и прин-

ципы, которые находят свое воплощение в содержании всей системы права как единой совокупности правовых норм. В этой связи можно говорить о *двойственности принципов биоэтики*. С одной стороны, частично биоэтические принципы находят прямое закрепление в нормативно-правовых актах, включая законодательные акты, с другой стороны, они прямо не поименованы, в связи с чем возникают значительные сложности реализации биоэтических принципов в правоприменительной деятельности в связи с их индивидуальной интерпретацией конкретным правоприменителем.

Наглядным примером первого подхода может служить, например, *внешнее выражение принципа автономии воли пациента – истребование добровольного информированного согласия*, ст. 20, 13, 22 и др. (Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»), примером второго подхода – отсутствие в этом же федеральном законе как нормативно-правовом акте, регулирующем общие подходы к реализации права на здоровье на территории РФ, в ст. 4 текстуального закрепления такого базового биоэтического принципа как принципа приоритета уважения достоинства пациента при оказании медицинской помощи. Таким образом, морально-этические и правовые нормы, представляющие собой разновидности социальных норм, направленных на регулирование человеческой деятельности в условиях бурного развития биоиндустрии будущего и модификации биотехнологий, лаконично выверяют моральную корректность пределов применения технологий с помощью биоэтических принципов, которые становятся некой философской и медицинской меркой.

Международно-правовое и медико-правовое оформление принципов биоэтики. Правовое закрепление (оформление) принципов биоэтики происходит посредством придания принципам биоэтики правового статуса, благодаря чему отдельные элементы правовой системы могут адаптироваться к важнейшим интересам и потребностям субъектов права и общества в целом. Указанные тенденции отражаются как в общих документах, посвященных основам прав человека, так и в специализированных актах, затрагивающих традиционные сферы биоэтических правоотношений (геном, эмбриология, трансплантология).

Универсальная гуманистическая основа для международного правового развития основополагающих положений в области биоэтики и биомедицины была заложена под влиянием Международного билля о правах человека, который как собирательное понятие стал включать важнейшие универсальные источники международного публичного права в области прав человека. Отмеченные основы международного правового регулирования прослеживаются в таких основополагающих актах, содержащих универсальные стандарты прав и свобод человека и имеющих характер универсальных источников международного публичного права, как: 1) Всеобщая декларация прав человека, 1948 г. (статья 1: – «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах», статья 2: «Каждый чело-

век должен обладать всеми правами и всеми свободами»; 2) Международный пакт о гражданских и политических правах, 1966 г. (статья 6: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека.»; статья 7: «Никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию. В частности, ни одно лицо не должно без его свободного согласия подвергаться медицинским или научным опытам»; 3) Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, 1966 г. (статья 12: «Участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья», включая право на предупреждение и борьбу с заболеваниями, создание условий, которые обеспечивали бы всем медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни) и факультативные протоколы к ним. Региональными (межрегиональными) инструментами правового регулирования прав и свобод человека являются: 1) Конвенция о защите прав человека и основных свобод, 1950 г. (статьи 2, 3, 8); 2) Американская конвенция о правах человека, 1969 («Пакт Сан-Хосе») (статья 4); 3) Африканская хартия прав человека и народов, 1981 г. (статьи 5 и 16). Перечисленные международные правовые акты и дополнительные протоколы к ним создают общую правовую канву и направления международного сотрудничества в области прав человека, одной из разновидностей которых выступает право на охрану здоровья, жизни и достоинства личности. Дальнейшая детализация и спецификация правоотношений в области биоэтики и биомедицины отражена в серии международных правовых нормативных актов, имеющих как общую направленность, так и регулирующих отдельные традиционные ключевые направления развития биоэтики и биомедицины (вопросы генома, репродуктивных технологий, трансплантологии). Важнейшим нормативным правовым актом, содержащим общие принципы, подходы, гарантии и ограничения этических моделей взаимоотношений между врачом – пациентом – государством и обществом, в биомедицине выступает Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS N 164), 1997 (и дополнительные протоколы к ней). «Конвенция Овьедо», как ее именует один из ведущих международных экспертов в области биомедицины и биоэтики Роберто Андорно, стала одним из лучших примеров того, как «продвигать защиту прав человека в биомедицинской сфере на международном уровне». По его мнению, важность этого инструмента заключается в том, что это первый всеобъемлющий многосторонний договор, посвященный биомедицинским вопросам прав человека.

Среди актов, принятых Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры особое место занимает такой акт, как Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека, 2005 г. Эта Декларация аккумулировала, обобщила и включила в себя более ранние наработки, установила универсальные биоэтические принципы, учитывающие концептуальные подходы более ранних международных правовых документов

(Овьедовской конвенции и актов, посвященных обращению с геномом и генетической информацией). Декларация закрепляет основные ориентиры для решений и практических действий по этическим вопросам, касающимся медицины, наук о жизни и связанных с ними технологий. Декларация признает зависимость здоровья не только от прогресса и технологических исследований, но и психосоциальных и культурных факторов, учитывает индивидуальность человека (имеющую биологические, физиологические, социальные, культурные и духовные аспекты). Акцентирует фокусы на принципах равенства, информированного согласия, уважения неприкосновенности личности, совместного использования благ для будущих поколений. Международное правовое регулирование, посвященное традиционной биоэтической проблематике (вопросам, посвященным геному и генетической информации, вытекающим из репродуктивных прав и трансплантологии), затрагивается в целой серии актов разной юридической силы (как в нормативных правовых актах, так и актах «мягкого права» – итоговых решениях по отдельным вопросам разных органов и организаций, включая профессиональные – Всемирная организация здравоохранения, Межправительственный комитет по биоэтике ЮНЕСКО, Межведомственный комитет ООН по биоэтике, Международный комитет по биоэтике ЮНЕСКО), содержащих мягкие рекомендательные формы, не являющиеся юридически обязательными для государств. Развитие глобального здравоохранения как институциональной и нормативной структуры включается в себя акты Всемирной медицинской ассоциации (ВМА), Американской медицинской ассоциации, Европейской медицинской ассоциации, а также специализированных профессиональных объединений (например, Европейская ассоциация репродукции человека и др.), которые влияют на формирование стандартов оказания медицинской помощи, новых знаний для научного сообщества. Хотя значение и роль «мягкого права» («soft law») является весьма дискуссионным вопросом, не стоит его игнорировать. Наоборот, необходимо принимать во внимание их влияние как на регулирование вопросов биомедицины и биоэтики, прав человека в сфере биомедицины, так и на создание норм «жесткого» права. Тем не менее следует учитывать, что нормы мягкого права все же «не обладают необходимой легальностью», так как им недостает всех необходимых признаков правовой нормы. Следует отметить, что ряд международных правовых актов имеет двойственную природу, в частности международные акты, затрагивающие вопросы клонирования, как содержат в себе специфику обращения с геномом человека, так и органично вытекают из особенностей проведения манипуляций со стволовыми клетками на начальной стадии репродуктивных процессов, затрагивая иные аспекты биоэтики, такие как этика научных исследований и взаимоотношений врач–пациент (например, Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека, 1997; Международная декларация о генетических данных человека, 2003; Рекомендация 1100 Парламентской ассамблеи Совета Европы об использовании человеческих эмбрионов и плодов в научных исследованиях, 1989; Рекомендация 1046 Парла-

ментской ассамблеи Совета Европы об использовании человеческих эмбрионов и плодов в диагностических, терапевтических, научных, промышленных и коммерческих целях, 1986; Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине относительно биомедицинских исследований (CETS N 195), 2005; Хельсинкская декларация ВМА, 1964, принята на 18-й всемирной медицинской ассамблеи, Хельсинки (с последующими пересмотрами); Рекомендации Аксиомарской конференции по рекомбинантной ДНК 1975 года; Женевская декларация (Международная клятва врачей), 1948 и др.).

В Российской Федерации медико-правовое оформление принципов биоэтики можно проследить по следующим направлениям: конституционному, межотраслевому, отраслевому и судебному. Обособленным блоком выступает оформление *деонтологических и биоэтических решений* посредством актов *профессионального медицинского сообщества* через систему решений биоэтических комитетов. На конституционном уровне перечисленные биоэтические принципы находят прямое закрепления или, при условии отсутствия прямого закрепления, концептуально выводятся из содержания Конституции РФ (из статей 2, 7, 15, 17, 19–21, 42, 55–56 и других Конституции РФ). *Ценностный подход*, закрепленный в ст. 2 Конституции РФ, согласно которому «человек, его права и свободы является высшей ценностью», органично действует также и в части учета основных посылов международно-правовых актов в биоэтической области путем их сопряжения с ориентирами и векторами конституционного развития Российской Федерации. Как неоднократно отмечал в своих решениях Конституционный Суд РФ (со ссылками на ст. 15, 79 и 125 Конституции РФ), в отношении вариантов имплементации международных норм Российская Федерация избирает «конституционно-приемлемый способ ... при неуклонном обеспечении высшей юридической силы Конституции РФ в российской правовой системе, составной частью которой являются односторонние и международные договоры России» (Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3; Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П и др.). Данная правовая позиция особенно актуальна в силу дискуссии и оптимального поиска возможностей и допустимости пределов имплементации решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), содержащих биоэтические принципы (например, в постановлениях ЕСПЧ по таким делам, как «Ламбер и другие против Франции», «Гард и другие против Соединенного Королевства», «Гласс против Соединенного Королевства» и др.) в российскую правовую действительность, а также последних событий взаимоотношений России и Совета Европы в 2022 г., связанных с прекращением членства страны в Совете Европы.

Межотраслевое нормативно-правовое регулирование принципов биоэтики в России сопряжено с возникновением смежных с медицинскими отношениями отраслевых правоотношений (на основе актов публичного и частного права в области гражданского,

экологического, семейного, административного, уголовного и других законодательств), направленных на регулирование широких сфер правоотношений, затрагивающих области безопасности и благополучия отдельного человека и населения в целом. Примерами могут служить нормы Кодекса об административных правонарушениях РФ (глава 6), ст. 109, 111, 118, 120, 123, 124, 136, 137, 235, 235.1, 236, 237 и другие Уголовного кодекса РФ, Закона РФ от 22.12.1992 (в ред. от 08.12.2020 № 429-ФЗ) «О трансплантации органов и (или) тканей человека», Федерального закона от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии человека», Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», Федерального закона от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» и др. *Отраслевое регулирование принципов биоэтики* находит применение в сфере медицинского права, в котором предпринята попытка непосредственного закрепления как отдельных биоэтических принципов, так и общей медико-этической парадигмы осуществления медицинской деятельности, выраженной в квинтэссенции принципов-догм Гиппократов и Парацельса («не навреди» и «делай добро»). Примерами нормативной регламентации служат такие акты, как Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – 323-ФЗ), Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», Федеральный закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека», лекарственных средств», Федеральный закон от 23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» и др. Учитывая специфику федеративных правоотношений и ведомственного взаимодействия между органами государственной власти, российское подзаконное, региональное и местное нормотворчество в полной мере *ориентируется именно на закреплённость принципов биоэтики в рамках федерального закона*. В частности, в ст. 6 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» выделяются *основные принципы охраны здоровья*, которые согласуются с такими принципами биоэтики, как *принцип справедливости*. Приоритет интересов пациента, приоритет охраны здоровья детей, социальная защищенность, недопустимость отказа в оказании медицинской помощи, доступность и качество медицины – все это согласуется с принципом справедливости. Однако практическая реализация законов часто приводит к конфликтным ситуациям, и это связано с самим понятием справедливости. Принцип справедливости по праву стоит на первом месте. Справедливость наряду с безопасностью – одна из базовых ценностей людей, занимающая ключевую роль в развитии общества, поскольку связана с выработкой как формальных (правовых), так и неформальных норм конкретного социума. Однако

внутреннее чувство человека, основанное на моральных принципах семьи и общества, формирует индивидуальное понятие справедливости. Оно может быть общим для определенных культур и религиозной принадлежности лиц, но в итоге остается индивидуальным в силу воспитания, образования, эрудированности и личного опыта. Так что *чувство справедливости* напрямую связано с понятиями добра и зла, вины и стыда, которые имеют принципиальные, коренные отличия и являются основами социальных норм и понятия справедливости в разных культурах. *Культура вины* (в формах философии, морали, повседневности) является результатом взаимодействия западного христианства, либеральной цивилизации и индивидуалистической культуры. Это культура западной цивилизации, в основе которой помимо религиозных представлений о грехе и спасении в современном обществе выкристаллизовывается свобода выбора индивида и личная внутренняя ответственность перед богом и/или собой и окружающими. *Культура стыда* (восточная культура) является результатом взаимодействия религий без Бога (конфуцианство, буддизм) и коллективистской культуры, традиции которой сохраняются при трансформации традиционной цивилизации в либеральную. В культуре стыда признается зависимость индивида от ценностей и норм группы, строгое соблюдение долга как многочисленных внешних обязанностей, в ней отсутствуют идеи греха и спасения. В культуре России *существуют вина и стыд*, что обусловлено православным христианством, коллективистской культурой и *этатистским* мировоззрением (пониманием государства, которое должно вмешиваться в жизнь общества, контролируя не только экономические, но и социальные аспекты) [32]. Конфликт разных типов справедливости – это общечеловеческая проблема, которая в рамках юриспруденции решается путем формирования в обществе конкретных представлений о справедливости [33. Р. 1–11]. Часто предмет правового регулирования значительно шире принципа действия справедливости в праве, иногда правовые отношения выходят за рамки соответствия понятия справедливость. В таких случаях сущность принципа справедливости подменяется эквивалентностью, равенством. При этом свойство эквивалентности легче применяется для более точной оценки явлений, помогая решать правовые задачи в ходе использования в правовых отношениях [34]. С учетом *свойства эквивалентности* принцип справедливости вполне реализуется в общественном здравоохранении, но когда заходит речь об индивидуальном понятии справедливости, то пациент может обратиться в суд в связи с личным представлением о справедливости. То же самое касается качества медицинской помощи. В законе 323-ФЗ указан принцип о доступной и качественной медицинской помощи. Понятие о качестве медицинской помощи – очень важное дополнение к понятию «доступность», которая является не просто физическим наличием медицинской помощи и ее географической доступностью, но еще и ее качеством, а также приемлемостью использования. В таком аспекте заложенный в законе прин-

цип доступности и качества медицинской помощи является более широким, чем просто понятие «доступность», и в этом кроется как положительный фактор, влияющий на защиту прав пациентов, так и повод для возбуждения преследований в отношении медицинских работников из-за оказания некачественной медицинской помощи. Конфликтные ситуации, рождающиеся из-за претензий пациентов к некачественному оказанию медицинских услуг, затрагивают не столько организаторов медицинской помощи, сколько персонал медицинской службы, который, работая в лимитированных условиях, выполняет свой долг (принцип соблюдения долга, принцип «твори добро»), несмотря на несправедливые (с точки зрения медицинского персонала) претензии пациентов. *В этих условиях принципы биоэтики часто остаются маяками для законодателей, но не для практических работников здравоохранения.* Одновременно в рамках современной модели страховой медицины достаточно быстро развивается *пациентское сообщество*. Многочисленные судебные претензии к медицинским работникам сформировали настороженное отношение врачебного сообщества к пациентским организациям, поэтому сейчас в России в ответ на давление пациентского сообщества растет число профессиональных организаций, защищающих врачей от пациентов, хотя в данный момент их объективно недостаточно. Медицинские работники несут уголовную, административную, дисциплинарную (в том числе материальную) и гражданско-правовую ответственность. Необходимо отметить, что если управленческий персонал больницы знаком с нормами медицинского права, то правовая грамотность практического врача очень низкая, поэтому врачи всегда перестраховываются перенесением частной ответственности на коллективную, даже если в этом нет практической необходимости. В настоящее время переход от советской социальной модели здравоохранения к западной страховой завершился не полностью, поскольку в понимании граждан как со стороны медиков, так и со стороны пациентов до сих пор преобладают устаревшие представления. В этой связи особую актуальность приобретает соблюдение принципов биоэтики, однако в реальности старая социальная модель бесплатной медицины гораздо лучше согласовывалась с принципами биоэтики, чем современная страховая медицина.

В части проблематики судебного правового оформления и закрепления принципов биоэтики (как на федеральном, так и на региональном уровне) необходимо констатировать две особенности, влияющие на данный процесс: во-первых, это отсутствие в РФ принципа действия судебного прецедента (несмотря на острую научную дискуссию по данному вопросу) в силу особенностей правовой системы, во-вторых, отсутствие векторов смещения акцента судебных органов в сторону формальной реализации прямо предусмотренных принципов биоэтики при оказании медицинской помощи, исключительно поименованных в законодательстве без расширения смыслового толкования, таких как, например, получение информированного согласия при реализации принципа автоно-

мии воли пациента, соблюдение конфиденциальности и врачебной тайны (Постановление Конституционного Суда РФ от 13.01.2020 № 1-П; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 50; Апелляционное определение Московского городского суда от 18.09.2020 по делу № 33-35485/2020 и др.).

Документальное оформление моделей применения принципов биоэтики в практической деятельности, алгоритм действий в конкретных ситуациях, моральные «ножницы» и степень ответственности за принимаемые решения во многом закреплены в актах, не имеющих прямую юридическую силу, но являющихся знаковым этическим регулятором клинической деятельности врача, сформированны профессиональным сообществом в этических кодексах. Этические комитеты, действующие на уровне законодательных и исполнительных органов, создаваемые при лечебном учреждении, в исследовательских и профессиональных ассоциациях, руководствуются как общепринятыми профессиональными биоэтическими принципами (в том числе сформулированными на уровне ЮНЕСКО), так национальными, региональными, локальными и индивидуальными особенностями конкретной территории и клинического случая. В силу особенностей данных структур и принимаемых ими решений, базирующихся на принципе врачебной тайны в подавляющем большинстве случаев в общедоступных источниках отсутствует информация о конкретной правоприменительной практике ими биоэтических принципов, однако с учетом того, что принципы биоэтики растворены в принципах, которые прописаны в 323-ФЗ, в кодексе врача РФ и прочих регламентирующих документах, можно понять, что они используются даже в том случае, если о них не вспоминают. На практике многие врачи отмечают, что они не слышали о принципах биоэтики, кроме разве что знаменитого «не навреди».

Каждый медицинский работник существует в определенных этико-правовых рамках, которые регламентируются не только личными представлениями медицинского работника об этике в целом и вине, стыде, справедливости и долге в частности, но и кодексами и должностными инструкциями. *Этические принципы врача и медицинской сестры регламентируются соответствующими этическими кодексами.* В практической деятельности этический кодекс как документ, который можно прочитать, врач на рабочем месте практически не видит. У него другие первоочередные задачи, а принципы этики и деонтологии осваиваются при получении медицинского образования и при стажировке на рабочем месте. Именно в образовании медицинских работников закладываются в сознание медиков принципы биоэтики, хотя формулироваться они могут иначе и подаваться не системно и, как правило, без практических правовых знаний. Понятие «не навреди» — одно из основных, которому учат студентов медицинских вузов, поскольку в России студент-медик начинает взаимодействовать с пациентами уже с первого курса (во время обучения и на летней практике). Принципы подготовки врачебных кадров были разработаны еще Н.И. Пироговым, в том

числе им было предложено введение госпитального метода при обучении студентов-медиков. Общая врачебная культура и педагогические подходы обучения медицинских работников позволяют их воспитывать в соответствии с положениями этического кодекса, хотя в реальной медицинской практике перечисленные в кодексе положения применяются избирательно. Конфликт между требованием пациентов к качеству медицинской помощи и реальными возможностями врача перерастает в конфликт между пациентом и врачами, тогда как на самом деле во многих случаях проблема системная и организационная. Более того, медицинский работник согласно этическому кодексу обязан выполнять просветительскую деятельность и даже психологическую работу с пациентом. Однако в реальности у врача не хватает времени даже на непосредственную лечебно-диагностическую деятельность, поэтому разрыв между должностующим и реально выполнимым будет только нарастать, если не менять условия работы врача с пациентом.

Таким образом, представляется возможным выделить несколько направлений проблем реализации принципов биоэтики: 1) научно-методологическая (в части сложности дефиниции принципов биоэтики и трудности в реализации прямо не поименованных в научно-практической литературе биоэтических принципов); 2) нормативно-имплементационная (связанная с реализацией в правоприменительной области тех биоэтических принципов, которые прямо не закреплены в нормативных правовых актах и могут быть выведены из теста и концептуального смысла нормативного правового акта); 3) организационная (подразумевающая критический анализ достаточности и эффективности действия организационных и правовых форм реализации биоэтических принципов (правовых регуляторов), включая создание эффективного механизма контроля за реализацией принципов биоэтики как со стороны государства, так и со стороны общественности и профессионального сообщества); 4) прогностическая (включающая проблемы правового и этического прогнозирования потенциальных преимуществ, а также рисков и угроз, связанных с разработкой и применением биотехнологий).

Сочетание принципов биоэтики и принципов доказательной медицины в законодательстве о здравоохранении и практике получения медицинской помощи

Доказательная медицина и ее принципы. Доказательная медицина (англ. evidence-based medicine) представляет собой подход к медицинской практике, при котором решения о применении профилактических, диагностических и лечебных вмешательств принимаются исходя из имеющихся доказательств их эффективности и безопасности, а такие доказательства подвергаются оценке, сравнению, обобщению и широкому распространению для использования в интересах пациентов. Формирование доказательной медицины как надлежащего, последовательного и осмысленного использования современных наилуч-

ших доказательств (результатов клинических исследований) в процессе принятия решений о состоянии здоровья и лечении пациента относят к 1970 гг., когда шотландский эпидемиолог, профессор Archie Cochrane привлек внимание к концепции доказательной медицинской практики. Явные методологии, используемые для определения «наилучших доказательств», а также используемая терминология разрабатывались в начале 1990 гг. Появление доказательной медицины как технологии сбора и интерпретации информации было связано с оптимизацией процесса принятия критически важных решений, основанных не только исключительно на данных исследований, но и на сложном этическом выборе врача. С наращиванием объема базы данных, связанных с заболеваниями, возник поэтапный переход от «интуитивной», основанной на впечатлении модели взаимоотношений врач–пациент, к объективной, подтвержденной проверяемыми и повторяющимися данными. *Подходы доказательной медицины, основанные на ключевых принципах прозрачности и равноправия* с целью принятия наилучшего решения в интересах пациента, находят свое отражение как в основополагающих началах системы здравоохранения, так и в стремлении к благополучию человека. Аналогичным целям формирования разработки и применения наилучших практик для лечения и профилактики заболеваний служит биомедицина. Истоки появления биомедицины как стремительно развивающегося направления медицинской науки с использованием биотехнологий (любого вида технологий, связанного с использованием биологических систем, живых организмов или их производных для изготовления или изменения продуктов или их процессов с целью их конкретного использования) относят к 1920 гг., однако в тот период это приравнивалось к экспериментальной медицине. Только после 1945 г. так называемая медицина на лабораторной базе стала оказывать влияние на клиническую практику. В отечественной медицинской науке термин «доказательная медицина» является не вполне точным переводом английского выражения «evidence-based medicine» (EBM), которым обозначается научно обоснованные медицинские решения, поэтому неслучайно предлагалось и иное наименование данной области медицины, а именно «научная медицина» («scientific medicine»), однако оно не было принято. В современной англоязычной литературе предлагается следующее определение «evidence-based medicine» (EBM) – это «добросовестное, явное и разумное использование лучших современных доказательств при принятии решений об уходе за отдельными пациентами». Целью такой медицины является объединение опыта клинициста и ценностей пациента, а также лучшей доступной научной информации для принятия решений о клиническом вопросе (решении). Этот термин первоначально использовался для описания подхода к обучению медицинской практике и для улучшения решений отдельных врачей в отношении конкретных пациентов [35]. Таким образом, наряду с биоэтикой доказательная медицина имеет тесные связи с медицинской этикой, философией и деонтологией,

главным образом общей целевой направленностью ее принципов является максимальное обеспечение приоритета интересов отдельного индивида с одновременным учетом интереса общества в целом, в котором данный индивид проживает.

Принимая за основу позицию о том, что под принципом доказательной медицины понимается основное исходное начало организации процесса сбора, анализа и интерпретации научной информации с целью укрепления и сохранения здоровья, продления жизни, предупреждения и лечения болезней человека, можно условно выделить основополагающие принципы доказательной медицины и вспомогательные (организационные или обеспечивающие). К базовым (основным) принципам доказательной медицины относятся принципы прозрачности и равноправия. *Принцип прозрачности* подразумевает, что любое клиническое решение (выбор варианта лечения из возможных альтернатив) должно быть обосновано доказательствами, которые могут быть проверены другими людьми. *Принцип равноправия* основывается на том, что авторитет, статус и личный опыт не должны влиять на выбор лечения, такой выбор должен основываться на качественных доказательствах преимуществ конкретного метода. Возможно также идентифицировать вспомогательные (организационные или обеспечивающие) принципы доказательной медицины, которые в основном находят свое закрепление в стандартах «надлежащих практик», а также клинических рекомендациях и служат цели организационно-практической детализации различных медицинских манипуляций и научно-исследовательской деятельности в обозначенной области. Примерами названных принципов служат: *принцип приоритета здоровья пациента* над целями исследования, *принцип принятия достаточных мер предосторожности*, *принцип прослеживаемости и воспроизводимости исследования*, *принцип обеспечения достоверности результатов исследования*, *принцип информированного согласия*, *принцип конфиденциальности*, *принцип ответственности лечащего врача*, *принцип обязательности контроля за ходом и результатами исследования*.

Сочетание принципов биоэтики и принципов доказательной медицины в законодательстве о здравоохранении и практике получения медицинской помощи. Правовое закрепление принципов доказательной медицины получили в стандартах надлежащих практик» (GLP – Общепризнанные правила выполнения лабораторных исследований, GCP – Общепризнанные правила проведения клинических исследований, GMP – Общепризнанные правила производства лекарственных средств и др.) и клинических рекомендациях, представляющих собой документы, содержащие основанную на научных доказательствах структурированную информацию по вопросам профилактики, диагностики, лечения и реабилитации, в том числе протоколы ведения (протоколы лечения) пациента, варианты медицинского вмешательства и описание последовательности действий медицинского работника с учетом течения заболевания, наличия осложнений и сопутствующих заболеваний, иных факторов, влияю-

щих на результаты оказания медицинской помощи (п. 23 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 323). Клинические рекомендации не представляют сегодня вид нормативного правового акта, вместе с тем в силу прямого указания ФЗ № 323 с 01.01.2022 медицинская организация обязана обеспечивать оказание медицинскими работниками медицинской помощи на основе клинических рекомендаций, а также создавать условия, обеспечивающие соответствие оказываемой медицинской помощи критериям оценки качества медицинской помощи (п. 2.1 ч. 1 ст. 79 ФЗ № 323, Письмо Минздрава России от 20.05.2021 № 17-4/И/1-7530). Клинические рекомендации как профессионально-ориентированный алгоритм не содержат разъяснения законодательства и формально не могут быть оспорены в силу п. 2 и 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами», хотя распространяют свое действие на неопределенный круг лиц и являются в большинстве случаев обязательным основанием для принятия конкретного жизненно важного решения врача о тактике лечения. Несмотря на то что клинические рекомендации «не носят обязательный характер и используются при оказании медицинской помощи на добровольной основе», они неоднократно становились предметом судебных споров (см., например: Решение Верховного Суда РФ от 18.04.2019 № АКПИ19-115). В связи с этим остро стоит вопрос о пределах применения клинических рекомендаций или отступления от них в интересах пациента и о соответствующих этических и юридических последствиях данного шага для врача. Необходимо отметить, что правовой иерархический статус актов, закрепляющих принципы биоэтики и доказательной медицины, несмотря на их универсальность и очевидную безусловную применимость в каждой конкретной ситуации чрезмерно широк: от Конституции РФ до локальных этических кодексов. Вместе с тем весь приведенный выше перечень нормативных правовых актов и сопутствующих документов наглядно отражает процесс *взаимозависимости и комбинаторности природы принципов биоэтики и доказательной медицины*.

Принципы доказательной медицины (прозрачность и равноправие) абсолютно логично сочетаются с принципами биоэтики и принципами оказания медицинской помощи в 323-ФЗ, поскольку разработаны в интересах пациента. Сама суть доказательной медицины родилась из принципов «не навреди» и «делай добро», поскольку ее появление связано с желанием медицинских работников повысить результативность лечебных мероприятий, оценивая их эффективность и доказанность. Фактически доказательная медицина позволяет усовершенствовать медицинскую практику, воплощая идеи о выборе идеального и наиболее эффективного способа помочь пациенту. Тем не менее доказательная медицина имеет существенный недостаток, связанный с нарушением принципа справедливости, и это относится к с

самой природе доказательной медицины. В её основе – многочисленные исследования методов лечения, их статистическая значимость и высокотехнологичная научная обоснованность. Так, методы лечения, которые были открыты в середине XX в. сегодня могут быть очернены тем, что они не имеют серьезной доказательной базы (просто в силу того, что приборная база появилась только в XXI в.). В идеале требуется исследовать заново все существующие лекарственные препараты, которые не имеют достаточных уровней доказательности, что практически нереально. В таких условиях конкурентные преимущества получают новые препараты, разрабатываемые крупными фармацевтическими компаниями, которые обладают возможностями широкомасштабных и дорогостоящих научных исследований. По сути, это означает, что большая часть традиционных препаратов, которые успешно используются для лечения различных патологий, с точки зрения доказательной медицины являются препаратами «с низкой доказательной эффективностью». В итоге современные препараты, разработанные по всем требованиям доказательной медицины, оказываются малодоступными в силу их стоимости. Принципы доказательной медицины, в общем и целом, скорее благо, но необходимость крупных финансовых вложений, коммерциализация науки, зависимость от интересов промышленности и неудачная схема регулирования искажают представления об эффективности лекарств, дискредитируя доктрину доказательной медицины [36. Р. 1].

Выводы

Таким образом, принципы биоэтики и принципы доказательной медицины опираются на человекоцентризм в сфере здравоохранения, имеют различные источники регулирования (международно-правовые, внутригосударственные, медицинские и юридические по своей природе). Кооперация и интеграция Российской Федерации в сфере инновационных технологий основаны как на универсальных этических стандартах, так и учитывают национальные нормативные, профессиональные и морально-этические особенности оказания качественной медицинской помощи. В этой связи особенно важен поиск наиболее приемлемых подходов и моделей трансформации взаимоотношений врач–пациент–общество, основанных на биоэтических принципах. Значимость взаимной работы в медицинской сфере принципов биоэтики и доказательной медицины объясняется потребностью согласовать достижения современной медицинской науки, биотехнологий, наук о жизни и заботы о человеческом здоровье и человеческом достоинстве как о достоинстве пациента, который, обращаясь за медицинской помощью, рассчитывает на профессионализм врачей и пациентоориентированность системы здравоохранения. Эффективное взаимодействие принципов биоэтики и доказательной медицины способствует улучшению организации системы медицинского обслуживания и, как следствие, повышению качества жизни, биоэтического и социального благополучия населения.

Примечания

¹Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека. Принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 18-м пленарном заседании 19 октября 2005 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (дата обращения: 30.03.2022).

²Совет Европы. Бюро договоров. URL: <https://www.coe.int/tu/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=164> (дата обращения: 30.03.2022).

Список источников

1. Кравец И. А. «Человек достойный» («homo dignus») в современном конституционализме и в правовом регулировании статуса личности (отечественный, сравнительный и международный аспекты) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 242–255. doi: 10.17223/15617793/459/30
2. Human dignity and bioethics: Essays commissioned by the President's Council on Bioethics. Washington, DC, 2008. 575 p.
3. Macklin R. Dignity is a Useless Concept // BMJ. 2003. Vol. 327. P. 1419–1420
4. Birnbacher D. Human cloning and human dignity // Reproductive BioMedicine Online. 2005. Vol. 10, Supplement 1. P. 50–55.
5. Mergler B.D., Goldshore M.A., Shea J.A., Lane-Fall M.B., Hadler R.A. The Patient Dignity Inventory and Dignity-Related Distress among the Critically Ill // Journal of Pain and Symptom Management. 2022. Vol. 63, Is. 3. P. 359–365. doi: 10.1016/j.jpainsymman.2021.12.001
6. Блинов А.Г. Юридический статус пациента как субъекта здравоохранительных правоотношений // Журнал российского права. 2011. № 4. С. 18–26.
7. Мустафина Г.А. Этические принципы и правовые вопросы взаимоотношения врача и пациента // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 3 (11). С. 175.
8. Düwell M. On the border of life and death: human dignity and bioethics // Düwell M., Braarvig J., Brownsword R., Mieth D. (Eds.) The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives. Cambridge : Cambridge University Press, 2014.
9. Andorno R. The dual role of human dignity in bioethics // Med Health Care Philos. 2013. Vol. 16 (4). P. 967–973. doi: 10.1007/s11019-011-9373-5
10. Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А. Биоправо как отрасль права нового поколения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 41. С. 98–118. doi: 10.17223/22253513/41/9
11. Chochinov H.M. Dignity-Conserving Care—A New Model for Palliative Care: Helping the Patient Feel Valued // JAMA. 2002. Vol. 287 (17). P. 2253–2260. doi: 10.1001/jama.287.17.2253
12. Jacobson N., Silva D.S. Dignity Promotion and Beneficence // Bioethical Inquiry. 2010. Vol. 7. P. 365–372.
13. Gallagher A., Li S., Wainwright P., Jones I. R., Lee D. Dignity in the care of older people: A review of the theoretical and empirical literature // BMC Nursing. 2008. Vol. 7. P. 11. <https://doi.org/10.1186/1472-6955-7-11>
14. Kyle R.G., Medford W., Blundell J., Webster E., Munoz S.-A., Macaden L. Learning and unlearning dignity in care: Experiential and experiential educational approaches // Nurse Education in Practice. 2017. Vol. 25. P. 50–56. doi: 10.1016/j.nepr.2017.05.001
15. Конституция и права человека: современная доктрина и практика / под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой. М. : ИГП РАН, 2021. 400 с.
16. Jacobson N. Dignity Violation in Health Care // Qualitative Health Research. 2009. Vol. 19 (11). P. 1536–1547.
17. Jacobson N. A taxonomy of dignity: a grounded theory study // BMC International Health and Human Rights. 2009. Vol. 9 (3). doi: 10.1186/1472-698X-9-3
18. Segers S., Mertens H. Does human genome editing reinforce or violate human dignity? // Bioethics. 2020. Vol. 34(1). P. 33–40. doi: 10.1111/bioe.12607
19. Ienca M., Andorno R. Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology // Life Sciences, Society and Policy. 2017. Vol. 13. Art. № 5. P. 1–27. doi: 10.1186/s40504-017-0050-1
20. Кравец И.А. Бионейроконституционализм и достоинство: теоретические основы, диалог этических и юридических требований и перспективы взаимодействия (часть I) // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 2. С. 5–22. doi: 10.12737/jrl.2022.013
21. Potter R., Van. Bioethics: Bridge to the Future. Englewood Cliffs, N.J. : Prentice-Hall, 1971. 196 p.
22. Юдин Б.Г. Человек: выход за пределы. М. : Прогресс-традиция, 2018. 472 с.
23. Биоэтика и глобальные вызовы. Документы и размышления / авт.-сост. Ю.Н. Саямов. М. : Вече, 2020. 672 с.
24. Правовое обеспечение безопасного использования генетической и геномной информации : учебник для вузов / под ред. Л.Н. Берг, А.В. Лисаченко. М. : Юрайт, 2021. 123 с.
25. Силуанова И.В. Руководство по этико-правовым основам медицинской деятельности : учеб. пособие. М. : Изд-во МЕДпресс-информ, 2008. 278 с.
26. Биоэтика: проблемы и перспективы : сб. статей / отв. ред. С.М. Малков, А.П. Огурцов. М., 1992. 210 с.
27. Петров В.И., Седова Н.Н. Практическая биоэтика: этические комитеты в России. М. : Изд-во Триумф, 2002. 192 с.
28. Летов О.В. Этические принципы и биомедицина (аналитический обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3. Философия: Реферативный журнал. 2008. № 2. С. 98–108.
29. Алексеев С.С. Право: азбука-теория-философия: Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. 712 с.
30. Теория государства и права : учебник / под ред. В.Д. Перевалова М. : Норма, 2004. 496 с.
31. Богданова Н.А. Категория статуса в конституционном праве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1998. № 3. С. 3–20.
32. Данилова Ю.Н. Вина и стыд в культурах Запада, России и Востока : автореф. дис. ... филос. наук. Омск, 2016. 24 с.
33. Brock B. On the limits of justice as eradicating 'isms' // International Journal for the Study of the Christian Church. 2022. P. 1–11. doi: 10.1080/1474225X.2022.2038017
34. Сырых В.М. По справедливости о юридической справедливости // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 1. С. 8–21.
35. Sackett D.L., Rosenberg W.M., Gray J.A., Haynes R.B., Richardson W.S. Evidence-based Medicine: What it is and what it isn't // BMJ. 1996. Vol. 312 (7023). P. 71–72. doi: 10.1136/bmj.312.7023.71
36. Jureidini J., McHenry L.B. The illusion of evidence based medicine // BMJ. 2022. Vol. 376. doi: 10.1136/bmj.o702

References

1. Kravets, I.A. (2020) A "worthy man" ("homo dignus") in modern constitutionalism and in the legal regulation of the status of a person (domestic, comparative and international aspects). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 459. pp. 242–255. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/459/30
2. President's Council on Bioethics. (2008) *Human Dignity and Bioethics*. Washington, DC: President's Council on Bioethics.
3. Macklin, R. (2003) Dignity is a Useless Concept. *BMJ*. 327. pp. 1419–1420
4. Birnbacher, D. (2005) Human cloning and human dignity. *Reproductive BioMedicine Online*. 10. Supplement 1. pp. 50–55.

5. Mergler, B.D. et al. (2022) The Patient Dignity Inventory and Dignity-Related Distress among the Critically Ill. *Journal of Pain and Symptom Management*. 3 (63). pp. 359–365. DOI: 10.1016/j.jpainsymman.2021.12.001
6. Blinov, A.G. (2011) Yuridicheskiy status patsienta kak sub"ekta zdravookhranitel'nykh pravootnosheniy [The legal status of the patient as a subject of health care legal relations]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 4. pp. 18–26.
7. Mustafina, G.A. (2009) Eticheskie printsipy i pravovye voprosy vzaimootnosheniya vracha i patsienta [Ethical principles and legal issues of the relationship between the doctor and the patient]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. 3 (11). p. 175.
8. Düwell, M. (2014) On the border of life and death: human dignity and bioethics. In: Düwell, M. et al. (eds) *The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Andorno, R. (2013) The dual role of human dignity in bioethics. *Med Health Care Philos.* 16 (4). pp. 967–973. DOI: 10.1007/s11019-011-9373-5
10. Umnova-Konyukhova, I.A. & Aleshkova, I.A. (2021) Bio-law as a new generation of law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 41. pp. 98–118. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/41/9
11. Chochinov, H.M. (2002) Dignity-Conserving Care—A New Model for Palliative Care: Helping the Patient Feel Valued. *JAMA*. 17 (287). pp. 2253–2260. DOI: 10.1001/jama.287.17.2253
12. Jacobson, N. & Silva, D.S. (2010) Dignity Promotion and Beneficence. *Bioethical Inquiry*. 7. pp. 365–372.
13. Gallagher, A. et al. (2008) Dignity in the care of older people: A review of the theoretical and empirical literature. *BMC Nursing*. 7. p. 11. DOI: 10.1186/1472-6955-7-11
14. Kyle, R.G. et al. (2017) Learning and unlearning dignity in care: Experiential and experimental educational approaches. *Nurse Education in Practice*. 25. pp. 50–56. DOI: 10.1016/j.nepr.2017.05.001
15. Vasil'eva, T.A. & Varlamova, N.V. (eds) (2021) *Konstitutsiya i prava cheloveka: sovremennaya doktrina i praktika* [Constitution and Human Rights: Modern doctrine and practice]. Moscow: Institute of State and Law of RAS.
16. Jacobson, N. (2009) Dignity Violation in Health Care. *Qualitative Health Research*. 19 (11). pp. 1536–1547.
17. Jacobson, N. (2009) A taxonomy of dignity: a grounded theory study. *BMC International Health and Human Rights*. 3 (9). DOI: 10.1186/1472-698X-9-3
18. Segers, S. & Mertes, H. (2020) Does human genome editing reinforce or violate human dignity? *Bioethics*. 1 (34). pp. 33–40. DOI: 10.1111/bioe.12607
19. Ienca, M. & Andorno, R. (2017) Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology. *Life Sciences, Society and Policy*. 13. Art. 5. pp. 1–27. DOI: 10.1186/s40504-017-0050-1
20. Kravets, I.A. (2022) Bioneurokonstitutsionalizm i dostoinstvo: teoreticheskie osnovy, dialog eticheskikh i yuridicheskikh trebovaniy i perspektivy vzaimodeystviya (chast' I) [Bioneuroconstitutionalism and Dignity: Theoretical Foundations, Dialogue of Ethical and Legal Requirements and Prospects for Interaction (Part I)]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 2 (26). pp. 5–22. DOI: 10.12737/jrl.2022.013
21. Potter, V.R. (1971) *Bioethics: Bridge to the Future*. Englewood Cliffs. New Jersey: Prentice-Hall.
22. Yudin, B.G. (2018) *Chelovek: vykhod za predely* [Man: Going beyond]. Moscow: Progress-traditsiya.
23. Sayamov, Yu.N. (ed.) (2020) *Bioetika i global'nye vyzovy. Dokumenty i razmyshleniya* [Bioethics and Global Challenges. Documents and reflections]. Moscow: Veche.
24. Berg, L.N. & Lisachenko, A.V. (eds) (2021) *Pravovoe obespechenie bezopasnogo ispol'zovaniya geneticheskoy i genomnoy informatsii* [Legal Support for the Safe Use of Genetic and Genomic Information]. Moscow: Yurayt.
25. Siluyanova, I.V. (2008) *Rukovodstvo po etiko-pravovym osnovam meditsinskoj deyatel'nosti* [Guide to the Ethical and Legal Foundations of Medical Activity]. Moscow: Izd-vo MEDpress-inform.
26. Malkov, S.M. & Ogurtsov, A.P. (eds) (1992) *Bioetika: problemy i perspektivy* [Bioethics: Problems and prospects]. Moscow: Institute of Philosophy of RAS.
27. Petrov, V.I. & Sedova, N.N. (2002) *Prakticheskaya bioetika: eticheskie komitety v Rossii* [Practical Bioethics: Ethical committees in Russia]. Moscow: Triumph.
28. Letov, O.V. (2008) Eticheskie printsipy i biomeditsina (analiticheskij obzor) [Ethical principles and biomedicine (analytical review)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 3. Filosofiya: Referativnyy zhurnal*. 2. pp. 98–108.
29. Alekseev, S.S. (1999) *Pravo: azbuka -teoriya- filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: Alphabet – Theory – Philosophy: An Experience of Comprehensive Research]. Moscow: Statut.
30. Perevalov, V.D. (ed.) (2004) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Norma.
31. Bogdanova, N.A. (1998) Kategoriya statusa v konstitutsionnom prave [Status category in constitutional law]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo*. 3. pp. 3–20.
32. Danilova, Yu.N. (2016) *Vina i styd v kul'turakh Zapada, Rossii i Vostoka* [Guilt and shame in the cultures of the West, Russia and the East]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Omsk.
33. Brock, B. (2022) On the limits of justice as eradicating 'isms'. *International Journal for the Study of the Christian Church*. pp. 1–11. DOI: 10.1080/1474225X.2022.2038017
34. Syrykh, V.M. (2015) Po spravedlivosti o yuridicheskoy spravedlivosti [Justly about legal justice]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 1. pp. 8–21.
35. Sackett, D.L. et al. (1996) Evidence-based Medicine: What it is and what it isn't. *BMJ*. 312 (7023). pp. 71–72. DOI: 10.1136/bmj.312.7023.71
36. Jureidini, J. & McHenry, L.B. (2022) The illusion of evidence based medicine. *BMJ*. 376. DOI: 10.1136/bmj.o702

Информация об авторах:

Кравец И.А. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: kravigor@gmail.com

Крылатова И.Ю. – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного права, директор научно-исследовательского центра “Центр биоэтики и права”, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории правового обеспечения безопасного использования генетической и геномной информации Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия). E-mail: krylatova_iy@mail.ru

Болков М.А. – канд. мед. наук, старший научный сотрудник лаборатории иммунологии воспаления Института иммунологии и физиологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия); заместитель директора научно-исследовательского центра “Центр биоэтики и права” Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия). E-mail: antanariva@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.A. Kravets, Dr. Sci. (Law), head of the Section of Theory and History of State and Law, Constitutional Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kravigor@gmail.com

I.Yu. Krylatova, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Constitutional Law, director of the Center for Bioethics and Law, leading research fellow of the Research Laboratory for Legal Support of the Safe Use of Genetic and Genomic Information, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: krylatova_iy@mail.ru

M.A. Bolkov, Cand. Sci. (Medicine), senior research fellow, Laboratory of Inflammation Immunology, Institute of Immunology and Physiology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation); deputy director of the Center for Bioethics and Law, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: antanariva@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.04.2022;
одобрена после рецензирования 22.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.*

*The article was submitted 17.04.2022;
approved after reviewing 22.11.2022; accepted for publication 30.11.2022.*

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2022. № 484. Ноябрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 30.11.2022 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 34,7. Усл. печ. л. 32,3. Тираж 50 экз.
Заказ № 5340. Цена свободная.

Дата выхода в свет 23.03.2023 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием.
Учредитель – Томский государственный университет.
«Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru